

LEGEA ȘI VIAȚA

Publicație științifico-practică
ISSN 1810-309X

Întreprindere de stat
Fondator – Agenția Proprietății Publice
al Republicii Moldova
Certificat de înregistrare
nr. 10202264 din 11.02.1993

Publicație acreditată de Consiliul
Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică
al Academiei de Științe a Moldovei prin
Hotărârea nr. 169 din 21.12.2017

Revista este inclusă în baza științifică internațională
Index Copernicus International (Republica Polonă)

Categoria C

Asociați: Curtea Constituțională, Curtea Supremă de Justiție, Ministerul Afacerilor Interne, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Institutul de cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei, Academia „Ștefan cel Mare” a MAI, Universitatea de Stat „B. P. Hasdeu” (Cahul), Universitatea Slavonă, Universitatea „Spiru Haret” (Constanța), Universitatea „Petre Andrei” (Iași), Universitatea de Stat din Herson (Ucraina).

Se editează din ianuarie 1991
Nr. 4/2 (328) 2019

Redactor-șef L. Arsene, dr. h. c. mult.

Colegiul de redacție:

Gh. Alecu, doctor în drept, profesor universitar (Constanța, România); T. Barzo, doctor hab. în drept, profesor, (Miskolc, Ungaria); V. Bujor, doctor în drept, profesor universitar; Gh. Costachi, doctor hab. în drept, profesor univ.; V. Cușnir, doctor hab. în drept, profesor univ.; D. Garadjaev, doctor în drept, profesor, Judecător la Curtea Constituțională (Bacu, Azerbaidjan); E. Haritonov, doctor hab., profesor, membru cor. al AND (Odesa, Ucraina); E. Ișenco, doctor hab. în drept, profesor (Moscovă, FR); T. Kolomoș, doctor hab. în drept, profesor (Zaporojie, Ucraina); J. Kovac, doctor hab. în drept, profesor, Universitatea Paneuropeană (Bratislava, Slovenia); A. Lonciacov, doctor hab. în drept, profesor (Habarovsk, FR); V. Stratonov, doctor hab. în drept, profesor (Herson, Ucraina); V. Șepitico, doctor hab. în drept, profesor, membru cor. al AND (Harcov, Ucraina).

Adresa redacției:
Casa presei, et. 5
str. Pușkin 22, mun. Chișinău, MD – 2012,
Republica Moldova
Tel.: 022-233 790;
022-234 132 (contabilitatea)

E-mail: publicare@legeasiviata.in.ua
Index: RM 77030

© Legea și viața
Pagina web: www.legeazakon.md
www.legeasiviata.in.ua

СОДЕРЖАНИЕ

Вадим БАБАКИН. Понятие и сущность оперативно-розыскного противодействия преступлениям, совершаемым молодежью.....	3
Виктория БАБАНИНА. Соотношение понятий «механизм уголовно-правового воздействия», «механизм уголовно-правового регулирования», «механизм реализации уголовного законодательства», «механизм реализации уголовно-правовой нормы» и «механизм реализации уголовной ответственности»	8
Владимир БОЙЧУК. Отдельные признаки объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 330 УК Украины	14
Анастасия БОКСГОРН. Актуальные проблемы правового регулирования взимания туристического сбора в Украине.....	18
Екатерина БОРИЧЕНКО. Признаки международных стандартов права на социальную защиту	22
Наталия БРОВКО. Мировоззренческий характер и идеология формирования правосознания личности в процессе воспитания и обучения	27
Алёна БУРКА. Страховые выплаты в случае смерти застрахованного лица вследствие несчастного случая на производстве или профессионального заболевания.....	31
Сергей ВЛАД, Александр ДОЛГИЙ. Особенности организационно-правового обеспечения информирования общества о деятельности органов прокуратуры.....	35
Elena GONCHARENKO. Ethical code as a means of self-regulation of economic activity.....	40
Maksim GREBENYUK, Elena YANOVSKAYA. Policy of food security in the novel legislation of certain countries of the world.....	44
Оксана ДАВИДЕНКО. Проблемы правового обеспечения осуществления международных расчетов по законодательству Украины.....	48
Владислава ДЕМИДОВА. Особенности организации и тактики проведения осмотра места происшествия в процессе расследования жестокого обращения с животными	52
Ольга ДЕМЧЕНКО. К вопросам организации дистанционной занятости на государственной службе.....	56
Михаил ДУТОВ, Виктория СИДОРЕНКО. Политический контекст разработки регламента по управлению энергетическим союзом ЕС	60
Татьяна ЖОВНИР. Самозанятость как специфический трудовой процесс: сущность, характерные признаки	64
Владимир ЗАВИДНЯК. Судебная практика как обязательный элемент прецедентных решений в уголовном судопроизводстве Украины.....	68
Людмила КАБАНЕЦ. Опыт США в предотвращении незаконного лишения свободы или похищения людей.....	72
Кирилл КАЛАШНИКОВ. Распределение осужденных к лишению свободы по видам уголовно-исполнительных учреждений.....	76

Роман КАШПЕРСКИЙ. Предмет доказывания по делам особого производства.....	80
Александр КИЯШКО. Национальная безопасность как объект уголовно-правовой охраны по законодательству Украины.....	84
Andrii KOVALENKO. Ways to improve policy activity roles: role and place of criminological provision	88
Ирина КОЗАК. Психолингвоправовая составляющая в судебной конфликтной коммуникации	91
Наталья КОРНИЕНКО-ЗЕНКОВА. К вопросу о понимании конституционного права знать свои права в юридической науке.....	96
Максим КОРНИЕНКО. Защита прав малолетних детей Национальной полицией Украины от фактов домашнего насилия	100
Елена КРИЗИНА. Законодательное и нормативно-правовое обеспечение патологоанатомической службы Украины в период реформирования системы здравоохранения	103
Виктория ЛАДНЮК. Предоставление заведомо ложной или недостоверной информации как форма проявления объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 351 УК Украины.....	107
Виктор ЛЕЩИНСКИЙ. Разрешительная деятельность как вид административных услуг: общая характеристика	111
Евгений ЛИТВИНЕНКО. Современное развитие кодификационной работы в ведущих европейских странах.....	116
Максим МАКСИМЕНЦЕВ. «Чёрная археология» как вид преступного недропользования: общемировое измерение	119
Петр МАЛАНЧУК. Проблемные аспекты использования полиграфа	123
Наталья МАЛЫШКИНА. Конституционно-правовой статус правительства Украины и некоторые аспекты его взаимоотношений с судебной властью	126
Игорь МИРОНЕНКО. Право соседства как правовой институт: общетеоретические аспекты	130
Александр НИКОЛАЕВ, Алексей УЛЬЯНОВ. Противодействие международному терроризму как элемент деятельности государства по обеспечению безопасности.....	135
Юлия ОСТАПЕНКО. Саморегулирование как объект правового хозяйственного порядка	140
Людмила ПАЛИЙ. Административная деятельность по обеспечению таможенной безопасности: сущность, содержание.....	145

Vladimir PAKHOMOV, Olga BONDARENKO, Mikhail DUMCHIKOV. Criminal legal characteristic of social engineering as a way of committing fraud.....	149
Вадим ПИШТА. Развитие административно-правового регулирования трансплантации в период СССР	153
Людмила РАДЧЕНКО. Нормативно-правовое обеспечение государственного управления в сфере экологической политики Украины	157
Владислав РЕЗНИКОВ. Признание недействительными сделок как способ консолидации имущества неплатежеспособного должника	161
Анна РЫБИНСКАЯ. Административно-правовой статус сервисных центров МВД Украины.....	165
Владимир СКРЫПНИК. Результаты работы как особый объект гражданских прав.....	170
Павел СЛОБОДЯНЮК. Категория «потерпевший» в юридической науке и практике: терминологический аспект	174
Демьян СМЕРНИЦКИЙ. Особенности административно-правовых отношений в сфере научно-технической деятельности	179
Оксана СТРЕЛЬЧЕНКО. Доктринальная характеристика полномочий субъектов создания лекарственных средств как непосредственных субъектов публичной администрации.....	183
Natalia SUGONYAKO. Peculiar features of regulating the stages of information activity of commercial court in Ukraine	188
Ольга ТОКАРЧУК. Украинская государственная и правовая традиция в исследованиях эмигрантов-юристов межвоенного периода.....	192
Nataliia CHERNYAK, Daniil TARANETS. The problem of reasonableness of time in the criminal justice system	196
Светлана ШАРАПОВА. Правовые проблемы сохранения природно-ресурсного потенциала	199
Оксана ШВЕЦ. Государственный контроль как основное средство административно-правовой защиты эрозивно опасных земель в Украине	203
Алексей ЮЩИК. О предметной сфере спортивного права	207
В. С. Нікіфоренко. Актуальные вопросы правового регулирования в сфере безопасности государственной границы	211

УДК 343.123.12:343.91-053.065 (477)

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ МОЛОДЕЖЬЮ

Вадим БАБАКИН,

кандидат юридических наук, доцент,

научный сотрудник отдела организации научно-исследовательской работы научно-исследовательского центра Национального университета гражданской защиты Украины

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены понятие и сущность оперативно-розыскного противодействия преступлениям, совершаемым молодежью. При этом проанализированы различные научные точки зрения на исследуемый вопрос, по которому изложены и научные позиции авторов. Рассмотрены элементы и направления противодействия преступности среди молодежи. Предложено авторское определение понятия оперативно-розыскного противодействия преступлениям, совершаемым молодежью, выделено обоснование его сущности в теоретическом и прикладном значении.

Ключевые слова: молодежная преступность, молодежь, оперативные подразделения, средства оперативно-розыскной деятельности, оперативные подразделения, уголовное преступление, уголовное производство, оперативная обстановка, источники оперативной информации.

CONCEPT AND ESSENCE OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE COUNTERACTION TO CRIMES MADE BY YOUNG PEOPLE

Vadim BABAKIN,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Researcher of the Department for the Organization of Research Work of the Research Center of the National University of Civil Protection of Ukraine

SUMMARY

The article discusses the concept and essence of the operational-search counteraction to crimes committed by young people, a study was conducted on this issue. At the same time, various scientific points of view on the studied issue were analyzed, in relation to which the scientific positions of the authors were set forth. The elements and directions of combating crime among young people are considered. According to the results, the author's definition of the concept of operative-search counteraction to crimes committed by youth is proposed, the substantiation of its essence in the theoretical and applied sense is determined.

Key words: youth crime, youth, operational units, means of operational-search activity, operational units, criminal offense, criminal proceedings, operational environment, sources of operational information.

Постановка проблемы. По результатам исследования установлено, что в теории и практической деятельности существует система мероприятий оперативных подразделений Национальной полиции Украины, которая влияет на уменьшение уровня преступности, в частности молодежной. С их помощью осуществляется выявление, предупреждение и раскрытие преступлений, проводится досудебное расследование. В совокупности такая деятельность оперативных подразделений полиции направлена, прежде всего, на постоянный мониторинг, быстрое реагирование и осуществление эффективного влияния на уровень преступности на линии, направлении и на территории оперативного обслуживания. Эти вопросы поднимаются учеными в дискуссии о теоретических и практических направлениях опера-

тивно-розыскной деятельности, в процессе чего совершенствуется их понятие и сущность.

По нашему мнению, противодействие преступности состоит из системы комплексного воздействия на преступность и на отдельные ее факторы. Это подтверждают и ученые. Так, А.А. Майоров полагает, что существующие способы реагирования на преступность можно представить в виде определенной системы, а именно противодействия преступности, которая включает в себя меры профилактического и предупредительного воздействия как на отдельные виды преступлений, так и на преступность в целом. Такая система должна включать в себя средства, способы и приемы, применяемые не только правоохранительными органами, но и органами местного самоуправления, обществен-

ными и другими организациями, а также самими гражданами. При этом механизм реализации противодействия преступности требует серьезных усилий не только со стороны государства, но и со стороны общества и отдельных индивидов. Ожидаемый результат противодействия преступности, особенно среди молодежи, может быть достигнут только на основе использования широкого комплекса общесоциальных и специальных мер предупреждения [1, с. 57], что подтверждает актуальность темы нашего исследования. Указанное требует дальнейшего теоретического и прикладного исследования с целью усовершенствования этого направления деятельности оперативных и следственных подразделений.

Актуальность темы исследования. Значительный вклад в разработку теории и практики противодействия

преступности внесли А.М. Бандурка, И.М. Даньшин, А.Н. Джужа, А.Ф. Долженков, В.С. Зеленецкий, А.Ф. Зелинский, А.П. Закалюк, И.П. Козаченко, Я.Ю. Кондратьев, И.П. Лановенко, А.М. Литвинов, Д.И. Никифорчук, В.В. Сташис, В.Я. Таций, В.М. Трубников, В.Л. Регульский, В.П. Петков, Н.Е. Филипенко, В.В. Шендрик, А.А. Юхно и др. В связи с актуальностью данной темы в науке продолжается вести дискуссия по этим вопросам. Обсуждается целый ряд проблемных вопросов, однако не найдено единого подхода к определению и использованию термина «противодействие», в связи с чем существуют различные его толкования. Указанную необходимость подтверждают новеллы действующего УПК Украины, которые существенно и концептуально изменили организацию, порядок проведения как оперативно-розыскной, так в следственной деятельности. В связи с указанным возникает необходимость дополнительного научного исследования термина «противодействие», его сущности, в частности, в сфере оперативно-розыскной деятельности.

Целью и задачей статьи является исследование состояния противодействия молодежной преступности оперативными подразделениями полиции и определение путей решения отдельных аспектов в исследованном направлении, их усовершенствования как на законодательном, так и прикладном уровнях.

Изложение основного материала. Некоторые ученые считают, что термины «противодействие», «предупреждение», «профилактика», «борьба с преступностью» и др. являются синонимами [2, с. 156; 3, с. 235]. Другие ученые считают, что понятия «профилактика», «предотвращение», «прекращение» и «предупреждение» не могут быть тождественными [4, с. 333–342; 5, с. 221; 6, с. 12]. Существует отображенная в научной литературе научная позиция о том, что предложенная терминологическая дискуссия относительно разграничения понятий «предотвращение», «борьба с преступностью», «предупреждение» и «профилактика» определяет одно и то же явление, и это, по нашему мнению, является неверным подходом, поскольку такое определение не имеет теоретического

и практического подтверждения, является некорректным и углубляет имеющуюся понятийную путаницу. Как верно отметил С. Саркисов, множественность терминов сама собой говорит о нечетких, а то и противоречивых представлениях о понятиях, очевидно, является следствием недостаточной разработки самой проблемы [7, с. 40], что мы поддерживаем. В свою очередь, можем добавить, что это существенно влияет на правоприменительную деятельность и теоретические подходы.

Исследуя использование термина «борьба с преступностью», который сегодня предлагают заменить на «противодействие преступлениям», видим, что он был в свое время очень емким политическим понятием и в широком смысле означал политику и деятельность в прошлом советских государственных органов власти, правоохранительных органов, общественных организаций, межгосударственных институтов и других структур в направлении выявления, раскрытия, расследования предупреждения преступлений [8]. Ученый Д.А. Шестаков определяет, что понятие «борьба с преступностью» предполагает активное столкновение общества с преступностью, наступательную деятельность на причины и условия преступности, «связано со стремлением к победе, то есть к уничтожению преступности до полной ее ликвидации, что является заведомо невыполнимым» [9, с. 245], что мы поддерживаем. В свою очередь, по этим вопросам А.И. Долгов отметил, что борьба с преступностью – это активное столкновение общества с преступностью, а противодействие – недопущение нарушений закона и своевременное выявление этих нарушений [10, с. 209]. Мы склоняемся к научной позиции по использованию термина «противодействие преступлениям».

Учитывая актуальность и дискуссионность исследованной проблемы, следует рассмотреть элементы противодействия преступлениям. Так, рассматривая определение этого понятия, Ю.Ф. Иванов предлагает разделить его на две части: на профилактику и пресечение [11, с. 47]. За последние годы противодействие преступности, особенно среди молодежи, определяется повышением требований со стороны государства и общественности к конеч-

ным результатам такой деятельности, а также правоохранительных органов, в частности Национальной полиции Украины. С целью определения понятия и сущности противодействия преступности, в частности среди молодежи, на наш взгляд, следует рассмотреть составляющие элементы «противодействия преступлениям». К элементам противодействия преступлениям, по нашему мнению, следует отнести: профилактику, предотвращение, предупреждение, пресечение и своевременное, полное и беспристрастное расследование уголовных преступлений, в том числе исследованной категории.

Следует рассмотреть отдельно эти элементы. Так, по результатам исследования, сущность профилактики преступлений заключается в деятельности государства и общества, направленной против возможного, но еще не задуманного лицом преступления. В ходе профилактики создается обстановка, которая устраняет вредные воздействия на человека и (или) обеспечивает необходимое нравственное формирование его личности, а также исправление правонарушителей [12, с. 128], особенно это актуально в отношении несовершеннолетних и молодежи. Необходимо отметить, что среди элементов противодействия преступлениям главные отличия профилактики, предотвращения и пресечения заключаются «в их временной дистанции от совершения преступления и в степени интенсивности, динамичности», что мы поддерживаем [13, с. 28]. Действительно, на самой ранней стадии «созревания» преступления целесообразна профилактика преступления среди молодежи [14, с. 222], которую, по нашему мнению, необходимо проводить, прежде всего, начиная с общеобразовательных, довузовских и высших учебных заведений, в которых обучается молодежь. Сущность профилактической деятельности, под которой Н.Г. Кобец понимает особый вид социального управления, который призван обеспечить безопасность правоохранительных ценностей, и заключается в разработке и осуществлении специальных мер по выявлению и устранению детерминант преступности, а также осуществлению меры воздействия на лиц, склонных к противоправному поведению [15, с. 38]. Эту позицию мы поддерживаем, но

к указанным мерам, по нашему мнению, следует добавить обязательное проведение мониторинга поведения молодых уголовно настроенных лиц, начиная с несовершеннолетнего возраста и до 35-летия, в том числе используя индивидуальную профилактику. Индивидуальная профилактика – это система целенаправленного, организованного с учетом педагогических требований воспитательного воздействия на сознание, чувства, волю профилактируемого лица с целью устранения, нейтрализации, блокирования у него негативных взглядов и одновременного формирования положительных качеств, стереотипов и привычек законопослушного поведения [16, с. 58]. С целью недопущения совершения уголовных преступлений лицами молодого возраста необходимо проводить настойчивую и эффективную индивидуальную профилактику среди такой категории лиц. По нашему мнению, в оперативно-розыскной деятельности должна постоянно осуществляться система профилактики среди молодежи по схеме: общая профилактика-индивидуальная-предотвращение-прекращение. Так, согласно научной позиции А.В. Кириченко и А.А. Шевченко специфичность оперативно-розыскной профилактики определяется тем, что она заключается в оперативно-профилактическом наблюдении за лицами, которые поставлены на профилактический учет в связи с высокой степенью вероятности их преступного поведения; обеспечивается успех индивидуальной профилактики благодаря наличию оперативной информации о контингенте лиц, которые могут стать на преступный путь, и особенностях каждого лица, допустившего антиобщественное поведение; фиксируется среда местных уголовно активных жителей, в которой осуществляются оперативно-розыскные и профилактические мероприятия по раскрытию преступлений; негласно проверяется причастность лиц к совершению преступлений, находящихся под оперативным наблюдением; изучаются отдельные категории лиц, представляющих оперативный интерес, их связи, образ жизни, поведение и прошлое, в целях получения оснований для применения к ним мер профилактики [17, с. 203], что мы поддерживаем, но к указанному, по нашему мнению,

следует добавить еще и осуществление мониторинга по указанным вопросам, а также выявление, установление и анализ оперативной и иной информации о возможных связях, окружении и других факторах, которые могли бы положительно повлиять на молодых людей и несовершеннолетних с целью планирования и реализации оперативно-розыскных мероприятий по изъятию их из отрицательного окружения. В то же время переключившие задачи профилактики государственными и социальными институтами на плечи только оперативных подразделений полиции, как это было в бывшем СССР, нецелесообразно, и этот вопрос продолжает быть актуальным и дискуссионным.

Другим элементом «противодействия преступлениям» является предупреждение преступлений, которое является самым гуманным средством поддержания правопорядка, обеспечения безопасности охраняемых прав ценностей и самой молодой личности. Осуществление его, наряду с защитой общества от преступных посягательств, оберегает также психологически, прежде всего, неустойчивых молодых граждан, от дальнейшего морального падения, не давая им стать преступниками, тем самым избавляет их от уголовного наказания. Исследуя цель предупреждения как систему оперативно-розыскных мероприятий и как перспективное направление деятельности оперативных подразделений, следует иметь в виду конкретные действия относительно предотвращения соответствующими формами и методами воплощению преступного замысла и подготовке к совершению уголовного преступления. Оперативные подразделения должны постоянно осуществлять процесс мониторинга и контроля за преступностью на линии, направлении и территории оперативного обслуживания, разрабатывать эффективный комплекс мер противодействия с помощью предоставленного законодательством оперативно-розыскных форм, методов и средств. Поэтому правоохранительные органы обязаны своевременно проводить процесс реагирования на преступные проявления, прежде всего среди молодежи. По этому вопросу следует поддержать научную позицию А.Н. Джужи, который определял

предупреждение преступлений как систему социальных и правовых мер, направленных на устранение причин и условий совершения преступлений, которой принадлежит ведущая роль в предотвращении и ликвидации преступности [18, с. 180], при этом следует констатировать, что высказанная им позиция является актуальной, особенно по вопросу противодействия преступности среди несовершеннолетних и молодежи. В то же время использование термина ликвидации преступности, по нашему мнению, является некорректным на основании проведенного нами исследования, в том числе советского периода.

Другим элементом противодействия преступлениям является их предотвращение на стадии подготовки и покушения. Одним из первых, кто пытался исследовать это направление, был Я.Ю. Кондратьев, который рассматривал профилактику, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений как стадии, этапы, составляющие содержание главного направления борьбы и предупреждения преступлений [19, с. 16]. После него А.А. Юхно [20, с. 308] согласно исследованию о предупреждении преступлений определил, что оно направлено на воспрепятствование осуществлению преступного умысла конкретного лица до начала посягательства на стадиях обнаружения умысла или приготовления и покушения на преступление. Предупреждение преступности – это совокупность видов деятельности, выполняемых с целью устранения вероятности совершения задуманных преступлений путем разработки и осуществления целенаправленных мероприятий. Оно является деятельностью государства и общества, направленной на удержание преступности на возможно минимальном уровне, а также на недопущение и пресечение конкретных преступлений посредством проведения в том числе оперативных комбинаций и тактических операций [11, с. 87]. В дискуссии с таким утверждением не соглашается В.В. Шендрик, который считает, что предотвращение преступления – довольно узкое понятие, и оно не может охватываться понятием предупреждения и профилактики [21, с. 165].

Мы разделяем высказанное в научной литературе мнение о том, что целесообразно разграничивать понятия «профилактика», «предотвращение» и «предупреждение», которые не являются тождественными, и это нецелесообразно, поскольку не имеет теоретического и практического смысла, и явно надумано, потому что углубляет понятийную путаницу, заставляет ученых «переключаться» с анализа содержания явления на его этимологическая оболочку; а их различия противоречат буквальному смыслу указанных слов, ведь каждое из них означает одно и то же: что-то предотвратить, не допустить. Эти термины являются взаимозаменяемыми синонимами. В основу же разграничения профилактической и предупредительной деятельности по уровням, направлениям, видам должен быть положен анализ ее содержания, а не употребление в одних случаях термина «предупреждение», а в других – «профилактика» [22, с. 352].

В настоящее время юридическая литература и наука не разработала единого подхода к пониманию таких терминов, как «профилактика», «предотвращение», «предупреждение» и «прекращение». То же касается зарубежного и национального законодательства. Например, в Законе Украины «О предупреждении насилия в семье» под предупреждением понимается система социальных и специальных мероприятий, направленных на устранение причин и условий, способствующих совершению и прекращению насилия в семье, которое готовится или уже началось, привлечение к ответственности лиц, виновных в совершении насилия в семье, а также медико-социальная реабилитация жертв насилия в семье. В связи с этим можно сделать вывод, что в данном Законе Украины термин «предупреждение» предусматривает применение таких мер, как: устранение причин и условий, способствующих совершению насилия; прекращение насилия в семье, которое еще готовится или уже началось; привлечение к ответственности лиц, виновных в совершении насилия в семье; медико-социальная реабилитация жертв насилия в семье [23].

Еще один из элементов противодействия преступлениям является «прекращение» преступлений, усилия

которого направлены на преступную деятельность, которая уже началась [24]. По результатам исследования прекращения преступных проявлений установлено, что это деятельность, направленная на недопущение завершения начатого преступления путем разработки и осуществления специальных мероприятий. Рассматривая термин «прекращение преступления», ряд таких ученых, как А.Н. Джужа и Ю.Ф. Иванов, считают, что прекращение отражает негативную оценку события, которую пытаются избежать. Прекращение заключается в действиях, направленных на остановку преступной деятельности лиц, которые уже начались (стадия покушения), а также на недопущение наступления преступного результата [25, с. 67].

На основании вышеизложенного и анализа различных научных позиций ученых следует обобщить, что определяет сегодня термин «противодействие» преступлениям.

Рассматривая сущность термина «противодействие» в этимологическом его смысле, следует рассмотреть как действие, направленное против другого действия, препятствование ему [21, с. 92]. Согласно результату исследования в последнее время на практике при осуществлении оперативно-розыскной деятельности работниками оперативных подразделений все чаще применяется термин «противодействие уголовным правонарушениям», поскольку он охватывает все сферы, виды и уровни борьбы с этим явлением, в частности среди молодежи. Ранее в нормативно-правовой базе МВД Украины по вопросу регламентации деятельности оперативных подразделений использовался в основном термин «борьба с преступлениями», но на современном этапе развития науки и практики, по нашему мнению, целесообразно использовать термин «противодействие», несмотря на наличие широкой дискуссии, в частности среди ученых разных отраслей права. Исследование понятия и сущности понятия «противодействие преступлениям» приводит к возможности определять, что ее элементами являются: профилактика, предотвращение, предупреждение, пресечение и своевременное, полное и беспристрастное расследование уголовных преступле-

ний, в том числе среди молодежи. Анализируя законодательную базу Украины относительно вопросов противодействия преступности, следует отметить, что вопросами предотвращения и противодействия занимаются исключительно субъекты правоохранительных органов Украины, на которые возлагаются обязанности по нейтрализации преступности, в том числе и среди несовершеннолетних и молодежи.

Учитывая разноплановые научные позиции ученых и практиков, следует определить, что под термином «противодействие преступности» отдельные ученые понимают такие элементы, как: «профилактика», «предотвращение», «предупреждение», «борьба», «контроль над преступностью», «превенция преступности», «прекращение преступлений». По нашему мнению, необходимо закрепить в законодательстве, особенно по правоохранительным вопросам, более распространенный за последние годы термин «противодействие преступлениям».

Выводы. Таким образом, следует акцентировать внимание на том, что противодействие преступлениям, совершаемым молодыми людьми, следует рассматривать как социальное негативное явление, которое требует разработки оптимального и эффективного комплексного воздействия с помощью проведения ранних профилактических мероприятий, выявления, предотвращения, пресечения, раскрытия и эффективного досудебного расследования уголовных правонарушений такой категории. Рассматривая такие комплексные меры воздействия, их можно, по нашему мнению, определить термином «противодействие». За последнее время термин «противодействие преступности» заменяется термином прошлых лет «борьба с преступностью», что обусловлено более современными требованиями и вызовом времени. В оперативно-розыскной науке и правоприменительной деятельности этот термин является научно-обоснованным и наиболее приемлемым для использования его, прежде всего, в понятийном аппарате. Кроме этого, такое направление оперативно-розыскной деятельности влияет, прежде всего, на снижение уровня криминогенной ситуации на линии,

направлении и на территории оперативного обслуживания, а также на своевременную разработку и реализацию оперативно-розыскных мероприятий, направленных на снижение уровня противоправных деяний со стороны криминальных лиц молодого возраста и повышение уровня защищенности граждан, общества и государства в целом от противоправных их деяний. Предложенное нами использования термина «противодействие» преступлениям подтверждается сегодня его применением в действующем законодательстве Украины. Такое противодействие преступлениям среди молодежи должно и в дальнейшем быть одним из приоритетных направлений оперативных и других подразделений полиции. За последнее время наблюдается активизация этих подразделений при выявлении и пресечении преступной деятельности молодых людей, в том числе в отношении участников молодежных преступных групп и преступных организаций. Опыт практических подразделений полиции, в том числе и зарубежных, также свидетельствует о правильности наших результатов исследования. Мы предлагаем авторское определение понятия оперативно-розыскного противодействия преступлениям, совершаемых молодежью, которое следует определять как разработку и реализацию эффективной и оптимальной системы комплекса мероприятий, направленных на проведение оперативными подразделениями полиции постоянно действующего мониторинга и оперативно-розыскных мероприятий, эффективного использования средств и методов с целью разведки, обнаружения, проведение раннего предупреждения и индивидуальной профилактики по предотвращению, предупреждению, пресечению и нейтрализации преступной деятельности, расследование уголовных производств, которые совершены лицами молодого возраста, а также совместную реализацию с заинтересованными ведомствами устранения причин и условий, способствовавших совершению уголовных преступлений среди молодежи. В то же время поднятые в статье вопросы не являются окончательными и требуют отдельного исследования или научного изучения.

Список использованной литературы:

1. Майоров А.В. Виктимологическая модель противодействия преступности : монография. Москва : Юрлитинформ, 2014. 224 с.
2. Криминология : учеб. для студ. вузов, обуч. по направ. и спец. «Юриспунденция» / под ред. : Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский. Москва : МГУ, 1994. 414 с.
3. Криминология : учеб. для юрид. вузов / под ред. В.Н. Бурлакова и др. Санкт-Петербург : Санкт-Пб. ун-т МВД России, 1999. 608 с.
4. Аванесов Г.А. Криминология : учеб. Москва : Акад. МВД СССР, 1984. 439 с.
5. Алексеев А.И. Криминология : курс лекций. Москва : Щит-М, 1998. 367 с.
6. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика : теория, опыт, проблемы : монография. Москва : Норма, 2001. 496 с.
7. Саркисов Г. С. Социальная система предупреждения преступности. Ереван : Айастан, 1975. 158 с.
8. Борьба зі злочинністю та забезпечення прав людини. URL : http://referatcentral.org.ua/theory_state_law_load.php?id=582&starttext=11 (дата звернення : 20.02.2019).
9. Шестаков Д.А. Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2006. 561 с.
10. Долгова А.И. Криминология : учебник. Москва : НОРМА-ИНФРА, 1999. 779 с.
11. Иванов Ю.Ф., Джужа О.М., Паливода А.В. Криминологія : навч. посібник. Київ, 2006. 264 с.
12. Наумов С.С. Понятие предупреждения преступлений и классификация предупредительных мер. *Актуальные проблемы работы органов внутренних дел* / сб. науч. тр. *адьянгов и соискателей* / отв. ред. Р.А. Журавлев. Москва : ВНИИ МВД России, 2000. С. 126–136.
13. Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений / под ред. В.Д. Малко-

ва, А.Ф. Токарева. Москва : ИНФРА-М, 2000. 322 с.

14. Криминология и профилактика преступлений : учебник. / под ред. А.И. Алексеева. Москва : ВШ МВД СССР, 1989. 430 с.
15. Кобец Н.Г. Предупреждение правонарушений в производственном коллективе : вопросы теории и практики. Москва : Юрид. лит. 1982. 208 с.
16. Курс криминології. Загальна частина : підручник : у 2 кн. / О.М. Джужа та ін. ; за заг. ред. О.М. Джужа. Київ : Юрінком Інтер, 2001. Кн. 1. 352 с.
17. Кириченко О.В., Шевченко О.А. Оперативно-розшукова профілактика злочинів як вид діяльності ОВС України. *Вісник Запорізького юридичного інституту Дніпропетровського державного університету внутрішніх справ*. 2009. № 2. С. 199–206.
18. Джужа О.М. Стислий словник криминологічних термінів : навч. посіб. Київ : Нац. акад. внутр. справ, 1999. 235 с.
19. Шендрік В.В. Теорія і практика попередження злочинів оперативними підрозділами ОВС України : монографія. Дніпропетровськ : ДДУВС, 2012. 420 с.
20. Юхно О.О. Теорія та практика оперативно-розшукового запобігання злочинам органами внутрішніх справ : монографія. Одеса : Інтерпрінт, 2010. 367 с.
21. Кондратьєв Я.Ю. Теоретичні, правові та оперативно-тактичні засади запобігання злочинам оперативними підрозділами кримінальної міліції : монографія. Київ : Нац. акад. внутр. справ України, 2004. 444 с.
22. Криминологія : підруч. для студ. юрид. спец. вищ. навч. закл. / І.М. Даньшин та ін. ; за ред. проф. І.М. Даньшина. Харків : Право, 2003. 352 с.
23. Про попередження насильства в сім'ї : Закон України від 15.11.2001 № 2789-III. *Відомості Верховної Ради України*. 2002. № 10. Ст. 70.
24. Зелінський А.Ф. Поняття профілактики злочинів. URL : <http://studopedia.org/6-115592.html> (дата звернення : 02.03.2019).
25. Хараберюш І.Ф., Мацюк В.Я., Некрасов В.А. Використання оперативно-технічних засобів у протидії злочинам, що вчиняються у сфері нових інформаційних технологій : монографія. Київ : КНТ, 2007. 196 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бабакин Вадим Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник отдела организации научно-исследовательской работы научно-исследовательского центра Национального университета гражданской защиты Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Babakin Vadim Nikolaevich – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Researcher of the Department for the Organization of Research Work of the Research Center of the National University of Civil Protection of Ukraine

Vadon7373@gmail.com

УДК 343.21

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «МЕХАНИЗМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ», «МЕХАНИЗМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ», «МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА», «МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ» И «МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ»

Виктория БАБАНИНА,

кандидат юридических наук, доцент,
докторант докторантуры и адъюнктуры
Национальной академии внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье дано определение понятия «механизма реализации уголовного законодательства» как урегулированного уголовным и уголовно-процессуальным законами Украины процесса воплощения в жизнь закрепленных в уголовно-правовых нормах прав и обязанностей субъектов уголовно-правовых отношений в форме соблюдения, исполнения, использования и применения. Исследовано соотношение понятий механизма реализации уголовного законодательства с механизмом уголовно-правового воздействия, механизмом уголовно-правового регулирования, механизмом реализации уголовной ответственности, механизмом реализации уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: реализация уголовного законодательства, механизм реализации уголовного законодательства, уголовная ответственность, уголовно-правовое регулирование, уголовно-правовая норма, уголовно-правовые отношения.

CORRELATION OF DEFINITIONS "MECHANISM OF CRIMINAL LEGAL INFLUENCE", "MECHANISM OF CRIMINAL LEGAL REGULATION", "MECHANISM OF CRIMINAL LEGISLATION REALIZATION", "MECHANISM OF CRIMINAL RESPONSIBILITY REALIZATION" AND "MECHANISM OF CRIMINAL LEGAL NORM REALIZATION"

Victoria BABANINA,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor,
Doctoral Degree Applicant of Post-Doctoral and Postgraduate Study Unit
of National Academy of Internal Affairs

SUMMARY

The definition of the concept of “mechanism for the implementation of criminal legislation” as the process of implementation of rights and obligations of subjects of criminal legal relations in the form of observance, execution, use and application has been given in this article. The correlation of concepts of mechanism of realization of criminal legislation and mechanism of criminal legal influence, mechanism of criminal legal regulation, mechanism of realization of criminal liability, mechanism of realization of criminal legal norm has been researched.

Key words: implementation of criminal legislation, mechanism of criminal legislation implementation, criminal liability, criminal legal regulation, criminal legal norm, criminal legal relations.

Постановка проблемы. Современные общественные преобразования, изменения общественных отношений и переосмысление социальных ценностей обуславливает внесение многочисленных изменений в отечественное законодательство. Не является исключением и законодательство об уголовной ответственности, которое за последние годы претерпело довольно существенные изменения, а сами такие изменения, по словам некоторых ученых, превратились в своеобразный «универсальный» инструмент решения наиболее значимых общественно-политических проблем. К тому же эффективность и целесообразность таких изменений в основном представляется довольно сомнительной, а само их принятие в большей степени определяется политическими мотивами, чем необходимостью правового регулирования (обеспечения правовой охраны).

Актуальность темы исследования объясняется тем, что довольно трудно достичь эффективности любого нормативно-правового акта, не учитывая при этом основных положений механизма его создания и реализации. Поэтому вполне естественно, что проблемы механизма создания и реализации закона об уголовной ответственности являются не просто важными и актуальными, а имеют фундаментальное значение, как для науки уголовного права, так и для практической деятельности. Это объясняется тем, что именно этот механизм выступает основополагающей «отправной» точкой, которая и обуславливает существование закона, определяет его истинный смысл, а следовательно – в первую очередь влияет на его качество и эффективность. Исследование и учёт закономерностей создания и реализации уголовного закона, выяснение их взаимосвязи и влияния на его качество является первоосновой. Поэтому исследование проблем механизма создания и реализации уголовного закона является фундаментом для проведения дальнейших «узкоспециализированных» научных исследований, касающихся выработки отдельных изменений и предложений к действующему УК Украины, поскольку совершенно очевидно, что эффективность таких изменений, как и сама их формулиров-

ка, прямо зависит от механизма создания закона и от учета особенностей его реализации.

Не менее важным является и учёт международно-правовых требований относительно механизма создания и реализации уголовного закона. Так, с одной стороны, это дает возможность аккумулировать как международный, так и зарубежный опыт решения очерченного вопроса, а с другой – обеспечить соответствие основополагающих принципов создания и реализации уголовного закона международным стандартам. Поэтому выполнение международных требований по совершенствованию механизма создания и реализации уголовного закона является приоритетной задачей для отечественного законодателя, а фундаментальное комплексное научное исследование этих проблем является актуальным, своевременным и необходимым.

Состояние исследования. Некоторые аспекты реализации уголовного законодательства, преимущественно в контексте уголовно-правового регулирования общественных отношений, исследовали известные ученые, такие как Ю.В. Баулин, П.С. Берзин, Н.А. Гуторова, А.А. Дудоров, И.И. Митрофанов, Е.В. Наден, В.А. Навроцкий, А.В. Наумов, М.И. Панов, Е.Д. Скулиш, В.И. Шакун, С.Д. Шапченко и другие. Несмотря на весомый вклад вышеупомянутых ученых, в настоящее время в теории уголовного права нет фундаментальных разработок механизма реализации уголовного законодательства, в частности, не сформулировано определение этого понятия и его соотношение с другими уголовно-правовыми категориями.

Поэтому целью статьи является исследование вопроса о соотношении понятий «механизм уголовно-правового регулирования», «механизм уголовного воздействия», «механизм реализации уголовного законодательства», «механизм реализации уголовной ответственности» и «механизм реализации уголовно-правовой нормы».

Изложение основного материала. Наряду с этим, важным представляется определение категории «реализация уголовного законодательства» со всеми ее компонентами, которая играет значительную роль, поскольку помогает

оценить состояние уголовно-правового регулирования общественных отношений, выявить недостатки, которые существуют в этом процессе и предложить пути достижения оптимально возможного результата. Реализация уголовного законодательства (как процесс и как результат) имеет необходимые элементы, черты, свойства, структуру, которые объединены в определенном механизме, существующем в динамической и статической плоскостях. Именно категория «механизм» позволяет охватить весь процесс реализации уголовного законодательства во всех его проявлениях. Исследование механизма реализации уголовного законодательства позволяет выявить все элементы его системы, проследить их взаимосвязь и тенденции развития.

Отсутствие надлежащего механизма реализации уголовного законодательства является одной из наиболее весомых причин низкой эффективности уголовно-правовых норм. В то же время исследование механизма реализации уголовного законодательства является важным ориентиром повышения эффективности правоприменительной деятельности. В теории уголовного права отсутствует определение механизма реализации уголовного законодательства. Поэтому, прежде всего, следует обратиться к родственным механизмам, функционирующим в юридической науке.

В уголовно-правовых исследованиях ученые оперируют различными механизмами, в частности, механизмом уголовно-правового воздействия, механизмом уголовно-правового регулирования, механизмом реализации уголовной ответственности, механизмом реализации уголовно-правовой нормы, а также механизмом реализации уголовного законодательства.

Исследование и уяснение соотношения этих понятий позволит более глубоко познать их уголовно-правовую природу, что в определенной степени является сырьем для конструирования базовых положений о механизме реализации уголовного законодательства, учитывая отсутствие фундаментальных исследований указанного вопроса в теории украинского уголовного права, а также учитывая тот факт, что другие механизмы обладают отдельными схожими чертами.

Такая уголовно-правовая категория как «механизм реализации уголовного законодательства» недостаточно разработана в науке уголовного права. На сегодняшний день не понятно, что следует понимать под таким механизмом, каково его содержательное наполнение, в частности, из каких элементов он состоит.

Реализация уголовного законодательства является, во-первых, структурным элементом уголовно-правового регулирования, во-вторых, завершающей стадией уголовно-правового регулирования. Реализация уголовного законодательства касается реализации статей УК Украины, в которых закреплены соответствующие уголовно-правовые нормы. Поэтому реализация уголовного законодательства осуществляется через реализацию уголовно-правовых норм. Экстраполируя семантическое значение этого термина на реализацию уголовного законодательства можно утверждать, что это, прежде всего, воплощение этого законодательства в жизнь через поведение соответствующих субъектов, реальное выполнение его положений. Это воплощение прав и обязанностей субъектов уголовно-правовых отношений в их поведении.

Похожим образом объясняют реализацию права и ученые в области теории государства и права, в частности определяя ее как: воплощение предписаний правовых норм в правомерном поведении субъектов права, в их практической деятельности; воплощение положений правовых норм в фактической деятельности (поведении) субъектов права; осуществление их предписаний в практических действиях (бездействии) субъектов; завершающую стадию правового регулирования, которая представляет собой процесс воплощения норм права в жизнь путем осуществления субъективных прав и юридических обязанностей; реальное, практическое преобразование в жизнь формально-определенных правовых предписаний через правомерное поведение субъектов права с целью удовлетворения основных потребностей человека, общества и государства путем использования методов и форм, предусмотренных законодательством страны.

Таким образом, под реализацией уголовного законодательства следует

понимать воплощение закрепленных в законе об уголовной ответственности прав и обязанностей субъектов этого процесса в жизнь (в реальные уголовно-правовые отношения). Следовательно, реализация всего уголовного законодательства связана с индивидуальным поведением субъектов, чьи права и обязанности закреплены в уголовно-правовых нормах.

Любые правовые феномены, в том числе права и обязанности субъектов права, реализуются только в правоотношениях. Однако это не означает, что в случае совершения определенным субъектом противоправных действий, например преступления, не происходит реализация уголовного законодательства. Напротив, правомерная реализация уголовного законодательства является своеобразной реакцией на неправомерные действия в рамках уголовно-правовых отношений.

Правонарушение – результат процесса самореализации, а норма права не реализована, а нарушена. То есть нарушение уголовно-правовых норм никак не является реализацией уголовного законодательства, однако такой юридический факт как раз и вызывает запуск механизма реализации уголовного законодательства. Правомерное поведение субъектов права означает, что любые поступки участников общественных отношений должны быть основаны на правовых предписаниях или быть такими, которые не запрещены ими. Реализация уголовного законодательства имеет правомерный характер, поскольку осуществляется в рамках уголовно-правовых норм.

Таким образом, реализацию уголовного законодательства можно определить как воплощение в жизнь определенных уголовно-правовыми нормами правил поведения в форме правомерных действий субъектов уголовно-правовых отношений. Реализация уголовного законодательства происходит в четко очерченных границах с использованием определенных средств и с соблюдением определенного порядка. Это упорядоченный процесс, который не может осуществляться сам собой. Он требует определенного механизма.

Под жизнью в контексте выяснения содержания термина «механизм реализации уголовного законодательства»

очевидно, следует понимать реальные уголовно-правовые отношения. Экстраполируя содержание указанных слов на понимание исследуемого термина можно утверждать, что в буквальном смысле механизм реализации уголовного законодательства может означать: 1) систему воплощения уголовного законодательства в уголовно-правовые отношения; 2) метод или способ такого воплощения; 3) совокупность процессов, из которых состоит реализация уголовного законодательства. На основании выяснения семантического значения соответствующих терминов следует заметить, что механизм реализации можно также рассматривать как определенный процесс (включает, прежде всего, деятельность субъектов реализации) и результат (закрепленную в уголовном законодательстве систему средств его реализации). Поэтому в рамках этой категории следует выделить материальную и процессуальную стороны.

Исходя из этого, механизм реализации уголовного законодательства можно рассматривать, по крайней мере, в трех аспектах: 1) как некую систему; 2) как определенный метод или способ; 3) как совокупность определенных процессов. Поэтому механизм реализации уголовного законодательства имеет широкое и узкое понимание. В широком смысле этот механизм охватывает все вышеуказанные аспекты, а в узком – только один из них. Например, под механизмом реализации уголовного законодательства можно понимать систему форм его реализации или метод (способ) реализации его положений.

В теории уголовного права отсутствуют не только основательные определения *реализации* уголовного законодательства, но и *уголовно-правовых норм*. В то же время, отдельные ученые предлагают определения реализации запрещающих уголовно-правовых норм. В частности, Н.П. Ждиняк утверждает, что реализация запрещающих уголовно-правовых норм – это форма действия, проявления их качественных свойств, направленных на достижение определенного результата [8, с. 300–306]. Безусловно, реализация уголовно-правовой нормы, как и уголовного законодательства в целом, должна иметь определенный результат, который зависит от вида таких норм

в пределах того или иного уголовно-правового института.

А.С. Литвинов дает определение механизма реализации уголовно-правовой нормы как совокупности средств и методов, непосредственно направленных на осуществление субъектами своих прав и обязанностей [11, с. 11]. Фактически это определение наиболее близко к предметно исследуемому в нашей работе, однако, оно не дает полного и исчерпывающего понимания не только механизма реализации уголовного законодательства, но и механизма реализации уголовно-правовой нормы с учетом того, что его компоненты прежде всего лишены какого-либо уголовно-правового содержания – есть общетеоретическими. Кроме того, ученый сводит указанный им механизм только к совокупности определенных средств и методов. Безусловно, указанные средства и методы играют важную роль в механизме реализации уголовного законодательства или механизме реализации уголовно-правовой нормы, однако единая ли это основа таких механизмов?

Механизм реализации запрещающих уголовно-правовых норм, по мнению Н.П. Ждиняк, заключается в предупредительном воздействии запрещающих уголовно-правовых норм на общественные отношения (что определяется качественными свойствами нормы) путем воздействия на поведение лиц, которые могут быть субъектами преступления [8, с. 300–306]. Несмотря на то, что предложенный механизм касается только запрещающих уголовно-правовых норм, он достоин внимания, учитывая хотя бы то, что автор оперирует понятием общественные отношения, четко конкретизирует вид уголовно-правовых норм, а также категорию субъектов – субъектов преступления.

Заслуживают внимания и утверждения ученых о механизме реализации норм других отраслей права. По мнению Е.Ю. Евстигнеева, под механизмом реализации норм уголовно-исполнительного права при исполнении лишения свободы подразумевается целенаправленная деятельность субъектов уголовно-исполнительных правоотношений по реализации правовых норм, регулирующих лишение свободы в рамках процедур их соблюдения,

исполнения, использования и применения, которая основана на уголовно-исполнительных правовых средствах [6, с. 10]. Особенно импонирует выделение в рамках такого механизма отдельных форм реализации правовых норм, а также субъектов правовых отношений.

К.С. Каверин утверждает, что механизм реализации норм административного права – это система взаимосвязанных и взаимодействующих между собой нормативно-институциональных, процедурно-процессуальных и инструментальных элементов, с помощью которых осуществляется и обеспечивается разнообразная управленческая деятельность органов и должностных лиц государственной (муниципальной) публичной власти, организаций, граждан с целью решения конкретных управленческих задач с помощью возложенных на них функций, полномочий, предоставленных им прав и обязанностей [9, с. 49]. Импонирует позиция автора этого определения в плане выделения нормативно-институциональных, процедурно-процессуальных и инструментальных элементов, а также широкий перечень субъектов реализации соответствующих норм.

Механизм реализации определенной нормы, в частности уголовно-правовой нормы или совокупности таких норм, в пределах определенного института касается только одной нормы или института, а не целой области уголовного права или законодательства. Хотя такой механизм, безусловно, функционирует в рамках механизма реализации уголовного законодательства и является его составляющей. Учитывая это, стоит обратиться к более масштабным механизмам, среди которых и механизм реализации права.

По этому поводу заслуживают внимания прежде всего позиции ученых в области теории права. В частности Т.Ю. Фалькина считает возможным определить механизм реализации права как систему взаимосвязанных и взаимодействующих элементов (правовых средств), с помощью которых происходит воплощение норм права в жизнь путем осуществления субъективных прав и юридических обязанностей [15, с. 15]. Механизм реализации права представлен В.А. Сапун как *осо-*

бая правовая подсистема механизма правового регулирования, блок регулятивных и охранительных правовых средств централизованного и децентрализованного регулирования, с помощью которых объективное и субъективное право превращается в жизнь, воплощается в фактическом поведении и юридической деятельности субъектов [13, с. 301].

В основе указанных определений ученых – правовые средства. Безусловно, правовые средства преимущественно составляют механизм реализации уголовного законодательства, однако сводится ли механизм только к правовым средствам? Хотя следует отметить, что В.А. Сапун справедливо обращает внимание на определенных субъектов. Очевидно, что механизм реализации уголовного законодательства также охватывает деятельность определенных субъектов, которые, однако, нельзя называть правовыми средствами.

Наряду с механизмом реализации уголовного законодательства стоит выделить и *механизм уголовно-правового воздействия*. По мнению А.И. Чучаева, механизм уголовно-правового воздействия представляет собой модель реакции государства на совершение общественно опасного деяния [16, с. 65]. Указанное определение охватывает большинство механизмов, которые рассматриваются. Заслуживает внимания и тот факт, что исследователь оперирует понятием общественно опасное деяние, а не преступление.

Более детальное определение такого механизма предлагает А.А. Березовский, подчеркивая, что механизм уголовно-правового воздействия – это функциональная система, в которой с помощью нормативных и ненормативных средств осуществляется объективация критериев и форм преступного поведения, а также реализуется регулятивное и ценностно-информационное влияние на общественные отношения и правосознание людей с целью предупреждения, предотвращения и противодействия преступности [3, с. 377–378]. В то же время нельзя согласиться с В.К. Дуоновым, который утверждает, что механизм уголовно-правового воздействия – это функционирующий комплекс (процесс применения) предусмотренных уголовным законом средств, приемов

и технологий, которые используются в правоприменительной практике в отношении лиц, виновных в совершении преступлений, а также в превентивном плане к так называемым неустойчивым лицам. Это объективно необходимый сложный динамический процесс практической реализации негативной, справедливой и неотвратимой реакции государства на совершение преступлений с помощью системы предусмотренных законом уголовно-правовых средств (уголовно-правовых норм, уголовно-правовых отношений и актов применения норм уголовного права) с целью обеспечения и поддержания порядка в общественной жизни [4, с. 39]. Фактически его положения сводятся только к субъектам преступления и к профилактическому воздействию на любых членов общества с целью недопущения совершения ими преступлений. А потому без внимания автора остаются положения относительно других субъектов, участвующих в уголовно-правовых отношениях и реализующих свои права и обязанности, предусмотренные в законе об уголовной ответственности (например лиц, совершивших общественно опасное деяние в возрасте, с которого не наступает уголовная ответственность, и к которым применяют принудительные меры воспитательного характера).

На наш взгляд, механизм уголовно-правового воздействия значительно шире по содержанию, учитывая результаты нашего исследования относительно предмета криминально-правового регулирования, который сегодня не ограничивается только преступлением. Ведь как справедливо замечает Н.А. Орловская, меры уголовно-правового воздействия – это любые мероприятия, нормированные в УК Украины [12, с. 137]. Поэтому предложенное В.К. Дуоновым определение, на наш взгляд, больше касается механизма реализации уголовной ответственности.

Е.Д. Скулиш и И.И. Митрофанов утверждают, что механизм реализации уголовной ответственности – это определенный набор своеобразных элементов, которые закономерно участвуют во внедрении предписаний реализованной уголовно-правовой нормы в конкретные правоотношения, в достижении указанного в ней

результата, а также в применении уголовно-правового средства воздействия, через которое реализуется уголовно-правовая ответственность для достижения целей и задач закона Украины об уголовной ответственности, к лицу, признанному виновным в совершении уголовного преступления [14, с. 119]. *В отличие от механизма реализации уголовного законодательства, это более узкий механизм (механизм реализации уголовной ответственности), поскольку он охватывает только уголовно-правовые положения, касающиеся уголовной ответственности, а потому за его пределами находятся механизмы реализации иных мер уголовно-правового характера.*

И, наконец, последним, но одним из самых важных механизмов в контексте исследования механизма реализации уголовного законодательства, является механизм уголовно-правового регулирования.

С.С. Алексеев отмечает, что механизм правового регулирования – это взятая в единстве система правовых средств (юридических норм, правоотношений, актов и др.), с помощью которых осуществляется правовое воздействие на общественные отношения [1, с. 150]. Схожее, однако более разветвленное определение такого механизма, предлагает Ф.Ш. Ямбушева, по мнению которой, механизм правового регулирования можно рассматривать как в узком, формальном смысле (нормы права, юридические факты, правоотношения и акты реализации норм права) – система правовых средств, с помощью которых осуществляется целенаправленное воздействие на общественные отношения путем удовлетворения интересов субъектов права, так и в широком, формально-содержательном, – система правовых и социальных средств и форм воздействия и так далее на общественные отношения или иначе, – как социальный механизм действия права [18, с. 180]. Если исходить из того, что механизм правового регулирования касается правового воздействия, то механизм уголовно-правового регулирования касается уголовно-правового воздействия на уголовно-правовые отношения в форме воплощения уголовно-правовых норм в жизнь.

В то же время А.Н. Куракин утверждает, что механизм правового регулирования – это нормативно-организованный, последовательно осуществляемый комплексный процесс, направленный на результативное воплощение правовых норм в жизнь с помощью адекватных правовых средств [10, с. 20–22]. Если экстраполировать это определение на механизм уголовно-правового регулирования, то произойдет отождествление механизма уголовно-правового регулирования и механизма реализации уголовного законодательства.

Поэтому следует согласиться с С.Д. Шапченко в том, что механизм уголовно-правового регулирования можно рассматривать как нормативно определенное взаимодействие отдельных элементов правовой системы, которое обеспечивает (должно обеспечивать) выполнение задач, стоящих перед уголовным правом как отдельной отраслью права [17, с. 64]. Стоит лишь уточнить, что очевидно речь идет не об элементах правовой системы, поскольку мы рассматриваем не механизм правового регулирования, а именно об элементах уголовно-правовой системы – уголовно-правовых нормах, уголовно-правовых отношениях и тому подобное.

Заслуживает внимания и утверждение Ю.В. Баулина о том, что преобразование требований объективного права (норм уголовного права) в конкретную целенаправленную деятельность уполномоченных органов государства по отношению к преступнику осуществляется с помощью механизма уголовно-правового регулирования [2, с. 27]. Однако следует подчеркнуть, что нормы уголовного права касаются не только уполномоченных органов государственной власти и преступника, но и других субъектов, в частности тех, которые совершили общественно опасное деяние, однако не признаются субъектом преступления.

Интересное определение механизма уголовно-правового регулирования предлагает Ю.С. Жариков – как систему необходимых и достаточных стадий правовой регламентации и упорядочения общественных отношений, позволяющую посредством реализации уголовно-правовых запретов, пред-

писаний и разрешений обеспечивать эффективную охрану этих самых отношений от общественно опасных и противоправных посягательств [7, с. 97]. Особо следует обратить внимание на то, что в его определении находит место реализация уголовно-правовых запретов, предписаний и разрешений.

Механизм реализации уголовного законодательства соотносится с механизмом уголовно-правового регулирования как часть и целое. То есть механизм реализации уголовного законодательства входит в механизм уголовно-правового регулирования и является завершающей стадией уголовно-правового регулирования.

Еще один аспект механизма реализации уголовного законодательства связан с тем, что порядок реализации уголовно-правовых норм в определенной степени урегулирован УПК Украины. Порядок привлечения к уголовной ответственности, назначения наказания, освобождения от уголовной ответственности, применения мер уголовно-правового характера, а также реализации норм других уголовно-правовых институтов определен УПК Украины, хотя определенные правила содержатся и в законе об уголовной ответственности. В связи с этим в процессе реализации уголовного законодательства уголовно-правовые нормы не должны противоречить уголовно-процессуальным нормам. Как справедливо отмечают А.А. Дудоров и Т.А. Лоскутов, модель эффективного уголовно-правового регулирования общественных отношений предполагает, среди прочего, что процессуальные нормы, определяя порядок применения уголовно-правовых норм, не должны ни вмешиваться в предмет материального уголовного права, ни тем более противоречить последнему, образуя коллизии [4, с. 158–163].

Выводы. С учетом вышеупомянутых позиций, механизм реализации уголовного законодательства Украины можно определить как совокупность процессов (система, метод или способ) воплощения в жизнь закрепленных в уголовно-правовых нормах прав и обязанностей субъектов уголовно-правовых отношений в форме соблюдения, исполнения, использования и применения.

Список использованной литературы:

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений. Том 3: Проблемы теории права: курс лекций. Москва : Статут, 2010. 781 с.

2. Баулін Ю.В. Кримінально-правове регулювання: основні проблеми. *Кримінально-правове регулювання та забезпечення його ефективності*: матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Харків, 18–19 жовт. 2018 р.). Харків : Право, 2018. С. 23–28.

3. Березовський А.А. Проблема кримінально-правового впливу на злочинність в доктрині кримінального права та кримінології. *Правове життя сучасної України* : матеріали міжнар. наук. конф. проф.-викл. та аспірант. складу (Одеса, 16–17 трав. 2013 р.) Одеса, 2013. Т. 2. С. 377–378.

4. Дудоров О.О., Лоскутов Т.О. Щодо ефективності кримінально-правового регулювання давності в контексті взаємодії норм КК і КПК України. *Кримінально-правове регулювання та забезпечення його ефективності*: матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Харків, 18–19 жовт. 2018 р.). Харків : Право, 2018. С. 158–163.

5. Дуюнов В.К. Механизм уголовно-правового воздействия : теоретические основы и практика реализации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Тольятти, 2001. 512 с.

6. Евстегнеева Е.Ю. Механизм реализации норм уголовно-исполнительного права, регулирующих исполнение наказания в виде лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Рязань, 2008. 25 с.

7. Жариков Ю.С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации. Москва : Юриспруденция, 2009. 216 с.

8. Ждиняк Н.П. «Реалізація» та застосування» забороняючих кримінально-правових норм: співвідношення понять. Форум права. 2012. № 1. С. 300–306. URL: <http://www.nbuv.gov.ua/ejournals/FP/2012-1/12gnpncp.pdf>.

9. Каверина К.С. Механизм реализации норм административного права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 : Волгоград, 2015. 202 с.

10. Куракін О.М. Поняття механізму правового регулювання в семантичному розрізі. Науковий вісник Херсонського державного університету. Випуск 1. Том 1. 2015. С. 20–22. URL:

http://www.lj.kherson.ua/2015/pravo01/part_1/6.pdf.

11. Литвинов А.С. Механизм и формы реализации норм уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Москва, 2012. 28 с.

12. Орловська Н.А. Актуальні проблеми кримінально-правового регулювання спеціальної конфіскації в Україні. Вісник Луганського державного університету внутрішніх справ імені Е. О. Дідоренка. 2015. № 2. С. 135–144.

13. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 : Н. Новгород, 2002. 321 с.

14. Скулиш С.Д., Митрофанов І.І. Механізм реалізації кримінальної відповідальності: окремі питання поняття та структури. Європейські перспективи. № 7. 2015. С. 114–120.

15. Фалькина Т.Ю. Формы реализации права и механизм их осуществления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Нижний Новгород, 2007. 25 с.

16. Чучаев А.И. Механизм уголовно-правового воздействия: Общие проблемы понятия и содержания. Актуальные проблемы держави і права. Збірник наукових праць. Випуск 54. 2010. С. 63–68.

17. Шапченко С.Д. Механізм кримінально-правового регулювання в правовій системі України: поняття та структура. Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Серія: Юридичні науки. 2000. Вип. 40. С. 63–67.

18. Ямбушев Ф.Ш. Правовое сознание в механизме правового регулирования общественных отношений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 : Н. Новгород, 2002. 205 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бабанина Виктория Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, докторант докторантуры и адъюнктуры Национальной академии внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Babanina Viktoriya Viktorovna – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Doctoral Degree Applicant, Post-Doctoral and Postgraduate Study Unit of National Academy of Internal Affairs

stiktorias@gmail.com

УДК 343.32

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 330 УК УКРАИНЫ

Владимир БОЙЧУК,
аспирант кафедры уголовного права № 1
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются другие признаки объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 330 УК Украины, кроме общественно опасного деяния и способа совершения преступления, которые предварительно уже являлись предметом других исследований автора. Раскрывается содержание понятий «тяжкие последствия» и «интересы государства». Отмечается обязательность установления причинной связи между общественно опасным деянием, предусмотренным ст. 330 УК Украины, и наступлением общественно опасных последствий. Отмечается существование зависимости между способом и местом совершения преступления. Предоставляется авторская классификация средств и орудий совершения преступления.

Ключевые слова: состав преступления, объективная сторона преступления, тяжкие последствия, интересы государства, причинная связь, место, время, обстановка, способ, орудия или средства совершения преступления, ст. 330 УК Украины.

INDICATIONS OF THE OBJECTIVE PART OF THE CONSTITUENTS OF THE CRIME, REPRESENTED BY ART. 330 OF THE CRIMINAL CODE OF UKRAINE

Vladimir BOYCHUK,
Postgraduate Student at the Department of Criminal Law No. 1
of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

The article deals with other signs of the objective part of the crime, stipulated in Art. 330 of the Criminal Code of Ukraine, in addition to a socially dangerous act. It is determined that the composition of this crime in Part 1 of Art. 330 of the Criminal Code of Ukraine is a formal one when, as in Part 2 of Art. 330 of the Criminal Code of Ukraine – material. The content of the concepts of “grave consequences” and “interests of the state” is revealed. It is emphasized on the necessity of establishing a causal link between socially dangerous acts provided for in Art. 330 of the Criminal Code of Ukraine and the occurrence of socially dangerous consequences. The content of optional evidence of the objective side of this crime is revealed: place, time, situation, way, tools or means of committing a crime. It is emphasized that there is a relationship between the way and the place where the crime was committed. Author’s classification of tools and tools for committing a crime is provided.

Key words: composition of the crime, objective side of the crime, grave consequences, interests of the state, causal connection, place, time, situation, manner, tools or means of committing a crime, Art. 330 of the Criminal Code of Ukraine.

Постановка проблемы. В уголовно-правовой доктрине наряду с общественно опасным деянием к признакам объективной стороны состава преступления относятся общественно опасные последствия, причинная связь между деянием и последствиями, место, время, обстановка, способ и средства совершения преступления. При этом они могут приобретать как обязательное, так и факультативное значение в зависимости от того, определяет ли их уголовный закон в составе конкретного преступления или же они однозначно вытекают из его содержания [1, с. 111].

Актуальность темы исследования. Исследование признаков объективной стороны состава преступления способствует более глубокому раскрытию его сущности. Кроме того,

установление общественно-опасных последствий и причинной связи является обязательным по каждому уголовному производству, открытому по ч. 2 ст. 330 УК Украины.

Состояние исследования. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 330 УК Украины, являлась предметом специального исследования А.С. Самойловой [2]. Однако и оно не характеризуется унифицированностью.

Целью и задачей исследования является формирование комплексного научного взгляда на отдельные элементы объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 330 УК Украины.

Изложение основного материала. При изложении ст. 330 УК Украины в части обязательности или факультативности общественно опасных

последствий законодатель подошел к этому вопросу двояко. Так, в диспозиции ч. 1 ст. 330 УК Украины не содержится указаний на конкретные общественно опасные последствия, в связи с чем они не относятся к обязательным признакам объективной стороны состава этого преступления, и поэтому их наличие или отсутствие в каждом конкретном случае не имеет значения для наступления уголовной ответственности. С процессуальной точки зрения их доказывание также является необязательным.

Наличие тяжелых последствий для интересов государства определено как обязательный квалифицирующий признак в ч. 2 ст. 330 УК Украины. Поэтому преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 330 УК Украины, является пре-

ступлением с материальным составом, а установление факта наступления тяжких последствий для интересов государства как результат совершения общественно опасного деяния является необходимым обстоятельством, которое должно быть установлено и подлежать доказыванию в рамках каждого уголовного производства. В связи с этим необходимо определение содержания словосочетания «тяжелые последствия для интересов государства».

В отдельных случаях законодатель указывает конкретно, в чем могут появляться тяжелые последствия. Например: смерть человека (ч. 3 ст. 135, ч. 3 ст. 321-1), бесплодие (ч. 2 ст. 155 УК Украины), массовое заболевание (ч. 2 ст. 239, ч. 4 ст. 240 УК Украины), массовая гибель животных (ч. 2 ст. 245 УК Украины) и т.п. Некоторые из них изложены однозначно. Другие же изложены в форме оценочного понятия.

Таким образом, вопрос толкования конкретного содержания тяжелых последствий, которые прямо не определены законодателем, остается открытым. По поводу этой проблематики в уголовно-правовой литературе отмечается, что тяжелые последствия подлежат конкретизации в каждом отдельном случае. Так, В.Н. Кудрявцев утверждает, что признание последствий тяжелым «является вопросом факта», а «установление размера последствий и оценка их сравнительной тяжести относится к компетенции суда» [3, с. 173]. Такой же позиции придерживается ряд таких ученых: Н.И. Панов [1, с. 117], Д.С. Константинов [4, с. 67–71] и Л.В. Горбунова [5, с. 144].

Уникальность тяжелых последствий для интересов государства заключается в том, что они упоминаются законодателем в уголовном кодексе Украины только раз, как квалифицирующий признак деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 330 УК Украины. И даже при описании состава однородных по объекту преступлений, например, разглашение государственной тайны, применяется конструкция «тяжкие последствия», и ничего не упоминается о наступлении таких последствий для интересов государства.

Указанное вызывает потребность в доктринальном толковании законо-

дательной конструкции «интересы государства». Последний в этимологическом словаре украинского языка толкуется в нескольких значениях: 1) внимание к кому-, чему-нибудь, интерес в ком-то, чем-то; 2) вес, значение; 3) то, что больше всего интересует кого-нибудь, что составляет содержание чьих-то мыслей и забот; стремление, потребности; 4) то, что идет на пользу кому-то, чему-то, соответствует чьим-то стремлениям, потребностям [6, с. 509]. В.Я. Тацій и Ю.М. Грошевой дают определение категории «интерес» как объективного социального феномена, наличие которого обуславливает функционирование общественных отношений [7, с. 65].

Понятие «государственный интерес» являлось предметом толкования Конституционного Суда Украины (дело о представительстве прокуратуры Украины интересов государства в арбитражном суде), который пояснил, что он закрепляется как нормами Конституции Украины, так и нормами других правовых актов. Интересы государства отличаются от интересов других участников общественных отношений. В основе первых всегда лежит потребность в осуществлении общегосударственных (политических, экономических, социальных и других) действий, программ, направленных на защиту суверенитета, территориальной целостности, государственной границы Украины, обеспечение его государственной, экономической, информационной, экологической безопасности, охрану земли как национального богатства, защиту прав всех субъектов права собственности и хозяйствования и т.д. [8].

Таким образом, для идентификации такого абстрактного явления, как «государственный интерес», следует исходить из признаков двух его основных атрибутов: содержания и формы. По содержанию государственный интерес представляет определенную ценность, потребность государства и может иметь место в различных сферах: политической, экономической, социальной и т.п. По форме интерес закрепляется в нормативно-правовых актах, издаваемых государством через его органы.

На законодательном уровне сам термин «интересы государства» не раскрывается, однако известно определение

национального интереса. В частности, в соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 1 Закона Украины «О Национальной безопасности Украины» национальные интересы Украины – жизненно важные интересы человека, общества и государства, реализация которых обеспечивает государственный суверенитет Украины, ее прогрессивное демократическое развитие, а также безопасные условия жизнедеятельности и благосостояние ее граждан [9]. Как видно, законодатель вложил в содержание понятия «национальные интересы» такие его разновидности, как интересы человека, интересы общества и интересы государства. К сожалению, закон не предоставляет перечень интересов государства, а лишь указывает в отдельных его нормах, что к национальным интересам относятся государственный суверенитет, территориальная целостность и демократический конституционный строй.

Доктриной информационной безопасности Украины, утвержденной указом Президента Украины от 25 февраля 2017 № 47/2017, определяется, что национальными интересами Украины в информационной сфере является также защищенность государственной тайны и иной информации, требования по защите которой установлены законом [10]. К этой информации, конечно, следует относить и служебные сведения, собранные в процессе оперативно-розыскной, контрразведывательной деятельности, в сфере обороны страны, ведь к ним, как и к государственной тайне, законом установлены требования по их защите от раскрытия. Из этого следует, что защищенность служебной информации относится к национальным интересам Украины.

Можно ли защищенность служебной информации относить к государственному интересу как разновидности национального? Считаем, что да, ведь именно государство в лице его государственных органов и их служащих определяет, какая информация является служебной, обладает этими сведениями, устанавливает режим ограничения доступа к ней и принимает меры по соблюдению этого режима. Поэтому защищенность такой информации, в первую очередь, должна представлять интерес именно для государства. Однако, исходя из объема содержания понятия «государственные интере-

сь», такой ущерб может наноситься не только интересам информационной безопасности государства, но и другим видам государственных интересов. Например, при преступной передаче служебной информации в сфере обороны также страдает интерес государства и в этой сфере.

Что касается оценки тяжести таких последствий, то, по нашему мнению, она должна определяться через анализ содержания конкретных служебных сведений, составляющих предмет каждого конкретного преступления.

В связи с тем, что квалифицированный состав преступления, предусмотренного ст. 330 УК Украины, как обязательный признак предусматривает наступление тяжких последствий, то и обязательным элементом объективной стороны является причинная связь между общественно опасным деянием и общественно опасными последствиями. Под ними в уголовном праве понимают связь между общественно опасным деянием и общественно опасными последствиями, при которой одно явление закономерно, с внутренней необходимостью влечет за собой другое явление [11, с. 180].

К факультативным признакам состава преступления, предусмотренного ст. 330 УК Украины, следует отнести: место, время, обстановку, способ, орудия или средства совершения преступления. Хотя все они не вложены законодателем в состав рассматриваемого преступления и их установление не является обязательным, все же для более углубленного понимания механизма этого преступления их исследование представляется целесообразным.

Под местом совершения преступления понимается определенная территория или место, где происходит общественно опасное деяние и наступают его общественно опасные последствия [1, с. 135]. Конкретное место совершения преступления зависит от способа совершения преступного деяния. Так, в случае непосредственной передачи информации представителю иностранного предприятия, учреждения или организации (устно, путем вручения материальных носителей и т.д.) таким местом может быть любая территория (служебное помещение, улица, парк, кафе и т.д.). В случае пересылки сведений с применением средств связи

(почтовой, телефонной, телеграфной, электронной и т.д.) местом осуществления этого действия может быть помещение либо иное фактическое местонахождение средств почтовой связи, телефона, телеграфа, компьютерной техники. При совершении преступления в форме сбора с целью передачи сведений, составляющих служебную информацию, местом его совершения может быть служебное помещение или служебное здание, где хранится эта информация или ее материальный носитель.

Время совершения преступления понимается как промежуток времени, в течение которого происходит общественно опасное деяние и наступают общественно опасные последствия. Обстановка совершения преступления – это конкретные объективно-предметные условия, в которых совершается преступление. Или сочетание места и времени совершения преступления [12, с. 48].

Исходя из указанного, время и обстановка совершения любого преступления (если они прямо не указаны законодателем при изложении объективной стороны состава преступления или прямо не вытекают из его содержания) представляют собой очень широкое и многоаспектное понятие. Поэтому их конкретизация или типизация представляется крайне сложной задачей. Это же касается и преступления, предусмотренного ст. 330 УК Украины.

Под средствами совершения преступления понимаются предметы материального мира, применяемые преступником при совершении общественно опасного деяния [1, с. 137]. Ими в контексте рассматриваемого преступления выступают носители служебной информации, а также технические средства сбора и передачи таких сведений.

Перечень возможных носителей служебной информации упоминается в Типовой инструкции о порядке ведения учета, хранения, использования и уничтожения документов и других материальных носителей информации, содержащих служебную информацию, утвержденной Постановлением Кабинета Министров Украины от 19.10.2016 № 736. К ним относятся: документы, дела, научно-техническая документация, книги, другие издания,

образцы изделий, электронные носители (жесткие и гибкие магнитные диски, кассеты, бобины с магнитной встречной, диски для лазерных систем считывания, неотъемлемые части и модулей флэш-памяти) [13].

Средства, применяемые преступником для совершения общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 330 УК Украины, можно разделить по целевому назначению на те, что используются для сбора служебных сведений; и те, что применяются для передачи служебной информации.

К тем, которые используются с целью сбора служебных сведений, следует отнести: фотоаппараты, видеокамеры, диктофоны, мобильные телефоны с функциями аудио- фото- или видео фиксации, аппараты для копирования бумажных документов, персональные компьютеры или ноутбуки, с помощью которых осуществляется копирование служебной информации в электронной форме и т.д. С целью передачи могут применяться такие средства, как: стационарные и мобильные телефоны, факсимильные аппараты, средства почтовой связи, компьютерная техника (персональный компьютер, ноутбук, планшет), оборудованная выходом в сеть интернет и т.п. Выбор того или иного средства преступником детерминирован формой, в которой изложена информация (устная, бумажная, электронная, образно-наглядная).

Выводы. Состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 330 УК Украины, является формальным, тогда как в ч. 2 этой статьи – материальным. Тяжелые последствия для интересов государства как результат совершенного преступления являются оценивающим понятием. Степень их тяжести в каждом отдельном случае должна определяться судом. Интерес государства, в первую очередь, составляет защищенность служебной информации в определенных сферах. Обязательным элементом объективной стороны квалифицированного состава преступления является причинная связь между общественно опасным деянием и общественно опасными последствиями. Место совершения преступления детерминировано способом совершения этого преступного деяния. Средствами совершения

преступления, предусмотренного ст. 330 УК Украины, выступают носители служебной информации, а также технические средства сбора и передачи таких сведений. Выбор того или иного средства преступником детерминруется формой, в которой изложена информация (устная, бумажная, электронная, образно-наглядная).

Список использованной литературы:

1. Уголовное право Украины. Общая часть : учебник: в 2 т. / Под ред.: В.В. Сташиса, В.Я. Тация. 4-е изд., перераб. и допол. Харьков : Право, 2010. Т. 1. 456 с.
2. Самойлова О.С. Уголовно-правовая характеристика передачи или собирание сведений, составляющих конфиденциальную информацию, являющуюся собственностью государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 ; Киевский нац. ун-т им. Тараса Шевченко. Киев, 2006. 156 с.
3. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. Москва : Госюриздат, 1960. 244 с.
4. Константинов Д.С. Понятие тяжких и особо тяжких последствий в ч. 2 ст. 43 УК Украины. *Право і безпека*. 2002. № 2. С. 67–71.
5. Горбунова Л.В. Обстоятельства, отягчающие наказание, по уголовному законодательству России и зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук ; Институт экономики, управления и права. Казань, 2003. 197 с.
6. Большой толковый словарь современного украинского языка (доп. и перераб.) / сост. и глав. ред. В.Т. Бусел. Киев ; Ирпень : ПТФ Перун, 2005. 1728 с.
7. Таций В.Я., Грошевий Ю.М. Прокуратура в системе разделения властей. *Вестник Академии правовых наук Украины*. 1999. № 1. С. 61–69.
8. Решение Конституционного Суда Украины по делу по конституционному представлению Высшего арбитражного суда Украины и Генеральной прокуратуры Украины относительно официального толкования положений статьи 2 Арбитражного процессуального кодекса Украины (дело о представительстве прокуратурой Украины интересов государства в арбитражном суде) от 08.04.1999 № 3-рп/99. URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/v003p710-99>. (дата обращения: 16.02.2019).
9. Закон Украины «О национальной безопасности Украины» от 21.06.2018 № 2469-VIII. URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2469-19/card2#Card> (дата обращения: 09.02.2019).
10. Указ Президента Украины «О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 29 декабря 2016 «О Доктрине информационной безопасности Украины» от 25.02.2017 № 47/2017 URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/47/2017> (дата обращения: 09.02.2019).
11. Малинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве. Санкт-Петербург : Издательство Юридический центр Пресс, 2000. 315 с.
12. Тютюгин В.И., Комаров А.Д., Рубашенко М.А. Уголовное право Украины. Общая часть: пособие. для подготовки к экзаменам. 2-е изд., перераб. и под. Харьков : Право, 2017. 202 с.
13. Постановление Кабинета Министров Украины от 19 октября 2016 № 736. «Об утверждении Типовой инструкции о порядке ведения учета, хранения, использования и уничтожения документов и других материальных носителей информации, содержащих служебную информацию». URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/736-2016-%D0%BF> (дата обращения: 09.02.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бойчук Владимир Юрьевич – аспирант кафедры уголовного права № 1 Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boychuk Vladimir Yurevich – Postgraduate Student at the Department of Criminal Law No. 1 of Yaroslav Mudryi National Law University

boychukvu@ukr.net

УДК 338. 486.1:35.073.6(045)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗИМАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО СБОРА В УКРАИНЕ

Анастасия БОКСГОРН,

аспирант кафедры административного права и административного процесса
Одесского государственного университета внутренних дел,
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Одесского государственного университета внутренних дел,
юрисконсульт ООО «ГИДРОХАУС»

АННОТАЦИЯ

В статье автор исследует регулирование туристического сбора как одной из перспективных вех децентрализации и повышения уровня финансовой самостоятельности местных бюджетов в правовом поле. Анализ нормативно-правовых актов и юридической техники позволяет прийти к выводам о наличии пробелов и коллизий в этой области. Среди дискуссионных вопросов можно отметить: целесообразность отсутствия разграничения ночлега и проживания в пределах административно-территориальной единицы, на которой действует решение сельского, поселкового, городского совета или совета объединенной территориальной громады, которая создана в соответствии с законом и перспективным планом формирования территорий граждан, об установлении туристического сбора; отнесение некоторых субъектов к перечню налоговых агентов. Также в статье рассмотрены последние изменения законодательства, касающиеся вопросов ставки туристического сбора.

Ключевые слова: туристический сбор, курортный сбор, местные налоги и сборы, финансовая самостоятельность местных бюджетов.

CURRENT PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF TOURIST IN UKRAINE

Anastasia BOKSHORN,

Postgraduate Student at the Department
of Administrative Law and Administrative Process
Odessa State University of Internal Affairs,
Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines
Odessa State University of Internal Affairs,
Legal Adviser LLC "GIDROHAUS"

SUMMARY

In the article, the author discovers the regulation of tourist tax, as one of the promising milestones of decentralization and increasing the financial independence level of local budgets, in the legal field. The analysis of legal acts and legal technology allow us to come to conclusions about the presence of gaps and law conflicts in this area. Among the controversial issues can be noted: the feasibility of not distinguishing overnight and accommodation within the administrative – territorial unit, which operates the decision of the village, town, city council or council of the united territorial community. It was created in accordance with the law and the long-term plan for the formation of citizens' territories, establishing tourist tax; attribution of some subjects to the list of tax agents. The article also describes the latest changes in legislation relating to issues of tourist tax rates.

Key words: tourist tax, resort tax, local taxes and fees, financial independence of local budgets.

Постановка проблемы. Выбор Украиной евроинтеграционного вектора и взятие на себя различных международных обязательств обуславливает необходимость осуществления реформ законодательства во всех сферах. Одним из главных вопросов является обеспечение местного самоуправления как гарантии возможности влиять на власть и решать вопросы местного значения в пределах Конституции и законов Украины. Нами поддерживается точка зрения Р. Здыбеля, согласно которой во внутренних отношениях неправомерно говорить о существовании демократично-правового государства и независимого местного

самоуправления, если на самом деле самобытность последнего зависит от государственных дотаций, субвенций и централизации финансов и, что является особо негативным и противоречит идее самоуправления, от чрезмерной его политизации [2, с. 8]. Именно такая ситуация обуславливает повышенный интерес к необходимости оптимизации процесса децентрализации власти. Для обеспечения возможности исполнения органами местного самоуправления возложенных на них функций финансовое обеспечение должно осуществляться в соответствии с принципами налогового и бюджетного законодательства. Но существует череда факто-

ров, которые нивелируют возможность существования финансовой самостоятельности. В.А. Величко указывает на то, что финансовую самостоятельность местных органов самоуправления ограничивает не только практически их полная зависимость от общегосударственных доходов, но и нестабильность практики бюджетного регулирования [1, с. 50]. В связи с этим особого внимания заслуживает оптимизация механизма администрирования местных налогов и сборов.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью глубокого и всестороннего изучения административно-правового регулиро-

вания механизма администрирования местных налогов и сборов с целью повышения удельного веса налоговых поступлений в местные бюджеты и, как следствие, обеспечения финансовой автономии на более высоком уровне.

Состояние исследования. Проблематика местных налогов и сборов была предметом рассмотрения в научных трудах множества ученых, среди которых: Н.И. Блащук, Б.Г. Болдырев, Ю.В. Боднарук, Л.К. Воронова, И.Е. Криницкий, Н.П. Кучерявенко, Т.А. Латковская, В.А. Лебедев, А.С. Нестеренко, Н.Ю. Пришва, Л.А. Савченко и другие. Однако если говорить о туристическом сборе, то его изучение попало в поле зрения ограниченного количества ученых, что обусловлено относительной новизной его взимания. Глубокий анализ правового регулирования отдельных его аспектов и аналогов с помощью диахронного и синхронного методов нашел отражение в работах А.А. Копиной, А.Н. Чвалюк и других.

Целью и задачей статьи является исследование механизма администрирования и анализ эффективности взимания туристического сбора в Украине, а также формулирование возможных путей его усовершенствования на основе отечественного и зарубежного опыта.

Изложение основного материала. Впервые весь перечень местных налогов и сборов, которые могут быть установлены на местах, был зафиксирован в Законе Украины «О системе налогообложения» в редакции от 01.04.1994 года. Среди них были: гостиничный сбор; сбор за парковку автомобилей; рыночный сбор; сбор за выдачу ордера на квартиру; курортный сбор; сбор за участие в бегах на ипподроме; сбор за выигрыш на бегах на ипподроме; сбор с лиц, принимающих участие в игре на тотализаторе на ипподроме; налог с рекламы; сбор за право использования местной символики; сбор за право проведения кино- и телесъемок; сбор за проведение местных аукционов, конкурсной распродажи и лотерей; коммунальный налог; сбор за проезд по территории пограничных областей автотранспортом, следующим за рубеж; сбор за выдачу разрешения на размещение объектов торговли [7]. За период, близкий к 25 годам, этот перечень претерпел много существенных изменений. Вследствие них большое

количество налоговых платежей было не только трансформировано и актуализировано, но и вовсе отменено по различным причинам. В соответствии со ст. 10 Налогового кодекса Украины (далее – НК Украины) местные сборы на сегодняшний день представлены сбором за места для парковки транспортных средств и туристическим сбором [3]. Они не являются обязательными к установлению местными советами и устанавливаются на территории территориальной громады по собственному усмотрению решением соответствующего местного совета. Это заслуживает положительной оценки, поскольку современные мировые стандарты местного самоуправления, которые были признаны Украиной, диктуют самостоятельность местных представительных органов. В рамках данной статьи мы хотим остановиться на исследовании туристического сбора, аналогом которого выступал курортный сбор, предусмотренный Декретом Кабинета Министров Украины (далее – КМУ) «О местных налогах и сборах». В соответствии с ним курортный сбор взимался с граждан, прибывших в курортную местность [6]. Перечень населенных пунктов, которые относились к курортным, был утвержден Постановлением КМУ от 28.12.1996 года № 1576 [5]. Общий порядок его установления и взимания на сегодняшний день регламентирован ст. 268 НК Украины. Законодательное определение сбора крайне лаконично и не отражает его сущности. В соответствии с п. 268.1 ст. 268 НК Украины он представляет собой местный сбор, средства от которого зачисляются в местный бюджет [3].

Попробуем самостоятельно разобраться в содержании туристического сбора, а именно порядке его взимания и корреляции с полученными благами для плательщиков данного сбора, которыми выступают граждане Украины, иностранные граждане и лица без гражданства, которые прибывают на территорию административно-территориальной единицы, на которой действует решение сельского, поселкового, городского совета или совета объединенной территориальной громады, созданной в соответствии с законом и перспективным планом формирования территорий граждан,

об установлении туристического сбора, и временно размещаются в местах проживания (ночлега), определенных пп. 268.5.1 п. 268.5 ст. 268 НК Украины [3]. А.Н. Чвалюк отмечает, что если обратиться к почве взимания туристического сбора, то ею является тот факт, что лицо прибывает в определенную местность и получает возможность пользоваться определенными благами, которые в ней находятся, и поэтому согласно законодательству у лица возникает обязанность уплатить деньги за полученное право. Ученый также настаивает на необходимости определения минимального временного периода, достаточного для получения этих благ, поскольку разграничений между пребыванием и ночлегом НК Украины не содержит [8, с. 135]. Такое умозаключение представляется вполне логичным и согласованным с законодательным определением туризма. Согласно ст. 1 Закона Украины «О туризме» (далее – Закон) туризм представляет собой временный выезд лица с места проживания в оздоровительных, познавательных, профессионально-деловых или иных целях без осуществления оплачиваемой деятельности в месте, куда лицо отъезжает. В то же время турист – лицо, которое осуществляет путешествие по Украине или в другую страну из не запрещенной законом страны пребывания на срок от 24 часов до одного года без осуществления любой оплачиваемой деятельности и с обязательством покинуть страну или место пребывания в указанный срок. Предложение внести изменения в НК Украины и определить такую особенность сбора, как «пребывание на территории административно-территориальной единицы, на которой действует решение сельского, поселкового или городского совета об установлении туристического сбора на срок более суток», по нашему мнению, также заслуживает внимания [8, с. 135].

Ситуация, существующая на сегодняшний день, характеризуется наличием правовых коллизий и дискуссионных моментов. В соответствии с п. 268.4.1 п. 268.4 ст. 268 НК Украины базой взимания сбора является общее количество суток временного размещения в местах проживания (ночлега), определенных пп. 268.5.1 п. 268 ст. 268 НК Украины. То есть лицо, которое при-

бывает на территорию, где взимается данный сбор, на период ночлега, обязано уплачивать его в полном размере аналогично с лицами, прибывшими на сутки. С другой стороны, лица, которые проведут на данной территории меньше времени, нежели установлено вышеупомянутым Законом в качестве критерия отнесения к категории туристов, априори не считаются туристами, и необходимость уплаты именно «туристического сбора» ими вообще кажется спорной. Также не совсем понятно, с какого момента начинается исчисление времени, проведенного лицом на территории определенной административно-территориальной единицы и каким образом можно проконтролировать правильность данных расчетов. Таким образом, корреляция между уплатой сбора как обязательного платежа в соответствующий бюджет, который взимается с плательщиков сборов, с условием получения ими специальной выгоды, в том числе вследствие совершения в пользу таких лиц государственными органами, органами местного самоуправления, другими уполномоченными органами и лицами юридически значимых действий и получением блага, усматривается несколько слабо.

Наряду с этим также вызывает вопросы исключение детских лечебно-профилактических, физкультурно-оздоровительных и санаторно-курортных заведений из перечня плательщиков данного сбора. Фактически юридические лица различных форм собственности, их филиалы, отделения и иные обособленные подразделения не выступают плательщиками сбора, а могут быть только налоговыми агентами. Представляется возможным допущение, что речь идет о лицах, прибывающих в эти заведения, хотя дети в возрасте до 18 лет и так не попадают под налогообложение. Но пп. 268.5.1 п. 268.5 ст. 268 НК Украины среди перечня альтернативных мест проживания (ночлега), размещение в которых может быть основанием для взимания сбора при соблюдении процедуры его установления, упоминает и санаторно-курортные заведения [3]. Таким образом, складывается ситуация, когда гипотетически возможный налоговый агент, включенный в перечень таковых, по факту не может им

быть вовсе. В связи с этим логичным является исключение санаторно-курортных заведений из перечня налоговых агентов и внесение изменений в пп. 268.2.2 п. 268.2 ст. 268 НК Украины, а именно исключение из него фразы «є) дитячі лікувально-профілактичні, фізкультурно-оздоровчі та санаторно-курортні заклади».

Важной вехой развития в виде кардинальной реформации исследуемого нами сбора является внесение изменений в части его ставки. Практически до конца прошлого года ее размер мог варьироваться в пределах от 0,5 до 1 процента по отношению к базе его взимания. На тот момент базой выступала стоимость периода проживания (ночлега) в местах, определенных пп. 268.5.1 п. 268 ст. 268 НК Украины (в предыдущей редакции), за вычетом налога на добавленную стоимость. В стоимость проживания не включались расходы на питание или бытовые услуги (стирка, чистка, починка и глажка одежды, обуви или белья), телефонные счета, оформление загранпаспортов, разрешений на въезд (виз), обязательное страхование, расходы на устный и письменный переводы, другие документально оформленные расходы, связанные с правилами въезда [3]. После вступления в законную силу положений Закона Украины «О внесении изменений в Налоговый кодекс Украины и некоторые другие законодательные акты Украины относительно улучшения администрирования и пересмотра ставок отдельных налогов и сборов» [4] ставка сбора в НК Украины дифференцируется в зависимости от вида туризма, а именно не более 0,5 процента – для внутреннего туризма, и в пределах 5 процентов, если речь идет о въездном туризме. Кроме того, теперь ее исчисление происходит в зависимости от размера минимальной заработной платы, установленной законом на 1 января отчетного (налогового) года. По нашему мнению, такой подход является более обоснованным с точки зрения принципа социальной справедливости и равенства всех плательщиков перед законом, недопущения любых проявлений налоговой дискриминации. Дополнительные блага в виде модернизированной мебели, более развитой инфраструктуры самого места проживания (ночлега)

и в целом более комфортные условия для пребывания и так оплачиваются лицом и представляют собой «стоимость проживания», а размещение объектов на большей площади, в престижном районе или получение прибыли в большом объеме связано с иными налоговыми платежами. Дальнейший ход рассуждений сводится к анализу объема финансовых поступлений. Возможность установления более высоких ставок для нерезидентов, на первый взгляд, кажется одним из путей обеспечения экономической стабильности местных бюджетов, развития инфраструктуры и туристической отрасли. С другой стороны, такой подход ставит под сомнение соблюдение вышеуказанных принципов. Кроме того, эффективность функционирующей системы налогообложения может оцениваться только с помощью системного подхода, а значит, существует риск снижения потока туристов в Украину и, как следствие, снижение налоговых поступлений по иным налогам и сборам. Исследования в направлении оценки уровня экономической эффективности, равно как и изучение зарубежного опыта взимания туристического сбора, будет предметом дальнейших исследований.

Выводы. Сущность вышеизложенного сводится к тому, что туристический сбор представляет собой необязательный местный сбор, правовое регулирование которого нуждается в более взвешенном подходе и на сегодняшний день является несовершенным. Разумеется, имплантация нового концепта требует значительной научной апробации и более глубокого изучения. Анализ законодательной базы позволил определить некоторые проблемные моменты и сделать предложения относительно их устранения. Речь идет о возможности градации в уплате сбора соразмерно с временем пребывания в пределах административно-территориальной единицы, на которой действует решение сельского, поселкового, городского совета или совета объединенной территориальной громады, которая создана в соответствии с законом и перспективным планом формирования территорий граждан об установлении туристического сбора. Также считается возможным внесение изменений в положения, касающиеся льгот по данному сбору. Относительно

сравнительной характеристики туристического сбора, взимаемого на основании законодательства, регулирующего данный вопрос до начала 2019 года и после, еще рано делать выводы. Прогнозируемые показатели могут отличаться от фактически полученных объемов финансовых ресурсов. Что же касается теоретических аспектов, то зависимость ставки от размера минимальной заработной платы, установленной законом на 1 января отчетного (налогового) года, по нашему мнению, является более обоснованной, нежели подход, применяемый ранее.

Список использованной литературы:

1. Величко В.О. Фінансова самостійність органів місцевого самоврядування. *Державне будівництво та місцеве самоврядування*. 2015. № 30. С. 49–61.
2. Здибель Р. Роль місцевого самоврядування в демократичній правовій державі. *Економічний часопис – XXI*. 2010. № 9. С. 7–11.
3. Податковий кодекс України : Закон України від 02.12.2010 № 2755-VI. *Відомості Верховної Ради України (ВВР)*. 2011. № 13-14. № 15-16. № 17. Ст. 112.
4. Про внесення змін до Податкового кодексу України та деяких інших законодавчих актів України щодо покращення адміністрування та перегляду ставок окремих податків і зборів : Закон України від 23.11.2018 № 2628-VIII. *Відомості Верховної Ради України (ВВР)*. 2018. № 49. Ст. 399.
5. Про затвердження переліку населених пунктів, віднесених до курортних : Постанова Кабінету Міністрів України від 28.12.1996 № 1576. *Урядовий кур'єр*. 1997. 23 січня.
6. Про місцеві податки і збори : Декрет Кабінету Міністрів України від 20.05.1993 № 56-93. *Відомості Верховної Ради України (ВВР)*. 1993. № 30. Ст. 336.
7. Про систему оподаткування : Закон України від 25.06.1991 № 1251-XII. *Відомості Верховної Ради України (ВВР)*. 1991. № 39. Ст. 510.
8. Чвалюк А.М. Законодавчі неузгодженості при адмініструванні туристичного збору. *Прикарпатський юридичний вісник*. 2014. № 2. С. 133–142.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Боксгорн Анастасия Викторовна – аспирант кафедры административного права и административного процесса Одесского государственного университета внутренних дел, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Одесского государственного университета внутренних дел, юрист-консульт ООО «ГИДРОХАУС»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bokshorn Anastasia Victorovna – Postgraduate Student at the Department of Administrative Law and Administrative Process Odessa State University of Internal Affairs, Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines Odessa State University of Internal Affairs, Legal Adviser LLC “GIDROHAUS”

boksgorn1996@gmail.com

УДК 349.3:364

ПРИЗНАКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПРАВА НА СОЦИАЛЬНУЮ ЗАЩИТУ

Екатерина БОРИЧЕНКО,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения
Национального университета «Одесская юридическая академия»

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена характеристике признаков международных стандартов права на социальную защиту. Сделан вывод о том, что их можно поделить на две группы: содержательные и функциональные. К содержательным признакам международных стандартов права на социальную защиту предложено относить таких их свойства, которые определяют особенности формулировки и закрепления соответствующих стандартов в тексте международно-правовых актов. В свою очередь функциональные признаки исследуемых стандартов характеризуют механизм их реализации в национальной правовой системе, влияние на общественные отношения в сфере социальной защиты. В статье определены соответствующие признаки международных стандартов права на социальную защиту и раскрыто их содержание.

Ключевые слова: права человека, право на социальную защиту, международные стандарты прав человека, международные стандарты права на социальную защиту, признаки международных стандартов права на социальную защиту.

SIGNS OF INTERNATIONAL STANDARDS OF THE RIGHT TO SOCIAL PROTECTION

Kateryna BORYCHENKO,

Candidate of Law,

Associate Professor of the Department of Labor Law and Social Security Law
of the National University "Odessa Law Academy"

SUMMARY

The article is devoted to the characterization of the signs of international standards of the right to social protection. It is concluded that they can be divided into two groups: meaningful and functional. To the substantive indications of international standards of the right to social protection, it is proposed to refer to such properties which define the specifics of the wording and fixing of the relevant standards in the text of international legal acts. In turn, the functional characteristics of the studied standards characterize the mechanism of their implementation in the national legal system, influence on social relations in the sphere of social protection. The article defines the relevant features of international standards of the right to social protection and discloses their content.

Key words: human rights, the right to social protection, international human rights standards, international standards of the right to social protection, signs of international standards of the right to social protection.

Постановка проблемы. На современном этапе развития мирового сообщества проблема обеспечения прав и свобод человека стала доминирующей. В условиях сложных экономических и политических преобразований, которые происходят в большинстве стран мира, именно эффективное обеспечение права на социальную защиту имеет едва ли не наибольшее значение для нормального функционирования государства. Очевидно, что именно государство должно создать надлежащие условия для функционирования эффективной системы социальной защиты населения, что невозможно без соблюдения международных стандартов в этой сфере.

В то же время, несмотря на значение комплекса норм, закрепленных в международных актах, которые в результате их легализации во вну-

треннем законодательстве государства становятся обязательными для реализации или применяются добровольно и определяют минимально необходимые либо желаемые содержание и/или объем права на социальную защиту, для качественного обеспечения соответствующего субъективного права личности в науке права социального обеспечения так и не сформулировано однозначное определение международных стандартов права на социальную защиту, что обуславливает актуальность исследования признаков соответствующей правовой категории.

Целью статьи является характеристика содержания признаков международных стандартов права на социальную защиту, отображающих особенности исследуемой правовой категории в системе международных стандартов прав человека и гражданина.

Состояние исследования. Международные стандарты прав человека были предметом научных исследований таких ученых, как Н.А. Баиева, Г.С. Лаптев, П.М. Рабинович, А.Н. Руднева и другие. В отраслевой науке права социального обеспечения этой теме посвящены научные труды таких ученых, как Н.Б. Болотина, А.А. Гудзь, В.Л. Костюк, С.Н. Прилипко, С.Н. Синчук, Б.И. Сташків, М.Н. Шумило, А.М. Юшко и другие. В то же время научные труды этих и многих других представителей науки права социального обеспечения касались преимущественно определения степени соответствия содержанию международных стандартов права на социальную защиту положений нормативно-правовых актов Украины без посвящения достаточного внимания вопросам понятийно-категориального аппарата.

Изложение основного материала.

Как отмечает П.М. Рабинович, выделяются такие признаки международных стандартов прав человека:

1) фиксация ими определенного содержания, или определенного объема, или одновременно содержания и объема прав человека. Эти стандарты являются закрепленными в международных актах и других международных документах показателями прав человека, к достижению которых обязуются либо поощряются государства;

2) обязательность (или желательность) соблюдения государствами международных стандартов прав человека. Такое свойство этих стандартов некоторые авторы называют модельностью;

3) специфика санкций за нарушение указанных стандартов, которые в основном имеют либо политико-юридический (относительно обязательных предписаний), либо сугубо политический (относительно рекомендательных предписаний) характер и возлагаются именно на государство;

4) универсальность (всемирная или региональная);

5) предельная абстрактность применяемых в них понятий и терминов (среди которых часто преобладают понятия сугубо оценочного характера [1, с. 25]);

6) исторически содержательная динамичность, что означает невозможность статического сохранения содержания и объема стандартов, они должны поддерживать тесную связь с решениями национальных судов, общественным мнением [2, с. 227], а следовательно, зависят от конкретных исторических обстоятельств, от достигнутого уровня развития общества [3, с. 26].

Н.А. Баиева исследовала особенности именно международных стандартов социальных прав человека [4]. Она отмечает, что таковыми являются следующие положения:

1) отсутствие комплексного международно-правового акта, который закреплял бы стандарты социальных прав человека;

2) первоочередность интересов личности перед потребностями общества, государства, религии;

3) характерность формулировки базовых положений путем использования словосочетаний и терминов реко-

мендательного, абстрактного характера, которые часто имеют оценочное значение;

4) неконкретность, размытость международных обязательств государств по их реализации;

5) зависимость реализации права на социальную защиту от экономических возможностей государства;

6) обязательность (в некоторых случаях желательность) соблюдения государствами международных стандартов в сфере социальной защиты.

В свою очередь Г.С. Лаптев к основным признакам международных стандартов в сфере социальной защиты относит такие:

1) их закрепление в правовых актах международного характера;

2) направленность на регулирование общественных отношений в сфере социальной защиты путем взаимодействия международного и внутреннего государственного правопорядков;

3) модельный характер положений, определяющих и устанавливающих лишь основы социальной защиты, что позволяет государствам-участникам при наличии достаточных финансовых и материальных ресурсов повышать уровень социальных гарантий;

4) позиционирование как правовых средств в механизме международно-правового регулирования отношений по социальной защите;

5) направленность на формирование национальной системы социальной защиты, отвечающей современным представлениям цивилизованного общества об условиях и уровне социальной защищенности населения;

6) добровольность взятия государством на себя соответствующих международных обязательств при ратификации международных документов [5, с. 7].

Так, одним из признаков международных стандартов права на социальную защиту является их универсальность, проявляющаяся в том, что они являются едиными для всех государств (стран конкретного региона), которые присоединились к соответствующему международно-правовому акту (в случае, если последний является источником их закрепления), а требования, устанавливаемые ими, имеют одинаковую степень императивности независимо от того, в каком государстве они

применяются [8, с. 19]. В то же время универсальность международных стандартов данного вида сочетается с таким, казалось бы, противоположным их признаком, как возможность неоднозначной интерпретации содержания обязательств государства в сфере социальной защиты в различных культурных контекстах.

Несмотря на универсальность понимания международных стандартов в сфере социальной защиты, к сожалению, нельзя утверждать, что в международной нормотворческой практике создан единообразный подход к их формулировке. Большинство стандартов права на социальную защиту, закрепленных в международно-правовых актах, касаются исключительно определения содержания исследуемого субъективного права личности. Так, например, согласно Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) каждый человек, будучи членом общества, имеет право на социальное обеспечение (ст. 22), которое включает в себя такие направления:

– право на получение мер социальной защиты (в частности, денежных выплат) в случае безработицы (ст. 23);

– право на такой жизненный уровень (включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание), который необходим для поддержания здоровья и благосостояния человека и его семьи (ст. 25);

– право на обеспечение на случай болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от человека обстоятельствам (ст. 25) и так далее.

Так, несмотря на довольно объемное содержание права на социальную защиту, гарантированное Всеобщей декларацией прав человека (1948 г.), данный международно-правовой акт не определил объем такого права – применяются нечеткие формулировки, которые совершенно не способствуют созданию представления о гарантированной на международном уровне возможности получения реальных мер социальной защиты с целью преодоления либо предотвращения сложных жизненных обстоятельств в жизни человека.

Несколько иной подход к формулированию международных стандартов права на социальную защиту был

применен Международной организацией труда при принятии Конвенции № 102 о минимальных нормах социального обеспечения (1952 г.), которой определены стандарты в сфере социальной защиты, связанные с наступлением традиционных социальных рисков. Данным международным актом определено не только содержание права на социальную защиту, которое реализуется в связи с наступлением последствий названных социальных рисков, но и его объем.

Отдельно стоит обратить внимание на то, что среди многочисленных международных актов, закрепляющих стандарты права на социальную защиту, никакой не определяет исключительного объема исследуемого права.

Важно также отметить, что, несмотря на универсальность международных стандартов права на социальную защиту, их содержание не является неизменным. Они постоянно повышаются одновременно с достижением обществом более высокого уровня развития.

Международные стандарты права на социальную защиту могут быть изменены как самим нормотворческим субъектом в связи с развитием общества, так и законодательством конкретного государства, которое взяло на себя обязательства по их соблюдению. В то же время не требует особых объяснений тот факт, что соответствующие различия могут быть введены в национальную юридическую практику только в сторону улучшения правового положения лица, а именно закрепления более высокого по сравнению с международно-правовым актом уровня социальной защиты в законодательстве государства. Обратная ситуация недопустима.

Соответствующие различия в объеме стандартов права на социальную защиту, которые устанавливаются как при их пересмотре, так и в процессе применения в национальной юридической практике, обусловлены в первую очередь тем, что интерес человека к определению содержания стандартов имеет первостепенное значение по сравнению с интересами государства и общества. Соответствующий принцип (признак) международных стандартов в целом и стандартов в сфере социальной защиты в частности закреплен также нормативно. Так, в соответствии со ст. 3 Конвенции ООН о правах ребен-

ка (1989 г.) во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными либо частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка. Статьи 1, 2 Конвенции Международной организации труда № 117 об основных целях и задачах социальной политики (1962 г.) также предусматривают, что вся политика должна быть направлена прежде всего на достижение благосостояния и развития населения, а также на поощрение его стремления к социальному прогрессу; при планировании экономического развития основной целью, на достижение которой оно направлено, должно определяться повышение уровня жизни населения.

В то же время, несмотря на первоочередность интересов человека при определении содержания международных стандартов соответствующих прав, особенно в сфере социальной защиты, к сожалению, следует констатировать, что все обязательства государств, которые они берут на себя при ратификации закрепляющих их международных документов, могут отличаться исходя из их экономических возможностей. Так, во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) указано, что каждый человек как член общества имеет право на социальное обеспечение и осуществление необходимых для поддержания его достоинства и свободного развития личности прав в экономической, социальной и культурной сферах при содействии национальных усилий и международном сотрудничестве, а также в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства. Похожие по содержанию положения закреплены Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), согласно которому государства-участники принимают надлежащие меры по обеспечению осуществления права каждого на достаточный жизненный уровень для себя и своей семьи, признавая важное значение в этом отношении международного сотрудничества, основанного на свободном согласии (ст. 11).

Никакие конкретные обязательства государства по соблюдению названных

стандартов права на социальную защиту соответствующими международными актами не определены, не установлена минимальная граница усилий государства, которые должны предприниматься с определенной целью, что свидетельствует о неконкретности обязательств государства, взятых на себя при ратификации соответствующих международно-правовых актов. Кроме того, объем соответствующих действий со стороны государства зависит от его национальных особенностей (государственного устройства, формы правления, состояния развития экономики и так далее), что не способствует унификации системы социальной защиты в мире.

Не способствует однозначности в определении содержания стандартов права на социальную защиту также применение в тексте международно-правовых актов о правах человека оценочных понятий, таких как «максимально возможная мера», «достаточный жизненный уровень», «достаточное питание», «непрерывное улучшение условий жизни», «надлежащие меры», «наиболее достижимый уровень» и другие. Применение названных категорий при определении содержания международных стандартов права на социальную защиту приводит к тому, что различными субъектами соответствующие понятия оцениваются исходя из их внутреннего убеждения, что фактически делает невозможным однообразное понимание таких категорий, не позволяет избежать споров в данной сфере, а следовательно, не способствует унификации правового регулирования отношений в сфере социальной защиты независимо от страны его осуществления.

Кроме того, признаком международных стандартов права на социальную защиту является их направленность на регулирование общественных отношений, в которых удовлетворяется интерес управомоченного лица на получение конкретных материальных благ и/или нематериальных мер с целью предупреждения, преодоления и/или смягчения неблагоприятных последствий социальных рисков, адаптации человека к новым условиям жизнедеятельности. Правовая основа данного свойства исследуемой категории в Украине заложена в ст. 9 Конституции Украины, согласно которой действующие международные договоры, в том

числе и закрепляющие международные стандарты права на социальную защиту, согласие на обязательность которых предоставлено Верховной Радой Украины, являются частью национального законодательства Украины.

Соответствующий признак исследуемой категории закреплен не только на конституционном уровне, но и в текущем законодательстве. Например, в ст. 2 Закона Украины «О государственной социальной помощи лицам, не имеющим права на пенсию, и лицам с инвалидностью» от 18 мая 2004 г. закреплено, что условия назначения и выплаты соответствующей помощи могут также предусматриваться международными договорами Украины, при этом нормы соответствующих актов имеют приоритет над национальным законодательством в случае улучшения положения управомоченного лица. Аналогичные положения содержатся в Основах законодательства Украины о здравоохранении от 19 ноября 1992 г. (ст. 1), Законе Украины «О занятости населения» от 5 июля 2012 г. (ст. 2), Законе Украины «Об основах социальной защищенности лиц с инвалидностью в Украине» от 21 марта 1991 г. (ст. 1) и других актах.

Уже отмечалось, что в современных условиях стандарты в сфере социальной защиты закреплены большим количеством международных актов, что обусловлено несколькими факторами. Во-первых, самой природой права на социальную защиту, включающего в себя менее объемные по содержанию социально-обеспечительные права на получение отдельных видов социальной защиты. Соответственно, международным актом могут быть закреплены как стандарты права на социальную защиту в целом (общие акты), так и стандарты права на получение конкретных видов социальной защиты, права на социальную защиту отдельных категорий лиц, что связано с наступлением определенного социального риска (специальные акты).

Во-вторых, в связи с тем, что содержание и объем стандартов права на социальную защиту довольно часто пересматривается в связи с развитием общества, заключаются новые международные договоры, принимаются декларации, конвенции, пакты и так далее. В то же время принятие нового между-

народного акта, в котором пересмотрены стандарты права на социальную защиту, в отличие от актов национального законодательства не означает автоматическую отмену применения предыдущего, поскольку круг государств, которые присоединились к соответствующим договорам, может отличаться.

В-третьих, социальная защита, наверное, является одной из самых динамичных сфер деятельности международного сообщества и отдельных государств, что связано с постоянным расширением перечня социальных рисков, которые могут наступить в жизни человека, а соответственно, и категорий управомоченных лиц.

Существование такого количества международно-правовых актов, которыми закреплены стандарты права на социальную защиту, не означает, что все они являются частью национального законодательства, поскольку обязательства, определенные ими, берутся государствами на себя добровольно путем подписания международного договора, его ратификации, утверждения, принятия или присоединения (зависит от конкретного случая).

Добровольность принятия на себя государствами соответствующих обязательств по международным договорам следует из процедуры признания их обязательности для каждого конкретного государства. Так, согласно положениям Венских конвенций о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. и 14 апреля 1986 г. согласие государства на обязательность для него договора может быть выражено подписанием договора, обменом документами, утверждением, присоединением к нему или любым другим способом, о котором договорились стороны. Ключевым в данной норме является факт именно добровольного предоставления согласия на обязательность положений международного договора для конкретного государства.

Кроме того, о добровольности взятия на себя государствами соответствующих обязательств свидетельствует национальная процедура ратификации, утверждения, принятия, присоединения к международному договору. Так, например, в ст. 59 Конституции ФРГ предусмотрено, что ратификация договора осуществляется главой государства – федеральным президентом при

условии принятия парламентом закона об одобрении международного договора [9]. Без парламентского согласия глава государства не имеет права осуществлять ратификацию договора. Соответствующая процедура ратификации международных договоров предусмотрена также законодательством Чешской Республики [10].

В ст. 9 Закона Украины «О международных договорах Украины» от 26 июня 2004 г. также предусмотрено, что ратификация международного договора осуществляется на основании соответствующего предложения, сделанного Министерством иностранных дел Украины. Аналогичная процедура ратификации международных договоров определена Федеральным законом Российской Федерации «О международных договорах Российской Федерации» от 16 июня 1995 г. [11].

Кроме того, Венскими конвенциями о праве международных договоров предусмотрено право каждого государства на оговорку – одностороннее заявление, с помощью которого государство заявляет об исключении либо изменении юридического действия определенных положений договора в их применении к данному государству. То есть государства, учитывая особенности национальной практики, могут отказаться либо отсрочить момент принятия на себя обязательств по соблюдению определенных международных стандартов, в частности права на социальную защиту. Соответствующие заявления также делаются добровольно.

Отдельно стоит обратить внимание на то, что в случае подписания договора, обмена документами, утверждения, присоединения к нему или взятия государством на себя соответствующих обязательств любым другим способом, о котором договорились стороны, положения такого договора становятся обязательными для применения и исполнения.

В то же время не все международные акты, в которых закреплены стандарты права на социальную защиту, подлежат ратификации. Достаточно часто стандарты в сфере социальной защиты определяются декларациями и соблюдаются в добровольном порядке исходя из значения соответствующего документа. Ярким примером в этом отношении является Всеобщая декларация прав человека (1948 г.) как

политико-правовой документ международного уровня, провозглашающий определенные намерения, ценности, принципы внешней и внутренней политики государств, которых они должны придерживаться, основные положения сотрудничества в сфере обеспечения прав человека. Данный международный акт не подлежит ратификации, однако, учитывая его значимость, применяется всеми государствами мира.

Примером желательности соблюдения стандартов в сфере социальной защиты является их закрепление рекомендациями Международной организации труда – международными документами, которые разработаны и приняты Международной организацией труда с целью расширения содержания той или иной конвенции. Рекомендации касаются вопросов, которые не создают формальные обязательства государств – членов Международной организации труда, а охватывают технические аспекты соответствующей политики, не подлежат ратификации, следовательно, их положения являются желательными для применения, однако не обязательными.

Одним из признаков международных стандартов права на социальную защиту является также взаимодействие международного и внутригосударственного правопорядков с целью обеспечения их соблюдения, осуществляемое в форме контроля.

Как отмечает Н. Вальтикос, одной из самых совершенных систем контроля за соблюдением обязательств, взятых на себя государствами при ратификации международных договоров, является соответствующая деятельность Международной организации труда [12, с. 125], которая представлена двумя составляющими:

– постоянным наблюдением (что заключается в периодических докладах государств – членов Международной организации труда);

– рассмотрением жалоб и заявлений специализированными контрольными органами Международной организации труда о нарушении различных международных стандартов, в частности права на социальную защиту.

Выводы. На основании проанализированных позиций ученых относительно определения перечня признаков международных стандартов прав

человека, международных стандартов в сфере социальной защиты можно констатировать, что международным стандартам права на социальную защиту присущи содержательные и функциональные признаки.

Содержательными признаками международных стандартов права на социальную защиту являются такие их свойства, которые определяют особенности формулировки и закрепления соответствующих стандартов в тексте международно-правовых актов. К их числу относятся такие: 1) всемирная (региональная) универсальность; 2) фиксация ими содержания либо содержания и объема права на социальную защиту; 3) зависимость от уровня развития общества; 4) невозможность сужения содержания; 5) первоочередность интереса человека в определении содержания стандарта; 6) ограниченность большинства стандартов экономическими возможностями государства; 7) применение оценочных понятий; 8) неконкретность обязательств.

В свою очередь функциональные признаки исследуемых стандартов характеризуют механизм их реализации в национальной правовой системе, влияния на общественные отношения в сфере социальной защиты. Функциональными признаками международных стандартов права на социальную защиту являются такие положения: 1) направленность на регулирование общественных отношений в сфере социальной защиты; 2) значительное количество международных актов, в которых закреплены стандарты права на социальную защиту; 3) обязательность или желательность соблюдения; 4) взаимодействие международного и внутригосударственного правопорядков с целью обеспечения их соблюдения; 5) специфичность санкций, налагаемых за несоблюдение стандартов; 6) обязательства по соблюдению стандартов приобретаются государствами добровольно.

Список использованной литературы:

1. Косович В.М. Оцінювання й оцінки у національному й міжнародному правозахисті / НДІ держ. будівництва та місцевого самоврядування АПРн України. Львів : Світ, 2006. 251 с.

2. Beddard R. Human Rights and Europe / R. Beddard. Cambridge University Press, 1994. 308 p.

3. Рабінович П.М., Венецька О.О. Міжнародні стандарти прав людини: загальні ознаки, класифікація. *Вісник Академії правових наук України*. 2012. № 4(71). С. 18–28.

4. Баиева Н.А. Социальные права в системе прав человека. *Вузовская наука – Северо-Кавказскому региону* : материалы VII региональной научно-технической конференции, г. Ставрополь, 3–4 сентября 2003 г. Ставрополь : Северо-Кавказский государственный технический университет, 2003. С. 10–14.

5. Лаптев Г.С. Международные стандарты социального обеспечения : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. Омск, 2011. 224 с.

6. Руднева О.М. Поняття та ознаки міжнародних стандартів прав і свобод людини. *Держава і право*. 2010. Вип. 49. С. 17–42.

7. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland (23. Mai 1949). URL: <https://www.bundestag.de/grundgesetz>.

8. Ústava České republiky ze dne 16. prosince 1992. URL: <https://www.psp.cz/docs/laws/constitution.html>.

9. О международных договорах Российской Федерации : Федеральный Закон от 16 июня 1995 г. № 101-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.

10. Valticos N. International labour standards and human rights: Approaching the year 2000. *International Labour Review*. 1998. Vol. 137. № 2. P. 135–147.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бориченко Екатерина Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Национального университета «Одесская юридическая академия»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Borychenko Kateryna Valerevna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Labor Law and Social Security Law of the National University “Odessa Law Academy”

rina.bori4enko@gmail.com

УДК 340.12

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР И ИДЕОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ

Наталия БРОВКО,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
теоретико-правовых и социально-гуманитарных дисциплин
Белоцерковского национального аграрного университета

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию мировой и отечественной духовно-исторической и философско-правовой мысли по вопросам значения мировоззренческого характера и идеологических аспектов для формирования основ правосознания и правовой культуры как общечеловеческих ценностей, определению ориентиров их применения и дальнейшего развития в право-творческой и правоприменительной деятельности демократического, правового и социального Украинского государства.

По результатам исследования автор делает определенные выводы, которые заключаются в следующем: во-первых, мировоззрение общественно сознательной личности является формой духовно-практического понимания этого явления как интегративной целостной системы (онтологическая составляющая); во-вторых, система мировоззрения личности складывается в процессе воспитания с целью усвоения юридических знаний, философско-правовых убеждений и ориентации на общечеловеческие ценности (аксиологическая составляющая); в-третьих, социальная производительность мировоззренческих убеждений формируется в процессе познания и восприятия личностью не только нормативных предписаний, но и историко-культурного наследия, морально-этических правил, обычаев и менталитета населения, которые являются основой жизнедеятельности социума (социально-политическая составляющая).

Ключевые слова: воспитание, общечеловеческие ценности, правосознание, правовой нигилизм, мировоззрение, система, юридические знания.

WORLDVIEW CHARACTER AND IDEOLOGY OF FORMATION OF PERSONALITY CONSCIOUSNESS IN THE PROCESS OF EDUCATION AND TRAINING

Nataliia BROVKO,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Theoretical Legal
and Social Humanitarian Disciplines
of Bila Tserkva National Agrarian University

SUMMARY

The article is devoted to the study of world and domestic spiritual-historical and philosophical and legal thought on the issues of the ideological nature and ideological aspects in the process of formation of the principles of legal consciousness and legal culture as universal values, determining the guidelines for their application and further development in law-making and law-enforcement activities of democratic, legal and the social Ukrainian state.

According to the results of the research, the author makes some conclusions, which are as follows:

- 1) first, the worldview of a socially conscious person is a form of spiritual and practical understanding of this phenomenon as an integrative integral system (ontological component);
- 2) secondly, the system of personality outlook is formed in the process of education in order to assimilate legal knowledge, philosophical and legal beliefs and orientation to universal values (axiological component);
- 3) thirdly, the social productivity of ideological beliefs is formed in the process of knowledge and perception of the person not only of normative prescriptions, but also of historical and cultural heritage, moral and ethical rules, customs and the mentality of the population, which are the basis of the vital activity of society (socio-political component).

Key words: education, universal values, legal consciousness, legal nihilism, worldview, system, legal knowledge.

Постановка проблемы. Правосознание – давний философско-правовой феномен, который охватывает мифологическое и религиозное мировоззрение, согласно которому общественный порядок должен порождать космический и природный порядок, основываясь на идеологии космологических мифов, которые негативно оценивают хаос и беспорядок. В течение

всего многовекового периода генезиса социума непосредственное влияние на особенности формирования мировоззренческого характера правосознания индивидуума имели религиозные догматы и идеологические установки, моральные и правовые нормы, которые определяли общепризнанные сообществом цели и интересы его жизнедеятельности.

Актуальность темы исследования. Исследование правосознания – далеко не новая проблематика для ученых, но, несмотря на это, она не теряет свой научный интерес. Всесторонний анализ влияния мировоззрения на формирование основ правосознания и правовой культуры в современных условиях трансформации общественных отношений в процессе станов-

ления украинской государственности приобретают особую актуальность, ведь именно от уровня правосознания общества зависит построение нового европейского государства.

Состояние исследования. Некоторые аспекты генезиса мировоззрения как составляющей идеологии формирования правосознания и правовой культуры анализировали: С. Алексеев, Р. Байниязов, А. Валицкий, А. Гетьман, И. Гобозов, Ю. Денежный, С. Гусев, А. Данильян, В. Желтова, Д. Керимов, М. Костицкий, Н. Костицкая-Кушакова, В. Малахов, В. Нерсисянц, И. Никитина, А. Потякин, П. Рабинович В. Сальников, М. Смоленский, М. Соболева, Е. Соловьев, А. Спиркин, В. Сташис В. Тацій Ю. Тихонравов, Ю. Тодика В. Толстых, С. Ханеев, Е. Чиченева, Б. Чмиль и многие другие. Однако, несмотря на значительное количество публикаций, вопросы, связанные с определением природы, сущности и закономерностей генезиса этого процесса, все еще остаются малонаисследованными.

Цель статьи – на основании аналитического исследования мировой и отечественной духовно-исторической и философско-правовой мысли по вопросам определения мировоззренческого характера и идеологических аспектов формирования основ правосознания и правовой культуры как общечеловеческих ценностей определить ориентиры их применения и дальнейшего развития в правотворческой и правоприменительной деятельности демократического, правового и социального Украинского государства.

Изложение основного материала. Вопросы, связанные с исследованием мировоззрения человека как социально-психологического феномена и сложного духовного явления, которое составляет ядро личности, формирует основу ее жизненной программы, исходя из совокупности убеждений, оценок, взглядов и принципов, определяющих самое общее видение и понимание мира, являются извечной философской проблемой.

С точки зрения аксиологии как философского учения о ценности мировоззрение иногда сравнивают с интегрированной системой, сплавом ценностей, убеждений, знаний, желаний, взглядов, принципов, жиз-

ненных ориентиров. Так, согласно Энциклопедии образования «мировоззрение – это система взглядов на объективный мир и место в нем человека, на отношение человека к окружающей действительности и к самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельность, ценностные ориентации. Будучи отражением мира и ценностным отношением к нему, мировоззрение играет и определенную регулятивно-творческую роль, выступая как методология построения общей научной картины мира [1, с. 806].

Эта духовно-интеллектуальная, идеологическая сторона правового воспитания, как писал профессор С. Алексеев, направлена на обоснование правовых ценностей для дальнейшего формирования системы мировоззренчески-ценностных ориентаций человека и общества, без которых правовая культура невозможна. Интегральным проявлением этой системы является правовое мировоззрение, под которым понимается «система твердых взглядов и установок, основанных на доминирующей, высшей роли права в жизни общества, незыблемых устоях правового государства ... на приоритетной значимости правовых ценностей и культуры права» [2, с. 274].

Онтологическая составляющая мировой точки зрения, или мировоззрения, как справедливо замечает профессор Г. Палмер (Техасский университет, США), является фундаментальной когнитивной ориентацией индивида или общества, охватывает все их знания и включает в себя естественную философию, фундаментальные, экзистенциальные и нормативные постулаты, ценности, эмоции и этику и т.д. [3, с. 114].

В течение всего периода развития человечества мировоззрение было первичной формой морально-культурного построения жизнедеятельности общества. Мировоззренческие представления человека, как пишет профессор Г. Пустовит, позволяли реализовывать гармонично ориентированную модель поведения, не вступать в противоречие со сложившимися представлениями об окружающей среде и месте в нем человека [4, с. 26].

Философско-правовые основы формирования мировоззрения, которые

в начале цивилизационного генезиса человечества основывались на мифах, преданиях и обычных законах, впоследствии нашли свое отражение в догматах основных религиозных течений, таких как христианство, ислам, буддизм и т.д. Например, мировоззренческие догматы христианства заключаются в необходимости выполнения особых обязанностей, установленных Библией, Бог наделяет человека конкретными правами, и человек несет ответственность перед Творцом за соблюдение и защиту как его прав, так и прав других людей [5, с. 25].

Жизненную силу исламу дает то, что это не просто вероисповедание, а образ жизни, который определяет мировоззрение и повседневное поведение людей. Исламское мировоззрение является монотеистическим, а сам монотеизм выражен в исламе в чистом и неискаженном виде. С точки зрения ислама нет ничего и никого, подобного Богу, и ничто нельзя уподобить Ему. Господь не нуждается абсолютно ни в чем, но все нуждается в нем. Господь знает все и всемогущ. Он вездесущ, и нет места, где Его бы не было. В какую бы сторону мы не стали лицом, все равно будем стоять перед Ним [6].

Будда-дхарма является религиозно-философским учением, которое базируется на общем для индийского мировоззрения понятии кармы и реинкарнации. Цель буддиста – положить конец страданиям и достичь угасания (ниббана) жадности, злости и заблуждений, достигая при этом пробуждения (бодхи). Буддизм учит совершать добрые и умелые поступки, избегать поступков злых и неумелых, а также очищать и развивать ум [7]. Как считает профессор Г. Мюллер (Университет Портсмунду, США), культуру мировоззрения можно разделить на три отдельных вида в зависимости от субъекта системы воспитания:

1) первый, школьный, по принципу: «вина – невиновность (guilt – innocence)», согласно которому школа концентрирует внимание на дедуктивных рассуждениях относительно причин и следствий, а проблемы часто рассматриваются в форме контрастов (черное – белое, добро – зло, позитив – негатив и т.д.);

2) второй, домашний, по принципу: «честь – стыд (honor – shame)», кото-

рым преимущественно пользуются для обучения детей делать выбор в зависимости от ситуации, в которой они оказываются. Его важнейшей задачей является избежать стыда и достойно выглядеть перед другими людьми;

3) третий, общественно-социальный, по принципу «сила – боязнь (power – fear)», который заключается в соответствии мировоззрения людей уровню власти и который может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Например, при добродетельной власти, которую полностью поддерживают граждане, последние пользуются всеми правами и свободами, с другой стороны, безжалостный диктатор может использовать свою силу для создания культуры страха, и его граждане будут бесправными и угнетенными [8].

Несмотря на определенные различия в подходах к определению содержания и сущности понятия «мировоззрение», следует отметить, что общим для большинства мировоззренческих концепций является признание важности правового воспитания в формировании мировосприятия личности, ее правосознания.

Как справедливо отмечает в этом контексте профессор Дж. Елкинз (Университет Восточной Вирджинии, США), правовое воспитание и правовая (юридическая) грамотность являются важным признаком уровня правосознания личности. Однако, предостерегает он, раз за разом возникает проблема с легализмом как правовым мировоззрением, которое требует беспрекословного тщательного следования правилам независимо от ситуации. Эта проблема заключается в том, что социальные и политические взгляды, находящие свое проявление в правовом образовании и праве, якобы в стремлении к социальной справедливости являются искусно скрытыми за фасадом показной нейтральности и объективности. Речь идет о том, что, маскируя таким образом общепризнанные человеческие ценности, на которых формируется правосознание, те, кто рассматривают правовое образование с преимущественно политической стороны, в отличие от тех, кто учит или хочет учиться настоящему закону в его философско-правовом смысле, образуют только узкий коридор юриди-

ческого мировоззрения, что наиболее очевидно на примере стран, которые тяготеют к авторитарной форме правления [9, с. 51–511].

С этим следует согласиться, поскольку формирование мировоззренческой основы надлежащего правового воспитания должно основываться, прежде всего, на сложившихся общественно культурных традициях, восприятии общепризнанных человеческих ценностей и морально-этических норм. Например, как отмечается в учебном пособии по философии правового воспитания, «мировоззренческим основанием гражданско-правового воспитания в США служат такие философские течения, как экзистенциализм, прагматизм, позитивизм. Идеологическая стратегия развития теорий гражданско-правового воспитания движется от технократических к гуманистическим подходам в социализации и развитии личности» [10, с. 91].

Сложность переходного периода в отечественной системе формирования мировоззренческого характера правосознания личности в процессе воспитания и обучения заключается в кардинальности изменений мировоззренчески-ценностных ориентиров. Речь идет о том, что переход от идеала и практики социалистического государства с присущим ей принципом «народовластия» (rule of men) к идеалу и практике правового государства с присущим ей принципом «господство законов (права)» (rule of law), а также официальное изменение методологии правопонимания (от легистского позитивизма к юснатурализму и интегральным концепциям) не повлекли автоматических изменений в теории и практике воспитания в целом и в правовом воспитании в частности [11, с. 28].

Таким образом, формирование правового личностного, индивидуального мировоззрения является приоритетной составляющей социализации человека в демократическом и правовом государстве. При этом мировоззренческая функция правового воспитания, основными характеристиками восприятия которой является предметность, целостность, константность, категориальность и апперцепция, заключается в формировании в человеке уважения к общечеловеческим ценностям на

фоне надлежащего правового поведения, правовых взглядов, чувств и ориентиров.

Одной из таких ценностей в современном украинском обществе исконом веков признается гуманизм как воля к диалогу и комплекс мероприятий, которые расширяют кругозор индивидуальности, нивелируя естественное ограничение личности, способствуя открытости одного человека к другому и миру.

Именно так, пишет профессор В. Миллер, рождается в личности чудодейственная способность сочетать в себе мир другого человека, государство и общество как мир культуры. В современном мире понимание гуманистической теории и практики становится чрезвычайно актуальным, поскольку этим подтверждается необходимость не только интернализации правовых аспектов индивидуальности, но и организации нашей жизни в соответствии с гуманистическими принципами. Социальный порядок в обществе поддерживается не только средствами правовых норм, но и наследуется как традиция от одного поколения к другому [12, с. 428].

Не отрицая необходимость развития правового сознания всех категорий граждан в целях реализации гуманистического мировоззрения на практике, следует сделать упор на особом его значении для части общества, состоящей из молодых людей. Юридическое (правовое) сознание предоставляет молодому человеку возможность генерировать знания о мире, о месте человечества в обществе и государстве, разрабатывать планы, прогнозировать свою деятельность в социальной среде, осознанно противостоять насилию и угнетению человеческой личности в обществе, в мире, где множество мнений и оценок, которые часто имеют антигуманный характер (агрессия, терроризм, организованная преступность и т.д.).

Именно на такое изменение в ценностно-мировоззренческом аспекте методологии правоведения обращал внимание академик НАН Украины В.Я. Тацій: «Сегодня крайне необходимо сориентировать молодежь на углубленное понимание значения права как наиболее универсального, легитимного средства регулирования взаимоотношений между людьми,

лицом и государством, основанного на признании человека высшей социальной ценностью, взаимной ответственности человека и государства. Именно такой методологический подход будет способствовать формированию у студенческой молодежи обновленного юридического мировоззрения, опирающегося на прочный фундамент нравственно-правовых качеств, способных помешать асоциальному поведению, совершению правонарушений» [13, с. 30].

Анализ структуры правовоспитательного процесса, по мнению профессора О. Данильяна, может основываться на двух мировоззренческих позициях: а) на системно-структурном подходе – то есть декларирование намерения признать правовое воспитание неким целым и выделить его составляющие элементы: «Те же элементы могут образовывать разнокачественные системы, высокоорганизованные и менее организованные, качественные различия между которыми обусловлены отличием связей между элементами, входящими в систему»; б) на системно-функциональном подходе – признание системности как качественной, функциональной характеристики правового воспитания, когда «система – это характеристика упорядоченности объекта относительно одной или многих его функций» [11, с. 122].

По мнению С. Гусарева, «правовое обучение в юридических учебных заведениях – это отдельный вид действий, связанных с процессом получения правовых знаний, приобретения навыков практической деятельности, формирования юридического мировоззрения, и с другими процессами, предусмотренными учебными программами, квалификационными характеристиками, которые позволяют готовить на достаточном профессиональном уровне юриста – специалиста своего дела» [14, с. 33].

Поддерживая в целом позиции указанных авторов, считаем, что следует обратить внимание на еще одну важную задачу правового воспитания – противодействие правовому нигилизму.

Самой опасной его формой, как отмечал С. Алексеев, является ведомственный правовой нигилизм, когда установленные государством предписания не соблюдаются государственными

же органами, ведомственными и должностными лицами, и чему находятся соответствующие объяснения и оправдания («в интересах народа», «для выполнения плана» и т.п.) [15, с. 302].

В этом контексте следует согласиться с Л. Павловской, которая, подчеркивая важность противодействия этому негативному явлению, в частности, отмечает, что «одной из причин того, что украинскому обществу стал присущ правовой нигилизм, является длительное существование в сетях Российской империи, а затем – СССР, для которых было характерно отрицательное отношение к праву и закону. Учитывая это, следует отметить: значительная часть общества до сих пор скептически относится к мнению, согласно которому закрепленные в Конституции ценности и положительно влияют на процесс существующих проблем. Эту ситуацию можно преодолеть только при условии, что идея развития Украины как социального, правового государства станет целевой установкой деятельности не только политиков и государственных деятелей, но и общества в целом» [16, с. 531].

Выводы. Изложенные результаты философско-правового анализа роли правового воспитания в формировании мировоззрения личности, на наш взгляд, позволяют сделать определенные выводы:

1) во-первых, мировоззрение общественно-сознательной личности является формой духовно-практического понимания этого явления как интегративной целостной системы (онтологическая составляющая);

2) во-вторых, система мировоззрения личности складывается в процессе воспитания с целью усвоения юридических знаний, философско-правовых убеждений и ориентации на общечеловеческие ценности (аксиологическая составляющая);

3) в-третьих, социальная продуктивность мировоззренческих убеждений формируется в процессе познания и восприятия личностью не только нормативных предписаний, но и историко-культурного наследия, морально-этических правил, обычаев и менталитета населения, которые являются основой жизнедеятельности социума (социально-политическая составляющая).

Список использованной литературы:

1. Енциклопедія освіти / Акад. пед. наук України ; головний ред. В.Г. Кремень. Київ : Юрінком Інтер, 2008. 1040 с.
2. Алексеев С.С. Общая теория права: курс лекций : в 2 т. Т. 1. Москва : Юрид. лит., 1981. 361 с.
3. Palmer Gary B., Toward A. Theory of Cultural Linguistics. University of Texas Press, 1996. 348 p.
4. Пуствовіт Г.П. Теоретико-методичні основи екологічної освіти і виховання учнів 1-9 класів у позашкільних навчальних закладах. Київ-Луганськ : Альма-матер, 2004. 540 с.
5. R.J. Rummel, Death By Government. New Brunswick, NJ : Transaction Publishers, 1994. 496 p.
6. Ислам: особливості віровчення та вплив на сучасну світову спільноту. «Релігієзнавство». Мультимедійний курс лекцій. URL : https://www.naiu.kiev.ua/books/mnp_religieznavstvo/lec4.html. (Дата доступу 30.06.2018).
7. Буддизм як релігійно-філософський світогляд. Студопедія. URL : https://studopedia.ru/16_69550_buddizm-yak-religijno-filosofskiy-svitoglyad.html. (Дата доступу 30.06.2018).
8. Muller R. Honor and Shame. Xlibris; 1st edition. From Books Express. Portsmouth, NH, U.S.A. (2001). URL : https://en.wikipedia.org/wiki/World_view (дата доступу 28.06.2018).
9. Elkins J. R. A Humanistic Perspective in Legal Education / James R. Elkins. – West Virginia University College of Law. *Nebraska Law Review*, 1983. Volume 62 | Issue 3 Article 3. P. 510, 493–525.
10. Філософія правового виховання : навч. посіб. / А.П. Гетьман та ін. ; за ред. А.П. Гетьмана, О.Г. Данильяна. Харків : Право, 2012. 248 с.
11. Правове виховання в сучасній Україні : монографія / А.П. Гетьман та ін. ; за ред. В.Я. Тація, А.П. Гетьмана, О.Г. Данильяна. Харків : Право, 2010. 368 с.
12. Miller V.I. Value of humanistic grounds in the field of legal education of youth. *International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences*, 2014. Surgut Pedagogic University. *Procedia : Social and Behavioral Sciences* 166, 2015. P. 427–433.

13. Тацій В.Я. Правове виховання студентства як елемент формування правової держави. *Виховання в контексті соціальної адаптації студентства : матер. міжнар. наук.-практ. конф.-сем. керівників вищ. навч. закл. та вчених дослідників із проблем виховання студентства в сучасних умовах.* Харків, 7 лист. 2003 р. : у 2 ч. / М-во освіти і науки України, Нар. укр. акад. та ін.; [Редкол.: В.І. Астахова (відп. ред.) та ін.]. Харків : Вид-во НУА, 2003. Ч. 1. С. 30–36.

14. Гусарев С.Д., Тихомиров О.Д. Юридична деонтологія. Київ : ВІРА-Р, 1999. 503 с.

15. Алексеев С.С. Теория государства и права: учебник для ВУЗОВ. Москва : Изд. НОРМА, 2005. 458 с.

16. Загальна теорія держави і права : [підручник для студентів юридичних вищих навчальних закладів] / М.В. Цвік та ін. ; за ред. д-ра юрид. наук, проф., акад. АПрН України М.В. Цвіка, д-ра юрид. наук, проф., акад. АПрН України О.В. Петришина. Харків : Право, 2009. 584 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бровко Наталия Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теоретико-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Белоцерковского национального аграрного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Brovko Nataliia Ivanovna – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Theoretical Legal and Social Humanitarian Disciplines of Bila Tserkva National Agrarian University

09101959nb@gmail.com

УДК 349.3

СТРАХОВЫЕ ВЫПЛАТЫ В СЛУЧАЕ СМЕРТИ ЗАСТРАХОВАННОГО ЛИЦА ВСЛЕДСТВИЕ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ НА ПРОИЗВОДСТВЕ ИЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ

Алёна БУРКА,

аспирант Института государства и права имени В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются основания и порядок осуществления страховых выплат в случае смерти потерпевшего в результате несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, таких как ежемесячные страховые выплаты и единовременное пособие. Определен круг лиц, имеющих право на страховые выплаты, и рассмотрены отдельные судебные решения по делам о предоставлении ежемесячных страховых выплат и единовременных пособий. Автор статьи приходит к выводу, что правовое регулирование осуществления исследуемых страховых выплат имеет ряд недостатков и требует внесения соответствующих изменений и дополнений в действующее законодательство.

Ключевые слова: несчастный случай на производстве, профессиональное заболевание, страховые выплаты, ежемесячные страховые выплаты, единовременное пособие в случае смерти потерпевшего.

INSURANCE PAYMENTS IN CASE OF THE DEATH OF THE INSURED PERSON AS A RESULT OF AN ACCIDENT AT WORK OR OCCUPATIONAL DISEASE

Aliona BURKA,

Postgraduate Student of the V.M. Koretsky Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of Ukraine

SUMMARY

The article examines the grounds and procedure for the implementation of insurance payments in the event of death of the injured person as a result of an industrial accident or occupational disease, such as monthly insurance payments and lump-sum assistance. The circle of persons who have the right to the insurance payments is determined and individual court decisions on granting of monthly insurance payments and one-time assistance are considered. The author of the article concludes that the legal regulation of the implementation of the investigated insurance payments has a number of shortcomings and requires the introduction of appropriate amendments and additions to the current legislation.

Key words: occupational accident, occupational disease, insurance payments, monthly insurance payments, one-time assistance in the event of death of the injured person.

Постановка проблемы. Смерть застрахованного лица в результате несчастного случая на производстве или профессионального заболевания вызывает необходимость предоставления социального обеспечения нетрудоспособным лицам, которые находились на его иждивении или имевшим ко дню его смерти право на получение от него содержания. Основным видом социального обеспечения таких лиц являются страховые выплаты (ежеме-

сячные страховые выплаты и единовременное пособие). Каждый из этих видов страховых выплат имеет свои особенности и пробелы в нормативно-правовом регулировании, что и вызывает необходимость в их детальном правовом анализе.

Актуальность темы исследования. По статистическим данным Фонда социального страхования Украины, показатель смертельных несчастных случаев на производстве по итогам

2018 года увеличился на 5,4 процента [1]. В течение 2018 года Фондом социального страхования Украины было назначено 614 единовременных пособий в случае смерти застрахованного лица вследствие несчастного случая на производстве или профессионального заболевания. Общая сумма расходов составила более 64 млн. гривен. Средний размер выплат одной семье составил 171 800 гривен [2]. Такие статистические данные подтверждают необходимость и целесообразность правового исследования страховых выплат в случае смерти застрахованного лица вследствие несчастного случая на производстве или профессионального заболевания.

Целью и задачей статьи является исследование оснований, порядка предоставления ежемесячных страховых выплат и единовременных пособий нетрудоспособным лицам, находившимся на иждивении умершего застрахованного лица (вследствие несчастного случая на производстве или профессионального заболевания) или имевшим право в день его смерти на получение от него содержания.

Изложение основного материала. Право на получение ежемесячных страховых выплат и единовременных пособий в случае смерти пострадавшего имеют нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего или имевшие ко дню его смерти право на получение от него содержания, а также ребенок умершего, родившийся в течение не более десятимесячного срока после его смерти. К нетрудоспособным лицам законодатель относит: 1) детей, не достигших шестнадцати лет; 2) детей в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, которые не работают, или старше этого возраста, но из-за недостатков физического или умственного развития сами не способные зарабатывать; 3) детей, являющихся учащимися, студентами (курсантами, слушателями, стажерами) дневной формы обучения, до окончания обучения, но не более, чем до достижения ими двадцати трех лет. За детьми право на страховые выплаты сохраняется и при усыновлении их в будущем, или если в будущем они получают инвалидность до достижения ими восемнадцатилетнего возраста; 4) лиц, достигших пенсионного возраста, то есть шести-

десяти лет, если они не работают; 5) лиц с инвалидностью, которые являются членами семьи пострадавшего на время инвалидности; 6) несовершеннолетних детей, на содержание которых умерший выплачивал или был обязан выплачивать алименты; 7) нетрудоспособных лиц, не состоявших на иждивении умершего, но имеющих на это право; 8) жену (мужа), одного из родителей умершего или другого члена семьи, если он не работает (не состоит в трудовых отношениях или не является физическим лицом-предпринимателем) и ухаживает за детьми, братьями, сестрами или внуками пострадавшего, не достигших восьмилетнего возраста; 9) жену (мужа) умершего, которая находится в дополнительном отпуске по уходу за ребенком до достижения трех или более лет (по медицинским показаниям), но не более, чем до шести лет [3].

В постановлении Фонда социального страхования «Об утверждении Порядка назначения, перерасчета и проведения страховых выплат» № 11 (далее постановление Фонда № 11) содержится уточнение, согласно которому нетрудоспособные лица, не состоявшие на иждивении умершего, но имеющие на это право (родители умершего, независимо от того, вместе они проживали или отдельно), имеют право только на назначение ежемесячных страховых выплат; единовременное пособие им как иждивенцам не выплачивается. Трудоспособные лица, которые не работают и находятся на учете в центре занятости, не относятся к лицам, которые находятся на иждивении пострадавшего [4].

Что касается такой категории, как «член семьи» (пятая группа нетрудоспособных лиц, указанная выше), то на уровне законодательства отсутствует определение, кого следует относить к членам семьи. Поэтому существует необходимость проанализировать решение Конституционного суда Украины от 3 июня 1999 года (дело об официальном толковании термина «член семьи») [5].

В своем решении Конституционный суд пришел к выводу, что под членом семьи нужно понимать лицо: 1) находящееся с пострадавшим в кровных (родственных) связях или в брачных отношениях (жена, муж,

дети, родители, родные братья сестры, внуки, бабушка, дедушка); 2) связанное с ним постоянным проживанием, ведением с ним общего хозяйства (неполнородные братья, сестры, зять, невестка, отчим, мачеха, опекуны, попечители, пасынки, падчерицы и другие). При этом дети являются членами семьи независимо от того, дети ли это любого из супругов, общие, усыновленные, рожденные в браке или вне брака.

Для получения кем-либо из вышеуказанных лиц ежемесячных страховых выплат или единовременной выплаты медико-социальной экспертной комиссией обязательно должна быть установлена причинная связь между смертью потерпевшего и ранее полученным трудовым увечьем или профессиональным заболеванием. Порядок установления причинной связи определен Приказом Министерства здравоохранения от 15 ноября 2005 года № 606 [6].

Как подтверждение важности факта установления причинной связи проанализируем следующее судебное решение. Во время выполнения трудовых обязанностей ЛИЦО_1 получило пожизненное профессиональное заболевание – пневмокониоз, повлекшее 40 процентов утраты профессиональной трудоспособности. В дальнейшем, с выходом на пенсию, супруг истца часто болел и находился на лечении. После смерти супруга ЛИЦО_2 обратилось в отделение Фонда с требованием установить факт, что смерть ее покойного супруга связана с профессиональным заболеванием, и назначить соответствующие страховые выплаты. После рассмотрения документов в отделении Фонда посоветовали обратиться в суд с целью установления данного факта.

Суд, исследовав материалы дела, пришел к выводу, что иск не подлежит удовлетворению, поскольку при исследовании предоставленных документов акта об установлении причинной связи профессионального заболевания и смерти не обнаружено. Проблема в том, что после смерти ЛИЦА_1 заключения об установлении связи его смерти с имеющимся у него профессиональным заболеванием медико-социальной экспертной комиссией не было составлено, а на момент рассмотрения дела, исходя из имеющихся материалов дела, установить данную связь невозможно [7].

Следовательно, без установления прямой причинно-следственной связи нетрудоспособные лица не смогут получить страховые выплаты.

Максимальный размер ежемесячной страховой выплаты лицам, потерявшим кормильца, как и максимальный размер ежемесячной страховой выплаты самому потерпевшему, не может превышать десяти размеров прожиточного минимума, установленного для трудоспособных лиц. Однако до внесения изменений Законом Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно повышения пенсий» от 3 октября 2017 года № 2148-VIII [8] максимальный размер был установлен в пределах десяти прожиточных минимумов, установленных для лиц, утративших трудоспособность [9].

Неправомерен, на наш взгляд, смысл абзаца 5 части 8 статьи 42 Закона № 1105 и пункта 5.5.2 Постановления Фонда № 11, в котором говорится следующее: «Если право на страховые выплаты одновременно принадлежит нетрудоспособным лицам, которые находились на иждивении умершего, и нетрудоспособным лицам, не состоявшим на его иждивении, то в первую очередь будет определяться сумма страховых выплат лицам, которые не находились на иждивении умершего» [4]. Мы считаем, что в такой ситуа-

ции, в первую очередь, определение суммы страховых выплат должно осуществляться лицам, находившимся на иждивении умершего, а во вторую очередь – лицам, которые не находились на его иждивении. Поскольку в противном случае происходит нарушение прав иждивенцев.

Что касается единовременной страховой выплаты в случае смерти потерпевшего, то в Законе Украины № 1105 предусмотрено, что в случае смерти пострадавшего вследствие несчастного случая на производстве его семье выплачивается единовременное пособие в сумме, равной ста размерам прожиточного минимума для трудоспособных лиц, установленное законом в день наступления права на страховую выплату. Кроме этого, выплачивается единовременное пособие каждому лицу, которое находилось на его иждивении, а также его ребенку, родившемуся в течение не более десятимесячного срока после смерти потерпевшего, в сумме, равной двадцати размерам прожиточного минимума для трудоспособных лиц [3]. Однако в Законе почему-то акцентируется внимание именно на факте смерти «пострадавшего в результате несчастного случая на производстве», остается, таким образом, без внимания факт «потерпевшего, умершего вследствие профессионального заболевания».

Однако, исходя из следующих положений Закона № 1105, постановления Фонда № 11 и судебной практики, можно сделать логический вывод о том, что право на получение единовременного пособия в случае смерти пострадавшего имеют и семьи пострадавших вследствие профессионального заболевания.

Непонятной кажется и норма, изложенная в абзаце 2 части 8 статьи 42 Закона Украины № 1105: «В случае если смерть потерпевшего, который получал ежемесячные страховые выплаты, наступила в результате повреждения здоровья от несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, размер ежемесячной страховой выплаты лицам, имеющим на это право, устанавливается, исходя из размера ежемесячной страховой выплаты в день смерти потерпевшего. Единовременное пособие семье и лицам, находившимся на иждивении, в этом случае не выплачивается» [3].

Попробуем отразить данную ситуацию схематично (Схема № 1)

Мы считаем, что в этом случае происходит явное нарушение прав лиц, находящихся на иждивении пострадавшего, ведь если закон гарантирует право на единовременное пособие в случае смерти потерпевшего, то его выплата не должна зависеть от того, умер пострадавший сразу от несчаст-

Схема № 1

ного случая (профессионального заболевания) или в период получения им (пострадавшим) ежемесячных страховых выплат. При решении вопроса выплаты единовременного пособия в первую очередь должно учитываться наличие или отсутствие прямой причинно-следственной связи между смертью потерпевшего и полученным трудовым увечьем или профессиональным заболеванием, а не «когда» пострадавший скончался.

Исследовав судебную практику по выплате этого вида помощи, мы определили, что основаниями для обращения в суд были: отказ отделения Фонда в ее назначении в связи с тем, что к заявлению не была добавлена копия свидетельства о браке [10]; непризнание отделением Фонда факта совместного проживания родителей с сыном / дочерью на момент его / ее гибели и отказ в выплате в их пользу единовременного пособия [11]; решение суда по гражданскому делу о восстановлении утраченного производства по гражданскому делу [12].

Выводы. Исследовав основание и порядок предоставления ежемесячных страховых выплат и единовременных пособий в случае смерти потерпевшего нетрудоспособным лицам, находившимся на иждивении умершего или имевшим ко дню его смерти право на получение от него содержания, мы пришли к следующим выводам:

1. Законодательство Украины предусматривает, что в случае смерти потерпевшего страховые выплаты в первую очередь должны назначаться лицам, которые не были на иждивении умершего, а во вторую очередь – лицам, которые находились на его иждивении. Поскольку такая позиция законодателя является, по нашему мнению, неправомерной, то в связи с этим предлагаем внести изменения в пункт 5.5.2 Постановления Фонда № 11 и изложить его в следующей редакции: «Если право на страховые выплаты одновременно принадлежит нетрудоспособным лицам, которые состояли на иждивении умершего, и нетрудоспособным лицам, не состоявшим на его иждивении, то в первую очередь будет определяться сумма страховых выплат лицам, находившимся на иждивении умершего».

2. Необходимо внести изменения в Закон Украины «Об общеобязатель-

ном государственном социальном страховании» и изложить абзац 5 части 8 статьи 42 в следующей редакции: «В случае если право на страховые выплаты имеют одновременно нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего, и нетрудоспособные лица, не состоявшие на его иждивении, сначала определяется сумма страховых выплат лицам, находившимся на иждивении умершего».

3. Существует необходимость внести изменения в абзац 2 части 8 статьи 42 Закона Украины № 1105 и изложить его в следующей редакции: «В случае если смерть потерпевшего, который получал ежемесячные страховые выплаты, наступила в результате повреждения здоровья от несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, размер ежемесячной страховой выплаты лицам, имеющим на это право, устанавливается, исходя из размера ежемесячной страховой выплаты в день смерти потерпевшего. Единовременное пособие семье и лицам, находившимся на иждивении, в этом случае выплачивается на общих основаниях».

4. Целесообразно дополнить пункт 6 статьи 42 Закона Украины № 1105 словосочетанием «и профессионального заболевания» и изложить его в следующей редакции: «В случае смерти пострадавшего вследствие несчастного случая на производстве и профессионального заболевания выплачивается единовременное пособие его семье в сумме, равной 100 размерам прожиточного минимума для трудоспособных лиц, установленного законом на день наступления права на страховую выплату, и единовременное пособие каждому лицу, которое находилось на его иждивении, а также его ребенку, который родился на протяжении не более десятимесячного срока после смерти потерпевшего, в сумме, равной 20 размерам прожиточного минимума для трудоспособных лиц, установленного законом на день наступления права на страховую выплату».

Список использованной литературы:

1. Фонд соціального страхування України // Офіційний сайт. URL : <http://www.fssu.gov.ua/fse/control/main/uk/publish/article/962581> (дата звернення: 18.02.2019).

2. Фонд соціального страхування України // Офіційний сайт. URL : <http://www.fssu.gov.ua/fse/control/main/uk/publish/article/962620> (дата звернення: 18.02.2019).

3. Про загальнообов'язкове державне соціальне страхування : Закон України від 23 вересня 1999 року № 1105-XIV року / Верховна Рада України. URL : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1105-14> (дата звернення: 30.01.2019).

4. Про затвердження Порядку призначення, перерахування та проведення страхових виплат : Постанова Правління Фонду соціального страхування України від 19 липня 2018 року № 11 / Верховна Рада України. URL : <http://zakon.rada.gov.ua/rada/show/v0011890-18> (дата звернення: 25.01.2019).

5. Рішення Конституційного суду України від 03 червня 1999 року 5-рп/99. База даних «Законодавство України». URL : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/v005p710-99> (дата звернення: 23.01.2019).

6. Про затвердження Інструкції про встановлення причинного зв'язку смерті з професійним захворюванням (отруєнням) або трудовим каліцтвом : Наказ МОЗ від 15 листопада 2005 року № 606 / Верховна Рада України. URL : <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/z1455-05> (дата звернення: 18.06.2018).

7. Заочне рішення Свердловського міського суду Луганської області від 13 квітня 2014 року у справі № 427/9179/13-ц. База даних «Єдиний державний реєстр судових рішень». URL : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/36697742> (дата звернення: 13.07.2018).

8. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо підвищення пенсій : Закон України від 03 жовтня 2017 року № 2148-VIII / Верховна Рада України. URL : <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2148-19/page> (дата звернення: 25.07.2018).

9. Про загальнообов'язкове державне соціальне страхування : Закон України в редакції від 01 січня 2017 року / Верховна Рада України. URL : <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1105-14/ed20170101/page2> (дата звернення: 21.01.2018).

10. Рішення Софіївського районного суду Дніпропетровської області від 15 лютого 2016 року у справі № 193/1633/15-ц. База даних «Єдиний

державний реєстр судових рішень». URL : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/56175856> (дата звернення: 02.06.2018).

11. Рішення Апеляційного суду в Донецькій області від 14 вересня 2017 року у справі № 234/14392/16-ц. База даних «Єдиний державний реєстр судових рішень». URL : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/68922213> (дата звернення: 30.06.2018).

12. Рішення Лисичанського міського суду Луганської області від 03 березня 2016 року у справі № 415/4357/15-ц. База даних «Єдиний державний реєстр судових рішень». URL : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/57274114> (дата звернення: 07.06.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурка Алена Валентиновна – аспирант Института государства и права имени В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Burka Alena Valentinovna – Postgraduate Student of the V.M. Koretsky Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of Ukraine

burka.aljona.93@ukr.net

УДК 347.963

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Сергей ВЛАД,

ведущий научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения организации работы в органах прокуратуры
Научно-исследовательского института
Национальной академии прокуратуры Украины

Александр ДОЛГИЙ,

главный научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения организации работы в органах прокуратуры
Научно-исследовательского института
Национальной академии прокуратуры Украины

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена особенностям организационно-правового обеспечения информирования общества о деятельности органов прокуратуры. Рассматриваются вопросы взаимодействия органов прокуратуры Украины в части информирования институтов гражданского общества. Предоставляются варианты выработки и реализации современных стилей сотрудничества с обществом и СМИ, предлагаются возможные варианты улучшения качества предоставленных материалов представителям СМИ с целью повышения эффективности освещения прокурорской деятельности.

Определяются актуальные проблемные вопросы, возникающие при осуществлении организационно-правового обеспечения информирования общества о деятельности органов прокуратуры разных уровней. Рассматриваются возможные варианты общения с представителями СМИ, достижения надлежащего и качественного уровня информирования общественности о своей работе, необходимость приобретения навыков реагирования на провокации.

Ключевые слова: органы прокуратуры, взаимодействие, информирование, освещение прокурорской деятельности, средства массовой информации, информация, принцип гласности, формы распространения информации.

FEATURES OF ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROVIDING THE INFORMATION OF THE COMPANY ABOUT THE ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR BODIES

Sergey VLAD,

Senior Scientific Researcher of the Department of Scientific and Methodological Organization of Scientific and Research Institute of the National Prosecution Academy of Ukraine

Aleksandr DOLGIY,

Main scientific researcher of the Department of Scientific and Methodological Organization of Scientific and Research Institute of the National Prosecution Academy of Ukraine

SUMMARY

The article is devoted to the peculiarities of the organizational and legal provision of informing the public about the activities of the prosecution authorities. The issues of interaction of the prosecution authorities of Ukraine in terms of informing the institutions of civil society are considered. Options are provided for the development and implementation of modern styles of cooperation with society and the media, and

possible options are offered for improving the level of materials provided to media representatives in order to better highlight public prosecution activities.

It identifies current problematic issues that arise in the implementation of organizational and legal support for informing the public about the activities of prosecutors at various levels, discusses possible ways of communicating with media representatives, acquiring skills to respond to provocations, and achieve appropriate and high quality levels in informing the public about their work.

Key words: prosecutor's offices, interaction, informing, coverage of prosecutorial activities, mass-media, information, principle of publicity, forms of information dissemination.

Постановка проблемы. Взаимодействие органов прокуратуры Украины в части информирования институтов гражданского общества является одним из важнейших условий развития Украины как правового, демократического и социального государства. Практическая реализация конституционных функций прокуратуры обусловлена исключительной важностью обеспечения защиты прав и свобод человека, интересов общества и государства. В качестве одного из ключевых элементов обновленной системы уголовной юстиции прокуратура играет значительную роль в защите основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечении законности и правопорядка. В условиях реформирования системы уголовной юстиции Украины вопрос полного и объективного донесения общественности информации о деятельности органов прокуратуры приобретает особое значение и находится в сфере повышенного внимания, что, в свою очередь, и обуславливает актуальность исследования по выбранной теме.

Анализ последних исследований и публикаций. Особенности деятельности прокуратур различных уровней, в том числе и организация взаимодействия органов прокуратуры в части информирования общества о ее деятельности, были предметом как предыдущих собственных исследований [1], так и научных разработок А.В. Баганца, И.О. Билицы, В.В. Долежана, М.В. Косюты, В.Т. Маляренко, Г.П. Середы, В.В. Сухоноса, А.Н. Толочко, Н.Я. Швеца, Ю.В. Шевченко и др.

Цель статьи – рассмотрение особенностей организационно-правового обеспечения информирования общества органами прокуратуры и определение возможных путей его совершенствования.

Изложение основного материала исследования. В соответствии с приказом Генерального прокурора Украины «Об организации информирования общества о деятельности органов прокуратуры Украины» от 18.09.2015 года № 218 (далее – приказ № 218) [2] приоритетное значение предоставляется обнародованию информации общественно-важного характера по вопросам деятельности органов прокуратуры, прежде всего, о результатах их работы, которые реально способствовали восстановлению или укреплению законности и правопорядка. Это, в свою очередь, требует обеспечения максимально допустимой публичности деятельности, преодоления закрепленных в общественном сознании негативных стереотипов, повышения уровня доверия населения, налаживания партнерского взаимодействия с институтами гражданского общества, прежде всего со средствами массовой информации (далее – СМИ). Успешное решение поставленных задач возможно только при конструктивном диалоге между властью и обществом, который должен основываться на европейских стандартах.

Правовыми основами информирования органами прокуратуры Украины общества, а также основными законодательными актами, регулирующими информационные отношения, являются: Конституция Украины от 28.06.1996 г. № 254к / 96-ВР, Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 г. № 4651-VI, Гражданский кодекс Украины от 16.01.2003 г. № 435-IV, законы Украины «О прокуратуре» от 14.10.2014 г. № 1697-VII, «Об информации» от 02.10.1992 г. № 2657-XII, «О печатных средствах массовой информации (прессе) в Украине» от 16.11.1992 г. № 2782-XII, «О телевидении и радиовещании» от 02.12.1993 г. № 3759-XII, «О государственной тайне» от 21.01.1994 г. № 3855-XII, «Об информационных агентствах» от 28.02.1995 г. № 74 / 95-ВР, «О порядке освещения деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в Украине средствами массовой информации» от 23.09.1997 г. № 539/97-ВР (далее – Закон Украины № 539/97-ВР), «О государственной под-

держке средств массовой информации и социальной защите журналистов» от 23.09.1997 г. № 540/97-ВР, «О телекоммуникациях» от 18.11.2003 г. № 1280-IV, «О доступе к публичной информации» от 13.01.2011 г. № 2939-VI, приказ № 218 и «Перечень сведений, составляющих служебную информацию, которая может содержаться в документах органов прокуратуры Украины», утвержденный приказом Генерального прокурора Украины от 15.11.2017 г. № 325.

Рассматривая вопросы организации информирования общества о деятельности органов прокуратуры, необходимо отметить, что в настоящее время СМИ оказывают на общественное сознание наиболее весомое влияние, в связи с этим не зря их еще называют «четвертой ветвью власти» в структуре гражданского общества, поскольку именно потенциал СМИ способен кардинально влиять на большие аудитории различных категорий населения страны и, как результат, – обеспечивать удовлетворение их информационных потребностей.

Это связано с возможностью оперативного распространения различных форм информации, что обеспечивается с помощью современных технологий, и, как следствие, быстрого донесения ее до широкого круга общественности и формирования у людей определенного мировоззрения в зависимости от ее наполнения. Именно таким образом авторитет органов прокуратуры Украины в последние годы из-за целенаправленных мер определенных политических сил сведен к значительно более низкому уровню, чем она реально этого заслуживает [3, с. 6].

В ст. 6 Закона Украины «О прокуратуре» определяются следующие требования по информированию общества о деятельности прокуратуры [4]: органы прокуратуры не менее двух раз в год информируют общество о своей деятельности путем сообщений в СМИ; Генеральный прокурор лично не реже одного раза в год отчитывается перед парламентом на пленарном заседании

о деятельности органов прокуратуры путем предоставления обобщенных статистических и аналитических данных; руководители региональных и местных прокуратур на открытом пленарном заседании соответствующего совета, на которое приглашаются представители СМИ, не менее двух раз в год информируют население соответствующей административно-территориальной единицы о результатах деятельности на этой территории путем предоставления обобщенных статистических и аналитических данных; информация о деятельности прокуратуры обнародуется в общегосударственных и местных печатных СМИ, на официальных сайтах органов прокуратуры; органы прокуратуры обнародуют выданные ими нормативно-правовые акты по вопросам организации и деятельности прокуратуры Украины в порядке, установленном законом.

С целью обеспечения надлежащей реализации принципа гласности, укрепления законности и формирования в обществе объективного мнения о деятельности органов прокуратуры, повышения уровня доверия к ним приказом № 218 определены организационно-правовые основы взаимодействия органов прокуратуры со СМИ. Также в п. 1 приказа № 218 определен исчерпывающий перечень субъектов, которые обязаны лично организовывать работу по информированию общества о деятельности органов прокуратуры [2]. Следует отметить, что деятельность этих субъектов направлена на обеспечение реализации принципа гласности, формирование объективного мнения их деятельности и, как следствие, должна привести к повышению уровня доверия к прокуратуре в обществе.

Основным субъектом обеспечения проведения единой информационной политики органов прокуратуры, координации работы пресс-секретарей и других работников региональных прокуратур является отдел связей с общественностью и средствами массовой информации Генеральной прокуратуры Украины.

Ст. 6 Закона Украины «Об информации» предусмотрено, что право на информацию обеспечивается, среди прочего, обязанностью субъектов властных полномочий информиро-

вать общественность и СМИ о своей деятельности, принятых решениях, а также обязанностью определить специальных сотрудников с целью обеспечения доступа к информации [5].

Законом Украины № 539/97-ВР [6] установлено, что информацию о деятельности органов государственной власти могут получать представители СМИ от этих органов непосредственно или через их информационные службы, или она может быть собрана самими работниками СМИ (ст. 6). Информационные службы (информационные управления, информационно-аналитические подразделения, пресс-службы, пресс-центры, управления общественных связей и т.п.) органов государственной власти собирают, анализируют, обрабатывают и оперативно предоставляют информацию о деятельности этих органов в полном объеме представителям СМИ, кроме случаев, предусмотренных Законом Украины «О государственной тайне» [7].

Что же касается вопросов повседневного (в рабочем режиме) общения с представителями СМИ, то в этом случае следует помнить, что в соответствии с ч. 1 ст. 25 Закона Украины «Об информации» во время выполнения профессиональных обязанностей журналист имеет право осуществлять письменные, аудио- и видеозаписи с применением необходимых технических средств, за исключением случаев, предусмотренных законом [5]. Поэтому необходимо обратить внимание на то, что право на явное или скрытое применение технических средств, в том числе фотоаппаратов, диктофонов, видеокамер и т.д., при сборе и распространении информации журналистам гарантировано законодательством Украины. Также необходимо учитывать, что служебная деятельность журналиста не может быть основанием для его ареста, задержания, а также изъятия собранных, обработанных, подготовленных им материалов и технических средств, которыми он пользуется в своей работе.

Совершение преступления против журналиста в связи с выполнением им профессиональных обязанностей или препятствование его служебной деятельности предусматривает уголовную ответственность [8]. Вместе с тем

правовыми основаниями ограничения права на проведение фото- и видеосъемки являются ч. 3-5 ст. 11 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей», ч. 6 ст. 27 УПК Украины, ч. 4-7 ст. 7 ГПК Украины.

Отдельно следует отметить, что информирование общества о деятельности органов прокуратуры должно осуществляться с учетом особенностей конституционно-правового обеспечения невмешательства в личную и семейную жизнь, а также права свободы мысли и слова, свободного выражения своих взглядов и убеждений. Поскольку ч. 1 ст. 307 Гражданского кодекса Украины содержит требования для ограничения права на проведение фото- и видеосъемки, устанавливая, что физическое лицо может быть снято на фото-, кино-, теле- или видеопленку только с его согласия. Согласие лица на съемку его на фото-, кино-, теле- или видеопленку допускается, если съемки проводятся открыто на улице, собраниях, конференциях, митингах и других мероприятиях публичного характера [9]. Указанная норма запрещает проведение съемки без согласия лица, защищая таким образом его право на приватность, вместе с тем она устанавливает правила фото- и видеосъемки в публичных местах, где сфера приватности человека ограничена. Учитывая это, необходимо отметить, что законодателем установлена презумпция согласия лиц на их снятие на фото- и видеосъемку, если съемка проводится в публичных местах: на улице, собраниях, конференциях, митингах и других мероприятиях публичного характера.

Несмотря на сложность процессов реформирования прокуратуры Украины, ее роль в функционировании системы правосудия не следует недооценивать. Положительные результаты работы органов прокуратуры освещаются на официальных сайтах, являются общедоступными, но о них может быть неизвестно в обществе, а распространение такой информации практически не интересует СМИ. В свою очередь, негативные случаи, к сожалению, наоборот, широко освещаются и бесосновательно актуализируются всеми возможными средствами. Причины такого смещения акцентов понятны, но очень неприятно наблюдать за этими процессами, поскольку в боль-

шинстве стран Европы сотрудничество прессы и правоохранительных органов идет только на пользу развитию демократических реформ соответствующей страны [3, с. 6]. Аналогичного мнения придерживаются и другие исследователи, отмечая, что при организации взаимодействия необходимо учесть, что СМИ могут быть различных форм собственности. Именно государственные и коммунальные СМИ выполняют публичную функцию по информированию населения о содержании и особенностях политики, проводимой учредителями. Частные СМИ, которые созданы с коммерческой или политической целью, не всегда отмечаются объективностью в освещении событий. Часто со стороны представителей СМИ происходит искажение сведений, предоставленных органами прокуратуры, что в целом негативно влияет на авторитет прокуратуры как государственного органа [10, с. 605–606].

Важным аспектом ведомственного правового обеспечения информирования общества о деятельности органов прокуратуры является определение формы подготовки и обнародования информации о такой деятельности, определенных приказом № 218, однако следует помнить, что перечень форм распространения информации не является исчерпывающим, а лишь требует распространения информации соответствующими информационными службами по форме, не противоречащей законодательству Украины (ст. 6 Закона Украины № 539/97-ВР [6]), то есть органы прокуратуры и прокуроры в соответствии с действующим законодательством должны проинформировать общество о своей деятельности, однако именно они вправе самостоятельно выбирать, в какой форме такая информационная деятельность будет осуществляться.

Кроме того, следует отметить, что в ч. 6 ст. 26 Закона Украины «Об информации» [5] и разъяснениях Министерства юстиции Украины «Правовые основы деятельности журналистов в Украине» от 04.10.2011 года [11] определено, что журналист, работник СМИ обязан соблюдать установленные субъектом властных полномочий правила внутреннего трудового распорядка и не препятствовать деятельности его служебных и должностных лиц.

Выводы.

1. Организация информирования общества о деятельности органов прокуратуры является актуальным направлением работы, поскольку выработка современных стилей сотрудничества с обществом и СМИ, повышение качества материалов, освещающих деятельность органов прокуратуры, своевременное отслеживание критической информации об их работе являются первоочередными ориентирами, успешное достижение которых будет способствовать эффективному общению прокурорского корпуса с представителями СМИ, приобретению навыков реагирования на возможные провокации, достижению должного и качественного уровня в информировании общественности о своей работе, что, в свою очередь, приведет к укреплению позитивного имиджа прокуратуры Украины.

2. Результаты анализа положений приказа № 218 позволяют отметить, что в нем достаточно четко отражены порядок и особенности информирования общества о деятельности органов прокуратуры. Вместе с тем отдельные его положения могут быть пересмотрены, а именно в части дополнительной конкретизации возможных действий прокуроров при взаимоотношениях с представителями СМИ путем применения имеющегося в законодательстве Украины об информации инструментари прав и обязанностей сторон информационных отношений.

3. С целью предотвращения необоснованных попыток получения представителями СМИ информации от прокуроров, которые не отнесены приказом № 218 к числу ответственных субъектов, указанный приказ целесообразно дополнить ссылкой на ст. 6 Закона Украины № 539/97-ВР, в которой предусматривается право работников СМИ получать информацию о деятельности органов государственной власти от этих органов непосредственно или через их информационные службы. Вместе с тем в ст. 2 Закона Украины № 539/97-ВР определено, что органы государственной власти обязаны предоставить СМИ полную информацию о своей деятельности через соответствующие информационные службы органов государственной власти. То есть на законодательном уровне опре-

делен субъект, к исключительной компетенции которого отнесена обязанность предоставления информации о деятельности органа государственной власти.

4. Не менее важным аспектом совершенствования ведомственного правового обеспечения информирования общества о деятельности органов прокуратуры является более четкая детализация форм подготовки и обнародования информации о такой деятельности. Приказом № 218 четко определен инструментари информирования общества о деятельности органов прокуратуры. Однако в ст. 6 Закона Украины № 539/97-ВР определены формы подготовки и обнародования информации о деятельности органов государственной власти, и гарантируется право их использования именно информационными службами. Более того, перечень форм распространения информации не является исчерпывающим, а лишь требует распространения информационными службами официальной информации в форме, не противоречащей законодательству Украины.

5. Необходимо подчеркнуть целесообразность закрепления в приказе № 218 официальной позиции Министерства юстиции Украины, изложенной в соответствующем разъяснении от 04.10.2011 г., о необходимости соблюдения представителями СМИ правил внутреннего трудового распорядка объектов, на территории которых они находятся при осуществлении профессиональной деятельности, в нашем случае – органов прокуратуры.

Список использованной литературы:

1. Долгий О.О. Взаємодія органів прокуратури з інститутами громадянського суспільства та органами публічної адміністрації в інтересах забезпечення законності. Малий і середній бізнес (право, держава, економіка) : економіко-правовий науково-практичний журнал. 2015. № 3-4 (62-63). С. 16–22.
2. Долгий О.О. Правові та адміністративні аспекти інформаційної взаємодії органів державної влади з інститутами громадянського суспільства у сфері забезпечення законності. LIVING ECONOMICS: Yesterday, Today, Tomorrow : The International Scientific and Practical Web-Congress

of Economists and Jurists, (Fribourg, May 23–24, 2016) / The International Scientific Association of Economists «CONSILIUM». Geneva (Switzerland), Odessa (Ukraine), 2016. С. 259–261.

3. Рекомендації щодо взаємодії органів прокуратури із засобами масової інформації: рекомендації / С.Ф. Влад та ін. Київ : Національна академія прокуратури України, 2017. 25 с.

4. Організація роботи в органах прокуратури України : навчальний посібник / Безкровний Є.А. та ін. ; за ред. Осадци О.М., Кравчука В.М. Київ : Національна академія прокуратури України, 2019. 356 с.

5. Про організацію інформування суспільства щодо діяльності органів прокуратури України : наказ Генерального прокурора України : від 18.09.2015 р. № 218 // Офіційний веб-сайт Генеральної прокуратури України. URL : https://www.gp.gov.ua/ua/gl.html?_m=publications&_t=rec&id=94102.

6. Шевченко Ю.В. Особливості взаємодії засобів масової інформації з правоохоронними органами: міжнародний та національний досвід : Матеріали міжнародного круглого столу (23 листопада 2016 року). Київ : Національна академія прокуратури України. 2017. 48 с.

7. Про прокуратуру : Закон України : від 14.10.2014 р. № 1697 VII // Офіційний веб-сайт Верховної Ради України. URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1697-18>.

8. Про інформацію : Закон України : від 02.10.1992 р. № 2657-XII // Офіційний веб-сайт Верховної Ради України. URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2657-12>.

9. Про порядок висвітлення діяльності органів державної влади та органів місцевого самоврядування в Україні засобами масової інформації : Закон України : від 23.09.1997 р. № 539/97-ВР // Офіційний веб-сайт Верховної Ради України. URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/539/97-%D0%B2%D1%80>.

10. Про державну таємницю : Закон України : від 21.01.1994 р. № 3855-XII // Офіційний веб-сайт Верховної Ради України. URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3855-12>.

11. Кримінальний кодекс України : Закон України : від 05.04.2001 р. № 2341-III // Офіційний веб-сайт Верховної Ради України. URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>.

12. Цивільний кодекс України : Закон України : від 16.01.2003 р. № 435-IV // Офіційний веб-сайт Верховної Ради України. URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15>.

13. Билиця І.О. Взаємодія органів прокуратури із засобами масової інформації : зб. наук. пр. Актуальні проблеми держави і права. 2012. Вип. 68. С. 603–609 // Офіційний веб-сайт Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського. URL : http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=njuu_all&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21COLORTERMS=0&S21P03=I=&S21STR=%D0%9669995%2F2012%2F68.

14. Правові засади діяльності журналістів в Україні : роз'яснення : роз'яснення Міністерства юстиції України : від 04.10.2011 р. // Офіційний веб-сайт Верховної Ради України. URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/n00623-23-11>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Влад Сергей Федорович – ведущий научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения организации работы в органах прокуратуры Научно-исследовательского института Национальной академии прокуратуры Украины;

Долгий Александр Александрович – главный научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения организации работы в органах прокуратуры Научно-исследовательского института Национальной академии прокуратуры Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vlad Sergey Fedorovich – Senior Scientific Researcher of the Department of Scientific and Methodological Organization of Scientific and Research Institute of the National Prosecution Academy of Ukraine;

Dolgiy Aleksandr Aleksandrovich – Main scientific researcher of the Department of Scientific and Methodological Organization of Scientific and Research Institute of the National Prosecution Academy of Ukraine

vlad.sergey777@gmail.com

UDC 346.1

ETHICAL CODE AS A MEANS OF SELF-REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

Elena GONCHARENKO,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor at the Department
of International Private, Commercial and Civil Law
of Kyiv National University of Trade and Economic

SUMMARY

The article examines the peculiarities of ethical codes as a means of self-regulation. It is concluded that the ethical code is a system of certain and confirmed norms of the professional community or business entities that define the moral and ethical principles of behavior in a particular field of activity. The Code of Ethics is a regulatory self-regulation means that can be included in the content of corporate social responsibility. The classification of ethical codes was carried out depending on the sphere of management on: ethical codes in the public sphere and ethical codes in the private sphere. Ethical codes in the sphere of private management are divided into: codes of business entities (business codes) and codes of professional subjects (professional codes). Ethical codes of doing business can be classified into: corporate ethical codes (created at the enterprise level); industry or intersectoral; international ethical codes.

Key words: ethical code, self-regulation, means of self-regulation, corporate social responsibility, business codes, professional codes.

ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС КАК СРЕДСТВО САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Елена ГОНЧАРЕНКО,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного частного, коммерческого и гражданского права
Киевского национального торгово-экономического университета

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются вопросы особенностей этических кодексов как средства саморегулирования. Сделан вывод, что этический кодекс – это система определенных и подтвержденных норм профессионального сообщества или субъектов хозяйствования, которыми определяются нравственные и этические принципы поведения в определенной сфере деятельности. Этический кодекс – это нормативное средство саморегулирования, которое может включаться в содержание корпоративной социальной ответственности. Проведена классификация этических кодексов в зависимости от сферы управления на этические кодексы в публичной сфере и этические кодексы в частной сфере. Этические кодексы в сфере частного управления делятся на кодексы субъектов хозяйствования (кодексы бизнеса) и кодексы субъектов профессиональной деятельности (профессиональные кодексы). Этические кодексы ведения бизнеса могут быть классифицированы на: корпоративные этические кодексы (созданные на уровне предприятия); отраслевые или межотраслевые; международные этические кодексы.

Ключевые слова: этический кодекс, саморегулирование, средство саморегулирования, корпоративная социальная ответственность, кодексы бизнеса, профессиональные кодексы.

Background. The issues of self-regulation of economic activity in Ukraine are rather actively discussed at the level of the scientific community, business entities and state authorities. The interested community examines aspects of institutional and regulatory self-regulation. To normative self-regulation are ethical codes. The ethical code defines the standards of behavior of subjects, criteria of their integrity: what to do or not to do. That is, what kind of behavior will be honest and correct, and which is not. For today, the mandatory element of ethical codes is to prevent conflicts of interest and responsibility for non-compliance with the provisions.

The purpose of the article is to identify the features of ethical codes as a means of self-regulation.

Results. The essence of the self-regulation is the potential and real possibility for the subjects to create their own rules of the behaviour and act without any external influence [1, p. 122]. Theories of business ethics or corporate responsibility tend to focus on justifying obligations that go above and beyond what is required by law [2, p. 43].

A code of ethics document may outline the mission and values of the business or organization, how professionals are supposed to approach problems, the ethical principles based on the organization's core values and the standards to which the professional is held [3].

In its 2007 International Good Practice Guidance, Defining and Developing an Effective Code of Conduct for

Organizations, the International Federation of Accountants provided the following working definition: “Principles, values, standards, or rules of behavior that guide the decisions, procedures and systems of an organization in a way that (a) contributes to the welfare of its key stakeholders, and (b) respects the rights of all constituents affected by its operations” [4].

The abilities to the self-organisation, self-regulation, self-development, self-control are the natural properties of any individual. They can be manifested in the collective communities (territorial communities, civil society, public associations, self-regulatory organisations, states, etc.). The state also has the features of the self-regulation [1, p. 123].

In general, ethical codes are adopted not only in the field of economic activity or a separate professional community. Ethical codes are also created for public authorities and local self-government bodies. Therefore, the classification of ethical codes can be based on the area of governance in which subjects of ethical compliance are carried out: the public sphere of public administration and the private sphere. Ethical codes of public administration can be divided into ethical codes: 1) officials of state authorities; 2) officials of local self-government bodies.

Ethical codes of the sphere of private management can be divided into ethical codes: 1) business entities (business codes); 2) subjects of professional activity (professional codes). Since in Ukraine the regulations and criteria for the distinction of economic entities from the subjects of professional activity are not clearly defined, therefore such division does not always reflect the existing situation in a particular sphere or field of activity.

The next criterion for classification is the kind of professional activity. In particular, most codes are created for so-called “free professions”, “regulated professions”, “professions of trust”. So, examples are the ethical codes of doctors, scientists, design engineers, lawyers, notaries and others. Officials of public authorities also have their own ethical codes.

Regulatory measures corporate social responsibility are codes of corporate ethics, rules and principles of behavior, standards of behaviors, anti-corruption programs, financial reporting on information about social responsibility. The subject of such voluntary self-regulatory norms are: human rights, environment and climate change, sustainable development, cooperation with state authorities, local self-government and consumers of products and services, anti-corruption measures [5, p. 52]. Value-based ethical codes may require a greater degree of self-regulation than compliance-based codes [3].

Business ethics is the study of proper business policies and practices regarding potentially controversial issues such as corporate governance, insider trading, bribery, discrimination, corporate social responsibility and fiduciary responsibilities; law often guides business ethics, while other times business ethics provide a basic framework that businesses may follow to gain public acceptance [6].

Ethical codes of conduct can also be classified:

1) corporate ethics codes (created at the enterprise level);

2) sectoral or intersectoral (created at the level of associations of economic entities or self-regulatory organizations within a particular state);

3) international ethical codes (which are created internationally through regional or global self-regulation).

Ethical professional codes include provisions relating to the conduct of the professional community in relation to the consumers of their goods and services. Corporate ethical codes of business contain additional provisions on the behavior of not only employees of the enterprise, but also the moments of corporate social responsibility. The science discusses the delineation of the provisions of the ethical codes, which include provisions on the goals, objectives of the company in general, and provisions relating to the conduct of management and employees within the company (employee ethics code). Betsy Stevens notes: “Ethical codes differ somewhat from professional codes and mission statements; yet the terms are frequently interchanged and often confused in the literature. Ethical code studies are reviewed in terms of how codes are communicated to employees and whether implications for violating codes are discussed” [7, p. 63].

We consider it appropriate to distinguish between these two codes, since the former includes the moments of the main principles of the company’s activity and is directed from the outside (for the interest of consumers and public authorities, non-governmental organizations). The employee code is designed and based on the ethical code of the company and focuses more on organizing ethical activities within the corporation. At the same time, it should be warned that such a distinction would be appropriate for large companies where ethical liability divisions were established. Medium and small corporations can have one corporate code of ethics.

According to Article 38 of the Economic code of Ukraine «Rules of Professional Ethics in Competition»: “With assistance of interested organizations, economic entities can develop professional ethics for competition in respective spheres of economy, as well as for some

branches of economy. Rules of professional ethics in competition can be used for drafting agreements, statutory and other documents of economic entities” [8].

A common goal for all ethical codes is twofold: the strengthening and enhancement of trust in representatives of certain activities and the provision of unified regulatory and ethical standards for their behavior. An important point of the ethical codes is the establishment of criteria for evaluating the professional activities of individuals.

Ethical codes must comply with the law of the state. The basic principles and rules of the ethical codes include: the provisions regarding the purpose of the activity, the moral and ethical principles (honesty, responsibility, decency, integrity, honesty in the performance of duties), requirements for compliance with the law (tax, anti-corruption, competition, etc.), requirements for a permanent improvement of their skills, knowledge and skills; raising the professional, intellectual and cultural level through self-education; improving the quality of the provision of goods and services. In accordance with the type of economic or professional activity, ethical codes are defined in terms of moral and ethical conduct.

Conflict of interest and prevention of corruption. For Ukraine, the provisions of anti-corruption legislation, including on preventing conflicts of interest, remain relevant. In particular, ethical codes may contain provisions prohibiting the offer and giving bribes, imposing obligations on bribery, etc. In addition, the parties are obliged to apply measures to prevent conflicts of interest. That is, contradictions between personal interests and authority within a company that affects the objectivity or impartiality of decision-making, conclusion of contracts, etc.

A separate section may be formed “positive” provisions regarding the culture of behavior of employees of a business entity or professional activities: courtesy, benevolence, attentiveness, correctness, tolerance in communicating with the consumption of goods and services, and with colleagues in work. Organizations see increased employee loyalty and pride in the organization [9].

There are also established “negative” obligations, which require refrain from: statements and actions of a discriminatory nature; rudeness; disparaging attitude,

presentation of unlawful, unfair accusations; bias, threats, offensive language, provocative behavior, etc. The most direct benefit is reducing the likelihood of “dirty hands”, fines and damaged reputations for breaching laws or moral norms [10].

Requirements for the appearance of professional persons and employees of a business entity are also often encountered in ethical codes. You can meet, for example, the following requirements for appearance: a generally accepted business style that distinguishes officiality, restraint, traditionality, precision.

However, the important point is the awareness of the employees of the need to comply with the provisions of the code, discussing the appropriateness of adopting the relevant provisions. Betsy Stevens notes: “Culture and effective communication are key components to a code’s success. If codes are embedded in the culture and embraced by the leaders, they are likely to be successful. Communicating the code’s precepts in an effective way is crucial to its success. Discussion between employees and management is a key component of successful ethical codes” [11, p. 601].

Subjects of economic activity can conduct trainings for remembering of ethical behavior by workers. The aim of such training is to help employees make ethical decisions when the answers are unclear [12, p. 327–329]. Avshalom M. Adam and Dalia Rachman-moore notes: “In the process of implementing an ethical code of conduct, a business organization uses formal methods. Of these, training, courses and means of enforcement are common and are also suitable for self-regulation. The USA is encouraging business corporations to self regulate with the Federal Sentencing Guidelines (FSG). The Guidelines prescribe similar formal methods and specify that, unless such methods are used, the process of implementation will be considered ineffective, and the business will therefore not be considered to have complied with the guidelines. Business organizations invest enormous funds on formal methods. However, recent events indicate that these are not, by themselves, yielding the desired results” [13, p. 225].

An important moment in the increased role of ethical codes was the development of ethical consumerism. Ethical consumption is the answer to the ethical behav-

ior of business entities. The consumer feels responsible for choosing a product or service. When ethical consumption is sufficiently developed, economic operators who have introduced ethical codes receive the best return. Feedback is established: the responsible economic entity is the responsible consumer.

Consumers are becoming more aware of the environmental and social implications of their day-to-day consumption decisions and in some cases make purchasing decisions related to their environmental and ethical concerns [14, p. 60–75].

Ethical codes are distinguished from the codes of proper “good” practice. Good practice codes are a system of voluntary additional organizational practices in a particular area of economic activity. That is, these codes define: how to act conscientiously business entities; what methods, substances, raw materials to use for better economic activity. States are encouraged to apply codes of good practice through a variety of administrative and economic methods. In particular, reducing control for entities that apply them or tax burden. For example, according to Council Directive of 12 December 1991 concerning the protection of waters against pollution caused by nitrates from agricultural sources (91/676/EEC): “With the aim of providing for all waters a general level of protection against pollution, Member States shall, within a two-year period following the notification of this Directive: (a) establish a code or codes of good agricultural practice, to be implemented by farmers on a voluntary basis, which should contain provisions covering at least the items mentioned in Annex II A; (b) set up where necessary a programme, including the provision of training and information for farmers, promoting the application of the code(s) of good agricultural practice” [15]. An important point is the definition of provisions at the level of the Directive, which should be necessarily included in the codes of best practice. Such provisions should be in accordance with the annex to the second one of the following: “1. periods when the land application of fertilizer is inappropriate; 2. the land application of fertilizer to steeply sloping ground; 3. the land application of fertilizer to water-saturated, flooded, frozen or snow-covered ground; 4. the conditions for land application of fertilizer near water courses; 5. the capacity and construction of storage vessels for live-

stock manures, including measures to prevent water pollution by run-off and seepage into the groundwater and surface water of liquids containing livestock manures and effluents from stored plant materials such as silage; 6. procedures for the land application, including rate and uniformity of spreading, of both chemical fertilizer and livestock manure, that will maintain nutrient losses to water at an acceptable level” [15]. Визначаються також не обов’язкові положення щодо кодексів, наприклад: “the establishment of fertilizer plans on a farm-by-farm basis and the keeping of records on fertilizer use; the prevention of water pollution from run-off and the downward water movement beyond the reach of crop roots in irrigation systems та інші” [15]. In this example, there is a definition of additional instructions when creating voluntary codes, which is a new phenomenon for Ukraine.

For Ukraine, the application of good agricultural practice is a big problem. Farm workers often stick to “bad” practices to maximize profits. Example: “Results of “Monitoring of water pollution by nutrients in Danube catchment area in Odessa oblast”, undertaken by Odessa state center of soil protection have proved that situation is quit serious and obviously bad agriculture practice is one of the key factors of pollution situation are the following: bad quality of fertilizers and wrong application, applying fertilizers to wetlands and frozen ground, wrong spread pattern and bad equipment, absence of monitoring crop nutrient status, unsuitable crop rotation etc.” [16, p. 43].

Conclusions. The Code of Ethics is a system of defined and verified norms of a particular professional community or business entities that defines the moral and ethical principles of conduct. Ethical codes are a normative self-regulation means that can be included in the content of corporate social responsibility. Ethical codes can be categorized according to the scope of governance: ethical codes in the public sphere and ethical codes in the private sphere. The ethical codes of the sphere of private management are divided into: codes of economic entities (business codes); codes of subjects of professional activity (professional codes). Ethical codes of doing business can be classified into: corporate ethical codes (created at the enterprise level); industry or intersectoral; international ethical codes.

References:

1. Goncharenko O., Neskorożdhe-na L. Self-regulation of culture: the role of public associations and electronic communication. *Herald National Academy of Managerial Staff of Culture and Arts*. № 4'2018. P. 121–125.
2. Business Ethics as Self-Regulation: Why Principles That Ground Regulations Should Be Used to Ground Beyond-Compliance Norms as Well. [REVIEW] Wayne Norman. 2011. *Journal of Business Ethics*. 102 (S1):43-57.
3. What is a Code of Ethics. Investopedia URL: <https://www.investopedia.com/terms/c/code-of-ethics.asp>. Retrieved 2019-04-03.
4. PAIB Committee (31 May 2007). Defining and Developing an Effective Code of Conduct for Organizations. International Good Practice Guidance. The International Federation of Accountants (IFAC).
5. Honcharenko Olena. Corporate social responsibility as kind of self-regulation of economic activity. *Visegrad Journal on Human Rights*. № 3 (volume 1) 2018. P. 51–56.
6. What is a Code of Ethics. Investopedia. URL: <https://www.investopedia.com/terms/c/code-of-ethics.asp>. Retrieved 2019-04-03.
7. What is Business Ethics. Investopedia URL: <https://www.investopedia.com/terms/b/business-ethics.asp>. Retrieved 2019-04-03.
8. Stevens, Betsy. An analysis of corporate ethical code studies: "Where do we go from here?". *Journal of Business Ethics January*. 1994. Volume 13. Pp. 63–69.
9. The Economic code of Ukraine. January 16, 2003 № 436-IV (Verkhovna Rada Herald (VRH)). 2003. Vol. 18, Vol. 19-20, Vol. 21–22. P. 144. URL : <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/ua/ua020en.pdf>. Retrieved 2019-04-03.
10. Thilmany, Jean (2007). Supporting Ethical Employees. *HR Magazine*. Society for Human Resource Management. Retrieved 2016-04-04.
11. Grace, Damian; Cohen, Stephen (1 October 2004). *Business Ethics: Problems and Cases*. Oxford University Press.
12. Stevens, Betsy. Corporate Ethical Codes: Effective Instruments For Influencing Behavior. *Journal of Business Ethics* April 2008. Volume 78. Pp. 601–609.
13. Tullberg, J., Tullberg, S. (1996). *On Human Altruism: The Discrepancy between Normative and Factual Conclusions*. *Oikos*. 75 (2): Pp. 327–329.
14. Avshalom M. Adam and Dalia Rachman-moore *Journal of Business Ethics*. October 2004. Volume 54. Pp. 225–244.
15. Eisingerich, A.B.; Rubera, G.; Seifert, M.; Bhardwaj, G. (2011). Doing Good and Doing Better Despite Negative Information? The Role of Corporate Social Responsibility in Consumer Resistance to Negative Information. *Journal of Service Research*. 14 (February). Pp. 60–75.
16. Council Directive of 12 December 1991 concerning the protection of waters against pollution caused by nitrates from agricultural sources (91/676/EEC). *Official Journal L 375*. 31/12/1991 P. 0001–0008. URL : <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1991/676/oj>. Retrieved 2019-04-03.
17. Pilot Projects for Promoting Best Agricultural Practice (BAP) in the Central and Lower Danube River Basin Countries: Concept and Project Proposals. Final Report March 2004. GFA Terra Systems in co-operation with Avalon. UNDP/GEF Danube Regional Project Policies for the Control of Agricultural Point and Non-point Sources of Pollution & Pilot Projects on Agricultural Pollution Reduction (Project Outputs 1.2 and 1.3). 77 p. URL : https://www.icpdr.org/main/sites/default/files/1.2-3_Pilot%20Project%20Report%20Output%201.3.pdf. Retrieved 2019-04-02.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Goncharenko Elena Nikolayevna – Candidate of Law Sciences, Associate Professor at the Department of International Private, Commercial and Civil Law of Kyiv National University of Trade and Economic

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гончаренко Елена Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного, коммерческого и гражданского права Киевского национального торгово-экономического университета

Olena-77@ukr.net

UDC 351.73

POLICY OF FOOD SECURITY IN THE NOVEL LEGISLATION OF CERTAIN COUNTRIES OF THE WORLD

Maksim GREBENYUK,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Honored Lawyer of Ukraine
Head of the Interagency scientific and research Centre on problems of combating organized crime
under National Security and Defense Council of Ukraine

Elena YANOVSKAYA,

Student at the Institute of Postgraduate Education
of Taras Shevchenko National University of Kyiv

SUMMARY

The author has examined recently approved legislative innovations devoted to the food security and its components in different countries, namely: Belarus, Azerbaijan and Kazakhstan. The directions of the state policy on stable provision of food security in these countries were highlighted.

Key words: food security, legal regulation, food sovereignty, agro-industrial complex.

ПОЛИТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НОВЕЛЛАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НЕКОТОРЫХ СТРАН МИРА

Максим ГРЕБЕНЮК,

кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Украины,
руководитель Межведомственного научно-исследовательского центра по проблемам борьбы с организованной преступностью при Совете национальной безопасности и обороны Украины

Елена ЯНОВСКАЯ,

студентка Института последипломого образования
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

АННОТАЦИЯ

Автором исследованы утвержденные в последнее время новеллы законодательства, посвященные тематике обеспечения продовольственной безопасности и ее составляющих в некоторых зарубежных странах, в частности: Беларуси, Азербайджане, Казахстане. Освещены направления государственной политики стабильного обеспечения продовольственной безопасности в этих странах.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, правовое регулирование, продовольственная независимость, агро-промышленный комплекс.

Problem statement. For most of the world's leading countries, food security is an essential component of economic security. However, food security is one of the main guarantees of ensuring the national security of the state and an important condition for the formation of a full-fledged concept of its successful development and economic growth. It is generally admitted that food security is defined as a health of the economy, in which the State is able to guarantee the satisfaction of food needs at the level necessary to ensure the vital functions of the entire population and the state as a whole. As a consequence, the climate of food security depends directly on the general state and dynamics of the country's economic development, including the agro-industri-

al complex (APC), the food and processing industry.

Analysis of recent publications and research. A significant number of scholars were engaged in researches on the level and directions of the state policy to ensure the stability of the national food sector, in particular, the following domestic and foreign scientists as V. Balabanov, Y. Bilyk, E. Borysenko, P. Borshchevskiy, V. Heets, L. Hrekov, L. Deineko, O. Kochetkov, A. Kuzmin, A. Miroshnychenko, H. Mostovyi, V. Rusan, O. Sobkevych, I. Klymenko, E. Sierova, V. Skorohod, V. Trehobchuk, V. Shamrai, A. Yurchenko, V. Yurchyshyn, etc. [1].

The analysis of the provisions of foreign law regulating the field of food security was carried out by the following scholars: S. Lupshaiev, T. Kurman, A. Tryhub

[2], D. Mishchenko, S. Shcherbyna, etc. However, many issues regarding the definition of legislative measures to improve the food security policy have not been investigated yet.

Purpose of the article is to highlight legislative innovations, in particular recent legislative and regulatory acts devoted to food security and its components in certain foreign countries (namely, Belarus, Azerbaijan and Kazakhstan).

Presentation of basic material of the research. The components of food security are the proper functioning of the mechanism for the stable supply of food to end-consumers and providing the processing industry with custom-made raw materials. The basis for creating and maintaining the proper level of food supply of the country is its agro-industrial

production, which provides for the food needs of the population. At the same time, food security can be achieved under the conditions of guaranteed physical and economic access to food supplies. Ensuring food security is an important and urgent problem for both a low level of economic development or developed countries. All countries of the world are keen to create and constantly improve mechanisms for maintaining adequate levels of food security, especially for low-income and socially vulnerable populations.

States of the world are divided into those who achieve food security at the expense of their own production of food in the necessary volumes and those who are forced to import a significant part of food supplies, which is related to spending of funds and leads to strengthening their economic and political dependence on developed countries. In such a manner, ensuring food security envisages joint purposeful and coordinated activity of legislative and executive structures of all levels, scientific and financial institutions, industrialists and entrepreneurs. This involves the creation of appropriate regulatory framework and implementation of effective food supply policy [3, p. 50, 54]. Consequently, ensuring food security is an important factor that characterizes the economic development of any country in the world.

Thus, in Belarus, the Decree of the Council of Ministers dated

December 15, 2017, № 962 [4] approved the Doctrine of National Food Security, which defines the fundamental strategic priorities for providing food supplies to the population of this country by 2030. This Doctrine was adopted instead of the National Food Security Concept of the Republic of Belarus (RB), approved in 2004 [5], which, in modern realities, have objectively lost its relevance, given the new challenges and threats that exist in the context of the need to strengthen food security.

As Academician V.G. Gusakov, the representative of the Belarusian research school, in his researches claimed, the problematic issues in the Republic of Belarus in the outlined format remain the following: a clear understanding of the strategic priorities of food security, taking into account local and regional peculiarities; lack of forecasting options for constructing a balance of imports

and exports of food supplies; absence of effective mechanism of protection of the domestic food market and its conditions [6, p. 166]. Subsequently, these tasks were solved in the abovesaid Doctrine, which in its content in a certain way duplicates a similar document, approved in the Russian Federation in 2010. Structurally, the Doctrine of National Food Security of the Republic of Belarus consists of 11 sections, which summarize the approaches, principles, capabilities and possibilities of the State in the field of building a powerful agro-industrial complex; determine the strategic directions of implementation of the state policy on ensuring food security at the national and regional levels, which, in turn, will provide opportunities to create favorable conditions for meeting the consumer's needs; guarantee everyone free access to high-quality and safe food; as well as support the State concept of healthy lifestyle and rational nutrition.

This normative legal act defines the main tasks of ensuring national food security, which include: stable development of domestic production of the main types of agricultural products, raw materials and food supplies sufficient to ensure food independence and the export potential of the agro-industrial complex; achievement of a high level of physical and economic affordability for the population of safe and high-quality food products in the required volumes and assortment; timely detection, evaluation and forecasting and prevention of internal and external threats to food security, minimization of their negative impact; the formation of a food culture and a high level of public awareness in the food sector, etc.

Besides that, the abovementioned document outlines the concept of food security as a state of the economy, in which, irrespective of the influence of world market conditions and other external factors, the population is guaranteed access to food supplies in the amount necessary for an active and healthy life, the creation of social and economic conditions to maintain the consumption of food at a rational level. It is anticipated that the main criteria for achieving the goals set out in the Doctrine for the dynamic development of national food security by 2030 in Belarus will be:

1) stable development and increase of efficiency of agroindustrial complex;

2) providing the domestic market with quality food products of domestic production;

3) increasing the efficiency of foreign trade in agricultural products and food supplies, etc.

It is expected that the results of the implementation of the basic provisions of the Doctrine should be:

1) to increase the level of food security to the optimistic on the important components (physical availability by 10%, food quality of the population by 25 %);

2) to increase the competitiveness of Belarusian commodity producers in the domestic and foreign markets, including in the world economy.

The document also establishes the necessity of annual preparation and publication of the results of the monitoring of the state of food security for their further submission to the Council of Ministers of the Republic of Belarus until 1 July each year. It is expected that practical implementation of the provisions of the Doctrine of National Food Security will enable Belarus to significantly increase its performance in the global ranking of the Global Food Security Index, to switch from the policy of preferential food imports to a self-sufficiency strategy, to strengthen control over the quality of food products on the domestic food market, promote the implementation of a modern model of development of export agricultural potential of the country.

Azerbaijan also devotes considerable attention to the development and implementation of fundamental legislative initiatives in the field of food security, as the food security system in this country differs significantly from international and European standards and existing best practices. This is due to the fact that the standards of food safety, sanitary and phytosanitary norms and rules that are in force in Azerbaijan were developed in the times of the USSR and are subject to actualization in accordance with international requirements. In this regard, in the opinion of the political leadership of Azerbaijan, it is necessary to bring the food security system in line with the requirements of the EU and the relevant international institutions, to accelerate the elimination of duplication of powers in the activities of various state authorities, which carry out control in the field of food security, increase safety and quality of food products.

In order to overcome the existing shortcomings and bring food safety standards in line with best practices of the EU, the Decree of the President of Azerbaijan of December 6, 2016 [7] approved the Strategic Roadmap for the production and processing of agricultural products in the Republic of Azerbaijan. In pursuance of the Decree of the President of Azerbaijan "On Additional Measures for the Improvement of the Food Security System of the Republic of Azerbaijan" as of February 10, 2017 [8], the Commission for Food Security under the Cabinet of Ministers of Azerbaijan was formed. What is more, the Regulations on the Food Safety Agency of the Republic of Azerbaijan were approved by the Decree of the President of this country as of November 13, 2017 [9]. This newly established structure started its activity from January 1, 2018 in the following fields: legal regulation of food safety; certification of food products, including food supplies as an export product; implementation of State control in the field of consumer rights protection at all stages of production and products sales taking into account potential risks. This Decree also provides for the establishment of the Food Safety Institute of Azerbaijan, which within its competence will carry out scientific and practical research in the field of food safety, will carry out risk assessments in this field, as well as develop draft technical regulations.

Given the urgency of the issue of practical implementation of the state policy in the field of food security of the Cabinet of Ministers of Azerbaijan, the President of the country has been tasked to prepare a draft law "On Food Security" based on best practices of international experience, as well as a draft of State Program on food security for 2018–2025, which will include the following priority areas: ensuring compliance of the food assessment system with international standards; classification of food products by risk groups and determination of criteria for risk assessment taking into account international experience; improvement of the control system over the genetically modified organisms; development and implementation of control mechanisms at all stages of food production based on the principle of "from field to table" and according to the level of product risk; enhancing staffing capacity in the field of food security, etc. It is

also expected that the creation of the Food Security Agency of Azerbaijan, which will act as a single control body, will contribute to the improvement of the food security system in the state, and as a result will enable to improve the quality and safety of food products, eliminate cases of duplication in the activities of the competent authorities in the field of food security [8].

The problematic of legal provision of food security is also a priority issue for Kazakhstan. The draft Concept of food security of the Republic of Kazakhstan until 2030 was developed and announced for discussion in this country. The purpose of this program document is to ensure stable food security on a permanent basis by strengthening the security of the economy, including the agro-industrial complex, in which the State is able to provide the physical and economic accessibility to the population of high-quality and safe food supplies sufficient to meet the physiological standards of nutrition and demographic growth.

Achieving the goal of ensuring food security involves the implementation at the state level of the following tasks: creation of proper conditions for the stable development of agro-industrial complex; ensuring the physical and economic availability of food throughout Kazakhstan for each citizen in the volumes and assortment that will meet the established consumption norms; ensuring the food products safety. The efforts of Kazakhstan in this field will focus on the practical implementation of the following measures: creation of conditions for food safety at every stage "from producer to consumer"; development and implementation of a risk management system in this field, including strengthening phytosanitary and veterinary safety; development of the concept of a single information system for monitoring the threats of microbiological safety of food, etc. Thus, it is expected to actively introduce risk analysis and critical control points – Hazard Analysis and Critical Control Point (HACCP) in all food processing and processing enterprises, as well as creation of conditions for the application of international food quality standards are envisaged ISO 22000 [10].

Conclusions. Consequently, nowadays there is a general tendency to intensify the efforts of the policy-makers of the states in the former Soviet Union

(Belarus, Azerbaijan, Kazakhstan) in the direction of strengthening the legal support of food security. The analysis of legislative initiatives in Belarus, Azerbaijan, and Kazakhstan confirms the awareness of the state apparatus of these countries of the importance and urgency of food security issues at the national level.

The food security of any state can be ensured by through the consistent implementation of a set of interrelated and coordinated measures of organizational, social and economic, as well as administrative character, defined in the framework of regulatory acts, taking into account the best practices of international experience, including measures for the development of the national agricultural complex, food and processing industry, increase of volumes of agricultural products and raw materials.

In the current economic conditions, the problem of food security is a complex issue related to the macroeconomic development of the country, its capacity to carry out social-oriented policy, improving living standards, the introduction of international standards for food security.

Thus, as international practice shows, the reasons for increasing the level of consumption of imported food include: the low growth rate of domestic agricultural commodity production, including the reduction of the number of agricultural land that is being processed, continued the moratorium on the prohibition of the creation of a market for agricultural land; inefficient state agricultural policy, the implementation of which leads to the import of cheap food; increasing demand for food in connection with an increase in the population, growth of its incomes and a corresponding increase in the volume of consumed food; a change in the nutritional structure of the population, which may lead to the emergence of demand for food that is not produced in the country but imported.

Mechanisms for ensuring food security in many states are established in the relevant regulations, the provisions of which determine the conditions of functioning of the economy of the country and its individual industries, including agro-industrial complex, processing and food industry.

So, food security is one of the elements of the national security system of Ukraine, which characterizes economic stability

and political independence of the state, its ability to provide basic consumer needs of citizens, is a necessary condition for the physical existence of the population, since without the availability of own food resources, the state loses its food independence, which may causing significant damage to food security.

Food security means to achieve food independence, the state's ability to withstand external and internal threats, ensure dynamic and stable development of the production and consumption of food. In view of this, ensuring food independence is a prerequisite for achieving food security in the country. The problem of food security is directly linked to the insufficient level of food security provided by the state at the expense of its own resources.

References:

- Mishchenko D.A. (2014) Napriamy vdoskonalennia derzhavnoho upravlinnia systemoiu zabezpechennia prodovolchoi bezpeky Ukrainy [Directions of improvement of public administration of food security system of Ukraine]. *Scientific journal "Bulletin of the Academy of Customs Service of Ukraine. Series: "Public Administration"*. №1 (10). Pp. 144–150. (in Ukrainian).
- Lushpaiev S. O. (2015) Poniattia prodovolchoi bezpeky za zakonodavstvom zarubizhnykh derzhav [The concept of food security under the legislation of foreign countries]. *Legal Forum*. № 3. P. 135–142. URL : http://nbuv.gov.ua/UJRN/FP_index (in Ukrainian).
- Shcherbyna S.V. (2014) Derzhavna polityka zabezpechennia prodovolchoi bezpeky Ukrainy [State policy of ensuring food safety of Ukraine]. *Scientific journal "Bulletin of the National Academy of Public Administration"*. № 2. P. 49–55 (in Ukrainian).
- Doktrina natsionalnoy prodovolstvennoy bezopasnosti Respubliki Belarus do 2030 goda, utverzhdena Postanovleniem Soveta Ministrov Respubliki Belarus [The Doctrine of the National Food Security of the Republic of Belarus until 2030, approved by the Decree of the Council of Ministers of the Republic of Belarus] as of 15.12.2017 № 962. URL : <http://www.government.by/upload/docs/file-27d7ec1a11a991f6.PDF> (in Russian).
- Kontsepsiya natsionalnoy prodovolstvennoy bezopasnosti Respubliki Belarus: odobrena Postanovleniem Soveta Ministrov Respubliki Belarus [The Concept of National Food Security of the Republic of Belarus: approved by the Decree of the Council of Ministers of the Republic of Belarus] as of March 10, 2004. № 252 (in Russian).
- Gusakov V.G. (2011) Mekhanizm rynochnoy organizatsii agrarnogo kompleksa: otsenka i perspektivy [The mechanism of market organization of the agricultural complex: assessment and prospects]. *Minsk : Belarusian Science*. P. 363 (in Russian).
- Ukaz Prezidenta Azerbaydzhanskoj Respubliki ob utverzhdenii strategicheskikh dorozhnykh kart po natsionalnoy ekonomike i osnovnym sektoram ekonomiki [Decree of the President of the Republic of Azerbaijan on the approval of strategic road maps for the national economy and the main sectors of the economy] as of December 06, 2016. URL : <http://ru.president.az/articles/21953> (in Russian).
- Vusal Musaev (Chief Editor. PhD) (2017) Obzor ekonomicheskikh reform Azerbaydzhana [Review of economic reforms in Azerbaijan]. *Center for Analysis of Economic Reforms and Communications*. February 2017. URL : http://ereforms.org/store//media/ekspert_yazilari/islahat%20icmali/fevral/Qida_tehlukesizliyi_agentliyi_ru.pdf (in Russian).
- Obzor ekonomicheskikh reform Azerbaydzhana [Review of economic reforms in Azerbaijan]. *Center for Analysis of Economic Reforms and Communications*. November 2017. URL : http://ecoreform.az/store//media/islahat_icmali/oktyabr/QT%C6%8F_ru.pdf (in Russian).
- Sistema upravleniya bezopasnostyu pishchevykh produktov [Food safety management system]. *In. Business-World*. (business forum). URL : <https://sites.google.com/site/innovationenvironment/innovacii-i-okruzausaa-sreda/produkty-pitania-1/soobseniebezzagolovka> (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Grebenyuk Maksim Vasilyevich – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Honored Lawyer of Ukraine Head of the Interagency scientific and research Centre on problems of combating organized crime under National Security and Defense Council of Ukraine;

Yanovskaya Elena Evgeniyevna – Student at the Institute of Postgraduate Education of the Taras Shevchenko National University of Kyiv

ИФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гребенюк Максим Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Украины, Руководитель Межведомственного научно-исследовательского центра по проблемам борьбы с организованной преступностью при Совете национальной безопасности и обороны Украины;

Яновская Елена Евгениевна – студентка Института последипломного образования Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

max-felix@ukr.net
ad_rs@ukr.net

УДК 341.9

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЕТОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

Оксана ДАВИДЕНКО,
соискатель кафедры международного права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

В статье проанализирована система нормативно-правового обеспечения осуществления международных расчетов по законодательству Украины. Автором выделены основные блоки нормативно-правовых актов, регулирующих эту сферу правоотношений, а также представлены предложения по совершенствованию норм действующего законодательства.

Ключевые слова: расчеты, международные расчеты, нормативно-правовой акт, правовое обеспечение, система правового обеспечения.

PROBLEMS OF LEGAL PROTECTION OF IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL CALCULATIONS ON UKRAINE'S LEGISLATION

Oksana DAVIDENKO,
Applicant at the Department of International Law
of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

The article analyzes the system of legal and regulatory support for the implementation of international settlements under the legislation of Ukraine. The author sets out the main blocks of normative legal acts regulating this sphere of legal relations, as well as suggestions on improving the norms of the current legislation.

Key words: calculations, international calculations, normative-legal act, legal support, system of legal support.

Постановка проблемы. На протяжении последних лет украинская экономическая система находилась в состоянии упадка, и только последние несколько лет можно наблюдать незначительное оживление и оздоровление различных ее секторов. И именно выход на внешние рынки является весьма важной частью стратегии экономического роста государства. При осуществлении внешнеэкономической деятельности субъекты хозяйствования непременно сталкиваются с системой международных расчетов в различных их формах.

Поэтому сегодня очень важным как с практической, так и с теоретической точки зрения является исследование возможностей и проблем использования международных расчетов, а также поиск оптимальных моделей правового регулирования форм международных расчетов именно для украинских предпринимателей. Это позволит национальному бизнесу активнее участвовать в международном товарообороте, а также наладить связи с зарубежными партнерами.

Актуальность темы исследования. В целом проблеме правового обе-

спечения международных расчетов уделено недостаточное внимание ученых. Среди специалистов в этой области, в трудах которых проанализированы отдельные вопросы осуществления международных расчетов, необходимо выделить таких, как: В.П. Богун, В.В. Дячек, А.И. Иванский, Т.А. Латковский, А.Г. Можарин, С.С. Пилипшин, Е.В. Сотченко, И.А. Терещенко, Г.С. Фединяк, В.А. Чубенко и некоторые другие. Однако в условиях постоянного изменения условий ведения бизнеса, прежде всего в международном масштабе, переориентации экономики, финансового и экономического кризиса требуется переосмысление самого подхода к правовому регулированию международных расчетов с учетом международного опыта.

Целью настоящей статьи является анализ системы правового обеспечения осуществления международных расчетов по законодательству Украины и классификация нормативно-правовых актов в этой сфере.

Изложение основного материала. Следует отметить, что возникновение системы международных расчетов тес-

но связано с развитием и углублением процесса международного разделения труда, движения товаров, денег и услуг. Это обуславливает относительную обособленность движения денег в международном обороте из-за того, что производство и непосредственная реализация товаров не происходят одновременно, а также из-за удаленности рынков сбыта, постоянных в отдельных случаях периодов транспортировки товаров и тому подобное. Международные расчеты нацелены охватывать расчеты во внешней торговле товарами и услугами, а также некоммерческими операциями, кредитами и движением капиталов между различными государствами.

Анализ практики применения форм международных расчетов, используемых украинскими субъектами хозяйствования, свидетельствует о том, что наиболее распространенными среди них являются: документарный аккредитив, документарное инкассо, авансовый платеж, банковский перевод и банковская гарантия. В то же время платежи по открытым счетам, векселя, чеки не нашли пока должного уровня распространенности при осуществле-

нии международных расчетов украинскими компаниями. Это объясняется тем, что при осуществлении международных расчетов существенное значение имеет имидж не только самой компании, но и страны происхождения в целом (экономическое положение, законодательная база, техническое оснащение и защита данных при осуществлении расчетов). К сожалению, к Украинскому государству со стороны международного сообщества нет достаточного уровня доверия как к надежному партнеру.

Особенности международных расчетов состоят в том, что импортеры и экспортеры, а также избранные ими банковские учреждения вступают в ряд дополнительных правоотношений по оформлению, пересылке и обработке товарораспорядительных и платежных документов; международные расчеты регулируются как национальными законодательными актами, так и международными банковскими обычаями.

Хотя вопрос определения процедуры проведения этих расчетов является весьма актуальным и насущным, в то же время для юристов гораздо принципиальнее вопрос, во-первых, о необходимости правового регулирования как такового, во-вторых, об объемах нормативного материала, которым обеспечивается регулирование международных расчетов в соответствии с национальным законодательством, в-третьих – о структуре правового обеспечения таких расчетов.

Необходимость правового регулирования международных расчетов, в частности, обусловлена тем, что оно, как и любой вид правоотношений, должно осуществляться с соблюдением принципа законности, что является важной гарантией провозглашенных в ст. 3 Конституции Украины прав, свобод и законных интересов человека как высшей социальной ценности, а также права на предпринимательскую деятельность, которая должна быть, прежде всего, легальной и осуществляться в соответствии с нормами права.

Поскольку процесс осуществления международных расчетов, сложность их проведения непосредственно влияет на инвестиционную привлекательность всей нашей страны, то в зависимости от того, какая модель государственной политики в этой сфере будет выбрана,

произойдет увеличение или уменьшение инвестиционных потоков.

Объем нормативного материала, которым обеспечивается правовая регламентация осуществления международных расчетов, должен соответствовать предмету регулирования, то есть должен быть адекватным тем общественным отношениям, которые урегулированы конкретным массивом юридических актов.

К тому же, законодатель при принятии нормативно-правовых актов в указанной сфере должен избегать как пробелов, так и чрезмерной «зарегулированности», а также коллизий между правовыми нормами актов различной юридической силы. В этом контексте необходимо подчеркнуть, учитывая особенности предмета правового регулирования, что место в системе нормативно-правовых актов, устанавливающих правовые основы осуществления международных расчетов, занимают международные акты, даже те, которые не являются обязательными сегодня для Украинского государства по тем или иным причинам. Они – перспектива развития современного украинского законодательства в сфере расчетных отношений.

В свою очередь, правовая основа осуществления международных расчетов имеет сложную разноуровневую структуру, включая в себя нормы различных отраслей права. Так, в частности, это нормы административного права, финансового, уголовного, таможенного, налогового, хозяйственного, гражданского и банковского права.

Таким образом, анализ самой структуры правового обеспечения производства международных расчетов является принципиальным моментом. Собственно, система законодательства имеет свое внутреннее строение и в зависимости от различных критериев состоит из нескольких структурных «срезов». Так, в частности, учеными отмечается функциональная, горизонтальная и иерархическая (вертикальная) структуры системы законодательства [1, с. 264–267]. Общеизвестна иерархия нормативно-правовых актов, предложенная представителями теории государства и права. Учеными-правоведами советской эпохи теория иерархичности нормативно-правовых актов, их структура, соотношение системы права и системы законодательства были раз-

работаны еще в XX в. В частности, эти проблемные вопросы нашли свое отражение в трудах А.П. Зайца, П.Б. Евграфова, С.В. Полениной, М.В. Сильченко [2–4]. На современном этапе развития теоретико-правовой науки каждый учебник по теории государства и права содержит определения иерархической структуры законодательства.

Так, авторы учебника «Общая теория государства и права» под общей редакцией М.В. Цвика и А.В. Петришина отмечают, что в зависимости от юридической силы нормативно-правовых актов, которая определяется местом правотворческого (правоустанавливающего) органа в государственном аппарате, выделяют иерархическую вертикальную структуру отечественного законодательства, в которую входят: (1) Конституция Украины, которая занимает центральное место в иерархической системе законодательства вместе с законами, устанавливающими отправные принципы правового регулирования (конституционные законы); (2) законы и кодексы, главное назначение которых – обеспечение на основе научно обоснованных принципов комплексного, всестороннего и целостного решения тех или иных задач экономического и социального развития общества; (3) указы и распоряжения Президента Украины; (4) подзаконные нормативно-правовые акты центральных органов исполнительной власти – постановления и распоряжения Кабинета Министров Украины, приказы и инструкции министерств, государственных комитетов Украины; (5) акты местных органов исполнительной власти (местные государственные администрации); (6) акты органов местного самоуправления по осуществлению функций, которые им делегированы государственными органами [1, с. 266].

Почти идентичную структуру предлагает и Н.М. Пархоменко, добавив к ней еще и локальные нормативно-правовые акты [5, с. 398]. А.Ф. Скаун, рассматривая виды структурной организации законодательства, отмечает, что иерархическая, субординационная (вертикальная) структура отражает юридическую силу актов, по которой происходит разделение законодательных актов: Конституция, конституционные законы, международные договоры, кодифицированные акты, обычные акты и т.д. [6, с. 317].

Если проанализировать нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы осуществления международных расчетов, то условно их можно разделить на следующие блоки. **Первый блок** составляют нормативно-правовые акты, закрепляющие положение о государственной политике в сфере международных расчетов (например, ее цели, задачи, основные направления реализации и т.п.). Так, в свое время был принят целый ряд нормативно-правовых актов, в которых содержатся нормы, призванные обеспечить осуществление международных расчетов. К ним относятся Конституция Украины, Хозяйственный кодекс Украины, Закон Украины «О Национальном банке Украины», Закон Украины «О финансовых услугах и государственном регулировании рынков финансовых услуг», Закон «О банках и банковской деятельности», Закон Украины «О платежных системах и переводе средств в Украине» и др. [7–12].

Статьей 42 Конституции Украины регламентировано право каждого на предпринимательскую деятельность, не запрещенную законом. В соответствии с нормами этой статьи действуют определенные ограничения в занятии предпринимательской деятельностью для определенного круга лиц: депутатов, должностных и служебных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления. При этом на конституционном уровне закреплена обязанность государства обеспечивать защиту конкуренции в предпринимательской деятельности, а также прав потребителей, осуществлять контроль за качеством и безопасностью продукции и всех видов услуг и работ, содействовать деятельности общественных организаций потребителей [7]. Таким образом, на конституционном уровне закреплено право на осуществление предпринимательской деятельности, не запрещенной законодательно. В том числе подразумевается и осуществление предпринимательской деятельности с иностранными контрагентами, которая подразумевает участие в системе международных расчетов.

В соответствии со ст. 344 ХКУ международные расчеты регулируются нормами международного права, банковскими обычаями и правилами, условиями внешнеэкономических контрактов, валютным законодательством

стран-участниц расчетов. Международные расчеты осуществляются через учреждения банков, между которыми есть корреспондентские отношения (банки, имеющие договоренность о проведении платежей и расчетов по взаимному поручению).

Второй блок – это нормативно-правовые акты, регламентирующие государственную политику в сфере валютного регулирования и контроля. В частности, к ним необходимо отнести Закон Украины «О валюте и валютных операциях» от 21.06.2018 № 2473, которым введены существенные изменения в регулировании этой сферы [12]. В частности, юридические и физические лица (в том числе – граждане) были наделены правом самостоятельно решать, когда и как проводить валютные операции, для этого не нужно будет ждать разрешения регулятора. Также этим нормативно-правовым актом был отменен валютный контроль для операций по покупке и переводу валюты на сумму до 150 000 грн. в эквиваленте.

На сегодня для инвестиций за границу не нужна больше индивидуальная лицензия от НБУ, а это значит, что не нужно подавать достаточно пакет документов, не зная, предоставит такое разрешение НБУ или нет. Важным достижением Закона является то, что продлен максимальный срок для расчетов по операциям экспорта и импорта товаров на более 180 дней. Экспортерам не нужно будет продавать выручку, а покупать валюту можно, не привязываясь к конкретному экспортному контракту. Также важными достижениями законодателя следует считать ослабление санкций в отношении нарушения валютного регулирования для экспортеров и импортеров и отсутствие обязанности регистрировать в НБУ привлеченные из-за рубежа кредиты.

Третий блок системы правового обеспечения осуществления международных расчетов составляют нормативно-правовые акты, направленные на регулирование вопросов электронной коммерции. В первую очередь, речь идет о Законе Украины «Об электронной коммерции» [13], который был принят не так давно (в 2015 году) и который в некотором роде расставил определенные точки над «i» в вопросах регулирования заключения электронных сделок с применением информационно-

телекоммуникационных технологий, а также права и обязанности участников отношений в сфере электронной коммерции.

Четвертый блок нормативно-правовых актов – это международные акты. В частности, имеются в виду Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов Международной торговой палаты, Унифицированные правила по инкассо Международной торговой палаты, унифицированные правилами по договорным гарантиям Международной торговой палаты и другие международно-правовые акты по вопросам международных расчетов

Международные расчеты – объект унификации, что обусловлено интернационализацией хозяйственных связей и универсализацией банковских операций. В частности, Международные Вексельная и Чековая конвенции, заключенные на конференциях в Женеве соответственно в 1930 и 1931 годах, направлены на унификацию вексельных и чековых законов и устранение сложностей и разногласий в использовании векселей и чеков при расчетах. Комиссия по праву международной торговли при ООН осуществляет дальнейшее совершенствование вексельного и чекового законодательства.

Международная торговая палата (International Chamber de Commerce – ICC), созданная в Париже в начале XX в., разрабатывает и публикует Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов, инкассо и банковских гарантий. Например, первые правила для инкассо вышли в свет 1936. В настоящее время действуют более поздние редакции унифицированных правил. Большинство банков мира объявили о своем присоединении к ним. Унифицированные правила и одинаковые законы – продукт банковской и торговой практики.

Они, в свою очередь, становятся базой для национальных нормативных и законодательных актов по международным расчетам и внешней торговле. Международные расчеты имеют, как правило, документарный характер, т.е. осуществляются против финансовых и коммерческих документов. Международные платежи выполняются в разных валютах и поэтому тесно связаны с валютными операциями, а именно

куплей-продажей валют. На эффективность их осуществления влияет динамика валютных курсов. Способом хеджирования валютного риска во внешнеэкономической деятельности, в частности, является покупка фьючерсных и опционных контрактов.

Пятый блок нормативно-правовых актов, регулирующих порядок международных расчетов, – это перспективное законодательство, т.е. те проекты, которые либо зарегистрированы в Верховной Раде Украины и которые тематически включают в себя все предыдущие блоки, однако еще не приняты в официальном порядке, либо же те нормативно-правовые акты международного уровня, которые необходимо имплементировать в украинское законодательство. В первую очередь мы имеем в виду нормативные документы, принятые либо рекомендованные Банком международных расчетов.

Этот банк был создан в 1930 году с целью координации поступлений и платежей, которые возникли в связи с репатриациями Германии, которые она платила странам-победителям в Первой мировой войне. Сегодня, безусловно, роль Банка совершенно другая, однако отличительной его особенностью является то, что на разных этапах исторического развития этот Банк неизменно оставался центральным банковским учреждением на мировой арене. Сегодня в его состав входят центральные банки стран-членов, он ими контролируется и предоставляет немало чисто специализированных услуг центральным банкам различных стран.

Одна из основных целей международной деятельности Банка заключается в укреплении международной финансовой стабильности. Особую актуальность такая деятельность приобретает в современных условиях интеграции мировых финансовых рынков. Это определяет и роль банка в системе международных отношений: БМР является местом встречи представителей центральных банков; является банком центральных банков – сохраняет их депозиты, которые составляют значительную долю мировых валютных резервов, осуществляет расчеты между ними на клиринговой основе; является агентом или доверенным лицом из различных международных финансовых договоренностей.

Украина, к сожалению, не является членом БМР, однако частично вынуждена выполнять его рекомендации. Так, под эгидой этого Банка и при его непосредственной поддержке работают 3 комитета по разработке и согласованию нормативных банковских стандартов: Базельский комитет по банковскому надзору, Базельский комитет по системам платежей и расчетов и Постоянный комитет по евровалютам. Ежегодные отчеты Банка международных расчетов существенно влияют как на международную экономическую систему в целом, так и на развитие экономики каждого отдельно взятого государства.

Выводы. Таким образом, основу правового регулирования осуществления международных расчетов в Украине составляет Хозяйственный кодекс Украины, Закон Украины «О платежных системах и переводе средств в Украине», «О Национальном банке Украины», «О банках и банковской деятельности», другие акты законодательства Украины и нормативно-правовые акты Национального банка Украины, а также Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов Международной торговой палаты, Унифицированные правила по инкассо Международной торговой палаты, унифицированные правила по договорным гарантиям Международной торговой палаты и другие международно-правовые акты по вопросам международных расчетов, а также конкретные торговые кредитные и иные договоры, определяющие общие условия расчетных отношений между странами.

Анализ законодательства в сфере осуществления международных расчетов позволяет сделать выводы, что на законодательном уровне не закреплены дефиниции таких важных категорий, как: «международные расчеты», «формы международных расчетов», «система международных расчетов», «элементы системы международных расчетов» и т.д. Поэтому сегодня приоритетным вопросом «повестки дня» ученых-специалистов в области банковского права должно стать тщательное научно-практическое обоснование и анализ этих понятий.

К тому же, важна также выработка ряда рекомендаций для поиска и создания оптимальных моделей осуществления международных расчетов на современном этапе развития национальной экономической системы, мировых тен-

денций и т.д. с учетом особенностей украинских реалий.

Особенностями системы нормативно-правового обеспечения осуществления международных расчетов являются: 1) отсутствие закрепления на законодательном уровне базовых понятий, используемых законодателем, а также их признаков, системы, элементов и т.д.; 2) отсутствие системного подхода в регулировании международных расчетов, отсутствие единства в правовом регулировании; 3) «разбросанность» нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы осуществления международных расчетов, поскольку различные вопросы правового регулирования отдельных элементов системы международных расчетов содержатся в различных нормативно-правовых актах, которые довольно часто различаются по иерархическому признаку.

Несмотря на такое большое количество препятствий, сфера внешнеэкономической деятельности для коммерческих банков Украины до сих пор недостаточно развита. Хотя и сегодня большое количество украинских банков пытается самостоятельно налаживать корреспондентские отношения с банками других стран.

Для эффективного существования на мировом рынке украинскому банковскому сектору необходимо совершенствовать систему международных расчетов, опираясь на современные тенденции, и улучшать имидж компаний, банков и государства в целом. Этой ситуации возможно достичь с помощью применения инструментов по улучшению законодательства в расчетно-кредитной сфере и формированию информационной базы о платежеспособности и надежности украинских и иностранных компаний, банков и их партнеров.

Список использованной литературы:

1. Загальна теорія держави і права : підручник / за заг. ред. М.В. Цвіка, О.В. Петришина. Харків : Право, 2010. С. 264–267.
2. Заец А.П. Система советского законодательства (Проблема согласованности) : монография. Київ : Наук. думка, 1987. 100 с.
3. Законодательные акты СССР и их роль в укреплении социалистической законности: учеб. пособие. Киев : УМК ВО, 1989. 66 с.

4. Поленина С.В., Сильченко Н.В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР : монография. Москва : Наука, 1987. 152 с.

5. Теорія держави і права. Академічний курс : підручник / за ред. О.В. Зайчука, Н.М. Оніщенко. Київ : Юрінком Інтер, 2006. С. 398.

6. Скакун О.Ф. Теорія права і держави : підручник. Київ : Алерта; КНТ; ЦУЛ, 2009. С. 317.

7. Конституція України : Затв. Законом України від 28.06.1996 р. № 254к/96-ВР. Відом. Верхов. Ради України. 1996. № 30. Ст. 141.

8. Господарський кодекс України : Закон України від 16.01.2003 № 436 ВР. Відом. Верхов. Ради України. 2003. № 18–22. Ст. 144.

9. Про Національний банк України : Закон України від 20.05.1999. № 679. Відом. Верхов. Ради України. 1999. № 29. Ст. 238.

10. Про фінансові послуги та державне регулювання ринку фінансових послуг : Закон України від 12.07.2001 № 2664. Відом. Верхов. Ради України. 2002. № 1. Ст. 1.

11. Про банки та банківську діяльність Закон України від 07.12.2000 № 2121. Відом. Верхов. Ради України. 2001. № 5-6. Ст. 30.

12. Про платіжні системи та переказ коштів в Україні : Закон України від 05.04.2001 № 2346. Відом. Верхов. Ради України. 2001. № 29. Ст. 137.

13. Про валюту та валютні операції : Закон України від 21.06.2018 № 2473. Відом. Верхов. Ради України. 2018. № 30. Ст. 239.

14. Про електронну комерцію : Закон України від 03.09.2015 № 675. Відом. Верхов. Ради України. 2015. № 45. Ст. 410.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Давиденко Оксана Анатольевна – соискатель кафедры международного права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Davidenko Oksana Anatolyevna – Applicant at the Department of International Law of Yaroslav Mudryi National Law University

mtusya@list.ru

УДК 343.985:343.58

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ТАКТИКИ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ

Владислава ДЕМИДОВА,

адъюнкт кафедры криминалистики, судебной медицины и психиатрии Днепропетровского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены особенности организации и тактики проведения осмотра места происшествия при расследовании уголовного правонарушения, связанного с жестоким обращением с животными. Выполняется анализ понятийного аппарата «следственный осмотр места происшествия» на основе мнения ученых-криминалистов. Детально рассматривается тактика проведения осмотра при расследовании жестокого обращения с животными, которая делится на этапы, такие как: подготовительный, рабочий и завершающий. Отображаются наиболее рекомендуемые методы осмотра места происшествия и фотосъемки. Указывается, какие специалисты могут быть приглашены для проведения осмотра, объекты осмотра, следы и вещественные доказательства, которые могут находиться на месте происшествия жестокого обращения с животными.

Ключевые слова: тактика проведения осмотра места происшествия, организация проведения осмотра места происшествия, жестокое обращение с животными, следственное (сыскное) действие.

PECULIARITIES OF THE ORGANIZATION AND TACTICS OF CONDUCTING THE INSPECTION OF THE PLACE OF INCIDENT IN THE PROCESS OF INVESTIGATING THE CRUEL HANDLING OF ANIMALS

Vladyslava DEMIDOVA,

Adjunct at the Department of Criminalistics, Forensic Medicine and Psychiatry of Dnipropetrovsk State University of Internal Affairs

SUMMARY

This article describes the features of the organization and tactics of the inspection of the scene during the investigation of a criminal offense connected with the cruel treatment of animals. The analysis of the conceptual apparatus “investigative inspection of the scene of the incident” is made on the basis of the opinion of forensic scientists. Considered in detail, tactics of the inspection in the investigation of cruelty to animals, which is divided into stages, such as: preparatory, working and final. Also recommended are the most appropriate methods of inspection of the scene and photography. It indicates which specialists can be invited to conduct an inspection, inspection objects, traces and physical evidence that may be located at the scene of the cruel treatment of animals.

Key words: tactics of the inspection of the scene, organization of the inspection of the scene, cruel treatment of animals, investigative (detective) action.

Постановка проблемы. В рамках действующего Уголовного процессуального Кодекса Украины (далее – УПК Украины) остро чувствуется необходимость разработки нового и улучшения старого арсенала научно-технических средств обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательной базы. Особенно это

касается осмотра места происшествия, так как именно это следственное действие является одним из самых важных и необходимых на начальном этапе расследования жестокого обращения с животными. Так, основными его заданиями являются выявление и исследование материальных объектов и их признаков, что имеет фундаментальное

значение при расследовании анализируемого вида преступления.

Актуальность темы исследования заключается в степени нераскрытости данного вопроса в отечественной криминалистике, что, в свою очередь, влечет за собой высокую степень латентности жестокого обращения с животными в Украине. Ведь осмотр места происшествия является первоочередным следственным действием, и без правильного его проведения невозможен дальнейший ход производства.

Состояние исследования. Поскольку осмотр места происшествия является основным следственным действием при расследовании разных видов преступлений, особенности его тактики и организации всегда были предметом исследования у многих ученых и практических работников, таких как: Т.В. Аверьянова, Р.Л. Ахмедшин, В.П. Бахин, Р.С. Белкин, А.И. Винберг, А.Ф. Волынский, А.И. Дворкин, А.В. Дулов, Е.П. Ищенко, Н.А. Корниенко, В.П. Колмаков, Ю.Г. Корухов, Н.И. Клименко, Н.И. Кулагин, Ю.Г. Плесовских, А.А. Протасевич, А.П. Резван, М.В. Салтеевский, Н.А. Селиванов, В.И. Смыслов, В.А. Снетков, С.М. Сырков, В.Ю. Ткач, К.А. Чаплинский.

Целью и задачей статьи является исследование особенностей организации и тактики проведения осмотра места происшествия в процессе расследования жестокого обращения с животными.

Изложение основного материала. Перед исследованием рассматриваемой проблемы необходимо начать с анализа сущности понятийного аппарата, а именно понятия «следственный осмотр места происшествия». Как отмечает В.П. Колмаков, для проведения осмотра необходим научный подход, так как это следственное действие является одновременно и исследовательским, и творческим. Так, его задание заключается в том, чтобы выявить и закрепить признаки и состояния разных предметов для установления обстоятельств, которые имеют значение для уголовного производства [1]. Очень точно подметил В.К. Лисиченко, что в криминалистике понятие осмотра места происшествия должно включать в себя специфику осмотра разновидностей объектов, которые регламентированы

законом. Каждый объект познания требует специальной технологии его исследования, особенной методики изучения и обработки [2, с. 4]. Как пишет В.К. Весельский, с гносеологической точки зрения осмотр осуществляется путем применения комплекса познавательных методов, процедур и приемов. В данном следственном действии доминирующим методом является наблюдение. Данный метод включает в себя измерение, описание, а при необходимости – эксперимент, но результаты их использования реализуются в процессе осмотра по-разному. Осмотр является незаменимым следственным действием, и его связь с другими средствами доказывания ученый называет информационной, причем возможны варианты как прямой, так и обратной связи. Прямой будет, например, связь осмотра с допросом лица, а примером обратной может быть экспертиза [3, с. 151].

Согласно ст. 237 УПК Украины следователь, прокурор проводят осмотр места происшествия с целью выявления и фиксации сведений об обстоятельствах совершения уголовного правонарушения. Как мы можем заметить, законодатель под целью проведения осмотра понимает выявление и фиксацию сведений, что порой является недостаточным при сложившейся ситуации. Так, О.Л. Мусиенко отмечает, что внимание субъекта проведения осмотра не должно быть направлено только на вышеперечисленные цели, также необходимо уделить достаточное внимание сбору информации: а) про особенности обстановки места происшествия; б) про возможные направления розыска доказательств на нем; в) про факторы, которые способствовали совершению преступления, а также другие обстоятельства, которые связаны с этим местом (объектом) [4, с. 254].

В свою очередь, К.О. Чаплинский подмечает, что между получением исходной информации о преступлении и началом проведения следственного осмотра (прибытие следственно-оперативной группы) должен проходить минимальный промежуток времени. Оптимальный промежуток времени не должен превышать 15 минут [5, с. 16]. Я полностью поддерживаю мнение К.О. Чаплинского, так как следователю необходимо получать информацию

про обстановку события в первичном, неизменном состоянии, а чем больше времени проходит с момента совершения преступления, тем больше теряется вещественных доказательств, что, соответственно, влечет за собой измену следовой картины. Кроме этого, потребность проведения следственного осмотра неотложно объясняется также необходимостью получения информации для розыска преступника, а также проведения других следственных действий для раскрытия преступления [6, с. 218].

Тактика осмотра места происшествия в процессе расследования жестокого обращения с животными подчиняется общим правилам осмотра, но имеет свои особенности, которые обусловлены видом данного уголовного правонарушения и способом его совершения. Так, местом совершения преступления анализируемого уголовного правонарушения могут быть: помещения (квартиры, дома, гаражи, сараи и т.д.), открытая местность (парк, детская площадка, лес, улица, двор).

В криминалистической науке является общепринятым условное деление проведения осмотра места происшествия на подготовительный, рабочий и заключительный этапы. Подготовительный этап начинается с того момента, когда следователь принял решение о необходимости проведения следственного осмотра. На данном этапе следователь получает информацию: 1) о происшествии, которое произошло; 2) о присутствии на месте происшествия очевидцев; 3) о присутствии на месте происшествия работников полиции и принятых ими мерах по охране места происшествия; 4) о присутствии на месте происшествия пострадавших. Анализируя эту информацию, следователь определяет круг участников при проведении осмотра места происшествия, а также, какие технические средства необходимы для осмотра, их готовность к использованию [7, с. 226].

При расследовании жестокого обращения с животными следователь обязан пригласить для проведения осмотра специалиста-криминалиста, который проведет измерения, фотографирование или видеосъемку, изготовит слепки, отпечатки, поможет выявить, зафиксировать и изъять вещественные доказательства. Также, учитывая спец-

ифичность данного уголовного правонарушения, необходимо участие ветеринара или зоолога, который сможет оценить давность смерти животного, дать первичное заключение о причине смерти или телесных повреждениях. Кроме этого, при совершении анализируемого преступления способом ненадлежащего ухода за животным данный специалист сможет дать оценку условиям содержания того или иного вида животного (температурно-влажностный режим, площадь вольера, клетки, доступность еды, воды, санитарные условия и т.д.). К осмотру места происшествия также необходимо привлекать работников уголовного розыска, они могут помочь в охране места происшествия, нахождении очевидцев, организации оперативно-розыскных мероприятий.

Рабочий этап осмотра состоит из общей и детальной стадии осмотра. При осмотре места происшествия при расследовании жестоком обращении с животными я отдаю предпочтение использованию эксцентрического метода, т.е. от тела животного как центра – к его перифериям. В данном случае этот метод осмотра дает возможность осмотреть каждый элемент на месте происшествия детально и оценить их принадлежность к данному факту.

Среди тактических приёмов, которые обычно используются во время рабочего этапа, можно выделить такие: 1) определение границ осмотра; 2) выбор последовательности осмотра объектов, которые находятся на месте происшествия; 3) выбор метода осмотра места происшествия; 4) привлечение понятых к отдельным действиям при осмотре места происшествия и обращение их внимания на выявленные объекты; 5) наблюдение за поведением лица, которое сообщило об обнаружении уголовного преступления; 6) сопоставление следов, обнаруженных на месте происшествия, и полученных данных с другими уже известными по делу доказательствами [7, с. 227].

В начале рабочего этапа следователь должен сориентироваться на местности и при помощи методов ориентирующей и обзорной фотографии сфотографировать место происшествия (парк, двор, гараж, квартира, недостроенное здание и др.). При

расследовании жестокого обращения с животными основными объектами осмотра является: участок местности или помещение, животное или его тело (части тела) и орудие преступления.

При осмотре и описании животного необходимо особенное внимание уделить телесным повреждениям, их характеру, возможно, давности. В этом вопросе следователю может помочь приглашенный к осмотру соответствующий специалист. Осмотр участка местности или помещения проводится по общим правилам такого осмотра, но при совершении данного преступления путем ненадлежащего ухода за животным следователь обязан зафиксировать условия содержания животных. Ненадлежащий уход за животным обуславливается тем, что условия содержания животных не соответствуют их биологическим, видовым и индивидуальным особенностям. Следователь должен обратить внимание на орудие преступления, на котором могли остаться кровь, частицы эпидермиса, шерсть и др. Кроме этого, если анализированное преступление было совершено по отношению к хищным животным, которые пребывают в состоянии неволи или в полувольных условиях, или к домашним животным, тогда во время проведения места осмотра могут быть найдены ветеринарные документы. В соответствии с Приказом Министерства охраны окружающей природной среды Украины от 30.09.2010 г. № 429 «Об утверждении Порядка содержания и разведения диких животных, находящихся в состоянии неволи или в полувольных условиях» ветеринарные документы – это документы разрешительного характера, к которым относятся международный ветеринарный сертификат, ветеринарное свидетельство, ветеринарная карточка, ветеринарная справка и ветеринарно-санитарный паспорт на животное, выданные государственными инспекторами ветеринарной медицины или уполномоченными или лицензированными врачами ветеринарной медицины, подтверждающие ветеринарно-санитарное состояние животного, качество и безопасность продуктов животного происхождения, репродуктивного материала, биологических продуктов, патологического материала и кормов, выданных

в соответствии с Законом Украины «О ветеринарной медицине» [8]. Указанные документы должны быть предоставлены в обязательном порядке на вышеуказанную категорию животных, которые следователь обязан описать в протоколе и изъять.

Завершающий этап осмотра места происшествия начинается после того, как следователь, проанализировав информацию, которую он получил в процессе осмотра места происшествия, начинает фиксировать ее в протоколе осмотра места происшествия. Особое внимание необходимо уделить животному, тому, какие повреждения имеет животное, их размеру, месту их расположения, также положению тела животного. Также должны быть указаны средства, которые были указаны для их обнаружения и изъятия, а также приемы изъятия, например, изготовление слепка, схем, изъятие предмета целиком, изготовление копии [9, с. 503]. Если во время осмотра был выявлен документ, то в протоколе осмотра следователь должен указать: 1) название документа, общие данные, которые характеризуют документ; 2) указать на место его выявления; 3) указать на то, кем и когда был выдан или изготовлен; 4) когда и кто его подписал; 5) основное содержание документа, реквизиты; 6) внешний вид и состояние документа; 7) есть ли визуальные признаки, которые могут указывать на подделку документа. После составления протокола осмотра следователь подготавливает дополнения к протоколу (планы, схемы, слепки, фото таблицы, видеозаписи и др.) и упаковывает вещи, которые были изъяты с места происшествия. На упаковке делается запись о том, что находится внутри, где и когда это было изъято, номер уголовного производства, подпись следователя, понятых и специалиста [10, с. 28–33].

Выводы. Таким образом, при расследовании жестокого обращения с животными осмотр места происшествия имеет огромное значение в расследовании данного вида преступления. Знание тактики проведения осмотра дает возможность обеспечить надлежащее качество проведения данного следственного (сыскного) действия и, соответственно, дальнейшее расследование уголовного правонарушения.

Осмотр места происшествия является неотложным и первоначальным следственным действием. Это связано с тем, что возможны изменения первоначальной обстановки, а также предметов и следов, которые там находятся.

Осмотр места происшествия при расследовании жестокого обращения с животными делится на 3 стадии: подготовительную, рабочую и завершающую. На подготовительном этапе следователь получает информацию о факте жестокого обращения с животными. Во время рабочего этапа следователю необходимо выбрать эксцентрический способ передвижения. На завершающем этапе следователю необходимо обобщить информацию, которая была получена в процессе осмотра места происшествия, а также произвести изъятие следов, их упаковку и ознакомить участников следственного действия с протоколом осмотра.

Список использованной литературы:

1. Шепітько В.Ю. Тактика огляду місця події : Конспект лекцій. Харків : УкрЮА, 1994. 20 с.
2. Огляд місця події при розслідуванні окремих видів злочинів : наук-практ. посібник / за ред. Н.І. Клименко. Київ : Юрінком Інтер, 2005. 216 с.
3. Весельський В.К. Концептуальні основи тактики слідчих дій (слідчий огляд, допит, призначення і проведення судових експертиз). *Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія та практика)*. 2012. № 2(28). С. 151–158.
4. Мусієнко О.Л. Особливості огляду місця події при розслідуванні шахрайства. *Форум права*. 2013. № 4. С. 253–257.
5. Чаплинський К.О. Тактика проведення окремих слідчих дій : монографія. Дніпропетровськ, 2006.
6. Ефимичев С.П. Процессуальная характеристика. Осмотр. *Следственные действия (процессуальная характеристика, тактические и психологические особенности) : учебное пособие*. Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1984. 240 с.
7. Слідчі розшукові дії : навч. посібник / О.В. Авраменко та ін. ; за заг. ред. Р.І. Благуті та Є.В. Пряхіна. Львів : ЛьвДУВС, 2013. 416 с.

8. Наказ Міністерства охорони навколишнього природного середовища України від 30.09.2010 № 429 «Про затвердження Порядку утримання та розведення диких тварин, які перебувають у стані неволі або в напіввільних умовах».

9. Кримінальний процесуальний кодекс України. Науково-практичний коментар / за заг. ред. В.Г. Гончаренка, В.Т. Нора, М.Є. Шумила. Київ : Юстініан, 2012. 1224 с.

10. Слідча тактика : навчальний посібник / Є.В. Пряхін. Львів : ЛьвДУВС, 2011. 116 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Демидова Владислава Вадимовна – адъюнкт кафедры криминалистики, судебной медицины и психиатрии Днепропетровского государственного университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Demidova Vladyslava Vadimovna – Adjunct at the Department of Criminalistics, Forensic Medicine and Psychiatry of Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

vladademidova8593@gmail.com

УДК 349.24

К ВОПРОСАМ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОЙ ЗАНЯТОСТИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Ольга ДЕМЧЕНКО,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

АННОТАЦИЯ

В статье приводится исследование опыта правового регулирования дистанционной занятости для государственных служащих и должностных лиц Республики Франция. Анализируются вопросы, связанные с правовой регламентацией труда на государственной службе. Делается вывод о значимости коллективно-договорного регулирования дистанционной работы, и определяются этапы процесса реформирования правового регулирования дистанционной работы в законодательстве Украины.

Ключевые слова: трудовое законодательство, дистанционная занятость, государственная служба, правовое регулирование, трудовые отношения.

ON ISSUES OF ORGANIZATION OF REMOTE EMPLOYMENT IN THE PUBLIC SERVICE

Olga DEMCHENKO,
Candidate of Law Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of State Legal Disciplines
of the V. N. Karazin Kharkiv National University

SUMMARY

The article describes the experience of legal regulation of remote employment for civil servants and officials of the Republic of France. Analyzed issues related to the legal regulation of labor in the public service. The conclusion is made about the importance of collective-contractual regulation of remote work and determines the stages of the process of reforming the legal regulation of remote work in the legislation of Ukraine.

Key words: labor legislation, remote employment, public service, legal regulation, labor relations.

Постановка проблемы. Украина как современное правовое, демократическое и готовое к инновационному реформированию европейское государство продолжает процесс совершенствования национального законодательства в различных сферах социально-экономической и политической жизни. Важным этапом реформирования трудового законодательства является установление правового регулирования инновационной формы трудового сотрудничества при дистанционной занятости для некоторых категорий работников государственной службы.

Состояние исследования. Вопросы правового регулирования трудовой деятельности государственных служащих рассматривались в работах таких ученых, как Ю.П. Битяк, П.Д. Пилипенко, С.Н. Прилипко, В.И. Прокопенко, А.И. Процевского, А.Н. Ярошенко. Вопросами классификаций дистанционной занятости с учетом различных критериев (организации рабочего времени, расположения рабочего места и использования сети Интернет

для организации и отчетности рабочего процесса) были заинтересованы в своих научных исследованиях С.В. Вишневецкая, Я.В. Свечкарёва, А.Н. Колот, А.С. Прилипко, В.А. Носенко, О.В. Моцная. В рамках исследования статьи по проблематике правового регулирования дистанционной занятости на современном этапе анализировались труды ученых Н.И. Иньшина, Е. Брауна, по правовой регламентации труда государственных служащих – работы Л.Ю. Величко, А.Н. Куракина.

Обретение Украиной независимости, коренное изменение приоритетов в отношениях между человеком и государством, когда сам человек и его интересы признаны Конституцией нашего государства высшей ценностью, повлияло на необходимость по-новому формировать и реализовывать государственное управление, которое выступает наиболее распространенным и наиболее эффективным средством реализации правовых норм с целью удовлетворения и обеспечения потребностей и интересов общества [1, с. 5]

Начатая Правительством Украины административная реформа по кадровой политике, реформа трудового законодательства, реализация Концепции развития электронного управления, а также анализ опыта некоторых стран Европы по организации дистанционной работы на государственной службе обусловили выбор темы исследования.

Цель статьи – исследовать критерии использования дистанционной занятости на государственной службе для отдельных категорий работников на основе опыта иностранных государств и обозначить парадигму внедрения дистанционной занятости в законодательство Украины.

Изложение основного материала. Согласно статье первой Закона Украины «О государственной службе» государственная служба – это публичная, профессиональная, политически беспристрастная деятельность по практическому выполнению задач и функций государства по анализу государственной политики на общегосударственном, отраслевом и региональном уровнях и подготовке предложений по ее

формированию, в том числе по разработке и проведению экспертиз проектов программ, концепций, стратегий, проектов законов и других нормативно-правовых актов, проектов международных договоров; по обеспечению реализации государственной политики в части выполнения общегосударственных, отраслевых и региональных программ а также исполнения законов и других нормативно-правовых актов; по обеспечению предоставления доступных и качественных административных услуг; по осуществлению государственного надзора и контроля за соблюдением законодательства; по управлению государственными финансовыми ресурсами, имуществом и осуществлению контроля за их использованием; по управлению персоналом государственных органов и реализации иных полномочий государственного органа в соответствии с действующим законодательством [2].

А.Н. Куракин отмечает, что государственную службу следует считать комплексным правовым институтом, который интегрирует в себе административно-правовые и трудовые нормы. Административно-правовые нормы определяют круг прав и обязанностей государственного служащего как лица, осуществляющего деятельность по практическому выполнению задач и функций государства; трудовые нормы определяют государственного служащего как субъекта трудовых правоотношений. Ученый обосновывает, что применение норм трудового права в отношении данной категории работников в основном проводится в соответствии с Законом Украины «О государственной службе», ведь государственные служащие – это работники, которые выполняют организационно-распорядительные и консультативно-совещательные функции в пределах компетенции государственных органов, учреждений или организаций. В свою очередь, организационно-распорядительная функция органа государственной службы заключается в действиях по согласованию, участию в согласовании, а также в руководстве, координации и организации, регулировании и контроле, учете и обеспечении (информационном, юридическом, финансовом, материально-техническом и т.д.). Таким образом, обобщая

и разделяя выводы автора, видим, что государственные служащие осуществляют свою трудовую деятельность, выполняя организационно-распорядительные и консультативно-совещательные функции [3].

Следует согласиться с мнением Л.Ю. Величко, что решающим при определении сферы действия трудового законодательства на правовое регулирование отношений государственных служащих при реализации их права на труд должно быть то, что, несмотря на специфику трудовой функции государственного служащего, которая заключается в выполнении задач и функций государства, все же государственный служащий подлжит хозяйственной власти субъекта назначения и организационно подчинен ему на месте выполнения работы, должен соблюдать режим работы, выполнять конкретные функции в зависимости от ее содержания и объема. Следовательно, утверждает ученый, эти отношения по своей природе относятся к трудо-правовым, так как при реализации своих полномочий государственный служащий, так или иначе, затрагивает как публичные, так и частные интересы [4].

Подытоживая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что к главным признакам трудо-правового регулирования индивидуальных трудовых отношений традиционно относят следующие обязанности:

- для работника это:
 - личное выполнение трудовой функции;
 - соблюдение установленного работодателем режима выполнения работы;
 - выполнение работы по организованным / согласованным с работодателем местам выполнения трудовой функции;
- для работодателя это:
 - обеспечение эффективной трудовой занятости;
 - осуществление контроля за процессом выполнения работы работником;
 - обеспечение правил охраны труда.

Концептуальное изменение отношения к организации труда обусловило активизацию процесса распространения дистанционной занятости как гибкой и основанной на взаимных интересах работников и работодателей формы сотрудничества, которая

оправдана как с точки зрения современного уровня развития инновационных технологий, так и с точки зрения изменения общественного сознания относительно доступных возможностей реализации права на труд. Термин «дистанционная работа» (Telework-англ., Télétravail – франц., Telelavoro – итал., w formie telepracy – польск.) получил разъяснение в трудовом законодательстве иностранных государств. Н.И. Иньшин обосновал суть дистанционной занятости работников как организацию всех необходимых условий выполнения качественной работы вне расположения офиса работодателя при условии поддержания связи с работодателем в ходе выполнения трудовой функции при помощи телефонной, факсимильной связи, электронной переписки, социальных сетей (facebook, вконтакте), специальных программ (skype), при помощи смартфонов и гаджетов. [5, с. 124]

Государственный служащий – это гражданин Украины, который выполняет функции государства согласно задачам и функциям государственного органа, в котором он занимает должность.

В системе государственной службы и государственных органов выстраивается четкая вертикаль соответствующих должностных лиц, имеющих статус государственного служащего: Государственный секретарь КМУ, государственные секретари министерств, руководители государственной службы в других государственных органах, службы управления персоналом государственных органов [6, с. 29].

Выполнение трудовой функции государственными служащими осуществляется в строгой регламентации с должностной инструкцией. Определенные категории чиновников должны выполнять свои полномочия в пределах расположения определенного государственного органа, учреждения или организации, что не позволяет переклассифицировать формат выполнения ими работы по условиям дистанционной занятости. Однако следует согласиться с мнением Е. Брауна, что для некоторых категорий работников государственной службы организация дистанционной занятости вполне возможна. Причем главным критерием возможности организации дистанционной трудовой занятости на государственной

службе автор считает выполнение трудовых функций специалистами, работа которых не связана с осуществлением функций органа государственной власти, не оказывает влияние на нормальное функционирование этого органа и может быть осуществлена в ином, согласованном с работодателем месте выполнения работы [7]. Соглашаясь с выводом ученого и в подтверждение возможного применения этого тезиса уместно привести пример последних реформ трудового законодательства Республики Франция относительно данного вопроса.

Государственная служба во Франции классифицируется относительно сферы управления (государственное, территориальное, в области медицины). Рабочие места каждой сферы управления в государственной службе подразделяются на три иерархические категории, каждая из которых состоит из многих органов с различными классификациями должностных полномочий [8]. Право выполнять свои полномочия по условиям дистанционной занятости для государственных служащих и должностных лиц трех указанных выше общественных функций было установлено принятием Закона № 2012-347 «О доступе к официальной занятости и улучшении условий найма на государственной службе, борьбе с дискриминацией и установлении различных положений, касающихся государственной службы» [9]. Указанный нормативный акт внес соответствующие поправки в Закон № 83-634 «О правах и обязанностях государственных служащих», регламентируя право должностных лиц государственной службы на осуществление своих функций в соответствии с условиями дистанционной работы [10].

Продолжающийся процесс реформирования французского законодательства относительно правового регулирования дистанционной занятости ознаменовался принятием нового нормативного акта Декрета № 2016-151 (далее Декрет), в котором были обобщены и детализированы условия для организации дистанционной работы на государственной службе и в судебной системе. Согласно положению статьи 2 Декрета к дистанционной работе относится организация любой формы работы, когда любые служебные функ-

ции, которые могли быть выполнены государственным служащим в помещении работодателя, осуществляются за пределами этих помещений на регулярной и добровольной основе с использованием информационных и коммуникационных технологий и коммуникаций. Государственные служащие медицинских, территориальных, государственных общественных функций могут выполнять свои полномочия по условиям дистанционной работы от двух дней в неделю в течение года. Перечень видов деятельности, условия размещения и оборудования рабочего места, контроль и учет рабочего времени отнесены к компетенции соответствующих министерств, территориальных исполнительных органов, руководителей медицинских учреждений по согласованию с Национальным консультативным комитетом государственной больницы [11].

Следует отметить, что служебные функции выполнять дистанционно могут лишь государственные служащие, когда их профессиональные полномочия не связаны с такими критериями, как:

- 1) личный прием;
- 2) работа с конфиденциальными документами;
- 3) работа с использованием программного обеспечения / дополнений к нему, которое ограничено или не может быть использовано удаленно;
- 4) работа связана с выполнением контрольных функций.

Условия, предусмотренные Декретом, распространяют возможность дистанционной занятости в судебных органах для должностных лиц, которые выполняют свои функции не в юрисдикции, а в администрации [12].

Опыт Республики Франция по данному вопросу предопределяет возможность реализации внедрения дистанционной занятости на государственной службе в Украине. Анализируя сказанное, применяя аналогию зарубежного опыта, считается перспективным использование дистанционной формы занятости для некоторых категорий работников государственных органов, полномочия которых не относятся к реализации функций государства и могут быть осуществлены вне рабочего места, например к работникам функций обслуживания. Научно-прак-

тический комментарий к Закону Украины «Про государственную службу» классифицирует функцию обслуживания как деятельность работников государственного органа технического (вспомогательного характера) без осуществления полномочий государственного органа. Фактически такая работа подобна занятости в частном секторе и не требует публично-правовых условий и ограничений [6, с. 42], что вполне допускает применение дистанционной формы занятости для организации труда данной категории работников. Однако для этого, безусловно, следует закончить процесс определения правовой регламентации института дистанционной занятости. Н.И. Иньшин подчеркивает, что вопрос внесения соответствующих изменений в действующее трудовое законодательство Украины с учетом существующей необходимости правового регулирования дистанционной трудовой занятости остается актуальным, и именно поэтому следует использовать зарубежный опыт для совершенствования данного правового института [5, с. 127].

Выводы. Процесс установления правовой регламентации дистанционной занятости в Украине не завершен. Учитывая ситуацию наличия нетипичных форм занятости, которые не подпадают под классическое определение трудовых отношений, а также с целью установления на законодательном уровне принципа презумпции наличия трудовых отношений с февраля 2019 года на обсуждении в Совместном представительном органе репрезентативных всеукраинских объединений профсоюзов находится проект Закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины об усилении защиты прав работников и противодействии использованию незадекларированного труда» [13]. Проект Трудового кодекса Украины № 1658 от 27.12.2014 определяет правовое регулирование дистанционной занятости по условиям трудового договора или путем коллективно-договорного регулирования (ч. 4 статьи 32; ч. 1 статьи 149) [14]. Подчеркнем, что именно коллективно-договорное регулирование трудовых правоотношений призвано распространять сферу регулирования индивидуальных трудовых отношений и социально-эконо-

мических интересов как работников, так и работодателей, и необходимым этапом реформирования трудового законодательства относительно вышеизложенной проблематики считается внесение изменений в закон Украины «О коллективных договорах и соглашениях». Кроме того, с учетом внедрения реформы электронного управления считается важным продолжение проведения научного исследования относительно правового регулирования дистанционной занятости для отдельных категорий работников на государственной службе с последующим принятием соответствующих изменений в закон Украины «О государственной службе».

Список использованной литературы:

1. Кагановська Т.С. Кадрове забезпечення державного управління в Україні : монографія. Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2010. 362 с.
2. Про державну службу : Закон України від 10 грудня 2015 р. № 889-VIII / Верховна Рада України. URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/889-19>.
3. Куракін О.М. Трудові правовідносини в сфері державної служби: теоретико-правова характеристика. URL : http://www.pjv.nuoua.od.ua/v4_2016/11.pdf.
4. Величко Л.Ю. Дія норм трудового права на правове регулювання праці державних службовців. URL : <http://www.kbuapa.kharkov.ua/e-book/apdu/2017-1/doc/4/02.pdf>.
5. Іншин М.І. Загальнотеоретична характеристика дистанційної зайнятості працівників в Україні. *Право і суспільство*. 2015. № 5–1. С. 123–128
6. Науково-практичний коментар до Закону України «Про державну службу» / Ред. кол. : К.О. Ващенко, І.Б. Коліушко, В.П. Тимошук, В.А. Дерезь (відп. ред.). Київ : ФОП Москаленко О.М., 2017. 796 с.
7. Браун Е.А. Применение норм о дистанционной работе в государственных органах. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-norm-o-distantionnoy-rabote-v-gosudarstvennyh-organah>.
8. Fonction publique en France. Le portail de la Fonction publique. URL : <https://www.fonction-publique.gouv.fr/fonction-publique-france>.
9. Loi n° 84-53 du 26 janvier 1984 portant dispositions statutaires relatives à la fonction publique territoriale. URL : https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do;jsessionid=8E09FCC14B2C-73206D7A27BFFC487742.tplgfr21s_1?cidTexte=JORFTEXT00000320434&dateTexte=20160421.
10. Loi n° 83-634 du 13 juillet 1983 portant droits et obligations des fonctionnaires. URL : <http://yves.lasfargue.pagesperso-orange.fr/03Teletravail/2FichesteletravailB.htm#fiche2b>.
11. Décret n° 2016-151 du 11 février 2016 relatif aux conditions et modalités de mise en œuvre du télétravail dans la fonction publique et la magistrature/ URL : <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000032036983&dateTexte=20180802>.
12. Cecile Blanc. Télétravail des magistrats: qui peut en bénéficier? URL : <https://www.actualitesdudroit.fr/browse/public/droit-public-general/12092/teletravail-des-magistrats-qui-peut-en-beneficier>.
13. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо посилення захисту прав працівників та протидії застосуванню незадекларованої праці. Закон України (проект) від 6 лютого 2019 року. URL : <https://www.msp.gov.ua/projects/401/>.
14. Проект трудового кодексу України №1658 від 27.12.2014 (до другого читання). URL : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=53221.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Демченко Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Харьковского Национального Университета имени В.Н. Каразина

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Demchenko Olga Vladimirovna – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of State Legal Disciplines of the V.N. Karazin Kharkiv National University

dov8dov8@gmail.com

УДК 346.5

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РАЗРАБОТКИ РЕГЛАМЕНТА ПО УПРАВЛЕНИЮ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИМ СОЮЗОМ ЕС

Михаил ДУТОВ,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Института экономико-правовых исследований
Национальной академии наук Украины

Виктория СИДОРЕНКО,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Института экономико-правовых исследований
Национальной академии наук Украины

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению положений Регламента по управлению Энергетическим союзом ЕС, в первую очередь политического контекста его разработки, что показывает существующие проблемы Энергетического союза ЕС, требующие решения путем разработки соответствующего законодательства. Проведен анализ позиции центральных органов ЕС и государств-членов ЕС по отдельным вопросам, возникающим при обсуждении положений Регламента по управлению Энергетическим союзом ЕС.

Ключевые слова: регламент, Европейский союз, энергетический союз, правовое регулирование энергетики.

POLITICAL FRAMEWORK OF DEVELOPMENT OF THE REGULATION ON THE GOVERNANCE OF THE EU ENERGY UNION

Mikhail DUTOV,

Candidate of Law Sciences, Senior Fellow at the Institute
of Economic and Legal Research
of the National Academy of Sciences of Ukraine

Viktoriya SIDORENKO,

Candidate of Law Sciences, Senior Fellow at the Institute
of Economic and Legal Research
of the National Academy of Sciences of Ukraine

SUMMARY

The present article is dedicated to consideration of the provisions of the Regulation on the Governance of the EU Energy Union, primarily to the political framework of its development demonstrating the topical challenges of the EU Energy Union to be resolved by development of the respective legislation. The analysis of attitudes of the EU central bodies and Member States on certain matters arising from negotiation of the provisions of the Regulation on the Governance of the EU Energy Union was carried out.

Key words: Regulation, European Union, Energy Union, energy legal regulation.

Постановка проблемы. Вопросы деятельности Энергетического союза уже сейчас занимают ключевое место в стратегии Европейского Союза в сферах экономики, политики и безопасности как на глобальном, так и на региональном уровнях. В настоящее время процесс формирования Энергетического союза еще далек от завершения, и продолжается фаза его активного становления. Одним из последних шагов на этом пути стало обсуждение нововведения – Регламента по управлению Энергетическим союзом (Regulation on the Governance of the Energy Union) [1], предложенного Еврокомиссией в ноя-

бре 2016 года, однако не утвержденного до сих пор. Для того чтобы понять суть нового регламента, а также его важность в вопросах становления Энергетического союза ЕС, необходимо более подробно ознакомиться с политической дискуссией при обсуждении Регламента по управлению. Такое изучение позволит более глубоко понять цели, задачи и принципы формирующегося законодательства ЕС в сфере энергетики и позволит провести более эффективную гармонизацию законодательства Украины с правовой системой ЕС с учетом недавно принятых изменений в Конституцию Украины, закрепляю-

щих стратегический курс Украины на членство в ЕС и НАТО [2].

Актуальность темы исследования подтверждается отсутствием исследований, которые подробно освещали бы процесс формирования нового энергетического законодательства ЕС и акцентировали внимание научных и практических работников на проблемах, возникающих на пути реализации законодательного процесса, которые являются отражением практических проблем в энергетической сфере ЕС.

Состояние исследования. В отечественной юридической науке отдельные аспекты создания, деятельности

и правового регулирования Энергетического Союза исследовали С. Билоцкий, А. Вершинин, Г. Джумагельдиева, М. Кузьмина, С. Свишков и др. Исследованием аналогичных вопросов в Европейском Союзе занимались Haas R., Panzera C., Rescha G., Ragwitz M., Reece G., Held A., Engels J. и др. Однако последние новеллы законодательства и политики ЕС в сфере энергетики еще недостаточно исследованы по причине их новизны.

Целью и задачей статьи является освещение политической дискуссии при обсуждении Регламента по управлению, что позволяет выявить основные проблемы разработки энергетического законодательства ЕС.

Изложение основного материала. 25 февраля 2015 года была обнародована разработанная Европейской Комиссией «Рамочная стратегия Энергетического Союза с долгосрочной политикой климатических изменений» [3]. Перед Энергетическим Союзом, для развития которого была разработана данная стратегия, было поставлена цель повышения энергетической безопасности, устойчивости и конкурентоспособности, а также осуществление активной деятельности в пяти взаимодополняющих и взаимосвязанных сферах, таких как:

- 1) обеспечение энергетической безопасности, единства и взаимодверия;
- 2) создание интегрированного Европейского энергетического рынка;
- 3) увеличение эффективности использования энергии с целью уменьшения объемов электропотребления;
- 4) декарбонизация энергетики;
- 5) проведение исследований, внедрение инноваций, повышение конкурентоспособности.

Необходимость достижения вышеуказанных задач пяти сфер Энергетического Союза объясняет потребность создания принципиально нового элемента в сфере энергетики в рамках политики Европейского Союза, который в самом простом виде можно описать как «управление процессом формирования Энергетического союза». Именно поэтому потребовалось принятие отдельного нормативно-правового акта, закрепляющего основы такого регулирования. Планируется, что им станет обсуждаемый сейчас Регламент по управлению Энергетическим союзом. Более подробный анализ самого

Регламента изложен в статье «Анализ проекта регламента ЕС по управлению энергетическим союзом» [4], в данной работе проводится анализ политической дискуссии при обсуждении Регламента по управлению, развернувшейся в Европейском парламенте и Совете Европы. Результат этой политической дискуссии станет ключевым элементом при определении целесообразности утверждения Регламента по управлению.

Принятие рамочной стратегии в сфере энергетики и климатических изменений на период до 2020 [5] и до 2030 года [6] также сопровождалось политической борьбой, это же происходит и при принятии предложенного Регламента по управлению Энергетическим союзом. Как только Совет Европы признал увеличение объемов использования возобновляемых источников энергии и повышение энергоэффективности до 2030 года в качестве приоритетных задач на уровне Европейского союза, такие страны, как Великобритания и страны Восточной Европы (которые приводили доводы в пользу расширения полномочий государств-членов ЕС в сфере энергетики и климатических изменений), остались довольны. Однако государства-члены ЕС, такие как Германия, Франция, Италия, и страны Скандинавии, которые голосовали за то, чтобы решения этих задач осталось обязательным для каждой страны, высказывали сомнения в эффективности данной стратегии.

При этом актуальным был вопрос, каким образом можно гарантировать, что каждое государство-член будет вносить личный вклад в достижение общей цели, определенной как приоритетная на уровне ЕС, а именно увеличение объемов использования возобновляемых источников энергии и увеличение энергоэффективности. Государства-члены ЕС, которые голосовали за то, чтобы решение этих задач осталось обязательным для каждой страны, считали необходимым создание надежной системы управления единым способом достижения указанных целей.

Дебаты продолжались в течение года после того, как Комиссия предложила текст Регламента по управлению Энергетическим союзом. Регламент был детально проанализирован и обсужден в Комитете по промыш-

ленности, исследованиям и энергетике и Комитете по окружающей среде, здравоохранению и безопасности пищевых продуктов, находящихся в составе Европейского Союза. В результате было предложено около 1700 изменений и поправок. На заседании Совета Европы в начале 2017 года представители государств-членов ЕС выразили свои мнения относительно всех предложенных механизмов управления; в течение второй половины года шли полноценные дебаты и вносились предложения по внесению изменений и дополнений в Регламент.

Кульминация событий наступила в декабре 2017 года. На 15-часовой сессии Совета Европы 18 декабря (на которой, кроме Регламента по управлению Энергетическим союзом, были обсуждены три другие составляющие Комплекса мер по развитию экологически чистых технологий генерации электрической энергии) министры ЕС договорились об основных принципах Регламента. После обсуждения в Европейском парламенте измененный текст Регламента был передан на голосование в Комитет по промышленности, исследованиям и энергетике и Комитет по окружающей среде, здравоохранению и безопасности пищевых продуктов; 7 декабря на общем собрании обоих комитетов 61 член проголосовал за принятие регламента, 46 членов – против, 9 членов воздержались от голосования.

Процесс обсуждения Регламента был приостановлен, так как в конце заседания Совета по вопросам энергетики, которое состоялось в декабре, участники не смогли прийти к согласию при обсуждении спорных вопросов, касающихся увеличения объемов использования возобновляемых источников энергии. Парламент, как и Комиссия, проголосовал за «линейную траекторию», то есть ЕС в целом и все государства-члены должны постепенно, до 2030 года, увеличивать долю возобновляемой энергии в общем объеме энергопотребления (до показателя в 27%). Однако большинство министров согласилось, что странам нужно дать определенную отсрочку с целью наращивания финансового потенциала, необходимого для достижения поставленной цели.

Президент Эстонии предложил «нелинейную траекторию» как

для ЕС, так и для государств-членов, которая заключается в поэтапном увеличении доли возобновляемой энергии: до 22,5% в 2023 году и 40% в 2025 году. Целью поэтапного увеличения потребления возобновляемой энергии является избежание «резкого скачка», при котором государства-члены будут использовать свое право на отсрочку, а вопросами финансирования в сфере возобновляемой энергии начнут заниматься в 2030 году. После долгих обсуждений Совет остановился на предложенных трех этапах с постепенным увеличением доли возобновляемой энергии: до 24% в 2023 году, 40% в 2025 году и 60% в 2027 году. В случае отклонения от определенного плана государства-члены ЕС должны принять дополнительные меры для исправления ситуации.

Также на заседании Совета были обсуждены механизмы реагирования в случаях, если стремления государства-члена ЕС не совпадают с целями Энергетического Союза или в случаях невыполнения обязательств, среди которых – рекомендации, предоставляемые Комиссией в случае выявления несоответствий между подготовленным государством-членом ЕС комплексным национальным планом действий в сфере энергетики и климатических изменений и планом (траекторией) изменений, разработанных на период до 2030 года. Министры энергетики подчеркнули, что эти рекомендации (а) не имеют обязательной силы и (б) не содержат количественных показателей (в тексте первоначального предложения указывалось, что рекомендации должны содержать количественные характеристики, однако Комиссия неоднократно голосовала против этого пункта). Нужно отметить, что хотя Комиссия может использовать количественные данные при анализе планов действий, разработанных государствами-членами на среднесрочную перспективу, однако предоставленные ею рекомендации должны содержать только качественные показатели. Открытым остается вопрос, не приведет этот шаг к снижению эффективности указанного механизма контроля.

Кроме того, Совет Европы и Европейский парламент внесли изменения и дополнения в пункт Регламента, предусматривающий создание плат-

формы для финансирования проектов по увеличению объемов использования возобновляемых источников энергии (которая была предложена Комиссией в качестве механизма реагирования в случае, если ЕС не в состоянии достичь поставленной цели по увеличению объемов использования возобновляемых источников энергии). Согласно данным изменениям взносы государств – членов ЕС будут добровольными. Более того, Совет добавил несколько положений относительно механизмов финансирования и их реализации в государствах-членах ЕС.

Также Европейский парламент и Совет Европы внесли изменения в положение о сроках подготовки планов и предоставления отчетов. Некоторые из них были прагматичными, например, продление крайнего срока предоставления государствами-членами ЕС разработанных комплексных национальных планов действий в сфере энергетики и климатических изменений. Или, например, закрепление обязательства Комиссии в кратчайшие сроки предоставлять рекомендации относительно несоответствий, выявленных в комплексных национальных планах действий в сфере энергетики и климатических изменений (таким образом, государства – члены ЕС будут иметь достаточно времени для внесения необходимых изменений). Другие изменения связаны с разработкой долгосрочных планов в сфере энергетики и климатических изменений. Стоит отметить, что при этом Совет Европы и Европейский парламент, в отличие от Комиссии, больше внимания уделили соблюдению положений Парижского соглашения, а также разработке долгосрочных стратегий. Парламент, в частности, сделал попытку изменить сроки, предусмотренные Регламентом по управлению в соответствии с положениями Парижского соглашения. Здесь необходимо отметить, что ЕС хотел сыграть ключевую роль в процессе разработки Парижского соглашения, который был инициирован примерно в одно время с началом работы над рамочной стратегией в сфере энергетики и климатических изменений на период до 2030 года. Именно поэтому ЕС стремился создать надежную систему управления в сфере энергетики и климатических

изменений и придерживаться основных положений, предусмотренных Парижским соглашением.

Более того, как и следовало ожидать, так как в Регламенте по управлению одинаково важная роль была отведена вопросам как в сфере энергетики, так и в сфере климатических изменений, некоторые государства – члены ЕС попытались связать задачи, определенные в соответствии с Регламентом по управлению, с комплексом мероприятий по развитию экологически чистых технологий генерации электрической энергии.

Изменения в задачах на период до 2030 года, принятых Советом Европы в 2014, были подробно изучены всеми членами ЕС (ниже представлена таблица с перечнем предложений, внесенных Еврокомиссией и Европейским парламентом; Совет Министров проголосовал за предложения, внесенные Советом Европы в 2014 году).

Во время переговоров также были рассмотрены и другие вопросы. Испания, а также Португалия и Франция особое внимание акцентировали на перспективах объединения энергосистем – одном из важнейших энергетических вопросов для них, и особенно для Испании, которая стремится стать главным экспортером электроэнергии, произведенной из возобновляемых источников. После завершения переговоров Совет призвал государства – члены ЕС внести разработанную стратегию, направленную на объединение не менее 15% энергосистем стран ЕС до 2030 года, в свои комплексные национальные планы действий в сфере энергетики и климатических изменений. Также было предложено внести положение, согласно которому Комиссия «сотрудничает» с государством – членом ЕС в течение всего 2026 года в случае неудовлетворительного результата при оценке прогресса страны в выполнении задания по объединению энергосистем, завершение которого запланировано на 2025 году.

Кроме того, Европейский Парламент добавил в Регламент по управлению несколько новых положений и акцентировал внимание на некоторых из уже существующих. В соответствии с положениями Регламента в нынешнем варианте: (а) каждая страна долж-

Таблица

Предложения, внесенные Еврокомиссией и Европейским парламентом

	Цели до 2020 года	Цели до 2030 года	
Эмиссия парниковых газов должно быть уменьшено на: (в сравнении с уровнем 1990 года)	20% обязательно для государств-членов	40% обязательно для государств-членов	
Возобновляемая энергия увеличение доли возобновляемых источников энергии до:	20% обязательно для государств-членов	Европейский Совет, октябрь 2014	27% – обязательно на уровне ЕС
		Европейская Комиссия, ноябрь 2016	27% – обязательно на уровне ЕС
		Европейский Парламент, декабрь 2017	35% – обязательно на уровне ЕС
Энергоэффективность улучшение на:	20% рекомендовано для государств-членов	Европейский Совет, октябрь 2014	27% – рекомендовано на уровне ЕС
		Европейская Комиссия, ноябрь 2016	30% – обязательно на уровне ЕС
		Европейский Парламент, декабрь 2017	40% – обязательно на уровне ЕС

на включить данные об энергетической бедности в разработанный ею план и подготовленный отчет; (б) запланирована разработка новой, многоуровневой платформы для обсуждения энергетических вопросов; (в) особое внимание будет уделено прозрачности процесса управления (все члены ЕС смогут ознакомиться с рекомендациями Комиссии и объяснениями государств – членов ЕС в случае невозможности соблюдения предоставленных рекомендаций); (г) планируется разработка концепции Справедливого энергетического перехода (Just Transition Initiative) с целью решения проблем рабочих и населения, которые могут возникнуть при переходе страны к низкоуглеродной экономике; (д) планируется разработка новой концепции международного проекта в сфере возобновляемых источников энергии.

Несмотря на то, что интенсивные дебаты ведутся до сих пор, процесс подготовки Регламента еще далек от завершения. Европейский Парламент должен подтвердить свою позицию, после чего будут проведены трехсторонние переговоры (Парламент-Совет-Комиссия) и будет согласован конечный компромиссный текст (вариант) документа. Однако переговоры не будут простыми: в отличие от Совета Европы, Европейский Парламент настаивает на соблюдении «линейной траектории» в сфере возобновляемой энергетики и ускорении процессов выполнения задач по увеличению объемов использования возобновляемых

источников энергии и увеличению энергоэффективности. Также Парламент требует максимальной прозрачности процесса управления, в то время как Совет готов оказывать государствам – членам ЕС отсрочку, необходимую для достижения поставленных целей.

От этих переговоров напрямую зависит действенность и эффективность Регламента по управлению и ответ на вопрос, сможет ли Энергетический Союз справиться со всеми проблемами, возникающими как на уровне отдельного государства-члена ЕС, так и на уровне всего ЕС, в процессе реализации проекта в сфере энергетики и климатических изменений, разработанного на период до 2030 года?

Выводы. Исследование процесса создания нового законодательства ЕС в сфере энергетической безопасности, а также политического контекста такой нормотворческой работы имеет важное значение для Украины, поскольку позволит провести адаптацию национального законодательства к законодательству ЕС с максимальной эффективностью и наименьшими затратами. Проанализированный контекст принятия Регламента по управлению Энергетическим союзом и его основные положения позволят заранее, еще до вступления в действие, подготовиться к новому законодательству ЕС и соответствующим образом скорректировать законодательство Украины и ее политику в сфере энергетики.

Список использованной литературы:

1. Governance of the Energy Union. URL : <https://ec.europa.eu/energy/en/topics/energy-strategy-and-energy-union/governance-energy-union> (дата посещения: 19.11.2018).

2. Про внесення змін до Конституції України (щодо стратегічного курсу держави на набуття повноправного членства України в Європейському Союзі та в Організації Північноатлантичного договору) : Закон України від 07.02.2019 р, № 2680-VIII. Голос України. 2019. № 34.

3. A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy. URL : https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:1bd46c90-bdd4-11e4-bbe1-01aa75ed71a1.0001.03/DOC_1&format=PDF (дата посещения: 22.09.2018).

4. Дутов М.М., Сидоренко В.В. Аналіз проекту регламенту ЄС щодо Управління Енергетичним Союзом. Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія Право. 2018. Випуск 53. Том 1. С. 126–129.

5. 2020 Energy Strategy. URL : <https://ec.europa.eu/energy/en/topics/energy-strategy-and-energy-union/2020-energy-strategy> (дата посещения: 18.02.2019).

6. 2030 Energy Strategy. URL : <https://ec.europa.eu/energy/en/topics/energy-strategy-and-energy-union/2030-energy-strategy> (дата посещения: 18.02.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дутов Михаил Михайлович – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института экономико-правовых исследований Национальной академии наук Украины;

Сидоренко Виктория Владимировна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института экономико-правовых исследований Национальной академии наук Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dutov Mikhail Mikhailovich – Candidate of Law Sciences, Senior Fellow at the Institute of Economic and Legal Research of the National Academy of Sciences of Ukraine;

Sidorenko Viktoriya Vladimirovna – Candidate of Law Sciences, Senior Fellow at the Institute of Economic and Legal Research of the National Academy of Sciences of Ukraine

fechaf@gmail.com
lawnanu@gmail.com

УДК 349.2

САМОЗАНЯТОСТЬ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ТРУДОВОЙ ПРОЦЕСС: СУЩНОСТЬ, ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ

Татьяна ЖОВНИР,

аспирант кафедры трудового права

Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

В статье исследована samozanятость как специфический трудовой процесс в системе общественных отношений, значительное внимание сосредоточено на исследовании правовых позиций ученых по определению указанного понятия, определены сущность и характерные признаки изучаемого явления. Сделан вывод, что сущность этой формы занятости заключается в том, что человек сам находит для себя источник доходов, обеспечивает адекватные его потребностям уровень и условия жизни в результате экономической деятельности, регламентированной общественными и экономическими нормами. В частности, такая форма занятости населения выступает альтернативным выходом из кризисной ситуации на рынке труда, благодаря которой создаются дополнительные рабочие места, появляется возможность проявить собственную инициативу и получить доходы.

Ключевые слова: рынок труда, трудовая деятельность, формы занятости, samozanятость населения, признаки samozanятости.

SELF-CONDUCTIVITY AS A SPECIAL LABOR PROCESS: SATISFACTION, CHARACTERISTIC SIGNS

Tatiana ZOVNIR,

Postgraduate Student at the Department of Labor Law of Yaroslav Mudryi National Law University

The article studies self-employment as a specific labor process in the system of social relations, in particular, the considerable attention is focused on the study of legal positions of scientists regarding the definition of the concept, the essence and characteristics of the investigated phenomenon are determined. It is concluded that the essence of this form of employment is that the person finds for himself a source of income, provides the level and living conditions that are adequate to their needs as a result of economic activity, which is regulated by social and economic norms. In particular, this form of employment is an alternative way out of the crisis situation in the labor market, which creates additional jobs, it becomes possible to show your own initiative and gain income.

Key words: labor market, labor activity, forms of employment, self-employment of the population, signs of self-employment.

Постановка проблемы. Рыночная система с присущими ей формами собственности, свободой предпринимательства и свободой выбора, мотивацией с учетом личных интересов, конкуренции и ценообразованием создает объективные основы для совершенствования различных организационно-хозяйственных форм привлечения трудоспособного населения в процесс активной трудовой деятельности. Одной из таких форм предпринимательства в современных условиях экономического развития выступает самостоятельная занятость населения, являющаяся относительно новым

явлением в отечественной экономике, которое начало развиваться в период перехода к рыночным условиям хозяйствования. Она является толчком для роста национальной экономики путем создания новых источников дохода, соответственно, и дополнительных поступлений в фонды, но только при условии соответствующего законодательно закрепленного механизма социальной защиты прав и свобод лиц, решивших стать на рискованный путь обеспечения себя работой собственными силами и умом. С одной стороны, самостоятельная занятость населения является свидетельством

отсутствия других путей и возможностей для официального трудоустройства, с другой, носители социально-трудового потенциала самостоятельно обеспечивают себя общественно полезными видами труда.

Состояние исследования. Сегодня эта форма занятости не является совершенно изученной, не до конца проработанной, не создано четкого стержня, на котором бы строилась структура данного явления. В последнее время отдельным вопросам самозанятости уделяли внимание в своих исследованиях такие ученые, как А. Барсученко, Н. Бондаренко, Л. Безтелесная, А. Грабовецкая, С. Иванюта, О. Кузнецова, О. Карнаухова, Ю. Остапенко, Л. Попчук, Л. Шевченко, Г. Юрчик и др.

Целью и задачей статьи является исследование самозанятости как специфического трудового процесса в системе общественных отношений. Для достижения поставленной цели необходимо проанализировать правовые позиции ученых по определению указанного понятия, определить сущность и характерные признаки изучаемого явления.

Изложение основного материала. Начиная исследование указанной проблематики, прежде всего, необходимо выяснить сущность и содержание непосредственно категории «занятость». Как отмечает А. Кремень, занятость населения можно рассматривать с экономических, социальных и правовых позиций. Экономические позиции определения категории «занятость населения» предусматривают деятельность граждан по созданию общественного продукта или национального дохода, которая является источником трудового дохода. С точки зрения социальных позиций занятость населения предусматривает, прежде всего, потребность трудоспособного населения в работе, которая создает общественный продукт в системе общественного труда. Правовое содержание категории заключается в том, что право на труд является обычным естественным правом человека, которое государство должно гарантировать своему гражданину [1, с. 150]. Другие ученые предлагают рассматривать занятость населения с двух позиций, в частности, с экономической, как деятельность трудоспособного населения

по созданию общественного продукта или национального дохода, и с социальной, как удовлетворение потребности трудоспособного населения в труде, которая создает национальный доход в условиях, когда участие или неучастие в общественных работах определяются не только экономическими факторами, но и приоритетами населения в сфере занятости и возможностями их реализации [2, с. 32]. На законодательном же уровне занятость определяется как не запрещенная законодательством деятельность лиц, связанная с удовлетворением их личных и общественных потребностей с целью получения дохода (заработной платы) в денежной или иной форме, а также деятельность членов одной семьи, осуществляющих хозяйственную деятельность или работающих у субъектов хозяйствования, основанных на их собственности, в том числе бесплатно (Закон Украины «О занятости населения»).

Итак, занятость – это главный ресурс функционирования любого общества; это труд, который является важным компонентом социально-экономического развития страны.

Относительно же определения понятия «самостоятельная занятость» следует отметить, что до этого времени оно остается дискуссионным, так как его рассматривают в двух аспектах: (а) суженном – когда речь идет о тех, кто работает единолично, без привлечения других работников, и (б) расширенном, если труд лица связан с индивидуальной трудовой деятельностью на микропредприятии с численностью работающих до 5-ти человек [3, с. 232]. Отсутствие единого подхода создает пробелы в социальном регулировании отношений, возникающих в процессе самозанятости.

Так, с точки зрения Н. Бондаренко, самозанятость – это вид личной деятельности физических лиц (без привлечения наемных работников), которые обеспечивают себя работой самостоятельно, на свой риск, используя собственные и заемные средства с целью получения дохода в натуральной или денежной формах [4, с. 195]. То есть самозанятость выступает как процесс самоорганизации определенных членов семьи или родственников, которые своим личным трудом, обязательно связанным с землей как основным

источником личного крестьянского хозяйства, выполняют определенную функцию и, соответственно, получают определенный материальный результат. Данная форма самозанятости является весьма специфической, ведь владельцам личных крестьянских хозяйств предоставляется достаточно широкая обязанность, в частности зарегистрировать личное крестьянское хозяйство в соответствующем местном совете, платить соответствующий налог в случае изготовления избыточной продукции. В свою очередь, С. Иванюта рассматривает самозанятость как разновидность предпринимательской деятельности, не требующей постоянного и периодического привлечения наемных работников или членов семьи [5]. В то же время актуальным на сегодня является определение А. Барсученко, который утверждает, что самозанятость – это специфическая форма экономической деятельности, сущность которой заключается в том, что гражданин сам находит для себя источник дохода, который будет обеспечивать ему должное существование в результате его экономической деятельности [6, с. 11].

То есть самозанятость – (а) это всегда специфический трудовой процесс, с помощью которого самозанятое лицо обеспечивает себя всеми необходимыми условиями для получения выгоды, лично создает для себя надлежащие и безопасные условия труда, решает, как и каким образом (способом) вести свою трудовую деятельность, на собственный риск совершает те или иные действия, связанные с осуществлением последней. Во всех случаях результатом такого процесса будет выступать определенный материальный доход для самозанятого лица, поскольку его работа имеет возмездный характер выполнения конкретных трудовых действий; (б) выступает одним из способов реализации лицом права на труд и обеспечение себя и членов своей семьи достаточным жизненным уровнем; (в) это тип экономического поведения, заключающейся в том, что человек сам находит для себя источник доходов, обеспечивает адекватные его потребностям уровень и условия жизни в результате экономической деятельности, регламентированной общественными и экономическими нормами.

Преимуществами такой формы занятости являются: (а) сокращение времени и размера стартового капитала для открытия собственного дела; (б) устранение влияния географического фактора, возможность привлечения специалистов высокого уровня независимо от их места жительства; (в) высокий уровень производительности труда; (г) экономия затрат на помещения, транспорт; (д) применение гибкой организации работы; (е) скорость выполнения заказа; (ж) снижение барьеров при выходе на новые рынки [7]. Благодаря этой форме занятости создаются дополнительные рабочие места, появляется возможность проявить собственную инициативу и получить доходы. При этом такая занятость населения не требует государственных капиталовложений, имеет мобильную организационную структуру, основывается на сильной мотивации труда, ориентируется на нужды потребителя и оперативно удовлетворяет их.

Ныне интерес к самозанятости, по мнению Л. Бестелесной и Л. Попчук, обусловлен такими обстоятельствами: (1) снижением уровня производства, следствием которого стал рост уровня безработицы и сужение возможностей трудоустройства; (2) низким уровнем оплаты труда на государственных, частных акционерных и коллективных предприятиях, разочарованием населения в применении труда на предприятиях различных форм собственности; (3) утверждением рыночной осознанности среди большинства граждан; (4) необходимостью изменения принципов социальной политики государства, ориентацией на активизацию поведения всех трудоспособных слоев общества, преодоление пассивного ожидания помощи государства [8, с. 59].

Характерными признаками самозанятости, по мнению С. Иванюты, выступают: (а) выполнение работ за вознаграждение, которое субъект получает за личный труд; (б) юридическая независимость предприятия; (в) создание одним лицом одного рабочего места (для себя); (г) проведение работ собственными силами; (д) финансирование всех расходов исключительно за счет собственных средств (в том числе полученных кредитов); (е) использование собственных (или арендованных) средств производства; (ж) единолич-

ное распоряжение результатами труда [5]. В свою очередь, Ю.А. Остапенко к основным критериям самозанятости как вида трудовой деятельности относит такие, как: (а) самостоятельность, (б) самоорганизованность, то есть самостоятельный поиск, определение и организация вида трудовой деятельности, (в) основанность на личном труде с возможностью привлечения к нему наемных работников, (г) коммерционность труда, (д) трудовой характер вознаграждения, (е) основой такой деятельности является собственное имущество или денежные средства самозанятого лица (и др.) [9, с. 41, 42]. То есть, относя то или иное лицо к самозанятому, нужно учитывать такие критерии, как его независимость, возможность самостоятельно создавать рабочие места как для себя, так и для других в той или иной сфере деятельности в соответствии с действующим законодательством. Как отмечается в докладе МОТ, посвященном самозанятой деятельности, самозанятые лица – это труженики, которые работают самостоятельно, не по найму, и предприниматели – владельцы неакционерных предприятий, которые создают рабочие места для себя и других, в том числе для постоянных и временных служащих, неоплачиваемых работников семейных предприятий и лиц, проходящих индивидуальное производственное обучение на предприятии [10].

Итак, основными отличительными чертами самозанятости, позволяющими отделять эту категорию тружеников от тех, которые работают по найму, выступают: (а) независимость такого работника, то есть отсутствие отношений «власть-подчинение», возникающих между работодателем и наемным работником при заключении трудового договора; (б) создание рабочего места как для себя, так и для других лиц.

Однако, выделяя положительные стороны этого явления, следует не забывать и о других его сторонах. В частности, этот вид получения дохода требует своего императивного регулирования со стороны государства путем принятия и введения ряда законодательных и других нормативно-правовых актов, функция которых должна заключаться в составлении специфических трудовых отношений,

в которые вступает лицо, изъявившее желание стать самозанятым. На этом акцентирует внимание и А. Грабовецкая, отмечая, что развитие самозанятости населения зависит от действия нормативно-правовых факторов, основными из которых являются: стабильность законодательной базы, правовые нормы организации и дисциплинирование самозанятости. Указанные факторы регулируют производственные, трудовые и распределительные отношения. При этом исследователь отмечает нестабильность, постоянные изменения законодательной, особенно налоговой базы, нечеткость, а часто и противоречия, запутанность нормативно-правовых положений, затрудняющих развитие отдельных соглашений самозанятости населения. Значительные трудности создает и сам порядок юридической регистрации частного предпринимателя и предприятия. По ее убеждению, отсутствуют необходимые законы относительно личного подсобного сельского хозяйства, частного предприятия, самозанятости в новых условиях хозяйствования [11].

Сегодня основными причинами перехода населения к работе в условиях самостоятельной занятости выступают: во-первых, недостаточное количество средств для жизни; во-вторых, задержки с выплатой заработной платы и социальных трансфертов (пенсий, пособий), для работников бюджетной сферы – несвоевременная индексация тарифных ставок; в-третьих, потеря работы вследствие увольнения (сокращения штатов, банкротство предприятий) – тем самым потеря основного источника формирования средств к существованию; в-четвертых, поиск более стабильного источника надлежащего по размеру дохода; в-пятых, поиск работы, обеспечивающей возможность самореализации, удовлетворение потребностей и амбиций, а также усиливающей интерес к предпринимательству. Как отмечают А.П. Кузнецова, А.В. Карнаухова и Л.В. Шевченко, самостоятельная занятость как социально-экономическое явление обусловлена: (а) экономическим кризисом; (б) ростом уровня безработицы и ограничением спроса на наемный труд; (в) неадекватным соотношением уровня оплаты труда, доходов с прожиточным минимумом; (г) низким уров-

нем оплаты и стабильным источником доходов; (е) ориентацией на самовыражение и самоактуализацию; (ж) готовностью к изменениям и т.п. [12, с. 34].

Выводы. Подводя итог, следует констатировать, что самозанятость – это постоянный динамический процесс, зависящий от экономической ситуации в стране; это специфический трудовой процесс, с помощью которого самозанятое лицо обеспечивает себя всеми необходимыми условиями для получения выгоды, лично создает для себя надлежащие и безопасные условия труда, решает, как и каким образом (способом) вести свою трудовую деятельность, на собственный риск совершает те или иные действия, связанные с осуществлением последней. Результатом такого процесса выступает определенный материальный доход для самозанятого лица, поскольку его работа носит возмездный характер выполнения конкретных трудовых действий. Сущность этой формы занятости заключается в том, что человек сам находит для себя источник доходов, обеспечивает адекватные его потребностям уровень и условия жизни в результате экономической деятельности, регламентированной общественными и экономическими нормами.

Сегодня самозанятость превратилась в обязательный, объективно существующий элемент рыночных отношений, развитие которого обусловлено действием ряда экономических и социальных факторов. Поскольку отечественная экономика оказалась не в состоянии создать достаточное количество качественных рабочих мест для уволенных во время кризиса работников, для большинства из которых самозанятость стала скорее возможностью для выживания, чем настоящим выбором предпринимательской деятельности. Сегодня такая форма занятости населения является альтернативным выходом из кризисной ситуации на рынке труда, благодаря которой создаются дополнительные рабочие места, появляется возможность проявить собственную инициативу и получить доходы. При этом она не требует государственных капиталовложений, имеет мобильную организационную структуру, основывается на сильной мотивации труда, ориентируется на нужды потребителя и оперативно удовлетворяет их.

Список использованной литературы:

1. Кремень О.І. Зайнятість населення: основні підходи до трактування сутності та сегментації. *Економічний простір*. 2010. № 35. С. 129–151.
2. Петюх В.М. Ринок праці та зайнятість : навч. посібн. Київ : МАУП, 1997. 120 с.
3. Юрчик Г.М. Стимулювання розвитку самозайнятості: соціально-економічні та правові аспекти. *Вісник Національного університету водного господарства та природокористування*. 2012. № 2. С. 225–232.
4. Бондаренко Н.М. Сутнісні аспекти самозайнятості в особистих селянських господарствах. *Вісник Полтавської державної аграрної академії*. 2006. № 4. С. 195–197.
5. Іванюта С.М. Проблеми зайнятості населення та шляхи їх вирішення. URL : <http://dspace.uccu.org.ua>.
6. Барсученко А.С. Самозайнятості на ринку праці: фріланс. *Управління розвитком*. 2013. № 16. С. 11–13.
7. Андріанова В.В., Сидорчук О.Ю. Особливості розвитку підприємництва як сучасної форми господарювання. URL : <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/56010/6-Andrianova.pdf?sequence=1>.
8. Безтелесна Л.І., Попчук Л.В. Фінансові механізми сприяння розвитку самозайнятості. *Академічний огляд*. 2009. № 7. С. 56–65.
9. Остапенко Ю.О. Правове регулювання трудової діяльності самозайнятих осіб в Україні : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. Северодонецьк, 2017. 195 с.
10. Содействие самостоятельной занятости : доклад. Международная организация труда. Сессия 7. Женева: МОТ, 1990. С. 4.
11. Грабовецька О. Нормативно-правове забезпечення самозайнятості населення: реалії і проблеми. *Регіональні аспекти розвитку продуктивних сил України*. 2015. Вип. 20. С. 126–132. URL : http://nbuv.gov.ua/UJRN/rarpsu_2015_20_25.
12. Кузнєцова О.П., Карнаухова О.В., Шевченко Л.В. Теоретичні основи самостійної зайнятості населення як одного з напрямків зниження безробіття. *Зайнятість та ринок праці*. 1996. Вип. 4. С. 31–34.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жовнир Татьяна Леонидовна – аспирант кафедры трудового права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhovnir Tatiana Leonidovna – Postgraduate Student at the Department of Labor Law of Yaroslav Mudryi National Law University

130398@i.ua

УДК 343.13

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ УКРАИНЫ

Владимир ЗАВИДНЯК,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Университета государственной фискальной службы Украины

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблематике внедрения в Украине судебного прецедента как источника права. Рассматриваются вопросы влияния прецедентной судебной практики на систему уголовного судопроизводства. Анализируются последствия введения интеграционных процессов для уголовного судопроизводства. Рассмотрено соотношение понятий судебного прецедента и судебной практики.

Исследованы возможности использования для преодоления недостатков нормативно-правовых актов Украины судебной правоприменительной практики. Выяснено, что такие разновидности судебной практики, как ее обобщения и правовые заключения, наиболее действенны для преодоления латентных (скрытых) недостатков нормативно-правовых актов. Замечено, что субъектами формирования такой практики могут быть высшие суды, прежде всего Верховный Суд.

Ключевые слова: судебный прецедент, суд, судебная власть, источник, право.

JUDICIAL PRACTICE AS A MANDATORY ELEMENT OF PRECEDENTIAL DECISIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF UKRAINE

Vladimir ZAVIDNYAK,
Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor
at the Department of Criminal Procedure and Criminologists
of University of State Fiscal Service of Ukraine

SUMMARY

The article is devoted to the issue of the introduction of judicial precedent in Ukraine as a source of law. The issues of the influence of case law on the criminal justice system are considered. The consequences of the introduction of integration processes for criminal proceedings are analyzed. The ratio of the concepts of judicial precedent and judicial practice is considered.

The possibilities of using for overcoming the shortcomings of the regulatory legal acts of Ukraine of judicial law enforcement practice are investigated. It has been found that such varieties of judicial practice as its generalizations and legal conclusions are the most effective for overcoming latent (hidden) flaws in regulatory legal acts. It is noticed that the subjects of the formation of this practice may be the highest courts, first of all, the Supreme Court.

Key words: judicial precedent, court, judicial authority, source, law.

Постановка проблемы. Оценивая существующую нормативно-правовую базу, специалисты констатируют наличие в действующем законодательстве многочисленных недостатков. При таких обстоятельствах приобретает особую важность проблематика исследования возможностей борьбы с различными формами проявления некачественности нормативно-правовых актов. Очевидно, наиболее действенным способом устранения недостатков нормативно-правовых актов является их корректировка путем внесения изменений и дополнений, то есть с помощью судебного правотворчества.

Актуальность темы исследования. Актуальным вопросом в современных условиях трансформационных процессов является не только

совершенствование процессуальной формы в области уголовного судопроизводства, но и необходимость в четком, адаптационном процессе правоприменительной (судебной) практики. И это связано с тем, что процессуальная (процедурная) форма совместно пронизывается проблемами, связанными с вынесением решений суда с применением прецедентного характера.

Состояние исследования. Научный анализ проблем судебной практики как обязательного элемента прецедентных решений в уголовном судопроизводстве Украины осуществляется многими отечественными учеными (Бондаренко Е.И., Луць Л.А., Оборотова Ю.Н., Пархета А.А. и др.).

Цель статьи. Для решения вопросов, которые являются предметом этой

статьи, необходимо проанализировать понятие системы уголовного процессуального законодательства и его отдельные элементы; исследовать пути обеспечения единства судебной практики; выяснить процедуру введения обязательного характера судебного прецедента в Украине.

Изложение основного материала. Говоря о судебной практике, которая возникает в процессе рассмотрения уголовного производства, необходимо отметить тот факт, что при вынесении справедливого решения суд объективно может оценить эффективность принятых законодателем уголовных процессуальных норм и при необходимости усовершенствовать такие нормы путем разъяснения их сути в правовых позициях Верховного Суда. Поэто-

му хочется отметить мнение, согласно которому «особенно актуальным является исследование возможностей выступать источником права судебного прецедента в пределах правовой системы Украины» [8, с. 412].

Хотим отметить, что в Украине только решения Европейского Суда по правам человека при рассмотрении аналогичных уголовных производств признаются прецедентами, тем не менее, их юридическое закрепление в нашем законодательстве определено недостаточно четко. По этому поводу высказана довольно интересная мысль: «Решения Европейского Суда, имеющие прецедентный характер, имеют весьма значительное влияние при формировании новых норм национального права стран Европейского союза; и такими нормами руководствуются как судебные, так и другие органы государств-участников. Кроме того, все члены Совета Европы стараются привести свое законодательство в соответствие с решениями этого суда» [3, с. 200].

Украина является членом Совета Европы, а потому обязана признать тот факт, что правовой прецедент со временем станет полноправным элементом правовой системы и будет выступать правовым положением, сформулированным в судебном акте или ином нормативном документе уполномоченного на это государственного органа. В странах Европейского Союза при «решении правовых вопросов нормативно не регламентированный судебный (правовой) прецедент является ориентиром при решении аналогичных дел» [8, с. 43].

На практике суды, рассматривающие уголовные производства, в большинстве случаев не могут работать без прецедента, что связано с судебной системой Украины, где существует иерархия, и Уголовный кассационный суд, принимая постановления и выражая правовые позиции для единства применения судебной практики, может отменять решения нижестоящих судов и заставлять в дальнейшем придерживаться предписаний, содержащихся в постановлениях Верховного Суда. Таким образом, судебная практика плавно ставит судебный прецедент прерогативой к применению норм закона, что способствует единству применения норм такого закона, тем более,

если он содержит оценочные термины и понятия.

Такого же мнения придерживается и А.А. Пархета: «Приоритетность противоположений, произведенных судебной властью, устанавливается в соответствии с действующей иерархией, юридической силой судебной власти» [8, с. 416].

Косвенное закрепление прецедентного права отражено в части 2 статьи 8 УПК Украины, где содержится четкое указание всем субъектам уголовного производства применять прецедентные решения «с учетом практики Европейского суда по правам человека» [3]. Аналогично утверждение в ч. 5 ст. 9 УПК Украины: «Уголовное процессуальное законодательство Украины применяется с учетом практики Европейского суда по правам человека» [3]. Данные утверждения указывают на то, что законодатель на официальном уровне закрепил такое понятие, как судебный прецедент, хотя формально такого названия в нормах, регулирующих уголовное процессуальное законодательство, не существует. Кроме того, это прямое указание сторонам уголовного производства на возможность ссылаться на решение Европейского суда по правам человека всем сторонам уголовного производства на любой стадии уголовного процесса.

Говоря о перспективности судебного прецедента, В. Мидзяновська отмечала, «когда речь идет о месте судебного прецедента в украинской правовой системе, то следует отметить, что он только начинает утверждаться как источник права в Украине, а потому еще преждевременно говорить о структуре, содержании и видах украинских судебных прецедентов» [6, с. 117]. Частично мы согласны с таким мнением, так как на практике не так часто можно увидеть применение судебного прецедента, и даже если в уголовном процессуальном документе стороны уголовного производства ссылаются на позиции, высказанные в постановлениях Верховного Суда, судьи нижних инстанций могут их игнорировать и трактовать данные нормы по своему усмотрению, что приводит к различию судебной практики по аналогичным делам. Продолжая свою мысль, В. Мидзяновська считает, что «разъяснения Пленума Верховного Суда Украины являются одной из фундаментальных

основ внедрения института судебного прецедента в национальную правовую систему Украины, которая, в свою очередь, требует законодательного закрепления в нормативно-правовых актах» [6, с. 123]. Мы полностью согласны с таким утверждением, хотя после судебной реформы 2016 этим органом должен быть Верховный Суд. Об этом же говорит и Л. Луць: «В Украине существует потребность в судебных прецедентах как источниках права. Некачественная система нормативно-правовых актов (с пробелами, дублирование, коллизиями и т.д.) и необходимость сохранения сущности судебной ветви власти, которая призвана обеспечить справедливое рассмотрение дел и защиту интересов личности, вызывают потребность и в создании судебных прецедентов и признании нормативных функций Конституционного Суда Украины и Верховного суда Украины» [4, с. 9].

Конечно, проанализировав использование судами прецедента в уголовном процессуальном законодательстве Украины, мы убедились, что решения суда при рассмотрении уголовного производства не всегда содержат признаки источника права и, по общему правилу, не считаются судебным прецедентом. Однако подавляющее большинство норм уголовного процессуального законодательства, которые зафиксированы в позициях Верховного Суда при вынесении постановлений по результатам судебного разбирательства, уже сейчас трактуются как судебный прецедент и используются судами низших инстанций. Поэтому мы считаем, что решение Конституционного Суда Украины и правовые позиции Верховного Суда сегодня могут трактоваться как источники уголовного процессуального права Украины.

Хотя, справедливости ради, следует указать и на предостережения, которые могут нивелировать негативные моменты при внедрении судебного прецедента в систему источников уголовного процессуального права Украины. Во-первых, применение судебного прецедента возможно только для исключительной защиты прав человека на любой стадии рассмотрения уголовного производства; во-вторых, применение прецедентных норм не должно противоречить действующему законодательству, особенно если это касает-

ся ухудшения или ограничения прав и гарантий предусмотренных и закрепленных в уголовном процессуальном законодательстве субъектов уголовного производства (независимо, это сторона защиты или сторона обвинения); в-третьих, закрепление судебного прецедента и его функционирование в системе источников процессуального права должно внедряться только высокопрофессиональными кадрами судебной системы, которые имеют высокий авторитет и большой опыт работы.

Для того чтобы вынести законное и обоснованное решение, судье необходимо пройти достаточно сложный и многофакторный процесс судебного разбирательства уголовного производства. В первую очередь, начиная судебное разбирательство, судья выясняет обстоятельства, которые являются предметом доказывания. Такие обстоятельства должны отвечать требованиям материального и процессуального закона. Выяснив такое соответствие, судья исследует фактические обстоятельства уголовного производства, а также правильность и законность применения органами досудебного расследования уголовных процессуальных норм. Тем самым в процессе судебного рассмотрения уголовного производства судья осуществляет непрерывную познавательную деятельность, с помощью которой изучает факты, в дальнейшем позволяющие ему рассматривать процессуальную норму, которая регулирует конкретные обстоятельства, которые сложились.

Итак, можно констатировать, что, применяя к конкретной ситуации нормы материального и процессуального права, судьи ссылаются как на конкретные уголовные процессуальные нормы закона, так и на судебную практику, являющуюся неформальным законом, который называется «судебный прецедент».

Говоря о судебном прецеденте как источнике уголовного процессуального права, следует выйти за традиционные рамки восприятия норм нашей правовой системы. Тем более, что с внедрением новой судебной реформы и в связи с международными интеграционными процессами в действующих нормах процессуального законодательства везде есть ссылки на обязательность единства судебной практики. Поэтому судебная ветвь власти должна

взять на себя функцию оперативного регулирования правотворческих норм, связанных с их отсутствием в действующем законодательстве, и эта функция судебного правотворчества. Тем более, такая функция уже давно закреплена в нашей Конституции, в которой указано, что каждый имеет право на судебную защиту (статья 8, 55), и ни в одном нормативном документе нет нормы, которая бы говорила о том, что суд вправе отказать в правосудии по мотивам отсутствия правового акта или его неясности [12]. И все это говорит о том, что на законодательном уровне необходимо закрепить функцию судебного правотворчества [12].

Рассмотрев мнения правоведа о месте и роли решений судов, которые, по нашему мнению, могут претендовать на роль источника права, можно отметить в них много противоречий, оправданием чему может служить только политика государственных органов власти, которая провозглашает единственным источником права закон. В качестве примера можем обратиться к истории бывшего СССР. Несмотря на то, что официально государством судебный прецедент не признавался в качестве источника права, фактически судебная практика, выраженная в разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного Суда Украины, считалась источником права, поскольку в судебных решениях не допускались ссылки на них как на правовую основу разрешения дела. Опубликованная практика Верховного Суда СССР и Верховного Суда Украины официально не могла рассматриваться как источник права, и ссылки на нее в судебных решениях были недопустимы, поскольку в то время в нашей стране институт судебного прецедента не признавался. Однако она практически всегда учитывалась нижестоящими судами в качестве ориентира в вопросах применения и толкования права, устранения пробелов в нем, применения аналогии закона или аналогии права. Е. Мартынич и Е. Колоколова отмечают, что, несмотря на то, что «в советской правоприменительной практике существование судебного прецедента начисто отвергали, а в юридической науке неизменно связывали с судебным произволом и разрушением социалистиче-

ской законности, судебный прецедент и судебное правотворчество существовали, прикрывая свое существование различными легальными формами» [6, с. 20]. Учитывая то, что в разъяснениях пленумов нередко содержались толкования законов, устранялись имеющиеся в них пробелы, противоречия, Пленумы Верховных Судов, по сути, осуществляли судебное правотворчество. В связи с этим считается, что «в Советском Союзе существовало два вида судебного правотворчества: разъяснения пленумов названных выше судов и решения других высших судебных инстанций по конкретным делам» [6, с. 20].

На сегодня актуальным в исследовании судебного прецедента как источника уголовного процессуального права является цивилизационный подход, который «позволяет находить общие подходы к пониманию судебного прецедента и организационные средства его реализации в процессе взаимодействия с другими правовыми системами» [12, с. 42].

Среди постановлений Верховного Суда следует особо выделить постановления, которые дополняют нормы уголовного процессуального законодательства, то есть заменяют собой законы и по своему содержанию могут выходить за пределы их толкования. При рассмотрении постановлений следственного судьи, которые могут быть обжалованы во время досудебного расследования, Большая Палата Верховного Суда в Постановлении от 23 мая 2018 года, рассматривая дело № 237/1459/17, согласилась с правовым заключением ВСУ, отметив, что поскольку следователь-судья принял решение, которое не предусмотрено УПК, суду апелляционной инстанции при решении вопроса об открытии апелляционного производства следует исходить из предписаний ст. 9 УПК, которая раскрывает законность уголовного производства и в ч. 6 устанавливает, что когда положения настоящего Кодекса не регулируют или неоднозначно регулируют вопросы уголовного производства, применяются общие принципы уголовного производства, определенные ч. 1 ст. 7 настоящего Кодекса. Одной из таких основ является обеспечение права на обжалование процессуальных решений, действий

или бездействия (п. 17 ч. 1 ст. 7 УПК), а ее содержание раскрыто в ст. 24 УПК, согласно ч. 1 которой каждому гарантируется право на обжалование процессуальных решений, действий или бездействия, в частности, суда, следственного судьи в порядке, предусмотренном УПК Украины [10].

Мы считаем, что такие постановления носят абсолютно нормативный характер. Создание новых правовых норм Верховным Судом не является нарушением закона, поскольку ни в одном нормативном документе нет запрета на принятие таких решений Верховным Судом. В нашем случае Большая Палата Верховного Суда практически предоставила решению Верховного суда Украины прецедентный характер, поскольку принятые ею руководящие разъяснения являются обязательными для нижестоящих судов. Подобные судебные акты должны быть признаны одним из способов преодоления пробелов в праве и должны закрепить судебный прецедент на законодательном уровне.

Отдельную группу постановлений составляют постановления Верховного Суда, которые вносят в уже действующие дополнительные сведения и поправки. К ним, в частности, можно отнести Постановление ВСУ от 25.06.2015 р. по делу № 5-111к15, которое содержит вывод по поводу применения статьи 384 УПК относительно неразъяснения судом обвиняемому права на суд, что является основанием для отмены приговора [9].

Коллегия судей Уголовного кассационного суда Верховного Суда не согласилась с этим правовым заключением и постановлением от 5 июня 2018 передала дело на рассмотрение Большой Палаты Верховного Суда на основании того, что «обстоятельства дела требуют отступления от заключения о применения нормы права в подобных правоотношениях, изложенного в ранее принятом решении Верховного Суда Украины – постановление от 25 июня 2015 по делу № 5-111к15».

Большая Палата Верховного Суда приняла постановление, где отметила различные ситуации и приняла новый правовой вывод по применению данной нормы права, в котором отметила: «Разъяснения судом обвиняемому права на суд присяжных вне графика

подготовительного производства, но до завершения судебного разбирательства не всегда является безусловным основанием для отмены приговора» [11].

Такие постановления содержат новые толкования правовой нормы. Однако они не могут считаться источниками уголовного процессуального права, поскольку их текст переносится с постановления, которое меняется или дополняется.

Правовые нормы, регламентирующие рассмотрение по уголовным производствам, должны быть достаточно четко определены и носить гибкий характер. Поскольку определенность и гибкость закона носит основное условие, такие нормы целесообразнее применять только при оптимальном сочетании нормативного и индивидуального регулирования, так как мы считаем, что такое сочетание выражается в оптимальном соотношении закона и судебского усмотрения, которое находит выражение в постановлениях Верховного Суда.

Основное назначение разъяснений, изложенных в постановлениях Верховного Суда, состоит в том, чтобы обязать суды решать дела в точном соответствии с действующим законодательством, общепризнанными принципами и нормами международного права и обеспечить единообразное применение закона на всей территории Украины. Неслучайно 76,5% работников, осуществляющих уголовный процесс, обращаются к ним в своей практической деятельности.

Выводы. Правила, установленные руководящими разъяснениями, обязательны для судов, других органов, должностных лиц и рассчитаны на многократное применение. Мы согласны с теми авторами, которые причисляют постановления Верховного Суда к нормативно-правовым актам по той причине, что они носят нормативный характер, или считают, что они занимают промежуточное положение между нормативно-правовыми актами и законами. Законы и нормативно-правовые акты в совокупности представляют законодательство. Поэтому нахождение постановлений Верховного Суда между ними означает, что они становятся элементом законодательства. Такой подход противоречит правовой системе Украины. Однако это не долж-

но служить «камнем преткновения», так как даже в рамках уголовного процессуального права это не единственный случай внедрения норм, типичных для англосаксонской правовой системы. Таким образом, рассматривать постановления Верховного Суда отдельно от законодательных актов невозможно, потому что в них действительно содержатся все признаки нормативно-правового акта.

Список использованной литературы:

1. Богдановская И.Ю. Прецедентное право. Москва, 1993. 365 с.
2. Бондаренко Є.І. Становлення правового прецеденту як джерела права. *Правове регулювання економіки*. 2012. № 11-12. С. 33–44.
3. Кримінальний процесуальний кодекс України від 13 квітня 2012 року № 4651-VI; зі змін і доповн. // База даних «Законодавство України». URL : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/4651-17>.
4. Луць Л.А. Перспективи становлення судового прецеденту як джерела права України. *Вісник Центру суддівських студій*. 2006. № 6. С. 9–16.
5. Мартыничек Е., Колоколова Э. Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике. *Российская юстиция*. 1994. № 12. С. 20.
6. Мідзяновська В. Судовий прецедент: структура, види. *Право України*. 2006. № 3. С. 119–124.
7. Оборотов Ю.Н. Філософія права і методологія юриспруденції. Проблеми філософії права. Т. 1. Чернівці, 2003. С. 6–53.
8. Пархета А.А. Полеміка розуміння поняття правового прецеденту. *Актуальні проблеми держави і права*. 2010. № 3. С. 411–417.
9. Постанова ВСУ від 25.06.2015р. у справі № 5-111к15 // Єдиний державний реєстр судових рішень. URL : reyestr.court.gov.ua/Review/46449623.
10. Постанова Великої палати ВС від 23.05.2018 р. у справі № 237/1459/17 // Єдиний державний реєстр судових рішень. URL : <http://reyestr.court.gov.ua/Review/74475877>.
11. Постанова Великої палати ВС від 12 вересня 2018 року у справі № 523/6472/14-к (провадження № 13-32к18) // Єдиний державний реєстр судових рішень. URL : <http://reyestr.court.gov.ua/Review/76947335>.

12.П. 8 постанови Пленуму Верховного Суду України від 1 листопада 1996 року № 9 «Про застосування Конституції України при здійсненні правосуддя». *Право України*. 1996. № 12. С. 91.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Завидняк Владимир Иванович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Университета государственной фискальной службы Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zavidnyak Vladimir Ivanovich – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminologists of University of State Fiscal Service of Ukraine

zxcv79@meta.ua

УДК 343.432

ОПЫТ США В ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИИ НЕЗАКОННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ИЛИ ПОХИЩЕНИЯ ЛЮДЕЙ

Людмила КАБАНЕЦ,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Университета государственной фискальной службы Украины

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрено предотвращение незаконного лишения свободы или похищение человека по законодательству США. Установлено, что в течение достаточно длительного времени судами США похищение человека рассматривалось как форма незаконного лишения свободы, что заслуживает более сурового наказания. Отягчающим обстоятельством при этом считалась перевозка похищенного человека в другую страну или из одного штата в другой. Отмечено, что УК США похищение человека связывает не только с его неправомерным перемещением с места пребывания, но и с неправомерным помещением второго лица на длительное время в изолированное место.

Ключевые слова: похищение, незаконное лишение свободы, наказание, опыт США, киднеппинг.

EXPERIENCE OF THE USA AT CAUTION OF ILLEGAL DEPRIVATION OF FREEDOM OR KIDNAPPING

Lyudmila KABANETS,

Senior Teacher at the Department of Criminal Law and Criminology
of University of State Fiscal Service of Ukraine

SUMMARY

In article are considered prevention illegal to imprisonment or kidnapping with the legislation of the USA. It is established that a current of rather long time kidnapping was considered by courts of the USA as a form illegal imprisonment, deserves more severe punishment. Aggravating a circumstance at the same time was considered transportations of the kidnapped person to other country or from one state in another. It is noted that UK of the USA connects kidnapping not only with its illegal movement from the place of stay, but also with the illegal placement of the second person for a long time in isolated the place.

Key words: stealing, illegal imprisonment, punishment, experience of the USA, kidnapping.

Постановка проблемы. Уголовное законодательство зарубежных стран также предусматривает наказание за совершение преступлений, посягающих на свободу человека. Однако формулировка преступлений, связанных с незаконным лишением свободы или похищением человека, часто включают и захват заложника. Вместе с тем в некоторых государствах существует и самостоятельная уголовная ответственность за захват заложника.

Спецификой уголовного законодательства США является то, что в этом государстве фактически действуют несколько десятков систем уголовного права [1]. Случаи похищения людей в США в начале возникновения этого государства рассматривались судами

как отягощенная форма лишения свободы человека.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости темы незаконного лишения свободы или похищения людей.

Состояние исследования. Проблемы предотвращения незаконного лишения свободы или похищения человека рассматривало много отечественных и зарубежных авторов, среди которых: Н.А. Акимов, А.В. Андрушко, М.И. Бажанов, Ю.В. Баулин, А.Г. Богатырев, М.И. Загородников, В.А. Иващенко, А.Н. Игнатов, В.С. Наливайко, А.С. Наумова, А.Н. Орлеан, В.В. Панкратов, В.М. Подгородинский, А.С. Политова, В.В. Сташис, В.И. Симонов, С.С. Яценко и др.

Целью и задачей статьи является исследование опыта США относительно незаконного лишения свободы или похищения человека ради заимствования положительного опыта.

Изложение основного материала. Похищение человека (kidnapping) в уголовном праве США рассматривается как одно из самых опасных посягательств против личности [2, с. 347; 3, с. 360].

В течение достаточно длительного времени судами США похищение человека (как правило, ребенка) рассматривалось как форма незаконного лишения свободы, что заслуживает более сурового наказания. Отягчающим обстоятельством при этом считались перевозки похищенного человека в другую страну или из одного штата в другой. Исследователи отмечают, что в США было совершено более ста аналогичных преступлений (как правило, с целью получения выкупа), прежде чем они были признаны специфическим видом криминальной деятельности [4, с. 106]. К тому же, если сначала такие преступления в основном совершались ситуативными преступниками, то со временем на смену им пришли хорошо подготовленные профессионалы. Похищение людей и дальнейшее вымогательство выкупа за их освобождение стало бизнесом организованных криминальных группировок, которые пользовались несовершенством тогдашнего законодательства и недостаточным вниманием к этой проблеме со стороны общества и государства [5, с. 264].

Кроме того, семьи пострадавших от этого преступления часто не обращались в полицию, предпочитали заплатить выкуп, чтобы не рисковать жизнью своих близких. Из-за этого часть таких посягательств оставалась латентной [5, с. 266].

Инициативу предусмотреть самостоятельную ответственность за киднеппинг впервые проявили жители города Сент-Луис (штат Миссури), где похищения людей случались чаще. В 1931 году представители Торговой палаты Сент-Луиса, мэр, шеф полиции и общественные деятели создали комитет, призванный обратить внимание федеральных законодательных органов на эту проблему [5, с. 265]. Было разработано несколько соответствующих

законопроектов, которые широко обсуждались в обществе. Наиболее дискуссионным стал вопрос о наказании, которое заслуживает это преступление. Если Сенат США принял закон, который не предусматривал смертную казнь за совершение этого деяния, то Палата представителей приняла закон, который за похищение человека устанавливал смертную казнь, хотя предполагалось, что жюри может вынести вердикт о помиловании или рекомендовать наказание в виде пожизненного лишения свободы [5, с. 266].

Против этого закона выступила оппозиция, которая разделилась на две фракции. Одна из них соглашалась с законом, но была против смертной казни. Другая, более многочисленная, полностью не одобряла закон, поскольку он давал право федеральным органам влиять на власти штата в вопросах охраны правопорядка. Несмотря на указанные различия, во всех штатах были приняты законы о похищении человека, в шести из которых предполагалось наказание в виде смертной казни [5, с. 266]. Позже Президент США Ричард Никсон выразил надежду, что Верховный суд не признает смертную казнь за это преступление неконституционной [3, с. 360].

На федеральном уровне законодательство о киднеппинге появилось в США после похищения и убийства в 1932 году полуторгодового сына известного американского летчика Чарльза Линдберга, который первым один перелетел Атлантический океан. Похитители выдвинули родителям требование о выкупе в сумме 50 000 долларов, который был выплачен. Однако через десять недель спустя нашли тело мальчика, который, как выяснилось, был убит через несколько часов после похищения. В совершении этого преступления признали виновным и вскоре казнили плотника Бруно Гауптмана. Трагедия семьи Линдбергов стала сенсацией, а само преступление – одним из самых резонансных и загадочных преступлений XX века [6; 7].

Летом 1932 Конгресс США принял «Федеральный закон о похищении» (в историю вошел как «закон Линдберга»), который признал перевозки похищенных людей через границы штата федеральным преступлением [8, с. 88]. В рассматриваемом контексте

следует отметить, что, аргументируя необходимость принятия этого закона, конгрессмен Кохран подчеркивал: «Мой законопроект не предусматривает снятие ответственности с местных органов, я хочу только, чтобы федеральные органы могли оказать помощь в задержании преступника в случае, если жертва перевезена за пределы штата. Клаузула о торговле Конституции США запрещает полиции одного штата проводить расследование на территории другого» [5, с. 267]. Закон был включен в Свод законов США (§ 1201 раздела 18) и с тех пор у него было внесено несколько поправок [9].

На сегодняшний день федеральное законодательство США предусматривает уголовную ответственность за посягательство на свободу человека. Так, согласно § 201 Свода законов США (Титул 18) тот, кто незаконно захватывает, лишает свободы, заманивает, похищает, насильно или обманом увозит, забирает или удерживает любое лицо с целью получения выкупа или вознаграждения, за исключением того, когда действия совершаются родителями и если такое лицо перевозится из одного штата в другой или за границу, наказывается тюремным заключением на любой срок или пожизненным лишением свободы.

Параграф 1202 Свода предусматривает уголовную ответственность в виде штрафа в размере до 10 тыс. долл., или тюремное заключение на срок до 10 лет, или оба вида наказания, если лицо получает любые денежные средства, имущество или любую их часть, владеет или распоряжается ими, которые когда-либо были переданы в качестве выкупа или сборов, связанных с совершением преступления, предусмотренного § 201 этого титула, зная о том, что упомянутые средства или имущество является выкупом или вознаграждением [10; 11, с. 418].

В соответствии с § 751 за убийство, похищение или нападение на президента США или представителя его аппарата предусмотрена самостоятельная уголовная ответственность. Это свидетельствует об отсутствии дифференцировки уголовной ответственности за похищение человека и захват заложника [12].

Похищение человека (kidnapping) согласно § 1201 может заключать-

ся в различных формах: незаконном захвате, лишении свободы, заманивании, похищении, перевозке, вынесении или содержании лица с целью получения выкупа или вознаграждения (за исключением случаев, когда такие действия совершаются родителями в отношении своих несовершеннолетних детей) [13, с. 50].

Похищение человека рассматривается как федеральное преступление, если:

1) человека перевозят из одного штата в другой или за границу

2) такого рода действия против человека совершены в рамках специальной морской и территориальной юрисдикции США;

3) такой акт осуществляется в рамках специальной авиационной юрисдикции, о чем говорится в § 46501 раздела 49 Свода законов США;

4) пострадавшим от угона является официальный представитель иностранного государства, официальный гость или лицо, пользующееся международной защитой, о чем говорится в § 1116 (b) раздела 18 Свода законов США;

5) пострадавшим от этого преступления является любой из должностных лиц, о которых говорится в § 1114 раздела 18 Свода законов США, во время выполнения своих служебных обязанностей. За совершение рассматриваемого преступления виновному грозит лишение свободы на любой срок или пожизненное заключение, а в случае смерти потерпевшего – смертная казнь или пожизненное заключение.

Кроме того, в § 1201 Свода законов США указано, что при безуспешной попытке освободить пострадавшего в течение 24 часов после похищения создается опровержимая презумпция о том, что этот человек был перевезен за пределы штата или государства. Это, однако, не препятствует федеральному расследованию соответствующих посягательств до истечения 24 часов. В § 1201 Свода законов США ответственность установлена также за соучастие в этом преступлении и за неоконченное преступление. Предусмотрено, что если два или более лиц вступили в сговор с целью нарушения этой нормы и сделали любое открытое действие, каждый из них подлежит наказанию в виде лишения свободы на любой срок или в виде пожизненного заключения. Покушение на похище-

ние человека наказывается лишением свободы на срок до 20 лет. Федеральное уголовное законодательство США устанавливает самостоятельную уголовную ответственность (§ 1202) за получение денег или иного имущества (выкупа) или распоряжение ими в связи с совершением преступления, предусмотренного § 1201. За это деяние грозит лишение свободы на срок до 10 лет и / или штраф [14].

В § 1204 Свода законов США предусмотрена ответственность за международное похищение ребенка (лица, не достигшего 16 лет), покушение на это преступление или содержание ребенка за пределами США с намерением препятствовать законному осуществлению родительских прав. За совершение этого преступления грозит наказание в виде штрафа и/или тюремного заключения на срок до трех лет [15].

По общему праву киднеппинг – это насильственное похищение человека в одной стране и перемещение его в другую. Однако практически во всех УК это преступление понимается шире. Например, в них, как правило, не упоминается признак «перемещение» на какую-то территорию. Исключение составляет УК штата Калифорния, который в определении киднеппинга говорит о перевозке похищенного человека «в другую страну, другой штат, другое графство или в другую часть того же графства» (ст. 207) [5].

Уголовное законодательство США, как известно, составляет не только федеральное законодательство. Каждый штат, федеральный округ Колумбия, свободное ассоциированное государство Пуэрто-Рико имеют собственное законодательство. Значительное влияние на современное уголовное законодательство штатов имел Модельный (Примерный) уголовный кодекс (Model Penal Code) США, разработанный в 1962 году. Институтом американского права и предложенный штатам как модельный образец уголовного закона [16]. Этот документ не имеет официального характера, однако он призван обеспечить единство уголовного законодательства и уголовной политики.

Одним из преступлений против свободы, выделяемых этим кодексом, является похищение человека (киднеппинг). В ст. 212.1 данного докумен-

та указано, что лицо является виновным в похищении человека, если оно неправомерно перемещает другое лицо с места его обитания или занятий или на значительное расстояние от места, где он находится; если оно неправомерно помещает другое лицо на длительное время в изолированное место с целью: а) задержать его для получения выкупа или вознаграждения или в качестве прикрытия, заложника, или б) облегчить совершение любой felonии или побега после его совершения, или с) причинить телесные повреждения потерпевшему или другому лицу или вызвать у них страх, д) препятствовать осуществлению любой государственной или политической функции. Согласно модельному УК киднеппинг является felonией первой степени, если лицо добровольно не освободит потерпевшего живым до начала рассмотрения дела в суде; в противном случае это преступление является felonией второй степени. Перемещение в изолированном месте неправомерно согласно ст. 212.1, если оно совершается путем насилия, угрозы или обмана или в случаях, когда речь идет о личности, не достигшей 14 лет, или лицо недееспособное, если оно совершается без согласия родителей, опекуна или другого лица, ответственного за ее благополучие [16].

Итак, Модельный УК США похищение человека связывает не только с его неправомерным перемещением с места пребывания, но и с неправомерным помещением другого лица на длительное время в изолированное место. В этом контексте следует указать на то, как в данном кодексе сформулированы нормы об ответственности за ограничение свободы (ст. 212.2) и за неправомерное лишение свободы (ст. 212.3). В соответствии со ст. 212.2 лицо совершает felonию третьей степени, если оно заведомо а) неправомерно ограничивает свободу другого лица при обстоятельствах, угрожающих ему получением тяжкого телесного повреждения; б) содержит другое лицо в состоянии недобровольного рабства. Статья 212.3 предусматривает, что лицо совершает мисдиминор, если оно неправомерно ограничивает свободу другого лица.

Итак, можно сделать вывод, что в понятие «похищение человека»

составители Модельного УК США вложили и похищение человека в собственном смысле этого слова (то есть лишение свободы, сопряженное с его перемещением), и простое лишение человека свободы.

Список использованной литературы:

1. Уголовное право зарубежных стран : Общая часть / Под ред. И.Д. Козочкина. Москва, 2001. С. 108.
2. Савченко А.В. Кримінальне законодавство України та федеральне кримінальне законодавство Сполучених Штатів Америки: комплексне порівняльно-правове дослідження : монографія. Київ : КНТ, 2007. 596 с.
3. Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. Санкт-Петербург : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 478 с.
4. Андрушко А.В. Кримінально-правова протидія викраденню людей у США. *Прикарпатський юридичний вісник*. 2017. Випуск 6 (21) том 2. С. 105–109.
5. Оганян Р.Э. Криминологическая теория и практика предупреждения преступлений, связанных с похищением людей : дисс. ... д-ра юрид. наук : спец. 2.00.08. Москва, 2002. 328 с.
6. Ракитин А.И. Ребенок Линдберга. Загадочные преступления прошлого. URL : http://murders.ru/Lin_son_1.html.
7. Соковенина Е. Смотрите, вон он летит! Частный корреспондент. URL : http://www.chaskor.ru/article/smotrite_von_on летит_22115 (дата звернення 02.11.2018).
8. Левин Я.А. ФБР и внутренняя безопасность США в 1908–1941 гг. : дисс. ... канд. истор. наук: спец. 07.00.03. Самара, 2016. 210 с.
9. 18 U.S. Code § 1201. Kidnapping. Legal Information Institute. URL : <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1201>.
10. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты. Москва, 1993. 528 с.
11. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время. Москва, 1999. С. 418.
12. 18 U.S. Code § 1751. Presidential and Presidential staff assassination, kidnapping, and assault; penalties. Legal Information Institute. URL : <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1751>.
13. Андрушко А.В. Розмежування незаконного позбавлення волі або викрадення людини та захоплення заручників. *Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія: Юридичні науки*. 2017. Вип. 6. Том 3. С. 48–52.
14. 18 U.S. Code § 1202. Ransom money. Legal Information Institute. URL : <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1202>.
15. 18 U.S. Code § 1204. International parental kidnapping. Legal Information Institute. URL : <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1204>.
16. Model Penal Code. Official draft and explanatory notes. ICLA. Philadelphia: The American Law Insti. Випуск 6(21) том 2, 2017 109 tute, 1985. URL : <http://www.icla.up.ac.za/images/un/use-of-force/western-europe-others/UnitedStatesofAmerica/Model%20Penal%20Code%20United%20States%20of%20America%201962.pdf>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кабанец Людмила Валерьевна – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Университета государственной фискальной службы Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kabanets Lyudmila Valeryevna – Senior Teacher at the Department of Criminal Law and Criminology of University of State Fiscal Service of Ukraine

Lisa27@ua.fm

УДК 343.26

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ПО ВИДАМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Кирилл КАЛАШНИКОВ,

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Харьковского национального педагогического университета
имени Г.С. Сковороды

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы порядка назначения осужденным к лишению свободы вида уголовно-исполнительного учреждения, приводится комментарий действующих норм уголовно-исполнительного законодательства, предложения по его усовершенствованию.

Ключевые слова: межрегиональная комиссия, лишение свободы на определенный срок, законодательная классификация осужденных к лишению свободы, исправительная колония, воспитательная колония.

DISTRIBUTION OF CONDEMNED TO DETERMINATION OF FREEDOM BY TYPES OF CRIMINAL EXECUTIVE INSTITUTIONS

Kirill KALASHNIKOV,

Postgraduate Student at the Department of Criminal Law Disciplines
of Kharkiv National Pedagogical University

SUMMARY

The article deals with the issues of the order of appointment of the convicted person to the deprivation of liberty of the type of a criminal-executive institution, a commentary on the current norms of the criminal-executive legislation, and proposals for its improvement.

Key words: interregional commission, deprivation of liberty for a certain period, legal classification of convicted persons, deprivation of liberty, correctional colony, educational colony.

Постановка проблемы. Классификация осужденных к лишению свободы как уголовно-исполнительный институт уголовно-исполнительного права должна подлежать в дальнейшем законодательной регламентации; подготовлен большой пакет законодательных и других нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок и условия избрания наказания в виде лишения свободы, распределение и направление этой категории лиц в соответствующие уголовно-исполнительные учреждения. И только после этого можно полно, глубоко и всесторонне проанализировать понятие, сущность, характерные признаки и особенности классификации осужденных к лишению свободы и их распределение по видам колоний.

Актуальность темы исследования. Эффективность реализации государственной политики в сфере исполнения наказаний связана с тем, насколько эффективно и слаженно осуществляется управление непосредственными исполнителями такой политики – органами и учреждениями исполнения наказаний. На сегодня органы и учреж-

дения исполнения наказаний находятся в состоянии значительного реформирования, что отражается и на системе управления ими. Поэтому актуальным является исследование реформирования органов и учреждений, исполняющих наказание, и их влияния на эффективность наказания.

Указанные обстоятельства обусловили актуальность темы и определили необходимость ее детального исследования.

Состояние исследования. Рассмотрению отдельных проблемных аспектов классификации осужденных к лишению и их распределению по видам уголовно-исполнительных учреждений уделяли внимание в своих научных трудах такие ученые, как И.Г. Богатырев, Т.А. Денисова, И.В. Иванов, А.Х. Степанюк, В.М. Трубников, Д.В. Ягунов, А.А. Яровой и другие.

В общем учеными уголовного и уголовно-исполнительного цикла были проанализированы научные положения статуса субъектов уголовно-исполнительных правоотношений. В настоящее время продолжается реформа как орга-

нов и учреждений исполнения наказаний, так и государственной политики в сфере исполнения уголовных наказаний в целом.

Выводы и предложения повлекли новые теоретические положения уголовного и уголовно-исполнительного права.

Целью и задачей статьи является теоретическое обобщение и решение научных задач, касающихся комплексного анализа теоретико-методологических положений классификации осужденных к лишению свободы, рассмотрение критериев оценки исправительного воздействия и его результатов с учетом типологии осужденных, ресоциализация осужденного к лишению свободы, способного реинтегрироваться в общество.

Изложение основного материала. При выборе осужденным к лишению свободы соответствующего режима исправительной колонии межрегиональная комиссия – коллегиальный орган, который создается в межрегиональном управлении, должна обязательно руководствоваться положениями уголовно-исполнительного закона

(ч. 2 ст. 18 Уголовно-исполнительного кодекса (УИК) Украины и Положением об определении лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы и лишению свободы на определенный срок, вида колонии¹), и выходить за пределы этой законодательной классификации осужденных к лишению свободы межрегиональная комиссия ни при каких обстоятельствах не может.

1. В исправительные колонии минимального уровня безопасности с облегченными условиями содержания направляются:

1) осужденные впервые к лишению свободы за преступления, совершенные по неосторожности;

2) осужденные за преступления небольшой и средней тяжести.

Вызывает замечания редакция п. 1 ч. 2 ст. 18 УИК Украины, где, в частности, записано, что в исправительную колонию минимального уровня безопасности с облегченными условиями содержания направляются осужденные впервые к лишению свободы за преступления, совершенные по неосторожности, преступления небольшой и средней тяжести, а также лица, переведенные из колоний минимального уровня безопасности с общими условиями содержания и колоний среднего уровня безопасности в порядке, предусмотренном УИК Украины. Такая неудачная редакция закона позволяет по-разному толковать это положение: либо это впервые осужденные к лишению свободы за преступления, совершенные по неосторожности различной степени тяжести, либо отдельно называется категория лиц, впервые осужденных к лишению свободы за преступления небольшой тяжести и средней тяжести².

Последняя категория перекликается с такой же категорией, которая отбывает наказание в исправительной

колонии минимального уровня безопасности с общими условиями содержания (ч. 2 п. 2 ст. 18 УИК Украины – «мужчины, впервые осужденные к лишению свободы за преступления небольшой и средней тяжести; женщины, осужденные за преступления небольшой и средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления. В исправительной колонии этого вида могут отбывать наказание также осужденные, переведенные из воспитательных колоний в порядке, установленном ст. 147 УИК, в секторе среднего уровня безопасности и исправительной колонии этого вида могут отбывать наказание также осужденные к пожизненному лишению свободы»).

Но, с другой стороны, это позволяет межрегионально й комиссии³ – коллегияльному органу, который образуется в межрегиональном управлении, в качестве альтернативы определять лицам, осужденным впервые к лишению свободы за преступления небольшой и средней тяжести, или колонию минимального уровня безопасности с облегченными условиями, или колонию минимального уровня безопасности с общими условиями содержания⁴.

Не подлежат направлению из следственных изоляторов в исправительные колонии минимального уровня безопасности с облегченными условиями содержания:

1) лица, не прошедшие полный курс лечения венерического заболевания, активной формы туберкулеза, психического расстройства, алкоголизма и наркомании;

2) лица, которые осуждены за совершение умышленного преступления в период отбывания наказания в виде ареста или ограничения свободы.

Исправительные колонии минимального уровня безопасности с облег-

ченными условиями содержания служат местом отбывания наказания для значительного числа лиц, осужденных к лишению свободы на определенный срок, чем и определяется особая значимость этого вида уголовно-исполнительного учреждения. По режиму данная исправительная колония может быть приравнена к колониям-поселениям, существовавшим по ранее действующему законодательству.

2. В исправительные колонии минимального уровня безопасности с общими условиями содержания направляются:

1) мужчины, впервые осужденные к лишению свободы за преступления небольшой и средней тяжести;

2) женщины, осужденные за преступления небольшой и средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления.

Здесь, в данных исправительных колониях, могут отбывать наказание также осужденные, переведенные из воспитательных колоний в порядке, установленном ст. 147 УИК Украины. В этой статье регламентируются случаи перевода осужденных, достигших восемнадцатилетнего возраста, из воспитательной колонии для дальнейшего отбывания наказания в исправительной колонии минимального уровня безопасности с общими условиями содержания.

Анализ содержания данной уголовно-исполнительной нормы показывает, что речь фактически идет о режиме, который предварительно действующим законодательством был установлен в исправительно-трудовой колонии общего режима. Здесь отбывают наказание все категории мужчин, осужденных впервые за два вида преступлений: преступления небольшой тяжести и преступления средней тяжести, и при этом совершенных умышленно.

Что же касается женщин, то по действующему уголовно-исполнительному законодательству для женщин в основном устанавливается один вид режима: исправительная колония минимального уровня безопасности с общими условиями содержания. Осужденным к лишению свободы на определенный срок женщинам независимо от того, какое они совершили умышленное преступление (небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое), отбывание данного

¹ Наказ Мініюсту України «Про затвердження Положення про визначення особам, засудженим до довічного позбавлення волі та позбавлення волі на певний строк, виду колонії, порядок направлення для відбуття покарання осіб, засуджених до довічного позбавлення волі, позбавлення волі на певний строк, арешту й обмеження волі, та їх переведення» від 27.02.2017 № 680/5. Из змінами і доповненнями, внесеними наказами Міністерства юстиції України від 27 квітня 2018 року № 1300/5, від 4 грудня 2018 року № 3801/5. URL : http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/RE30133.html.

² Наказ Міністерства юстиції України: «Про затвердження Правил внутрішнього розпорядку установ виконання покарань» від 28.08.2018 № 2823/5. URL : <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z1010-18>.

³ Наказ Мініюста України від 27.02.2017 № 680/5: Положення про центральну та міжрегіональну комісії з питань визначення особам, засудженим до довічного позбавлення волі та позбавлення волі на певний строк, виду колонії, направлення для відбуття покарання осіб, засуджених до довічного позбавлення волі, позбавлення волі на певний строк, арешту й обмеження волі, та їх переведення. URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0266-17>.

⁴ Кримінальний кодекс України: Науково-практичний коментар / Ю.В. Баулін, В.І. Борисов, С.Б. Гаврик та ін.; За заг. ред. В.В. Сташиса, В.Я. Тація. Київ : Концерн «Видавничий Дім «Ін Юрес», 2003. 1196 с.

вида наказания назначается именно в этой исправительно-исполнительной колонии.

Исходя из содержания ст. 18 УИК Украины, не выделяется такая категория женщин, как «женщины, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы». Они отбывают наказание по совокупности с женщинами, впервые осужденными к лишению свободы за преступления средней тяжести и тяжкие преступления в этой же колонии. Если по ранее действующему законодательству для женщин устанавливалось два вида режима исправительной колонии (общий и строгий), то сейчас основным видом наказания в виде лишения свободы на определенный срок является именно данная исправительная колония. Естественно, что как для мужчин, так и для женщин, осужденных к лишению свободы, устанавливаются различные колонии, в которых они отбывают наказание.

3. В исправительные колонии среднего уровня безопасности направляются:

1) женщины:

осужденные к наказанию в виде пожизненного лишения свободы;

которым наказание в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы заменено лишением свободы на определенный срок в порядке помилования или амнистии;

2) мужчины:

впервые осужденные к лишению свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления;

ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы;

осужденные за совершение умышленного преступления средней тяжести в период отбывания наказания в виде лишения свободы;

осужденные, переведенные из колоний максимального уровня безопасности в порядке, предусмотренном УИК.

В секторе максимального уровня безопасности исправительной колонии этого вида могут отбывать наказание также мужчины, осужденные к пожизненному лишению свободы.

Как в данной уголовно-исполнительной норме, так и в предыдущих нормах обращает на себя внимание особый, более гуманный подход (если можно так выразиться, более «щадящий» режим) для женщин, осужденных к наказанию в виде лишения свободы⁵. Если говорить о режиме исправительной колонии, то когда речь идет о женщинах, то у них на один уровень режим является более легким, мягким. Так, если, например, для мужчин устанавливается строгий режим, то для женщин – общий; и т.д. Более того, среди осужденных к лишению свободы женщин не выделяется такая категория, как лица, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы.

Среди данных, характеризующих личность осужденного, важное значение имеет его прошлая преступная деятельность, то есть совокупность сведений, дающих представление о характере ранее совершенных преступлений, виде наказания, которое отбывало лицо ранее⁶. Согласно названным основаниям уголовно-исполнительное право выделяет такие группы осужденных: 1) осужденные впервые; 2) лица, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы.

Требует разъяснения термин «впервые осужденный к лишению свободы». Под этим термином понимаются лица, осужденные обвинительным приговором суда к наказанию в виде лишения свободы и которые к этому моменту не осуждались к лишению свободы и практически не отбывали это наказание в колониях. Таким будет считаться лицо и в случаях, если оно раньше и было осуждено, но к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Здесь важно отметить два момента: 1) лицо осуждается судом впервые к наказанию в виде лишения свободы; и 2) данное лицо не осуждалось ранее к смертной казни и не отбывало такое наказание в местах лишения свободы. Для уголовно-исполнительного права при анализе различных институтов очень важно всегда устанавливать сам

факт исполнения и отбывания наказания, поскольку с этими фактами всегда связываются различные правовые последствия для осужденного и для освобожденного от отбывания наказания. В отличие от уголовного права, наличие или отсутствие судимости для нас не имеет значения.

Эти осужденные содержатся отдельно в специально созданных для них учреждениях исполнения наказаний разного уровня безопасности.

Требует объяснения также и термин «лица, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы».

Из приведенного определения следует, что категориям лиц, ранее отбывавшим наказание в виде лишения свободы, присущи конкретные, весьма специфические признаки⁷. Для того чтобы лица могли быть признаны таковыми, необходимо наличие в совокупности следующих признаков:

1) реальная мера наказания в виде лишения должна быть назначена изначально и только по обвинительному приговору суда;

2) реальная мера наказания в виде лишения свободы должна быть действительно отбита им в любом из существующих видов уголовно-исполнительных учреждений (исправительной или воспитательной колонии). При определении исправительной колонии среднего уровня безопасности не могут рассматриваться ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы лица, осужденные к лишению свободы, но фактически не отбывавшие этого вида наказания;

3) наличие или отсутствие судимости к моменту вынесения решения межрегиональной комиссией за вновь совершенное преступление для решения вопроса об определении лицу, осужденному к лишению свободы, конкретного уголовно-исполнительного учреждения значения не имеет.

4. В исправительные колонии максимального уровня безопасности направляются мужчины:

1) осужденные к наказанию в виде пожизненного лишения свободы;

2) которым наказание в виде смертной казни заменено пожизненным лишением свободы;

3) которым наказание в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы заменено лишением свободы

⁵ Гришук В.К. Поняття, предмет, методи, завдання, функції, система, джерела та принципи українського кримінального права. Львів : Львівський держ. ун-т внутрішніх справ, 2009. 112 с.

⁶ Денисова Т.А. Функции уголовного наказания : монография. Харків : Изд-во Нац. ун-та внутр. дел, 2004. 324 с.

⁷ Кримінальне право України. Загальна частина: навчальний посібник / В.М. Трубников, М.В. Даньшин, О.О. Житний та ін. ; за заг. ред. В.М. Трубникова. Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2015. 448 с. С. 260.

на определенный срок в порядке помилования или амнистии;

4) осужденные за умышленные особо тяжкие преступления;

5) осужденные за совершение умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления в период отбывания наказания в виде лишения свободы.

5. В исправительные колонии максимального уровня безопасности с отбыванием наказания в обычных жилых помещениях направляются мужчины:

1) которым наказание в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы заменено лишением свободы на определенный срок в порядке помилования или амнистии;

2) осужденные за умышленные особо тяжкие преступления и др. категории.

6. В исправительные колонии максимального уровня безопасности с отбыванием наказания в помещениях камерного типа или соответствующих секторах направляются мужчины:

1) осужденные к наказанию в виде пожизненного лишения свободы;

2) которым наказание в виде смертной казни заменено пожизненным лишением свободы;

3) осужденные за умышленные особо тяжкие преступления;

4) осужденные за совершение умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления в период отбывания наказания в виде лишения свободы; и др. категории.

Анализ данной уголовно-исполнительной нормы показывает, что фактически исправительная колония максимального уровня безопасности предназначена для отбывания этого вида наказания только мужчинами.

Выводы. Под классификацией осужденных понимается разделение их на относительно однородные категории в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного преступления, прошлых судимостей, пола, возраста и других особенностей личности осужденных в целях создания благоприятных условий для достижения целей наказания.

Проведя анализ уголовно-исполнительного законодательства, мы выделили следующие задачи классификации осужденных:

1) индивидуальное применение к осужденным основных средств

исправления (установленного порядка исполнения и отбывания наказания, режима, пробации, воспитательной работы, общественно-полезного труда, общего образования, профессиональной подготовки);

2) надежная изоляция одной категории осужденных от другой для предотвращения негативного влияния;

3) дифференцированное применение наказания и исправительного воздействия на осужденных;

4) правильное распределение осужденных по видам исправительных учреждений, а также распределение их внутри одного учреждения.

Таким образом, суды и межрегиональные комиссии должны руководствоваться классификацией, прежде чем определить осужденного в конкретное исправительное учреждение. Без классификации осужденных невозможно определить соответствующий вид исправительного учреждения.

Список использованной литературы:

1. Наказ Мініюсту України від 27.02.2017 № 680/5. Із змінами і доповненнями, внесеними наказом Міністерства юстиції України від 27 квітня 2018 року № 1300/5, від 4 грудня 2018 року № 3801/5. URL : http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/RE30133.html.

2. Наказ Міністерства юстиції України: «Про затвердження Правил внутрішнього розпорядку установ виконання покарань» від 28.08.2018 № 2823/5. URL : <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z1010-18>.

3. Наказ Мініюста України від 27.02.2017 № 680/5: Положення про центральну та міжрегіональну комісії з питань визначення особам, засудженим до довічного позбавлення волі та позбавлення волі на певний строк, виду колонії, направлення для відбування покарання осіб, засуджених до довічного позбавлення волі, позбавлення волі на певний строк, арешту й обмеження волі, та їх переведення. URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0266-17>.

4. Кримінальний кодекс України: Науково-практичний коментар / Ю.В. Баулін, В.І. Борисов, С.Б. Гаврик та ін. ; за заг. ред. В.В. Сташиса, В.Я. Тація. Київ : Концерн «Видавничий Дім «Ін Юре», 2003. 1196 с.

5. Гришук В.К. Поняття, предмет, методи, завдання, функції, система, джерела та принципи українського кримінального права : навч. посібник / В.К. Гришук. Львів : Львівський держ. ун-т внутрішніх справ, 2009. 112 с.

6. Денисова Т.А. Функции уголовного наказания : монографія. Харьков : Изд-во Нац. ун-та внутр. дел, 2004. 324 с.

7. Кримінальне право України. Загальна частина: навчальний посібник / В.М. Трубников та ін. ; за заг. ред. В.М. Трубникова. Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2015. 448 с. С. 260.

8. Кримінально-виконавче право України: Загальна та Особлива частини : навч. посібник / О.М. Джу́жа та ін. ; за заг. ред. О.М. Джу́жи. 2-е вид., перероб та допов. Київ : Юрінком Інтер, 2002. 448 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калашников Кирилл Юрьевич – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kalashnikov Kirill Yurevich – Postgraduate Student at the Department of Criminal Law Disciplines of Kharkiv National Pedagogical University

kirill.y.kalashnikov@gmail.com

УДК 347.919+347.941

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА

Роман КАШПЕРСКИЙ,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
Национальной академии внутренних дел

АННОТАЦИЯ

Научная статья посвящена выделению особенностей предмета доказывания по делам особого производства. На основании анализа научной литературы и гражданского процессуального законодательства Украины сформулировано понятие предмета доказывания по делам особого производства, а также выделены обстоятельства, которые его формируют. Установлено, что по делам особого производства предметом доказывания являются обстоятельства, подтверждающие заявленные требования и имеющие значение для охраны прав, свобод и интересов лица или создания условий осуществления им личных неимущественных или имущественных прав или подтверждения наличия или отсутствия неоспариваемых прав и которые подлежат установлению при принятии судебного решения.

Ключевые слова: особое производство, предмет доказывания, доказательства, основания освобождения от доказывания, представление доказательств.

SUBJECT OF PROOF IN SPECIAL PROCEEDINGS

Roman KASHPERSKIY,
Postgraduate Student at the Department of Civil Law and Process
of National Academy of Internal Affairs

SUMMARY

The scientific article is devoted to the allocation of features of the subject of proof in cases of special proceedings. Based on the analysis of scientific literature and civil procedural legislation of Ukraine, the concept of the subject of proof in cases of special proceedings is formulated, and the circumstances that form it are highlighted. It has been established that in cases of special proceedings the subject of proof is the circumstances confirming the stated requirements, which are important for protecting the rights, freedoms and interests of the person or creating conditions for exercising personal non-property or property rights or confirming the presence or absence of uncontested rights and are subject to court decision.

Key words: special proceedings, subject of proof, evidence, grounds for exemption from proof, presentation of evidence.

Постановка проблемы. Выполнение задач гражданского судопроизводства зависит от эффективности процессуальной деятельности, направленной на установление объективной истины по гражданскому делу, а именно от процесса доказывания.

Доказывание – это процессуальная деятельность суда и других субъектов гражданских процессуальных правоотношений, направленная на установление истины по конкретному гражданскому делу и решение спора между сторонами [1, с. 218].

В процессе доказывания основное внимание суда должно быть сосредоточено на установлении обстоятельств, формирующих предмет доказывания по делу.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости темы предмета доказывания в таком виде неискового гражданского судопроизводства, как особое производство.

Состояние исследования. Институт доказательств и доказывания неоднократно был предметом научных исследований ученых-процессуалистов. Соответствующую проблематику исследовали такие ученые, как: Ю.В. Белоусов, С.С. Бычкова, Л.Е. Гузь, В.В. Комаров, В.М. Кравчук, Л.А. Кондратьева, Г.А. Светличная, В.И. Тертишников, А.И. Угриновская, И.В. Удальцова, С.Я. Фурса, Ю.С. Червоний, А.В. Чурпита, М.И. Штефан, М.М. Ясинок и другие.

В то же время указанные ученые рассматривали в основном проблемы правового регулирования категории доказательств и доказывания в рамках искового производства, оставляя без внимания особенности указанного процессуального института в других видах гражданского судопроизводства. В частности, не исследовался учеными и предмет доказывания в делах особого производства.

Целью и задачей статьи является выделение особенностей предмета доказывания по делам особого производства.

Изложение основного материала. Согласно ч. 2 ст. 77 Гражданского процессуального кодекса Украины (далее – ГПК Украины) предметом доказывания являются обстоятельства, подтверждающие заявленные требования или возражения или которые имеют иное значение для рассмотрения дела и подлежат установлению при принятии судебного решения.

Как отмечается в юридической литературе, деятельность суда и участников гражданского процесса по установлению предмета доказывания по гражданскому делу имеет исключительное значение для выполнения задач гражданского судопроизводства, способствует направленности гражданского процесса, обеспечивает полноту исследования фактических обстоятельств дела [2, с. 123].

В юридической литературе предмет доказывания структурируют на следующие элементы:

1) юридические факты материально-правового характера, на которых

основываются требования и возражения сторон;

2) юридические факты процессуально-правового характера, на которые стороны ссылаются в своих требованиях и возражениях;

3) юридические факты, включенные в предмет доказывания по инициативе суда;

4) обстоятельства, которые не имеют юридического значения, но предложенные сторонами или судом для правильного разрешения дела [1, с. 223–224].

Установление границ предмета доказывания в большей степени является прерогативой суда, именно суд на разных этапах производства по гражданскому делу определяет факты, которые необходимо установить для разрешения спора, выясняет, какими доказательствами каждая сторона будет обосновывать свои доводы или возражения, оценивает достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности и тому подобное. Наряду с этим границы предмета доказывания определяются также участниками дела. Например, заявитель, составляя заявление, определяет его основание (юридические факты, которыми он обосновывает свои требования), очерчивая тем самым первоначальный круг фактов, которые в будущем будут составлять предмет доказывания по гражданскому делу. Далее предмет доказывания расширяется кругом юридических фактов, которые приводят другие заинтересованные лица, и тому подобное.

В то же время об окончательном установлении границ предмета доказывания можно говорить лишь при принятии судебного решения, когда собранными считаются все фактические данные, имеющие значение для разрешения дела. Их совокупность и составляет предмет доказывания по конкретному гражданскому делу.

Итак, какие обстоятельства формируют предмет доказывания по делам особого производства?

Согласно ч. 1 ст. 293 ГПК Украины особое производство – это вид неискового гражданского судопроизводства, в порядке которого рассматриваются гражданские дела о подтверждении наличия или отсутствия юридических фактов, имеющих значение для охраны прав, свобод и интересов лица или

создания условий осуществления им личных неимущественных или имущественных прав или подтверждения наличия или отсутствия неоспариваемых прав.

При рассмотрении дел особого производства суд обязан разъяснить участникам дела их права и обязанности, содействовать в осуществлении и охране гарантированных Конституцией и законами Украины прав, свобод или интересов физических или юридических лиц, принимать меры по всестороннему, полному и объективному выяснению обстоятельств дела (ч. 1 ст. 294 ГПК Украины).

Дела особого производства рассматриваются судом с соблюдением общих правил, установленных ГПК Украины, за исключением положений о состязательности и границах судебного разбирательства (ч. 3 ст. 294 ГПК Украины).

Исходя из приведенных правовых норм, можно утверждать, что по делам особого производства предмет доказывания формируют обстоятельства, подтверждающие заявленные требования и которые имеют значение для охраны прав, свобод и интересов лица или создания условий осуществления им личных неимущественных или имущественных прав или подтверждения наличия или отсутствия неоспариваемых прав и подлежащие установлению при принятии судебного решения.

При этом следует согласиться с А.В. Чурпитой в том, что по делам неискового гражданского судопроизводства с учетом их поименованного перечня предмет доказывания по каждому конкретному делу является таким, который четко регламентирован законом. Закон устанавливает, что в таких делах предмет доказывания состоит как из фактов процессуального характера, которые определены гражданским процессуальным законодательством (например, отсутствие спора о праве), так и из обстоятельств, которые регламентированы нормами материального права [3, с. 181].

Так, по делам особого производства обстоятельствами процессуального характера, которые формируют предмет доказывания, являются: а) отсутствие спора о праве; б) принадлежность требования субъекта обращения с соответствующим заявлением к таким требованиям, которые подле-

жат рассмотрению в порядке особого производства [3, с. 181].

Относительно обстоятельств, входящих в предмет доказывания, которые регламентированы нормами материального права, то в юридической литературе акцентируется внимание на особой сложности определения этой части предмета доказывания с расчетом на судебную конкретизацию закрепленных в законе обобщающих обстоятельств, с которыми связаны правовые последствия [4, с. 43].

Так, например, исходя из норм материального права в частности Семейного кодекса Украины (далее – СК Украины), можно утверждать, что по делам об установлении факта отцовства (материнства) обстоятельствами, которые формируют предмет доказывания и регламентированы нормами материального права, являются: факт отцовства (материнства); факт смерти мужчины, который не состоял в браке с матерью ребенка (факт смерти женщины, которая считала себя матерью ребенка); проведение записи об отце ребенка в Книге регистрации рождений по фамилии матери, а имя и отчества отца ребенка – по указанию матери; проведение записи о матери ребенка, родители которого неизвестны, по решению органа опеки и попечительства; цель, для которой заявителю необходимо установить данный факт.

С проблемой определения предмета доказывания по делам особого производства тесно связана проблема определения круга оснований освобождения от доказывания в таких делах. В соответствии со ст. 82 ГПК Украины основаниями освобождения от доказывания являются:

1) обстоятельства, которые признаются участниками дела. Такие обстоятельства не подлежат доказыванию, если суд не имеет обоснованного сомнения в достоверности этих обстоятельств или добровольности их признания. Обстоятельства, которые признаются участниками дела, указываются в заявлениях по сути дела, объяснениях участников дела, их представителей.

В то же время, как указано в ч. 2 ст. 82 ГПК Украины, участник дела, который признал обстоятельства, вправе отказаться от их признания. Отказ от признания обстоятельств при-

нимается судом, если лицо, которое отказывается, докажет, что оно признало эти обстоятельства вследствие заблуждения, имеющего существенное значение, обмана, насилия, угрозы или тяжелого обстоятельства, либо обстоятельство признано в результате злостного соглашения его представителя с другой стороной;

2) обстоятельства, признанные судом общеизвестными. Такие обстоятельства не требуют доказывания ввиду очевидности объективности их существования. Обычно общеизвестными являются юридические события (обстоятельства, наступление, изменение или прекращение которых не зависят от воли человека: авария на Чернобыльской АЭС, землетрясение, наводнение и т.д.);

3) обстоятельства, установленные решением суда в хозяйственном, гражданском или административном деле, вступившим в законную силу, при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица или лицо, в отношении которого установлены эти обстоятельства, если иное не установлено законом.

Так, например, установленный в порядке особого производства факт родственных отношений между физическими лицами является преюдициальным при рассмотрении дела о разделе наследства, в котором участвует лицо, в отношении которого установлено данный факт, но уже в другом материально-правовом статусе – наследника.

В то же время обстоятельства, установленные в отношении определенного лица решением суда в хозяйственном, гражданском или административном деле, вступившим в законную силу, не доказываются при рассмотрении другого дела, однако могут быть в общем порядке опровергнуты лицом, не принимавшим участия в деле, в котором такие обстоятельства были установлены;

4) обстоятельства, подтверждающие, что имели место действия (бездействие) лица, и совершены они данным лицом, установленные в приговоре суда в уголовном производстве, определении о закрытии уголовного производства и освобождении лица от уголовной ответственности или постановлении суда по делу об административном правонарушении, которые вступили в законную силу, если суд рассматри-

вает дело о правовых последствиях действий или бездействия лица, в отношении которого вынесен приговор, определение или постановление суда.

При этом, как указано в ч. 7 ст. 82 ГПК Украины, правовая оценка определенного факта, предоставленная судом при рассмотрении другого дела, не является обязательной для суда.

С проблемой определения предмета доказывания по делам особого производства тесно связана и проблема распределения обязанностей по доказыванию.

О распределении обязанностей по доказыванию в свое время Е.В. Васковский писал, что бремя доказывания – это технический термин, неравнозначный термину «обязанность доказывания»: такой обязанности не существует, ибо вообще у сторон нет процессуальных обязанностей – стороны вольны не совершать никаких процессуальных действий. Поскольку сторона, желающая выиграть дело, должна доказывать обстоятельства, на которых она основывает свои требования или возражения, то говорят, что на ней лежит «бремя доказывания» этих обстоятельств. Таким образом, под «бременем доказывания» следует понимать необходимость для этой стороны установить обстоятельства, неопределенность которых может повлечь невыгодные для нее последствия [5, с. 295].

Законодатель возлагает обязанность по доказыванию на заявителя и заинтересованных лиц. Так, согласно ч. 8 ст. 49, ч. 1 ст. 81 ГПК Украины заявитель и другие заинтересованные лица по делам особого производства обязаны доказать те обстоятельства, на которые они ссылаются как на основание своих требований или возражений, кроме случаев, установленных законом.

По поводу распределения обязанностей по доказыванию по делам особого производства ученые разделились на две группы: одна группа процессуалистов считает, что обязанность по доказыванию возлагается только на заявителя [6, с. 323], вторая – как на заявителя, так и на заинтересованных лиц [7, с. 427].

В соответствующем контексте мы разделяем последнюю позицию, исходя из следующих мотивов: обязанность по доказыванию прямо возло-

жена на заинтересованных лиц в силу ч. 8 ст. 49 ГПК Украины, согласно которой заявитель и заинтересованные лица по делам особого производства имеют права и обязанности сторон, за исключениями, установленными в разделе IV ГПК Украины. Одна из обязанностей сторон и других лиц, участвующих в деле, в соответствии с ч. 1 ст. 81 ГПК Украины – это доказывание тех обстоятельств, на которые они ссылаются как на основания своих требований или возражений. Кроме того, в правовой норме, которую содержит ч. 5 ст. 81 ГПК Украины, дополнительно регламентировано правило, согласно которому доказательства представляются сторонами и другими участниками дела. Исходя из изложенного, можно с уверенностью утверждать, что субъектами обязанности доказывания по делам особого производства является как заявитель, так и заинтересованные лица [3, с. 178].

Кроме того, не следует забывать, что в соответствии с ч. 2 ст. 294 ГПК Украины с целью выяснения обстоятельств дела в особом производстве суд может по собственной инициативе истребовать необходимые доказательства. Как справедливо отмечает Ю.В. Белоусов, дискреционное полномочие суда, по которому он проводит истребование доказательств «по собственной инициативе», следует понимать следующим образом: для того чтобы необходимые для разрешения дела доказательства были истребованы судом, нет необходимости подавать соответствующее ходатайство лицами, участвующих в деле. Это процессуальное действие суд делает на основании прямого указания закона. Также следует учитывать, что такое полномочие суда, определенное через право, следует связывать с общей обязанностью суда по делам особого производства всесторонне, полно и объективно выяснять обстоятельства дела [8, с. 540–541].

Следовательно, право на истребование доказательств по собственной инициативе суд должен применять тогда, когда это необходимо для всестороннего, полного и объективного выяснения обстоятельств дела. Однако это право не освобождает заявителя от обязанности представления доказательств, а только упро-

щает процесс доказывания, который, по сравнению с исковым производством, и так является упрощенным в связи с отсутствием ответчика по делу. Представление доказательств остается обязательным в случаях, определенных ГПК Украины для каждого вида дел особого производства. Например, в ст. 258 ГПК Украины установлено, что к заявлению об установлении фактов, имеющих юридическое значение, прилагаются доказательства, подтверждающие изложенные в заявлении обстоятельства, и справка о невозможности восстановления утраченных документов [9, с. 180–181].

Выводы. Исследование предмета доказывания по делам особого производства позволило нам сделать следующие выводы:

1) по делам особого производства предмет доказывания формируют обстоятельства, подтверждающие заявленные требования и которые имеют значение для охраны прав, свобод и интересов лица или создания условий осуществления им личных немущественных или имущественных прав или подтверждения наличия или отсутствия неоспариваемых прав и подлежащие установлению при принятии судебного решения;

2) по делам особого производства предмет доказывания состоит как из фактов процессуального характера, которые определены гражданским процессуальным законодательством (например, отсутствие спора о праве), так и обстоятельств, которые регламентированы нормами материального права;

3) субъектами обязанности доказывания по делам особого производства является как заявитель, так и заинтересованные лица;

4) право на истребование доказательств по собственной инициативе суд должен применять тогда, когда это необходимо для всестороннего, полного и объективного выяснения обстоятельств дела. Однако это право не освобождает заявителя от обязанности представления доказательств, а только упрощает процесс доказывания, который по сравнению с исковым производством и так является упрощенным в связи с отсутствием ответчика по делу.

Список использованной литературы:

1. Цивільне процесуальне право України : підруч. для студ. вищ. навч. закл. / Бичкова С.С. та ін. ; за заг. ред. С.С. Бичкової. Київ : Атіка, 2009. 760 с.

2. Цивільне процесуальне право України : навч. посіб. / Бичкова С.С. та ін. ; за заг. ред. С.С. Бичкової. [2-ге вид., допов. і переробл.]. Київ : Атіка, 2007. 404 с.

3. Чурпіта Г.В. Захист сімейних прав та інтересів у порядку неспортивного цивільного судочинства : монографія. Київ : Алерта, 2016. 488 с.

4. Іванчулинець Д.В. Структура предмету доказування в цивільному судочинстві. *Адвокат*. 2014. № 9. С. 41–44.

5. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васьковский ; с предисл. и под ред. В.А. Томсинова. Москва : Зерцало, 2003. 464 с.

6. Гражданский процессуальный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий / Беленчук И.А. и др. ; отв. ред. И.П. Кононенко, А.М. Фельдман. Киев : Изд-во полит. лит. Украины, 1979. 608 с.

7. Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе : учеб.-практ. пособие для магистр. Москва : Изд-во Юрайт, 2014. 527 с.

8. Цивільний процесуальний кодекс України : Науково-практичний коментар / Бичкова С.С. та ін. ; за заг. ред. С.С. Бичкової. [2-ге вид., допов. і переробл.]. Київ : Атіка, 2010. 896 с.

9. Дузінкевич Т.І. Повноваження суду першої інстанції цивільної юрисдикції : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Івано-Франківськ, 2015. 279 арк.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кашперский Роман Викторович – аспирант кафедры гражданского права и процесса Национальной академии внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kashpersky Roman Viktorovich – Postgraduate Student at the Department of Civil Law and Process of National Academy of Internal Affairs

anna828283@gmail.com

УДК 343.31

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

Александр КИЯШКО,
аспирант кафедры отраслевого права
Херсонского государственного университета

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются проблемы определения национальной безопасности как объекта уголовно-правовой охраны. Делается вывод о необходимости совершенствования такого определения в связи с принятием нового Закона Украины «О национальной безопасности». Это требует нового научного толкования этой юридической конструкции как для раздела I Особенной части Уголовного кодекса Украины в целом, так и для отдельных преступлений этого раздела. Предлагается родовым объектом этих преступлений считать систему общественных отношений, обеспечивающих защиту жизненно важных интересов человека, общества и государства, реализация которых гарантирует государственный суверенитет Украины, ее прогрессивное демократическое развитие, а также безопасность жизнедеятельности и благосостояния ее граждан от реальных и потенциальных угроз военного или невоенного характера, которые могут сделать невозможным или затруднить реализацию национальных интересов и сохранения национальных ценностей Украины.

Ключевые слова: уголовное право, национальная безопасность, объект уголовно-правовой охраны, родовый объект.

NATIONAL SAFETY AS AN OBJECT OF CRIMINAL LEGAL PROTECTION UNDER THE LEGISLATION OF UKRAINE

Aleksandr KIYASHKO,
Postgraduate Student at the Department of Branch Law
of Kherson State University

SUMMARY

The article analyzes the problems of determining national security as an object of crime. The conclusion is made about the need to improve this definition in connection with the adoption of the new Law of Ukraine "On National Security". This requires a new scientific interpretation of this legal structure for section I of the Special Part of the Criminal Code of Ukraine as a whole, and for individual crimes of this section. It is proposed to consider as a generic object of these crimes a system of social relations ensuring the protection of vital interests of a person, society and the state, the realization of which guarantees the state sovereignty of Ukraine, its progressive democratic development, as well as the safety of life and the welfare of its citizens from real and potential threats of a military or non-military nature that may make it impossible or difficult to realize national interests and preserve national values Ukraine.

Key words: criminal law, national security, object of criminal law protection, generic object.

Постановка проблемы. Так сложилось, что в настоящее время наукой уголовного права произведено много различных концепций объекта преступления. В основном это связано с тем, что все концепции объекта преступления выходят из единой предпосылки, согласно которой объектом преступления является то, чему причиняется вред при совершении преступления [1, с. 146]. Поэтому наука уголовного права вынуждена уже давно констатировать, что вопрос об объекте преступления является проблемой философской [2, с. 188]. И именно философская подоплека не позволяет надеяться на скорое решение вопроса, что же такое этот самый объект преступления.

Актуальность темы исследования. Очевидно, что одной лишь

констатации того, что объектом преступления является то, на что посягает преступление, недостаточно для достижения определенности по данному вопросу, хотя такая позиция лежит в основе многих концепций объекта преступления.

Состояние исследования. Проблемы, связанные с исследованием национальной безопасности как объекта уголовно-правовой охраны, в свое время были предметом исследования таких ученых, как В. Ф. Антипенко, М. И. Бажанов, А. Ф. Бантышев, В. А. Глушков, В. Я. Горбачевский, В. П. Емельянов, В. А. Липкан, М. И. Мельник, В. А. Навроцкий, А. С. Сотула, В. П. Филонов, Н. И. Хавронюк, О. А. Чуваков и др. К сожалению, в современных условиях постро-

ения правового государства эта проблематика приобретает особое значение, поэтому ее научная разработка не теряет своей актуальности.

Целью и задачей статьи является раскрытие проблемы определения национальной безопасности как объекта уголовно-правовой охраны с учетом современных достижений уголовно-правовой науки.

Изложение основного материала. В свое время профессор А. Ф. Бантышев заявил, что общественная опасность преступлений против основ национальной безопасности Украины, заключается, прежде всего, в создании, формировании негативных, вредных, общественно опасных связей и отношений, при наличии и в условиях которых становится возможным при-

чинение вреда правоохранительным благам [3, с. 133]. Однако перед тем как перейти к анализу содержания родового объекта для преступления, предусмотренных разделом I Особенной части УК Украины, надо отметить, что произошли определенные изменения в определении самого понятия «национальная безопасность» в связи с принятием Верховной Радой Украины 21 июня 2018 г. нового Закона Украины «О национальной безопасности Украины» [4], который пришел на смену Закону Украины «Об основах национальной безопасности Украины» от 19 июня 2003 г. [5].

На протяжении всего времени существования этого Закона Украины и соответствующего раздела «Преступления против основ национальной безопасности» в Особенной части УК Украины теоретиками и практиками уголовного права предпринимались попытки дать надлежащую характеристику этому правовому институту.

Очевидно, что учеными таким родовым объектом определялись те институты, которые занимали соответствующее место в структуре Закона Украины от 19 июня 2003 г. Это национальная безопасность [6, с. 53], государственная безопасность Украины [7, с. 45], безопасность государства в различных ее сферах [8, с. 9], национальные интересы как жизненно важные материальные, интеллектуальные и духовные ценности украинского народа [9, с. 250] и т. п. Существует также мнение о тождественности понятий «национальная безопасность» и «государственная безопасность» [10, с. 25], что, в свою очередь, требует выяснения содержания этих понятий, а также определения их соотношения между собой.

Научное толкование юридической конструкции «национальная безопасность Украины» предусматривает, прежде всего, раскрытие содержания понятия «безопасность», которое рассматривается через призму обеспечения защищенности ее объекта от опасностей, создание для государства, человека и общества благоприятных условий жизнедеятельности и развития [11, с. 14].

Согласно предыдущему Закону Украины «Об основах национальной безопасности Украины» от 19 июня

2003 г., национальная безопасность определялась очень пространно: «защищенность жизненно важных интересов человека и гражданина, общества и государства, при которой обеспечиваются устойчивое развитие общества, своевременное выявление, предотвращение и нейтрализация реальных и потенциальных угроз национальным интересам в сферах правоохранительной деятельности, борьбы с коррупцией, пограничной деятельности и обороны, миграционной политики, здравоохранения, охраны детства, образования и науки, научно-технической и инновационной политики, культурного развития населения, обеспечения свободы слова и информационной безопасности, кибербезопасности и киберзащиты, социальной политики и пенсионного обеспечения, жилищно-коммунального хозяйства, рынка финансовых услуг, защиты прав собственности, фондовых рынков и оборота ценных бумаг, налогово-бюджетной и таможенной политики, торговли и предпринимательской деятельности, рынка банковских услуг, инвестиционной политики, ревизионной деятельности, монетарной и валютной политики, защиты информации, лицензирования, промышленности и сельского хозяйства, транспорта и связи, информационных технологий, энергетики и энергосбережения, функционирования естественных монополий, использования недр, земельных и водных ресурсов, полезных ископаемых, защиты экологии и окружающей среды и других сферах государственного управления при возникновении негативных тенденций к созданию потенциальных или реальных угроз национальным интересам» (ч. 1 ст. 1 Закона) [5]. В новом Законе Украины «О национальной безопасности Украины» законодатель ограничился более сжатой формулировкой: «Национальная безопасность Украины – защищенность государственного суверенитета, территориальной целостности, демократического конституционного строя и других национальных интересов Украины от реальных и потенциальных угроз» (п. 9 ч. 1 ст. 1 Закона) [4].

Предыдущая дефиниция представляла возможность ученым-юристам выделить следующие основные виды безопасности, которые в сово-

купности образуют национальную безопасность: безопасность личности, безопасность общества, безопасность государства, а также внешнеполитическая, внутривнутриполитическая, военная, экономическая, социальная, информационную безопасность, безопасность государственной границы Украины и другие виды безопасности [12, с. 91]. Из этого был сделан вывод о нетождественности понятия национальной безопасности и безопасности государства, поскольку последняя рассматривалась как вид, в частности ст. 7 Закона Украины «Об основах национальной безопасности Украины» отмечалось, что одной из основных реальных и потенциальных угроз национальной безопасности Украины, а также ее стабильности, является вмешательство в сферу государственной безопасности [5]. Анализ положений этого Закона дал возможность ученым утверждать, что к основам национальной безопасности Украины необходимо относить: объекты национальной безопасности (человек, общество и государство), приоритеты национальных интересов (гарантирование конституционных прав и свобод человека и гражданина, защита государственного суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности государственных границ, недопущение вмешательства во внутренние дела Украины, укрепление политической и социальной стабильности в обществе и т.п.), основные направления государственной политики по вопросам национальной безопасности. То есть направления основ национальной безопасности касались политической, военной, экономической, социальной, экологической, научно-технологической и информационной сфер. Соответственно, родовый объект рассматриваемого состава преступления характеризовался сложной, комплексной структурой и включал в себя общественные отношения по охране основ национальной безопасности Украины, обеспечивающих существование Украины как суверенного, независимого, демократического, социального и правового государства [13, с. 23].

В новом Законе Украины «О национальной безопасности Украины» государственная безопасность получила отдельное определение как «защищен-

ность государственного суверенитета, территориальной целостности и демократического конституционного строя и других жизненно важных национальных интересов от реальных и потенциальных угроз невоенного характера» (п. 4 ч. Ст. 1 Закона) [4]. То есть государственная безопасность отличается от национальной только одной фразой «невоенного характера», более того, п. 2 ч. 1 ст. 1 Закона содержит определение военной безопасности как защищенности «государственного суверенитета, территориальной целостности и демократического конституционного строя и других жизненно важных национальных интересов от военных угроз» [4]. Это позволяет сделать вывод, что безопасность является понятием более широким, чем безопасность государственная и военная, и является защищенностью от угроз, определенных в Законе, как военного, так и невоенного характера.

Дело в том, что категория «национальная безопасность» относится учеными к сложным, междисциплинарным [14, с. 108], используемым в достаточно широком круге наук – юридических, экономических, математических, военных, политологии, теории международных отношений, конфликтологии, специальных оперативных дисциплин [14, с. 84].

Исследователь преступлений против основ национальной безопасности О. А. Чуваков отмечает, что, с одной стороны, национальная безопасность – понятие конкретно-историческое, и, следовательно, оно подвергается трансформации в зависимости от общественно-политических, экономических и других условий, которые сложились на определенном этапе развития государства. С другой стороны, на содержание этого понятия влияют национально-государственные интересы страны, общая национальная идея [15, с. 40].

При этом даже в специальной уголовно-правовой литературе нет единства относительно определения понятия национальной безопасности. Так, национальная безопасность, по мнению исследователя Л. И. Ильчука, является обобщенным критерием, характеризующим способность государства сохранить территориальную целостность, суверенно решать поли-

тические, экономические и другие вопросы и выступать как самостоятельный субъект системы межгосударственных отношений [16, с. 54–55]. Однако существует точка зрения, что национальную безопасность следует рассматривать как степень защищенности интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, а также как показатель способности общества и государства сдерживать или устранять внутренние и внешние угрозы национальному суверенитету, территориальной целостности, социальному строю, экономическому развитию [17, с. 26], и такая позиция является более приемлемой с точки зрения нового Закона Украины «О национальной безопасности Украины» [4]. Кроме того, автор указывает на такую юридическую конструкцию, как «внутренние и внешние угрозы», что, безусловно, охватывает широкий круг всех реальных и потенциальных угроз национальной безопасности Украины [12, с. 91].

Одну из самых развернутых характеристик национальной безопасности в своей монографии представил исследователь О. А. Чуваков, который считает, что «национальная безопасность – это конкретно-историческая категория, которая видоизменяется в зависимости от существующих социально-политических, экономических, духовно-идеологических и других условий. Поэтому формирование содержания данного понятия находится в тесной зависимости от национально-государственных интересов страны, общей национальной идеи, существующей в обществе. С учетом данного обстоятельства, положений действующего законодательства, а также исследованных теоретических положений о природе «национальной безопасности», можно сделать вывод о том, что безопасность Украины – это состояние защищенности жизненно важных интересов человека и гражданина, общества и государства от внутренних и внешних угроз, благодаря чему обеспечивается устойчивое развитие общества, своевременное выявление, предотвращение и нейтрализация реальных и потенциальных угроз национальным интересам» [18, с. 332].

На многоаспектность национальной безопасности также указывает

исследовательница С. Д. Чуйко, однако при этом подчеркивает динамичность этого правового института: это «динамический политико-правовой режим, целью которого является состояние безопасности национальных интересов от различного рода угроз, что достигается благодаря целенаправленной деятельности органов государственной власти и институтов гражданского общества в целях обеспечения прав человека и основных свобод, их прогрессивного развития и стабильности конституционного строя» [20, с. 139]. Ученый доказывает, что ввиду того, что жизнь общества и государства разворачивается в разных сферах, «национальную безопасность нужно рассматривать как совокупность взаимосвязанных составляющих, разнородных по функциональным сферам, которые прямо закреплены в первом разделе Конституции Украины. Среди них экологическая (ст. 16), экономическая (ч. 1 ст. 17), информационная (ч. 1 ст. 17) и государственная безопасность (ч. 3 ст. 17) [21]. Также обращается внимание на то, что составляющие структуры национальной безопасности по функциональному признаку имеют свою специфику. Вследствие воздействия различных факторов, в зависимости от конкретных исторических обстоятельств та или иная составляющая может принимать приоритетное значение. Каждая из них может достаточно ярко проявляться в сфере действия другой, усиливая или ослабляя ее влияние, но имеет свои особенности, которые иногда требуют только ей присущих мер реагирования» [20, с. 137].

Выводы. Таким образом, сложность изучаемого явления и ограниченность исследовательских методов, по мнению ученых, могут спровоцировать упрощенный подход к выяснению содержания понятия национальной безопасности и породить ложные выводы из анализа законодательной дефиниции – в соответствии с определением понятия «безопасность» термин «национальная безопасность» включает в себя равноправными составляющими термины «государственная безопасность», «общественная безопасность» и «безопасность личности», поэтому, не возражая в целом против представленных определений, предложенных учеными-правоведами, считаем, что с уче-

том положений нового Закона Украины «О национальной безопасности Украины» и собственной позиции возможно применение такого определения родового объекта преступлений, предусмотренных разделом I Особенной части УК Украины «Преступления против основ национальной безопасности Украины»: родовым объектом этих преступлений является система общественных отношений, обеспечивающих защиту жизненно важных интересов человека, общества и государства, реализация которых гарантирует государственный суверенитет Украины, ее прогрессивное демократическое развитие, а также безопасность жизнедеятельности и благосостояния ее граждан от реальных и потенциальных угроз военного или невоенного характера, которые могут сделать невозможным или затруднить реализацию национальных интересов и сохранения национальных ценностей Украины. В соответствии с положениями Закона Украины «О национальной безопасности Украины» и нашей позицией по определению родового объекта, предлагаем изменить название раздела I Особенной части УК Украины и изложить его в следующей редакции: «Преступления против национальной безопасности Украины».

Список использованной литературы:

1. Дудоров О. О., Хавронюк М. І. Кримінальне право : навчальний посібник. Київ : Ваіге, 2014. 944 с.
2. Шаргородский М. Д., Алексеев Н. С. Актуальные вопросы советского уголовного права. *Ученые записки (Ленингр. гос. ун-т). Серия юрид. наук.* 1954. Вып. 5. С. 188–189.
3. Бантишев О. Ф., Шамара О. В. Кримінальна відповідальність за злочини проти основ національної безпеки України (проблеми кваліфікації) : монографія. Вид. 3-е. перероб. та доп. Київ : 2014. 198 с.
4. Про національну безпеку України : Закон України від 21 червня 2018 р. № 2469-VIII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/card/2469-19> (дата звернення: 07.03.2019).
5. Про основи національної безпеки України : Закон України від 19 червня 2003 р. № 964-IV. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/964-15> (дата звернення: 07.03.2019).
6. Кримінальне право. Особлива частина : підруч. для студ. вищ. навч. закл. : у 2-х т. / Беніцький А. С. та ін. ; за ред. О. О. Дудорова, Є. О. Письменного. Луганськ : Видавництво «Елтон-2», 2012. Т. 1. 780 с.
7. Скулиш Є. Д. Проблеми створення системи кримінально-правової охорони державної безпеки. *Основні напрями розвитку кримінального права та шляхи вдосконалення законодавства України про кримінальну відповідальність* : матеріали Міжнар. наук.-практ. конф., Харків, 11–12 жовт. 2012 р. Харків : Право, 2012. С. 41–46.
8. Кримінальне право України: Особлива частина: підручник / Бабий А. П. та ін. ; за заг. ред. Є. Л. Стрельцова. Харків : Одиссей, 2009. 496 с.
9. Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України / Андрушко П. П. та ін. ; за ред. П. П. Андрушка, В. Г. Гончаренка, Є. В. Фесенка. Вид. 2-ге., переробл. та доповн. Київ : Дакор, 2008. 1427 с.
10. Климчук О. О. Кримінальна відповідальність за диверсію по законодавству України : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Національна академія Служби безпеки України. Київ, 2003. 269 с.
11. Качинський А. Б. Безпека, загрози і ризик: наукові концепції та математичні методи. Київ : Ін-т проблем нац. безпеки, 2004. 470 с.
12. Кончук Н. С. Об'єкт складу злочину «Державна зрада» *Європейські перспективи*. 2015. Вип. 4. С. 89–95.
13. Кримінальне право України: Особлива частина : підручник / Ю. В. Баулін та ін. ; за ред. В. В. Сташиса, В. Я. Тація. Вид. 4-те, переробл. і допов. Харків : Право, 2010. 608 с.
14. Ситник Г. П. Державне управління у сфері забезпечення національної безпеки України: Теорія і практика : автореф. дис. ... д-ра наук з держ. упр. : 25.00.01. Київ, 2004. 40 с.
15. Новицький Г. В. Теоретико-правові основи забезпечення національної безпеки України : монографія. Київ : Інтертехнологія, 2008. 496 с.
16. Чуваков О. А. Національна безпека як об'єкт кримінально-правової охорони. *Актуальні проблеми кримінального права, процесу та криміналістики* : матеріали VI Всеукр. наук.-практ. конф., Одеса, 18 грудн. 2015 р. Одеса : Фенікс, 2015. С. 39–43.
17. Ільчук Л. Місце і роль воєнної безпеки в системі національної безпеки: політологічний аспект. *Нова політика*. 1998. № 3. С. 54–55.
18. Дзьобань О.П. Національна безпека України: концептуальні засади та світоглядний сенс. Харків : Майдан, 2007. 284 с.
19. Чуваков О. А. Злочини проти основ національної безпеки України: проблеми кримінально-правової теорії і практики : монографія / відп. ред. О. М. Костенко. Одеса : Фенікс, 2017. 362 с.
20. Чуйко З. Д. Питання конституційних засад національної безпеки в Україні. *Вісник Акад. правових наук України*. 2008. № 3 (54). С. 137–139.
21. Конституція України : Закон України від 28 червня 1996 р. № 254к/96-ВР. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80> (дата звернення: 07.03.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Княшко Александр Александрович – аспирант кафедры отраслевого права Херсонского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kiyashko Aleksandr Aleksandrovich – Postgraduate Student at the Department of Branch Law of Kherson State University

advokatkiyashko52@gmail.com

UDC 343.9.01

WAYS TO IMPROVE POLICY ACTIVITY ROLES: ROLE AND PLACE OF CRIMINOLOGICAL PROVISION

Andrii KOVALENKO,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Doctoral Student
of National Academy of Internal Affairs

SUMMARY

The article attempts to find the role and place of criminological support in the processes of improving the directions of police activity. Possible approaches to the understanding of the notion of police activity were explored, as well as the variability of the concept of criminological support was studied. Based on the analysis of the proposed thoughts of theoretical scholars, by studying their various works, the author established a close relationship between these phenomena, but at the same time, a number of arguments have been formed regarding the role and place of criminological support in the processes of improving police activity as one of the most important processes. in general, and the improvement of individual actors involved in police activity in particular.

Key words: security, criminological support, police activity, concept, essence, public security, public order.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИЦИИ И ДРУГИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Андрей КОВАЛЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент, докторант
Национальной академии внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка поиска роли и места криминологического обеспечения в процессах совершенствования направлений полицейской деятельности. Исследованы возможные подходы к пониманию понятия полицейской деятельности, а также изучена вариативность понятия криминологического обеспечения. На основании анализа предложенных мнений ученых-теоретиков, исследовав их разнообразные труды, автор установил тесную взаимосвязь указанных явлений, а вместе с тем сформировал ряд аргументов о роли и места криминологического обеспечения в процессах совершенствования полицейской деятельности как одного из важнейших процессов в целом и совершенствования отдельных субъектов, осуществляющих полицейскую деятельность в частности.

Ключевые слова: обеспечение, криминологическое обеспечение, полицейская деятельность, сущность, совершенствования.

Relevance of the subject. Police activity in the conditions of statehood is obliged to respond effectively to the modern challenges of not only the criminal world, but also the phenomena of deviant behavior, low level of legal culture of the population and other factors that can endanger the security in a civilized and democratic state.

The legal Ukraine of the present day has a rapidly growing law enforcement system, since the bodies that carry out police activities are constantly in the process of self-improvement.

Nevertheless, despite these processes resulting from self-examination, it is worth paying attention to the role and place of the functioning of auxiliary institutions that create new directions for the improvement of police activity.

Formulation of the problem. That is why the study of the role and place of criminological support for the direction of police activity in the context

of its improvement in Ukraine is one of the most urgent topics for today's scientific research.

The state of the subject research. The relevant category has repeatedly become the subject of scientific research, both domestic and foreign lawyers, among them: V. Beschastny, M. Voluisk, V. Golina, J. Gorinetsky, I. Danshin, A. Zakalyuk, Y. Kogut, O. Kobzar, M. Loshitsky, M. Moskalenko, V. Popovich, V. Shadrin, S. Yakimova, and many others.

The objectives and objectives of this study are an attempt to study the role and place of criminological provision of police activities in the context of its improvement in Ukraine. The goal was to determine the necessity of solving a number of research tasks, among which, in particular: analysis of approaches to understanding the concept of criminological provision of police activity, generalization of the developed scientific tendency to the interpretation of the rele-

vant category, an attempt to present their own views on its understanding; studying the role and place of criminological support for the direction of police activity in the context of its improvement in Ukraine.

Presentation of the main research material. Modern legal science has a significant resource in the interpretation of concepts and terms, not each of which is treated scientist equally, and more often the breadth of interpretation reaches dozens and hundreds of approaches.

Approaches to understanding the concept of police activities vary depending on the subject of their interpretation. Y. Kohut and M. Loshitsky argue that police activity is a type of law enforcement activity of state-authorized public administration actors aimed at establishing and maintaining law and order, as well as existing benefits, personal and property rights with the possibility of applying administrative coercion measures in accordance with the law cases [1, c. 82].

There is an opposite, narrower position, the author of which is J. Gorinetsky. In his opinion, the essence of police activity is to detect and investigate crimes, to prosecute [2, c. 45].

However, such an approach still needs to be finalized, as national and international jurisprudence has already proved that the police are any protective activity associated with the protection of existing goods, personal and property rights.

As an argument, you can bring one of the most recent and authoritative positions. So O. Kobzar, who determines that police activities are aimed at satisfying the needs of society, which consist in observance of the legality and legal protection of social relations. And also this kind of state activity complements other spheres of state influence. This is due to the fact that the police arose within the framework of the functioning of the state as a social organization of people, where all spheres of life are provided by public authorities acting on behalf and in the interests of society and exercising their influence on the legal regulation of social relations [3].

K. Belsky, M. Moskalenko and V. Shadrin define the police activity as a specific form of the implementation of the police function of the state, which implies the targeted influence of the relevant state institutions (bodies) on social relations or the special type of social, state-management activities carried out on the basis of the law and in the interests of society, aimed at protecting and maintaining public order, providing public safety with coercive measures [4, p. 112; 5].

That is, the police activity is authorized by the state and regulated by law state-management activity of specially authorized actors of state power (and sometimes a number of public organizations), aimed at the protection of public order, the provision of public (or any other) security through the exercise of certain powers.

Along with the mentioned concept, the author focuses on the study of the term «criminological support» and the establishment of its interconnection with police activities in general.

Views on the interpretation of the concept of criminological support have not found their single reflection in the writings of scientists, but after analyzing the existing pluralism of thoughts, one can distin-

guish between positive and negative features in the proposed definitions and form their own author's vision.

Criminological support (provision) of operative-search activity as a constrained and specific form of police activity is a complex use of criminological means in order to improve the implementation of the tasks of operational-search activity. Preferably, such criminological tools can be used to improve information and analytical support for detecting, disclosing and preventing crimes [6].

Along with this, A. Zakalyuk considered the expediency of using criminological means of providing through the prism of the stages of the management process. In this connection, in particular, such criminological means as criminological recommendations and conclusions, criminological analysis of the collected information, criminological forecasting and planning, criminological strategy, concept, criminological measures [7] were emphasized.

The structure of criminological support in the dissertation research B. Beshtynina is considered as an integrated separate theory in the structure of the general theory of counteraction to crime. The criminological support consists of the following parts: 1) provision of criminological preventive measures: a) prevention prevention; b) prevention of the restriction; c) prevention of elimination; d) provision of protection prevention; 2) ensuring the prevention of crimes; 3) ensuring the cessation of crime [8].

It should be noted that crime prevention is a system of actions against anti-social phenomena in order to strengthen the trend and reduce the level and extent of crime and neutralize its roots. Crime prevention is seen as a socio-legal process that reduces, restricts, eliminates the phenomena generated by crime, it is provided by the whole set of measures carried out by state bodies and public groups aimed at improving social relations [9].

Derived from the above, there are processes of advance, limitation, elimination and protection which are also not homogeneous in their value, but in the context of the accented topic of research act as tools of the process of criminological support for police activities.

However, we note that the above interpretation of criminological prophylaxis is mutually associated with the publicly rec-

ognized interpretation of police activity as a process that reduces, restricts, eliminates the phenomena generated by crime – that is, creates a safe atmosphere for the functioning of society, and is implemented not only in «the investigation of crimes by the police» as well as in the functioning of other state bodies and public groups.

Also, the elements of criminological support are also referred to as ensuring prevention (prevention) of crime – a set of various activities and activities in the state, aimed at improving social relations in order to eliminate the negative phenomena and processes that generate or contribute to crime, and prevent the commission crimes at different stages of crime behavior [10].

It is noteworthy that the processes are related to the preventive police function, that is, the improvement of public relations through the development of state strategies or the prevention of the commission of crimes due to received operational information, or data from predicted analysts are closely related to the criminological provision of police activities.

Thus, criminological assurance of police activity is a strategic, conceptual activity to ensure prevention, prevention, restriction, elimination of crime, protection against it, prevention and elimination of crimes, etc., due to the analysis of the collected information, the use of criminological forecasting and planning.

It is in this context that the specificity of criminological support for police activities is to use existing methods of criminology sciences to provide police authorities with information about perpetrators or those that are planned crimes.

V. Popovich notes that no science in the criminal-legal cycle of sciences can within its subject make an appropriate comprehensive summary of these problems, and accordingly cannot offer comprehensive criminal-legal, criminal-procedural, forensic and other criminal-prognostic approaches to solving. Concerning these problems. That is, without the criminological generalization of these problems, preventive reaction to the criminal-legal cycle of sciences on the modern, extremely socially dangerous criminal processes [11] is impossible.

Relying on this approach can objectively determine the role and place of criminological support in the processes of improving police activity. Any police

activity relies first and foremost on normative acts that classify acts of violation, misconduct, offense (administrative or criminal), etc., and without the improvement of the corresponding direction, the objective ground for the execution of the police disappears activities by the relevant actors.

Conclusion. So, after analyzing the approaches to understanding the concept of criminological provision of police activity, summarizing the developed scientific tendency to the interpretation of the relevant category, investigating the role and place of criminological support for the directions of police activity in the context of its improvement in Ukraine, should argue the following conclusions:

1. Police activities are authorized by the state and regulated by law state-management activities of specially authorized actors of state power (and sometimes a number of public organizations), aimed at protecting public order, ensuring public (and any other) security through the exercise of certain powers .

2. Criminological provision of police activity – there is a strategic, conceptual activity to ensure prevention, prevention, restriction, elimination of crime, protection against it, prevention and elimination of crimes, etc., through the analysis of collected information, use of criminological forecasting and planning.

3. The role of criminological support in the context of improving the direction of police activity is noted by many scholars and plays an important role in the system of factors that influence the development of the structure of police authorities and the mechanisms for their functioning. First of all, the generalization and systematization of the factors of commission of unlawful acts, their criminological analysis allows to improve the activity of police authorities in the light of real problems of the present, and a comprehensive analysis allows to prevent a significant number of offenses. Such processes will effectively influence the rapid development of the structure of bodies that carry out police activities and their functioning in general.

References:

1. Когут Я. М. Щодо поняття адміністративно поліцейської діяльності. *Митна справа*. 2013. № 5 (2.2).

С. 321–326; Лошицький М. В. Теоретико-правові засади адміністративно-поліцейської діяльності держави : монографія. Київ : МП «Леся», 2013. 370 с.

2. Горінецький Й. І. Правоохоронна функція держав Центральної Європи: теоретичні і практичні аспекти : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 «Теорія та історія держави і права; історія політичних і правових учень» ; Нац. акад. внутр. справ України. Київ, 2005. 203 с.

3. Кобзар О. Ф. Поліцейська діяльність в Україні: адміністративно-правовий аспект : монографія. Харків ; Дніпропетровськ : Панов, 2015. 316 с.

4. Шадрин В. М. Полицейская деятельность как объект исследования (историко-правовой аспект). *Вестник Челябинского государственного университета*. 2003. № 1. Том 9. С. 111–117.

5. Москаленко М. М. Концепция «полицейского права» как идейно-теоретическое основание организации и деятельности полиции дореволюционной России (историко-теоретический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.01 «Теория и история права и государства ; История правовых учений». СанктПетербург, 2004. 22 с.

6. Якимова С. В. Кримінологічне забезпечення оперативно-розшукової діяльності. *Вісник Національного університету «Львівська політехніка»*. Серія: *Юридичні науки* : збірник наукових праць. 2016. № 850. С. 563–569. Бібліографія: 8 назв.

7. Закалюк А. П. Курс сучасної української кримінології: теорія і практика : у 3 кн. Київ : Ін Юре, 2007. Кн. 3. Практична кримінологія. С. 287–294.

8. Бесчастний В. М. Теорія та практика кримінологічного забезпечення протидії злочинності в Україні : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 ; МВС України, Харк. нац. ун-т внутр. справ. Харків, 2018. 34 с.

9. Профілактика злочинів : Підручник / О. М. Джу́жа, В. В. Василевич, О. Ф. Гіда та ін.; За заг.ред. докт. юрид. наук, проф. О. М. Джу́жи. Київ : Атіка, 2011. 720 с.

10. Кримінологія: Загальна та Особлива частини : підручник / І. М. Даньшин, В. В. Голіна, М. Ю. Валуйська та ін.; за заг. ред. В. В. Голіни. 2-ге вид. перероб. і доп. Харків : Право, 2009. 288 с.

11. Попович В.М.,. Методологічне значення кримінології для розвитку запобіжного потенціалу кримінально-правового циклу наук. *Вісник Академії адвокатури України*. 2009. Число 2(15). С. 70–78.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kovalenko Andrey Vasilyevich – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Doctoral Student of National Academy of Internal Affairs

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коваленко Андрей Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, докторант Национальной академии внутренних дел

УДК 340.12

ПСИХОЛИНГВОПРАВОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В СУДЕБНОЙ КОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ирина КОЗАК,

аспирант Львовского государственного университета внутренних дел,
судья Хозяйственного суда Львовской области

АННОТАЦИЯ

В статье сделана попытка определить правовое или противоправное содержание судебного процесса, который отнесен к конфликтной коммуникации. Изучены правовая природа, причины ее возникновения, составные части и пути совершенствования коммуникации в сфере права и правоотношений. Указаны проблемные аспекты вербального и невербального коммуницирования, а также необходимость формирования социолингвоправовой нормативной компетентности судьи с целью обеспечения функционирования на практике принципов справедливости и верховенства права.

Введено в научное функционирование понятие философско-правовой квалификации сквозь гносеологическую, онтологическую, антропологическую, аксиологическую и праксиологическую составляющие, которые служат инструментом оценки уровня конфликтной коммуникации судьи.

Ключевые слова: конфликт, коммуникация, судебный процесс, правовые отношения, справедливость, верховенство права, гносеологические составные, онтологическая часть, антропологический маркер, аксиологическая оценка, праксиологическая составляющая.

PSYCHOLOGICAL, LINGUISTIC AND LEGAL COMPONENT IN JUDICIAL CONFLICT COMMUNICATION

Irina KOZAK,

Postgraduate student of the Lviv State University of Internal Affairs,
Judge of the Economic Court Lviv region

SUMMARY

In this article, the authors attempt to determine the legal or illegal content of the judicial process, which is attributed to the conflict communication. The legal nature, the causes of its origin, the components and ways of improving communication in the field of law and legal relations have been here studied. The problem aspects of verbal and non-verbal communication are indicated, as well as the need for the formation of the socio-linguistic normative competence of the judge with the aim of ensuring the functioning of the principles of justice and the rule of law in practice.

The notion of philosophical and legal qualification through gnoseological, ontological, anthropological, axiological and praxiological components, which serve as a tool for assessing the level of conflict communication by a judge, has been introduced into scientific functioning.

Key words: conflict, communication, litigation, legal relations, justice, rule of law, epistemological constituents, ontological part, anthropological marker, axiological evaluation, praxiological component.

Постановка проблемы. Ст. 124 Конституции Украины акцентирует внимание на праве граждан на справедливый суд, на доступ к правосудию. Именно в плоскости этой конституционной нормы становится визуализированным наличие или отсутствие в государстве верховенства права, способность граждан чувствовать и осмысливать свою защищенность и безопасность.

На этапе изменений в работе суда в качестве нового независимого и справедливого органа важно не пренебречь анализом всех его составляющих механизмов, которые влияют: 1) на доступ к правосудию; 2) на справедливое судебное правосудие; 3) на независимость судей; 4) на защиту прав и свобод человека и гражданина;

5) на подготовку судей-профессионалов в соответствии с новейшими европейскими стандартами.

Коммуникация как предмет исследования – не нова в современной науке. В отечественной гуманитаристике – прежде всего, в правоведении (С. Максимов, Н. Гураленко, П. Рабинович, Ю. Оборотов, А. Токарская, Л. Франкив, П. Юркевич и др.), лингвистике (Ф. Бацевич, А. Олейник и др.), журналистиковедении (И. Скворонская, С. Кость, Е. Кузнецова и др.), философии (А. Ермоленко, Л. Озадовская и др.).

Зарубежная школа анализа коммуникации основана Ю. Хабермасом, Н. Луманом, Д. Нелкеном, А. Поляковым, М. Селлером, И. Честновым, Марком ван Хуком, К. Ясперсом и др.

Однако пробелом в названной плоскости все же остается малоизученная проблематика правовой коммуникации суда, вопросы совершенствования коммуникации в сфере права и правоотношений. Эта теория и практика требует изучения с целью эффективного создания системного организованного общества.

Целью и задачей статьи является анализ коммуникативной теоретической и практической составляющей – правовой коммуникативной судебской практики с целью введения правил и норм объективной оценки коммуникации конфликтных, судебных дел.

Изложение основного материала. В выполнении исследования существенную роль сыграли практические навыки работы в Хозяйственном суде Львовской области, опыт преподава-

тельской работы в школе судей, а также во Львовском университете внутренних дел.

Ключевым методом познания особенностей конфликтной судебной коммуникации стал диалектический метод, который способствовал выявлению динамических внутренних и внешних для правовой коммуникации субъектов права противоположностей (правда – ложь, истина – манипулирование и т. д.). Еще одним методом, который претендует на ведущий, является психоаналитический метод. Он позволил углубиться в критерии противоправной коммуникации, аморального поведения, осознать мотивы и подсознательные влияния на ценностные ориентиры лица, совершившего преступление.

Невозможно обойти в анализе метод правового регулирования, объединяющий всю совокупность способов правового воздействия на общественные отношения (а это императивный, рекомендательный, поощрительный методы), воздействия юристов на участников судебного процесса [2, с. 197].

Заслуживают внимания герменевтический метод, методы анализа и синтеза, восхождения от абстрактного к конкретному, от единичного к общему (для разработки теоретических источников своих предшественников) с целью выработки авторских концептуальных идей на основе раскрытия сути конфликтных коммуникативных явлений в правоотношениях.

«Судебная коммуникация – это кратковременное социально ориентированное языковое взаимодействие, которое «обслуживает» судебно-процессуальную деятельность, подчиняясь задачам и условиям ее осуществления» [6, с. 8]. Это определение принадлежит исследовательнице А. Красовской, которая сделала попытку конкретно подойти к вопросам анализа судебной коммуникации. В работе «О речевой коммуникации в судебной практике» (2008) автор сосредоточила внимание на правилах судебного общения, коммуникативных стратегии и тактике, характерных для правового конфликта, и особенностях профессиональной коммуникации судьи.

Эта работа кажется основательным исследованием судебной коммуникативной практики, созданным с исполь-

зованием зарубежных теорий взаимодействия участников суда.

Однако определение «судебной коммуникации», на наш взгляд, страдает одной и довольно существенной содержательной недостаточностью. Из поля зрения исследовательницы выпала такая существенная характеристика, как противостояние (как правило, это всегда конфликт) субъектов правоотношений, в ходе которого решается (или делается попытка решения) юридический спор в судебном процессе. От идеи дополнения и расширения определения судебной коммуникации зависит разносторонняя характеристика ее природы, методологии, видов и свобод гражданина и человека и соблюдение принципа верховенства права. В прагматическом плане в этот процесс включены свидетель – подозреваемый – обвиняемый – потерпевший и др., а с другой – следователь, прокурор, судья, адвокат.

Основным инструментом установления справедливости является правовая коммуникация, в которой ключевую роль играет судья. Исследователь философии права Н. Гураленко описала эту миссию особенно основательно: «Правосудие реализовано средствами судебной коммуникации, наделено интенциональными особенностями, формальными и искусственными интеракционными моделями взаимодействия в вербальной плоскости, обозначенной субъектами на основании принципа состоятельности. Техника коммуникативного действия (таким – *И.К.*) в соревновательном правосудии представляется в пределах регламентированной признанной обеими сторонами интеракционной игры, в которой недопустимы злоупотребления» [4, с. 300].

Конфликт сторон судебного процесса – явление, присущее лицам, которые не могут самостоятельно решить проблему частного характера или иного по содержанию, отстаивая собственные или государственные интересы. Стремление достичь поставленной цели каждой из сторон превращает конфликтную коммуникацию в соревнование аргументов и нагнетание экспрессивно-эмоциональной атмосферы в суде. Преимущественно дела частного характера больше углубляют выяснение отношений и втягивают в субъективно-эмоциональное противостояние. Это

проявление эмоций негатива, которое проявляется вербально и невербально, дает судье право в ходе слушания и наблюдения за сторонами или способствовать свертыванию проявления конфликта, или, наоборот, разрешить сторонам дебатировать, чтобы понять и углубить анализ причин конфликта. Здесь формируется гносеологическая задача судьи, которая состоит в распознавании манипулирования данными фактами или доводами одной из сторон. Эта организационно-психологическая роль аналитика конфликтных отношений принадлежит судье. Основным правовым полем для судебного анализа является весь спектр используемых сторонами психологических коммуникативных средств. То есть онтологическая картина происходящего в коммуникативном акте сторон судебного процесса должна быть оценена судьей в полном объеме. Необходимые для анализа параметры уровня конфликтного взаимодействия участников судебного процесса до сих пор в науке философии права отсутствуют. Однако развитие этой отрасли юридической науки уже дает нам (пока лишь только фрагментарный) материал для выработки философско-правовой квалификации судебной конфликтной коммуникации. Итак, обратимся к толкованию двух ключевых понятий: «квалификация», «судебная конфликтная коммуникация».

«Квалифицированный» – значит тот, «который требует специальных знаний, хорошей квалификации».

Глагольная лексема «квалифицировать» означает умение «оценивать, определять качество чего-либо; характеризовать предмет, относить его к определенной группе, определенному классу, разряду и т. д.» [3, с. 422].

Поэтому сформулируем ключевое терминосочетание, на котором будем выстраивать анализ конфликтной судебной коммуникации. Итак, философско-правовая квалификация – это оценка определенных параметров субъект-субъектного проблемного взаимодействия участников правоотношений с целью решения назревших вопросов в ходе судебной правовой коммуникации [8].

Философско-правовая квалификация – это необходимый квантор (признак) профессионализма судьи, в процессе профессиональной интеракции,

в ходе которой он ищет способы идентификации определенных явлений или фактов определенной группы с целью установления справедливости и нормирования проблем на основе принципа верховенства права. «Предельная стадия противоречий», которая вызывает определенный уровень открытых «субъектно-субъектных столкновений» [2, с. 161], опирается на ряд элементов: «1) предмет конфликта; 2) непосредственные и опосредованные причины; 3) субъекты – прямые и косвенные участники столкновения; 4) условия в виде внешних детерминирующих факторов, вытекающих из микросреды и непосредственного окружения для субъектов конфликта; 5) мотивы конфликта – истинные, ложные, сублимированные и тому подобное; 6) альтернативные линии поведения каждого из участников; 7) конкретные акции поведения сторон; 8) средства (моральные и аморальные, правовые и противоправные) применяемые сторонами; 9) социокультурные, нравственные и правовые нормы, регулирующие отношения сторон, средства контроля развития ситуации; 10) прогнозируемые последствия; 11) возможные правовые санкции» [2, с. 161–162].

Важным для судебного разбирательства является акцентуация требований редуцированного плана от начала судебного заседания: авторы отмечают руководство судебным процессом от начала заседания – «открытие судебного дела, указания процессуальных прав каждой из сторон судебного процесса, права на отвод судьи. Эти составляющие характерны для всех видов судебных процессов» [9, с. 49].

Философско-правовая квалификация конфликтной коммуникации опирается на начальную профессиональную, а затем всю скоординированность судьей всего диалогового акта во время судебного процесса [11, с. 85–95]. Этот процесс требует от судьи системного самообразования и целеустремленной психологически-правовой работы с целью освоения изменяющихся разновидностей социального взаимодействия субъектов, появления новых преступных проявлений и непредсказуемых способов коммуникативной реакции участников судебного заседания на обвинении во лжи, несправедливости, преступлении и т. д.

Итак, философско-правовая квалификация конфликтной коммуникации должна быть оценена в определенных измерениях. Речь идет о том, что обобщенные показатели оценки касаются всех без исключения участников судебного процесса, которые непосредственно участвуют в рассмотрении дела. К таким показателям относим психолингвистические маркеры, характеризующие коммуникаторов, их психологическое состояние, лексический запас, уровень правовой культуры, уровень лингвистической культуры, логичность и последовательность изложения, знание (владение) юридической терминологии и норм законодательства.

Исследователь А. Красовская на основании наработок М. Колтуновой предлагает называть подходы к оценке «конвенциями общения». К ним она относит «принципы и нормы речевого поведения, соблюдение которых является необходимым условием для успешного процесса коммуникации» [6, с. 8].

Это немаловажный аспект оценок, однако он может и не регулировать всего коммуникативного конфликтного процесса, хотя работа с конвенциями, считаем, является обязательной составляющей для всех процессуальных участников, особенно агрессивных лиц в коммуникации во время заседания суда. А. Красовская отмечает такие важные особенности коммуникации, как «кратковременность», «стандартность» и «санкционированность коммуникации и иерархичность ролевой структуры» [6, с. 9].

Итак, обозначим «кратковременность» как К, «стандартность» – СТ, «санкционированность» – СК, «иерархичность» – И. Принимая во внимание эти маркеры и учитывая дискурсивность коммуникации – ДК, которая оказалась вне поля зрения автора, составим свой вариант оценки судебной коммуникации в виде следующей формулы:

$$СК = \underline{К} + \underline{СТ} + \underline{СК} + \underline{ДК}.$$

И

В приведенной формуле оценки включены не все показатели.

Чтобы создать доказательную базу для квалификации конфликтной коммуникации, следует выработать количественные показатели, которые будут служить оценкой фактической

произносимой информации в ходе взаимодействия субъектов права. Считаем целесообразным воспользоваться максимумом (постулатом) количества, разработанной немецким философом И. Кантом и развитой в теории принципов коммуникации П. Грайсом. Эту теорию используют зарубежные и отечественные исследователи А. Красовская, А. Токарская, И. Жаровская, И. Софинская и др.

Следовательно, речь идет о том, что информация может оцениваться как чрезмерная или недостаточная. Законодатель выписал такие нормы (ст. 176 ГПК Украины), которые мы считаем аксиологически сформулированными.

В первом случае – избыточности информации – заявитель может допустить ее в детализации своих требований, объясняя, в какие годы, например, он зарабатывая деньги, которые не учтены, по его мнению, при назначении ему пенсии.

И, наоборот, когда требование заявителя выстраивается без знания того, что перерасчеты пенсии выполнялись в определенные годы, такие данные не поданы заявителем, то для преодоления фактической неполноты судья назначает дополнительную стадию судебного заседания (ст. 180) ГПК Украины.

Если быть последовательным в выборе схемы философско-правовой квалификации конфликтной коммуникации, то следует принять за основу другие постулаты И. Канта – П. Грайса. Речь идет о втором показателе, не менее весомом для судьи и выработки справедливого решения проблемного вопроса. Это показатель качества, названный «постулатом» качества. Он сводится к требованию «не говорить того, что ты считаешь ложным» и «не говорить того, для чего у тебя нет достаточных оснований» [6, с. 13]. Этот постулат сверхважен для обеспечения истинности изложения коммуникатором достоверных фактов, однако на практике он полностью не соблюдается. Поэтому дальше перспектива судебного разбирательства усложняется, и если судья не зафиксировал постулата качества, то это приводит к подрыву авторитета суда.

Третьим является постулат релевантности (относительности) в оценке конфликтной коммуникации во время

судебного процесса. Он приобретает форму краткой императивы «не отклоняться от темы». Для справедливого обеспечения решения конфликта необходимо комплексно подойти к применению судьей постулата релевантности. Любая стратегия ухода от темы заявителем может быть мотивирована его желанием отвести внимание суда и обвинить суд в необъективности рассмотрения дела или умышленно затягивать рассмотрение дела по существу.

Четвертым постулатом квалификации конфликтной коммуникации является «постулат способа изложения» [6, с. 16].

На этом этапе роль руководителя судебного процесса для судьи осложняется тем, что он обязан в случае несоблюдения последнего постулата участниками рассмотрения вопроса как конфликтного внести ясность и фактически для суда «дешифровать» коммуникативный акт заявителя или ответчика.

Из всех четырех приведенных постулатов (максим), которые необходимо использовать в процессе философско-правовой квалификации конфликтной коммуникации, можно сделать вывод об определенной условности их разделения и относительной полноте, поскольку квалификация судьи требует от него комплексных оценок ситуативной правовой/противоправной коммуникации, и важно быстрых и адекватных реакций на нее.

Поэтому наш подход к оценке психолингвистической коммуникации основывается на четырехуровневой оценке коммуникации, которая отличается, по нашему мнению, своей актуальностью. Отсутствие хотя бы одного компонента из перечня постулатов вовсе не служит доказательством непрофессионализма судьи в случае пропуска в его оценке, но все-таки характеризует полноту философско-правовой квалификации конфликтной коммуникации (СК = К + СТ + СК + ДК), а также маркеры количества, качества, релевантности, способы изложения.

Наличие всех или отсутствие нескольких постулатов может указывать только на уровень судебной культуры участников заседания или пренебрежение в судебной практике элементами теории квалификации конфликтной коммуникации.

Содержательная характеристика судебной коммуникации

Характер коммуникации	Дискурсионная сущность коммуникации
1. Право не заставляет субъектов правового общения учитывать интересы друг друга.	1. Стороны конфликта являются равноправными и независимыми.
2. Понимание судьей неприязненных конфликтных отношений субъектов из-за их речи и общения.	2. Коммуникация между субъектами и судом, прокурором, адвокатом, между сторонами судебного процесса, свидетелями и т. п. не обязывает к использованию норм коммуникации.
3. Полная концентрация внимания судьи в процессе слушания (постулат качества).	3. Коммуникация двустороннего характера: процесс речи и слушания.
4. Уточнение через вопрос отдельных данных во время конфликтной коммуникации сторон процесса.	4. Расширение и углубление детализации в описании событий и фактов для установления справедливости.
5. «Закрытые» вопросы в суде.	5. Требуют ответа «да» или «нет».
6. «Открытые» вопросы в суде.	6. Требуют развернутого ответа для содержательной ясности.
7. Применение метода перефразирования (постулат способа изложения).	7. Перефразирование служит уточнению сказанного (непонятого).
8. Изменение психологического состояния участника судебного заседания.	8. Реакция на осознание доказательственной информации (волнение, крик, приглушенный разговор).
9. Изменение интонации, ударений на отдельных словах в речи субъектов права.	9. Привлечение внимания к своей версии одной из сторон для убеждения суда в ее правдивости.
10. Наблюдение за невербально-визуальными данными коммуникации субъектов права.	10. Существенное дополнение невербальной информации к вербальной коммуникации (на уровне 70%).
11. Повторение одних и тех же слов (постулат количества).	11. Отсутствие у лица содержательно-концентрированной мысли; проявление низкого уровня интеллекта.
12. Эмоциональность личности (в речи, жестах, пантомимике) направлена на достижение цели.	12. Происходит в результате разоблачения субъекта права в фальсификации.
13. Депрессивность личности (постулат релевантности).	13. Речь замедленная, безэмоциональная.
14. Проявление «гуманистической заботы» (Уомер, Селнау, Сиджер).	14. Это этический стандарт, акцент на уникальности и врожденном достоинстве людей.
15. Совершенство организации судебной коммуникации судьей.	15. Кратковременность, стандартность, санкционированность, иерархичность, дискурсивность.

Авторы, обобщая судебную статистику за два года [9, с. 48–49], сделали выводы о ряде недостатков в работе судей. Речь идет, во-первых, о слабом контроле работы «своего вспомогательного аппарата – помощников, секретарей судебных заседаний». Во-вторых, замечены недостатки того, что первое – это «является внешним проявлением организационной судебной деятельности» а «внутренним проявлением низкой организации судебных процессов» авторы считают несовершенное планирование судебной работы самим

судьей» [1, с. 49]. На каждом этапе – а их, по нашему мнению, на практике воспринимают только как условное разделение; на самом деле результат судебного заседания проявляется как целостный и единственный. Или он соответствует всем требованиям процессуального законодательства, или нарушает нормы производства по делу. Пока что опрос судей (2017–2018 гг.) свидетельствует о крайне низкой оценке философско-правовой квалификации: в пределах 27% знания постулатов оценки конфликтной коммуникации.

Выводы. Современные нормативно-правовые акты не могут обеспечить надлежащее знание квалификации правовой коммуникации участников судебного процесса, поскольку правила коммуникации в суде, нормы вербального и невербального поведения до сих пор недостаточно разработаны. Поэтому слишком широкую и неоднозначную проблему правовой и преодоления противоправной конфликтной коммуникации в суде необходимо научиться должным образом координировать во время судебного заседания. Это послужит не только выполнению акме-профессиональных задач, не только осуществлению наказания, но и будет играть роль предохранителя «совершения новых преступлений» [1, с. 604]. Следовательно, формирование судейской психолингвостранокоммуникативной (нормативной) компетентности выступает как безотлагательная и актуальная задача и для теории права, и для практики правосудия.

В кратком изложении невозможно очертить все без исключения «правила юридического дискурса» (логики, герменевтики, психологии, диалектики и др.). Никакой «объективной истины» не надо фетишизировать, потому что «задача суда состоит в том, чтобы взвесить аргументы сторон и сделать выбор между ними. Такой выбор происходит в основном на базе не математически точной реконструкции прошлых событий, а наиболее убедительного доказательства их достоверности» [5, с. 282].

Комплексная схема одновременной перцепции (восприятия) юридического дискурса судьей не может обойти вниманием понимание права как интеллектуально целостного мыслительного процесса, а не «статического», завершенного. Обязательная картина преступления хотя и остается такой, которая представляет доказательную базу, для суда является процессом творческим, а не «научным спором» для единственной цели – достижения истины. Судебный конфликтный процесс преследует цель не только наказания, но и распространения правовой культуры, которая выражается в правосознании субъектов права и реализуется, прежде всего, средствами правовой коммуникации.

Список использованной литературы:

1. Балинська О. М., Токарська А. С., Яценко В. А. Актуальні проблеми філософії права : посібник / за заг. ред. О. М. Балинської. Львів : ЛьвДУВС, 2017. 612 с.
2. Бачинін В. А., Журавський В. С., Панов М. І. Філософія права : словник. Київ : Ін Юре, 2003. 408 с.
3. Великий тлумачний словник сучасної української мови. Київ : Ірпінь, 2001. 1736 с.
4. Гураленко Н. А. Суддівське правопізнання: праксеологічний вимір : монографія. Чернівці: Технодрук, 2013. 352 с.
5. Загальна теорія права : підручник / за заг. ред. М. І. Козюбри. Київ : Ваіте, 2016. 392 с.
6. Красовская О. В. О речевой коммуникации в судебной практике : учебное пособие. Москва : Флинта; Наука, 2008. 128 с.
7. Селлерз М. Мораль, право і судова етика у західній правовій традиції. *Філософія права і загальна теорія права*. 2016. № 1–2. С. 197–203.
8. Токарська А. С. Комунікація у праві та правоохоронній діяльності : монографія. Львів : Львівський юридичний інститут МВС України, 2005. 283 с.
9. Улмер Р., Селлнау Т., Сиджер М. Эффективная кризисная коммуникация / пер. с англ. Харків : Изд-во Гуманитарный Центр (Науменко А. А.), 2011. 268 с.
10. Ясинок М. М., Ясинок Д. М. Психологія судового процесу (психолого-правовий аспект) : науково-практичний посібник. Київ : Алерта, 2017. 206 с.
11. Tokarska A., Zharovska I., Sofinska I. Psychology of Conflict and Securing an Individual in Court Proceedings. *Науково-практичний журнал «Наука і освіта»*. 2018. Випуск № 5. С. 85–95.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козак Ирина Богдановна – аспирант Львовского государственного университета внутренних дел, судья Хозяйственного суда Львовской области

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kozak Irina Bogdanovna – Postgraduate student of the Lviv State University of Internal Affairs, Judge of the Economic Court Lviv region

irynakozak@ukr.net

УДК 342.7

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ЗНАТЬ СВОИ ПРАВА В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Наталия КОРНИЕНКО-ЗЕНКОВА,
главный консультант секретариата Комитета Верховной Рады Украины
по вопросам правовой политики и правосудия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается право знать свои права и обязанности с точки зрения функции права быть регулятором общественных отношений, то есть оказывать влияние на сознание и волю людей. Критически анализируются позиции авторов относительно понятия права знать свои права, отмечается, что большинство авторов акцентирует внимание не на содержании данного права как такового, а на значении его как гарантии, рассматриваемой с точки зрения права человека на информацию. Констатируется отсутствие единого подхода к пониманию самого содержания этого права, определению его места в системе прав человека и соотношения с другими конституционными правами человека как в теории, так и в конституционно-правовой практике разных стран.

Ключевые слова: конституционные права человека, право знать свои права и обязанности, право на информацию, знание, информация.

TO THE QUESTION OF UNDERSTANDING CONSTITUTIONAL LAW KNOW YOUR RIGHTS IN LAW SCIENCE

Nataliya KORNIYENKO-ZENKOVA,
Chief Consultant of the Secretariat of the Committee
of the Verkhovna Rada of Ukraine on Legal Policy and Justice

SUMMARY

The article discusses the right to know their rights and obligations from the point of view of the function of the right to be a regulator of social relations, that is, to influence the consciousness and will of people. The authors' positions on the notion of the right to know their rights are critically analyzed, it is noted that most authors focus not on the content of this right as such, but on its significance as a guarantee considered from the point of view of the human right to information. The absence of a unified approach to understanding the very content of this right, determining its place in the human rights system and correlation with other constitutional human rights both in theory and in the constitutional law practice of different countries is stated.

Key words: constitutional human rights, right to know your rights and obligations, right to information, knowledge, information.

Постановка проблемы. К числу недостаточно исследованных конституционных прав и свобод человека относится, в частности, право каждого знать свои права и обязанности, закрепленное в ст. 57 Конституции Украины. Об этом свидетельствует изучение научно-практических комментариев к указанной статье Конституции и учебной литературы в части характеристики конституционных прав человека и гражданина, в которых авторы по-разному трактуют данное право, его природу и понятия.

Потребностью теоретической разработки понятия права человека знать свои права и обязанности определяется научная актуальность данного исследования. Вместе с тем еще более актуальной является проблема обеспечения практической реализации данного права человека в Украине, его конституционно-правовые и законода-

тельные гарантии, потребность в разработке механизмов гарантирования этого права каждому в соответствии с Конституцией Украины всеми государственными органами и органами местного самоуправления, а также их должностными лицами.

Целью и задачей статьи является раскрытие специфики конституционного права знать свои права и обязанности в системе конституционных прав человека.

Состояние исследования. Отдельные аспекты проблемы конституционного права знать свои права и обязанности исследовались разными авторами, главным образом в контексте информационного права человека (в частности, диссертация Г. В. Воробьевой, 2015 г.). Однако в предлагаемом нами аспекте указанное право в науке не исследовалось.

Изложение основного материала. Любое понимание права, отмечает

В. В. Лазарев, основывается на том, что признается способность права быть регулятором общественных отношений. Исходное ценностное начало права – способность оказывать влияние на волю и сознание людей. Отсюда и вытекает значение вопросов действия права [1, с. 414]. Вместе с тем в правовой науке советского и современного переходного периодов, отмечает А. В. Мицкевич, обычно отмечается только волевой, властный характер правовой нормы как веление государства, охраняемого государственным принуждением. Только в новых изданиях получает робкое признание значение массового воплощения норм права в фактической жизнедеятельности. Однако о реальном наличии и действии в обществе правовых норм нельзя судить только по записанному в законе тексту статей, пунктов или параграфов. Если предписания закона

не осуществляются в жизни, *не воплотились в сознании и действиях людей*, то и сама норма еще не получила законченного социального значения. Она, скорее, подобна призыву к воплощению в жизнь правила поведения, провозглашенного законом [1, с. 253–254].

В контексте такого подхода к пониманию права необходимо, с нашей точки зрения, рассматривать и гарантируемое каждому ст. 57 Конституции Украины *право знать свои права и обязанности* как одно из важнейших конституционных прав. Вместе с тем стоит отметить, что авторы научных комментариев к этой статье Конституции по-разному определяют содержание указанного права, наиболее часто как одного из информационных прав человека, предусмотренных ст. 34 Конституции Украины, а часто вообще оставляют его неопределенным.

Однако из содержания положений ст. 34 Конституции следует, что они хотя в определенной степени и касаются обеспечения государством права граждан знать свои права и обязанности, но не характеризуют это право. Очевидно, что знать свои права и обязанности невозможно без получения информации о них. Но если считать, что право на информацию включает в себя, в том числе, и право знать свои права и обязанности, то не было никакой необходимости устанавливать данное право в отдельной статье Конституции Украины.

Вместе с тем сравнение нормы части первой ст. 57 Конституции Украины с конституциями других стран показывает, что аналогичное право в некоторых из них все же закреплено как отдельное право человека.

Например, в ст. 90 Конституции Латвии записано, что каждый имеет право знать свои права [2, с. 315]. О праве знать еще и свои обязанности в данной статье не сказано. В Конституции Молдовы также есть ст. 23 о праве каждого человека на знание своих прав и обязанностей. В части первой этой статьи указано, что каждый человек имеет право на признание его правосубъектности, а в части второй установлено, что государство обеспечивает право каждого человека на знание своих прав и обязанностей [2, с. 552].

В то же время в конституциях большинства других стран (Австрия,

Албания, Андорра, Греция, Италия, Индонезия, Кипр, Германия, Франция, Хорватия, Япония и другие), напротив, отсутствуют предписания о правах человека знать свои права. Возможно, именно из-за смешивания двух прав – права на информацию вообще и на информацию о правах и обязанностях – в конституциях многих стран отсутствуют положения о праве знать свои права, а предусмотрено только конституционное право человека на информацию.

Из этого мы делаем вывод *об отсутствии единого подхода к пониманию самого содержания права знать свои права и обязанности, определению его места в системе прав человека и его соотношения с другими конституционными правами человека как в теории, так и в конституционно-правовой практике разных стран* [3, с. 16–19].

С нашей точки зрения, одной из главных причин этого является смешивание права человека знать свои права и обязанности с правом на информацию и правом на доступ к информации. Это смешивание происходит из-за неопределенности содержания общего понятия «право знать», которое используется в научной литературе. Указанным общим понятием фактически «поглощается» самостоятельное понятие права человека знать свои права и обязанности, о чем, в частности, свидетельствуют научно-практические комментарии к ст. 57 Конституции Украины.

Характерным примером трактовки понятия «право знать» в современной литературе является статья В. Н. Монахова о механизмах защиты указанного права. Важное место занимают в нем информационно-правовые средства: *свобода массовой информации и право каждого на информацию*, в совокупности обеспечивающие *право каждого знать*, и тем самым предоставляющие каждому реальную возможность контролировать через знание публичную власть. Он отмечает, что в Белой книге «Ваше право знать: свобода информации», вышедшей в Лондоне в 1997 г., перед общественным обсуждением законопроекта «О свободе информации» *право знать* трактуется в качестве *«самого важного» для зрелых демократий*. Право знать, как и право на информацию, –

права отнюдь не абсолютные, которые должны иметь (и имеющие!) известные ограничения, как правовые, так и этические. В итоге он трактует понятие «право знать» как «право народа знать» о деятельности власти [4, с. 82–110].

С точки зрения И. Н. Федорова, реализация «права знать» для любого гражданина – это его право на свободный доступ к имеющей общественное значение информации, которое обеспечивает участие в жизни государства.

В системе нормативного обеспечения права на информацию автор считает «до конца не урегулированными» такие вопросы как состав информации, которая в обязательном порядке подлежит обнародованию органами государственной власти и органами местного самоуправления, основания и порядок отнесения информации к информации для ограниченного доступа и другие вопросы. По его мнению, давно пора не только принять закон «о праве знать», но и внедрить это право в повседневную жизнь [5, с. 170–178].

Совершенно очевидно, что у названных авторов речь идет о «праве знать» как *информационном* праве, субъектами которого являются не только граждане, но и средства массовой информации, народ, население и т.д.; предметом этого права является информация, вызывающая общественный интерес или затрагивающая личные интересы граждан. В этом смысле информационное «право знать» не имеет прямого отношения к предусмотренному в ст. 57 Конституции Украины праву человека знать свои права и обязанности.

В этом случае термин «право знать» неточно выражает содержание указанного права и более точно было бы говорить о «праве быть информированным», или «праве на получение информации», «праве на доступ к информации» и т.д., а не о «праве знать».

Мы считаем, что именно из-за этой неточности, а также учитывая содержание части второй ст. 57 Конституции Украины (согласно которой законы и другие нормативно-правовые акты, определяющие права и обязанности граждан, должны быть доведены до сведения населения), право знать свои права и обязанности в литературе связывается с опубликованием или обнародованием и доведением до сведения

населения законов и других нормативно-правовых актов.

Вообще обращает на себя внимание то, что говоря о праве каждого знать свои права и обязанности, закрепленного в ст. 57 Конституции Украины, большинство авторов акцентирует внимание не на содержании данного права как такового, а на значении его как гарантии, которая рассматривается с точки зрения права человека на информацию.

В результате в понятии права человека знать свои права и обязанности не раскрыто его юридическое содержание, а поэтому не сформировано определенного понимания этого права. Об этом свидетельствует, в частности, анализ учебников по конституционному праву, в которых по-разному освещается природа указанного права человека.

Конституционно-правовое регулирование права лица знать свои права и обязанности Г. В. Воробьева называет разновидностью правового регулирования порядка доведения к сведению населения законов и подзаконных нормативно-правовых актов, которые закрепляют права, свободы и обязанности человека, включают в себя международные стандарты, имплементированы в нормах Конституции и законах Украины и гарантируют лицу право их знать. Это регулирование сводится к порядку деятельности государственных и негосударственных организаций по доведению законов и других нормативно-правовых актов, закрепляемых нормами Конституции и законов Украины, детализируется и включает механизмы реализации, содержащиеся в подзаконных нормативно-правовых актах, имеет результативный характер, что гарантирует доведение норм права к сведению населения. Обеспечение конституционного права знать свои права и обязанности – это деятельность государственных и негосударственных организаций, закрепленная международными стандартами и нормами Конституции и законов Украины, направленная на доведение законов и других нормативно-правовых актов, закрепляющих права и обязанности человека, к сведению населения в порядке, установленном законом, а также реализация каждым возможностей знать свои права и обязанности [6].

Наверное, можно согласиться с выводом В. Воробьевой о том, что

право человека знать свои права и обязанности является условием и средством реализации других прав, свобод и обязанностей, хотя и не только тех, которые изложены в Конституции Украины, но и тех, которые определяются законами Украины в соответствии с п. 1 ст. 92 Конституции Украины.

Вместе с тем, трактуя указанное право как возможность субъекта конституционного права получать информацию о правах и обязанностях из законов и иных нормативно-правовых актов, Г. В. Воробьева фактически свела право человека «знать свои права и обязанности» к другому праву – праву «быть информированным о содержании законов и других нормативно-правовых актов», не лично проинформированным, а через «доведение к сведению населения» этих актов путем их опубликования в определенных изданиях.

Таким образом, конституционная *гарантия* права каждого знать свои права и обязанности зависит не от опубликования закона и доведения его до сведения, а от того, реализует ли конкретный человек свою *возможность* получить информацию из закона.

С нашей точки зрения, содержание понятия конституционного права знать свои права и обязанности нельзя понимать так поверхностно и формально, как это имеет место в большинстве работ по данной тематике. Раскрыть понятие права человека знать свои права и обязанности полноценно невозможно без учета такого понимания права, на которое мы обратили внимание в начале данной статьи. Указанное правопонимание основывается на признании способности права быть регулятором общественных отношений.

Как выражение общественной воли, право осуществляется через норму, подчиняя ей сознание и волю людей, через волю человека влияя на его поведение и таким образом подчиняя это поведение праву. Однако, указывал Н. А. Гредескул, право начинает действовать на волю субъекта только после того, как состоялся мыслительный процесс распознавания им содержания права.

Вместе с тем в исследованиях права человека знать свои права и обязанности не учитывается этого, и они ограничиваются понятием «права знать»

преимущественно в смысле «права на получение информации из нормативно-правовых источников» относительно прав и обязанностей субъектов, абстрагируясь *от качества выражения* норм в этих источниках. При этом безосновательно предполагается, что полученная из официальных источников нормативная информация является доброкачественной и не нуждается в «распознавании содержания права» субъектами.

По нашему мнению, здесь имеет место принципиальная *методологическая* ошибка, которая не позволяет определить сущность права человека знать свои права и обязанности.

В связи с этим отметим важность данной проблемы в практическом аспекте, связанном с правовой практикой Конституционного Суда Украины.

Так, в частности, в решении Конституционного Суда Украины от 22 сентября 2005 г. № 5-рп / 2005 по делу о постоянном пользовании земельными участками указано, что «из конституционных принципов равенства и справедливости вытекает требование определенности, ясности и недвусмысленности правовой нормы, поскольку иное не может обеспечить ее одинаковое применение, не исключает неограниченности трактования в правоприменительной практике и неизбежно приводит к произволу».

В этом решении, в частности, сказано, что неопределенность терминов «оформление» и «переоформление» отрицательно влияет на практику осуществления субъективных прав на земельные участки гражданами и юридическими лицами. От правильного определения сущности «оформления» и «переоформления» прав на землю зависит возможность осуществления гражданами и юридическими лицами гарантированного Конституцией Украины права собственности на землю и права пользования ею, доверие граждан к государству» [7, с. 133–135].

В решении от 29 июня 2010 г. № 17-рп/2010 Конституционный Суд Украины также указал, что в Украине признается и действует принцип верховенства права, в связи с чем отметил, что верховенство права требует его воплощения в правотворческую и правоприменительную деятельность, в частности в законы. Одним из эле-

ментов верховенства права является принцип правовой определенности, в котором утверждается, что ограничения основных прав человека и гражданина и воплощение этих ограничений на практике допустимо лишь при условии обеспечения предсказуемости применения правовых норм, устанавливаемых такими ограничениями. То есть ограничение любого права должно базироваться на критериях, которые дадут лицу отделять правомерное поведение от противоправного, предусматривать юридические последствия своего поведения. В решении Конституционного Суда от 29 июня 2010 г. сказано также, что Европейский суд по правам человека неоднократно обращал внимание на несовершенство законодательства Украины и необходимость придерживаться принципа правовой определенности [8, с. 300–301].

Конституционный Суд Украины в решении от 11 октября 2011 г. № 10-рп/2011 отметил позицию Европейского суда по правам человека, который в решении от 23 октября 2008 г. в деле «Солдатенко против Украины» указал: «Устанавливая, что какое-либо лишение свободы может осуществляться «в соответствии с процедурой, установленной законом», п. 1 ст. 5 не просто отсылает к национальному закону <...>, он также касается «качества закона», требуя от закона соответствия принципу верховенства права <...> При этом «качество закона» означает, что в случае, когда национальный закон предусматривает возможность лишения свободы, такой закон должен быть достаточно доступен, четко сформулирован и предсказуем в своем применении – для того, чтобы исключить какой-либо риск произвола» [9, с. 207].

Из этого следует, что при исследовании конституционного права человека знать свои права и обязанности нельзя сводить его к «праву на получение информации» о правах и обязанностях человека из нормативно-правовых источников, абстрагируясь от качества помещенной в последних нормативно-правовой информации, необходимой для «мыслительного процесса распознавания субъектом содержания права». Такой упрощенный подход не соответствует реальному процессу осуществления права,

который не ограничивается только формулировкой и применением или выполнением предписаний нормативно-правовых актов. Как указывает в связи с этим М. М. Рассолов, не вся нормативно-правовая информация может выполнять свое назначение – устранять неопределенность в правовых образованиях, регулировать правовые отношения, поведение людей. Та часть информации, которая не несет полезной нагрузки, называется избыточной, она в известной мере вредна, нередко затрудняет восприятие и понимание юридических сообщений. Это чрезвычайно важно иметь в виду в ходе качественного анализа нормативно-правовой информации [10, с. 126–127].

Нельзя не учитывать в процессе осуществления права и такую специфическую деятельность, как *толкование* юридических норм. Объективная необходимость такого толкования, отмечает П. М. Рабинович, обусловлена, прежде всего, тем, что юридические нормы формируются посредством обычно крайне общих, абстрактных понятий, а также нередко полисемичных, многозначных слов (терминов), которые различными субъектами, да еще и в разных условиях, могут пониматься весьма неоднозначно. Для того, чтобы предотвратить или преодолеть такое «разночтение» юридических норм, как раз и нужно прибегать к определенным видам, способам правотрактования. Социальное назначение официального разъяснения права состоит в том, чтобы обеспечить однозначное (унифицированное) понимание содержания (смысла) юридической нормы всеми, кто может или должен ее применять, реализовывать или даже только изучать [11, с. 180].

Все это свидетельствует о том, что ограничение содержания понятия права человека знать свои права и обязанности всего лишь «правом на получение информации» о правах и обязанностях человека не соответствует реальной правовой практике. В связи с этим обращает на себя внимание диссертационная работа Е. П. Тептюка, в которой справедливо отмечено, что законы и другие правовые акты не являются публичной информацией в смысле права на доступ к публичной информации [12, с. 9].

На наш взгляд, главная проблема в определении понятия права человека знать свои права и обязанности заключается в том, чтобы *разграничить данное понятие с понятием права человека на информацию* и правом на доступ к публичной информации, различая при этом такие понятия, как «информация» и «знание».

Выводы.

1. В юридической науке право знать свои права и обязанности трактуется большинством авторов как информационное право, что не позволяет раскрыть специфику данного права как самостоятельного права человека.

2. Сведение права знать свои права и обязанности к праву на получение нормативной информации не учитывает такой аспект, как качество закона и других нормативных актов, и не соответствует реальной практике.

3. Определение специфики права знать свои права и обязанности требует разграничения понятий «информация» и «знание» и рассмотрения знания в смысле понимания указанных прав и обязанностей.

Список использованной литературы:

1. Проблемы общей теории права и государства. Учебник для вузов. / Под общ. ред. академика РАН, доктора юрид. наук, проф. В.С. Нерсесянца. Москва : Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001. 832 с.
2. Конституции государств Европы: В 3 т. Т. 2 / Под общей редакцией со вступительной статьей директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Л. А. Окунькова. Москва : Издательство НОРМА, 2001. 840 с.
3. Корнієнко-Зєнкова Н. М. Право знати свої права та обов'язки: до визначення в системі конституційних прав людини. *Віче*. 2015. № 6. С. 16–19.
4. Монахов В. Н. Механизмы защиты права знать. *Вопросы развития и институализации: Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2012. № 1. С. 82–110.
5. Фёдоров И.Н. «Право знать» – одно из условий развития демократии в России. *Социология власти*. 2009. № 4. С. 170–178.

6. Воробйова Г.В. Конституційне право особи знати свої права і обов'язки та його забезпечення в Україні : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 «Конституційне право, муніципальне право»; Національна академія внутрішніх справ МВС України. Київ, 2015. 20 с.

7. Конституційний Суд України: Рішення. Висновки. 2005 / Відп. ред. канд. юрид. наук П. Б. Євграфов. Київ : Юрінком Інтер, 2006. 232 с.

8. Україна. Конституційний Суд. Конституційний Суд України: рішення, висновки / *Конституц. Суд України*. Київ : Юрінком Інтер, 2001. Кн. 10: 2010 / уклад. К. О. Пігнаста, О. І. Кравченко; відп. ред. А. С. Головін. Київ : Логос, 2011. 431 с.

9. Україна. Конституційний Суд. Конституційний Суд України: рішення, висновки / *Конституц. Суд України*. Київ : Юрінком Інтер, 2001. Кн. 11: 2011 / уклад. К. О. Пігнаста, О. І. Кравченко; відп. ред. А. С. Головін. Київ : Логос, 2012. 376 с.

10. Рассолов М. М. Проблемы управления и информации в области права. Москва : «Юридическая литература», 1991. 223 с.

11. Рабінович П. М. Основы загалної теорії права та держави : Навчальний посібник. Вид. 10-е, доповнене. Львів : Край, 2008. 224 с.

12. Тептюк Є. П. Конституційне право на доступ до публічної інформації: проблеми законодавчого регулювання та судового захисту : автореф. дис. канд. юрид. наук : 12.00.02 «Конституційне право, муніципальне право» ; Інститут держави і права ім. В. М. Корецького НАН України. Київ : 2018. 20 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Корниенко-Зенкова Наталия Николаевна – главный консультант секретариата Комитета Верховной Рады Украины по вопросам правовой политики и правосудия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Korniienko-Zenkova Nataliya Nikolayevna – Chief Consultant of the Secretariat of the Committee of the Verkhovna Rada of Ukraine on Legal Policy and Justice

natali.zenkova.72@gmail.com

УДК 342.9 (477)

ЗАЩИТА ПРАВ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИЕЙ УКРАИНЫ ОТ ФАКТОВ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Максим КОРНИЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры публичного управления и администрирования
Одесского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию новелл законодательства Украины о защите прав малолетних детей от домашнего насилия. Рассмотрены нормативно-правовые акты как европейского, так и отечественного законодательства в сфере противодействия домашнего насилия. В статье освещаются некоторые пробелы, существующие в правовом поле нашего государства, и пути их преодоления, касающиеся защиты прав малолетних детей в контексте противодействия домашнему насилию. Обсуждаются особенности вынесения срочного запретного предписания уполномоченными должностными лицами полиции (участковым офицером полиции, патрульным полицейским или работником ювенальной превенции).

Ключевые слова: участковый офицер полиции, превенция, предупреждение, домашнее насилие, срочное запрещающее предписание, профилактический учет, убеждение, принуждение, ребенок, юридическая ответственность, законодательство Украины, нормативная база.

PROTECTION OF THE RIGHTS OF SMALL CHILDREN BY THE NATIONAL POLICE OF UKRAINE FROM THE FACTS OF DOMESTIC VIOLENCE

Maksim KORNIYENKO,

Candidate of Law, Associate Professor,
Professor at the Department of Public Administration and Administration
of Odessa State University of Internal Affairs

SUMMARY

The article is devoted to the study of the novels of the legislation of Ukraine on the protection of the rights of young children from domestic violence. Regulatory and legal acts of both European and domestic legislation in the field of combating domestic violence are reviewed. The article highlights some of the gaps existing in the legal framework of our state and ways to overcome them, regarding the protection of the rights of young children in the context of combating domestic violence. The peculiarities of issuing an urgent banned order by authorized police officials (district police officer, patrol officer or juvenile prevention officer) are discussed.

Key words: local police officer, prevention, prevention, domestic violence, urgent prohibiting injunction, preventive registration, persuasion, coercion, child, legal liability, Ukrainian legislation, regulatory framework.

Актуальность темы исследования. Во время проведения преобразований и изменений в Украине шаг за шагом реформируется правовая система государства и совершенствуется практическая деятельность Национальной полиции Украины, в том числе касающаяся защиты прав малолетних детей от случаев домашнего насилия.

Целью и задачей статьи является определение некоторых особенностей украинского законодательства относительно противодействия домашне-

му насилию и защиты прав малолетних детей.

Состояние исследования. Вопросы противодействия домашнему насилию и защите прав детей в украинском законодательстве занимают такие ученые, как А. Бандурка, А. Благ, Ю. Битяк, А. Бутыко, Я. Бордиян, В. Головченко, Е. Дубровская, Т. В. Журавль, Д. Забрда, А. Ковалева, Н. Кукшинова, С. Константинов, Х. Лысенко, В. Махотин, А. Милорадова, А. Плужник, А. Скакун, М. Тищенко, Я. Шевченко и другие.

Изложение основного материала.

Противодействие домашнему насилию и защите прав малолетних детей закреплены в Украине на законодательном уровне, в нормативно-правовых актах различной юридической силы, начиная с Конституции Украины, решений Конституционного Суда Украины, источников международного права и решения Европейского суда по правам человека, кодифицированных нормативных актов и законов Украины, указов и распоряжений Президента Украины, постановлений и распоряжений Кабинета Министров Украины, постановлений Пленума Верховного Суда Украины и Пленума Верховного специализированного суда Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел и заканчивая источниками разъяснительно-рекомендательного характера.

Так, Конституция Украины закрепляет общественный и государственный строй страны, функции органов государственной власти, основные права и обязанности граждан. Согласно Основному Закону обеспечение прав и свобод человека несовместимо с дискриминацией по какому-либо признаку, в том числе и по возрасту, а любое насилие над ребенком и его эксплуатация преследуются по закону [1]. Закон Украины «О Национальной полиции» предусматривает, что полиция принимает меры для предотвращения и противодействия домашнему насилию или насилию по признаку пола [2].

Нельзя не отметить один из последних принятых нормативно-правовых документов, бесспорно являющийся одним из основополагающих нормативных актов в сфере противодействия домашнему насилию и защиты прав детей от этих позорных явлений в нашей стране, – это Закон Украины «О предотвращении и противодействии домашнему насилию». В Законе отдельно уделено внимание защите прав детей, в случаях, когда пострадавшим лицом является ребенок, любые действия, совершаемые относительно его, базируются на принципах, определенных Конвенцией ООН о правах ребенка, Конвенцией Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия Европейской конвенцией об осуществлении прав детей и законодательными актами Украины в сфере защиты прав ребенка

[3]. Защита ребенка со стороны государства во время противодействия домашнему насилию является приоритетным направлением государства, это подтверждают и международные нормативные акты. Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о правах ребенка, стала основополагающим европейским нормативно-правовым актом по защите прав ребенка, которую ратифицировали почти все государства, включая и Украину. Конвенция способствовала превращению «ребенка» из объекта правоотношений в субъект, который является личностью, а не собственностью государства или родителей. Причем государства обязаны относиться к лицу, возраст которого не установлен, как к ребенку, пока не будет установлено иное [4]. Не менее эффективным является европейский механизм защиты прав детей, в частности работа Комитетов Совета Европы и непосредственно Европейского суда по правам человека, выполнение решений которого для Украины с 2006 года является обязательным. Европейский суд по правам человека – это международный судебный орган, юрисдикция которого распространяется на все государства-члены Совета Европы, ратифицировавшие Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, и включает все вопросы, касающиеся толкования и применения, включая международные дела и жалобы отдельных лиц.

Кроме того, особое внимание следует обратить на Конвенцию (210) Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием – Стамбульскую конвенцию, подписанную, но до сих пор не ратифицированную Украиной, что сегодня является пробелом в законодательстве, так как на пути евроинтеграционных преобразований делать такие ошибки государству недопустимо. Дискуссии вокруг целесообразности ее ратификации способствовали частичному отражению ее положений в национальном законодательстве, в том числе в отношении признания детей-свидетелей насилия жертвами такого насилия, а также закреплению в качестве отягчающего обстоятельства совершение преступлений против ребенка или в присутствии ребенка, но этого недостаточно для комплексного принятия вышеуказанного документа.

Нужно отметить, что некоторые пробелы в законодательстве относительно противодействия домашнему насилию постепенно исправляются, так с 11.01.2019 г. вступает в силу Закон Украины «О внесении изменений в Уголовный и Уголовный процессуальный кодексы Украины с целью реализации положений Конвенции Совета Европы о предотвращении насилия в отношении женщин и домашнем насилии и борьбе с этими явлениями». Так, Верховная Рада Украины внесла изменения и дополнения в раздел XIII УК «Ограничительные мероприятия»: в ст. 91-1 «Ограничительные меры, применяемые к лицам, совершившим домашнее насилие»; дополнения в ст. 126-1 в виде определения домашнего насилия, то есть умышленного систематического совершения физического, психологического или экономического насилия в отношении супругов или бывших супругов или другого лица, с которой виновный находится (находился) в семейных или близких отношениях, что приводит к физическим или психологическим страданиям, расстройств здоровья, утраты трудоспособности, эмоциональной зависимости или ухудшения качества жизни потерпевшего; дополнения и изменения в ст. 134 «Незаконное производство аборта или стерилизации», ст. 151-2 «Принуждение к браку», ст. 152 «Изнасилование», ст. 153 «Сексуальное насилие», ст. 390-1 «Невыполнение ограничительных мер, ограничивающих предписаний или непрохождения программы для обидчиков», а также другие новеллы в законодательных актах Украины [5]. Внесение вышеуказанных изменений в законодательство Украины – это действительно огромный позитивный шаг к защите прав детей и противодействию домашнему насилию.

Одним из превентивных аспектов противодействия домашнему насилию в том, что касается защиты малолетних детей, является принятие специальных мер: срочное запрещающее предписание относительно обидчика; ограничительное предписание относительно обидчика; постановка на профилактический учет обидчика и проведение с ним профилактической работы; направление обидчика на прохождение программы для обидчиков.

Срочное запрещающее предписание выносится обидчику уполномоченными подразделениями органов Национальной полиции Украины в случае существования непосредственной угрозы жизни или здоровью пострадавшего лица с целью немедленного прекращения домашнего насилия, недопущение его продолжения или повторного совершения [6].

Срочное запрещающее предписание может содержать такие мероприятия, как обязательства покинуть место жительства (пребывания) пострадавшего лица, запрет на вход и пребывание в месте жительства (нахождения) пострадавшего лица, запрет в любой способ контактировать с пострадавшим лицом. При решении вопроса о вынесении срочного запрещающего предписания приоритет отдается безопасности пострадавшего лица. Указанное требование распространяется также на место совместного проживания (пребывания) пострадавшего лица и обидчика независимо от их имущественных прав на соответствующее жилое помещение.

Перед вынесением срочного запретного предписания полицейским обязательно проводится оценка рисков, которая и будет являться основанием для выбора меры воздействия, на сегодняшний день нормативно-правовой документ, который будет закреплять бланк оценки рисков и порядок ее проведения, находится на согласовании у Министерства внутренних дел Украины и Министерства социальной политики Украины. Волокита в закреплении на нормативно-правовом уровне этой нормы может привести к несвоевременному принятию полицейскими мер по реагированию на факты домашнего насилия, а именно применению срочного запрещающего предписания относительно обидчика, что, в свою очередь, может быть следствием допущения повторности его совершения с наступлением тяжких последствий или смерти потерпевшего лица.

Работники уполномоченного подразделения органов Национальной полиции Украины могут в установленном законом порядке применять к обидчику полицейские меры принуждения срочно покинуть жилое помещение, если срочное запрещающее предписание предусматривает обяза-

тельства покинуть место жительства (пребывания) пострадавшего лица, а обидчик отказывается добровольно его покинуть. Срочное запрещающее предписание выносится по заявлению пострадавшего лица, а также по собственной инициативе работником уполномоченного подразделения органов полиции по результатам оценки рисков (оценка рисков – оценка достоверности продолжения или повторного совершения домашнего насилия, наступления тяжких или особо тяжких последствий его совершения, а также смерти пострадавшего лица), сегодня вопросы оценки рисков в полной мере не урегулированы в законодательстве Украины.

Срочное запрещающее предписание выносится на срок до 10 суток. Предписание вручается обидчику, а его копия – пострадавшему или его представителю. Действие предписания прекращается в случае применения к обидчику судом административного взыскания в виде административного ареста или избрания в отношении него меры пресечения в виде содержания под стражей в уголовном производстве. Обидчик, в отношении которого вынесено предписание, согласно которому он должен оставить место совместного проживания (пребывания) с пострадавшим лицом, обязан сообщить о месте своего временного пребывания уполномоченное подразделение полиции по месту совершения домашнего насилия. В то же время полицейский не может принять меры, предусмотренные пунктами 1 (обязательства покинуть место жительства (пребывания) пострадавшего лица) и 2 (запрет на вход и пребывание в месте жительства (нахождения) пострадавшего лица) ч. 2 ст. 25 Закона Украины «О предотвращении и противодействии домашнему насилию», если обидчиком является лицо, в день вынесения предписания не достигшее восемнадцатилетнего возраста и имеющее общее место жительства (пребывания) с пострадавшим лицом. Лицо, в отношении которого вынесено предписание, может обжаловать его в суде в общем порядке, предусмотренном для обжалования решений, действий или бездействия работников уполномоченных подразделений органов Национальной полиции Украины.

Также одним из направлений защиты прав ребенка является профилактический учет в соответствии с Законом Украины «О предотвращении и противодействии домашнему насилию». Уполномоченный орган Национальной полиции Украины берет на профилактический учет обидчика с момента выявления факта совершения им домашнего насилия на установленный законодательством срок и проводит с ним профилактическую работу [3]. Противодействие домашнему насилию требует от сотрудников правоохранительных органов и общественности постоянных усилий, направленных на предупреждение правонарушений. Как показывает практика, около половины семейно-бытовых конфликтов остаются латентными до момента совершения преступления, то есть потерпевшие не хотят, а зачастую стесняются сообщать о фактах домашнего насилия в компетентные органы. Поэтому одной из основных задач полиции в противодействии такому насилию является разъяснение населению того, что сокрытие подобных фактов является ошибкой и делает возможным совершение тяжких преступлений в дальнейшем.

Уполномоченному полицейскому при проведении индивидуально-профилактической работы необходимо помнить, что ни один сигнал о домашнем насилие нельзя воспринимать легкомысленно и каждое реагирование должно носить индивидуальный характер.

Выводы. В статье рассмотрены некоторые новеллы законодательства по противодействию домашнему насилию и защите малолетних детей от случаев домашнего насилия. Акцентируется внимание на проблемных аспектах современного законодательства Украины, касающихся противодействия домашнему насилию.

Список использованной литературы:

1. Конституция Украины : Закон Украины от 28.06.1996 г. № 254к / 96-ВР. *Сведения Верховной Рады Украины*. 1996. № 30. Ст. 141.
2. О Национальной полиции : Закон Украины от 02.07.2015 г. № 580- VIII. *Сведения Верховной Рады Украины*. 2015. № 18. Ст. 150.
3. О предотвращении и противодействии домашнему насилию: Закон

Украины от 07.12.2017 г. № 2229-VIII. *Сведения Верховной Рады Украины*. 2018. № 5. Ст. 35.

4. Конвенция о правах детей: Международный документ от 20.11.1989 г. *Конвенция ратифицирована Постановлением ВР*. 1991. №789-XII.

5. Про внесение изменений в Криминальный и Криминально процессуальный кодексы Украины с целью реализации положения Конвенции Совета Европы о предотвращении насилия в отношении женщин и домашнего насилия и борьбу с этими явлениями: Закон Украины от 06.12.2017 г. № 2227/17-ВР. *Сведения Верховной Рады Украины*. 2018. № 5. Ст. 34.

6. О утверждении Порядка внесения уполномоченными подразделениями органов Национальной полиции Украины срочного запретного предписания относительно обидчика: Приказ МВД Украины от 01.08.2018 г. *Сведения Верховной Рады Украины*. 2018.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Корниенко Максим Викторович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры публичного управления и администрирования Одесского государственного университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Korniienko Maksim Viktorovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Public Administration and Administration of Odessa State University of Internal Affairs

odivs2015@ukr.net

УДК 328.351

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПАТОЛОГОАНАТОМИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ УКРАИНЫ В ПЕРИОД РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Елена КРИЗИНА,

ассистент кафедры патологической анатомии, гистологии и судебной медицины
Частного высшего учебного заведения «Киевский медицинский университет»

АННОТАЦИЯ

В статье проводится теоретическое исследование законодательного и нормативно-правового обеспечения патологоанатомической службы Украины в период реформирования системы здравоохранения. Осуществляется анализ юридической литературы по исследованию понятий и принципов патологоанатомической службы в Украине: патологическая анатомия, патологоанатомическая служба, врач-патологоанатом. Раскрывается нормативно-правовой механизм регулирования патологоанатомической службы Украины в период реформирования системы здравоохранения. Патологоанатомическая служба является одной из составляющих системы здравоохранения и направлена на улучшение качества лечебно-диагностической работы в лечебно-диагностических учреждениях. Обосновано, что в Украине на сегодняшний день сформировано законодательное поле в части формирования государственной политики здравоохранения, основных ее принципов.

Ключевые слова: нормативно-правовое обеспечение, государственное управление, патологоанатомическая служба, реформа системы здравоохранения.

LEGISLATIVE AND NORMATIVELY-LEGAL PROVIDING OF PATHOANATOMICAL SERVICE OF UKRAIN IN THE PERIOD OF REFORMATION OF SYSTEM HEALTHPROTECTIONS

Elena KRYZYNA,

Assistant at the Departments of Pathoanatomy,
Histology and Judicial Medicine
of Private Higher Educational Establishment “Kyiv Medical University”

SUMMARY

In the article theoretical research of the legislative and normatively-legal providing of pathoanatomical service of Ukraine is conducted in the period of reformation of the system of health protection. The analysis of legal literature comes true on research of concepts and principles of pathoanatomical service in Ukraine: pathoanatomy, pathoanatomical service, doctor-pathologist. The normatively-legal mechanism of adjusting of pathoanatomical service of Ukraine opens up in the period of reformation of the system of health protection. Pathoanatomical service is one of constituents of the system of health protection and sent to the improvement of quality of curatively-diagnostic work in curatively-diagnostic establishments. It is reasonable, that in Ukraine to date the legislative field is formed in part of forming of public policy of health protection, her basic principles.

Key words: normatively-legal providing, state administration, pathoanatomical service, reform of the system of health protection.

Постановка проблемы. Одним из заданий государственного управления является эффективное управление ресурсами системы здравоохранения и создание условий для развития системы здравоохранения в соответствии с современными потребностями. Для Украины характерно

отсутствие четкого видения будущей модели развития системы здравоохранения, поэтому изучение опыта и анализ развития системы здравоохранения других стран могут дать полезную информацию относительно эффективных путей развития системы здравоохранения.

Современный период реформирования системы здравоохранения, функционирования медицинской отрасли и лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ) представляет переход к принципиально новым технологиям управления в Украине.

Патологоанатомическая служба (ПАС) так же, как и перестройка медицинской отрасли, получила свой импульс в современном процессе реформирования системы здравоохранения в Украине.

Необходимо обратить особое внимание на доступность, справедливость, своевременность, повышение качества и эффективность медицинской помощи населению, улучшение лечебно-диагностической работы в ЛПУ. Само собой разумеется, что необходимо более четко организовать работу ПАС. Без нее невозможно проводить качественную диагностику, лечение больных и профилактику заболеваний.

Актуальность темы исследования подтверждается не до конца раскрытой темой законодательного и нормативно-правового регулирования патологоанатомической службы Украины в период реформирования системы здравоохранения.

ПАС тесно связана с деятельностью всех медицинских специальностей. Патоморфологические исследования сегодня во всем мире считаются «золотым стандартом» прижизненной диагностики заболеваний, где по данным аутопсий проводится оценка качества лечебного и диагностического процессов в медицинских учреждениях всех форм собственности.

В организации и проведении патологоанатомических исследований в ЛПУ Украины наблюдаются существенные недостатки, это относится к нормативно-правовому, материально-техническому, методическому и кадровому обеспечению.

Актуальность изучения законодательного и нормативно-правового обеспечения ПАС в период реформирования системы здравоохранения очень значима, поскольку эта важная служба требует изучения, анализа и научно обоснованных изменений, особенно управления, финансирования и структурной реорганизации, на чем акцентируют внимание представители всех уровней власти [1–3].

Основные акценты в перечисленных выше документах нацелены на необходимость разработки и внедрении соответствующих нормативно-правовых актов «для внедрения новой модели финансирования системы здравоохранения, нормативного определения стоимости медицинских услуг и пути ее оплаты из государственного бюджета, применение новых механизмов оплаты медицинских услуг, особенностей заключения договоров (контрактов) на медицинское обслуживание» [1].

Состояние исследования. Научный анализ проблем реформирования системы здравоохранения в Украине был интересен и изучался многими учеными, а именно: В. М. Лехан, Г. А. Слабким, М. Н. Билинской, Я. Ф. Радышем, И. В. Рожковой, Ю. Н. Солоненком, Н. П. Кризиной, Ю. В. Давыдовой, М. В. Шевченко и другими.

Научное сопровождение, практическая работа, обеспечение и функционирование патологоанатомической службы Украины осуществляются многими отечественными учеными. Среди них следует назвать Д. Д. Зербино, А. Н. Романенко, С. Г. Гичку, Т. Д. Задорожную, Е. А. Дядьк, В. П. Сильченка, В. А. Туманского, В. Д. Марковского, И. С. Шпоньку, И. В. Сорокину и другие.

Целью и задачей статьи является исследование государственного управления в системе здравоохранения Украины, изучение законодательного и нормативно-правового обеспечения патологоанатомической службы в Украине и разработка рекомендаций по ее усовершенствованию в период ее реформирования.

В исследовании использованы общенаучные и специальные методы, основывающиеся на современных научных принципах управленческой, юридической и сочетающихся с ними наук.

Были использованы: системный анализ – в процессе изучения тенденций развития патологоанатомической службы и системы здравоохранения; факторный анализ – для рассмотрения показателей, которые влияют на эффективное использование ресурсного обеспечения медицинской помощи и патологоанатомической службы; исторический и логический методы – для исследования медицинской и патологоанатомической проблем в Украине; абстрактно-логический – для теоретического

обобщения и формирования выводов; методы анализа и синтеза – для разработки принципов государственной политики в системе здравоохранения и механизмов ее реализации.

Работа имеет аналитический характер исследования с элементами ретроспективного нормативно-правового и организационно-методического анализа.

Изложение основного материала. В юридической литературе за последние десятилетия внесены значительные изменения в законодательные и нормативно-правовые акты государственного управления системы здравоохранения и ПАС Украины в частности.

Значительные социально-экономические превращения, происходящие в Украине, включают реформирование системы здравоохранения, предвидя изменения правовых, экономических и организационно-функциональных основ сохранения, укрепления и восстановления здоровья граждан [4].

Большинство исследователей разных отраслей науки (государственного управления, экономики, социальной медицины, социальной и гуманитарной политики и других) указывают на несоответствие украинской системы здравоохранения современным социальным и нынешним экономическим реалиям, что консервируется существующей моделью ее ресурсного обеспечения.

Необходимо, чтобы реформы базировались на научных принципах государственного управления и менеджмента в системе здравоохранения.

Перевод отрасли на новые условия хозяйствования требует широкого использования результатов патологоанатомических исследований как объективного критерия эффективности оценки конечных результатов деятельности ЛПУ.

Также требует пересмотра система оплаты труда медицинского персонала ПАС в зависимости от объема работы, сложности и ответственности за проведение исследований.

Важными подразделениями больших учреждений госпитальной помощи являются патологоанатомические отделения (ПАО), патологоанатомические лаборатории (ПАЛ), патологоанатомические бюро (ПАБ), кафедры патологической анатомии медицинских институтов, институтов усовершенствования врачей и ПАО научно-исследовательских институтов.

ПАС является неотъемлемой частью системы здравоохранения, она представлена системой мероприятий, направленных на улучшение качества лечебно-диагностической работы в ЛПУ.

Комплекс заданий, которые стоят перед ПАС, обуславливает важность сохранения тесной связи с клиникой, создания на ее основе научно-практических объединений, использования базы для учебного процесса.

При проведении исследования мы изучали терминологию и понятия, представленные в действующем законодательстве Украины [5].

Основные понятия и термины, которые используются:

«учреждение здравоохранения» – юридическое лицо любой формы собственности и организационно-правовой формы или ее отдельное подразделение, основным заданием которых является обеспечение медицинского обслуживания населения на основании лицензии и профессиональной деятельности медицинских (фармацевтических) работников;

патологическая анатомия изучает морфологические характеристики патологических процессов на разных уровнях (системном – системы органов и тканей организма, тканевом, клеточном, субклеточном и молекулярном);

определение «патологическая анатомия», «врач-патологоанатом» используют для обозначения медицинской дисциплины в основном в Украине и в странах бывшего Советского Союза;

патологоанатомическая служба – это система организаций (учреждений, подразделений) системы здравоохранения, которые осуществляют прижизненную и посмертную диагностику болезней и контроль качества лечебно-диагностического процесса.

Основными заданиями ПАС являются:

– выявление этиологии патологических процессов, без чего невозможно развитие заболеваний. Также изучаются факторы, без которых невозможно развитие заболевания;

– изучение патогенеза – механизма развития патологических процессов. При этом последовательность развития морфологических изменений называется морфогенезом;

– характеристика морфологической картины заболевания (микрои макроморфологических признаков);

– изучение осложнений и выхода из болезни;

– изучение патоморфоза заболеваний – это стойкие и закономерные изменения картины заболевания под действием условий (природный патоморфоз) или лечения (индивидуальный патоморфоз);

– изучение ятрогений – патологических процессов, которые развились вследствие проведения диагностических или лечебных процедур;

– разработка вопросов теории диагноза;

– прижизненная и посмертная диагностика патологических процессов при помощи морфологических методов.

Еще в Приказе МЗО СССР № 90 от 17.02.1948 г. «Об улучшении патологоанатомического дела в больницах» сказано о большом значении хорошо организованной ПАС для поднятия качества и эффективности оказания медицинской помощи населению. Таким образом, этот приказ явился важным не только для ПАС в стране, но и для успешного проведения реформирования системы здравоохранения в послевоенном периоде.

В нем было все для перестройки ПАС, начиная от штатного расписания и заканчивая строительством и ремонтом моргов. Также уделялось внимание организации прозектур на базе специализированных ЛПУ. В районах, где не было штатных патологоанатомов, предлагалось привлекать до исполнения секций лечащих врачей.

Этим приказом было предусмотрено создание институтов главных патологоанатомов республик, областей, городов. Эта регламентация дополнялась изданием положений и инструкций. В приложениях были даны схемы отчетов патологоанатомов отделений.

Этот Приказ стал толчком для ПАС в СССР и важнейшим стимулом в ее совершенствовании.

Приказом МЗО СССР № 4 от 03.01.1952 г. «О дальнейшем совершенствовании патологоанатомической службы» были введены должности главных патологоанатомов и заведующих патологоанатомическими отделениями, что способствовало административному формированию службы в системе здравоохранения.

Приказ МЗО СССР № 375 от 04.04.1982 г. «О дальнейшем совершен-

ствовании патологоанатомической службы в стране» стал основополагающим для проведения эксперимента по реорганизации ПАС, перехода от центральных отделений до организации ПАБ.

Сегодня вызывает огромное беспокойство регулирующая нормативная база ПАС Украины, а именно Приказ МЗО Украины № 81 от 12.05.1992 г. «О развитии и совершенствовании патологоанатомической службы в Украине», который потерял законность на основании Приказа МЗО Украины № 628 от 25.09.2015 г.

Взамен Приказа № 81 был разработан проект Приказа МЗО Украины № 38 «Об организации работы патологоанатомической службы в Украине», который был опубликован на сайте МЗО Украины 04.02.2011 г.

Но необходимо отметить, что на протяжении 2011–2016 гг. над усовершенствованием этого проекта Приказа работала рабочая группа специалистов на всеукраинском уровне, но ее наработки не вошли в проект Приказа по неизвестным никому причинам. И, как следствие, он не прошел процедуру согласований до сих пор и поэтому ПАС Украины работает без Приказа, что и вызывает беспокойство и возмущение всех специалистов ПАС Украины. Возникает вопрос, как же можно проводить реформирование ПАС, если нет Приказа по службе?

Проблемой также является определение оптимальной модели создания службы с точки зрения управления и финансирования, координации с органами исполнительной власти и руководителями ЛПУ [6].

Экономические отношения в системе здравоохранения невозможны без объективной оценки качества каждой медицинской услуги. Такую оценку качества должен дать «покупатель» медицинской услуги, а именно медицинские страховые компании – тот финансовый орган, который является компетентным представителем интереса пациента [7; 8].

Организация ПАС должна осуществляться на базе органов управления исполнительной власти, ПАБ является в организационно-правовом плане учреждением государственного или муниципального подчинения, так как учреждением назначается организация, которая создана организатором для

осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера и финансируется им полностью или частично [6].

Развитие ПАС территории в связи с ограничением всех видов ресурсов может идти поэтапно:

– базовая модель, действующая на территории до момента принятия решений о реформировании или модернизации;

– модель 1, или «аппаратная», работающая на уровне органа управления здравоохранения. Ключевым звеном ПАС является аппарат главного патологоанатома, который под руководством главного специалиста должен обеспечить организационно-методическую и контрольную функции ПАС;

– модель 2, или «патологоанатомическое бюро» ПАБ, действующая подобно областному ПАБ;

– модель 3, или «институт патологии», который является учебно-научно-практическим объединением на базе ПАБ, в состав которого входят учреждения отрасли здравоохранения – ПАБ, кафедры медицинского высшего учебного заведения, научные подразделения, унитарные предприятия с экспертным центром, которые осуществляют коммерческую деятельность. То есть он функционально объединяет подразделения различных организационно-правовых форм и форм на основе близких целей и задач.

Организационно все ЛПУ территории должны быть распределены между подразделениями ПАС. В идеале, специалист-патологоанатом должен принимать участие в оформлении каждого «Медицинского свидетельства о смерти». В первую очередь, это относится к стационару, который имеет свое ПАО, затем – стационар, «закрепленный» за ПАО другого ЛПУ или ПАБ. Участие ПАС в установлении причин смерти здесь должно приближаться к 100% всех умерших в данном ЛПУ [6].

Но особое внимание необходимо уделять амбулаторной службе, которая регистрирует большинство случаев смерти, но в сравнении со стационаром имеет меньше ресурсов для обеспечения достоверности мониторинга смертности.

Чем выше активность ПАС, тем достовернее будет статистика качества диагностики в ЛПУ.

Выводы. Таким образом, законодательное поле Украины сформировано в части формирования государственной политики здравоохранения, основных ее принципов. Но вызывает возмущение тот факт, что ПАС Украины сегодня продолжает функционировать без основного Приказа по службе.

ПАС является важнейшим звеном в получении объективной информации в системе здравоохранения о качестве диагностики, лечения и причин смерти. Однако в настоящее время организационно-методический и контрольный потенциал ПАС используется недостаточно.

Необходимо уделить внимание амбулаторной службе, которая регистрирует большинство случаев смерти, но по сравнению со стационаром имеет меньше ресурсов для обеспечения достоверности мониторинга смертности.

Наиболее квалифицированными и подготовленными специалистами при установлении и формировании причин смерти являются патологоанатомы. Расширение их непосредственного участия, контроль организации и результатов этого процесса – необходимое условие повышения достоверной информации о причинах смерти населения.

Перспективной моделью организации ПАС необходимо считать «институт патологии», который является учебно-научно-практическим объединением на базе ПАБ, в состав которого входят учреждения отрасли здравоохранения: ПАБ, кафедры высшего медицинского учебного заведения, научные подразделения, унитарные предприятия с экспертным центром, которые осуществляют коммерческую деятельность. То есть он функционально объединяет подразделения различных организационно-правовых форм и форм на основе близких целей и задач.

Список использованной литературы:

1. Про Рекомендації парламентських слухань на тему: «Про реформу охорони здоров'я в Україні»; Постанова Верховної Ради України, від 21.04.2016 р. № 1338-VIII. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1338-19>.

2. Програма діяльності Кабінету Міністрів України; постанова Верховної Ради України від 11 грудня 2014 р. № 26-VIII. URL: http://www.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=247809587.

www.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=247809587.

3. Стратегія сталого розвитку «Україна – 2020»: Указ Президента України від 12 січня 2015 р. № 5/2015. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/5/2015>.

4. Основи законодавства України про охорону здоров'я №2801-XII від 19.11.1992 р. *Відомості Верховної Ради України*. 1993. № 4. С. 19. URL: <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2801-12&c=1>.

5. Про затвердження переліків закладів охорони здоров'я, лікарських, провізорських посад та посад молодших спеціалістів із фармацевтичною освітою у закладах охорони здоров'я: Наказ МОЗ України від 28.10.2002 р. № 385 (у редакції станом на 23.08.2016 р.). URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1138-96-%D0%BF>.

6. Державне управління реформування системи охорони здоров'я в Україні: навчально-наукове видання / авт. кол.: М. М. Білинська, Я. Ф. Радиш, І. В. Рожкова та ін.; за заг. ред. проф. М. М. Білинської. Київ; Львів: НАДУ, 2012. 240 с. ISBN 978-966-619-328-8.

7. Бабенко В. А. Тенденції фінансування системи охорони здоров'я: світовий досвід та уроки для України. *Економіка і суспільство*. 2016. № 2. С. 476–480.

8. Шевченко М. В. Фінансування та економічні механізми управління галуззю в умовах її реформування / М. В. Шевченко, А. В. Купліванчук. *Щорічна доповідь Про результати діяльності системи охорони здоров'я України*. 2014 рік: монографія / за ред. Квіташвілі О.; МОЗ України, ДУ «УІСД МОЗ України». Київ, 2015. С. 329–343.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крызина Елена Викторовна – ассистент кафедры патологической анатомии, гистологии и судебной медицины, Частное высшее учебное заведение «Киевский медицинский университет»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kryzyna Elena Viktorovna – Assistant at the Departments of Pathology, Histology and Judicial Medicine of Private Higher Educational Establishment “Kyiv Medical University”

kryzyna.np@gmail.com

УДК 343.35+343.234.1

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИЛИ НЕДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 351 УК УКРАИНЫ

Виктория ЛАДНЮК,

соискатель докторантуры и адъюнктуры
Национальной академии внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются сущность и правовая природа предоставления заведомо ложной или недостоверной информации. Автор обращает внимание на то, что предоставлением ложной информации являются активные физические или информационные действия субъекта по выражению и доведению до адресата соответствующих сведений. Акцентируется внимание на том, что описание признаков недостоверности информации требует определенного уточнения, поскольку в разных случаях законодатель принял разные, хотя и синонимичные понятия (ложная и недостоверная информация). В результате это может приводить к определенному искажению восприятия содержания уголовно-правовых норм и неодинаковому применению уголовного закона. В связи с этим обосновывается целесообразность внесения изменений в диспозицию ч. 2 ст. 351 УК Украины путем замены слова «недостоверной» словом «ложной». Также предлагается содержание абзаца первого ч. 1 и ч. 2 ст. 351 УК Украины перед словами «невыполнение», «создание», «предоставление», дополнить словом «умышленное», а слово «заведомо» из абзаца первого ч. 1 ст. 351 УК Украины исключить.

Ключевые слова: объективная сторона, предоставление заведомо ложной информации, предоставление недостоверной информации, народный депутат Украины, комитет Верховной Рады Украины, временная следственная комиссия Верховной Рады Украины, депутат местного совета, общественно опасные последствия.

THE PROVISION OF KNOWINGLY FALSE OR UNRELIABLE INFORMATION AS A FORM OF MANIFESTATION OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE CRIME UNDER ART. 351 OF THE CRIMINAL CODE OF UKRAINE

Victoria LADNIUK,

Applicant of Post-Doctoral and Postgraduate Study Unit
of National Academy of Internal Affairs

SUMMARY

This article is concerning on essence and legal nature of the provision of knowingly false information or inaccurate information. The author draws attention to the fact that the provision of false information is an active physical or informative action of the subject in terms of relevant information's expression and attribution to the addressee. The emphasis is on the fact that a description of the sign of false information needs some clarification, since in different cases the legislator used different, albeit synonymous concepts (false and inaccurate information). As a result, this may lead to a certain distortion of the perception of the content of criminal legal norms and to unequal application of the criminal law. In this regard, a feasibility of introducing changes to the disposition of Part 2 of Art. 351 of the Criminal Code of Ukraine by replacing the word "inaccurate" with the word "false" has been justified. It also has been offered to supplement first paragraphs of part 1 and part 2 of Art. 351 of the Criminal Code of Ukraine with the word "intentional" before the words "non-fulfillment", "creation", "rendering" respectively as well as to exclude the word "knowingly" from first paragraph of the part 1 of Art. 351 of the Criminal Code of Ukraine.

Key words: objective side, provision of knowingly false information, provision of inaccurate information, people's deputy of Ukraine, committee of Verkhovna Rada of Ukraine, temporary investigative commission of Verkhovna Rada of Ukraine, deputy of the local council, socially dangerous consequences.

Постановка проблемы. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 351 УК Украины, характеризуется общественно опасным деянием, которое может проявляться в одной из перечисленных форм: 1) невыполнение законных требований; 2) создание искусственных препятствий; 3) предоставление заведомо ложной информации. Из этого следует, что объективная сторона исследуемого

преступления характеризуется общественно опасным деянием, которое может проявляться в одной из перечисленных форм. Что же касается последствий и других признаков объективной стороны состава преступления, то они прямо не упоминаются в диспозициях ч. 1 и ч. 2 ст. 351 УК Украины, а следовательно, не имеют обязательного характера и решающее значение для этого состава преступления.

Следовательно, признаки объективной стороны – препятствование деятельности народного депутата Украины или депутата местного совета – по сути, будут ограничиваться изучением признаков общественно опасного деяния в соответствующих формах его проявления.

Актуальность темы исследования объясняется тем, что в современных условиях существования украинского

общества вопросы уголовно-правовой охраны авторитета органов государственной власти и органов местного самоуправления приобретают особое значение. Не является исключением здесь и уголовно-правовая охрана самой законности народного депутата Украины и депутата местного совета.

События, которые происходят в Украине в последнее время, требуют задуматься над дополнительными средствами охраны авторитета органов государственной власти и органов местного самоуправления. Деятельность народных депутатов Украины и депутатов местных советов является своеобразным инструментом влияния общества на деятельность органов судебной и исполнительной власти, а создание препятствий в деятельности народного депутата Украины и депутата местного совета является, по сути, созданием препятствий в деятельности общества по контролю судебной и исполнительной ветвей власти.

Необходимость исследования уголовно-правовой характеристики за препятствование деятельности народного депутата Украины и депутата местного совета обусловлено также сущностью проявлений объективной стороны этого преступления, которые внешне являются несколько схожими с проявлениями объективной стороны отдельных преступлений в сфере служебной деятельности и профессиональной деятельности, связанной с предоставлением публичных услуг.

Состояние исследования. Некоторые аспекты уголовной ответственности за препятствование деятельности народного депутата Украины или депутата местного совета были предметом исследований таких ученых-криминалистов, как П.П. Андрушко, Ю.В. Баулина, П.С. Берзина, В.Т. Дзюбы, М.П. Куцевича, В.И. Осадчего и др. Однако вопрос об определении предоставления заведомо ложной или недостоверной информации как формы проявления объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 351 УК Украины, так и не получил должного решения.

Поэтому целью статьи является исследование вопроса о предоставлении заведомо ложной или недостоверной информации как формы проявления объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 351 УК Украины.

Изложение основного материала. Одной из форм проявления общественно опасного деяния как признака объективной стороны исследуемого состава преступления является предоставление заведомо ложной информации (ч. 1 ст. 351 УК Украины) или предоставление недостоверной информации (ч. 2 ст. 351 УК Украины). Представляется, что содержание этих форм проявления общественно опасного деяния является одинаковым, а его разное описание в указанных уголовно-правовых нормах является лишь следствием несоблюдения требований законодательной техники. Так, и в одном, и в другом случае законодатель указывает на общественно опасные деяния субъекта, выражающиеся в предоставлении информации, которая не соответствует действительности.

Предоставление (предоставлять) в украинском языке понимается как: 1) дать что-нибудь в каком-то количестве однократно или неоднократно; 2) отправлять, посылать что-нибудь кому-либо; 3) давать возможность иметь что-то, пользоваться чем-то и так далее; 4) присваивать, присуждать звания (учёную степень); 5) добавлять какое-нибудь качество, свойство; 6) наделять какими-либо чертами, делать каким-то на вид [11, с. 60].

В контексте уголовно-правового понимания предоставление заведомо ложной информации упоминается также как признак объективной стороны состава мошенничества с финансовыми ресурсами (ст. 222 УК Украины). В этой связи В.Р. Мойсик отмечает, что такое предоставление заключается в совершении активных действий, представляющих собой очевидный, явный обман кредитора, который приобретает, как правило, письменную форму и сопровождается использованием поддельных или

иным образом сфальсифицированных документов [7, с. 9].

На обязательную активность действий субъекта при предоставлении заведомо ложной информации указывают также авторы научно-практических комментариев к ст. 222 УК Украины (В.Н. Киричко, А.И. Перепелица, А.Н. Яценко, В.Я. Таций, В.В. Черней) [8, с. 508; 5, с. 340].

Однако предоставление как общественно опасное деяние выступает конструктивным признаком не только составов преступлений, предусмотренных ст. 222 и ст. 351 УК Украины, но и иных составов, и не всегда общественно опасное деяние в виде предоставления связано именно с ложной информацией. В соответствии с этим общественно опасное деяние в виде предоставления чего-нибудь может приобретать несколько иной смысл. Например, предоставление (дача) взятки или неправомерной выгоды, по словам О.М. Грудзура, может проявляться как в действиях, так и в бездействии, направленных на непосредственную или опосредованную передачу материальных ценностей или на предоставление должностному лицу услуг; за выполнение или невыполнение им обусловленных действий в интересах определенных лиц. При этом учёный подчеркивает, что предоставление неправомерной выгоды (взятки) путём бездействия может иметь место, когда субъект не истребует материальные ценности, которые ранее были законно переданы должностному лицу во временное пользование [2, с. 92–93]. При таких условиях предоставление рассматривается несколько шире и не сводится только к активным действиям субъекта.

Однако в целом соглашаясь с таким подходом к общему пониманию содержания предоставления как общественно опасного деяния, мы вынуждены констатировать, что этот подход не совсем приемлем для определения признаков предоставления именно ложной информации. Более точным в данном случае является определение предоставления исключительно как активного действия.

Что же касается содержания такого активного действия, то оно, на наш взгляд, может выражаться как в физических, так и в информационных действиях¹ [10, с. 90]. В диспозициях ч. 1 и ч. 2 ст. 351 УК Украины законо-

¹ Научное положение о классификации общественно опасных деяний на физические и информационные было разработано М.И. Пановым и В.П. Тихим, которые считают, что к информационным следует относить действия, заключающиеся в передаче информации другим лицам и всегда выражающиеся в словесной (вербальной) форме, а также в любых действиях, которые несут информацию: смысловых жестах (конклюдентные действия), выразительных движениях (мимика). В то же время физическими действиями являются те, которые заключаются в совершении другого воздействия на людей, предметы, средства или орудия.

датель не конкретизирует форму выражения или предоставления ложной информации соответствующим органам или должностным лицам. Поэтому формы выражения и передачи информации могут быть разными, а следовательно, действия субъекта о предоставлении ложной информации также могут приобретать разные проявления, то есть быть физическими или информационными.

Так, в случае совершения физических действий, предоставление ложной информации происходит путем внесения ложных сведений в документы, подделки документов, предоставления поддельных документов и тому подобного. Однако, в случае совершения информационных действий ложная информация сообщается адресату именно в словесной форме и не предполагает совершения других действий по выражению или предоставлению информации.

По своей сути предоставление ложной информации в контексте состава преступления, предусмотренного ст. 351 УК Украины, как правило, совершается физическими действиями, ведь в основном касается предоставления такой информации в соответствующих официальных документах. Впрочем, это не исключает возможности предоставления ложной информации именно путем совершения информационных действий. Безусловно, в таких случаях возникают существенные сложности доказывания как самого факта предоставления субъектом информации, так и факта её ложности (искажения сведений). Однако наличие таких сложностей никоим образом не устраняет и не умаляет возможности совершить преступление исключительно информационными действиями.

Таким образом, предоставление ложной информации следует рассматривать как активные физические или информационные действия субъекта по выражению и доведению до адресата соответствующих сведений. Конкретный способ выражения и предоставления адресату информации, а также форма выражения такой информации могут быть разными. Например, ложная информация представляется в письменных ответах (письмах) на официальные запросы, сообщается в средствах массовой информации, предоставляется устно и тому подобное.

При этом отметим, что в каждом случае предоставления ложной информации субъект должен осознавать её ложность (недостоверность), а значит, такое предоставление обязательно должно характеризоваться признаком заведомости. Это также касается и случаев предоставления ложной информации комитетам или временной следственной комиссии Верховной Рады Украины.

Признаки заведомости по сведениям, которые упоминаются в диспозиции ч. 1 ст. 351 УК Украины, подчеркивает обязательность осознания субъектом именно недостоверности информации. Из этого следует, что состав преступления будут образовывать только те случаи передачи информации, когда виновный достоверно знал, что сведения, которые он предоставляет, не соответствуют действительности. Зато в случаях, когда субъект только осознавал вероятную ошибочность своих суждений и возможные несоответствия или искажения, такие действия не могут охватываться составом преступления, предусмотренного ст. 351, поскольку информация, которая передается, не является заведомо неправдивой для виновного.

Однако следует также обратить внимание, что закрепление подобного признака по деянию в виде предоставления ложной информации приведет к определенному дублированию в диспозиции ч. 1 ст. 351 УК Украины. В частности, определение, что предоставление информации является умышленным, будет совпадать с признаком заведомости ложной информации. При таких условиях в диспозиции ч. 1 ст. 351 УК Украины определено, что ложная информация является лишней и требует исключения.

Объясняется это тем, что дважды указывать на признак осознанной передачи ложной информации вряд ли целесообразно. Более того, признак заведомости не находит законодательного закрепления и ее содержание остается не совсем понятным, в отличие от содержания умысла. Таким образом, потенциальное дублирование признаков следовало бы устранить за счет исключения указания на признак заведомости, тогда как признак умышленной передачи информации, наоборот, должна находить свое отражение.

В этой связи предлагается абзацы первые ч. 1 и ч. 2 ст. 351 УК Украины, перед словами «невыполнение», «создание», «предоставление» дополнить словом «умышленное», а слово «заведомо» из абзаца первого ч. 1 ст. 351 УК Украины исключить.

Вместе с тем следует обратить внимание, что диспозиции ч. 1 и ч. 2 ст. 351 УК Украины несколько по-разному описывают признак несоответствия информации. В одном случае законодатель называет такую информацию «ложной» (ч. 1 ст. 351 УК Украины), а в другом – недостоверной (ч. 2 ст. 351 УК Украины). По нашему убеждению, эти понятия следует рассматривать как абсолютно равнозначные синонимы, каждый из которых указывает на искажение или несоответствие действительности сведений, предоставляемых адресату.

Поэтому использование различных, пусть даже и тождественных по содержанию, понятий для описания одного и того же признака информации представляется не совсем корректным. Так, в частности, использование различных понятий для описания одинакового признака приводит к усложнению содержания и восприятия закона об уголовной ответственности, порождает определенные неоднозначности в понимании уголовно-правовых запретов и как следствие – к возможности неодинакового применения уголовного закона.

В соответствии с этим, оправданным, необходимым и целесообразным является использование единого понятия для описания (обозначения) одного и того же признака. Следовательно, необходимо внесение изменений в диспозиции ч. 2 ст. 351 УК Украины и замена слова «недостоверной», словом «ложной».

Продолжая исследование признаков объективной стороны состава препятствования деятельности народного депутата Украины или депутата местного совета, следует рассмотреть вопрос о моменте окончания этого преступления. Так, в существующих научно-практических комментариях высказывается почти единодушное мнение о том, что момент окончания преступления в данном случае совпадает с моментом совершения самого общественно опасного деяния, а состав пре-

ступления по конструкции объективной стороны относится к формальным [9, с. 806; 8, с. 877; 5, с. 740; 12, с. 725; 6, с. 643]. Такая же позиция находит отражение и в ряде учебных пособий и учебников [3, с. 545; 4, с. 369] и практически не находит возражений.

На наш взгляд, с таким подходом также следует согласиться и определять момент окончания предоставления недостоверной информации, то момент окончания преступления в этом случае В.И. Осадчий предлагает определять с момента поступления такой информации к адресату [3, с. 545]. С таким мнением следует согласиться, поскольку ею, на наш взгляд, будет считаться именно та информация, которая уже поступила к адресату, а деяния, направленные на выражение и доведение ложной информации, которые по причинам, не зависящим от воли виновного, не привели к поступлению к адресату такой информации, следует расценивать только как покушение на препятствие.

Таким образом, момент окончания преступления, предусмотренного ст. 351 УК Украины, напрямую зависит от формы проявления общественно опасного деяния в случае предоставления недостоверной информации – с момента поступления такой информации к адресату.

Выводы. На основании изучения признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 351 УК Украины, возможно сформулировать следующие обобщения.

Во-первых, объективная сторона исследуемого состава преступления характеризуется общественно опасными деяниями (как действием, так и бездействием), которые могут выражаться в: 1) невыполнении законных требований народного депутата Украины, депутата местного совета (ч. 1 ст. 351 УК Украины), комитета или временной следственной комиссии Верховной Рады Украины (ч. 2 ст. 351 УК Украины); 2) создании искусственных препятствий в их работе; 3) предоставлении ложной (недостоверной) информации.

Предоставлением ложной информации являются активные физические или информационные действия субъекта по выражению и доведению до адресата соответствующих сведений.

В свою очередь, описание признака недостоверности информации требует определенного уточнения, поскольку в разных случаях (ч. 1 и ч. 2 ст. 351 УК Украины) законодатель использовал разные, хотя и синонимичные понятия (ложная и недостоверная информация). Всё это может приводить к определенному искажению восприятия содержания уголовно-правовых норм и к неодинаковому применению уголовного закона. В связи с этим необходимо внесение изменений в диспозицию ч. 2 ст. 351 УК Украины, и замена слова «недостоверной» словом «ложной».

Во-вторых, по конструкции объективной стороны рассматриваемый состав преступления является формальным и считается законченным с момента совершения общественно опасного деяния. При этом момент окончания преступления, предусмотренного ст. 351 УК Украины, напрямую зависит от формы проявления общественно опасного деяния: в случае предоставления недостоверной информации – с момента поступления такой информации к адресату.

Предлагается абзацы первые ч. 1 и ч. 2 ст. 351 УК Украины, перед словами «невыполнение», «создание», «предоставление», дополнить словом «умышленное», а слово «заведомо» из абзаца первого ч. 1 ст. 351 УК Украины исключить.

Список использованной литературы:

1. Александров Ю.В., Дудоров О.О., Клименко В.А., Мельник М.І. Кримінальне право України. Особлива частина : підручник : за ред. М.І. Мельника, В.А. Клименка. Київ : Атіка, 2009. 744 с.
2. Груздур О.М. Кримінально-правова характеристика провокації хабара: дис. ... канд. юрид. Наук : 12.00.08. Київ, 2011. 229 с.
3. Кримінальне право України : Особлива частина : підручник : за ред. проф. М.І. Бажанова, В.В. Сташиса, В.Я. Тація. Київ : Юрінком Інтер, 2005. 544 с.
4. Кримінальне право України. Особлива частина : за ред. М.І. Мельника, В.А. Клименка. Київ : Атіка, 2009. 744 с.
5. Кримінальний кодекс України : науково-практичний коментар : відп.

ред. Є.Л. Стрельцов. Харків : ТОВ «Одіссей», 2008. 800 с.

6. Кримінальний кодекс України. Науково-практичний коментар : у 2 т. : за заг. ред. В.Я. Тація, В.П. Пшонки, В.І. Борисова, В.І. Тютюгіна. Харків : Право, 2013. 2013. 1040 с.

7. Мойсик В.Р. Проблеми кримінальної відповідальності за шахрайство з фінансовими ресурсами : автореф. дис. ... канд. юрид. Наук : 12.00.08. Київ, 2002. 20 с.

8. Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України : за заг. ред. О.М. Джужі, А.В. Савченка, В.В. Чернея. Київ : Юрінком Інтер, 2016. 1064 с.

9. Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України : за ред. М.І. Мельника, М.І. Хавронюка. Київ : Юридична думка, 2008. 1216 с.

10. Панов М.І., Тихий В.П. Поняття злочину (коментар до Кримінального кодексу України). *Вісник Конституційного Суду України*. 2004. № 1. С. 88–95.

11. Словник української мови : в 11 т. Київ : Наук. думка, Т. V : Н–О. 1974. 840 с.

12. Уголовный кодекс Украины. Комментарий : за ред. Бабию А.П., Гончар Т.А., Загики А.В., Кармазина Ю.А. Харьков, ООО Одиссей, 2001. 960 с.

ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРЕ

Ладнюк Вікторія Ростиславовна – соискатель докторантуры и адъюнктуры Национальной академии внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ladnyuk Viktoriya Rostislavovna – Applicant of Post-Doctoral and Postgraduate Study Unit of National Academy of Internal Affairs

siktoria8@gmail.com

УДК 342.95

РАЗРЕШИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ВИД АДМИНИСТРАТИВНЫХ УСЛУГ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Виктор ЛЕЩИНСКИЙ,
кандидат наук по государственному управлению,
Вице-президент Академии строительства Украины

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена определению общего и разницы между разрешительной деятельностью и деятельностью по предоставлению административных услуг на основании общей характеристики разрешительной деятельности в соотношении с деятельностью по предоставлению государственной услуги. Указано, что в теории административного права достаточно устоявшимся является подход, согласно которому разрешительную деятельность относят к видам административных услуг. Проведенный анализ показал, что разрешительную деятельность в ее соотношении с административной услугой можно рассматривать только в случае, если физическое или юридическое лицо приобретает определенные права. Выделена разница между разрешительной деятельностью и деятельностью по предоставлению административных услуг с установлением широкого содержания последней.

Ключевые слова: разрешительная деятельность, административная услуга, приобретение прав, публичная администрация, юридические возможности.

PERMISSIVE ACTIVITY AS A TYPE OF ADMINISTRATIVE SERVICES: GENERAL CHARACTERISTICS

Viktor LESHCHYNSKYI,
Candidate of Sciences in Public Administration,
Vice President of Academy of Engineering of Ukraine

SUMMARY

The article is devoted to the definition of the total and the difference between the permissive activity and the activity on the provision of administrative services on the basis of the general characteristics of the permissive activity in relation to the activity on the provision of public services. It is indicated that in the theory of administrative law, a sufficiently well-established approach is that permissive activity is classified as administrative services. The analysis showed that permissive activity in its relation to the administrative service can be considered only if an individual or legal entity acquires certain rights. The difference between permissive activity and administrative services with the establishment of the broad content of the latter.

Key words: permissive activity, administrative service, acquisition of rights, public administration, legal opportunities.

Постановка проблемы. Социально-правовое значение науки административного права проявляется в формировании теоретико-правовых конструкций, соответствующих современному развитию публично-властных институтов в глобальном пространстве на демократических принципах открытости, прозрачности, приближения к интересам и потребностям конкретного человека. Одной из таких теоретико-правовых конструкций выступают юридические разрешения как совокупность регулятивных начал публично-властной деятельности, учитывающей тенденции оптимизации разрешений и запретов. В таком значении юридических разрешений становится возможным научный взгляд на разрешительную деятельность с позиций соответствия правовой природе разрешительного регулирования, что делает возможным анализ вопроса о

соотноении с юридической конструкцией административной услуги.

Теоретико-правовой анализ в таком направлении создает основу понимания разрешительной деятельности, исходя именно из ее правовой природы, места в системе общих юридических начал и отражении в практических правовых конструкциях, закрепленных в действующем законодательстве. Следует при этом учитывать еще один аспект правовой характеристики разрешительной деятельности – существование процедурной формы ее осуществления, которое выдвигает на первый план выделение устойчивых научных положений о сущности правовой процедуры и возможности – теоретической и практической – их использования для установления надлежащего порядка осуществления разрешительной деятельности.

Актуальность темы исследования. Если обратиться к научным работам ученых, посвященных проблемам разрешительной деятельности, можно выделить ряд наработок, наличие которых свидетельствует об активном поиске путей и способов формирования неконфликтных положений относительно сущности разрешительной деятельности. В частности, активизация научных исследований в этом направлении проводилась, начиная с работ, в которых анализировались вопросы разрешительной деятельности, исходя из прямого определения в действующем законодательстве такой деятельности, что, как правило, касалось строго ограниченного предмета ее осуществления. Такие наработки были подготовлены В. А. Гуменюком, И. Г. Кириченко, С. В. Лихачевым, С. Д. Подлиневым, А. В. Харитоновым и другими. В дальнейшем разрешитель-

ная деятельность была подвергнута анализу в рамках исследований отдельных вопросов экологии, хозяйственной деятельности, функционирования нефтегазового комплекса, транспортной сферы (А. А. Баженова, С. С. Витвицкий, Я. Г. Воронин, А. В. Кашперский, А. С. Ластовецкий, И. Д. Пастух, Е. П. Рябченко, И. В. Солошкина и другие). Системный научный анализ сущности разрешительной деятельности органов публичной администрации провела А. В. Джафарова.

Следовательно, ученые, которые анализировали проблему сущности разрешительной деятельности, постепенно формировали ее правопонимание в широком смысле, исходя из общетеоретического значения разрешений и, соответственно, регулятивного содержания соответствующей деятельности. Такой подход требует дальнейшего развития, особенно в контексте соотношения разрешительной деятельности и более широкой по содержанию категории государственной услуги.

Целью и задачей статьи является осуществление общей характеристики разрешительной деятельности в соотношении с деятельностью по предоставлению административной услуги, формирование теоретико-правовых положений относительно общего и разницы между этими видами деятельности.

Изложение основного материала. Определение сущности разрешительной деятельности с позиций аксиологии предусматривает воссоздание ценностных ориентиров в правовом обращении этой категории, что в определенной степени находит отражение в отдельных научных исследованиях.

Так, А. В. Джафарова формулирует понятие разрешительной деятельности, исходя из восприятия ее целевого назначения, – «обеспечение баланса (согласования) индивидуальных, групповых и национальных интересов при сохранении приоритета прав и свобод человека и гражданина» [1, с. 10]. Исследовательница выделяет три научных подхода к раскрытию сущности разрешительной деятельности: широкое значение, которым фактически выступают установленные нормы и правила поведения; с позиций определенных охранительных правоотношений; исходя из признания процедурной формы такой деятельности.

При этом отмечено, что разрешительная деятельность непосредственно касается согласования или предоставления разрешительных документов относительно потенциально опасного для жизни и здоровья людей, окружающей природной среды и национальных интересов [1, с. 10]. Ученый отмечает направленность разрешительной деятельности на обеспечение безопасности жизни, здоровья, имущества граждан, охрану окружающей природной среды и интересов государства [2].

Такой научный подход можно назвать обобщающим, поскольку охраняемый смысл разрешительной деятельности отмечали практически все исследователи проблемы ее сущности, начиная с работ, в которых такая деятельность анализируется относительно предметов и веществ, которые находятся в строго ограниченном правовой нормой обращении (В. А. Гумнюк, И. Г. Кириченко, А. В. Харитонов и другие), а также работ, посвященных разрешительной деятельности в отношении предпринимательства (А. С. Ластовецкий, И. В. Солошкина и другие). Так, например, И. В. Солошкина отмечала, что объектом разрешительной деятельности «могут быть те сферы предпринимательства, деятельность в которых влияет на состояние национальной и, в том числе, экономической безопасности» [3, с. 22].

На необходимость определения сфер хозяйствования, имеющих риск негативного влияния на национальную безопасность, указывала Е. П. Рябченко. Она выделяла следующие виды предпринимательской деятельности, требующие выдачи разрешений: а) связана с операциями с оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами; б) влияет на монополизацию рынков; в) связана с использованием топливно-энергетических ресурсов; г) по обеспечению здоровья населения; д) негативно влияет на состояние экологии; е) касается инноваций; ж) связана с информационным обеспечением [4, с. 25–26].

Наряду с этим к безусловным достижениям А. В. Джафаровой можно отнести обоснованное теоретическое положение о целевом назначении разрешительной деятельности как таковой, что обеспечивает «баланс интересов» [1, с. 10]. Следует также

согласиться с мнением ученого о выделении административно-разрешительных правоотношений [5, с. 37].

Действительно, подход, согласно которому ключевым признаком разрешительной деятельности выступает обеспечение безопасности жизнедеятельности, вызывает интерес и не противоречит ее нормативному определению.

Законом Украины «О разрешительной системе в сфере хозяйственной деятельности» предусмотрено определение разрешительной системы как таковой, что касается выдачи документов разрешительного характера, их переоформления, аннулирования (абз. 2 ч. 1 ст. 1). Под выдачей документов разрешительного характера подразумевается выдача документов в установленной законодательством форме, которая дает право на осуществление субъектом хозяйствования хозяйственной деятельности (абз. 4 ч. 1 ст. 1) [6].

Следовательно, исходя из предписаний Закона Украины «О разрешительной системе в сфере хозяйственной деятельности», разрешительная деятельность фактически имеет правоустанавливающие содержание.

Следует обратить внимание на нормы указанного Закона, согласно которым: а) разрешительные органы (которые выдают документ разрешительного характера) отнесены к субъектам предоставления административных услуг (абз. 3 ч. 1 ст. 1 Закона Украины «О разрешительной системе в сфере хозяйственной деятельности»); б) определена разрешительная процедура (абз. 12 ч. 1 ст. 1 Закона Украины «О разрешительной системе в сфере хозяйственной деятельности»).

Таким образом, нормативное значение разрешительной деятельности, объект которой – сфера хозяйствования, предполагает ее определение в правоустанавливающем смысле, принадлежность к административным услугам, признание процедурной формы.

Другой специальный Закон Украины «О разрешительной деятельности в сфере использования ядерной энергии» закрепляет правозащитную направленность разрешительной деятельности в сфере использования ядерной энергии. Так, абзацем вторым преамбулы установлено: «Разрешительная

деятельность в сфере использования ядерной энергии направлена на защиту интересов национальной безопасности, предотвращение превышения допустимых норм облучения людей и загрязнения окружающей среды, а также соблюдение требований режима нераспространения ядерного оружия» [7].

При этом указанными выше законами закреплено единое название правовых форм разрешительной деятельности – документы разрешительного характера (абз. 4 ч. 1 ст. 1 Закона Украины «О разрешительной системе в сфере хозяйственной деятельности»; п. 4 ч. 1 ст. 1 Закона Украины «О разрешительной деятельности в сфере использования ядерной энергии»).

Унификации правовых форм разрешительной деятельности в сфере хозяйствования способствует Закон Украины «О Перечне документов разрешительного характера в сфере хозяйственной деятельности», которым установлены следующие виды правовых форм: сертификаты, справки, свидетельства, выводы, разрешения, специальные разрешения, согласования, решения, подтверждение, форма регистрации [8]. Поэтому термин «документ разрешительного характера» в разрешительных правоотношениях в сфере хозяйствования является обобщающим.

Законом Украины «О природно-заповедном фонде Украины» от (в редакции от 22 марта 2018 г. № 2362-VIII) предусмотрены лимиты на использование природных ресурсов в пределах территорий и объектов природно-заповедного фонда общегосударственного значения и на их основании – разрешения на специальное использование природных ресурсов и (ст. 9-1) [9]. Исходя из предписаний указанного Закона, целевое назначение разрешений и лимитов – охранное относительно природных ресурсов.

Охранное значение разрешительной деятельности в сфере градостроительства можно указывать, исходя из норм Закона Украины «О регулировании градостроительной деятельности» относительно условий выдачи разрешений на выполнение строительных работ. Такие разрешения предоставляются в отношении объектов, по классу последствий (ответственности) относятся к объектам со средними (СС2) и значительными (СС3) последствия-

ми или подлежат оценке воздействия на окружающую среду (п. 3 ч. 1 ст. 34, ч. 1 ст. 37 Закона Украины «О регулировании градостроительной деятельности» [10]).

Следовательно, если действующее законодательство предусматривает дифференциацию направленности разрешительной деятельности в зависимости от сфер (объекта) ее осуществления, можно рассмотреть вопрос в порядке научной дискуссии о принадлежности отдельных видов разрешительной деятельности к административным услугам.

В подтверждение принадлежности разрешительной деятельности к одному из видов административных услуг целесообразно привести подход В. К. Колпакова о выделении таких услуг, их принадлежности и сферы прав и обязанностей, реализация которых требует предоставления услуг. Так, выдача разрешений поставлена на первое место среди других видов административных услуг (регистрация, легализация, социальные административные услуги). К такому виду административных услуг, как выдача разрешений, ученый относил не только разрешительную деятельность в сфере предпринимательства, но и разрешения по реализации права на мирные собрания, аттестацию, аккредитацию и т.д. [11, с. 16]. Однако такой подход ученого не может быть воспринят беспреслововно, учитывая принадлежность, например, аккредитации к другим, отличным от разрешительных, правоотношениям.

Закон Украины «Об административных услугах» не конкретизирует характер деятельности по предоставлению административных услуг, сосредоточивая внимание на целевом назначении – приобретение, изменение или прекращение прав и/или обязанностей физическим или юридическим лицом (п. 1 ст. 1 Закон Украины «Об административных услугах» [12]).

Однако разрешительная деятельность направлена преимущественно на приобретение прав физическим или юридическим лицом при реализации компетенции исполнительно-распорядительного характера уполномоченными субъектами – публичной администрацией. Кроме того, следует указать обстоятельство, что доктринальное

значение термина «услуга» предусматривает ее раскрытие с позиций наличия потребительских качеств.

В Энциклопедии гражданского права Украины дано определение договоров услуг – договоров, по которым одна сторона (исполнитель) обязуется по заданию другой стороны (заказчика) предоставить услугу, которая потребляется в процессе совершения определенного действия или осуществления определенной деятельности, а заказчик обязуется оплатить исполнителю указанную услугу, если другое не установлено договором [13, с. 303].

По мнению В. В. Петевки, который анализировал проблему предоставления административных услуг, административной услугой является совокупность действий органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, их должностных лиц по содействию реализации физическим или юридическим лицом конституционно определенного права и состоит в юридическом оформлении условий реализации потребителями таких услуг прав, свобод и законных интересов [14, с. 8].

Поэтому, если исходить из понимания административной услуги с позиций правообеспечительной деятельности, возникает вопрос о принадлежности разрешительной деятельности к такой, которая связана с предоставлением административных услуг.

Проблема принадлежности к административным услугам разрешительной деятельности имеет не только теоретический, но и практический характер, поскольку способствует решению вопроса об унификации видов и процедур такой деятельности, в зависимости от их правовой природы и назначения.

Следует обратить внимание и на следующее. Признавая ценность научного вклада ученых, которые обосновывали охранное и правоустанавливающее значение разрешительной деятельности, тем не менее целесообразно отметить, что такой подход нельзя считать исчерпывающим. Так, признание охранного значения разрешительной деятельности может обуславливать целесообразность признания разрешений как правоограничений, исходя из общетеоретического значения категории «правоограничения».

Так, общетеоретическое значение термина «правовое ограничение» раскрывается через правовое сдерживание противоправного поведения, которое создает условия для удовлетворения интересов контрsubjекта и общественных интересов в охране и защите [15 с. 734]. По сути, исходя из указанного определения правоограничения, можно сделать, на первый взгляд, предположение, что разрешительная деятельность связана с правоограничением. Однако решению проблемы принадлежности или непринадлежности разрешительной деятельности к виду административных услуг будет способствовать применение научного подхода, который принят в теории права, о сущности общеразрешительных и разрешительных режимов, это позволит избежать неоднозначности при определении содержания понятия «разрешение».

Так, И. А. Соколова отмечает, что в основу общеразрешительного режима положен принцип: разрешено все, что прямо не запрещено законом, а то, что прямо запрещено законом, должно быть четко и точно регламентировано нормативным актом. Для правового режима разрешительного профиля характерно то, что субъекты обладают только теми правами, которые прямо закреплены законом [16, с. 79].

Поэтому, опираясь на вышеуказанные положения общей теории права, о разрешительной деятельности целесообразно указывать на понимание правового режима разрешительного профиля, которое предусматривает как общеправовые возможности, так и исключения.

С. С. Алексеев, характеризуя сущность общеразрешительного режима, указывал на имеющиеся юридические возможности [17, с. 364–365], которые в контексте приведенного выше подхода И. А. Соколовой тождественны общеправовым возможностям.

Если исходить из правопонимания разрешительного режима в общеправовом смысле, следует указать, что разрешительную деятельность в ее соотношении с административной услугой можно рассматривать только в случае, если физическое или юридическое лицо приобретает определенные права. Имеются в виду, прежде всего, юридические возможности приобретения

определенных прав, предоставляемых при осуществлении разрешительной деятельности как вида административных услуг. Вместе с тем содержание административных услуг и разрешительной деятельности отличается следующим:

– назначение разрешительной деятельности – создание уполномоченными субъектами (публичной администрацией) юридических возможностей реализации физическими или юридическими лицами прав. Назначение административных услуг шире по содержанию и касается приобретения, изменения или прекращения прав и/или обязанностей лица в соответствии с законом;

– ограничение сферы предоставления административных услуг правоотношениями отдельных видов (ч. 2 ст. 2 Закона Украины «Об административных услугах» от 06.09.2012 г. № 5203-VI). Однако в рамках некоторых из них разрешительная деятельность осуществляется. Например: а) по защите экономической конкуренции, когда предусмотрена выдача разрешений на использование объекта права интеллектуальной собственности; согласованные действия, которые могут быть разрешены, в соответствии с Законом Украины «О защите экономической конкуренции» от 11.01.2001 г. № 2210-III [18]; б) по осуществлению деятельности, связанной с государственной тайной, а именно: установление разрешительный порядок осуществления государственным органами, органами местного самоуправления, предприятиями, учреждениями и организациями деятельности, связанной с государственной тайной, в соответствии со ст. 18 Закона Украины «О государственной тайне» от 21.01.1994 г. № 3855-XII [19]; в) приобретение прав в отношении объектов, ограниченных в гражданском обороте, – административные услуги не предоставляются, однако разрешительная деятельность осуществляется.

Выводы. Действующее законодательство, нормы которого регулируют отношения в сфере разрешительной деятельности, предусматривает разницу в ее целевом назначении, подчеркивая охранное или правоустанавливающее значение. Такой подход законодателя стал одним из факторов,

обусловивших необходимость критического анализа сущности разрешительной деятельности, ее соотношение с деятельностью по предоставлению административных услуг.

В теории административного права достаточно устоявшимся является подход, согласно которому разрешительную деятельность относят к видам административных услуг. Однако проведенное исследование позволило установить, что такой подход возможен только в случае, когда речь идет о деятельности уполномоченных субъектов (публичной администрации) по содействию вступлению физического или юридического лица в определенные права. В большинстве случаев деятельность по предоставлению административных услуг шире по содержанию по сравнению с разрешительной деятельностью, да и оно отличается. Такой теоретико-правовой вывод является основой дальнейшего научного анализа сущности разрешительной деятельности, выделения и характеристики ее процедурной формы по сравнению с процедурами предоставления административных услуг.

Список использованной литературы:

1. Джафарова О. В. Дозвільна діяльність органів публічної адміністрації: адміністративно-правові засади : дис. ... д.ю.н. 12.00.07. Харків, 2015. 623 с.
2. Джафарова Е. В. Сущность разрешительной деятельности государства: теоретические вопросы. *Социально-гуманитарный вестник Юга России*. 2012. № 10-11. С. 236.
3. Солошкіна І. І. Адміністративно-правові засади дозвільної діяльності щодо підприємництва : дис. ... к.ю.н. 12.00.07. Харків, 2006. 195 с.
4. Рябенко О. П. Концептуальні проблеми застосування диспозитивного методу публічно-правового регулювання відносин у сфері економіки. *Наукова доповідь*. Київ : Логос, 2013. 40 с.
5. Джафарова О. В. Дозвільна діяльність органів публічної адміністрації в Україні: питання теорії і практики : монографія. Харків : Діа плюс, 2015. 688 с.
6. Про дозвільну систему у сфері господарської діяльності : Закон України від 06.09.2005 р. № 2806-IV. *Відо-*

mosti *Verhovної Ради України*. 2005. № 48 (02.12.2005). Ст. 483.

7. Про дозвільну діяльність у сфері використання ядерної енергії : Закон України від 11.01.2000 р. № 1370-XIV. *Відомості Верховної Ради України*. 2000. № 9. Ст. 68.

8. Про Перелік документів дозвільного характеру у сфері господарської діяльності : Закон України від 19.05.2011 р. № 3392-VI. *Відомості Верховної Ради України*. 2011. № 47. Ст. 532

9. Про природно-заповідний фонд України: Закон України від 16.06.1992 р. № 2456-XII (в редакції від 22 березня 2018 р. № 2362-VIII). *Відомості Верховної Ради України*. 1992. № 34. Ст. 502.

10. Про регулювання містобудівної діяльності: Закон України від 17.02.2011 р. № 3038-VI. *Відомості Верховної Ради України*. 2011. № 34. Ст. 343.

11. Колпаков В. К. Адміністративна відповідальність (адміністративно-деліктне право) : навчальний посібник. Київ : Юрінком Інтер, 2008. 286 с.

12. Про адміністративні послуги : Закон України від 06.09.2012 р. № 5203-VI. *Відомості Верховної Ради України*. 2013. п 32. Ст. 409.

13. Енциклопедія цивільного права України / за ред. Я. М. Шевченко. Київ : Ін Юре, 2009. 952 с.

14. Петьовка В. В. Правове регулювання надання адміністративних послуг в Україні : дис. ... к.ю.н. 12.00.07. Київ, 2014. 208 с.

15. Тихомиров Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. Издание 6-е дополненное и переработанное. Москва : Изд. Тихомирова М. Ю., 2-13. 1088 с.

16. Соколова І. О. Правовий режим як категорія правової науки : монографія. Харків : Право, 2014. 152 с.

17. Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справочн. том]. Том 2: Специальные вопросы правоуедения. Москва : Статут, 2010. 471 с.

18. Про захист економічної конкуренції : Закон України від 11.01.2001 р. № 2210-III. *Відомості Верховної Ради України*. 2001. № 12. Ст. 64.

19. Про державну тасмницю: Закон України від 21.01.1994 р. № 3855-XII. *Відомості Верховної Ради України*. 1994. № 16. Ст. 93.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лещинский Виктор Петрович – кандидат наук по государственному управлению, Вице-президент Академии строительства Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leshchynskiy Viktor Petrovich – Candidate of Sciences in Public Administration, Vice President of Academy of Engineering of Ukraine

0971713748@ukr.net

УДК 342.92

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ КОДИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ В ВЕДУЩИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Евгений ЛИТВИНЕНКО,

аспирант кафедры административного права
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены современные тенденции кодификационной работы на примерах национальных подходов отдельных стран Европейского Союза (Франции, Германии) и обоснована целесообразность использования в Украине ведущего европейского опыта.

Автором проанализированы тенденции организационно-правового обеспечения ведения кодификационной работы на примере Высшей комиссии по кодификации, подчиненной Премьер-министру Франции, особенности официальной, квази-официальной кодификации, а также самостоятельного вида кодификации – постоянной кодификационной работы, состоящей в пересмотре и составлении действующих правовых норм без учета каких-либо юридических инноваций, кроме необходимых изменений для обеспечения соблюдения иерархии норм и редакционного соответствия текстов, отмены положений, утративших юридическую силу и актуальность. Сформулированы предложения и рекомендации касательно усовершенствования кодификационной работы в Украине с учетом передового европейского опыта.

Ключевые слова: кодификация, Высшая комиссия по кодификации Франции, система административного законодательства, кодекс, постоянная кодификационная работа, классическая кодификация, квази-официальная кодификация.

MODERN DEVELOPMENT OF CODIFICATION ACTIVITY IN THE LEADING EUROPEAN COUNTRIES

Evgeniy LITVINENKO,

Postgraduate Student at the Department of Administrative Law
of Taras Shevchenko National University of Kyiv

SUMMARY

The article considers modern tendencies of codification activity work on examples of national approaches formed by European Union member-states (France, Germany) and substantiates the necessity to apply in Ukraine the leading European practice.

Author analyzed the trends of organizational and legal support to codification activity on the example of the Supreme Commission for Codification, subordinated to the Prime Minister in France, as well as features of official, quasi-official codification, and of an independent type of codification – constant codification work originating in revising and drafting existing legal norms taking into account any legal innovations, except for the necessary changes, to ensure compliance with the hierarchy of norms and editorial correspondence of texts, cancellation of provisions that have lost their legal force and relevance. Proposals and recommendations regarding improvement of codification activity in Ukraine were formulated based on modern European experience.

Key words: codification, Supreme Commission for Codification, system of administrative legislation, code, permanent codification activity, classic codification, quasi-official codification.

Постановка проблемы. Для усовершенствования современного состояния кодификационной работы в Украине необходимо комплексно проанализировать современные тенденции развития кодификационной деятельности в ведущих странах Европы и на основе проведенного сравнительно-правового анализа сформулировать предложения о введении ряда инноваций, являющихся современной практикой и примером для постсоветских стран.

Актуальность темы исследования обусловлена рядом внешних и внутренних факторов, имеющих основополагающее влияние на развитие современной системы законодательства Украины. Среди внешних фак-

торов необходимо отметить недавнее подписание Соглашение об ассоциации с Европейским Союзом, углубление внешнеполитических и экономических связей стран Европейского Союза с Украиной как самостоятельным субъектом международной политики, необходимость в кратчайшие сроки обновления правового регулирования в ключевых сферах, основываясь на общих ценностях, подходах, правилах.

В числе внутренних факторов, свидетельствующих о необходимости усовершенствования кодификационной работы в Украине, следует указать: значительное увеличение объема правовых норм, в частности, в системе административного законодательства, их упорядочение с использованием

современных подходов постоянной кодификационной работы; необходимость создания самостоятельного органа, уполномоченного осуществлять постоянную кодификационную работу по обновлению действующего законодательства; также следует упомянуть о невыполнении задач кодификационной работы предыдущих периодов, в частности, касательно разработки и принятия Административно-процедурного кодекса Украины, Административно-деликтного кодекса Украины, а также внедрения ряда новых кодифицированных актов на примере европейского опыта.

Состояние исследования. Среди ведущих ученых, которые занимались разработкой этой правовой проблемы,

следует упомянуть известных украинских исследователей: В. Б. Аверьянова, И. П. Голосниченко, В. К. Колпакова и многих других.

Обозначенная проблематика пользуется значительным вниманием зарубежных ученых, среди которых следует отметить: Ш.-Ж. Бонен, А. Жульен, Ж. Зиллер, Ю. Шварце.

Целью и задачей статьи является рассмотрение научных и практических подходов к кодификационной работе в ведущих европейских странах.

Основными задачами статьи определены следующие:

1) обобщение опыта ведущих стран континентально-правовой системы с целью выработки предложений по усовершенствованию кодификационной работы в Украине;

2) рассмотрение современного организационно-правового обеспечения кодификационной работы на примере Франции и деятельности Высшей комиссии по кодификации как самостоятельного органа;

3) рассмотрение положений кодифицированных актов ведущих европейских стран, принятие которых имеет особо важное значение для развития украинской системы административного законодательства.

Изложение основного материала. Подходы к кодификации административного законодательства, используемые в европейских странах, можно противопоставить диаметрально-противоположными взглядами, сформировавшимися в странах Европейского Союза и странах, географически относящихся к европейскому континенту, в частности, странах СНГ. Во-первых, кодификация рассматривается как «деятельность по кодификации или результат такой деятельности, которая заключается в перегруппировке, консолидации и структурировании в один сводный акт, называется кодексом элементов, объединяющих действующие юридические нормы применительно к определенной сфере или вопросу» [1].

В отличие от сложившегося в отечественной отрасли административного права, приведенный подход приоритетно направлен на объединение, перегруппировку, структуризацию уже действующих юридических норм, а отечественный подход – на подготов-

ку качественно новых норм на основе пересмотра действующих норм административного законодательства.

Как отмечают французские исследователи, кодификационная деятельность позволяет актуализировать право путем изъятия текстов, потерявших актуальность, обеспечить совместимость с положениями Конституции, или международными договорами, или договорами с Европейским Союзом, а также заполнить пробелы в юридической системе и подготовить реформы для их заполнения.

В частности, во Франции выделяют: «официальную» кодификацию (*la codification officielle*), проводимую властным субъектом, в частности, органами законодательной власти; квази-официальную кодификацию (*la codification officieuse*), осуществляемую властным субъектом путем перегруппировки текстов, объединения правовых норм в определенной сфере, но без предоставления официального названия кодекса; частную кодификацию, осуществляемую юристами или издателями с целью облегчения работы профессионалов в области права и юстиции.

В Германии основой действующего права являются кодексы. По мнению известного ученого А. Х. Саидова, значительная часть изменений в право Германии была внесена с помощью принятия специальных законов, регламентирующих различные сферы общественной жизни [2, с. 172].

Основной закон Федеративной Республики Германия не признает автономной, регламентарной власти исполнительной ветви и запрещает практику принятия декретов-законов, как во Франции. В этой связи регламенты в немецкой традиции издаются в рамках исполнения законов. Вместе с тем Конституционный суд Федеративной Республики Германия санкционирует положения законов, предоставляющие органу управления расширенные полномочия [3, с. 64].

В Украине до сих пор неразработанными остаются значительные сегменты административного законодательства, требующие проведения кодификационной работы. Разработчики Концепции реформы административного права в Украине предлагали внедрить в Украине Административно-

процедурный кодекс (административные несудебные процедуры), Административный судебно-процессуальный кодекс (административное судопроизводство), Кодекс административной ответственности (рассмотрение дел об административных проступках), Кодекс поведения и дисциплинарной ответственности государственных служащих, Кодекс государственной службы, Кодекс общего административного права [4, с. 71]. К сожалению, лишь несколько из вышеупомянутых кодексов получили дальнейшую разработку и закрепление в действующем законодательстве Украины. Потому отдельного внимания заслуживает внедрение в Украине самостоятельного органа – Комиссии по кодификации, деятельность которой следует направить на комплексную модернизацию и усовершенствование законодательства Украины.

Сегодня во Франции организация кодификационной работы осуществляется Высшей комиссией по кодификации, созданной Декретом 89-647 от 12 сентября 1989 г., работой которой руководит премьер-министр. По состоянию на декабрь 2012 г. система законодательства Франции насчитывала 75 действующих кодексов, при этом ведется постоянная кодификационная работа по разработке новых и усовершенствованию действующих кодифицированных актов.

Постоянная кодификационная работа (деятельность) зарубежными учеными выделяется в самостоятельный вид кодификации, которая заключается в «пересмотре и компилировании действующих правовых норм, однако без каких-либо юридических инноваций за исключением тех изменений, которые считаются необходимыми для обеспечения соблюдения иерархии норм и редакционного соответствия текстов, гармонизации правового государства и отмены положений, утративших силу и актуальность» [5].

Также различны и подходы к определению понятия «кодекс». Считается, что понятие «кодекс» происходит от латинского “codex”, что означало объединение законов, а в общем смысле – реестр, книга, юридическая книга. В современном понимании под кодексом имеют в виду совокупность законов и регламентарных текстов,

составляющих общую систему законодательства в определенной отрасли права. Они состоят из книг, частей, глав, разделов, подразделов, параграфов и статей.

Отдельно следует отметить существование кодексов, объединяющих важные нормы и правила поведения в обществе, например, моральный кодекс, кодекс чести, деонтологический кодекс. В юридической сфере это проявляется в создании кодексов поведения государственных служащих.

Целями кодификационной работы (деятельности) являются: 1) создание единого документа в сфере права, то есть кодекса, состоящего из законодательной части и одной или многих регламентарных частей; 2) объединение рассеянных норм, законодательных или регламентарных, с целью их логичного объединения; 3) объяснение права и актуализация путем удаления устаревших текстов, не совместимых между собой или противоречащих Конституции, международным или европейским договорам; 4) выявление пробелов или несовершенств текстов и подготовка необходимых реформ.

Национальное законодательство не раскрывает сущности таких понятий, как систематизация, кодификация, консолидация и инкорпорация, что негативно сказывается на формировании и развитии правовой системы Украины. Они могли бы быть закреплены в едином правовом документе о нормативно-правовых актах. Но такого документа нет, хотя в Верховную Раду Украины и поступали предложения о необходимости его создания и принятия. Были разработаны и внесены на рассмотрение парламента несколько законопроектов, среди которых «О нормативно-правовых актах» и «О законе и законодательной деятельности», которые так и не были приняты, о чем говорилось в работах ученых [6, с. 57].

Следует согласиться с мнением о роли кодификации законодательства в современной жизнедеятельности общества: «Кодификация, выходя за рамки систематизации, выполняет функции правотворчества, выступает формой правотворчества, кодифицированные нормативно-правовые акты играют руководящую роль в формировании структурных компонентов правовой системы, поэтому в условиях

интенсивности правотворчества, развития законодательства и всей области административного права качество и эффективность нормативно-правовых актов, а также обеспечение их верховенства становятся особенно актуальными» [7, с. 4–5].

Выводы. С учетом изложенного следует сформулировать предложения и рекомендации для усовершенствования дальнейшего ведения кодификационной деятельности в Украине.

1. Проанализировав современные направления развития кодификационной работы, следует отметить существенные отличия кодификации административного законодательства и смежных отраслей права, состоящие в различных подходах к кодификации отраслевого законодательства в Европейском Союзе и в Украине.

2. Сформулированы предложения об усовершенствовании кодификационной работы в Украине и внедрении французского опыта учреждения самостоятельного органа – Кодификационной комиссии, уполномоченной осуществлять постоянную кодификационную работу по усовершенствованию и обновлению действующей системы законодательства, в том числе с учетом потребностей европейской и евро-атлантической интеграции.

3. Кодификация административного законодательства в Украине эффективно проведена лишь частично. Положительным примером кодификации судебных административных производств является принятие в 2005 г. Кодекса административного судопроизводства Украины и его обновления в свете проводимой конституционной и судебной реформы в 2016 г. Правовые нормы Хозяйственного процессуального кодекса Украины, Уголовно-процессуального кодекса Украины, Гражданского процессуального кодекса Украины и Кодекса административного судопроизводства Украины получили комплексное обновление и закрепление минимальных стандартов защиты прав человека, отвечающего требованиям Конвенции по защите прав человека и основных свобод 1951 г.

Негативным примером, свидетельствующим о несовершенстве отечественной кодификационной работы, на наш взгляд, является ежегодное неоднократное усовершенствование

положений Кодекса Украины об административных правонарушениях, который был создан во времена СССР и построен на основе советских ценностей и соответствующих им объектов правовой защиты. Этот недостаток делает невозможным усовершенствование объективно устаревшего кодифицированного акта и обосновывает актуальность разработки самостоятельного Административно-деликтного кодекса Украины, положения которого будут распространяться как на физических, так и на юридических лиц, общественные организации и т.д. В существенном пересмотре нуждается и система административных взысканий, применяемая за совершение административных правонарушений на территории Украины, как и в приведении ее в соответствие с адекватными средствами правового воздействия, применяемыми в аналогичных случаях в европейских странах (в сфере дорожного движения, привлечения к административной ответственности физических и юридических лиц).

4. Кодификация административного законодательства в странах Европейского Союза используется как эффективный способ систематизации законодательства, разработка и применение которого оправдывают значительные финансовые ресурсы, расходуемые в процессе кодификационной работы. Системный подход к кодификационной работе в целом прослеживается в ряде стран Европейского Союза, в которых созданы самостоятельные органы, уполномоченные на постоянной основе обеспечивать разработку новых и обновление действующих кодифицированных актов. В частности, во Франции в 2017 г. Высшая комиссия по кодификации при Премьер-министре провела девять пленарных заседаний и предоставила одиннадцать заключений, из них девять касались Кодекса публичных закупок, одно заключение – проекта Монетарного и финансового кодекса заморских департаментов и еще одно – рекодификации положений, касающихся выплаты персональной помощи на получение жилья. Деятельность Комиссии способствует повышению прозрачности деятельности органов публичной администрации, борьбе против коррупции, модернизации законодательства в условиях рыночной экономики.

Список использованной литературы:

1. Codification. "Toupietionnaire": le dictionnaire de politique. Data base "Toupietionnaire". URL: <http://www.toupie.org/Dictionnaire/Codification.htm> (Date of review 29.01.2019)

2. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : Учебное пособие / Под ред. В.А. Туманова. Москва : Юристъ, 2003. 448 с.

3. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. В. А. Туманова. Москва : Междунар. отношения, 1997. 400 с.

4. Виконавча влада і адміністративне право / За заг. ред. В. Б. Авер'янова. Київ : Видавничий Дім "Ін-Юре", 2002. 668 с.

5. Article 171 de la Loi № 2014-366 du 24 mars 2014 pour l'accès au logement et un urbanisme rénové. Data base "Legifrance". URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichLoiPreparation.do?idDocument=JORFDOL E000027617351&type=general>

6. Кругляков В. Деякі питання вдосконалення правотворчого процесу в Україні. *Актуальні проблеми удосконалення законодавства у період інтеграції в Європейський Союз* : Тези доп. всеукр. студ. конф. / Гол. ред. Л. І. Лазор. Луганськ : Вид-во Східноукр. держ. ун-ту, 2000. С. 54–58.

7. Соколова А. В. Проблемы систематизации и кодификации административного права. Санкт-Петербург, 2016. 71 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Литвиненко Евгений Юрьевич – аспирант кафедры административного права юридического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

INFORMATION ABOUT AN AUTHOR

Litvinenko Evgeniy Yuryevich – Postgraduate Student at the Department of Administrative Law of Taras Shevchenko National University of Kyiv

eugenelytv@gmail.com

УДК 343.97:343.775

«ЧЁРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ» КАК ВИД ПРЕСТУПНОГО НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ: ОБЩЕМИРОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Максим МАКСИМЕНЦЕВ,

кандидат экономических наук, соискатель
Харьковского национального университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию феномена «черной археологии» в общемировом измерении. Установлено, что «черная археология» как особый вид преступного недропользования подпитывается функционированием нелегальных рынков антиквариата. Не менее чем на 58% разведанных объектов археологического наследия в мире (как законсервированных, музейного типа, так и тех, на которых активно проводятся раскопки) хотя бы один раз совершались преступления, связанные с незаконным изъятием объектов из недр. Чаще всего предметами преступлений «черных археологов» становятся древние предметы быта – 30%, украшения – 30%, монеты и старинное оружие – по 15%, предметы религиозного культа и искусства – по 5% соответственно.

Ключевые слова: недропользование, окружающая среда, преступность, «черная археология», артефакт, структура.

“BLACK ARCHEOLOGY” AS A KIND OF CRIMINAL SUBSOIL USE: GLOBAL DIMENSION

Maksym MAKSYMENYSEV,

Candidate of Economic Sciences, Degree-Seeking Student
of Kharkiv National University of Internal Affairs

SUMMARY

The article is focused on studying the phenomenon of “black archeology” in the global dimension. It has been established that “black archeology” as a special type of criminal subsoil use is fuelled by the functioning of illegal antiques markets. Crimes related to the illegal seizure of objects from the depths were at least once committed not less than for 58% of the explored archaeological heritage sites in the world (both preserved, museum-type, and those that are actively being excavated). Most often, the subjects of crimes of “black archeologists” are ancient household items – 30%, jewelry – 30%, coins and ancient weapons – 15% each, items of religious worship and art – 5% each, respectively.

Key words: subsoil use, environment, crime, “black archeology”, artifact, structure.

Постановка проблемы. Объекты отношений недропользования не ограничиваются добычей непосредственных природных составляющих недр, но связаны и с другими видами механического (энергетического) воздействием на них. Элементы самых недр (порода, водоносные пласты и т.д.) вполне могут выступать препятствием для доступа к условно «чужеродным» компонентам, расположенным в недрах, например при археологических раскопках. Но поскольку недра могут содержать такие элементы, доступ к последним объективно невозможен без вмешательства в структуру недр. Осуществление такого доступа

следует рассматривать как недропользование, ведь именно в недрах сохранились соответствующие (в частности, археологические) объекты. Отсюда вполне логичен выход на проблематику социально-экономических и даже шире – культурных функций недр. Стоит отдавать себе отчёт в том, что недра – не только природный объект с широким спектром естественных, экономических функций, но и культурный, сохраняющий в себе информацию как о природе, так и о человеке. Именно поэтому феномен «черной археологии» следует рассматривать как комплексный эколого-культурный вид криминальных практик, проблемы

противодействия которому обнаруживают свою актуальность в разрезе обеспечения всесторонней защиты как культурного наследия человечества, так и охраны окружающей среды от преступного экспансионизма.

Актуальность темы исследования. Вопросы предупреждения преступлений в сфере недропользования вообще и незаконного проведения археологических разведок, раскопок на объектах археологического наследия, в частности, раскрываются в научных трудах В. В. Базелюк, Б. Балестрейри (*B. Balestrieri*), С. А. Бочарникова, Е. П. Гайворонского, Л. Гюйзы (*L. Güiza*), Т. В. Корняковой, В. К. Матвийчука, О. Мускареллы (*O. Muscarella*), Е. Свейна (*E. Swain*) Ю. А. Турловой, Дж. Фонсеки (*G. Fonseca*) и других ученых. Существующие наработки отличаются своей теоретической глубиной, практической значимостью. Вместе с тем современное состояние «черной археологии» в общемировом измерении воспроизводства этого феномена до сих пор не выяснено, не исследовано.

Целью и задачей статьи является формирование научного представления о современном состоянии «черной археологии» как вида преступного недропользования в общемировом масштабе.

Изложение основного материала. Такой сегмент преступности в сфере недропользования, как «черная археология» (по УК Украины – незаконное проведение поисковых работ на объектах археологического наследия, ст. 298), является одним из основных источников пополнения мирового нелегального рынка антиквариата. В общемировом срезе весьма сложно установить уровень распространенности этих преступлений. В основном они имеют латентный характер. В одном из дайджестов Интерпола указывается: «Мы не имеем никаких цифр, которые бы позволили нам утверждать, что торговля культурными ценностями, артефактами является третьей или четвертой по распространенности формой преступного трафика, хотя это часто упоминается на международных конференциях и в средствах массовой информации. Действительно, очень трудно получить точное представление о том, сколько предметов культурного наследия неза-

конно получили во всем мире, и маловероятно, чтобы когда-нибудь была точная статистика» [1]. Интерпол ведет базу данных похищенных культурных ценностей, в которой в основном представлены только те предметы, которые уже были ранее в легальном обороте и стали предметом похищения из музеев, частных коллекций. Таким образом, указанная организация, как и любая другая правозащитного, криминологического направления работы, пока не имеет более или менее точной и полной информации о количественных и качественных показателях «черной археологии» в мире.

Вместе с тем результаты ряда зарубежных криминологических исследований, опросов археологов с опытом полевых исследований позволяют сделать некоторые осторожные и весьма ограниченные обобщения по этому вопросу. Так, в частности, установлено, что не менее чем на 58% разведанных объектов археологического наследия в мире (как законсервированных, музейного типа, так и таких, на которых активно проводятся раскопки) хотя бы один раз совершались преступления, связанные с незаконным изъятием соответствующих объектов из недр, непосредственными свидетелями которых были сами археологи [2, р. 5, 6]. Поэтому следует признать, что проведение археологических раскопок наряду с легальными работами в большинстве случаев сопровождается нелегальным изъятием из недр объектов археологического наследия, артефактов. Последнее, как правило, в 87% случаев происходит в ночное время, когда археологов на объекте раскопок нет.

И это только результаты исследований, основывающихся на опросах археологов, которые на законных основаниях осуществляли раскопки. Они, очевидно, не охватывают того объема археолого-поисковых работ, которые вообще осуществляются без каких-либо разрешений, преступным способом. Впрочем, как указывает Б. Балестрейри (*B. Balestrieri*), можно констатировать полное отсутствие надлежащих статистических данных правоохранительных органов, препятствующих попыткам оценить размер и характер транснациональных рынков для отдельных видов нелегально добытых археологических объектов. Это

исключает и любую реальную оценку объема и характера любых соответствующих контрамер, необходимых для ограничения преступных промыслов [2, р. 13].

Не последнюю роль в этом играет пассивность самих археологов, которые, будучи очевидцами, свидетелями разграбления объектов археологического наследия, по различным соображениям предпочитают не сообщать об этих фактах в правоохранительные органы. При этом распространена мотивация пассивности, согласно которой «черные археологи», мародеры воспринимаются как жертвы локальных и глобальных экономических условий, бедности и нужды [3, р. 395–401; 4, р. 89–90]. Целесообразность криминализация всех незаконных археологических работ, как акцентирует Б. Балестрейри (*B. Balestrieri*), вызывает сомнения. То, что незаконное проведение поисковых работ на объектах археологического наследия может быть криминализованным в национальном законодательстве, еще не означает, что в сознании любых недропользователей или полевых археологов каждый, кто это делает, сам является преступником [2, р. 13].

Таким образом, преступлениям «черной археологии» присущи типичные черты так называемых «преступлений без жертв», что даже в профессиональных (археологических) кругах не вызывают существенного эмоционального резонанса, морально-императивной неприятие социальное-психологического оснований для признания общественной опасности деяния, достаточных, чтобы прилагать активные усилия во взаимодействии с правоохранительными органами в деле противодействия их распространению. Сам же преступник часто идентифицируется с жертвой глобального экономического неравенства, неудержимости стремлений частных коллекционеров к пополнению своих коллекций. Исходя из подобных диспозиций, вполне закономерным представляется сверхвысокий уровень латентности исследуемой категории преступлений. И Украина в этом смысле не является исключением.

Анализ результатов масштабного опроса археологов, которые были свидетелями незаконного завладения предметами на объектах археологиче-

ских раскопок, а также структуры «черных рынков» антиквариата [2, р. 1–24; 3, р. 395–401; 4, р. 89–90 и др.], позволяет утверждать, что чаще всего предметами такого завладения становятся древние предметы быта (посуда, орудия труда и пр.) – 30% (см. диаграмму).

Как можно видеть из диаграммы, примерно такими же по распространенности незаконного завладения предметами археологического наследия являются украшения (30%). Несколько реже завладевают металлическими монетами (15%), а также старинным оружием (15%). Поровну распределились предметы религиозного культа (5%) и предметы искусства – скульптуры, гравюры и т.п. (5%).

При этом следует отметить то обстоятельство, что «черная археология» подпитывается функционированием нелегальных рынков антиквариата. Последние же являются проявлением организованной, транснациональной преступности, что также позволяет связать указанный вид преступности в сфере недропользования с другими системными криминальными феноменами, в том числе и коррупцией.

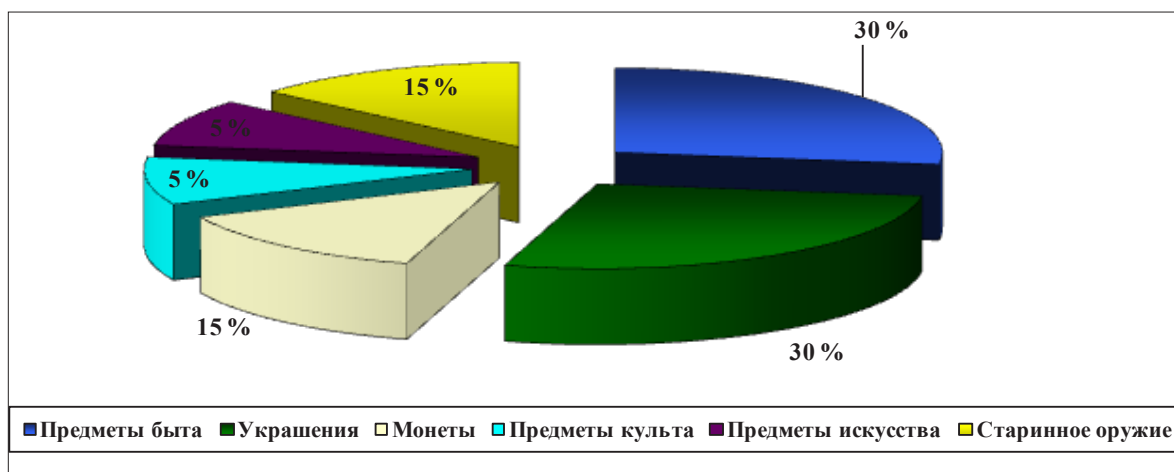
Итак, можно констатировать наличие плотных и развитых связей между преступностью в сфере недропользования и организованной, транснациональной преступностью, легализацией средств, полученных преступным путем. Подобный функциональный, институциональный уголовный симбиоз представляет угрозу устойчивому мировому развитию, а также миру и безопасности человечества в целом.

Именно в таком ракурсе и должен мыслиться национальный (внутригосударственный) сегмент преступности в сфере недропользования в каждой отдельной стране, в том числе и Украине. Имея, безусловно, собственные, во многом специфические детерминационные компоненты своего воспроизводства, этот вид преступности выявляет зависимость и от общемировой криминальной и связанной с ней глобальной политической, экономической конъюнктуры. Эти связи нельзя не принимать во внимание как при формировании научного понимания сущности преступного недропользования, так и разработке системных, стратегических основ противодействия ей.

Отметим, что, по оценкам отдельных исследователей, в том числе и из Института археологии Национальной академии наук (далее – НАН) Украины, как в Украине, так и в Европе сейчас существует мощный «черный рынок» сбыта археологических находок. Незаконными поисковыми работами ежегодно уничтожается около тысячи археологических памятников только на территории Украины. На юге происходит настоящий вандализм: могильники уничтожаются гектарами, пробиваются колодцы в насыпях степных курганов, городища побиты ямами в поисках сокровищ. Находки выкапываются, «как картофель», массовый археологический материал бросается на месте преступления, а вырванные из археологического контекста, беспаспортные дорогие вещи продаются для домашних музеев, частных коллек-

ций, вывозимых за границу. «Черный рынок» Европы сейчас завален археологическими раритетами из Украины [5; 6 и др.].

В целом распространению незаконного проведения археологических разведок, раскопок, других земляных или подводных работ на объектах археологического наследия как в Украине, так и Республике Молдова, Словакии, Венгрии, Литве, других странах Восточной Европы присущи те же особенности, что и общемировому измерению этого феномена. «Черные археологи» орудуют как на уже разведанных, легальных раскопках, так и за их пределами, инициативно. Также украинские археологи, сталкиваясь в своей профессиональной деятельности на этапе полевых исследований с проведением незаконных археологических работ, будучи свидетелями, очевидцами последних, предпочитают в большинстве своем не сообщать в правоохранительные органы. Причин этому, как показали собранные нами экспертные оценки, несколько, и они не отличаются своей «оригинальностью» по сравнению с другими видами преступности: 1) низкий уровень доверия к правоохранительным органам, уверенность в их коррумпированности, непрофессиональности; 2) нежелание в дальнейшем участвовать в уголовном судопроизводстве, обусловленное его обременительными процедурами; 3) опасение мести со стороны «черных археологов». Также стоит отметить и низкий уровень правосознания отдельных профессиональных археологов.

Диаг. Графическое изображение структуры «черной археологии» по предмету незаконного завладения: общемировое измерение

Наряду с этим и сами правоохранительные органы не проявляют должной активности в противодействии «черной археологии». Во-первых, этот вид преступности никогда не был и сейчас не находится в числе приоритетов оперативно-служебной деятельности Национальной полиции. Во-вторых, выявление признаков этих преступлений, пресечение объективно связано в большинстве случаев с проведением оперативно-розыскных мероприятий за пределами населённых пунктов. Дают о себе знать и количественная, и качественная нехватка кадров в отдалённых от областных центрах районных отделах полиции, их чрезмерная служебная загруженность, отсутствие надлежащих организационных условий, транспортных средств и т.п. В-третьих, выявление признаков подготовки к незаконному проведению археологических разведок, раскопок, других земляных или подводных работ на объектах археологического наследия выдвигает ряд специфических требований по осуществлению оперативно-розыскных мероприятий, расстановке негласного аппарата, компетентности последнего в вопросах археологии и т.д. Совершенно ясно, что и этот компонент полицейской деятельности пока не является развитым настолько, чтобы удовлетворять требованиям эффективности в рассматриваемой сфере.

Как следствие, правоохранители часто не реагируют или реагируют несвоевременно, неправильно на сообщения о незаконных раскопках, проведение поисковых работ, теряются ценные археологические материалы. Не лишним будет отметить и то, что примерно каждое пятое (21,1%) уголовное производство по признакам преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 298 УК Украины, закрывается из-за отсутствия состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 284 УПК Украины). Поэтому заинтересованные субъекты легальной археологической деятельности далеко не всегда информируют правоохранительные органы, иногда прибегая к самостоятельному реагированию на незаконную деятельность. Симптоматичным в этом аспекте является сам факт появления в профессиональном археологическом дискурсе словосочетания «научно-спасательные работы».

Так, например, на официальном сайте Института археологии НАН Украины размещено сообщение следующего содержания: «В октябре 2017 г. Островский отряд Архитектурно-археологической экспедиции Института археологии НАН Украины (руководитель – В. Г. Ивакин) совершил срочные научно-спасательные работы в Рокитнянском районе Киевской области на правом берегу р. Рось. Начатые раскопки были связаны с активной деятельностью грабителей в этой местности. Одновременно наш коллега из Центра Балтийской и Скандинавской археологии Романос Широухов (*Dr. Roman Shiroukhov*) обратил внимание на то, что фотографии отдельных вещей, которые вероятно происходят из этого некрополя, известны в интернете. Наши поиски в интернете обнаружили, что вещи, которые наверняка связаны с могильником, представлены в частной коллекции Евгения Гредунова, который проживает в г. Бровары. Дальнейшие поиски обнаружили подобные находки еще на одном сайте коллекционеров, они, даже не прячась, обсуждают факт разграбления некрополя. Такие группы грабителей нами были зафиксированы на территории могильника» [7].

Выводы. Подытоживая, заметим то, что фиксируется сохранение высокого уровня латентности незаконного проведения работ на объектах археологического наследия, их преобладание на территориях, охваченных активными или «замороженными» вооруженными конфликтами, неполным правительственным контролем территории страны (Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия и др.). «Черная археология» существует и как самостоятельный криминальный феномен, и как спутник легальных археологических поисковых работ. В то же время, как и другие преступления в сфере недропользования, «черная археология», являясь неотъемлемым элементом транснациональной организованной преступности, в наибольшей степени интенсифицируется: а) в зонах геополитической нестабильности, конфликтности; б) в местах концентрации следов древних цивилизаций. Поэтому с сохранением и/или обострением параметров мировой геополитической напряженности следует ожидать активизации незаконных поисковых работ, прежде всего, на объектах археологи-

ческого наследия ближневосточного и латиноамериканского региона. Кроме того, в зоне повышенного риска воспроизводства этого вида преступности остаются постсоветские страны со сложными экономическими условиями, недостаточно развитыми полицейскими превентивными механизмами соответствующей направленности.

Список использованной литературы:

1. Frequently asked questions / Connecting Police for a Safer World. Interpol. URL: <https://www.interpol.int/Crime-areas/Works-of-art/Frequently-asked-questions> (дата обращения: 21.11.2018).
2. Balestrieri B. A. B. Field Archaeologists as Eyewitnesses to Site Looting. *MDPI*. 2018. № 7 (48). P. 1–24. URL: www.mdpi.com/journal/arts (дата обращения: 21.11.2018).
3. Muscarella O. W. The Fifth Column Within the Archaeological Realm. *The Great Divide. In Studies in Honour of A. Cilingiroglu : A Life Dedicated to Urartu on the Shores of the Review Articles 463 Upper Sea / Edited by D. Zafer, H. Saglamtimur, E. Abay. Istanbul : Arkeolojive Sanat Yayinlari, 2009. P. 395–406.*
4. Hollowell J. Moral arguments on subsistence digging. *In The Ethics of Archaeology: Philosophical Perspectives on the Practice of Archaeology*. Edited by C. Scarre, G. Scarre. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. P. 69–93.
5. Худицкий В. В. Лопатой и детектором. Черные археологи сменяют официальных. *Украинская правда*. 2011. 6 июня. URL: <http://www.istpravda.com.ua/digest/2011/06/6/41837/> (дата обращения: 15.02.2019).
6. Не стреляйте в археологов. *Зеркало недели*. 2003. 26 сентября. URL: https://dt.ua/CULTURE/ne_strilyayte_v_arheologiv.html (дата обращения: 04.12.2018).
7. Баранов В. И., Ивакин В. Г. Нововыявленный балтский могильник XI ст. на Поросье: предварительные результаты исследований и проблемы охраны уникального памятника / Институт археологии НАН Украины. URL: <http://www.iananu.org.ua/novini/rujnuvannypam-yatok/527-novoviyavlenij-baltskij-mogilnik-khi-st-na-porossi-poperedni-rezultati-doslidzhen-ta-problemi-okhoroni-unikalnoji-pam-yatki> (дата обращения: 04.12.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максименцев Максим Геннадиевич – кандидат экономических наук, соискатель Харьковского национального университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksimentsev Maksim Gennadiyevich – Candidate of Economic Sciences, Degree-Seeking Student of Kharkiv National University of Internal Affairs

stanislav2107@mail.ru

УДК 343.9

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА

Петр МАЛАНЧУК,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и судопроизводства
Сумского государственного университета

АННОТАЦИЯ

В этой статье актуализируется вопрос по анализу перспектив внедрения конкретных инновационных технологий при осуществлении досудебного расследования, в частности, полиграфа, который уже давно широко используется в уголовном процессе зарубежных стран. Исследованы состояние и правовые основания применения полиграфа в Украине. Проанализированы теоретические проблемы использования полиграфа в Украине. Исследуется понятие «полиграф», а также проводятся параллели с другими государствами. Приведены примеры законодательных актов, где регулируется в той или иной степени применение полиграфа в Украине, кроме того, определены условия применения полиграфа.

Ключевые слова: полиграф, эксперт-полиграфолог, подэкспертное лицо, следовательно (розыскные) действия, судебная экспертиза.

PROBLEM ASPECTS OF POLYGRAPH USE

Petr MALANCHUK,

Candidate of Law Science, Associate Professor at the Department
of Criminal Law Disciplines and Legal Proceedings
of Sumy State University

SUMMARY

This article addresses the issue of analyzing the prospects for the introduction of specific innovative technologies in the implementation of pre-trial investigation, in particular, the polygraph, which has been widely used for a long time in the criminal proceedings of foreign countries. The state and legal grounds for the use of a polygraph in Ukraine are investigated. Analyzed the theoretical problems of using the polygraph in Ukraine. The concept of “polygraph” is investigated, as well as parallels with other states are drawn. Examples of legislative acts, where the use of the polygraph in Ukraine is regulated to one degree or another, besides, the conditions for the use of the polygraph are defined.

Key words: polygraph, expert polygraph examiner, subject person, hence (investigative) actions, forensic examination.

Постановка проблемы. Среди используемых в раскрытии и расследовании преступлений методов есть нетрадиционные, под которыми подразумеваются такие, что еще не получили достаточного признания и распространения, которые нельзя отнести к общеизвестным в науке внедренным в практику. Отличительной чертой научных криминалистических методов от нетрадиционных является то, что основу первых составляют принципы и категории диалектики и философские принципы, других – ненаучные практические знания.

Среди нетрадиционных криминалистических знаний, средств и методов познания в научной литературе особое внимание привлекает использование

такого криминалистического метода, как детектор лжи, или полиграф.

Использование полиграфа в процессе противодействия преступности обусловлено возможностью выяснить новые фактические обстоятельства, которые не были исследованы до этого, а также обеспечивает получение дополнительной информации, которая прямо или частично связана с объектом расследования и позволяет за короткий промежуток времени сделать оценку достоверности информации, которая была сообщена подозреваемым.

Актуальность темы исследования составляет то, что отсутствие специальных законодательных актов, допускающих признание доказательствами результатов тестирования

с помощью полиграфа, сдерживает развитие научных исследований в этом направлении, не позволяет в полной мере использовать возможности указанного метода для сбора доказательств. Именно поэтому такой метод получения доказательств требует дальнейшего научного исследования и нормативного регулирования.

Состояние исследования. Применение полиграфа в процессе допроса подозреваемого исследовало много ученых. В частности С. И. Журиной, А. Р. Москалюк, С. Белкин, И. Ф. Пантелеев, А. Н. Ларин, П. А. Элькин, Т. В. Михальчук, В. И. Комиссаров, А. М. Волик, А. В. Белошина, А. И. Мотлях. Однако несмотря на достаточное количество публикаций, этот вопрос остается нерешенным.

Целью и задачей статьи является исследование особенностей использования результатов полиграфической экспертизы в уголовном производстве.

Изложение основного материала. Полиграф, или «детектор лжи», является разновидностью психофизиологической аппаратуры. Это компьютерное техническое средство, которое в соответствии с его техническими характеристиками осуществляет регистрацию изменений психофизиологических реакций человека в ответ на предъявление по специальной методике определенных психологических стимулов, не наносит ущерба жизни, здоровью человека и окружающей среде [1].

По мнению Р. С. Белкина [2, с. 392], нередко полиграф называют «детектором лжи», но это название является неправильным, поскольку он является регистратором физиологических реакций человека, но отнюдь не «детектором лжи».

Перед тем как выяснять возможности применения полиграфа по уголовным делам и различным преступлениям, совершенным на территории Украины, необходимо обратить внимание на опыт следственной, экспертной и судебной практики зарубежных правоохранительных органов по применению его в процессе выявления и раскрытия преступлений.

Полиграф был создан в Соединенных Штатах Америки в 1921 г. и с того времени получил широкое распространение и используется как в медицинских целях, так и в качестве научно-тех-

нического средства обнаружения лжи. На протяжении десятилетий полиграф используется в практике борьбы с преступностью во многих странах американского континента, Европы и Азии. Так, в США, Канаде, Израиле, Венгрии с помощью этого приспособления собираются данные, позволяющие сократить круг подозреваемых в совершении преступления, выявить факты совершенного преступления, способствующие идентификации виновных лиц и созданию предпосылок для дачи ими правдивых показаний, выявлению неточностей, преувеличений в показаниях [3, с. 94].

В ч. 3 ст. 28 и ст. 32 Конституции Украины закреплен принцип применения полиграфа в Украине: «Ни один человек без его согласия не может быть подвергнут медицинским, научным или иным опытам» [4]. На данный момент на территории Украины не существует законодательной базы, которая бы регулировала применения полиграфа.

Отличие судебной психофизиологической экспертизы (ПФЭ) от психофизиологического исследования (ПФИ) на детекторе лжи состоит в том, что экспертиза проводится только по постановлению следователя или определению суда, а исследование может быть проведено по письменному обращению адвоката или устному обращению лица. Кроме этого, эксперт-полиграфолог или специалист-полиграфолог до проведения экспертизы предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение, а при проведении исследования не предупреждается. В соответствии с Законом Украины «Об адвокатуре», а также на основании ст.ст. 44, 48 УПК Украины защитник вправе привлекать специалиста, а также собирать доказательства путем получения документов и иных сведений. Специалист же наделен правом исследовать материалы дела (в том числе, естественно, и заключения эксперта) для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Когда следователи или судьи отказывают в назначении и проведении судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа, то может происходить это, как правило, по ряду причин:

- во-первых, если следователь или судья считают, что в деле достаточно других доказательств или иных сведений для принятия ими процессуального решения, при этом не нарушены основные принципы объективности, полноты и всесторонности собранных материалов;

- во-вторых, если следователь или судья не обладают достаточными сведениями о наличии практики, методических возможностях и процессуальных особенностях назначения, проведения и оценки результатов судебной психофизиологической экспертизы на детекторе лжи.

Отказ в назначении судебной психофизиологической экспертизы на полиграфе по причине отсутствия данного вида экспертиз в перечне криминалистических экспертиз является недостаточно обоснованным, так как отсутствует вообще утвержденный кем-либо законодательно какой-либо перечень экспертиз [5].

Проведение судебных психофизиологических экспертиз на полиграфе по уголовным делам украинским законодательством не запрещено и допускается, процедура проведения регламентируется в соответствии с нормативными документами:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Украины: ст. 65 (доказательства по делу), ст. 75 (привлечение и участие эксперта), ст. 114 (права следователя), ст. 196 (порядок назначения экспертизы). Назначение и проведение экспертиз судьями в рамках рассматриваемых ими дел при судебных слушаниях предусмотрены положениями ст.ст. 273, 310, 312 УПК Украины [6];

2. Закон Украины «О судебной экспертизе»: ст. 1 (Понятие судебной экспертизы), ст. 7 (Субъекты судейско-экспертной деятельности), ст. 9 (в случаях, предусмотренных частью четвертой ст. 7 этого Закона, производство экспертизы может быть поручено другим специалистам по соответствующим областям знаний), ст. 10 (Лица, которые могут быть судебными экспертами) [7].

Более того, в Едином реестре судебных экспертов специалистов-полиграфологов пока нет. Поэтому в судах привлекают частных специалистов, которых следователь или судья признает в качестве эксперта согласно ст. 7 Закона «О судебной экспертизе». «Есть несколько важных моментов.

В 2017 г. принят госстандарт, которым установлены требования ко всем полиграфам в Украине. Единственный полиграф в Украине, который соответствует этим нормам, – это отечественный RUBICON» [7].

Выводы. Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что использование полиграфа при расследовании преступлений возможно лишь в процессуальной форме с соблюдением принципов уголовного процесса. Кроме этого, Уголовно-процессуальный кодекс необходимо дополнить статьями, которые будут четко регламентировать основания для проведения психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа, особенности взаимодействия специалиста-полиграфолога с участниками уголовного производства. Учитывая, что полиграф используется не только при расследовании преступлений, но и в других сферах деятельности, необходимо принять Закон Украины «О соблюдении прав и свобод человека при использовании технического средства “полиграф”».

Список использованной литературы:

1. Про використання поліграфів у діяльності Міністерства доходів і зборів України та його територіальних органів : Наказ Міністерства доходів і зборів України від 02.08.2013 р. № 329.

2. Белкин Р. С. Криминалистика : учебник / Под редакцией Р.С. Белкина. Москва, 1999. 990 с.

3. Блюшина О. В. Полиграф в суде и на предварительном следствии. URL: <http://www.antey-group.ru/jurnal25.html>.

4. Конституція України: чинне законодавство станом на 1 жовтня 2015 р. : Офіц. текст. Київ : Алерта, 2015. 80 с.

5. Полиграф в судебной практике Украины. URL: <http://spfi.com.ua/poligraf-v-sudebnoj-praktike-ukrainy.html>.

6. Кримінальний процесуальний кодекс України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17>.

7. Про судову експертизу : Закон України від 25.02.1994 р. № 4038-XII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4038-12>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маланчук Петр Михалович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и судопроизводства Сумского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Malanchuk Petr Myhailovich – Candidate of Law Science, Associate Professor at the Department of Criminal Law Disciplines and Legal Proceedings of Sumy State University

aa97aa@ukr.net

УДК 342.5(477)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРАВИТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЕГО ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С СУДЕБНОЙ ВЛАСТЬЮ

Наталья МАЛЫШКИНА,

соискатель кафедры конституционного права Украины
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

В статье проанализированы различные подходы к пониманию содержания понятия «исполнительная власть», а также определено место правительства в системе высших органов государственной власти в Украине. Исследованы формы, конституционно-правовые средства надлежащего взаимодействия судебной и исполнительной ветвей власти, а также гарантии функционирования системы сдержек и противовесов между ними. Сделан вывод, что на практике важно построение взаимоотношений между высшими органами государственной власти именно на консенсуальной основе.

Ключевые слова: разделение властей, система сдержек и противовесов, гарантии системы сдержек и противовесов, судебная власть, исполнительная власть, правительство, формы взаимодействия, правовые средства взаимодействия.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE GOVERNMENT OF UKRAINE AND SOME ASPECTS OF ITS RELATIONS WITH JUDICIAL POWER

Natalia MALYSHKINA,

Postgraduate Student at the Department of Constitutional Law of Ukraine
of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

Different approaches to understanding the meaning of the term «executive power» are analyzed, as well as the place of government in the system of supreme bodies of state power in Ukraine is determined. Investigated forms, constitutional and legal means of proper interaction of the judicial and executive branches of power, as well as guarantees of the functioning of the system of checks and balances between them. It is concluded that in practice it is important to construct relations between the supreme bodies of state power on a consensual basis.

Key words: separation of powers, system of checks and balances, guarantees of the system of checks and balances, judiciary, executive, government, forms of interaction, legal means of interaction.

Постановка проблемы. Исследуя практическую реализацию принципа разделения властей в Украине, следует заметить, что в организационно-правовом аспекте это, прежде всего, рациональное распределение полномочий между высшими органами государственной власти в рамках единого государственного механизма. Вместе с тем необходимым условием достижения государством своих целей выступает надлежащее взаимодействие высших органов государственной власти, которое всегда должно происходить в четко установленных правовых и организационных формах с обязательным применением правовых средств в рамках существующей системы сдержек и противовесов. Исследуя отдельные аспекты правового регулирования таких взаимоотношений, Ю. Тодыка отмечал, что «конституция определяет механизм конструктивного взаимодействия всех

ветвей власти» между собой [1, с. 61]. Из приведенного выше следует необходимость обеспечения взаимного сдерживания, эффективного контроля и нейтрализации неконституционных действий ветвей государственной власти, особенно во взаимодействии исполнительной и судебной для предотвращения чрезмерного доминирования одной ветви власти над другой.

Состояние исследования. Отдельные аспекты взаимодействия высших органов государственной власти, а также определение гарантий обеспечения функционирования системы сдержек и противовесов во взаимоотношениях исполнительной власти с судебной нашли свое отражение в трудах таких ученых, как В. Аверьянов, П. Баренбойм, А. Барнашов, С. Батова, Ф. Вениславский, Р. Енгибарян, А. Мишин, Ю. Тодыка, О. Фрицкий, Ю. Фрицкий, В. Четвернин, В. Чиркин, В. Шаповал и многих других. Одна-

ко, с учетом практики государственно-властной деятельности в Украине, которую довольно часто сопровождают противоречия и конфликты, изучение проблемных вопросов функционирования и организации взаимодействия высших органов власти не только не теряет своей актуальности, но и требует дополнительных исследований.

Целью и задачей статьи является осуществление анализа конституционно-правовых форм и средств обеспечения функционирования судебной ветви власти с высшим органом исполнительной власти (правительством), а также определение гарантий функционирования системы сдержек и противовесов между ними.

Изложение основного материала. Имея общий характер, проявляясь во всех сферах жизни, выступая важнейшей социальной функцией, власть всегда осуществляется как непрерывный процесс. С помощью правового регули-

рования закрепляется четкая организация системы органов государственной власти, устанавливаются их полномочия, определяются наиболее оптимальные организационно-правовые формы деятельности, создается определенный порядок взаимоотношений органов власти между собой и с гражданами, что является гарантией против злоупотребления властью [2, с. 25–26]. Конечно, следует отметить, что в условиях постоянно и довольно быстро меняющейся политической ситуации в стране баланс власти в демократических государствах характеризуется динамизмом и относительно высокой степенью подвижности [3, с. 138]. Определение же степени «дееспособности» государственной власти, как справедливо замечает Ф. Вениславский, заключается в исследовании форм и средств ее реализации, а также границ деятельности самих органов власти в соответствии с нормами действующего законодательства [4, с. 18]. Заметим, что Конституцией Украины пределы деятельности государственной власти в Украине принято связывать с воплощением в жизнь основных принципов конституционного строя, однако главным «ограничителем» государственной власти, по нашему мнению, выступают именно права и свободы человека и гражданина и достойные условия его жизни.

Исследование конституционно-правовых средств обеспечения надлежащих взаимоотношений правительства с судебной властью в Украине, по нашему мнению, целесообразно начать с установления содержания понятия «исполнительной власти». В научной литературе существует немало точек зрения по поводу того, какое место занимает исполнительная власть в системе разделения властей. Например, В. Аверьянов отмечал, что исполнительная власть – наиболее приближенная к человеку ветвь власти, с которой происходят частые контакты по поводу удовлетворения различных субъективных прав, свобод и законных интересов, а в реальном выражении она представляет собой государственный аппарат управления [5, с. 72]. М. Баглай говорит, что исполнительная власть как таковая – это звено государственного механизма, которое практически организует жизнь каждого народа [6, с. 266].

Рассматривая исполнительную власть в аспекте взаимодействия высших органов государственной власти, А. Волощук указывает, что она сосредоточивает в своих руках неизмеримо большие, по сравнению с другими ветвями государственной власти, финансовые, материально-технические, организационные, человеческие и другие ресурсы, именно она обладает наиболее полной информацией о процессах, происходящих во всех сферах жизнедеятельности общества и на международной арене. Такое «привилегированное» положение обеспечивается еще и тем, что она в наименьшей степени подвергается контролю со стороны общества [7, с. 139, 141]. Мы не совсем согласны с таким утверждением ученого, поскольку в реально действующей в государстве системе сдержек и противовесов органы других ветвей власти обязательно обладают весомыми контрольными и «сдерживающими» рычагами влияния на исполнительную власть, к которым можно отнести судебный, конституционный контроль, или четко установленный порядок формирования органов исполнительной власти.

С позиции В. Четвернина, исполнительная власть является цивилизованной и наиболее развитой формой политического насилия, поставленного в правовые рамки, с чем, по нашему мнению, невозможно не согласиться. Однако если исполнительная власть доминирует над другими ветвями, то превращается из власти в произвол, в организацию насилия над обществом [8, с. 64]. В любом случае, при практической реализации принципа разделения властей никакие высшие органы государственной власти верховенства не имеют. По этому поводу С. Авакьян отмечает, что каждый орган государственной власти занимает в системе свою нишу, а возможности влияния друг на друга никак не могут использоваться для того, чтобы поставить себя выше других [9, с. 497], а В. Шаповал, в свою очередь, говорит о том, что все ветви власти являются однопорядковыми [10, с. 9].

Действительно, состояние функционирования исполнительной ветви власти в любом государстве обуславливает не только эффективность действия всего государственного механизма, но

и уровень реализации государственной власти в целом, ведь в процессе осуществления исполнительной власти происходит практическое воплощение в жизнь законов и других нормативных предписаний государства, практическое применение всех рычагов государственного регулирования и управления важными процессами общественного развития [11, с. 69]. Заметим, что реализация закона путем определения механизма его осуществления всегда возлагается на органы исполнительной власти, а механизм реализации законов фактически выступает механизмом самой исполнительной деятельности [12, с. 93–94; 13, с. 112]. Деятельность исполнительной власти направлена главным образом на создание условий для полноценной реализации гражданами своих прав и свобод, в том числе на своевременное и оперативное принятие необходимых мер реагирования в случае обжалования действий или бездействия ее органов или должностных лиц, а также владеет основными средствами осуществления как внутренней, так и внешней политики государства.

Общей закономерностью, свойственной всем государствам, является постепенный и непрерывный процесс увеличения влияния правительства, «вторжения» в пределы полномочий органов других ветвей государственной власти. Этот процесс, как отмечает А. Мишин, проявляется лишь как тенденция, и определенная стабильность в отношениях органов власти в каждый конкретный момент существует, иначе состоялось бы поглощение исполнительной властью компетенции всех других высших органов государства. Именно в этом и проявляется диалектическая изменчивость властеотношений [13, с. 107–108].

Правительство любого государства является вершиной многосторонней и многоступенчатой пирамиды органов исполнительной власти, включая в себя разнообразные и разнохарактерные не только центральные, но региональные и местные органы и учреждения, подотчетные ему [14, с. 405]. Вместе с тем это не узкоспециализированный орган управления, а коллегиальный орган общей компетенции, осуществляющий руководство и контроль деятельности управленческих государственных

структур во всех сферах и областях общественной жизни. Как отмечал В. Аверьянов, именно из-за взаимоотношения правительства с другими высшими государственными институтами устанавливается баланс распределенных властей (ветвей власти) [15, с. 58]. А как правильно отмечает А. Барнашов, настоящую государственную работу выполняет правительство, которое «делает политику» в тиши кабинетов, в тени от общественного контроля, решая государственные дела без «лишних» формальностей [2, с. 43]. Поскольку в состав правительства, как правило, входят наиболее влиятельные деятели правящей партии, В. Чиркин отмечал, что правительство является центром политической активности, своеобразным мотором, приводящим в движение государственный механизм [16, с. 642].

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 113 Конституции Украины Кабинет Министров Украины (правительство) выступает «высшим органом в системе органов исполнительной власти» [17, с. 39], таким образом, на конституционном уровне устанавливается, что он занимает место высшего звена относительно всех других органов исполнительной ветви власти, фактически возглавляя их систему. В решении всех вопросов общегосударственного характера, в частности, путем принятия правовых актов распорядительная деятельность имеет подзаконный характер, правительству предоставляется конституционная прерогатива компетенции [18, с. 28].

Исследуя отдельные аспекты взаимодействия исполнительной ветви власти с судебной, заметим, что последняя рассматривается как необходимый элемент конституционного закрепления принципа разделения властей в целом и системы сдержек и противовесов в частности, а также институциональное средство предотвращения концентрации всей полноты государственной власти в «руках» исполнительно-распорядительных органов. Однако главным назначением судебной власти все же остается правосудие, которое относится к исключительной прерогативе суда.

По нашему мнению, основной организационно-правовой формой взаимодействия правительства с судебной

ветвью власти на сегодняшний день выступает обеспечение финансирования надлежащих условий для функционирования судов и деятельности судей путем наделения Кабинета Министров Украины полномочиями по разработке проекта закона о Государственном бюджете Украины с предыдущим учетом предложений Высшего совета правосудия по определению расходов на содержание судов и обеспечение его исполнения (п. 6 ч. 1 ст. 116, ст.ст. 130, 148-1 Конституции Украины) [17]. Эти конституционные положения в более развернутом виде находят свое отражение в положениях специальных законов: в ст.ст. 146, 148, 149, 150 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей» [19], ст. 20 Закона Украины «О Кабинете Министров Украины» [20].

Вышеизложенную позицию мы обосновываем тем, что во время выполнения правительством полномочий по финансированию судебной ветви власти происходит опосредованное влияние на формирование судейского корпуса, поскольку количественный состав судей в судах наряду с учетом судебной нагрузки напрямую зависит от расходов, предусмотренных в Государственном бюджете Украины на содержание судов и оплату труда судей (ч. 6 ст. 19 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей») [19]. Также надлежащее финансирование и материально-техническое обеспечение судебной ветви власти выступает одной из гарантий ее независимости, что непосредственно отражено в положениях ст. 48 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей» [19].

Отдельной формой взаимодействия правительства с судебной ветвью власти выступает проведение государственной политики по совершенствованию организации функционирования последней. Заметим, что указом Президента Украины от 20.05.2015 г. № 276/2015 была одобрена Стратегия реформирования судоустройства, судопроизводства и смежных правовых институтов на 2015–2020 гг. [20]. Во исполнение положений вышеуказанного нормативного акта Кабинетом Министров Украины было издано распоряжение «Об определении механизма внедрения Плана действий по реализации положений Стратегии реформирования судоустройства, судопроизводства и смежных правовых институтов на 2015–2020 гг.» от 19.08.2015 г. № 864-р [21], согласно которому к полномочиям правительства относятся осуществление финансово-экономического обоснования определенных вышеуказанным планом действий мероприятий и возможности их выполнения в предусмотренный срок, периодический пересмотр таких мероприятий на предмет их актуальности и в случае необходимости представления предложений о внесении изменений в план действий. Из приведенного выше мы видим, что правительство принимает активное участие в воплощении в жизнь мероприятий по реформированию судоустройства, а от эффективности и своевременности выполнения поставленных перед ним задач фактически зависит надлежащее функционирование судебной ветви власти в целом.

В свою очередь, суд, решая в четком установленном процессуальном порядке любой правовой спор, способствует уравниванию интересов личности, общества и государства, а также выступает важнейшим стабилизирующим фактором общественных отношений. Поэтому не случайно особой правовой формой взаимодействия Кабинета Министров Украины с судебной ветвью власти выступает право или обязанность правительства быть истцом, ответчиком в суде, обращаться в суд, если это необходимо для осуществления его полномочий способом, предусмотренным Конституцией и законами Украины (ст. 37 Закона Украины «О Кабинете Министров Украины»), например, в случаях обжалования в суд правительственных актов [22]. Особое внимание уделяется судебному порядку обжалования действий или бездействия правительства, которые привели к нарушению прав граждан. Судебное разбирательство в таком деле имеет особое значение для противодействия злоупотреблениям исполнительной власти, бюрократизма, дегуманизации отношений в обществе [23, с. 28–29], поскольку играет важную роль в укреплении законности в сфере исполнительной власти, выступает надежной гарантией функционирования системы сдержек и противовесов, превращаясь на практике в судебный контроль деятельности правительства.

Достаточно интересной, по нашему мнению, является новелла действующего процессуального законодательства, введенная в положениях Закона Украины «О внесении изменений в Хозяйственный процессуальный кодекс Украины, Гражданский процессуальный кодекс Украины, Кодекс административного судопроизводства Украины и другие законодательные акты» № 2147-VIII от 03.10.2017 г. В частности, согласно ч. 6 ст. 10 Гражданского процессуального кодекса Украины, ч. 4 ст. 7 Кодекса административного судопроизводства Украины, ч. 6 ст. 11 Хозяйственного процессуального кодекса Украины, «если суд приходит к выводу, что закон или иной правовой акт противоречит Конституции Украины, суд не применяет такой закон или иной правовой акт, а применяет нормы Конституции Украины как нормы прямого действия. В таком случае суд при принятии решения по делу обращается в Верховный Суд для решения вопроса о внесении в Конституционный Суд Украины представления о конституционности закона или иного правового акта, решение вопроса о конституционности которого относится к юрисдикции Конституционного Суда Украины» [24]. Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что судам фактически предоставлено право осуществлять отдельные элементы предварительного конституционного контроля (надзора), однако четкого перечня критериев, по которым суд вправе идентифицировать закон или иной нормативно-правовой акт как неконституционный, не установлено. В любом случае суд должен обосновать свой вывод должным образом с учетом норм материального и процессуального права, а введение таких полномочий является дополнительной гарантией надлежащего и справедливого рассмотрения дела судом.

Выводы. Подводя итоги, отметим, что судебная власть отделена от исполнительной, более того, она наделяется полномочиями по контролю соответствия нормам Конституции Украины актов органов исполнительной власти, является фактическим отражением действующей на практике системы сдержек и противовесов между ветвями власти. Однако, если взглянуть с другой стороны, именно благодаря исполнительной власти осуществля-

ется финансовое обеспечение судов. При этом важно подчеркнуть, что сильная, самостоятельная и независимая судебная власть является необходимой гарантией для эффективной деятельности всего государственного механизма в целом. А главная общая задача исполнительной и судебной ветвей власти – это осуществление функции социального контроля, охраны и защиты права как неотъемлемой социальной ценности, а также исключение любой возможности осуществления своих прав и обязанностей неправыми средствами, от кого бы они ни исходили.

Список использованной литературы:

1. Тодика Ю. М. Функціонування державної влади в аспекті конфліктології. *Правова держава*. Щорічник наукових праць. Вип. 8. 1997. С. 56–63.
2. Барнашов А. М. Единство власти и его воплощение в государственном строительстве СССР. Издательство Томского университета. Томск : 1979. 142 с.
3. Волощук О. Т. Місце уряду в системі розподілу влад. *Держава і право*. Вип. 37. С. 136–143.
4. Веніславський Ф. В. Конституційне визначення меж державної влади в Україні. *Проблеми законності*. Вип. 43. 2000. С. 17–22.
5. Авер'янов В. Принцип верховенства права у сфері виконавчої влади: питання теорії та практика реалізації. *Право України*. 2010. № 3. С. 72–79.
6. Конституционное право зарубежных стран / под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. Москва : НОРМА-ИНФРА-М, 1999. С. 266.
7. Волощук О. Т. Місце уряду в системі розподілу влад. *Держава і право*. Вип. 37. С. 136–143.
8. Четвернин В. А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию : монография. Москва, 1993. 140 с.
9. Конституционное право: Энциклопедический словарь / под ред. С. А. Авакьяна. Москва : НОРМА-ИНФРА-М, 2000. С. 497.
10. Шаповал В. М. Конституція і виконавча влада : монографія. Київ : Юрінком Інтер, 2004. С. 9.
11. Авер'янов В. Організація виконавчої влади: необхідність усунення внутрішніх суперечностей. *Щоріч-*

ник українського права. 2010. № 2. С. 69–75.

12. Фрицький Ю.О. Правові засади виконавчої влади та її системи в Україні. *Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія право*. Вип. 6. 2006. С. 92–96.

13. Мишин А. А. Центральные органы власти буржуазных государств. Москва : Издательство Московского университета. 1972. 285 с.

14. Енгибарян Р. В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции : монография. Москва : Норма, 2010. 496 с.

15. Авер'янов В. Український уряд у вимірі конституційно-правових вимог. *Вибори та демократія*. 2014. № 2. С. 58–65.

16. Чиркин В. Е., Ковлер А.И., Юдин Ю. А. Сравнительное конституционное право. Москва : Издательская фирма «Манускрипт». 730 с.

17. Конституція України: станом на 25 серп. 2017 р.: відп. офіц. тексту. Харків : ППФ «Поліграфіст», 2017. 64 с.

18. Шаповал В. Виконавча влада і конституційні статуси Президента України та Кабінету Міністрів України. *Право України*. 2000. № 8.

19. Про судоустрій і статус судів: Закон України від 02.06.2016 р. № 1402-VIII. Дата оновлення: 05.08.2018. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1402-19>

20. Про стратегію реформування судоустрою, судочинства та суміжних правових інститутів на 2015–2020 роки: Указ Президента України від 20.05.2015 р. № 276/2015. Дата оновлення: 20.05.2015. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/276/2015>

21. Про визначення механізму впровадження Плану дій щодо реалізації положень Стратегії реформування судоустрою, судочинства та суміжних правових інститутів на 2015–2020 роки: Розпорядження Кабінету Міністрів України від 19.08.2015 р. № 864-р. Дата оновлення: 19.08.2015. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/864-2015-%D1%80#n4>

22. Про Кабінет Міністрів України: Закон України від 27.02.2014 р. № 794-VII. Дата оновлення: 04.11.2018. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/794-18>

23. Ржевский В. А., Чепурнова Н. М. Судебная власть в Российской Федера-

ции: конституционные основы организации и деятельности. Москва : Юрист, 1998. 216 с.

24. Про внесення змін до Господарського процесуального кодексу України, Цивільного процесуального кодексу України, Кодексу адміністративного судочинства України та інших законодавчих актів: Закон України від 03.10.2017 р. № 2147-VIII. Дата оновлення: 03.10.2017. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2147-19#n6>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мальшкіна Наталья Олеговна – соискатель кафедры конституционного права Украины Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Malyshkina Natalia Olehivna – Postgraduate Student at the Department of Constitutional Law of Ukraine of Yaroslav Mudryi National Law University

malyshkina.natalya@gmail.com

УДК 349.41

ПРАВО СОСЕДСТВА КАК ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Игорь МИРОНЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права учебно-научного юридического института ГВУЗ «Прикарпатский национальный университет имени Василия Стефаника»

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривают теоретические аспекты формирования права соседства как правового института. Он объединяет правовые нормы, направленные на регламентацию соседских отношений (отношений собственников и пользователей соседних объектов недвижимого имущества).

Институт права соседства имеет цивилистическое происхождение и включает в себя элементы публично-правового и частноправового регулирования. В праве Украины его теоретические основы составляют положение науки гражданского права, а законодательные – положение права земельного. «Право соседства» может быть определено как межотраслевой правовой институт, что объединяет нормы гражданского, земельного и административного права. При расширенном подходе он также охватывает отношения собственников и пользователей квартир и нежилых помещений в комплексных зданиях, которые не связаны с использованием земельных участков.

Ключевые слова: добрососедство, право соседства, соседское право, соседские отношения, институт права соседства.

RIGHT FOR NEIGHBORHOOD AS THE LEGAL INSTITUTE: THE THEORETICAL ASPECTS

Igor MIRONENKO,

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor at the Department of Civil Law
of Vasyl Stefanyk Precarpathian National University

SUMMARY

This article refers to the theoretical aspects of the neighborhood right formation as a legal institution. It combines the legal norms concerning the regulation of neighboring relations (relations of owners and users neighboring real estate).

The Institute of neighborhood right has a civilian origin and includes elements of public and private legal regulation. Its theoretical foundations are the provisions of the science of civil law, and the legislative form the provisions of the land law of Ukraine. The neighboring right can be characterized as an interdisciplinary legal institution that combines the norms of civil, land and administrative law. In a more advanced approach, it also covers the relationship between owners and users of apartments and non-residential premises in complex buildings that are not related to the use of land.

Key words: good neighborliness, right of neighborhood, neighboring law, neighboring relations, Institute of Neighborhood.

Постановка проблемы. Правовое регулирование соседских отношений (отношений владельцев соседних объектов недвижимого имущества) имеет длительную историю, которая уходит во времена античности. Сегодня такие отношения регламентируются гражданскими кодексами большинства стран Европы, а соответствующие разделы правового регулирования извест-

ны под наименованиями «добрососедство», «право соседства», «соседское право», «право участия частного», «nachbarrecht» и др. [1, с. 402]. Соответственно, возникает вопрос о месте правового регулирования соседских отношений в праве Украины.

Актуальность темы исследования. В действующем украинском законодательстве правовое регулиро-

вание соседских отношений в основном представлено положениями главы 17 «Добрососедство» Земельного кодекса Украины (ЗК Украины). Указанную совокупность правовых норм принято рассматривать в качестве самостоятельного правового института [2, с. 33; 3, с. 107–108; 4, с. 77; 5, с. 148–149].

Однако достаточно спорными остаются вопросы о научно-теоретических основах данного института, в частности его правовая природа, отраслевая принадлежность, внутренняя структура и др. В наше время данный институт по сравнению с другими правовыми институтами в надлежащей мере не сформирован, а его нормы характеризуются разным уровнем развития, полноты, четкости содержания и взаимодействия между собой [2, с. 33].

Состояние исследования. В украинской литературе общетеоретическим вопросам института права соседства (добрососедства) уделяется сравнительно мало внимания, по большей части в соответствующих разделах учебников и комментариев к ЗК Украины рассматриваются практические аспекты правового регулирования в этой сфере. Однако можно выделить исследования по данному вопросу П. Ф. Кулинич, А. М. Мирошниченко, Д. В. Бусуйок, А. А. Лобова и некоторых других авторов. Также необходимо отметить работы таких зарубежных авторов, как Ю. В. Винниченко, А. М. Андреев, Ф. О. Богатырев, О. А. Поротикова и др.

Целью и задачей статьи является рассмотрение общетеоретических аспектов формирования института права соседства в праве Украины, в частности вопросы его правовой природы, отраслевой принадлежности и внутренней структуры.

Изложение основного материала. Начиная рассмотрение данного вопроса, необходимо отметить спорные моменты, связанные с названием главы 17 ЗК Украины («Добрососедство»), положения которой сегодня составляют законодательную основу данного института. В литературе отмечается, что понятие «добрососедство» является достаточно многоаспектным [3, с. 107–108; 6, с. 28–30], а также недостаточно точным и корректным для использования в качестве названия главы 17 ЗК Украины [2, с. 25–26].

По нашему мнению, более правильным будет обозначить соответствующий раздел правового регулирования как «право соседства».

Что касается отраслевой принадлежности положений о праве соседства, то украинские исследователи, исходя из положений действующего законодательства Украины, рассматривают этот институт как земельно-правовой [2, с. 33; 3, с. 107–108]. В свою очередь, зарубежные исследователи, как правило, рассматривают право соседства как институт гражданского права, отмечая его цивилистическое происхождение [7, с. 52–53; 8, с. 78]. По мнению Ю. В. Винниченко, соседское право следует относить к числу гражданско-правовых (частноправовых) институтов, поскольку соответствующие отношения складываются в связи с использованием имущества и основаны на юридическом равенстве их участников (соседей) [9, с. 12].

В целом цивилистическое (гражданско-правовое) происхождение этого правового института является бесспорным, однако, кроме прочего, необходимо также учитывать объективные тенденции развития современного права Украины.

В условиях украинской правовой системы для урегулирования земельных отношений цивилистического характера в земельном праве сформировались или находятся на этапе формирования правовые институты, включая и данный [10, с. 22]. Так, А. М. Мирошниченко считает бесспорным тот факт, что во многих случаях гражданские и земельные отношения тесно взаимосвязаны, а целый ряд институтов земельного права являются по своему содержанию гражданскими [11, с. 46]. П. Ф. Кулинич также указывает на тенденцию наполнения современного земельного права Украины цивилистическим содержанием [12, с. 291–295].

В литературе выдвигаются предложения об изъятии из земельного законодательства тех норм, которые не содержат отраслевой специфики и просто дублируют гражданское законодательство [11, с. 53–56]. Бесспорно, подобного дублирования допускать не следует. Однако полностью изъять гражданско-правовые по своему про-

исхождению положения из действующего ЗК Украины, очевидно, не удастся, поскольку это связано с его полной концептуальной переработкой. Потому следует согласиться с предложениями «оставить» данный правовой институт в земельном законодательстве, а в гражданское законодательство включить соответствующие общие положения и бланкетные нормы [10, с. 22; 12, с. 288–289]. Кроме прочего, это даст возможность расширить сферу применения «права соседства», включив в нее также и «жилищные соседские отношения» между владельцами соседних квартир или нежилых помещений в комплексных зданиях, которые не связаны с землепользованием.

Однако вопрос о правовой природе института права соседства является более сложным, поскольку сегодня регулирование соседских отношений фактически содержит также публично-правовую составляющую. Как отмечает Ф. О. Богатырев, интересы соседей также защищает и ряд норм, которые в целом относятся к законным ограничениям права собственности в интересах всего общества (строительные требования о соблюдении противопожарных расстояний между сооружениями на соседних участках, санитарные нормы об обязанности соблюдать тишину в ночное время и др.) [13, с. 227–228]. И. Б. Новицкий в свое время также указывал, что строительные, пожарные, санитарные требования и нормативы хотя и носят публичный характер, также распространяются на сферу соседских отношений [14, с. 6–7, 12].

Соответственно, возникает вопрос о возможности включения в состав института права соседства также положений административного права.

Необходимо отметить, что подобная составляющая в правовом регулировании соседских отношений появилась с момента его возникновения. Так, уже положения Законов XII таблиц в римском праве устанавливали минимально допустимые расстояния от межи к ограждениям, жилым домам, колодцам и др. [15, с. 9–10]. В дальнейшем развитие производства обусловило дополнение регламентации «бытового» соседства положениями о регулировании соседства с промышленными объектами. Это повлекло

включение в традиционную гражданско-правовую конструкцию соседского права норм публичного права (экологических, санитарных, противопожарных и других), предоставляя ему современные формы [16, с. 163–164]. Публично-правовая составляющая соседского права проявляется также и в использовании административных механизмов для разрешения соседских конфликтов (вызов полиции, подача жалоб в органы местного управления и др.) [17, с. 196].

Сегодня важность административно-правового регулирования в данной сфере возросла настолько, что предлагается даже выделять «публичное соседское право» [8, с. 77–78]. Под ним понимают разного рода ограничения относительно пользования участками, установленные положениями административного права. Однако сразу же отмечается, что подобные нормы действуют кумулятивно и параллельно с нормами частного соседского права [8, с. 76–79].

По вопросу о возможности рассматривать «публичное» и «частное» право соседства как составные единого правового института сложились две противоположные точки зрения.

В соответствии с традиционным подходом, право соседства включает в себя лишь те нормы, которые устанавливают ограничения в интересах определенной категории лиц (соседей). Иными словами, поддерживается мнение об однородной, исключительно цивилистической (гражданско-правовой) природе данного института [13, с. 228]. При этом отмечается необходимость обеспечить предметное единство соседских отношений, что означает применение присущих гражданско-правовому регулированию принципов равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности участников правоотношений [18, с. 57]. Так, по мнению Ф. О. Богатырева, правильным следует считать взгляд на нормы соседского права как на массив однородных гражданско-правовых норм [13, с. 229]. Также утверждается, что отношения, связанные с привлечением к ответственности за нарушение строительных, санитарных и других норм, собственно соседскими не являются, поскольку одной из сторон таких правоотношений выступает государство в лице какого-либо органа власти или должностного лица [19, с. 30–32].

В тоже время существует и другой подход, который предусматривает сочетание в праве соседства как частноправового, так и публично-правового компонентов.

Так, И. Б. Новицкий различал две группы норм относительно регулирования соседских отношений и указывал: много норм, которые ограничивают права личности в публичных интересах, также имеют значение для регламентации соседских отношений, поскольку защищают интересы соседей. В связи с этим соседское право, по его мнению, должно пониматься шире, чем это было ранее, выходя за рамки сугубо частноправового института [14, с. 12].

А. П. Анисимов по данному вопросу указывает, что современные соседские отношения складываются как с «классической» части, регулирование которой осуществляется нормами гражданского права с минимальным привлечением публично-правовых норм, так и принципиально новой современной группы конфликтов между владельцами двух соседних земельных участков, которая наделена более ярко выраженной публично-правовой спецификой [16, с. 169].

Поэтому считаем, что сегодня следует говорить о комплексности правового регулирования соседских отношений с применением как диспозитивного, так и императивного методов, а также с привлечением норм различных отраслей права.

Что же касается вопроса о месте института права соседства в системе права Украины, то для его решения необходимо обратиться к общетеоретическим положениям.

В целом под правовым институтом понимают обособленную группу правовых норм, что выступает составным элементом системы права и регулирует однородные взаимосвязанные общественные отношения. В качестве его наиболее общих признаков можно выделить следующие:

- однородность фактического содержания (каждый институт предназначен для регламентации самостоятельной группы отношений);

- юридическое единство (комплексность) норм (нормы образуют единый комплекс, который выражается в общих положениях, принципах, спец-

ифических правовых понятиях, что создает особый правовой режим);

- законодательная обособленность (объединение образующих правовой институт норм в отдельных структурных частях нормативно-правового акта);

- полнота правового регулирования охватываемых отношений и самостоятельная регламентация всех их аспектов [20, с. 260–261; 21, с. 304–305; 22; 23, с. 12–13]. Относительно последнего С. С. Алексеев указал, что каждый правовой институт обеспечивает самостоятельное регулирование определенной сферы отношений; данный признак является одним из главных для его выделения [24, с. 106].

Считается, что в основе деления правовых норм на правовые институты по большей части лежит предметный критерий [18, с. 57]. В нашем случае, по определению И. Б. Новицкого, ограничение соседского права основывается на таком системном признаке, как соседство недвижимого имущества, независимо от правового титула соседей [14, с. 6]. При более детальном рассмотрении соседство проявляется во взаимозависимости прав на недвижимое имущество, когда осуществление права на один объект влияет на возможность осуществлять права на другой объект.

Как известно, по признаку отраслевой принадлежности охватываемых норм правовые институты бывают как отраслевыми (состоят из норм одной отрасли права), так и межотраслевыми (включают нормы нескольких отраслей) [25, с. 3]. Положение главы 17 ЗК Украины формально отвечает большинству указанных выше признаков правового института, что создает определенные основания утверждать образование ими отраслевого правового института. Однако значительные сомнения вызывает возможность обеспечения этими нормами полноты правового регулирования соседских отношений.

По нашему мнению, даже «земельные соседские отношения» в их сугубо имущественном аспекте невозможно самостоятельно урегулировать только нормами земельного права; тут необходимо также применение общих положений гражданского права, а также норм права административного (градострои-

тельные, санитарные и др. нормативы). Не будем забывать, что в советский период и почти два десятилетия после объявления Украиной независимости (до принятия действующего ЗК Украины в 2001 году) регулирование объективно существующих земельных соседских отношений осуществлялось без участия этих положений земельного права. В то же время, как в свое время отметил С. С. Алексеев, главная функция правового института заключается в том, чтоб в пределах своей сферы общественных отношений определенного вида или рода обеспечить целостное, относительно завершённое правовое регулирование. Он должен владеть полным «комплексом» норм, посредством которых возможно охватить все существенные моменты регламентации соответствующей сферы [24, с. 105]. Таким образом, можно утверждать, что положения главы 17 ЗК Украины самостоятельно не обеспечивают полную правового регулирования соседских отношений, а право соседства нельзя рассматривать исключительно в качестве отраслевого земельного института.

Что касается гражданского права Украины, сегодня в нем отсутствуют специальные положения об урегулировании соседских отношений. Это исключает возможность утверждать о существовании отраслевого гражданско-правового института права соседства.

Несколько более сложным является вопрос о регламентации соседских отношений посредством норм административного права. С одной стороны, можно отметить наличие значительного количества положений, которые практически применяются для их регулирования. Однако следует учитывать, что административно-правовое регулирование имеет несколько другое назначение, чем регламентация частноправовых по своей правовой природе соседских отношений. Кроме этого, совокупность норм административного права, которая применяется для регламентации соседских отношений, не содержит соответствующих общих положений, не имеет системного характера и отдельного законодательного закрепления в виде самостоятельной части определенного нормативного акта. Также можно констатировать отсутствие в украинской правовой доктрине самой концепции «публичного (административного) пра-

ва соседства». Поэтому можно поддерживать позицию С. С. Алексеева: если та или другая группа норм не соединена целостной правовой конструкцией, то и нет оснований утверждать о наличии в данном случае правового института [24, с. 107].

Исходя из указанного, отсутствуют субинституты права соседства в гражданском и административном праве Украины, поскольку их принято рассматривать как составные элементы отраслевого правового института [24, с. 131–132]. Также право соседства нельзя рассматривать как сложный или комплексный правовой институт, который включает в себя самостоятельные менее значительные институты.

В то же время сегодня в правовой доктрине достаточно общепризнано существование межотраслевых правовых институтов, которые, как указывалось выше, объединяют нормы различных отраслей права для урегулирования определенной группы общественных отношений. Их образование рассматривается как результат «удвоения структуры права» («наслоения») межотраслевых образований над отраслевыми) в результате объединения норм разной отраслевой принадлежности по «функциональному» признаку [18, с. 69–70].

Указанное объясняется тем, что деятельность законодателя направлена на наиболее полное урегулирование отношений в определенной сфере, однако при этом надлежащего внимания не уделяется отраслевой принадлежности нормативных актов. В результате появляются образования, объединенные признаком «функционального» единства, которое существенно отличается от характерного для выделения отраслевых образований «предметного» единства [18, с. 69–70]. Как в свое время отметил С. С. Алексеев, системность права – это такое его свойство, которое вместе со свойствами нормативности, формальной определенности и другими обуславливает социальную ценность права. Благодаря системности юридически разнородные правовые нормы способны регулировать общественные отношения в комплексе, взаимосвязанными методами, обеспечивая дифференцированное и, вместе с тем, согласованное влияние на общественные отношения [24, с. 65].

По нашему мнению, основная причина появления межотраслевых правовых институтов связана с невозможностью обеспечить системное и полное правовое регулирование определенной совокупности общественных отношений исключительно посредством норм отдельной отрасли права, в т.ч. и в связи с необходимостью применения нехарактерных для соответствующей отрасли подходов и методов правового регулирования.

Таким образом, возвращаясь к вопросу о правовой природе института права соседства, можно сделать вывод, что он является межотраслевым институтом, то есть таким, что объединяет положение различных отраслей права. При этом в узком понимании он включает в себя нормы земельного, гражданского и административного права, направленные на урегулирование (условно) «земельных соседских отношений». При более широком подходе данный институт охватывает также нормы гражданского, жилищного и административного права, направленные на урегулирование (условно) «жилищных соседских отношений», которые формально не связаны с землепользованием. Следует отметить, что именно такой широкий подход к определению сферы соседского права предлагается в правовой доктрине других постсоветских стран [13, с. 231; 25, с. 19–25].

Что касается внутреннего наполнения межотраслевого института права соседства, то в соответствии с характерной для законодательства европейских государств традиции [1, с. 402–403] в нем можно выделить общую и особую части.

Общую часть института права соседства составляют нормы, которые определяют сферу применения его положений (в частности, закрепляют определение соседских отношений или соседнего недвижимого имущества), а также указывают цели и принципы соответствующего правового регулирования.

Особую часть института права соседства составляют нормы, направленные на урегулирование отдельных видов соседских отношений: 1) осуществление влияний на соседние владения, не связанных с нарушением

их пределов; 2) изменение и застройка земельного участка, влияющие на соседние владения; 3) право собственности и порядок пользования растениями, которые растут на меже или вблизи нее; 4) соседское водопользование (регулирование стока вод на соседние владения и использование соседями водных ресурсов); 5) обустройство ограждений между соседними владениями и их правовой режим; 6) обустройство меж владений и разрешение межевых споров.

Выводы. Правовое регулирование соседских отношений (отношений собственников и пользователей соседних объектов недвижимого имущества) в праве Украины составляет самостоятельный правовой институт («право соседства»).

Институт права соседства имеет цивилистическое происхождение и смешанную публично-частную природу. В Украине его общетеоретические основы составляют положение науки гражданского права, а законодательные – положение земельного права (нормы главы 17 «Добрососедство» ЗК Украины). Право соседства представляет собой межотраслевой правовой институт, который объединяет нормы гражданского, земельного, административного, а при расширенном подходе – также жилищного права, направленные на регламентацию отношений собственников и пользователей соседних объектов недвижимого имущества.

Список использованной литературы:

1. Емелькина И. А. Проблемы формирования института соседского права в российском гражданском праве. *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки*. 2016. № 2. С. 399–414.

2. Кулинич П. Ф. Право добрососудства за земельным законодательством Украины. *Земельне право України*. 2006. № 1. С. 25–33.

3. Лобов О. А. Добросудство в земельному праві України: історико-правовий аспект. *Проблеми законності*. 2011. Вип. 116. С. 102–108.

4. Каракаш И. И. Право собственности на землю и право землепользования в Украине : научно-практическое пособие. Киев : Истина, 2004. 216 с.

5. Земельное право Украины : учебное пособие / под. ред. Погребного А. А., Каракаша И. И. Киев : Истина, 2002. 496 с.

6. Заєць О. І. Онтологічні та еколого-правові аспекти добросудства за земельним законодавством України. *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Юридичні науки*. 2012. Вип. 92. С. 28–31.

7. Виниченко Ю. В. К вопросу о понятии соседского права. *Сибирский юридический вестник*. 2011. № 3. С. 49–55.

8. Королев С. В. Право земельных участков и соседское право в Германии. *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2011. № 2. С. 76–80.

9. Виниченко Ю. В. Исторические начала соседского права в России : монография. Иркутск : Ин-т законод. и прав. информации им. М. М. Сперанского, 2012. 84 с.

10. Сидор В. Д. Земельне законодавство України: сучасний стан та перспективи розвитку : монографія. Київ : Юридична думка, 2011. 312 с.

11. Мірошніченко А. М. Колізії в правовому регулюванні земельних відносин в Україні. 2-ге вид., перероб. і допов. Київ : Алерта; КНТ; ЦУЛ, 2010. 270 с.

12. Кулинич П. Ф. Правові проблеми охорони і використання земель сільськогосподарського призначення в Україні : монографія. Київ : Логос, 2011. 688 с.

13. Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В. Н. Литовкин, Е. А. Суханов, В. В. Чубаров. Москва : Статут, 2008. 731 с.

14. Новицкий И. Б. Право соседства. Рамки и значение проблемы. *Право и жизнь*. 1924. Книга 5/6. С. 3–12.

15. Памятники римского права: Законы XII таблиц, Институции Гая, Дигесты Юстиниана. Москва : Зерцало, 1997. 608 с.

16. Анисимов А. П. Классификация этапов развития соседского права: дискуссионные вопросы. *Вестник ТвГУ. Серия: Право*. 2016. № 2. С. 160–171.

17. Поротикова О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. Москва : Волтерс Клувер, 2007. 256 с.

18. Тонков Е. Е., Синенко В. С. Комплексные отрасли права: плодотворная

идея или отказ от формальной определенности в правовой науке. *Вестник ВГУ*. 2016. № 2. С. 53–75.

19. Купченко Д. В. Соседское право как институт российского права. *Вопросы современной юриспруденции* : материалы XXV Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2013. С. 28–33.

20. Загальна теорія держави і права : підручник / За ред. М. В. Цвіка, О. В. Петришина. Харків : Право, 2011. 584 с.

21. Скакун О. Ф. Теорія держави і права : Підручник. 2-ге видання. Київ : Алеута; КНТ; ЦУЛ, 2010. 520 с.

22. Бошно С. В. Система права и система законодательства. *Право и современные государства: научно-практический журнал*. № 5. 2013. URL: http://www.mirkin.ru/_docs/modern_states/N5_2013.pdf (дата обращения: 19.02.2019).

23. Федоров Г. Система права и система законодательства. *Leges et Vita (Закон и жизнь)*. 2011. № 8. С. 10–21.

24. Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 2: Специальные вопросы правоведения. Москва : Статут, 2010. 471 с.

25. Костицкий В. В. До питання про розвиток системи права та критерії його поділу на галузі (на прикладі екологічного та повітряного права). URL: <http://www.kostytsky.com.ua/upload/doc/sprava.pdf> (дата звернення: 19.02.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мироненко Игорь Витальевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права учебно-научного юридического института Прикарпатского национального университета имени Василия Стефаника

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mironenko Igor Vitalyevich – Candidate of Law Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law of Vasyl Stefanyk Precarpathian National University

myronenko79@gmail.com

УДК 323.28 (0):316.421(045)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОМУ ТЕРРОРИЗМУ КАК ЭЛЕМЕНТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ

Александр НИКОЛАЕВ,

кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры тактико-специальной и огневой подготовки,
Одесского государственного университета внутренних дел

Алексей УЛЬЯНОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры тактико-специальной и огневой подготовки,
Одесского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены проблемы противодействия международному терроризму. Проанализированы международно-правовые акты, направленные на противодействие терроризму, определены угрозы от террористической деятельности как в определенной стране, так и в мировом масштабе, а также рассмотрены организационные механизмы борьбы с этим преступным явлением. Выявлена и обоснована необходимость правового урегулирования контртеррористической стратегии.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, террор, контртеррористическая стратегия.

COUNTERING INTERNATIONAL TERRORISM AS AN ELEMENT OF STATE SECURITY ACTIVITIES

Aleksandr NIKOLAYEV,

Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Special-Purpose Tactics and Fire Training
of Odessa State University of Internal Affairs

Aleksey ULIANOV,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor,
Professor at the Department of Special-Purpose Tactics and Fire Training
of Odessa State University of Internal Affairs

SUMMARY

This article deals with the problems of countering international terrorism. International legal acts aimed at countering terrorism, identified threats from terrorist activities in a particular country, and on a global scale, and also considered the organizational mechanisms to combat this criminal phenomenon was analyzed. The need for a legal settlement of the counter-terrorism strategy has been identified and justified.

Key words: terrorism, terrorist activity, terror, counter-terrorism strategy.

Постановка проблемы. Терроризм является одной из самых больших проблем современного мира. Для эффективной борьбы с этим явлением необходимо исследовать генезис этого вызова, понять цели террористической деятельности, а также методы и средства их достижения. Террористическая деятельность существует в истории человечества с давних времен, но лишь на рубеже XX и XXI веков она стала глобально важным вопросом, требующим радикальных действий в международном масштабе. Постоянно расширяется география терроризма: в 2013 году террористическим атакам подверглись 88 стран, в 2014 году –

теракты произошли уже в 95 странах мира, а в 2015 году – в 941. По результатам совместных исследований Института экономики и мира и Университета штата Мэриленд (оба – США), в 2016 году был обнародован очередной Глобальный индекс терроризма (GTI) [1], который измеряет уровень террористической активности в стране по количеству инцидентов, погибших и пострадавших, а также по уровню материального ущерба. В соответствии с ним, в 2015 году только в 34 странах мира социальная и экономическая жизнь не подверглись влиянию этого явления (в том числе Ангола, Вьетнам, Куба, Литва, Латвия, Монголия, Оман,

Панама, Польша, Северная Корея, Румыния, Словакия, Словения, Сингапур, Уругвай).

Возникла необходимость разработать эффективную стратегию предотвращения терроризма и борьбы с ним. По мнению специалистов в этой области, более половины стран мира ощутили это в большей или меньшей степени. Исследованию феномена терроризма в условиях глобализации уделили свое внимание такие известные зарубежные ученые, как З. Бжезинский, С. Хантингтон, Б. Хоффман, К. Шауб, Д. Уайнер и др.

Среди украинских ученых, занимающихся вопросами международно-

го терроризма, можно отметить таких авторов, как В. Антипенко, М. Гуцало, С. Качур, В. Крутов, В. Липкан, С. Телешун, М. Шевченко и др.

Актуальность темы исследования. Проблема современного терроризма, его причины и проявления стали объектом научных изысканий историков, политологов, социологов, специалистов государственного и военного управления. Об этом свидетельствуют постоянные попытки определить данное явление в соответствии с нормами международного права. Термин «терроризм» происходит от латинского слова «террор», что означает «страх, страшная вещь, новость», и этимологически выходит из глагола «terreare» – пугать. Слово «террор» вошло в современные языки через французское существительное «terreur». В украинском языке термин «террор» имеет два значения: террор как применение насилия, изнасилования, жестокость и запугивание, уничтожение противника, а также сам результат такого поведения в виде страха, террора или запугивания.

В настоящее время в литературе имеется много определений феномена терроризма и, в зависимости от интересов, ученые пытаются ориентировать их на собственное использование. Несмотря на такую большую заинтересованность в этом вопросе, ни единодушного, ни обязательного определения не было установлено. Неоднозначность этих понятий не позволяет их правильно истолковывать, что и актуализирует это исследование.

Целью и задачей статьи является анализ международно-правовых актов, направленных на противодействие терроризму, определение угроз от террористической деятельности как в определенной стране, так и в мировом масштабе, а также рассмотрение организационных механизмов борьбы с этим преступным явлением.

Изложение основного материала. Наибольшее количество определений терроризма описывают представители науки на основе результатов исследований [3].

В этой группе можно выделить как очень широкие формулировки, которые формируют большие описания явления, так и короткие, часто лаконичные, в одно предложение, с выделением наиболее важных особенностей.

В кратком изложении терроризм определяется как умышленное использование или угроза насилия для создания страха и покорного поведения жертвы или общества, или как предназначенный для создания большого страха над людьми для достижения или сохранения контроля над другими людьми. Терроризм, используя новейшие технические достижения, влияет как на уровень местной безопасности, так и на уровень безопасности в глобальном масштабе. Эта форма насилия вводит новые явления угрозы в международные отношения, которые описываются как асимметричные.

Асимметричные угрозы создаются главным образом субъектами, отличными от государств, и имеют значительно меньший потенциал, чем существующие в стране. Они заключаются в четком планировании и организованной деятельности групп, организаций, направленной на требование от государственных органов или общества уступок, или конкретного действия, как правило, в ущерб другим. Террористические атаки в США, нападения в Мадриде и Лондоне привели к изменению подхода к международному терроризму. Атаки и теракты дают понять, что терроризм приобрел новое значение, особенно в формате исламских фундаменталистов, которые обучены и подготовлены к выполнению каждого задания.

Террористический акт для большинства связан с применением насилия, является существенным элементом человеческой деятельности с древнейших времен. Новое время также отмечается этим явлением, но в силу масштабов использования новых средств насилия террористическая деятельность отличается значительно большим диапазоном. Масштаб и размер этого явления в начале XX века стали глобальной угрозой и характеризуются наднациональным характером. Современные террористические организации действуют на всех континентах и завоевывают сторонников среди разных национальностей.

Самой известной террористической организацией является «Аль-Каида». Это международная «группа поддержки», которая финансирует и руководит деятельностью исламских боевиков во всем мире. Главной целью организа-

ции является свержение «еретических» правительств арабских государств и замещение их исламским правом. «Аль-Каида» настроена против Запада и видит в Соединенных Штатах главного врага ислама. Сейчас глобальную угрозу представляет международная террористическая организация «Исламское государство». Эта группировка действует как квазигосударство преимущественно на территории Сирии и Ирака, частично контролируя территории «суннитского треугольника». Однако по результатам военных операций правительственных и коалиционных сил организация постепенно теряет контроль над захваченными территориями и населенными пунктами.

Другой террористической организацией является «ХАМАС». Это радикальная исламская организация, которая признает Палестину арабской землей и отрицает право Израиля на существование. На данный момент «ХАМАС» является сильнейшей группой, создает угрозу мирному процессу на Ближнем Востоке. Недаром сегодняшнее лицо терроризма приписывается исламским фундаменталистам, и чаще всего представление о преступных группах направлено на Ближний Восток. События последних лет, когда террористы были исламскими фанатиками, оказались поворотным пунктом, который устанавливал новые методы и способы деятельности. Намерение террористов заключается в том, чтобы нанести удар в место, наименее ожидаемое для нападения, целью которого является вызвать, во-первых, растерянность, во-вторых, шок и панику в глобальном масштабе. Непредсказуемость, решительность и отношение к человеческой жизни вызывают беспокойство и страх всего общества. Следует подчеркнуть, что нападающие становятся все более изобретательными и оригинальными.

Терроризм – динамичное явление. С развитием техники, особенно в сфере коммуникации, он приобретает новые формы, которые, по нашему мнению, расширяют существующие определения. Классическим примером может служить так называемый кибертерроризм, или попытка запугать через онлайн-инструменты, например, в виде системной угрозы, которая парализует компьютер. В кон-

це концов, появление в сети вирусов, т. наз. «троянов» – чистый терроризм, который разрушает чью-то работу, наносит ущерб чьим-то данным. Это обычно не называется терроризмом, но проникновение во внутреннюю сеть банков или государственных учреждений – это акт террора. Стоит только предположить, что в будущем кибертеррористы найдут возможность через интернет совершить некий «зрелищный» акт, например, исключение поставки электроэнергии или повреждения средств массовой информации. Это привлекает внимание не только политологов и социологов, но, прежде всего, юристов. В частности, это касается международного права, которое является своеобразным компромиссом, заключенным государствами с различными политическими интересами и традициями, культурно-правовыми системами. Терроризм непосредственно связан с такими понятиями, как безопасность, государственная безопасность и угроза. В научной литературе нет однозначного определения этого термина. В этой статье мы определим, что безопасность – это процесс или состояние (свойство), которое обеспечивает функционирование (деятельность) государства в основных сферах, которые реализуют развитие и свободу национальных интересов в конкретной среде (условиях) безопасности, принимая вызовы, используя возможности, уменьшая риск и противодействуя всем видам угроз.

Угроза – это ситуация, в которой возникает вероятность наступления состояния, опасного для окружающих. Принимая во внимание сферы, в которых может возникнуть угроза, выделяем военные и невоенные угрозы. Среди невоенных угроз можно выделить политическую, экономическую, психосоциальную, экологическую, внутреннюю угрозу и другие. Анализ содержания понятий безопасности и угрозы позволил построить определения угрозы безопасности, которое представлено следующим образом: это развитие внутренних событий или международных отношений, в которых вполне вероятно может наступить ограничение или потеря условий для мирного существования и внутреннего развития или нарушения, или потеря государственного суверенитета – в результате политиче-

ской, психологической, экономической и военной агрессии. Такие определения позволяют называть терроризм важным фактором, влияющим на безопасность государства. Стоит отметить, что терроризм – это особый вид деятельности, направленный как против государства (направленный на ее уничтожение), так и против общества. Сегодня нет ни одного региона, полностью свободного от угрозы терроризма. Восприятие любого государства как свободного от потенциальной атаки – это неправильная оценка уровня безопасности. Нет недели, чтобы средства массовой информации не сообщали о новых террористических атаках, похищении заложников, увеличении угрозы нападения, ужесточении правил безопасности. Террористы не используют насилие случайно или необдуманно. Насильственное действие, как правило, планируется и осуществляется для достижения целей террористической группы.

Такие действия также логически связаны между собой и соответствуют текущей ситуации: действиям власти, степени реализации текущих требований и отношению общественного мнения. Террористические группы с большим вниманием выбирают средства атаки и цель нападения. Террористы должны поддерживать определенный уровень насилия для достижения своих целей. Границы этого уровня определяются отношением двух субъектов: «электората группы», то есть ее фактических и потенциальных сторонников, а также представителей власти, которые борются с ней. Для эффективного противодействия террористическим угрозам необходимо знать цели террористической деятельности, а также средства, которые используются для их достижения. Тактическая цель атаки связана с двумя факторами. Первый – это стратегическая цель данной террористической группы. Во-вторых, текущая политическая ситуация, как внутри самой группы, так и в пределах государства, и на международном уровне. Оба этих фактора могут влиять на цель конкретной атаки в разной степени. Например, в террористическом акте 11 сентября 2001 года доминирующим стратегическим фактором являлось стремление вызвать войну Запада с исламом, тогда как тактическим фактором являлась задача измеримых

человеческих и материальных потерь, которые имели вторичный характер. Выбор объектов современных террористических атак неслучаен. Их можно разделить на две группы: материальные объекты и люди как объекты нападения. На материальных объектах атаки осуществляются, главным образом, для их уничтожения или нарушения их нормального функционирования. Атакующими материальными объектами, как правило, являются общественные здания различного характера, хотя есть и случаи уничтожения обычных жилых домов, например, события, произошедшие в Москве в 2000-х годах. Следующими объектами нападения в этой группе являются транспортные средства – от автобусов до самолетов и поездов. Следующей подгруппой являются все объекты, обеспечивающие функционирование современной цивилизации: электростанции, радио- и телевизионные станции, телефонные станции.

Последней подгруппой являются все виды производственных мощностей и научно-исследовательские учреждения, занимающиеся военными вопросами, атомной энергетикой, а также казармы вооруженных сил, полицейские участки и объекты, разрушение которых представляет серьезную угрозу безопасности (так называемые объекты критической инфраструктуры): плотины, заведения, где хранятся токсичные промышленные вещества и тому подобное. В группе объектов, которыми являются люди, можно выделить четыре подгруппы, подвергающиеся терактам: служащие государственных и общественных органов, полиция и армия, деловые люди, представители мира науки, культуры, политики и население. Террористическое нападение на любой объект вызывает многочисленные последствия – от материального ущерба до смерти невинных людей. Жертвами нападений не становятся только известные люди, а институты, корпорации и, прежде всего, обычные граждане государств, формирующих большую анти-террористическую коалицию.

Эффективность борьбы с терроризмом на международном уровне возможна путем создания нормативных актов по противодействию терроризму. Особую роль в создании актов международного права в борьбе с терроризмом играет ООН. Бывший Гене-

ральный секретарь Организации Кофи Аннан описал угрозу для современного международного сообщества такими словами: «Терроризм расходится со всеми ценностями, для которых была создана Организация Объединенных Наций. Это означает глобальную угрозу демократии, верховенства права, прав человека и стабильности».

10 марта 2005 года, во время подготовки к сентябрьскому саммиту, Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан выразил предложение о принятии всеобъемлющей контртеррористической стратегии. Его предложение включало и определяло пять ключевых элементов глобальной контртеррористической системы: убеждение террористических группировок не прибегать к насилию; ограничение террористов в средствах для проведения терактов; ограничение поддержки террористических группировок другими странами; развитие возможностей стран в вопросах предотвращения терроризма; защита прав человека в ходе контртеррористической борьбы.

Вместе с предложенными элементами Генеральный секретарь представил свое видение роли ООН в контексте контртеррористической борьбы, а также всеобъемлющий и эффективный подход к проблематике терроризма, который мог бы использоваться с целью принятия мер и оперативных действий в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе. Выступление Генсекретаря послужило практической основой для эффективной помощи государствам-членам ООН в их национальных, региональных и глобальных контртеррористических усилиях.

На саммите 2005 года государства-члены единогласно выступили за осуждение терроризма «во всех его формах и проявлениях, кем бы, где бы и с какой бы целью он не осуществлялся». В итоговом документе встречи высокого уровня Генеральной Ассамблеи, которая проходила с 14 по 16 сентября 2005 года, мировые лидеры безуспешно пытались договориться о едином определении терроризма и утвердить всеобъемлющую конвенцию о борьбе с международным терроризмом.

Однако в ходе сентябрьского саммита был принят ряд элементов стратегии, предложенный Генеральным секретарем. По итогам сентябрьского

саммита 2005 года Генсек внес корректировки и улучшения в общий план глобальной контртеррористической стратегии. 2 мая 2006 года на пленарном заседании ГА ООН он представил на рассмотрение доклад «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии». Эти рекомендации дополнили и усовершенствовали каждый из пяти стратегических пунктов, детализировав используемые ООН контртеррористические действия, включая меры по совершенствованию работы Организации в этом направлении.

Организация Объединенных Наций имеет много достижений в сфере правотворчества, которые позволяют эффективно бороться с терроризмом. К ним относятся резолюции Совета Безопасности ООН, а также конвенции и протоколы. Кульминацией антитеррористических усилий ООН стало 8 сентября 2006 года, когда все государства-члены приняли Глобальную контртеррористическую стратегию. Стратегия систематизировала средства международного сотрудничества и показала необходимость проведения новых мероприятий, как правило, профилактического характера. Глобальная контртеррористическая стратегия, построенная в виде резолюций, стала правовым инструментом, который усиливает борьбу с международным терроризмом.

12 декабря 2016 года на заседании Совета Безопасности Организации Объединенных Наций была принята резолюция № 2322 (одним из авторов которой является Украина), которая призывает государства к усилению и расширению межгосударственного взаимодействия и взаимопомощи в сфере борьбы с терроризмом, обмена информацией о террористических организациях и боевиков-террористов, включая их биометрические и биографические данные. В документе также отмечается важность сотрудничества между судебными и правоохранительными органами по расследованию преступлений, связанных с терроризмом.

Явление терроризма для Европейского Союза – не только растущая проблема, но и вызов, который был принят и последовательно решался через многочисленные правовые инструменты Евросоюза и совместные действия, как в рамках Сообщества, так и во внеш-

нем измерении. Независимо от объема действий, важно сотрудничать и помогать друг другу, чтобы способствовать общей цели – борьбе с терроризмом.

Основным документом по вопросам борьбы с терроризмом и задачам, которые необходимо выполнить для государств-членов, является Стратегия ЕС в сфере борьбы с терроризмом, принятая Европейским Советом 15–16 декабря 2005 года. Ее предпосылкой является стратегическое обязательство ЕС по борьбе с терроризмом в глобальном масштабе, включая права человека, чтобы Европа была более безопасным местом, а также местом свободы, безопасности и справедливости для своих граждан. Эта задача выполняется в четырех направлениях, включая: 1) предотвращение вербовки кандидатов в террористические группировки; 2) защиту потенциальных целей; 3) преследование членов террористических организаций; 4) реагирование на акты терроризма и урегулирование кризисов.

Первой целью является устранение факторов, приводящих к радикализации и вербовке кандидатов террористическими группами. Тесное сотрудничество стран ЕС в этой сфере направлено на ограничение деятельности людей, которые способствуют радикализации, предотвращение доступа к подготовке террористов, создание эффективной правовой базы для предотвращения подстрекательства к терроризму и вербовки кандидатов в террористические группировки. Второй целью, изложенной в Стратегии, является усиление защиты граждан и инфраструктуры, а также уменьшение уязвимости к атакам. Для этого используются, среди прочих, следующие методы: получение и обмен информацией о путешествующих, усиление контроля и надзора за внешними границами ЕС и повышение уровня безопасности на транспорте.

Третьей целью Стратегии является проведение мероприятий, связанных с предотвращением террористической деятельности, которые исключают возможность совершения террористических актов, и преследование преступников. К ним относятся: обмен разведывательными материалами, развитие взаимного признания судебных решений путем введения Европейской доказательной базы и усиление сотрудничества в рамках Европола и Еврою-

ста, а также создание новых визовых и шенгенских информационных систем.

Четвертая стратегическая цель ЕС предусматривает, что будет осуществлена подготовка к обеспечению урегулирования кризисных ситуаций в результате террористических атак, а также приняты меры по ограничению и ликвидации их последствий. Эти меры также включают оказание помощи жертвам терроризма и их семьям.

В 2016 году на основе информации Антитеррористической группы (г. Гаага) создана единая база данных, к которой в режиме реального времени имеют доступ более 20 европейских спецслужб. Планируется реализация проекта по автоматизированному обмену данными между правоохранительными органами стран-членов ЕС в отношении лиц, имеющих судимость. Кроме этого, активизируется работа по введению в действие Европейской информационной системы авторизации путешествий.

Одним из важнейших элементов, составляющих основу эффективного противодействия терроризму, является право. На основе права происходит международное сотрудничество государств в сфере борьбы с терроризмом. Поэтому важную роль играет каталог правовых и международных норм, которые связывают членов международного сообщества. Каждая из стран, действующих на международной арене как субъект международного права, в конечном счете, получает столько же защиты от угрозы, поступающей извне, сколько усилий будет вложено в создание и внедрение международных правовых инструментов борьбы с ней. Международная деятельность – это право, но и обязанность каждого государства, ведь только в сотрудничестве с большинством реальных субъектов происходит сокращение трагических последствий террористических актов. На международном и региональном (европейском) уровне наблюдается тенденция углубления сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом. Прежде всего, это обмен информацией, улучшение взаимодействия спецслужб и правоохранительных органов, усиление контроля за пересечением государственных границ и противодействие финансированию террористической деятельности. Поэтому необходимо, чтобы международное сообщество име-

ло действенные правовые инструменты до того, как угроза терроризма разовьется до размеров распространенной.

Выводы. Наблюдая за международной ситуацией, мы видим, что общество в целом еще находится на шаг позади террористов, оно с опозданием реагирует на новые формы террористической угрозы. Терроризм – это тактика действий, которую, в принципе, невозможно уничтожить. С развитием науки и технологий она также развивается и совершенствуется. Поэтому актуальность этой угрозы остается постоянной, меняться может только ее уровень. Также проблема заключается в том, что общество не способно выработать однозначное отношение к терроризму. Только такое отношение было бы эффективным перед лицом «нового актера» на международной арене – террористических организаций, которые довольно эффективно влияют на международные отношения во многих регионах мира.

Список использованной литературы:

1. The Global Terrorism Index 2016. *The Institute for Economics and Peace and University of Maryland*. P. 4. URL: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2016/09/Global-Terrorism-Index-2016.pdf>
2. Печенюк І. С. Сутність і витоки міжнародного тероризму / І. С. Печенюк, М. М. Шевченко. *Воєнна історія*. 2004. № 4-6. С. 39–53.
3. Гуцало М. Г. Сучасний міжнародний тероризм як системне явище: тенденції, фактори, шляхи протидії. URL: http://revolution.allbest.ru/international/00294369_0.html
4. Гуцало М. Процеси глобалізації і деякі чинники ескалації терористичних проявів. *Політичний менеджмент*. 2007. № 6 (18). С. 126.
5. Качур С. І. Суїцидний тероризм як транснаціональне соціально-політичне явище. *Стратегічні пріоритети*. 2009. № 4 (13). URL: http://www.niss.gov.ua/public/File/Str-prioritetu/2009_4-13.p
6. Актуальні питання протидії тероризму у світі та в Україні: аналіт. доповідь / Резнікова О. О., Місюра А. О., Дрьомов С. В., Войтовський К. Є.; за заг. ред. О. О. Резнікової. Київ : НІСД, 2017. 60 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Николаев Александр Трифонович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Одесского государственного университета внутренних дел;

Ульянов Алексей Иванович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Одесского государственного университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolayev Aleksandr Trifonovich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Special-Purpose Tactics and Fire Training of Odessa State University of Internal Affairs;

Ulianov Aleksey Ivanovich – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Special-Purpose Tactics and Fire Training of Odessa State University of Internal Affairs

tsvp.nikolaev@ukr.net
ulyanov.tir@gmail.com

УДК 346.13.(094)

САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Юлия ОСТАПЕНКО,

кандидат юридических наук, ассистент кафедры хозяйственного права
Национального юридического университета
имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

Проанализированы основные подходы к формулированию понятия «саморегулируемые организации», раскрыта его суть и выделены главные признаки. Рассмотрены перспективы и основные цели их деятельности.

Ключевые слова: саморегулирование, саморегулируемая организация.

SELF-REGULATION AS AN OBJECT OF LEGAL ECONOMIC PROCEDURE

Yuliya OSTAPENKO,

Candidate of Law Sciences, Assistant Lecturer
at the Department of Economic Law
of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

The main approaches to the formulation of the notion “self-regulating organizations” are analyzed, its essence is revealed, and the main features are highlighted. The prospects and the main goals of their activities are considered.

Key words: self-regulation, self-regulatory organization.

Постановка проблемы. Прежде всего, следует указать, что после приобретения независимости в Украине начались процессы реформирования (иногда слишком стремительного) многих сфер, которые развивались, исходя из современных реалий. Кроме того, бала пересмотрена и обновлена регуляторная политика государства, в частности, в вопросах хозяйственных отношений, что, безусловно, сопровождалось созданием собственной законодательной базы. Следует отметить, что при этом имело место заимствование не только отдельных нормативных положений развитых зарубежных стран, но и целых институтов. Не стали исключением и саморегулируемые организации (далее – СРО). В национальное отраслевое законодательство это понятие вошло довольно-таки быстро, но, к сожалению, его введение было непоследовательным, в связи с чем в отечественной правовой доктрине этот институт воспринимается как уникальная правовая конструкция. Такой подход и шаг законодателя, несмотря на наличие сходства СРО с другими подобными конструкциями, не имеет прецедентов. Учитывая изложенное, можно констатировать, что в настоящее время существует острая

необходимость решения проблемы правовой квалификации этих организаций, определения их места в системе юридических лиц, а также установления их признаков [1].

Прежде чем приступить к рассмотрению проблемы, отметим, что сегодня понятие «саморегулирование» в сфере хозяйствования трактуют как: 1) определенное свойство рыночного механизма, 2) правовую форму правового механизма, 3) организационно-правовую форму специального субъекта права. Как видим, в правовой плоскости данная категория является неоднозначной. Более того, в условиях рыночной экономики у саморегулируемых организаций не было возможности раскрыть в полной мере собственные качества. Это становится очевидным на макроуровне. В то же время следует учитывать, что сама рыночная экономика, функционирующая и подчиняющаяся как закону «спрос-потребление», так и закону «стоимости», нацелена на поиск стихийного равновесия. Учитывая это, ученые и законодатель должны были найти и создать специальные правовые режимы, при которых такое саморегулирование происходило бы без деформации. Таким образом, необходимость изучения сути и значения

данной правовой категории не вызывает сомнений и это можно считать одним из основных заданий современной правовой науки.

Состояние исследования. Проблеме правового статуса СРО в украинской правовой доктрине посвящено не так много научных трудов. В частности, некоторые вопросы, связанные с образованием и функционированием СРО, отражены в публикациях И. М. Кучеренко, А. В. Кологойды, А. Ю. Тычковой, М. М. Слюсаревского, Н. Филатовой и других ученых. Однако признаки таких организаций, их правовая природа, в том числе и как экономической единицы, а также критерии отграничения от других подобных образований до сих пор полностью не изучены.

Целью и задачей статьи является раскрытие сути понятия «саморегулируемые организации», установление признаков, а также целесообразность их выхода на украинский рынок.

Изложение основного материала. Необходимо признать, что сегодня правовой механизм функционирования хозяйственных отношений, которые должны строиться на принципах экономического плюрализма (ст. 15 Конституции Украины), а также объединения рыночного саморегулирования

экономических отношений и государственной регламентации макроэкономических процессов (ст. 5 Хозяйственного кодекса Украины), в Украине четко не определен, не найдены также оптимальные формы [2]. Учитывая это, одним из способов решения обозначенной проблемы и выбора эффективного, стабильного и сбалансированного алгоритма хозяйственных отношений в ряде секторов экономики стало внедрение саморегулирования в сочетании с делегированием государством отдельных полномочий [9], благодаря чему, кстати, и появились СРО.

В контексте сказанного считаем целесообразным добавить, что саморегулируемые организации выполняют две функции: (1) поддержки и содействия реализации частных инициатив самих субъектов хозяйствования, которые заинтересованы в установлении четких правил ведения хозяйственной деятельности и особенно в их соблюдении в условиях конкуренции, (2) удовлетворение их органами (с использованием предоставленных им государством полномочий) публичных интересов. Отметим, что возможность, а в отдельных случаях и необходимость создания таких организаций, в частности, на рынке финансовых услуг, предусмотрена законодательством Украины [2], это объясняется тем, что государство отказывается от регулирования определенных отношений и поручает это дело СРО, которые в отдельных сферах могут и способны это делать самостоятельно. Однако ввиду того, что СРО выполняют общественно полезные задания не только с точки зрения самих их участников, ослабляя прямое влияние государства на рыночные процессы, но и с точки зрения государства, саморегулирование надо рассматривать как принцип взаимодействия государства и хозяйственных организаций.

Таким образом, для того, чтобы ответить на вопрос, что представляют собой СРО и какая им отведена роль в хозяйственной сфере, следует выяснить, что (какой смысл) вкладывается в понятие «саморегулируемая организация» (self-regulatory organization).

Прежде всего напомним, что впервые понятие «саморегулируемая организация» было употреблено в законодательстве США времен поли-

тики «нового курса» Т. Рузвельта. Так, Законом о рынке ценных бумаг 1934 г. (Securities Exchange Act of) [3] предусматривалось создание таких организаций и закреплялось, что статус СРО получили национальные фондовые биржи, ассоциации участников рынка ценных бумаг, зарегистрированные клиринговые агентства и Муниципальное правление по регулированию рынка муниципальных ценных бумаг [1]. Кроме США, понятие “self-regulating organization” употреблялось в Законе Великобритании «О финансовых услугах» (утратившем силу), в котором было зафиксировано, что СРО является органом, регулирующим ведение инвестиционной деятельности любого вида путем установления правил, обязательных для лиц, осуществляющих такую деятельность, поскольку они являются членами такой организации или на других основаниях подотчетны СРО [5]. Однако в научной литературе отмечается, что в этих странах термин «саморегулируемая организация» используется только в законодательстве в сферах финансовых услуг и регулирования рынка ценных бумаг [6, с. 103]. Надеемся, что ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что такие организации существуют и в других отраслях экономики, в частности, аудите, медицинских услугах, рекламе, туризме и др. Однако даже Великобритания и США в актах этих экономических сегментов не используют данный термин.

К сказанному добавим, что, к сожалению, не только среди законодателей, но и среди зарубежных исследователей нет единодушия относительно деятельности саморегулируемых организаций. В частности, они выдвигают различные теории саморегулирования, что, естественно, не облегчает и не ускоряет решение обозначенной проблемы. Например, Д. Блэк (J. Black) [6] говорит о четырех возможных вариантах саморегулирования: мандатном (mandated), санкционированном (sanctioned), принудительном (coerced) и добровольном (voluntary). Однако И. Айрес (I. Ayres) и Дж. Брейтвейт (J. Braithwaite) [6] отстаивают концепцию “enforced self-regulation”, согласно которой организации самостоятельно принимают свои внутренние правила, которые затем одобряются регулирующим органом [2].

Несколько иной подход у ученых и законодателей постсоциалистических странах. Согласно ч. 1 ст. 3 Модельного Закона «О саморегулируемых организациях», принятого Межпарламентской Ассамблеей стран-участниц СНГ (постановление № 29-7 от 31.10.2007 г.), саморегулируемыми организациями признаются основанные на членстве и созданные с целью осуществления саморегулирования некоммерческие организации, объединяющие и субъектов предпринимательской деятельности (исходя из того, что они работают в одной (общей) отрасли производства товаров (работ, услуг) или на рынке производимых товаров (работ, услуг)), и субъектов профессиональной деятельности одного вида или негосударственные пенсионные фонды. В частности, согласно ст. 6 Модельного Закона, саморегулируемая организация выполняет следующие основные функции: 1) разрабатывает и устанавливает требования к субъектам предпринимательской или профессиональной деятельности, которые стремятся к членству в ней, в том числе требования к вступлению; 2) привлекает к ответственности членов за нарушение требований законодательства государства, а также ее устава, правил и стандартов; 3) образует третейские суды для разрешения споров, возникающих между ее членами, а также между ними и потребителями произведенных ее членами товаров (работ, услуг), иными лицами в соответствии с законодательством о третейских судах; 4) проводит анализ деятельности своих членов на основании информации, предоставляемой ими саморегулируемой организации в форме отчетов в порядке, установленном ее уставом или иным документом, утвержденным решением общего собрания его членов; 5) представляет интересы своих членов в их отношениях с органами государственной власти, органом банковского регулирования и банковского надзора, органами местного самоуправления; 6) организует профессиональное обучение, аттестацию работников ее членов или сертификацию произведенных ее членами товаров (работ, услуг); 7) обеспечивает информационную открытость деятельности своих членов, публикует эту информацию в порядке, установленном настоящим Законом и ее внутренними

документами. Кстати, саморегулируемая организация вправе выполнять и другие, предусмотренные ее уставом функции, не противоречащие законодательству [8].

Следует отметить, что процесс становление института саморегулирования в различных странах, в частности в Украине, обычно тесно связан (можно утверждать, что они протекают параллельно) с процессами экономической либерализации и дерегуляции хозяйственной деятельности [8], что, в свою очередь, сопровождается снижением административных барьеров для предпринимательства, повышением роли общественных и профессиональных объединений [9]. Правда, в этом случае саморегулирование рассматривается как дополнительный или самостоятельный институт регулирующего воздействия государства на хозяйственную деятельность (подтверждение этому находим в ст. 12 ХК Украины) [8].

Как видим, именно благодаря заимствованию и внедрению института СРО, образованию таких организаций во многих экономических сферах в отраслевых законодательных актах стал употребляться термин «саморегулируемая организация», среди них: «О депозитарной системе Украины» от 06.07.2012 г. № 5178-VI, «Об институтах совместного инвестирования» от 05.07.2012 г. № 5080-VI, «О фонде государственного имущества Украины» от 09.12.2011 г. № 4107-VI, «О ценных бумагах и фондовом рынке» от 23.02.2006 г. № 3480-IV, «О сельскохозяйственной совместной деятельности» от 17.06.2004 г. № 1807-IV, «Об оценке земель» от 11.12.2003 г. № 1378-IV, «О негосударственном пенсионном обеспечении» от 09.07.2003 г. № 1057-IV и др. Опираясь на результаты анализа положений этих и многих других документов, можем сделать вывод, что общественно приемлемой формой саморегулирования в сфере хозяйствования необходимо признать именно институциональное саморегулирование участников экономических отношений, которое осуществляется на указанных в законодательстве Украины основаниях, в установленных организационно-правовых формах, с определенной хозяйственной компетенцией специфического субъекта

организационно-хозяйственных полномочий, а также в предусмотренной правовой форме и на основаниях делегирования отдельных организационно-хозяйственных полномочий государству таким СРО. Следовательно, СРО целесообразно рассматривать как хозяйственно-правовой феномен конвергенции составляющих правового хозяйственного порядка и рыночного саморегулирования экономических секторов.

Учитывая сказанное, отметим, что при введении саморегулирования в различные сферы и отрасли хозяйственной деятельности преследовались следующие цели: с одной стороны, обеспечить в системе хозяйственной деятельности бесперебойную и четко отлаженную коммуникацию между субъектами организационно-хозяйственных полномочий и хозяйствования, что способствует принятию сбалансированных регуляторных решений и предоставляет всем участникам дополнительные возможности по удовлетворению как публичных, так и частных интересов, а с другой – разграничить регулирующее воздействие государства и профессиональных и самоуправляющихся объединений, а также создать условия для формирования таких объединений, которые смогли бы внедрять эффективные механизмы хозяйственно-правовой ответственности перед потребителем. Это свидетельствует о том, что благодаря внедрению института саморегулирования появляется равноправный субъект организационно-хозяйственных полномочий, который участвует в подготовке и принятии решений для регламентации хозяйственной деятельности своих участников, и соглашается нести дополнительную ответственность перед потребителями произведенных товаров и услуг.

Исходя из положений нормативных актов, под саморегулированием следует понимать самостоятельную и инициативную деятельность, которая ведется субъектами хозяйственной деятельности, в том числе физическими лицами-предпринимателями и самозанятыми в определенной профессиональной деятельности лицами, содержанием которой является разработка и установление стандартов и правил такой деятельности, а также контроль соблюдения их требований, а основными

составляющими саморегулирования являются стандартизация и контроль предпринимательской и профессиональной деятельности членов СРО, в том числе соблюдение правил добросовестной конкуренции и профессиональной этики для потребителей и контрагентов [8; 9]. Как видим, институт саморегулирования, складываясь эволюционным путем, все-таки описывается и регламентируется хорошо отработанными и постоянными обычными нормами корпоративных и международных стандартов, правилами поведения и разрешения споров. Наверное, с учетом этого и накопленного опыта Европейская комиссия стран Евросоюза определяет данный правовой феномен как добровольно взятые на себя компанией обязательства по отношению к потребителям, причем субъекты саморегулирования рассматриваются либо отдельно, либо как члены ассоциации производителей и дилеров, организации или даже подрядчиков иного предприятия. При этом саморегулирование (с позиций формы) реализуется путем самостоятельного принятия субъектами хозяйствования правил поведения при ведении своей профессиональной деятельности, правда, с более высокими требованиями, чем те, которые существуют на рынке. Важно, что правила ведения любой деятельности, установленные самими участниками рынка, должны появиться раньше, чем нормы государственного регулирования [1; 8]. Указанное подтверждает вышеприведенный тезис, что саморегулируемые организации являются сочетанием, во-первых, частной инициативы самих субъектов хозяйствования, которые заинтересованы в установлении и особенно соблюдении четких правил проведения хозяйственной деятельности в условиях конкуренции, и, во-вторых, публичных интересов, которые удовлетворяются благодаря использованию органами таких саморегулируемых организаций полномочий, предоставленных им государством.

Несмотря на широкое внедрение и активное использование термина СРО, сейчас, к сожалению, не разработана хозяйственно-правовая концепция саморегулируемых организаций в контексте механизма регулирования хозяйственных отношений. Открыты-

ми остаются и вопросы, касающиеся их организационно-правовой формы, особенно порядка их основания и управления, нормотворческой деятельности и осуществления регулятивных полномочий, которые могут быть делегированы государством таким организациям, объема и содержания хозяйственно-правовых средств государственного регулирования, императивности членства в них субъектов хозяйствования, которые ведут свою деятельность в отдельной отрасли, и т.п.

Исходя из результатов анализа современной украинской нормативной базы по вопросу саморегулирования, можем смело утверждать, что законодатель избрал такой (так сказать) трендовый подход: если отраслевое законодательство предусматривает существование СРО и устанавливает определенные требования к этим организациям, то созданные на основании этого организации признаются саморегулируемыми. В то же время организации, создаваемые в других отраслях экономики (туризм, реклама и т.д.) и выполняющие функции, аналогичные признанным на законодательном уровне СРО, формально саморегулируемыми не считаются. Обратившись к законодательству Российской Федерации, можно заметить, что статус СРО могут иметь только те организации, которые внесены в государственный реестр саморегулируемых организаций, в противном случае организация не имеет права использовать термин «саморегулируемая» в любых падежах в своих учредительных и других документах [6].

Учитывая сказанное, напрашивается вывод, что проблема отграничения СРО от других подобных им организаций не должна и не может решаться только на основе анализа действующего законодательства, в частности, с позиции наличия или отсутствия в нем указания на предоставление определенным организациями статуса СРО, поскольку, опираясь на нормы действующего законодательства, государство делегирует часть своих экономических полномочий соответствующим организациям, а именно отдельные полномочия ведомственных государственных органов в той или иной сфере управления (ст. 49 Закона Украины «О ценных бумагах и фон-

довом рынке», ст. 33 Закона Украины «О негосударственном пенсионном обеспечении» и др.). Однако наличие у СРО делегированных полномочий не является аксиоматическим их признаком, потому что существует огромное количество таких организаций, которые, несмотря на то, что не наделены этими полномочиями, считаются саморегулируемыми. В контексте сказанного отметим, что следует согласиться с западными учеными, в частности, И. Айресом (I. Ayres) и Дж. Брейтвейтом (J. Braithwaite), которые установили, что саморегулирование, осуществляемое СРО, – это многогранное явление, а потому имеет несколько видов и проявлений [6, с. 24–55]. Исходя из этого, делегированное саморегулирование является лишь одним из видов, а следовательно, СРО, которым делегируются полномочия, – разновидность саморегулируемых организаций.

Примечательно, что саморегулируемые организации в отдельных случаях могут создаваться как на базе общественных организаций, которым присваивается соответствующий статус в порядке, предусмотренном КМУ, так и на профессиональной основе физическими лицами-предпринимателями и так называемыми самозанятыми лицами, а также на базе субъектов хозяйственной деятельности. Кроме того, отдельные СРО создаются с самого начала как квази-публичные образования. Несмотря на такое разнообразие, большинство СРО все-таки создается как общественные организации. Следует отметить, что потребителями их товаров (работ или услуг) становятся широкие круги общественности, что, на наш взгляд, важно, особенно при причинении вреда в связи с предоставлением некачественного продукта. Правда, законодательством в некоторых случаях предусматривается возможность образования при СРО фондов компенсации вреда, причиненного потребителям (в частности, ст. 161 Закона Украины «Об архитектурной деятельности»), и механизмы такой ответственности имеют большое значение для защиты прав и интересов потребителей – получателей услуг. Однако указанное считается только факультативным явлением.

В то же время, учитывая то, что существует большое количество орга-

низационно-правовых форм СРО, возникает вопрос об их правовой унификации, решение которого должно облегчить применение понятийно-категориального аппарата, особенно для обозначения наиболее распространенных типов организаций. Значит, прежде всего, необходимо выяснить критерий отграничения обычных предпринимательских обществ с отдельными регулятивными функциями от СРО, что, помимо прочего, должно быть универсальным. Таким, по нашему мнению, могут выступать признаки СРО, взятые в их совокупности. К сожалению, в современной юридической доктрине этому вопросу уделялось мало внимания, а потому комплексного подхода к определению признаков СРО не существует.

Так, по мнению некоторых ученых, признаками СРО выступают: а) их функционирование в форме некоммерческих, основанных на членстве; б) объединение в них субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности по признаку общности отрасли производства; в) наличие разработанных и утвержденных стандартов и правил предпринимательской или профессиональной деятельности; г) наличие специализированных органов по контролю соблюдения стандартов и правил; д) наличие механизма индивидуальной или коллективной ответственности членов СРО [7, с. 10]; е) осуществление представительства и защиты прав и интересов своих членов [4, с. 114; 8] и т. д.

Некоторые ученые к этим признакам добавляют обязательное наличие отдельных функций государственных органов, делегированных на основании специального нормативного акта, а также то, что некоммерческая организация официальную регистрацию как СРО проходит путем или включения ее в соответствующий государственный реестр СРО, или получения разрешения от уполномоченного государственного органа [7, с. 22, 40–41].

Выводы. Подытоживая сказанное, отметим, что развитие рыночной экономики и функционирования соответствующего института саморегулирования возможны только в условиях эффективной правовой регламентации и защищенности законных интересов участников.

Главная цель введения саморегулирования в различных сферах и отраслях хозяйственной деятельности состоит, с одной стороны, в проведении разграничения между регулирующим воздействием государства и регулированием со стороны профессиональных и самоуправляющихся объединений, а также создании условий для формирования таких объединений, которые смогли бы внедрить эффективные механизмы хозяйственно-правовой ответственности перед потребителем, а с другой – обеспечить коммуникацию в системе хозяйственной деятельности между субъектами организационно-хозяйственных полномочий и хозяйствования, что способствует принятию сбалансированных регуляторных решений и предоставляет всем участникам дополнительные возможности по удовлетворению как публичных, так и частных интересов.

Признаками СРО являются: а) их функционирование в форме некоммерческих, основанных на членстве; б) объединение в них субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности по признаку общности отрасли производства; в) наличие разработанных и утвержденных стандартов и правил предпринимательской или профессиональной деятельности; г) наличие специализированных органов по контролю соблюдения стандартов и правил; д) наличие механизма индивидуальной или коллективной ответственности членов СРО; е) осуществление представительства и защиты прав и интересов своих членов и тому подобное.

Кроме того, имеются все основания говорить о перспективности развития так называемых СРО, в том числе и благодаря усилиям самих субъектов хозяйственной деятельности в том или ином сегменте экономики, поскольку деятельность СРО выступает своеобразной конструкцией проявления принципа «свободы предпринимательства» и обеспечения публичных интересов.

Список использованной литературы:

1. Філатова Н. Ю. Поняття та ознаки саморегульованих організацій. *Вісник Академії правових наук України*. 2013. № 1. С. 280–290.
2. Гончаренко О. Види саморегулювання господарської діяльності. *Гос-*

подарське право і процес. 2016. № 11. Ст. 68–72. URL: <http://pgp-journal.kiev.ua/archive/2016/11/15.pdf> (дата звернення 15.09.2018).

3. Securities Exchange Act of 1934. URL: www.investopedia.com/terms/s/seact1934.asp.

4. Говорун О. В. Актуальні правові питання розвитку саморегулювання як механізму забезпечення ринкових відносин. *Юрист України*. 2014. № 4. С. 27–33. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/uy_2014_4_7 (дата звернення 09.09.2018)

5. Шутак І. Д. Юридична техніка : теорія правових застережень: навчальний посібник для вищих навч. закладів. Івано-Франківськ : Лабораторія наукових досліджень правового регулювання та юридичної техніки. Дрогобич : Коло, 2014. 260 с.

6. Любченко М. І. Юридична термінологія: поняття, особливості види : монографія. Харків : ТОВ «ВИДАВНИЦТВО ПРАВА ЛЮДИНИ», 2015. 280 с.

7. О саморегулируемых организациях: Федеральный Закон РФ № 315-ФЗ от 1 декабря 2007 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=72967> (дата звернення 29.08.2018).

8. Задихайло Д. В. Господарсько-правове забезпечення економічної політики держави : монографія. Харків : Юрайт. 2012. 456 с.

9. Шевчук О. Р., Ментух Н. Ф. Корпоративний секретар в системі управління акціонерним товариством: зарубіжний досвід правової регламентації. *Порівняльно-аналітичне право*. 2016. № 4. Ст. 120–122. URL: <http://dSPACE.tneu.edu.ua/bitstream/316497/8478/1.pdf> (дата звернення 29.09.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Остапенко Юлия Игоревна – кандидат юридических наук, ассистент кафедры хозяйственного права Национального юридического университета Украины имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ostapenko Yuliya Igorevna – Candidate of Law Sciences, Assistant Lecturer at the Department of Economic Law of Yaroslavl Mudryi National Law University

julost@rambler.ru

УДК 342.95

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ТАМОЖЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ

Людмила ПАЛИЙ,

аспирант кафедры административного права и процесса
и таможенной безопасности
Университета государственной фискальной службы Украины

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена обоснованию понятия административной деятельности по обеспечению таможенной безопасности. Исследованы научные подходы к определению административной деятельности, выделены черты (признаки) административной деятельности органов доходов и сборов. Доказано, что административная деятельность по обеспечению таможенной безопасности имеет преимущественно правозащитный характер и осуществляется органами государственной исполнительной власти в пределах полномочий, установленных законом. Сформулировано понятие административной деятельности по обеспечению таможенной безопасности.

Ключевые слова: таможенная безопасность, административная деятельность, обеспечение таможенной безопасности.

ADMINISTRATIVE ACTIVITIES FOR ENSURING CUSTOMS SECURITY: ESSENCE, CONTENT

Lyudmila PALIY,

Postgraduate Student at the Department of Administrative Law
and Process and Customs Security
of University of State Fiscal Service of Ukraine

SUMMARY

The article is devoted to the rationale of the concept of administrative activities to ensure customs security. The scientific approaches to the definition of administrative activity are investigated, the features (features) of the administrative activity of the organs of income and fees are highlighted. It is proved that the administrative activities to ensure customs security is primarily human rights in nature and is carried out by state executive authorities within the authority established by law. The concept of administrative activities to ensure customs security is formulated.

Key words: customs security, administrative activities, customs security.

Постановка проблемы. Актуальность исследования вопроса о сущности и содержании административной деятельности субъектов правоприменения в сфере обеспечения таможенной безопасности определена, в первую очередь, стратегией евроинтеграции Украины, которая закреплена Конституцией Украины (абзац пятый преамбулы с изменениями, внесенными согласно Закону Украины от 07.02.2019 г. № 2680-VIII [1]). Стратегические приоритеты системных преобразований определяют новые взгляды на назначение и целенаправленность административной деятельности как, в первую очередь, деятельности обслуживающего характера, императивность которой строго ограничена рамками закона.

Актуальность темы исследования. Обобщение научных работ, посвященных проблемам правового регулирования таможенных правоотношений, позволяет выделить основательные

наработки, в которых формируется модель таможенно-правового регулирования (В. Я. Настюк, Д. В. Примаченко и других), таможенного контроля (Ю. Н. Демин, А. В. Мазур, А. Б. Новиков и другие). Приведенные исследовательские работы представляют, среди прочего, авторский взгляд на сущность и содержание положительной деятельности в таможенной сфере. Среди научных работ, в которых исследуются различные аспекты деятельности в таможенной сфере, ее правового регулирования, структуры таможенных правоотношений, можно выделить те, где формируется подход к раскрытию проблемы ответственности за нарушение таможенного законодательства, организации борьбы с контрабандой (А. Т. Зима, А. В. Дусик, С. В. Кувакин, В. Д. Люблин, А. Павлов, В. Соломенко и другие). Не ставя целью обобщение всех научных работ, посвященных проблемам таможенно-правового регу-

лирования, следует указать, что все исследователи в той или иной степени раскрывают отдельные аспекты административной деятельности в таможенной сфере – положительной или отрицательной, тем самым доказывая ее системный характер.

Целью и задачей статьи является обоснование понятия административной деятельности по обеспечению таможенной безопасности с учетом существующих научных взглядов на сущность административной деятельности таможенных органов и правовых требований действующего законодательства.

Изложение основного материала. Необходимость последовательного решения вопроса определения понятия административной деятельности по обеспечению таможенной безопасности обуславливает последовательный научный анализ существующих работ, посвященных административ-

ной деятельности (как общему понятию), административной деятельности таможенных органов, таможенной безопасности. Такой подход сложно реализовать в рамках одной научной публикации, однако научные подходы неконфликтного характера могут и должны быть проанализированы.

Первым по логике исследовательской разведки возникает вопрос раскрытия содержания административной деятельности.

Ученые, которые анализировали выделенную проблему, подчеркивали ее черты: урегулированность нормами административного права, специфичность, исполнительно-распорядительный характер, подзаконный характер, государственную власть, целеустремленность (И. Голосниченко, А. Н. Бандурка, М. В. Корниенко, А. И. Остапенко и другие). Субъектная составляющая исследуемых названными учеными отношений в сфере административной деятельности представлена органами внутренних дел. В дальнейших научных исследованиях, посвященных проблемам административной деятельности, указанный научный подход выступал в качестве базового (Е. П. Рябченко [2]), а его критический анализ позволил изучать содержание связанных категорий – «контрольно-надзорная деятельность» (П. Синицкий), «контроль деятельности публичной администрации» (С. С. Витвицкий), «административная деятельность по осуществлению надзора» (А. В. Денисова), «административно-надзорная деятельность милиции» (Х. П. Ярмач) и другие.

Обобщение приведенных и других наработок, касающихся сущности административной деятельности, позволяет выделить положение относительно ее черт (признаков), которые можно назвать устоявшимися: подзаконный, государственно-властный характер, урегулированные нормами административного права, являются целенаправленными. По сути, учитывая обоснованные учеными черты (признаки) административной деятельности, можно отметить, что к такой деятельности можно отнести любую правоприменительную деятельность органов государственной власти и других органов, которыми делегированы полномочия исполнительной власти.

В таможенной сфере компетенцией государственно-властного характера наделены органы доходов и сборов. К органам доходов и сборов относятся: а) центральный орган исполнительной власти, который обеспечивает формирование и реализует государственную налоговую и таможенную политику; б) таможни; в) таможенные посты (п. 34-1 ст. 4 Таможенного кодекса Украины [3]). Ст. 544 Таможенного кодекса Украины определено назначение и задачи органов доходов и сборов. Исходя из необходимости поиска научного подхода к обоснованию понятия административной деятельности в таможенной сфере, в первую очередь, должны быть учтены предписания указанной статьи Таможенного кодекса Украины, касающиеся назначения органов доходов и сборов: а) создание благоприятных условий для развития внешнеэкономической деятельности; б) обеспечение безопасности общества, защита таможенных интересов Украины (ч. 1 ст. 544 Таможенного кодекса Украины [3]).

Если опираться на существующий в науке административного права подход к сущности административной деятельности, можно указать, что к такой деятельности органов доходов и сборов относится только та ее часть, которая касается правовой защиты таможенных интересов Украины, обеспечения безопасности общества. Именно такая деятельность является государственно-властной и подлежит урегулированию нормами административного права. Указанный тезис основывается и на понимании сущности государственной власти – признака, производного от признака «властный», содержание которого раскрывается в философской категории «власть»

Власть – 1) способность оказывать решающее влияние, навязывать волю или осуществлять намерение, план, решения; 2) право распоряжаться, приказывать, управлять кем-либо или чем-либо; 3) могущество, господство, сила; 4) политическое господство, право управления государством, права и полномочия государственных органов [4, с. 105].

Учитывая сущность свойства власти как производной от общей категории «власть», такое назначение органов доходов и сборов как создание благо-

приятных условий для развития внешнеэкономической деятельности, предусмотренное ч. 1 ст. 544 Таможенного кодекса Украины [3], сложно в целом охарактеризовать как властное, хотя углубленный анализ составляющих соответствующей деятельности позволит однозначно ответить на вопрос о присущем им указанном свойстве.

Обращение к доктринальным положениям науки административного права позволяет выделить подход академика В. Б. Аверьянова по изменению доминант в доктринальном толковании предмета административного права, где отмечается внедрение идеологии «служение государству» перед человеком. Ученый подчеркивал необходимость радикального изменения доктринальных взглядов на предмет административного права, которое заключается в отходе от господства «управленческой» доминанты в содержании предмета и признании преобладающей публично-сервисной доминанты [5, с. 84–85]. Указанный взгляд по направлению обновления доктринальных положений науки административного права внедрения публично-сервисной концепции в деятельность субъектов публичной администрации получил дальнейшее развитие в работах В. Р. Белой, А. В. Джафаровой, В. П. Петевки, А. И. Федотовой и других.

Признание присущей деятельности субъектов публичной администрации публично-сервисной черты означает, прежде всего, трансформацию определения сущности административной деятельности как таковой, что предполагает не только императивность (государственную власть), но и применение мер и средств, присущих диспозитивному методу регулирования.

Так, по мнению Е. П. Рябченко, в экономической сфере должны быть развитыми средства и меры, присущие диспозитивному методу публично-правового регулирования отношений, что означает установление правовой возможности альтернативного выбора участниками этих отношений вариантов поведения в рамках закона. Такая правовая возможность реализуется, в частности, в разрешениях, административных договорах, административных услугах, которые обеспечивают социальную свободу и активность человека, реализацию принципа «разрешено то, что не запрещено законом» [6, с. 3].

Обращение к научным положениям, представленным Е. П. Рябченко, основывается на признании экономико-правового характера деятельности в сфере государственного таможенного дела. Согласно ч. 1 ст. 7 Таможенного кодекса Украины, к государственному таможенному делу относятся установленные процедуры перемещения товаров через таможенную границу Украины и связанные с ними процедуры таможенного контроля и оформления, принятия мер, связанных с тарифным и нетарифным регулированием, взиманием таможенных платежей, ведением таможенной статистики, информационной деятельности, охраны и защиты таможенных интересов государства, организации деятельности уполномоченных субъектов [3]. Поэтому, исходя из предписаний Таможенного кодекса Украины, к государственному таможенному делу относятся следующие виды деятельности:

- процедурные (по перемещению через таможенную границу и осуществлению таможенного контроля);
- правоустанавливающие (относительно осуществления таможенного оформления);
- финансовые (по взиманию таможенных платежей);
- экономические (относительно установления таможенной стоимости, применения мер регулирования);
- организационные (относительно деятельности органов доходов и сборов как уполномоченных субъектов в таможенной сфере)
- правоохранительные и правозащитные (по борьбе с контрабандой и нарушениями таможенных правил).

Таможенным кодексом Украины не предусмотрен исключительный перечень тех видов деятельности, которые отнесены к государственному таможенному делу, зато назван единственный критерий принадлежности определенной деятельности к такой, которая связана с государственным таможенным делом, – направленность на реализацию государственной политики в указанной сфере.

Анализируя вопросы сущности административной деятельности по обеспечению таможенной безопасности, следует обратиться к работам Д. В. Приймаченко, посвященным исследованию сущности

административной деятельности таможенных органов по реализации таможенной политики [7]. Ученый обосновал авторскую концепцию определения сущности такой деятельности, содержание которой шире, чем деятельность по обеспечению таможенной безопасности. Вместе с тем наработки ученого, безусловно, могут и должны быть проанализированы и положены в основу дальнейшего изучения исследуемой проблемы.

Д. В. Приймаченко, опираясь на существующие подходы, обоснованные учеными по чертам (признакам) административной деятельности, и учитывая предметную направленность и предписания действующего законодательства, определяет административную деятельность таможенных органов по реализации таможенной политики как такую, урегулирование которой осуществляется преимущественно нормами административного права и которая является подзаконной, целенаправленной, государственно-властной, исполнительно-распорядительной, касается практического осуществления мероприятий по реализации таможенной политики и организации и функционирования таможенных органов [7, с. 32]. Ученый выделяет следующие составляющие административной деятельности таможенных органов: нормотворческое (которое названо подзаконным нормативным регулированием и отражает компетенцию по разработке и принятию подзаконных нормативных актов) и индивидуальное регулирование (отражает компетенцию, которая касается разработки и принятия индивидуальных актов, совершения юридически значимых действий в отношении определенных субъектов). Д. В. Приймаченко подчеркивает существование двух сторон административной деятельности таможенных органов, в чем проявляется ее двойственная природа – управленческая и одновременно такая, которая направлена на обеспечение соблюдения режима законности и правопорядка [7, с. 19–20].

Не отрицая принципиально такого подхода к двойной правовой природе административной деятельности таможенных органов, можно говорить о двух видах административной их деятельности – управленческой и правоо-

беспечительной. Следует также учесть формирование авторской концепции Д. В. Приймаченко в 2007 году, что обусловливает целесообразность дальнейшего развития с учетом доктринальных новелл и новаций действующего законодательства.

Обобщая вышеизложенное, можно выделить следующие черты (признаки) административной деятельности органов доходов и сборов в таможенной сфере: подзаконный характер; сочетание императивного и диспозитивного методов правового воздействия; осуществление субъектами, назначения и задачи которых установлены Таможенным кодексом Украины; деятельность указанных субъектов в таможенной сфере урегулирована нормами административного и таможенного права. Такая деятельность осуществляется в двух направлениях – положительном (регулятивном) и отрицательном (связана с применением мер реагирования на нарушения таможенных правил).

Обоснование понятия административной деятельности по обеспечению таможенной безопасности должно осуществляться с учетом следующего: а) нормативного закрепления термина «таможенная безопасность»; б) субъектной составляющей отношений по обеспечению таможенной безопасности.

Согласно ч. 2 ст. 6 Таможенного кодекса Украины, таможенная безопасность – это состояние защищенности таможенных интересов Украины. Исходя из содержания указанного срока, таможенную безопасность следует указывать только в контексте правозащитной деятельности определенных субъектов [3]. Такими субъектами должны выступать только те, компетенция которых по осуществлению правозащитной деятельности в таможенной сфере предусмотрена законом, что прямо следует из ст. 6 Конституции Украины [8], где установлен конституционный долг органов государственной власти соблюдать требования закона: органы доходов и сборов; Служба безопасности Украины (согласно п. 13 ст. 24, п. 5 ч. 2 ст. 25 Закона Украины «О Службе безопасности Украины» [9]); органы Государственной пограничной службы Украины (в соответствии с Законом Украины «О государственной границе Украины») [10].

Исходя из определения таможенной безопасности в действующем законодательстве, где ключевой категорией выступает категория защищенности интересов в таможенной сфере, можно заметить, что административную деятельность по обеспечению таможенной безопасности следует определять как часть административной деятельности уполномоченных субъектов в указанной сфере, которая имеет сугубо государственно-властный характер и связана с применением мер и средств императивного воздействия.

Выводы. Следовательно, административную деятельность по обеспечению таможенной безопасности можно определить как подзаконную, целенаправленную, государственно-властную деятельность уполномоченных на обеспечение таможенной безопасности субъектов – органов государственной исполнительной власти, которая осуществляется с целью защиты таможенных интересов государства и урегулирована нормами административного и таможенного права.

Список использованной литературы:

1. О внесении изменений в Конституцию Украины (относительно стратегического курса государства на приобретение полноправного членства Украины в Европейском Союзе и в Организации Североатлантического договора) : Закон Украины от 07.02.2019 г. № 2680-VIII. *Голос Украины*. 2019. № 34.

2. Адміністративна діяльність органів внутрішніх справ. Загальна частина : підручник / за заг. ред. О. П. Рябченко. Харків : Вид-во Харк. нац. ун-ту внутр. справ, 2009. 256 с.

3. Таможенный кодекс Украины от 13.03.2012 г. № 4495-VI. *Сведения Верховной Рады Украины*. 2012. № 44-45, № 46-47, № 48. Ст. 552.

4. Велика українська енциклопедія: у 20 т. Харків : Право, 2016. Т. 2: Філософія права / редкол. С. І. Максимов (голова) та ін. 2017. 1128 с.

5. Авер'янов В. Б. Вибрані наукові праці / Упорядники Андрійко О. Ф. (керівник колективу), Нагребельний В. П., Кисіль Л. Є., Педько Ю. С., Дерещ В. А., Пухтецька А. А., Кірмач А. В., Люлька Л. В.; За заг. ред. Ю. С. Шемшученка, О. Ф. Андрійко.

Київ: Інститут держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2011. 448 с.

6. Рябченко О. П. Концептуальні проблеми застосування диспозитивного методу публічно-правового регулювання відносин у сфері економіки. Наукова доповідь. Київ : Логос, 2013. 40с.

7. Приймаченко Д. В. Адміністративна діяльність митних органів у сфері реалізації митної політики держави : автореф. дис. ... д.ю.н. 12.00.07 ; Національна академія ДПС України. Ірпінь. 2007. 41 с.

8. Конституция Украины от 28.06.1996 № 254к/96-ВР. *Сведения Верховной Рады Украины*. 1996. № 30. Ст. 141.

9. О Службе безопасности Украины: Закон Украины от 25.03.1992 г. № 2229-XII. *Сведения Верховной Рады Украины*. 1992. № 27. Ст. 382.

10. О государственной границе Украины : Закон Украины от 04.11.1991 г. № 1777-XII. *Сведения Верховной Рады Украины*. 1992. № 2. Ст. 5.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Палий Людмила Леонидовна – аспирант кафедры административного права и процесса и таможенной безопасности Университета государственной фискальной службы Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Paliy Lyudmila Leonidovna – Postgraduate Student at the Department of Administrative Law and Process and Customs Security of University of State Fiscal Service of Ukraine

0971713748@ukr.net

UDC 344

CRIMINAL LEGAL CHARACTERISTIC OF SOCIAL ENGINEERING AS A WAY OF COMMITTING FRAUD

Vladimir PAKHOMOV,

Doctor of Law Sciences, Associate Professor,
Head at the Department of Criminal Disciplines and Legal Proceedings
of Sumy State University

Olga BONDARENKO,

Candidate of Law Sciences, Senior Lecturer at the Department
of Criminal Disciplines and Legal Proceedings
of Sumy State University

Mikhail DUMCHIKOV,

Candidate of Law Sciences, Assistant at the Department
of Criminal Disciplines and Legal Proceedings
of Sumy State University

SUMMARY

Today, the phenomenon of social engineering becomes an integral part of cybercrime. It is a certain manipulative method of influencing the emotional and natural behavior of a person who helps to force the victim to give the scammers all the necessary information. There are many different methods of using social engineering, but the main ones are the manipulation of human fears, interest or abuse of trust. The victim of social engineering can be, as during personal communication or use of digital gadgets and on the Internet. One of the most popular tools of social engineering is phishing – a kind of internet fraud that aims to capture information of a private nature fraudulently.

Key words: social engineering, fraud, cybercrime, phishing, whisking, internet fraud.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ КАК СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА

Владимир ПАХОМОВ,

доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин и судопроизводства
Сумского национального университета

Ольга БОНДАРЕНКО,

кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры уголовно-правовых дисциплин и судопроизводства
Сумского национального университета

Михаил ДУМЧИКОВ,

кандидат юридических наук, ассистент кафедры
уголовно-правовых дисциплин и судопроизводства
Сумского национального университета

АННОТАЦИЯ

Сегодня феномен социальной инженерии становится неотъемлемой частью кибермошенников. Речь идет об определенной методике манипуляции, при которой идет воздействие на эмоциональную сторону поведения человека, которая помогает заставить потерпевшее лицо отдать мошенникам все необходимые данные. Существует немало различных методов использования социальной инженерии, но основными из них следует считать манипуляцию человеческими страхами, заинтересованностью или злоупотребления доверием. Жертвой социальной инженерии можно стать, как во время личного общения или использования цифровых гаджетов, так и в сети Интернет. Одним из самых популярных инструментов социальной инженерии следует считать фишинг – вид интернет-мошенничества, целью которого является завладение информацией частного характера обманным путем.

Ключевые слова: социальная инженерия, мошенничество, киберпреступность, фишинг, вишинг, интернет мошенничество.

Problem setting. Accelerated scientific and technological progress and the global computerization of society have led to significant changes that mani-

fest themselves in both positive and negative consequences for any sphere of public life. The negative effects of computerization are expressed in the emergence of not

only new types of cybercrime, but also new methods of committing fraudulent actions characterized by high social danger. This is due to the value of the sub-

ject of a criminal offense and, of course, the vulnerability of both computer information and person's consciousness.

With the popularization of the scale of the use of various types of cashless settlements, all the latest ways of committing fraud, first of all, social engineering, constitute a threat to the economic life of the country and its population. We believe that today this issue is very important in the solution and relevant for discussion.

In modern science, this issue was also addressed by such scholars as Karchevskaya, Bulgar, Dzungyuk, Shuyakovskaya, Shcherbakov, Trofimchuk.

The purpose of the work is to study the phenomenon of social engineering, its significance, analysis and justification as one of the methods of committing fraud, which is dangerous for everyone, and to prove the necessity to implement urgent measures for the prevention and counteraction of such a criminal phenomenon.

Research methods.

- Methodological basis for writing of this work was used different methods of scientific knowledge.

- In particular, the method of observation for direct familiarization with the essence of the phenomenon of social engineering and the challenges that he calls.

- The method of generalization was used to define the general concept of social engineering and its importance for the economic security of the state and society.

- The statistical method made it possible to investigate and assess the extent of the development of a social engineering phenomenon.

Basic material. Today, in the era of information technology development, more and more people are suffering from various manifestations of fraud. Intruders try to capture the property of a person in various ways, and in this case, as a rule, in a contactless manner using psychological influence and using the trusting state of the victim.

One way of doing this kind of fraud is the phenomenon of social engineering, that is, the art of manipulating people through action, or the disclosure of confidential information in a way other than through the means of technical destruction of databases.

It should be noted that the phenomenon of social engineering developed not only in Ukraine and CIS countries, but also in Europe, each third person in one way or another faced with this. The most common and at the same time the simplest types of social engineering are telephone calls and sms messages of a diverse nature. The nature of such messages is also different, and I can be as joyful, such as winning a lottery or winning a car, and the sad nature where the problem of loved ones is with the law. Unfortunately, there are people who believe in these messages and transfer money to accounts of intruders, we are talking about certain age qualifications, namely about people who have not reached the age of majority and the elderly.

According to world statistics, the number of hacker attacks using social engineering methods has steadily increased, in 2015, such attacks hit 37% of financial institutions in the world. In order to increase the effectiveness of protection from typical attacks, it is necessary to constantly investigate the most common types of fraud, analyze the actions of intruders, as well as to build the appropriate security system [6].

It is with the help of such simple and easy actions that affect the psychological characteristics of the human person. The fraudsters are trying to seize our personal data (other confidential information) with a clearly more negative purpose than filling out a questionnaire for getting a bonus card in a popular store.

Social engineering is based on the psychological features of a person, such as:

- the principle of reciprocity;
- the principle of social verification (you evaluate your behavior in the context of the behavior of the majority);

- Respect for authorities (you will be more confident with a doctor and a policeman than an average person). All these principles apply to "offline" fraud, but they have their own specifics when committed online [1].

The most popular scheme of influence on a person used in social engineering is the Schein's scheme, which consists in the following steps:

- 1) the formation of the purpose of impact on the object;
- 2) search for information about the object;

- 3) identification of the most convenient targets of influence;

- 4) creation of the most favorable conditions for influence on the object;

- 5) coercion for the desired action;

- 6) the result.

To analyze the effectiveness of combating social engineering as one of the manifestations of cybercrime, you need to get acquainted with the main methods of its application in practice. Yes, they include the following.

Phishing an Internet fraud view whose main purpose is to access the victim's confidential information, built on sending letters from financial institutions or Internet portals, followed by the introduction of a password or downloading a virus program. This method of Internet fraud is achieved through the distribution of emails on behalf of popular dreams, financial institutions [7].

Whisking the name of this type of Internet fraud went from the previous one and consists in imitating calls to the mobile phone, as if from a banking institution (with a pre-recorded voice) and receiving a request for communication with the bank to confirm this or that information. In this case, the victim is required to say his password or other confidential information required for access to bank accounts [5].

Spear Phishing. If regular phishing involves sending millions of generated e-mail messages mail to different users, then the purpose of spam phishing is only specific users. Emails used for spam phishing are configured for specific recipients, with their names and personal information in order to make the messages more legitimate and plausible.

Since the number of emails used in spam phishing is much lower than that of regular phishing scams, this method of fraud is harder to detect.

Whaling is one of the types of phishing. Instead of seeking "small fish", "whale hunting" focuses on "big fish", that is, on rich people, on bank accounts that an attacker wants to access. By concentrating on this small group, the attacker can take more time to attack and provide a clear message formation, to be more successful with greater probability.

Farming The procedure is to redirect the victim to a false IP address. The scammer installs a malicious program on com-

puters, which, once launched on the computer, provides redirection of the victim instead of the sites they seek to fake sites that are then “robbed” of people.

Virus warning on your computer. In this case, the malware developer warns the victim about infecting her computer with a virus and reports that to clear the operating system, you need to go through the link and install the required program. This program is harmful and provides access to the necessary information.

Quid pro quo The specified type of online fraud is based on the ability of a person to telephone a conversation or e-mail to trust the victim (usually an office worker) and, having presented himself as a co-worker of the technical support service, to offer him a solution to the problem, in which he will receive all the necessary confidential information.

Reverse social engineering. Realization of this method can be carried out only in the case when the swindler pre-acquaints with the victim and deserves its trust. In this case, the victim himself turns to the rogue (for example, the system administrator), asking to help restore the lost file (which has been hidden by the crook). At the same time she is notified that such an action can be done as soon as possible only by going to her account. Thus, the victim at his own discretion tells all the information a scammer.

Fraud related to purchases via the Internet. The low price of a product, much lower than its competitors, requires a full or partial prepayment, must immediately alert the buyer. Such a fraud scheme is the most widespread one. The seller places a low price, but always requires a prepayment, full or partial, to refuse to pay to the department of delivery. In such cases, the buyer pays the goods, its part or the cost of delivery quite often remains with nothing. The main rule of shopping on the Internet – make a prepayment only to proven vendors, with others pay for goods after receipt.

Fraud related to sales through the Internet. Selling goods online, with the help of stock exchanges, may also be a victim of a fraudsters. Under the pretext of paying for your goods, the crook will try to find out all the data of your payment card, which will allow you to withdraw money from your account. In order to protect yourself from losses, it is necessary to remember the following simple rules:

1) To pay for your card is sufficient to know the number of 16 digits; in no case do you disclose the validity of the card and the CVV code on the back of the card;

2) to pay for your card, you do not need to receive any SMS messages or to approach an ATM, do not inform the fraudsters on SMS messages that arrive on your card and do not carry out any operations at the ATM at their request.

The specified types of online fraud are the most popular manifestations of the use of Internet engineering. At the moment, it's worth considering the Internet crime prevention measures that are being applied in Ukraine.

Classifying tips for preventing the manifestations of social engineering can be according to the source of information requests.

So, in case of an attack by using the phone, the following advice would be advisable: verification of the person calling; use the service of determining the number; ignore unknown phone messages.

In case of encroachment by using e-mail: do not open incomprehensible attachments in documents; do not click on untested hyperlinks in the body of the message; check requests for personal information sent in such messages.

In order to prevent an attack by using instant messaging services, you need to choose one platform for such exchanges, define the principles for setting up new contacts, and use high-quality passwords to access your account.

However, in the field of legal science, more interesting for the study is not advice how to protect themselves from negative manifestations of social engineering, and legal problems of protection against this phenomenon [1].

In order to understand the essence and meaning of the concept of “social engineering”, it is necessary to consider the concept of “fraud”. The Criminal Code of our state gives a clear notion to this word – it is a punishable act involving the possession of someone else's property or the acquisition of the right to property by deceit or abuse of trust (Article 190 of the Criminal Code of Ukraine). Social engineering in this case serves as a way of committing fraud, which usually combines two methods of committing a crime, namely deception and abuse of trust. The peculiarity of this article

is that the victim is a volunteer, at his own will, and does not transfer property to the detriment of his own interests, or the right to it to another deceitful person. This fraud differs from other criminal acts, such as: abduction (when a person takes possession of the property or rights to it without the consent of the person) or extortion (when the property or rights are transferred to him compulsorily). But voluntariness with mischance is imaginary, because there is still a lot of mischief here. The law sees two methods of fraud: fraudulent abuse of trust. The first is a message to the person of inaccurate data, through which she is deceived, the second one – more cynical, because a potential fraudster for his actions uses a confidential relationship with the victim. Also the constituent parts of this crime are: direct intent of the performer; selfish motive. That is, the person who carries out this punishable act deliberately goes to this crime, with the aim of seizing the property or the victim's right to it.

In particular, the Criminal Code of Ukraine defines the term “fraud with the use of electronic computers” (Part 3, Article 190), “Illegal collection for the purpose of using or using information constituting commercial or banking secrets” (Article 231) and a whole list in the section of the XVI-like crimes [2].

In 2016, significant progress was made in the fight against cybercrime as a whole. The President of Ukraine signed the Decree, which entered into force the decision of the National Security and Defense Council of Ukraine of January 27 “On the Strategy of Cybersecurity of Ukraine”.

This document states that, together with the benefits of the modern digital world and the development of information technology, cases of illicit collection, storage, use, destruction, distribution, personal data, illegal financial transactions, theft and fraud in the Internet are now actively spreading. Modern information and communication technologies can be used to carry out terrorist acts, in particular by breaking the standard modes of work of automated control systems of technological processes at infrastructure objects. Politically motivated activity in cyberspace is becoming more widespread in the form of attacks on government and private websites on the Internet.

Analysis of this document allows us to identify the following key provisions:

1. The main threats to the cyber security of Ukraine are identified and the Russian Federation is mentioned as a potential source of such threats, as well as their factors are described;

2. The main tasks of the national system of cyber security are fixed and the relevant bodies and their sphere of responsibility are specified;

3. The main priorities and directions of ensuring the cyber security of Ukraine (one of which is carrying out exercises on emergencies and incidents in cyberspace) is determined;

As a matter of fact, this document is filled with really relevant provisions and programs that require the development of appropriate regulations, which will include a system of measures for their implementation. At this stage, it will be interesting to observe that the National Coordination Center for Cyber Security, which is the working body of the National Security and Defense Council of Ukraine, was created by the Decree of the President of Ukraine №. 242/2016 of June 7, 2016. However, information on the site of the National Security and Defense Council on the activities of this body and among other available resources has not been revealed [6].

In addition, by the Decree of the President of Ukraine №. 32/2017 On Decision of the National Security and Defense Council of Ukraine dated December 29, 2016, "On threats to cybersecurity of the state and urgent measures for their neutralization", the mentioned decision of the National Security and Defense Council was put into effect. This decision draws attention to the most important steps to protect critical infrastructure objects from cyber-attacks, as well as requirements to the Cabinet of Ministers of Ukraine to develop legislative proposals for the implementation of the provisions of the Convention on Cybercrime [4].

These acts are mainly aimed at establishing the foundations for building a powerful cybersecurity system in Ukraine, but only a small number of their provisions can very closely relate to the cybersecurity of individuals. On the one hand, this is due to

the political situation in the country, however, in my opinion, it is impossible to forget about the interests of citizens of Ukraine and other persons, even due to the unstable situation in Ukraine.

Thus, despite the prevailing public opinion about phishing and social engineering as methods of criminal activity, they can and should be used, first of all, for the prevention and fight against crime on the Internet. Undoubtedly, their application, as well as the use of any operational-search activities, requires the prior agreement of all legal aspects. It should be noted that today the main way of protecting from social engineering methods is to carry out preventive measures consisting in training of citizens and employees of enterprises, institutions and organizations. Custom credentials are the property of the company (enterprises, institutions, organizations). All employees on the day of recruitment need to explain that the logos and passwords they received cannot be used for other purposes (on third-party web sites, for personal mail, etc.), to be transferred to third parties or other employees of companies who do not have on their rights. For example, very often, the employee, on leave, passes his authorization data to his colleague in order to be able to do some work or look at certain data in his absence.

Based on the foregoing, one can conclude that countering cybercrime is an important component of protecting the national interests of the state. Cybercrime has already become a big issue for the world, which needs immediate resolution. Law enforcement agencies are trying to be at the forefront of combating these crimes: special units are created to fight cybercrime, legislators adopt new laws, banking and financial institutions, within their competence, carry out preventive work with the population, providing appropriate recommendations for the safe use of the Internet. However, the loss of citizens and the damage to the state and the private sector from the illegal actions of Internet fraudsters is constantly increasing. Cybercrime, like any other crime, is not only a legal and a social issue. It is necessary to create a unified classification

and a formal model of cybercrime that will facilitate and counteract cybercrime, and investigate cybercrime. The organization of the information security system should be comprehensive and based on a thorough analysis of possible negative consequences. The main way of protecting from social engineering methods is to train employees. All company employees should be warned about the risk of disclosure of personal information and company confidential information, as well as ways to prevent data leakage.

References:

1. Соціальна інженерія. Вікі-знання ; Тернопіл. нац. техн. ун-т ім. Івана Пулюя. URL: <http://wiki.tstu.edu.ua/> Соціальна інженерія (дата звернення: 27.02.2019).
2. Кримінальний кодекс України від 5 квітня 2001 р. № 2341-III / Верховна Рада України. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>. (дата звернення 27.02.2019).
3. Про основні засади забезпечення кібербезпеки України № 2163-VIII от 05.10.2017 р. / Верховна Рада України. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T172163.html (дата звернення 27.02.2019)
4. Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 29 грудня 2016 р. «Про загрози кібербезпеці держави та невідкладні заходи з їх нейтралізації»: Указ Президента України № 32/2017. / Верховна Рада України. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/322017-21282>.
5. The Social Engineering Infographic. *Security trough Education: a free learning resource*. Social-Engineer, Inc. Apr. 28, 2014. URL: <http://www.social-engineer.org/social-engineering/social-engineering-infographic/> (дата звернення: 27.02.2019).
6. Gunn J. Social Engineering and How to Win the Battle for Trust. VASCO: blog. Nov. 5, 2015. URL: <http://blog.vasco.com/electronic-signature/social-engineering-win-battle-trust-infographic/> (дата звернення: 31.10.2016).
7. Що таке фішинг? *GoDaddy: caim*. URL: <https://ua.godaddy.com/help/sho-take-fishing-346> (дата звернення: 10.11.2016).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пахомов Владимир Васильевич – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин и судопроизводства Сумского национального университета;

Бондаренко Ольга Сергеевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин и судопроизводства Сумского национального университета;

Думчиков Михаил Александрович – кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовно-правовых дисциплин и судопроизводства Сумского национального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pakhomov Vladimir Vasilyevich – Doctor of Law Sciences, Associate Professor, Head at the Department of Criminal Disciplines and Legal Proceedings of Sumy State University;

Bondarenko Olga Sergeyevna – Candidate of Law Sciences, Senior Lecturer at the Department of Criminal Disciplines and Legal Proceedings of Sumy State University;

Dumchikov Mikhail Aleksandrovich – Candidate of Law Sciences, Assistant at the Department of Criminal Disciplines and Legal Proceedings of Sumy State University

olya.tereschenko34@gmail.ru
kafedrapravasumdu@ukr.net
misha.dumchikov23@gmail.com

УДК 342.9

РАЗВИТИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСПЛАНТАЦИИ В ПЕРИОД СССР

Вадим ПИШТА,

аспирант кафедры административного, финансового и информационного права Ужгородского национального университета

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию развития административно-правового регулирования оказания медицинской помощи с применением трансплантации в период СССР. Определены нормативные первоисточники трансплантации. Анализируется становление таких правовых категорий, как донор, реципиент, донор-труп, врачи и обслуживающий персонал, которые были задействованы во время проведения соответствующего вмешательства, согласие донора на извлечение органов, предварительное согласие родственников умершего на изъятие органов, заготовка анатомических материалов, констатация биологической смерти, международное сотрудничество в сфере трансплантации. Детально освещено постепенное развитие условий, которые были необходимы для извлечения органов у донора и донора-трупа.

Ключевые слова: трансплантация, административно-правовое регулирование, донор, реципиент, согласие на извлечение органов.

DEVELOPMENT OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION ON TRANSPLANTATION IN THE USSR PERIOD

Vadym PISHTA,

Postgraduate Student at the Department of Administrative, Financial and Information Law of Uzhhorod National University

SUMMARY

The article highlights the question about the development of administrative and legal regulation of medical care with the use of transplantation in the USSR period. Defined normative primary sources of transplantation. Analyzed the formation of such legal categories as: donor, recipient, deceased donor, doctors and attendants, who were involved during the relevant intervention, consent for organ donation, prior consent for organ donation of the deceased's relatives, preparation of anatomical materials, statement of biological death, international cooperation in the field of transplantation. Details covered the gradual development of the conditions that were necessary for the extraction of organs from the donor and the deceased donor.

Key words: transplantation, administrative and legal regulation, donor, recipient, consent for organ donation.

Актуальность темы исследования. Трансплантация – это метод лечения тяжелых заболеваний человека, который применяется в тех случаях, когда устранение опасности для жизни или восстановления здоровья больного другими методами лечения невозможно.

С самого начала своего существования трансплантация поставила много вопросов правового характера, которые еще не приходилось решать в процессе развития человечества. Необходимость в совершенной правовой базе трансплантации связана, прежде всего, с особыми отношениями между доно-

ром и реципиентом, специфика которых заключается в равном для каждого из них праве на жизнь. Именно поэтому с принятием 17 мая 2018 года Закона Украины «О применении трансплантации анатомических материалов человеку» [1] возродилась волна научного интереса к вопросам правового регулирования трансплантации.

Вместе с тем нельзя оставлять без внимания генезис административно-правовых норм, регламентирующих вопросы оказания медицинской помощи с применением трансплантации. Исследования в историческом разрезе

позволяют установить связь между прошлым и настоящим, при этом можно выделить как положительные, так и отрицательные аспекты, что дает возможность повысить эффективность административно-правовой регламентации трансплантации органов на современном этапе развития.

Состояние исследования. Отдельные аспекты административно-правового регулирования трансплантации в историческом разрезе исследовали С. В. Гринчак, Е. О. Ильющенкова, Е. В. Коротких, А. С. Плешков, В. И. Прозоровский, С. Г. Стеценко, М. О. Турчина, Ю. Н. Филиппов, В. М. Шульга и др.

При этом на сегодняшний день отсутствуют фундаментальные исследования эволюции административно-правового регулирования трансплантации в советский период. Этот фактор и являлся ключевым при определении темы исследования.

Цель и задача статьи заключается в исследовании нормативно-правовых актов, которые на протяжении всего существования СССР определяли функционирование медицинской помощи с применением трансплантации.

Изложение основного материала. Первым нормативно-правовым актом, который заслуживает нашего внимания в контексте исследования исторического генезиса трансплантации, является Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров «О профессиональной работе и правах медицинских работников» [2]. В ст. 9 имелось предписание об обязанности врачей в случае нанесения тяжких телесных повреждений или самоубийства лица сообщать в ближайший отдел здравоохранения. При этом каждый из таких случаев должен был быть записан медицинским работником со всей полнотой и точностью. В ст. 20 постановления отмечалось, что «хирургические операции проводятся с согласия больных, а по отношению к лицам младше 16 лет и душевнобольных – с согласия их родителей или опекунов».

Некоторые исследователи [3, с. 112] говорят о немаловажном значении данного постановления, поскольку это был первый опыт закрепления на высшем законодательном уровне права пациента на согласие при выполнении

хирургической операции. Вместе с тем выделяются следующие недостатки упомянутого выше постановления: 1) право пациента на автономно рассматривалось только в аспекте хирургических операций; 2) не была предусмотрена необходимость письменного согласия; 3) не предусматривалось право пациента на отказ от медицинского вмешательства.

Несколько более динамичное движение мы можем заметить в развитии правового регулирования трансплантации в следующем десятилетии. Так, 4 марта 1935 года было принято решение Бюро Ученого Совета Народного комиссариата здравоохранения РСФСР о разработке специальной инструкции для взятия трупной роговицы. Нужно отметить, что данное решение было принято с целью урегулирования трансплантации трупной роговицы, поскольку в тогдашних медицинских учреждениях это была довольно распространенная операция [4, с. 1].

22 апреля 1935 г. Совет Народных Комиссаров издал постановление «О кадрах доноров» [5]. В данном постановлении донорство признавалось особенно полезной общественной функцией и добровольным актом. Также за донором признавалось право в любой момент отказаться от предоставления крови для переливания.

15 сентября 1937 г. было принято постановление Совета Народных Комиссаров СССР «О порядке проведения медицинских операций» [6, с. 370], принятие которого было вызвано необходимостью правового регулирования отношений, возникающих в результате проведения пересадки органов. Согласно этому постановлению, Совету Народных Комиссаров предоставлялось право издавать распоряжения о порядке осуществления хирургических операций. Еще одно положение позволило использовать для учебных целей трупы невостробованных родственниками людей, умерших в лечебных учреждениях.

Как отмечают авторы монографии «Практика применения специальных знаний судебной медицины в суде»: «Постановление <...> впервые предоставило право Народному комиссариату здравоохранения СССР право издавать обязательные для всех учреждений, организаций и лиц рас-

поряжения о порядке осуществления операций, в том числе по пересадке роговицы глаза от умерших, переливанию крови, пересадке отдельных органов <...> Данный правовой документ явился основой для изданных в последующие годы различных инструкций и распоряжений, которые регламентировали личные вопросы трансплантации» [7, с. 15].

27 января 1938 г. Народный комиссариат здравоохранения СССР издал инструкцию «Об использовании глаз умерших для операций по пересадке роговицы слепым». По мнению Р. Т. Нигматуллина и Н. В. Чернова, данная инструкция не только облегчила взятия роговицы для клинической пересадки, но и значительно продвинула вперед развитие таких проблемных аспектов, как взятие трупных материалов, а также консервация органов и тканей [4, с. 2].

Ученый А. А. Мохов выделил два важных положения, которые были закреплены в инструкции: а) отсутствие необходимости предварительного согласия родственников умершего на изъятие глазного яблока; б) изъятие глаза допускалось не ранее чем через два часа после наступления смерти [8, с. 208].

Ю. М. Хрусталеv обращает внимание на показания архивных документов, а именно на то, что в 1951 г. в Институте имени Склифосовского врачами П. И. Андросовым и В. Ф. Пудовым был разработан проект «О переносе опытов в клиническую практику по пересадке отдельных органов (конечностей, почек, яичек, щитовидной железы) от трупов больным». Вместе с тем была разработана и методика пересадки органов от донора-трупа больному [9, с. 228].

Нужно подчеркнуть тот факт, что в данном проекте мы впервые встречаем понятие «донор-труп», под которым подразумевался «внезапно умерший человек, преимущественно от травмы» [10, с. 8].

Следующим нормативным актом, который регулировал отношения в сфере трансплантации, стал приказ Министерства здравоохранения СССР «О широком внедрении в практику окулистов операций по пересадке роговицы» от 16 февраля 1954 г. [11, с. 82]. Приказ обязывал институты болезни

глаз и другие медицинские учреждения в случае необходимости проводить пересадку роговицы. К тому же, был организован процесс по получению данным учреждениями глаз умерших.

После этого, были сделаны определенные шаги с целью определения порядка предоставления необходимых тканей и крови для осуществления трансплантации. Соответствующие положения мы можем найти в письме Главного судебно-медицинского эксперта Министерства здравоохранения СССР «О предоставлении институтам травматологии и институтам переливания крови некоторых тканей от трупов умерших людей» от 12 апреля 1957 г. [12 с. 215–216].

В. М. Шульга подчеркивает тот факт, что «<...> письмо обязывает судебно-медицинских экспертов оказывать соответствующим инстанциям всестороннюю помощь в получении необходимого биологического материала» [13, с. 155–156].

Нужно сказать, что в указанном выше письме акцентируется внимание на том, что во время изъятия тканей необходимо избежать повреждений трупа: «Выполняя <...> изъятие тканей, следовало избегать повреждения трупов, применяя по возможности последующую реставрацию. Если на трупе были повреждения, запрещалось использовать ткани от этой части тела, на которой эти повреждения были обнаружены» [12, с. 83]. И так, уже в 1957 г. был закреплен вопрос о бережном отношении к трупу. Данное положение, помимо прочего, было направлено еще и на повышение профессионального уровня врачей и обслуживающего персонала, которые были задействованы во время проведения соответствующего вмешательства.

В 50-х гг. XX ст. впервые были урегулированы вопросы сотрудничества СССР с международными организациями по вопросам трансплантации. Речь идет о положении «О работе органов здравоохранения и обществ Красного Креста, Красного Полумесяца по комплектованию доноров» от 3 мая 1956 г., которое было утверждено Министерством здравоохранения СССР 26 мая 1958 г. [12, с. 83]. Важность этого факта заключается в том, что СССР получил возможность перенять опыт международного сообщества в указанных выше вопросах.

Новым этапом в развитии законодательства о трансплантации ознаменовались 60-е гг. Первым нормативно-правовым актом, который требует внимания, является приказ Министерства здравоохранения СССР «О мерах улучшения судебно-медицинской экспертизы в СССР», который был принят 10 апреля 1962 г. В научных трудах тогдашних ученых выделялись положительные стороны данного акта, среди которых нужно отметить установления конкретных мер по повышению квалификации экспертов и качества экспертиз [14, с. 7–8].

19 декабря 1969 года была осуществлена кодификация советского законодательства в медицинской сфере благодаря принятию Закона «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» [15]. Именно благодаря изданию этого закона удалось привести законодательство республик в соответствие со всесоюзным законодательством.

Положения ст. 34 подчеркивает, что «в интересах лечения больного <...> могут применяться новые, научно-обоснованные, но еще не допущенные к общему применению методы диагностики, профилактики, лечения и лекарственные средства» [15].

Автор акцентирует внимание на том, что в Основах законодательства Союза ССР и союзных республиках о здравоохранении отсутствуют положения, которые касаются вопросов трансплантации органов, тканей и других анатомических материалов. Но вместе с тем был сформирован ряд норм, касающихся трансплантации.

Еще одним актом, непосредственно касающимся развития трансплантации в период СССР, является приказ Министерства здравоохранения СССР «Об улучшении обеспечения лечебно-профилактических учреждений и клиник трупными тканями, костным мозгом и кровью» от 14 июня 1972 года. Р. Т. Нигматуллин и Н. В. Чернов отмечают, что «<...> заготовка трупных тканей, костного мозга и крови должна проводиться от трупов лиц, умерших внезапно от острой сердечно-сосудистой недостаточности, самоповешения или других причин, повлекших быструю смерть (инфаркт миокарда, кровоизлияние в мозг, электротравма,

отравление этиловым спиртом и др.)» [4, с. 2]. Впервые были приведены те обстоятельства, которые позволяли изымать ткани, костный мозг и кровь у умерших лиц.

Исследовательница Е. В. Коротких [16, с. 70] обращает внимание на временной промежуток, в течение которого можно было осуществлять заготовку анатомических материалов. Так, заготовку крови в клинике проводят не позднее шести часов после смерти, а костного мозга – не позднее 3–5 часов после смерти. Также важным является факт отсутствия критериев констатации смерти, несмотря на то, что приведённый выше нормативный правовой акт обязал врачей, работающих в отделении заготовки крови и тканей, или в морге, констатировать смерть доставленного донора.

В 1977 г. Министерством здравоохранения СССР была издана «Временная инструкция для определения условий биологической смерти и условий, позволяющих изъятие почки для трансплантации» [17, с. 24–28]. В данной Инструкции указано следующее: «Изъятие почки у трупа для трансплантации допускается при выполнении следующих условий: а) только в условиях стационаров, имеющих реанимационные отделения; б) только по истечении 30 минут после бесспорного установления биологической смерти, наступившей, несмотря на проведение всего комплекса реанимационных мероприятий в течение необходимого срока и признание абсолютной бесперспективности дальнейшей реанимации».

Впоследствии 30-минутный срок из данной Инструкции был исключен, что позволило изымать почки сразу после констатации биологической смерти [18, с. 28]. Эта Инструкция позволила развить и увеличить количество трансплантаций почек, но одновременно с этим произошло движение в противоположную сторону относительно пересадок других органов, таких как сердце, легкие, кишечник, поджелудочная железа.

В 1985 г. Министерством здравоохранения СССР был принят немаловажный ведомственный акт – «Временная инструкция об условиях, которые допускают отказ от реанимационных мероприятий или их прекращение и порядок изъятия пригодных для трансплантации

органов у лиц, признанных умершими» [16, с. 70]. Упомянутый выше нормативно-правовой акт позволил осуществлять констатацию биологической смерти человека на основе смерти мозга, таким образом, были имплементированы нормы международного законодательства по данному вопросу.

Выводы. В 20–30 гг. XX в. практически не затрагивался вопрос об административно-правовой регламентации трансплантации, исключением являются вопросы донорства крови и извлечения у умерших доноров роговицы глаза. В последующие годы в нормативных правовых актах была закреплена процедура пересадки органов от донора-трупа, порядок консервации некоторых органов, введено в правовой оборот понятие «донор-труп», дано начало международному сотрудничеству в сфере трансплантации. С момента принятия Закона «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» в 1969 году начинается новый этап нормативного правового регулирования трансплантации, именно в этом законе впервые было отражено положение о том, что в интересах лечения больного могут применяться новые, научно-обоснованные, но еще не допущенные к общему применению методы лечения (среди которых и трансплантация). В дальнейшем было осуществлено административно-правовое регулирование вопросов об изъятии тканей, некоторых органов, констатации биологической смерти.

На протяжении всего существования СССР административно-правовое регулирование трансплантации прошло длинный путь: от полного отсутствия нормативной правовой базы до фрагментированного закрепления вопросов, касающихся трансплантации, в разных правовых документах. В то же время так и не удалось принять отдельный закон, инструкцию или положение, что позволило бы перевести трансплантацию на новый уровень.

Список использованной литературы:

1. Про застосування трансплантації анатомічних матеріалів людини : Закон України від 17 травня 2018 року № 2427-VIII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2427-19>.
2. Декрет от 1 декабря 1924 года «О профессиональной работе и правах медицинских работников», утвержден Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Советом Народных Комиссаров РСФСР. URL: <http://zakon.7law.info/base19/part4/d19ru4276.htm>.
3. Филиппов Ю. Н., Абаева О. П., Филиппов А. Ю. История становления информированного добровольного согласия пациента в России. *Медицинский альманах*. 2013. № 1 (25). С. 11–13.
4. Нигматуллин Р. Т., Чернов Н. В. Правовые аспекты трансплантации тканей. Всероссийский центр глазной и пластической хирургии, 2003. С. 1–8.
5. Постановление от 22 апреля 1935 г. № 331 «О кадрах доноров», утверждено Советом Народных Комиссаров РСФСР. URL: <http://www.economics.kiev.ua/download/ZakonySSSR/data04/tex16525.htm>.
6. Епифанова Е. В., Гончаров Д. Ю., Блинов Д. С. Истоки и современное содержание уголовной политики в области здравоохранения: актуальные вопросы теории и практики. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2013. 456 с.
7. Баринев Е. Х., Гецманов И. В., Поздеев А. Р. Практика применения специальных познаний судебной медицины в суде. Москва : Издательство «Проспект», 2017. 210 с.
8. Мохов А. А. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании медицинской деятельности. Москва : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 260 с.
9. Хрусталева Ю. М. Биоэтика. Философия сохранения жизни и сбережения здоровья. Учебник. Москва : ГЭОТАР-МЕДИА, 2012. 400 с.
10. Константинов Б. А., Дземешкевич С. Л. Введение в клиническую трансплантологию. Москва : РАМН, Научный центр хирургии, 1993. 392 с.
11. Гринчак С. В. Генезис правового регулирования трансплантации органов и тканей людини. *Форум права*. 2014. № 2. С. 81–88.
12. Прозоровский В. И. Сборник организационно-методических материалов по судебно-медицинской экспертизе. 2-е издание / под. ред. В. И. Прозоровского, Э. И. Кантера. Москва : Медгиз, 1960. 480 с.
13. Шульга В. М. Становлення та розвиток державного регулювання трансплантації в Україні. *Вісник Національної академії державного управління*. 2012. № 1 (19). С. 153–160.
14. Прозоровский В. И., Кантер Э. И. О мерах улучшения судебно-медицинской экспертизы в СССР (Приказ министра здравоохранения Советского Союза № 166 от 10/IV 1962 г.). *Судебно-медицинская экспертиза*, 1963. № 2. С. 3–8.
15. Об утверждении основ законодательства союза ССР и союзных республик о здравоохранении : Закон СССР от 19 декабря 1969 года № 4589-7. URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_346/doc346a990x955.htm.
16. Коротких Е. В. Ретроспективный анализ отечественного законодательства о трансплантации органов и тканей человека. *Вестник Ятского государственного университета*, 2010. Т. 2. С. 68–71.
17. Галибин О. В., Беляева И. Г. Трансплантация органов: этические и юридические аспекты. *Качественная клиническая практика*, 2006. № 2. С. 24–28.
18. Громов А. П., Капустин А. В. Судебно-медицинское исследование трупа. Москва : Медицина, 1991. 320 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Пишта Вадим Иванович – аспирант кафедры административного, финансового и информационного права Ужгородского национального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Pishta Vadim Ivanovich – Postgraduate Student at the Department of Administrative, Financial and Information Law of Uzhhorod National University

pishta.vadym@gmail.com

УДК 328.184 351 316.77

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ

Людмила РАДЧЕНКО,
аспирант кафедры регионального управления,
местного самоуправления и управления города
Национальной академии государственного управления
при Президенте Украины

АННОТАЦИЯ

В статье проводится теоретическое исследование нормативно-правового обеспечения государственного управления в сфере экологической политики Украины. Осуществляется анализ юридической литературы по исследованию понятий: экологическая политика, экологическая безопасность, права человека на безопасную окружающую среду. Раскрыт нормативно-правовой механизм обеспечения государственного управления в сфере экологической политики. Обосновано, что законодательство Украины, регулирующее экологическую политику, при очень высоком уровне нормативно-правового обеспечения имеет ряд противоречий между отраслевым и природоохранным законодательством, имеет наличие значительного количества законодательных актов в сфере регулирования экологической безопасности, прав человека на безопасную окружающую среду, что повышает конфликтность национального природоохранного законодательства и требует гармонизации с международным законодательством.

Ключевые слова: нормативно-правовое обеспечение, государственное управление, экологическая политика, экологическая безопасность.

NORMATIVELY-LEGAL PROVIDING OF STATE ADMINISTRATION IN THE FIELD OF ECOLOGICAL POLITICS OF UKRAINE

Lyudmila RADCHENKO,
Postgraduate Student at the Department of Regional Management,
Local Self-Government and City Administration
of the National Academy of Public Administration under the President of Ukraine

SUMMARY

In the article theoretical research of the normatively-legal providing of state administration is conducted in the field of ecological politics of Ukraine. The analysis of legal literature comes true, on research of concepts: ecological politics, ecological safety, human rights on a safe environment. The normatively-legal mechanism of providing of state administration is exposed in the field of ecological politics. It is reasonable, that the legislation of Ukraine, regulative ecological politics at the very high level of the normatively-legal providing has a row of contradictions between a branch and nature protection legislation, has a presence of far of legislative acts in the field of adjusting of ecological safety, human rights on a safe environment, that promotes the conflict of national nature protection legislation and requires harmonization with an international legislation.

Key words: normatively-legal providing, state administration, ecological politics, ecological safety.

Постановка проблемы. Вопросы экологической политики приобретают все большее значение и превращаются в приоритетное направление государственного управления. Обеспечение экологической безопасности в Украине обусловлено тем, что страна провозгласила курс на европейскую интеграцию, а это предусматривает внедрение современных подходов в экологической политике соответственно принципам Европейского Союза.

Сегодня недостаточно исследований, где бы комплексно рассматривались механизмы государственного управления в сфере реализации экологической политики в Украине. Кроме

того, есть необходимость в обобщении и учете новых мировых тенденций относительно экологической политики, прежде всего, в контексте процессов европейской интеграции Украины и мировых процессов глобализации.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости темы нормативно-правового обеспечения государственного управления в сфере экологической политики Украины.

Состояние экологической ситуации в нашей стране требует принятия действенных управленческих решений вопросов экологии, которые имеют первоочередное значение для населения страны.

В Украине очень много нерешенных вопросов в экологической сфере: «сырьевая экспорто-ориентированная устаревшая индустриальная» модель экономики, которая провоцирует техногенную нагрузку на земельные, водные, биологические, минерально-сырьевые ресурсы Украины; последствия аварии на ЧАЭС, которая по объему радиоактивных выбросов и масштабам радиоактивного загрязнения является одной из самых больших со времен использования ядерной энергии в мирных целях; отсутствие системы утилизации и переработки твердых бытовых и производственных отходов, что ведет к экологической угрозе (Львов); воору-

женная агрессия РФ на востоке Украины, в результате которой обострились экологические проблемы, связанные с разрушением промышленного, аграрного, коммунального комплексов. Все эти перечисленные негативные явления и обусловили актуальность нашего исследования.

Состояние исследования. Научный анализ проблем организационно-правового обеспечения государственного управления в сфере экологической политики Украины осуществляется многими отечественными учеными. Среди них следует назвать В. Аверьянова, С. Алексеева, В. Андрейцева, В. Бакуменко, М. Билинскую, В. Вакуленко, В. Вернадского, Т. Гардашук, Н. Грицяк, Б. Данилишина, С. Дорогунцова, В. Демкина, Т. Иванову, А. Качинского, Н. Кисельова, Н. Корецкого, А. Лазора, Ю. Лебединского, Н. Нижник, А. Оболенского, В. Овчинникова, И. Потравного, М. Реймерс, А. Степаненка, С. Телешуна, Ю. Шемшученка, А. Яницкого и других.

Целью и задачей статьи является исследование государственного управления в сфере экологической политики Украины и раскрытие нормативно-правовых механизмов его обеспечения.

В исследовании использованы общенаучные и специальные методы, что основываются на современных научных принципах управленческой, юридической и сочетаемых с ними наук. Были использованы: исторический и логический методы – для исследования экологической проблемы, защиты окружающей среды и защиты прав человека на безопасную окружающую среду в зарубежных странах и в Украине; абстрактно-логический – для теоретического обобщения и формирования выводов; методы анализа и синтеза – для разработки принципов экологической политики, экологической безопасности и использования природных ресурсов в Украине

Изложение основного материала. В юридической литературе за последние десятилетия внесены значительные изменения в правовые экологические нормы как каждой страны в отдельности, так и в международное экологическое право в целом. Право человека на безопасное экологическое окружение и качество окружающей среды были признаны фундаментальными ценностями цивилизации.

Экологическая политика – это сочетание средств и методов, связанных с воздействием общества на природу и направленных на обеспечение экологически сбалансированного развития [1].

Экологическая политика Украины является основой для создания предпосылок стабильного развития страны. Нынешнюю экологическую ситуацию в Украине можно охарактеризовать как кризисную, которая формировалась на протяжении многих десятилетий из-за поспешия законов развития и воспроизводства природно-ресурсного комплекса Украины. Происходили структурные деформации народного хозяйства, при которых в основном развивалась сырьедобывающая – наиболее экологически опасная отрасль промышленности.

Целью национальной экологической политики является стабилизация и улучшение состояния окружающей среды Украины путем интеграции экологической политики в социально-экономическое развитие страны для гарантирования экологически безопасной окружающей среды для жизни и здоровья людей, внедрение экологически сбалансированной системы, использования природы и сохранения естественных природных экосистем [1].

Основные принципы национальной экологической политики:

- усиление роли управления в системе государственного управления Украины с целью достижения равенства трех составляющих развития (экономического, экологического и социального);
- учет экологических последствий во время принятия управленческих решений при разработке документов, которые имеют политические и/или программные составляющие государственного, отраслевого, (секторального), регионального и местного развития;
- межсекторальное партнерство и привлечение заинтересованных сторон;
- предупреждение чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, что предусматривает анализ прогнозирования экологических рисков, основывающихся на результатах стратегической экологической оценки, государственной экологической экспертизы, а также государственного мониторинга окружающей среды;
- обеспечение экологической безопасности и поддержка экологического

равновесия на территории Украины, преодоление последствий Чернобыльской катастрофы;

- ответственность нынешнего поколения за сохранение окружающей среды на благо будущих поколений;
 - участие граждан и субъектов хозяйствования в формировании и реализации экологической политики, а также учет их предложений при усовершенствовании природоохранного законодательства;
 - неотвратимость ответственности за нарушение законодательства об охране окружающей среды;
 - приоритетные требования «загрязнитель окружающей среды и пользователь природных ресурсов платят полную цену»;
 - ответственность органов исполнительной власти за доступность, своевременность и достоверность экологической информации;
 - государственная поддержка и стимулирование отечественных субъектов хозяйствования, которые выполняют модернизацию производства, направленную на уменьшение негативного влияния на окружающую среду [1].
- Экологическая политика реализуется как путем исполнения специально разработанных экологических планов действия или программ, так и путем интегрирования экологической составляющей в общие программы развития или путем региональных и местных планов действий.
- Экологические программы – это разновидность государственных целевых программ, правовая основа разработки, утверждение и исполнение которых закреплено Законом Украины «Об государственных целевых программах» от 18.03.2004 г. Их цель (ст. 3) – осуществление общегосударственных природоохранных мероприятий, предупреждение катастроф экологического характера и ликвидация их последствий [2].
- Методической основой разработки Программ на местном уровне является Закон Украины «О государственном прогнозировании и разработке программ экономического и социального развития Украины» от 23 марта 2000 г. [3].
- Государственная экологическая политика – составляющая политики государства, что отображает совокупность ее целей и задач в сфере экологии,

которые формируются политической системой государства соответственно ее социальному назначению и реализуются ею при помощи определенных механизмов.

Государственную экологическую политику можно также определить как деятельность органов государственной власти, принципиально ориентированную на формирование и развитие экологического производства/использования и экологической культуры жизнедеятельности человека. Учитывая это, экологическая политика поддается влиянию таких факторов: темпы развития производства, экономическая и социальная стабильность, уровень экологической культуры населения, обеспечение специалистами, масштабы использования природных ресурсов [4].

Понимание сущности государственной экологической политики как инструмента организации, регулирования, согласования и балансирования экологических и социально-экономических интересов общества дает возможность направить и эффективно регулировать правовыми средствами государственную экологическую деятельность, способствует решению существующих проблем и противоречий в этой сфере государственного управления.

В законодательстве Украины об охране окружающей среды закреплены общие принципы и цели деятельности государственных органов по вопросам охраны окружающей среды, которые должны обеспечивать концептуальную однородность законодательства в этой сфере.

В последние годы для развития нормативно-правовой базы приняты специальные законодательные акты, направленные на предупреждение и устранение нарушений качества компонентов окружающей среды. В основе законодательства лежат правовые акты, которые учитывают природные, географические и социально-экономические особенности того или иного региона, регламентируют основные направления деятельности государства в сфере окружающей среды: внедрение стандартов качества окружающей среды, организация мониторинга, руководство разработкой и реализация программ контроля загрязнения окружающей среды, организация научных исследований проблем окружающей среды, бюджет-

но-финансовая деятельность и прочее. Сегодня острота экологических проблем вынуждает более основательно сосредоточиться на этом вопросе и выработать эффективный механизм сохранения окружающей среды.

Анализ научных исследований свидетельствует о том, что при очень высоком уровне нормативно-правового обеспечения экологическая политика Украины имеет ряд противоречий между отраслевым и природоохранным законодательством.

Отношение общества и природы регулируется определенным набором правил поведения человека относительно окружающей среды. Наиболее существенные правила такого поведения закреплены законодательством и становятся обязательными нормами права для исполнения, что обеспечивается государственным принуждением в случае их неисполнения.

Закон Украины «Об охране окружающей среды» (1991 г.) [5] является основным в этой сфере, он провозглашает и внедряет систему управления в сфере охраны окружающей среды, процессы поиска эффективных механизмов государственного регулирования охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, их оптимального сочетания и создания централизованных административных систем управления охраной окружающей среды.

За годы независимости создано новое природоохранное законодательство, которое дополняет Закон Украины «Об охране окружающей среды» и регулирует правовые отношения в сфере взаимодействия человека и природы: в первую очередь, это Конституция Украины (ст.ст. 13, 16, 50, 92) [6]; Декларация о государственном суверенитете от 16 июля 1990 г. – раздел VII – Экологическая безопасность, где прописано много вопросов охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов [7]; Земельный кодекс Украины, который регулирует охрану и рациональное использование земель [8]; Лесной кодекс Украины содержит вопросы в отношении сохранения, возобновления и рационального использования лесов [9]; Водный кодекс Украины содержит правовую охрану вод от загрязнения, истощения и регулирует

порядок их использования [10]; Кодекс о недрах Украины обеспечивает рациональное, комплексное использование недр для удовлетворения нужд общества, их охрану, гарантируя при этом безопасность людей и окружающей среды при использовании недр [11]; Кодекс гражданской защиты Украины обеспечивает охрану населения, территории, окружающей среды и имущества, а также экологическую безопасность [12]; Закон Украины «Об охране атмосферного воздуха» направлен на возобновление и сохранение естественного состояния атмосферного воздуха, а также профилактику вредных воздействий на окружающую среду [13]; Гражданский Кодекс Украины закрепляет обязанность участников гражданских отношений при осуществлении гражданских прав воздерживаться от действий, которые могли бы нанести вред окружающей среде [14].

Одной из актуальных проблем безопасности жизнедеятельности человечества в планетарном масштабе и безопасности каждого человека, в частности, является изменение климата. Глобальное потепление в результате парникового эффекта уже сейчас несет негативные последствия для наиболее уязвимых частей земного шара.

На Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (Бразилия) в июне 1992 г. была подписана Рамковая конвенция об изменении климата, в которой сказано, что промышленно развитые страны должны снизить как минимум на 5% общие выбросы семи газов, которые приводили к парниковому эффекту: В странах ЕС – на 8%, США – на 7%, Япония – на 6%. Это свидетельствует о глобальном экологическом и о политико-экономическом характере исполнения Рамковой конвенции ООН об изменении климата и Киотского протокола.

Основную роль в реализации экологической политики осуществляет государство, которое является не единственным субъектом экологической политики. Вместе с государством реализацию экологической политики осуществляют политические партии, научные организации, негосударственные общественные организации и другие субъекты, что делает ее объектом не только государственного, но и публичного управления [4, с. 211].

Охрана окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов, безопасность жизнедеятельности человека в сочетании с экономическим ростом являются приоритетом государственной политики.

Среди экономических рычагов основное место занимают налоги и плата за загрязнение. Налоги наполняют бюджетную статью на природоохранные мероприятия. Платежи за загрязнения – это плата за право пользоваться ресурсами, ассимиляционным потенциалом. Потребитель ресурса платит за него так, как он платит за сырье, электроэнергию, материалы.

Одним из требований Налогового Кодекса Украины является общегосударственный экологический налог взамен сбора за загрязнение окружающей среды, что считается позитивным изменением. С 1 января 2011 г. экологический налог платят все, кто использует горючее для транспортных средств, в том числе субъекты хозяйствования, граждане Украины, иностранцы и персоны без гражданства, которые пользуются автомобилями.

Также в соответствии с Кодексом объектом и базой налога являются:

а) объемы и виды загрязняющих веществ, которые попадают в атмосферу из стационарных источников; загрязняющие вещества, которые сбрасывают непосредственно в водоемы; отходы, которые находятся в специально отведенных для этого местах или на объектах на протяжении отчетного квартала, кроме объемов и видов (классов) определенных отходов как вторичного сырья, что находятся на собственных территориях (объектах) субъектов хозяйствования, которые имеют лицензию на сбор и заготовку определенных видов отходов как вторсырья и ведут законную деятельность по сбору и заготовке таких отходов; горючее, реализованное налоговыми агентами;

б) объемы и категории радиоактивных отходов, которые образуются в результате деятельности субъектов хозяйствования или временно сохраняются их производителями больше установленного особыми условиями лицензии срока;

в) объемы электрической энергии, произведенные эксплуатируемыми предприятиями ядерных установок (атомных электростанций).

В европейских странах с целью улучшения условий инвестирования экологических направлений деятельности функционируют экологические банки, основными источниками финансирования которых являются бюджетные средства, которые консолидируются в экосчетах, инновационные ресурсы, привлечение средств предпринимателей, организаций, учреждений, населения, инвестиций государств.

Выводы. Таким образом, законодательство Украины имеет ряд противоречий между отраслевым и природоохранным законодательством, характеризуется наличием значительного количества подзаконных нормативно-правовых актов в сфере регулирования экологической безопасности, прав человека на безопасную окружающую среду, что повышает коллизийность национального природоохранного законодательства и требует гармонизации с международным законодательством.

В период реформирования всех отраслей общественной жизни актуальным является решение экологических проблем как в государстве в целом, так и в определенных регионах, что, в частности, может создавать благоприятные условия не только для их экономического развития, но и уменьшения негативного влияния на окружающую среду.

Поэтому для улучшения социально-экономического развития территории необходимо создать надежный эффективный механизм сохранения баланса темпов экономического роста и минимизации негативного влияния на окружающую среду, ослабление влияния производства на природу.

Список использованной литературы:

1. Про Основні засади (стратегію) державної екологічної політики України на період до 2020 року. *Відомості Верховної Ради України (ВВР)*. 2011. № 26. Ст. 218.

2. Про державні цільові програми. Закон України від 18.03.2004 р. URL: zakon.rada.gov.ua/go/1621-15.

3. Про державне прогнозування та розроблення програм економічного і соціального розвитку України : Закон України від 23 березня 2000 р. URL: zakon.rada.gov.ua/go/1602-14.

4. Ашикова Е. І. Механізми реалізації державної екологічної політики на регіональному рівні : дис. ... канд. наук з держ. упр. : спец. 25.00.02 «Механізми державного управління». Івано-Франківськ, 2014. 217 с.

5. Про охорону навколишнього природного середовища : Закон України від 25 черв. 1991 р. № 1264-XII. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1264-12>.

6. Конституція (Основний Закон) України : Закон України № 254к/96-ВР.

7. Декларації про державний суверенітет України Верховна Рада УРСР: Декларація № 55-XII від 16 липня 1990 р. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/55-12>

8. Земельний кодекс України : Закон України № 2768-III від 25 жовт. 2001 р. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2768-14>.

9. Лісовий кодекс України : Закон України № 3404-IV від 8 лют. 2006 р. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/3852-12>.

10. Водний кодекс України : Закон України № 213/95-ВР від 6 черв. 1995 р. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/213/95-вр>.

11. Кодекс України про надра : Кодекс № 132/94-ВР від 27 лип. 1994 р. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/132/94-%D0%B2%D1%80>

12. Кодекс цивільного захисту України : Закон України № 5403-VI від 19 жовт. 2012 р. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/5403-17>

13. Про охорону атмосферного повітря : Закон України № 2707-XII від 16 жовт. 1992 р. URL: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/2707-12>

14. Цивільний кодекс України. Кодекс від 16.01.2003 р. № 435-IV (Редакція станом на 01.01.2016). URL: zakon.rada.gov.ua/go/435-15.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Радченко Людмила Николаевна – аспирант кафедры регионального управления, местного самоуправления и управления города Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Radchenko Lyudmila Nikolayevna – Postgraduate Student at the Department of Regional Management, Local Self-Government and City Administration of the National Academy of Public Administration under the President of Ukraine

kryzyna.np@gmail.com

УДК 346:347.736.54

ПРИЗНАНИЕ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ СДЕЛОК КАК СПОСОБ КОНСОЛИДАЦИИ ИМУЩЕСТВА НЕПЛАТЕЖЕСПОСОБНОГО ДОЛЖНИКА

Владислав РЕЗНИКОВ,

аспирант Научно-исследовательского института частного права и предпринимательства имени академика Ф. Г. Бурчака Национальной академии правовых наук Украины

АННОТАЦИЯ

В статье проведено исследование признания недействительными сделок как способа консолидации имущества должника в судебных процедурах банкротства. Проанализирована современная научная литература по проблематике исследования. Приводится подробный анализ оснований для выделения признаков, которые имманентны процессам признания недействительными сделок (договоров) неплатежеспособного должника и выявляют их специфику. Предложена дифференциация кредиторов в зависимости от цели вступления в договорные отношения с должником и правовых последствий признания таких сделок недействительными.

Ключевые слова: консолидация имущества должника в судебных процедурах банкротства, способы консолидации, признание недействительными сделок (договоров) неплатежеспособного должника.

INVALIDATION OF TRANSACTIONS AS A WAY TO CONSOLIDATE THE PROPERTY OF AN INSOLVENT DEBTOR

Vladislav REZNIKOV,

Postgraduate Student of Scientific and Research Institute of Private Law and Entrepreneurship named after Academician F.H. Burchak of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine

SUMMARY

The article describes a study of invalidation of transactions as a way to consolidate the property of a debtor in bankruptcy court proceedings. Modern scientific literature on the study topic was analyzed. A detailed analysis of the grounds for identifying the signs that are inherent in the process of invalidating transactions (contracts) of an insolvent debtor and identify their specifics is given. A differentiation of creditors is proposed, depending on the purpose of entering into a contractual relationship with the debtor and the legal consequences of recognizing such transactions as invalid.

Key words: consolidation of the debtor's property in bankruptcy court proceedings, methods of consolidation, invalidation of transactions (contracts) of the insolvent debtor.

Постановка проблемы. Законодательство Украины в ст. 20 Закона Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» [1] определяет два способа консолидации имущества в судебных процедурах банкротства, а именно: 1) признание недействительными сделок (договоров) неплатежеспособного должника; 2) опровержение имущественных действий неплатежеспособного должника.

Закрепленные указанной статьей способы следует считать основными (традиционными), однако не един-

ственными, которые позволяют увеличить имущественную базу должника и создать надлежащие условия для справедливого и равномерного удовлетворения требований кредиторов.

С учетом предмета исследования в данной статье мы сосредоточим свое внимание на анализе такого способа консолидации имущества неплатежеспособного должника, как признание недействительными сделок (договоров) (далее – сделок), благодаря которому достигается эффективное восстановление платежеспособности должника, увеличение его конкурсной

массы и защита интересов кредиторов, что в рамках прокредиторской концепции, которую мы поддерживаем, является основной целью инициирования и вступления в конкурсные правоотношения.

Актуальность темы исследования. Актуальность исследования рассматриваемых вопросов подтверждается статистикой. По состоянию на 2016 год (указанная тенденция не изменилась и в течение 2017–2018 годов) количество споров с применением ст. 20 Закона Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» возросло на 32% по сравнению с предыдущими периодами [2].

По нашему мнению, это свидетельствует об изменении в положительную сторону понимания сторонами судебных процедур банкротства эффективности признания судом недействительными сделок с целью увеличения активов неплатежеспособного должника для консолидации его имущественной базы.

Состояние исследования. Отдельные вопросы признания недействительными сделок по основаниям, закрепленным в ст. 20 Закона «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом», в украинском правоведении рассматривались, в частности, Б. М. Поляковым, П. Д. Пригузой, Е. А. Беляневич, С. В. Миньковским, однако предметом специального комплексного исследования не были.

Целью и задачами статьи являются исследование специфики признания недействительными сделок как способа консолидации имущества должника в судебных процедурах банкротства, осуществление анализа современной научной литературы по проблематике исследования, выделение и анализ признаков, которые имманентны процессам признания недействительными сделок неплатежеспособного должника и выявляют их специфику, осуществление дифференциации кредиторов в зависимости от цели вступления в договорные отношения с должником и анализ правовых последствий признания таких сделок недействительными.

Изложение основного материала. Общую характеристику признания недействительными сделок как спосо-

ба консолидации имущества должника в судебных процедурах банкротства есть смысл анализировать, опираясь на исследования, существующие по этой проблематике в юридической науке, с акцентированием на тех аспектах, которые требуют дополнительного изучения (следовательно, являются проблемными, нерешенными), с недостаточностью правового регулирования и определением собственной авторской позиции относительно таких проблемных вопросов.

Системный анализ ст. 20 Закона Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» и положений специальной литературы по проблематике исследования дает основания выделить следующие признаки, которые имманентны признанию недействительными сделок неплатежеспособного должника как способа консолидации имущества в судебных процедурах банкротства и выявляют их специфику:

1) такие сделки должны быть совершены должником после возбуждения дела о банкротстве или в течение одного года, предшествовавшего возбуждению дела о банкротстве. Фактически речь идет о так называемом «подозрительном периоде», в который возникают ретроспективные (в течение одного года, предшествовавшего возбуждению дела о банкротстве) и текущие отношения (после возбуждения дела о банкротстве, в процессе производства) [4, с. 286], между должником, кредитором и третьими лицами, в отношении действий должника по распоряжению своим имуществом с целью нанести вред кредиторам.

Намерение нанести вред кредиторам – конструкция, которую трудно доказать, как верно указывает М. В. Телюкина. Как отмечает автор, российский законодатель использует двухступенчатую систему презумпций. На первой ступени должник презюмируется как имеющий соответствующее намерение, если доказано, что сделка осуществлена после возникновения признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества (первая степень презумпции). Вторая ступень презумпции возникает на фоне первой и предусматривает наличие одной из следующих характеристик сделки или качеств должника по сделке: без-

возмездность; совершение по отношению к заинтересованному контрагенту; направленность на выплату доли в имуществе должника учредителю (участнику), в связи с выходом из состава участников (учредителей) должника; сумма сделки равна или превышает определенную предельную сумму балансовой стоимости активов должника; изменение должником по сделке своего местонахождения без уведомления об этом кредиторов, непосредственно перед совершением сделки или сразу после ее совершения; сокрытие должником своего имущества; уничтожение или повреждение должником учредительных документов, документов бухгалтерской и иной отчетности; наличие признаков мнимой сделки. По мнению М. В. Телюкиной, цель должника причинить вред кредиторам следует считать достаточной при наличии презумпции первого уровня и одной из составляющей презумпции второго уровня. Контрагент в целях защиты своих интересов может доказать, что цели причинения вреда кредиторам или должнику у него не было, а имел место обыкновенный экономический интерес [5, с. 36–37].

На наш взгляд, «подозрительный период» не может считаться презумпцией, по крайней мере, с позиций украинского законодательства и, следовательно, не может быть опровергнут, так как этот срок императивно установлен Законом. Большинство из оснований признания сделок неплатежеспособного должника недействительными, предусмотренных в ст. 20 Закона Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом», в своей основе несут обычный предпринимательский расчет и риск негативных последствий неправильных управленческих решений;

2) *право на признание* недействительными сделок должника возникает исключительно после открытия производства по делу о банкротстве хозяйственным судом, учитывая то, что с этого момента к неплатежеспособному должнику применяется особый комплекс правовых средств, которые направлены на восстановление его платежеспособности с целью надлежащего расчета по долгам с кредиторами.

Фактически речь идет об особом правовом режиме, установленном

законодательством о банкротстве, который применяется по отношению не только к должнику, осуществлению его деятельности в такой период, а прежде всего, к имуществу должника с целью его консолидации (объединения, приумножения, максимизации) для осуществления надлежащих расчетов по долгам с кредиторами в полном (максимально возможном) объеме (как общая идея вступления в такие правоотношения заинтересованных лиц). Все это обуславливает особенность правоотношений банкротства (несостоятельности) как таковых и их отличие от сходных по своей природе процедур (особых процедур восстановления платежеспособности отдельных субъектов хозяйствования на основании норм специального законодательства Украины, например, ст. 43 Закона Украины «О страховании», которая предусматривает применение к несостоятельному страховщику специальной процедуры санации (вне процедуры банкротства));

3) *инициируются по заявлению арбитражного управляющего или конкурсного кредитора, по результатам рассмотрения заявления которых хозяйственный суд выносит определение.*

Однако следует обратить внимание, что в современной юридической науке в контексте рассматриваемого вопроса обосновывается точка зрения, что инициирование признания недействительными сделок должника должно стать возможным также и по заявлению других лиц: представителя комитета кредиторов или другого лица, которое уполномочено решением собрания кредиторов (в случае, если заявление об опровержении не подано арбитражным управляющим в течение установленного решением комитета кредиторов срока) или временной администрации (при банкротстве финансового учреждения) [6, с. 70–71];

4) *нормы права, применяемые при признании недействительными сделок неплатежеспособного должника.* Анализ действующего законодательства Украины дает возможность дифференцировать правовые основания признания сделок недействительными в процедуре банкротства на:

а) *общие или классические*, регламентированные ст.ст. 203, 215, 216 ГК Украины [9] и ст. 208 ХК Украины [10];

б) *специальные*, определенные ст. 20 Закона «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом».

Специальными основаниями признания недействительными сделок должника могут быть следующее: должник безвозмездно осуществил отчуждение имущества, принял на себя обязательства без соответствующих имущественных действий другой стороны, отказался от собственных имущественных требований; должник выполнил имущественные обязательства раньше установленного срока; должник до возбуждения дела о банкротстве взял на себя обязательства, в результате чего он стал неплатежеспособным или выполнение его денежных обязательств перед другими кредиторами полностью либо частично стало невозможным; должник осуществил отчуждение или приобрел имущество по ценам соответственно ниже или выше рыночных, при условии, что в момент принятия обязательства или вследствие его выполнения имущества должника было (стало) недостаточно для удовлетворения требований кредиторов; должник оплатил кредитору или принял имущество в счет выполнения денежных требований в день, когда сумма требований кредиторов должнику превышала стоимость имущества; должник принял на себя залоговые обязательства для обеспечения выполнения денежных требований (ч. 1 ст. 20).

При этом такие основания должника быть в наличии не в совокупности, достаточно существования хотя бы одного из них для инициирования признания недействительными сделок должника.

По мнению М. В. Телюкиной, проблема применения норм права при признании недействительными сделок неплатежеспособного должника является одной из основных в праве банкротства [7, с. 42], поскольку верное применение норм права влияет на правовые последствия решений, принятых на основании таких норм.

По нашему мнению, различные правовые основания, которые применяются для признания сделок недействительными, влекут за собой различные правовые последствия;

5) *правовым последствием* признания недействительными сделок являет-

ся то, что кредитор обязан возвратить в ликвидационную массу имущество, которое он получил от должника, а в случае невозможности возвратить имущество в натуре – возместить его стоимость в денежных единицах по рыночным ценам, существовавшим на момент осуществления сделки или совершения имущественного действия (ч. 2 ст. 20).

То есть указанные действия должника повлекли юридические последствия в виде уменьшения имущественного массива неплатежеспособного должника. Поскольку вывод активов обычно происходит путем выполнения обязательств между сторонами, именно в судебных процедурах банкротства становится важным обеспечить возможность оспаривания такого выполнения, в соответствии с которым осуществляется передача должником своих прав на основные и оборотные активы другим лицам с целью наполнения конкурсной массы, восстановления платежеспособности должника и удовлетворения требований кредиторов [3, с. 79].

По концепции Е. А. Семеновой, суть последствий признания недействительными сделок должника заключается в том, что контрагент возвращает в конкурсную массу должника все полученное от него по договору. Учитывая это, признание сделок недействительными является выгодным как должнику, так и его кредиторам. Однако в защищенном положении оказывается исключительно добросовестный контрагент по «подозрительной» сделке [6, с. 75].

Следует добавить, что такое лицо, которое появляется в правоотношениях несостоятельности, может вполне добросовестно заключить договор с должником, который вскоре может быть обжалован. Поэтому вопросам защиты контрагентов должника по «подозрительной» сделке также должно быть уделено должное внимание исследователей.

По нашему мнению, в правоотношениях банкротства, указанные контрагенты подлежат градации как добросовестные и недобросовестные. Такая дифференциация субъектов *de lege ferenda* должна влиять на очередность удовлетворения их требований в судебных процедурах банкротства.

Требования добросовестных контрагентов могут быть удовлетворены в первую очередь общей очередности, предусмотренной ст. 45 Закона Украины «О возобновлении платежеспособности должника или признании его банкротом», что также требует внесения дополнений и изменений в указанную норму. Требования же недобросовестных кредиторов могут быть удовлетворены в шестую очередь указанной статьи в том случае, если сделка признается недействительной именно по основаниям, предусмотренным ст. 20 Закона «О возобновлении платежеспособности должника или признании его банкротом», а не по общим.

Указанный подход, по нашему мнению, позволит на началах справедливости обеспечить интересы контрагентов, которые возникают в правоотношениях банкротства в зависимости от цели заключения сделок с неплатежеспособным должником.

Решение проблемы применения различных оснований недействительности сделок и, соответственно, определения юридических последствий недействительности таких сделок [11, с. 29] является актуальной научно-теоретической проблемой права банкротства.

Так, при применении общих оснований правовыми последствиями признания сделок неплатежеспособного должника недействительными является двухсторонняя реституция, то есть возвращение сторон по сделке в первоначальное имущественное состояние, которое существовало у сторон до ее заключения.

Однако, на наш взгляд, применение двухсторонней реституции в судебных процедурах банкротства имеет целью восстановление имущественного положения сторон в первоначальном положении и в целом, как общегражданское последствие недействительности сделок не направлена на консолидацию конкурсной массы несостоятельного должника. В данном случае следует говорить об особых последствиях исполнения обязательств (удовлетворение требований кредиторов в первую очередь общей очередности, предусмотренной ст. 45 Закона) либо (как вариант) об изменении способа исполнения таких обязательств.

Этот вопрос заслуживает отдельного исследования.

б) *объектом оспаривания* выступают сделки, которые были заключены должником относительно его имущества в соответствии с требованиями действующего законодательства (общими и специальными), соблюдение которых является необходимым для действительности сделки (ст.ст. 203, 215, 216 Гражданского кодекса Украины (далее – ГК Украины), ст. 179 Хозяйственного кодекса Украины (далее – ХК Украины), имущественные действия должника, решения, акты органов управления должника, которые были совершены должником после возбуждения дела о банкротстве или в течение одного года, предшествовавшего возбуждению дела о банкротстве. То есть заключенные должником сделки полностью соответствуют общим требованиям гражданского и хозяйственного законодательства, соблюдение которых необходимо для действительности такой сделки или имущественного действия [3, с. 77].

Проведенный анализ показывает, что имеющиеся теоретико-практические проблемы признания недействительными сделок должника в судебных процедурах банкротства требуют углубленного изучения, поскольку:

1) такие специальные средства способствуют эффективному восстановлению платежеспособности субъекта хозяйствования, который находится в финансовом кризисе, увеличению его конкурсной массы путем возврата в нее имущества, выполнению задачи защиты интересов кредиторов;

2) недостаточно разработанными остаются вопросы правовых последствий признания недействительными сделок несостоятельного должника в так называемый «подозрительный период».

Выводы. На основании указанного выше приходим к выводу, что признание недействительными сделок должника в судебных процедурах банкротства требует дополнительной правовой и научной доработки.

Современная украинская юридическая наука к конкретным теоретико-теоретическим проблемам, возникающим перед исследователями, по вопросам признания недействительными сделок неплатежеспособного должника относит: объективную и субъективную теории недействительности сделок должника; определение последствий

(позитивных/негативных) при реализации каждой из указанных теорий; разграничение сделок на ничтожные и оспоримые при проведении процедур банкротства; исследование правовых оснований признания сделок недействительными; осуществление анализа оснований определения конкуренции исков в рамках оспаривания сделок по общим или специальным основаниям в рамках дела о несостоятельности (банкротстве); определение статуса добросовестного получателя имущества, незаконно переданного должником, и т. п. Все это подлежит отдельному комплексному исследованию и дальнейшим научным разработкам.

Список использованной литературы:

1. Про відновлення платоспроможності боржника або визнання його банкрутом : Закон України від 14 травня 1992 р. № 2343-ХІІ. *Відомості Верховної Ради України*. 1992. № 31. Ст. 440.
2. Кіценко Д. Визнання недійсними правочинів (договорів) та спростування майнових дій боржника у банкрутстві. URL: <http://pravo.ua/docs/events/24/Kicenکو.pptx>
3. Міньковський С. В. Визнання недійсними правочинів (договорів) і спростування майнових дій боржника у процедурі розпорядження його майном. *Економіка та право*. 2013. № 3. С. 73–83.
4. Пригуза П. Д. Науково-практичний коментар Закону України «Про відновлення платоспроможності боржника або визнання його банкрутом» у редакції з 18.01.2013 р. (доктринальне тлумачення норм права неплатоспроможності та статей 1–21) / П. Д. Пригуза, А. П. Пригуза. Херсон : Вид-во «ТДС», 2013. 304 с.
5. Телюкіна М. В. Недействительность сделок должника, находящегося в процессе производства по делу о несостоятельности (банкротстве). *Хозяйство и право* (Приложение к ежемесячному юридическому журналу). 2014. № 8. 64 с.
6. Семенова Е. А. Право конкурсного оспаривания в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 ; ФГБОУ ВПО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)». Москва, 2017. 279 с.

7. Телюкина М. В. Недействительность сделок, совершенных предприятием-должником до признания его несостоятельным. *Юрист*. 1997. № 7. С. 42.

8. Циндяйкина А. Э. Правовое регулирование конкурсного оспаривания сделок должника при несостоятельности (банкротстве) : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 ; ФБГОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет». Москва, 2012. 201 с.

9. Цивільний кодекс України : Закон України від 16.01.2003 р. № 435-IV. *Відомості Верховної Ради України*. 2003. №№ 40–44. Ст. 356.

10. Господарський кодекс України : Закон України від 16.01.2003 р. № 436-IV. *Відомості Верховної Ради України*. 2003. № 18, № 19–20, № 21–22. Ст. 144.

11. Телюкина М. В. Проблема опровержения сделок должника, находящегося в процессе производства дела о несостоятельности (теоретический и практический аспекты). *Юридический мир*. 1998. № 6. С. 29.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Резников Владислав Игоревич – аспирант Научно-исследовательского института частного права и предпринимательства имени академика Ф. Г. Бурчака Национальной академии правовых наук Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Reznikov Vladislav Igorevich – Postgraduate Student of Scientific and Research Institute of Private Law and Entrepreneurship named after Academician F. H. Burchak of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine

reznikov@trustedadvisors.ua

УДК 342.9(477)

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС СЕРВИСНЫХ ЦЕНТРОВ МВД УКРАИНЫ

Анна РЫБИНСКАЯ,

старший научный сотрудник секретариата ученого совета
Государственного научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел Украины

АННОТАЦИЯ

В статье исследован административно-правовой статус сервисных центров МВД Украины путем анализа положений ведомственного обеспечения деятельности Главного сервисного центра, региональных и территориальных сервисных центров МВД. Предложена авторская классификация полномочий сервисных центров МВД, в частности разделение на функциональные и организационные, а также распределение организационных полномочий Главного сервисного центра МВД по блокам: финансовым, информационным, кадровым, поощрительным и антикоррупционным. Раскрыта контрольная (мониторинговая) направленность задач сервисных центров МВД, связанная, с одной стороны, с соблюдением субъектами хозяйствования и другими субъектами требований законодательства в сферах предоставления сервисных услуг МВД, с другой – с осуществлением ведомственных контрольных и организационных процедур в системе деятельности региональных и территориальных сервисных центров МВД.

Ключевые слова: административно-правовой статус, сервисные центры МВД, сервисные услуги, задачи, полномочия, положение.

ADMINISTRATIVE-LEGAL STATUS OF SERVICE CENTERS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF UKRAINE

Anna RYBINSKAYA,

Senior Researcher at the Secretariat of the Academic Council,
State Research Institute
of Ministry of Internal Affairs of Ukraine

SUMMARY

The article analyzes the administrative and legal status of service centers of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine by analyzing the provisions of the departmental support of the Main Service Center, regional and territorial service centers of the Ministry of Internal Affairs. The author's classification of powers of service centers of the Ministry of Internal Affairs, in particular division into functional and organizational, and also distribution of organizational powers of the Main Service Center of the Ministry of Internal Affairs by blocks: financial, informational, personnel, encouragement and anti-corruption, is proposed. The control (monitoring) orientation of the tasks of the service centers of the Ministry of Internal Affairs is revealed, on the one hand, compliance of the subjects of economic activity and other subjects with the requirements of legislation in the spheres of providing services of the Ministry of Internal Affairs, on the other, the implementation of departmental control and organizational procedures in the system of activity regional and territorial service centers of the Ministry of Internal Affairs.

Key words: administrative-legal status, service centers of the Ministry of Internal Affairs, administrative services, tasks, powers, regulations.

Постановка проблемы. В ходе реализации мер административно-правовой реформы, которая в настоящее время продолжается в Украине, охватив практически все сферы публичного управления, одна из ключевых ролей отведена совершенствованию сервисов предоставления административных услуг. Прежде всего, это касается поэтапного распространения сети центров

предоставления административных услуг и разработки на ведомственном уровне механизмов совершенствования качества предоставления административных услуг.

В Украине реформа сферы предоставления административных услуг является одной из показательных, поскольку шаги, проделанные в соответствующем направлении, на фак-

тическом уровне, а не на декларативном, свидетельствуют о достигнутых результатах. Прежде всего, отметим нормативную регламентацию сферы предоставления административных услуг, которая, по сути, началась с подзаконного регулирования (разработка концепций предоставления административных услуг Кабинетом Министров Украины) и завершилась в 2012 году принятием Закона «Об административных услугах» [1]. Этим Законом государство утвердило выбор европейского вектора, обязавшись приводить действующие практики государственного управления в соответствие с принципами и стандартами надлежащего управления.

Среди регламентированных Законом требований и стандартов важное место принадлежит механизмам предоставления услуг, в частности определению порядка их предоставления, предусматривающего создание центров предоставления административных услуг (далее – ЦПАУ), функционирующих по принципу единого окна как рабочие органы или обособленные структурные подразделения органа публичной администрации.

Нормативное обеспечение деятельности ЦПАУ осуществляется на ведомственном уровне, а именно разрабатывается, учитывая административно-правовой статус органа публичной администрации, Положение, в котором регулируются организационные аспекты предоставления административных услуг. Однако, исходя из статуса органа исполнительной власти, специфики и, прежде всего, правоохранительной направленности деятельности, ведомственное обеспечение функционирования ЦПАУ определенным образом может не соответствовать или даже противоречить положениям Закона «Об административных услугах». Поэтому улучшение организационной составляющей обеспечения предоставления административных услуг в ЦПАУ правоохранительных органов требует отдельного анализа со стороны ученых-административистов. Предметом статьи является анализ административно-правового статуса сервисных центров (ЦПАУ) Министерства внутренних дел Украины (далее – МВД).

Актуальность темы исследования обусловлена исследованием

ведомственного обеспечения функциональной и организационной стороны деятельности сервисных центров МВД, а целью и задачей статьи будут выступать анализ, классификация и систематизация элементов административно-правового статуса сервисных центров МВД.

Состояние исследования. Практики предоставления административных услуг органами публичной администрации Украины становились предметом научного познания многих ученых, среди которых отметим Г. Куйбиду, В. Аверьянова, А. Буханевича, О. Цыганова, В. Тимошука, А. Школика, М. Тернуцака и других. Однако проблематика оказания сервисных услуг органами МВД в контексте анализа административно-правового статуса сервисных центров МВД предметом отдельного научного исследования не выступала.

Изложение основного материала. Сейчас предоставление сервисных, в том числе административных услуг, органами МВД осуществляют сервисные центры Министерства внутренних дел, а именно главный, региональные и территориальные. Главный сервисный центр МВД (далее – ГСЦ МВД) функционирует как главный межрегиональный территориальный орган по предоставлению сервисных услуг [2], региональные сервисные центры МВД (далее – РСЦ МВД) действуют как территориальные органы МВД, а территориальные сервисные центры МВД (далее – ТСЦ МВД) выступают в качестве их структурных подразделений [3].

По результатам изучения проблем деятельности ЦПАУ на современном этапе реформирования системы предоставления административных услуг в Украине за 2016 год, проведенного в указанном году Национальным институтом стратегических исследований с целью совершенствования работы ЦПАУ, улучшения качества обслуживания потребителей услуг в ЦПАУ, увеличения доступности административных услуг, был сформирован ряд рекомендаций органам государственной власти. В частности, одной из мер, предложенных Кабинетом Министров Украины, была инициатива принять политическое решение о целесообразности интеграции в структуру ЦПАУ

сети сервисных центров МВД или их постепенной ликвидации с передачей ЦПАУ полномочий по предоставлению услуг [4].

Как следствие, в настоящее время, сервисные центры МВД действуют как отдельные рабочие органы (ГСЦ и РСЦ) МВД по вопросам предоставления услуг, основными среди которых выступают выдача и обмен водительских удостоверений, регистрация и перерегистрация транспортных средств, выдача и хранение номерных знаков, а также оформление разрешения на перевозку опасных грузов [5].

Нормативно-правовое обеспечение деятельности сети сервисных центров МВД, прежде всего, регламентировано в приказах МВД, которыми утверждено «Положение о Главном сервисном центре МВД» и типовое «Положение о территориальном сервисном центре МВД» (далее – Положение). В Положении о Главном сервисном центре МВД урегулирован правовой статус главного, региональных и территориальных сервисных центров МВД. Определено место сервисных центров в структуре органов МВД (межрегиональный территориальный орган по предоставлению сервисных услуг, территориальные органы МВД, структурные подразделения территориального органа МВД), названы основные задачи, перечислены функциональные, организационные и руководящие полномочия (начальника) ГСЦ МВД, а также тезисно раскрыт вопрос введения делопроизводства, финансирования, реорганизации и ликвидации.

Согласно п. 1 и 21 Положения ГСЦ МВД в структуре органов МВД выступает межрегиональным территориальным органом по предоставлению сервисных услуг и главным органом в системе территориальных органов МВД по предоставлению сервисных услуг. Соответственно, ГСЦ МВД получил статус юридического лица публичного права (неприбыльного учреждения), имеющего все необходимые атрибуты, указанные законодательством о публичной службе, в частности собственный баланс, счета в органах Государственной казначейской службы Украины, печать с изображением Государственного Герба Украины и своим наименованием, иные печати, штампы и бланки [2].

Анализируя ключевые задачи, возложенные именно на ГСЦ МВД, можем констатировать как их контрольную (мониторинговую) направленность, так и организационные составляющие.

Так, среди контрольных задач ГСЦ МВД целесообразно выделить следующие:

- обеспечение в установленном порядке государственного контроля соблюдения субъектами хозяйствования и другими субъектами требований в сфере предоставления сервисных услуг МВД;

- мониторинг определенным законодательством способом соблюдения субъектами хозяйственной деятельности и другими субъектами норм, правил и стандартов в соответствующей сфере;

- осуществление контроля соответствия конструкции, комплектации и оборудования транспортных средств, номерных знаков транспортных средств нормам и стандартам и согласования с соответствующей нормативно-технической документацией;

- осуществление контроля подготовки, переподготовки и повышения квалификации водителей транспортных средств, учета субъектов предпринимательской деятельности всех форм собственности, осуществляющих такую деятельность, а также приема экзаменов по проверке знаний правил перевозки опасных грузов автомобильным транспортом и выдачи соответствующих свидетельств установленному образцу [2].

К задачам, касающимся учета в сферах предоставления сервисных услуг МВД, относятся:

- обеспечение государственного учета зарегистрированных транспортных средств, выдачи (обмена) удостоверений водителя, свидетельств о подготовке водителей, свидетельств о подготовке уполномоченных по вопросам безопасности перевозок опасных грузов, свидетельств о допуске транспортных средств к перевозке опасных грузов и накопление информации по этим вопросам в едином государственном реестре МВД;

- ведение учета субъектов хозяйствования, осуществляющих оптовую и розничную торговлю автомобилями, автобусами, мотоциклами всех типов, марок и моделей, прицепами, полуприцепами, мотоколясками, другими

транспортными средствами отечественного и иностранного производства и их составными частями, имеющими идентификационные номера, а также обеспечение их в установленном порядке номерными знаками для разовых поездок (далее – специальная продукция), бланками актов приема-передачи транспортных средств и их составных частей, имеющих идентификационные номера (далее – бланковая продукция), учет которых осуществляется в территориальных органах по предоставлению сервисных услуг Министерства внутренних дел по биржевым сделкам;

- ведение реестра субъектов осуществления обязательного технического контроля колесных транспортных средств и государственного контроля соблюдения такими субъектами требований законодательства в этой сфере, путем мониторинга передаваемых субъектами проведения обязательного технического контроля транспортных средств в общегосударственную базу данных о результатах проведения обязательного технического контроля;

- формирование общегосударственной базы данных о результатах обязательного технического контроля транспортных средств на основании информации о результатах проверки технического состояния транспортного средства, предоставляемой субъектами проведения обязательного технического контроля и информации о заключении договоров обязательного страхования гражданско-правовой ответственности владельцев наземных транспортных средств, подлежащих обязательному техническому контролю, предоставляемой страховщиками [2].

В свою очередь, к организационным задачам ГСЦ МВД, по нашему мнению, следует отнести:

- участие в реализации государственной политики в сферах предоставления сервисных услуг, сферах обеспечения безопасности дорожного движения и перевозки опасных грузов;

- организация, координация, направление и контроль деятельности РСЦ МВД [2].

Как мы отметили выше, ГСЦ МВД с учетом соответствующих задач реализует властные полномочия функционального и организационного характера, регламентированные п.п. 4, 5, 12 Положения.

Анализ перечня функциональных полномочий дает возможность отметить, что ГСЦ МВД:

- непосредственно осуществляют как предоставление платных и бесплатных сервисных услуг, так и занимаются повышением стандартов качества услуг за счет разработки и реализации различного рода концепций, проектов, а также постоянно совершенствуют процедуры предоставления административных услуг путем внедрения электронных сервисов, в том числе электронной очереди, оплаты стоимости административных услуг платежными карточками и прочее;

- разрабатывают и предоставляют РСЦ МВД методическую помощь, в частности рекомендации по улучшению деятельности территориальных органов, предоставляющих сервисные услуги, проводят мероприятия информационно-просветительского типа в сфере предоставления сервисных услуг;

- ответственны за выполнение централизованной логистики и материально-технического, ресурсного обеспечения деятельности системы сервисных центров МВД;

- в подавляющем большинстве предоставляют сервисные услуги в сферах допуска водителей к управлению транспортными средствами, допуска транспортных средств к участию в дорожном движении и перевозке опасных грузов;

- обеспечивают предоставление сведений из Единого государственного реестра МВД, выполняют функции администратора Единого государственного реестра МВД, Единого государственного реестра транспортных средств, реестра административных правонарушений в сфере безопасности дорожного движения, системы видеофиксации транспортных средств с последующим распознаванием номерных знаков «ВИДЕОКОНТРОЛЬ-Рубіж»;

- выдают справки о привлечении к уголовной ответственности или отсутствии (наличии) судимости.

В то же время в п. 5 Положения предусмотрены основные организационные полномочия ГСЦ МВД, а п. 6 Положения дополняет соответствующие полномочия.

Так, п. 5 Положения, учитывая перечни организационных полномочий, где дословно указано следующее:

«ГСЦ МВД с целью организации своей деятельности», дает возможность нам систематизировать соответствующие полномочия по следующим блокам:

– финансовый (обеспечение эффективного, результативного и целевого использования бюджетных средств, организация планово-финансовой работы, обеспечение организации, ведения бухгалтерского учета, осуществление контроля использования финансовых и материальных ресурсов, подготовка проектов штатного расписания и сметы ГСЦ МВД и представление на утверждение государственному секретарю МВД, осуществление бухгалтерского учета доходов, расходов, активов и обязательств ГСЦ МВД, обеспечение использования бюджетных ассигнований по целевому назначению, представление в установленном порядке финансовой, бюджетной, налоговой, статистической и другой отчетности);

– информационный (ведение приема граждан и организация рассмотрения обращений граждан по вопросам деятельности РСЦ МВД, выявление и устранение причин подачи гражданами жалоб, обеспечение доступа к публичной информации, обеспечение в пределах своих полномочий реализации государственной политики по защите информации с ограниченным доступом; организация работы по укомплектованию, хранения, учета и использования архивных документов, обеспечение в пределах своей компетенции соблюдения государственной тайны в ГСЦ МВД);

– кадровый (осуществление организационно-практических мероприятий по отбору, стажировке, обучению и повышению квалификации государственных служащих и других работников, обобщение практики работы с кадрами и подготовки отчетов по соответствующим вопросам, обеспечение выполнения задач по мобилизационной подготовке и мобилизации);

– поощрительный (подготовка для представления в МВД материалов о поощрении и награждении государственными наградами работников системы сервисных центров МВД; подготовка документов о награждении государственных служащих и других работников системы сервисных центров МВД ведомственными поощрительными отличиями МВД);

– антикоррупционный (обеспечение осуществления мероприятий,

направленных на соблюдение в системе сервисных центров МВД требований законодательства, регулирующего их деятельность, а также контроль их реализации; осуществление мероприятий по предотвращению и противодействию коррупции, контроля их реализации в системе сервисных центров МВД).

Кроме того, в п. 6 Положения определены другие полномочия, которые, на наш взгляд, также следует относить к организационным. Исходя из вышеприведенной классификации (распределение полномочий по блокам), вполне целесообразно будет разделить соответствующие полномочия аналогичным образом.

По нашему мнению, около половины определенных полномочий в п. 6 Положения являются информационными, то есть дополняют информационный блок (создание, сбор, обработка, хранение, уничтожение информации на бумажных и электронных носителях) и необходимы для осуществления полномочий и ведения Единого государственного реестра МВД и Единого государственного реестра транспортных средств, а также предоставления указанной информации, используя для этого систему электронного документооборота.

В кадровый блок организационных полномочий справедливо добавить привлечение к выполнению отдельных работ, участие в изучении отдельных вопросов ученых и специалистов, специалистов органов исполнительной власти, предприятий, учреждений, организаций (по согласованию с их руководителями), представителей институтов гражданского общества, привлечение к оказанию услуг на договорных началах предприятия, учреждения, организации и физических лиц, в частности волонтеров; образование консультативных, совещательных и других вспомогательных органов (советы, комиссии, в том числе постоянно действующие рабочие группы и т.д.) для содействия осуществлению возложенных задач, проводить конкурсы, конференции.

Финансовый блок – пользование недвижимым и движимым имуществом.

Антикоррупционный блок – осуществление проверки деятельности РСЦ МВД, а также полномочия по заключе-

нию договоров, участию в статусах истца или ответчика в судах и созыва совещаний для организации надлежащего выполнения возложенных задач, которые с учетом их специфики выступают самостоятельными в пределах соответствующей классификации.

Между тем, п. 12 Положения детализированы полномочия начальника ГСЦ МВД (всего 38), что практически отражают общие полномочия ГСЦ МВД (функциональные и организационные), проанализированные нами выше. Поэтому отдельно обращаться и анализировать соответствующие руководящие полномочия нет смысла, тем более с учетом предыдущей классификации. Стоит только отметить, что полномочия начальника ГСЦ МВД, по сути, выступают как его должностные обязанности.

Несколько иная ситуация с правовым регулированием деятельности РСЦ МВД и ТСЦ МВД. Административно-правовой статус соответствующих сервисных центров МВД регламентирован «Положением о территориальном сервисный центр МВД», которое, с точки зрения организации деятельности центров, используют как типовое.

Отметим, что в соответствующем Положении законодателем иначе раскрыт административно-правовой статус, в первую очередь, ТСЦ МВД. По сравнению с Положением ГСЦ МВД, в данном положении законодатель детализировал другие элементы административно-правового статуса ТСЦ МВД, в частности основные функции (всего 34), права (всего 5) и полномочия (обязанности) начальника ТСЦ МВД.

По результатам анализа перечня функций ТСЦ МВД, приведенного в Положении, можем констатировать, что, учитывая административно-правовую теорию, большинство из них не в полной мере выступают в качестве классических правовых функций, а в основном относятся к задачам и полномочиям ТСЦ МВД, что, кстати, прямо или косвенно раскрывают содержание полномочий ГСЦ МВД. В частности, речь идет о предоставлении платных и бесплатных услуг в сферах допуска водителей к управлению транспортными средствами, допуска транспортных средств

к участию в дорожном движении и перевозки опасных грузов, предоставлении сведений из/и администрирования Единого государственного реестра МВД, других реестров, а также реализации других контрольных и организационных полномочий. Мы считаем, что регламентированные в Положении функции ТСЦ МВД не выступают таковыми, а представляет собой совокупность функциональных и организационных полномочий ТСЦ МВД как структурных подразделений РСЦ МВД.

Выводы. Таким образом, изучив ведомственное регулирование («Положение о Главном сервисном центре МВД» и «Положение о территориальном сервисном центре МВД») деятельности сервисных центров МВД в части анализа элементов административно-правового статуса ГСЦ МВД и ТСЦ МВД, а именно задач и полномочий, целесообразно констатировать следующее:

1) сервисные центры МВД выступают ЦПАУ, функционируют в качестве ГСЦ МВД, РСЦ МВД и ТСЦ МВД (главного, региональных и территориальных). ГСЦ МВД – это главный межрегиональный территориальный орган по предоставлению сервисных услуг, РСЦ МВД действуют как территориальные органы МВД, ТСЦ МВД являются структурными подразделениями РСЦ МВД;

2) анализ задач возложенных на ГСЦ МВД дает возможность утверждать об их контрольной (мониторинговой) направленности, связанной, с одной стороны, с соблюдением внешними субъектами, требований законодательства в сферах предоставления сервисных услуг МВД, с другой – с осуществлением ведомственных контрольных и организационных процедур в системе деятельности РСЦ МВД и ТСЦ МВД;

3) на основе систематизации полномочий ГСЦ МВД, регламентированных п. 4, 5, 12 Положения, с учетом возложенных задач нами классифицированы полномочия ГСЦ МВД как функциональные и организационные. Причем, на наш взгляд, организационные полномочия целесообразно группировать по блокам: финансовый, информационный, кадровый, поощрительный и антикоррупционный.

Список использованной литературы:

1. Про адміністративні послуги: Закон України від 06.09.2012 р. № 5203-VI. *Відомості Верховної Ради України*. 2013. № 32. Ст. 409.

2. Про затвердження Положення про Головний сервісний центр МВС: Наказ Міністерства внутрішніх справ України від 07.11.2015 р. № 1393 (у редакції наказу Міністерства внутрішніх справ України від 26 листопада 2018 р. № 955). URL: <http://hsc.gov.ua/wp-content/uploads/2019/02/Polozhennya-GSTS.pdf>.

3. Про затвердження Положення про територіальний сервісний центр МВС : Наказ Міністерства внутрішніх справ України від 29.12.2015 р. № 1646. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0156-16>.

4. Проблеми діяльності центрів надання адміністративних послуг на сучасному етапі реформування системи надання адміністративних послуг в Україні. Аналітична записка. URL: <http://www.niss.gov.ua/articles/2373/>

5. Хто ми. *Офіційний веб-портал Головного сервісного центру МВС України*. URL: <http://hsc.gov.ua/pro-gsc/about/>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыбинская Анна Петровна – старший научный сотрудник секретариата ученого совета Государственного научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rybinskaya Anna Petrovna – Senior Researcher at the Secretariat of the Academic Council of the State Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine

vsk22@ukr.net

УДК 347.23.1

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ КАК ОСОБЕННЫЙ ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Владимир СКРЫПНИК,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой отраслевых юридических наук
Кременчугского национального университета
имени Михаила Остроградского

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются понятие работы, ее результаты, соотношение этой правовой категории с понятием услуги. Предлагаются признаки, характеризующие результат работы как особый объект гражданских прав (рукотворность, осязаемость, овеществленность, наличие материальной ценности и экономической стоимости и др.). Проводится разграничение между результатом работы и услугой как самостоятельными объектами гражданских прав. Рассматривается положение об особом статусе отдельных видов работ, с учетом обязательности лицензирования отдельных видов предпринимательской деятельности. Определяется место результатов работы в системе объектов гражданских прав и в системе договорных обязательств.

Ключевые слова: объекты гражданских прав, результаты работы, признаки результатов работы, работы и услуги.

RESULTS OF WORK AS A SPECIAL OBJECT OF CIVIL RIGHTS

Vladimir SKRYPNIK,
Candidate of Law Sciences, Associate Professor,
Head at the Department of Law Sciences
of Kremenchuk Mykhailo Ostrohradskyi National University

SUMMARY

The article analyzes the concept of work, its result, the relationship of this legal category with the concept of services. The signs characterizing the work results as a special object of civil rights (man-made, tangible, materialization, the presence of material value and economic value, etc.) are offered. A distinction is made between the result of work and the service as independent objects of civil rights. Consideration is given to the special status of certain types of work, taking into account the mandatory licensing of certain types of business activities. The place of work results in the system of civil rights objects and in the system of contractual obligations is determined.

Key words: objects of civil rights, results of work, signs of work results, work and service.

Постановка проблемы. В современных условиях работа является одной из самых распространенных правовых категорий в гражданском обороте. Чрезвычайно бурное развитие общественных отношений, связанных с исполнением работ, предопределяет и необходимость их надлежащей правовой регламентации. Среди самостоятельных объектов гражданских прав Гражданский кодекс Украины (далее – ГК) в ст. 177 называет «результаты работ, услуги». Аналогична по содержанию и ст. 128 ГК Российской Федерации. В ст. 128 ГК Республики Беларусь к самостоятельным объектам гражданских прав, среди прочего, также отнесены и «работы и услуги». В ГК Молдовы специальное внимание на объектах гражданских прав не акцентируется. В то же время понятие результатов работы и их признаков ни один законодатель не раскрывает.

Состояние исследования. Проблемы объектов гражданских прав и выде-

ления из общей категории отдельных видов всегда находились в центре внимания цивилистов. Достаточно назвать труды таких ученых, как М. И. Брагинский, А. Б. Гриняк, В. В. Витрянский, А. В. Дзера, Ю. А. Заика, О. А. Красавчиков, Е. В. Кохановская, В. А. Лапач, В. В. Луць, А. П. Сергеев, С. А. Слипенченко, Е. А. Суханов, И. В. Спасибо-Фатеева, Ю. К. Толстой, С. И. Шимон и др. В то же время на современном этапе правового регулирования объектов гражданских прав практически отсутствуют специальные исследования, посвященные такому объекту, как результат работы, что служит доказательством, подтверждающим **актуальность темы исследования.**

Целью и задачей статьи является раскрытие сущности понятия «результат работы» как объекта гражданских прав, определение существенных признаков этого объекта, как юридической категории, установление гражданско-правовых обязательств, предметом исполнения которых выступают

результат работы, определение места результатов работы в системе объектов гражданских прав.

Изучение результатов работы как объекта гражданских прав предопределяет и необходимость особых методологических подходов, позволяющих выявить характерные черты результатов работы с учетом специфики этого объекта, а также такие методы исследования, как исторический, догматический, логического толкования, сравнительно-правовой.

Изложение основного материала.

В римском частном праве классического периода как разновидность договора найма (locatio-conductio) рассматривались три вида договорных обязательств: договор найма вещей (locatio-conductio rei), договор найма услуг (locatio-conductio operarum) и договор найма работ (locatio-conductio operis) [12, с. 252], что в дальнейшем и предопределило некоторую схожесть договоров подряда и договоров на оказание услуг.

Достаточно содержательное понятие «работы» определил еще римский юрист Павел: «Работа состоит в действии и не раньше существует в природе вещей, как придет тот день, когда она должна быть предоставлена <...>» [12, с. 297], то есть, иными словами, работа должна быть о вещественным результатом в установленный договором срок. Работа и результат работы в силу естественных причин не совпадают во времени, поскольку соотносятся между собой как причина и следствие.

Особенность работы заключается в том, что ее может выполнить, по общему правилу, любое лицо, обладающее необходимой квалификацией и профессиональными навыками. Если же результат работы содержит элементы уникальности, новизны, технического творчества, то, соответственно, речь может идти о таком самостоятельном объекте гражданских прав, как результат интеллектуальной деятельности в виде открытия, изобретения и пр.

Понятие работ в доктрине гражданского права традиционно связывают с подрядными договорами, поскольку именно договор подряда практически охватывает всю группу договоров о выполнении работ, поэтому не случайно их называют «подрядоподобными» договорами [3, с. 7]. ГК Украины регламентирует значительное количество самостоятельных договоров (подряд, подряд на капитальное строительство, бытового заказа и др.), объектом которых выступает именно результат работы. Очевидно, что все данные объекты обладают одним общим объединяющим признаком – они являются результатом сознательной деятельности, которая осуществляется одним субъектом гражданских правоотношений, по заданию другого, как правило, на возмездных началах.

Особенность работы как объекта гражданских прав заключается в том, что он одновременно является и целью любого подрядного договора.

Ученый В. А. Белов рассматривает подрядные договора как разновидность договоров, «направленных на установление обязательственных прав на трудовые ресурсы», среди которых различает собственно договор подряда, договор на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических

работ, трудовой договор, договор внутрихозяйственного арендного (бригадного, индивидуального, коллективного, семейного) подряда [2, с. 370–388]. Одновременно ученый полагает, что выделять сегодня из числа частноправовых договоров трудовой договор нет никакого смысла. В условиях рыночной экономики любые способности физических лиц к труду являются товаром и так же, как и всякий иной товар, продаются и покупаются с соблюдением основных начал частного права – свободы волеизъявления, юридического равенства сторон и неприкосновенности их субъективных договорных прав [2, с. 384].

С такой позицией отчасти можно согласиться. В то же время специальная правовая регламентация отношений по выполнению работ, которая осуществляется гражданским законодательством или, соответственно, трудовым законодательством, свидетельствует о преждевременности игнорирования различий между этими достаточно похожими по своей природе правоотношениями.

Работа может заключаться, собственно, в создании новых вещей, в том числе и микробиологических штаммов, выращивании новых сельскохозяйственных культур, объектов животноводства, изменении качеств уже существующей в природе вещи. Особенность этого объекта заключается в том, что, если объект создается вследствие достигнутой между участниками правоотношения договоренности в отношении собственно объекта и его характерных свойств и признаков, то сам процесс его создания определяет исполнитель в одностороннем порядке, если иное не предусмотрено договором.

В договоре на выполнение работы, как и в договоре на возмездное оказание услуг, предметом выступают действия по заданию заказчика.

Однако в подряде конечной целью является получение определенного результата, именно он подлежит принятию и оплате. В договоре на оказание услуг отсутствует материальный результат и оплачивается услуга как таковая [4, с. 232]. Передавая заказчику изготовленную по договору подряда вещь, подрядчик передает и права на нее [9, с. 212].

Традиционно в юридической литературе предлагается считать основным ограничительным признаком, который позволяет отличить договор подряда от договоров на оказание услуг, деятельность, которая осуществляется услугодателем. И если в обязательствах подрядного типа результат выполненных работ всегда имеет о вещественную форму, то в обязательствах по оказанию услуг сама услуга потребляется в процессе ее оказания. В качестве предмета услуги выступает полезный эффект от совершения действий или деятельности услугодателя, который никогда не приобретает формы новой вещи или изменения уже существующей [10, с. 498–499]. Таким образом, достаточно сомнительным является сложившийся в цивилистике стереотип об оказании медицинских услуг во всех сферах медицины и, соответственно, договорах на оказание медицинских услуг. И если отчасти можно согласиться с утверждением, что «деятельность по установке зубного протеза в организме человека не имеет о вещественного результата» [5, с. 185], то вывод об отсутствии обязательств подрядного характера не является убедительным. В противном случае можно поставить под сомнение существование подрядных договоров в целом как самостоятельного вида договорных обязательств.

Если результат медицинской услуги воплощается, например, в стоматологии, то логично вести речь о медицинских договорах подрядного характера, поскольку заказчика интересует не медицинская деятельность как таковая, а полученный результат такой деятельности, который он и оплачивает в соответствии с заключенным договором. И гарантии качества медицинское учреждение в данном случае предоставляет заказчику не «на деятельность», а на результат работы (имплантат, пломбу и пр.). В договорах же на оказание услуг заказчика интересует именно услуга, а не связанные с ней проведенные работы (например, договор охраны и монтаж средств охранной сигнализации) [7, с. 136–137].

Результатом могут выступать: а) впервые созданные объекты материального мира как объективно существующие новые вещи, в том числе и оригинальные, технически новые;

б) созданный вследствие спецификации уже существующих вещей новый объект; в) появившиеся новые, материализованные ранее не присущие объекту новые свойства или признаки, или уже существовавшие ранее, но утраченные по каким-то причинам; г) собственно, работа, воплощенная в каком-либо результате (например, в выкопанном колодце).

Очевидно, что, независимо от вида работ, для них характерны единые, объединяющие общие признаки, что позволяет изучить специфику правового режима этого особого объекта гражданских прав. Таким образом, результат работы должен быть осязаемым и материализованным во вновь созданных, отремонтированных, переделанных и т. п. вещах и обладать способностью перехода к новому владельцу. Если такими признаками результат работы не характеризуется, то речь идет о таком объекте гражданских прав, как услуга.

Отдельные авторы в качестве признаков результата работы выделяют его «априорно достижимость вне всякого разумного сомнения (в том числе по определенным техническим правилам и процедурам)» [14, с. 511].

По нашему мнению, «достижимость результата» дублирует такое условие действительности любого договора, как осуществимость договора, и в данном случае достижимость результата, скорее, характеризует предмет работы, а не ее результат, поскольку при отсутствии результата работы как такового правоотношение не возникает из-за отсутствия такого его элемента, как объект.

Насколько применима к такому объекту гражданских прав, как «результат работы», категория «оборотоспособность»? Необходимость выяснения понятия «оборотоспособность» объекта обусловлена требованиями правоприменительной практики, применением конкретных законодательных норм, регламентирующих правоотношения, где объектом выступает результат работы. Гражданский кодекс Украины 2004 г. снял все запреты и ограничения в отношении исполнения подрядных работ физическим лицом [13, с. 23]. Отдельные ограничения касаются выполнения специальных видов подрядных работ. Так,

в Законе Украины «О лицензировании определенных видов хозяйственной деятельности» от 1 июня 2000 г. указаны виды предпринимательской деятельности, осуществление которых требует лицензирования: строительная деятельность; производство и ремонт огнестрельного оружия невоенного назначения и боеприпасов к нему, холодного оружия, пневматического оружия калибра свыше 4,5 мм и скоростью полета пули свыше 100 м/с; производство взрывных материалов промышленного назначения (согласно перечню, который утверждается специально уполномоченным центральным органом исполнительной власти по вопросам надзора за охраной труда и государственного горного надзора); производство особо опасных химических веществ, производство специальных средств, производств специальных средств слезоточивого и раздражающего действия, индивидуальной защиты, активной обороны и их продажа; разработка, изготовление специальных технических средств для снятия информации с каналов связи, других средств негласного получения информации, торговля специальными техническими средствами для снятия информации с каналов связи, другими средствами негласного получения информации; другие виды деятельности, когда вследствие выполнения работы создается новый объект или изменяются свойства уже существующего.

Оборотоспособность объекта предполагает как возможность использовать и распоряжаться им без каких-либо ограничений, так и свободную возможность его создания любым лицом. Таким образом, оборотоспособность рассматриваемого объекта косвенно влияет на субъектный состав правоотношения, и на характер правоотношения в целом (частноправового или публично-правового).

Система объектов гражданских прав не является постоянной или какой-то аморфной правовой категорией. Ученый В. В. Лапач полагает, что дальнейшее развитие системы объектов гражданских прав приведет к включению некоторых объектов (работ, услуг, информации, результатов интеллектуальной деятельности), не отнесенных законом к имущественной группе, как промежуточной (между вещами

и имущественными правами) объектной категории [8, с. 15–16].

Но в правоотношениях по выполнению работ (правоотношениях, вытекающих из договора подряда) объект второго рода – это овеществленный результат деятельности подрядчика, то есть вещь. Терминологически было бы точнее говорить о «действиях по выполнению работ и оказанию услуг» [1, с. 15–16]. Сами работы не могут быть объектом правоотношений между заказчиком и подрядчиком. Поэтому объектом выступает именно результат работы, а не процесс. И этот результат нельзя отделить как от подрядчика, который выполнял работу, так и от заказчика, который ее заказывал [6, с. 129].

Соответственно, объектом гражданских прав выступает именно результат, при его отсутствии обязательственные правоотношения не возникают, поскольку независимо от выполненного объема работы без достижения предусмотренного договором результата не возникают право подрядчика на вознаграждение и обязанность заказчика его выплатить.

Для того, чтобы рассматривать в качестве объекта результат работы, необходимо установить, прежде всего, в чем заключается работа, т. е. в данном случае – предмет интереса, который возникает между сторонами правоотношения. Предмет работы всегда имеет индивидуальный характер.

Степень детализации предмета работы непосредственно влияет и на результат работы как на объект гражданских прав. Те или иные признаки предмета могут быть определены в соответствующих нормативных актах, строительных нормах и правилах, типовых договорах, положениях которых подрядчик должен придерживаться.

Тем не менее, несмотря на то, что результаты работы – прямое следствие непосредственной деятельности подрядчика, заказчик имеет возможность оказывать влияние как на процесс работы, так и на ее качество, и в какой-то степени на конечный результат в целом.

Выводы. Результатам работы как объекта гражданских прав присущи следующие признаки: 1) рукотворность; 2) появление вследствие воле-

вой активной деятельности; 3) наличие материальной ценности и экономической стоимости; 4) результат работы выступает итоговой договоренностью между сторонами; 5) результат является овеществленной работой и, как правило, осязаем; 6) характеризующими элементами работы выступают ее качество и срок исполнения.

С момента своевременного выполнения работы в соответствии с заключенным договором указанные выше признаки позволяют рассматривать полученный результат как самостоятельный объект гражданских прав.

Список использованной литературы:

1. Бевзенко Р. С. Объекты гражданских правоотношений : учебное пособие. 2010. Москва : ГУ ВШЭ. 191 с.
2. Белов В. А. Гражданское право. Общая часть : учебник. Москва : АО Центр ЮрИнфоР. 2002. 639 с.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 3 : Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Москва : Статут. 2002. 624 с.
4. Брагинский М. И. Договор подряда и подобные ему договоры. Москва : Статут. 1999. 254 с.
5. Герц А. А. Договірні зобов'язання у сфері надання медичних послуг : монографія. Хмельницький : ФОП Мельник А. А. 2015. 412 с.
6. Гражданское право. Особенная часть. В 2-х т. Том 1. Учебник / А. П. Анисимова, М. Ю. Козлова, А. И. Рыженков ; Под общ. ред. А. Я. Рыженкова. 6-е изд. перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2018. 351 с.
7. Заїка Ю. О. Договір охорони в системі цивільно-правових договорів. *Приватне право і підприємництво* : Збірник наук праць. 2018. Вип. 18. С. 134–138.
8. Лапач В. В. Система объектов гражданских прав в законодательстве России : автореф. дис. докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. 50 с.
9. Луць В. В. Контракти в підприємницькій діяльності : навчальний посібник. 2-е вид. перероб. і доп. Київ : Юрінком Інтер. 2008. 576 с.
10. Науково-практичний коментар Цивільного кодексу України : у 2 т. 5 вид., перероб. і допов. / за ред. О. В. Дзери (кер. авт. кол.), Н. С. Кузнецової, В. В. Луця. Київ : Юрінком Інтер, 2013. Т. II. 1120 с.
11. Памятники римского права : Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. Москва : Зерцало, 1997. 608 с.
12. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права : учебник / Под ред. Д. В. Дождева. Москва : БЕК, 2002. 400 с.
13. Теоретичні та практичні аспекти розгляду судами спорів, що виникають із договорів підряду : монографія / За заг. ред. В. В. Луця. Київ : НДІ ПрПіП НАПрН України. 2010. 320 с.
14. Харьковская школа цивилистики: объекты гражданских прав : монография под общ. ред. И. В. Спасибо-Фатеевой. Харьков : Право, 2015. 720 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скряпник Владимир Леонидович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой отраслевых юридических наук Кременчугского национального университета имени Михаила Остроградского

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Skrypnik Vladimir Leonidovich – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head at the Department of Law Sciences of Kremenchuk Mykhailo Ostrohradskyi National University

kafedragun@gmail.com

УДК 342.7

КАТЕГОРИЯ «ПОТЕРПЕВШИЙ» В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Павел СЛОБОДЯНЮК,
судья Шевченковского районного суда г. Киева

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу терминологического значения понятия «потерпевший» в законодательстве Украины и юридической науке. Раскрывается соотношение понятия «потерпевший» с понятиями «жертва» и «пострадавший» с точки зрения юридических фактов, связанных с нарушением прав человека, которому причиняется вред или ущерб. Выясняются критерии определения статуса потерпевшего с точки зрения конституционно-правового отношения права человека и соответствующей обязанности государства по его защите, обосновывается широкий подход к определению понятия потерпевшего в юридической науке.

Ключевые слова: потерпевший, жертва, пострадавший, социальный статус потерпевшего, причинение вреда.

CATEGORY “VICTIM” IN LEGAL SCIENCE AND PRACTICE: TERMINOLOGICAL ASPECT

Pavel SLOBODYANYUK,
Judging Shevchenko District Court in Kiev

SUMMARY

The article is devoted to the analysis of the terminological meaning of the concept “victim” in the legislation of Ukraine and legal science. The relationship between the notion of a victim and the notions of “sacrifice” and “injured” is revealed from the point of view of legal facts related to the violation of human rights, which is harmed or damaged. The criteria for determining the status of the victim from the point of view of the constitutional-legal relationship of human rights and the corresponding obligation of the state to protect him are clarified, a broad approach to the definition of the concept of victim in legal science is substantiated.

Key words: victim, sacrifice, injured, social status of the victim, causing of harm.

Постановка проблемы. Конституционно-правовое определение идеи правового государства в Украине и установление в качестве главной обязанности государства утверждения и обеспечения прав и свобод человека невозможно без государственной защиты от разного рода нарушений этих прав и свобод, а особенно от преступных посягательств на права человека. Общеизвестно, что среди средств такой защиты наиболее важная роль отводится судебной защите прав человека.

Актуальность темы исследования. Обеспечение прав граждан в Украине и их судебной защиты в последние десятилетия является неудовлетворительным, на что обращают внимание как авторы научных исследований, так и международные и национальные правозащитные организации. Это требует дополнительных теоретических поисков с целью установления причин такого положения и выработки научных рекомендаций по их устранению.

Состояние исследования. Теоретическим аспектам конституционных прав и свобод человека и гражданина, законодательного определения

механизма реализации рассматривал в своих исследованиях ряд таких ученых: Ж. М. Богословская, В. В. Головченко, Н. И. Козюбра, А. Н. Колодий, В. В. Кравченко, С. В. Линецкий, В. Т. Маляренко, Н. И. Мельник, О. И. Наливайко, А. И. Остапенко, А. Ю. Олійник, В. Ф. Погорилко, А. Н. Ришелюк, П. М. Рабинович, Н. И. Сирый и другие, что говорит об актуальности данной проблемы.

По нашему мнению, в научных работах по проблемам защиты прав человека недостаточное внимание уделяется взаимосвязи понятия защиты этих прав с теми нарушениями, которые изменяют статус-кво человека, его фактическое и правовое состояние в связи с причинением ему того или иного вреда, чем обуславливают необходимость юридической защиты и восстановления нарушенных прав человека. Не всегда определяются условия эффективности механизмов защиты нарушенных прав в зависимости от характера нарушений.

Целью и задачей статьи является выяснение терминологического аспекта в определении понятия «потер-

певший», «жертва», «пострадавший» в юридической науке и практике, а также формулирование понятия потерпевшего. В данной статье в основном использованы такие научные методы, как формально-логический, формально-юридический и лингвистический. Для целей статьи были использованы Конституция и Законы Украины, а также иные нормативные акты Украины, международно-правовые акты, решения ЕСПЛ, акты Конституционного Суда Украины и Верховного Суда Украины, научные публикации по теме.

Изложение основного материала. Когда речь идет о понятии «потерпевший», то его научное и законодательное применение необходимо рассматривать, в первую очередь, в плоскости уголовного права. Вместе с тем, несмотря на широкое использование понятия «потерпевший» в Уголовном кодексе Украины, как отмечается в научной литературе, его законодательное понятие в Кодексе отсутствует. Из сложившейся ситуации гипотетически есть два выхода – или позаймствовать понятие «потерпевший» в Уголовном процессуальном кодексе Украины, или

сформулировать определение, которое бы отражало именно уголовно-правовую природу потерпевшего.

Однако «в специальной литературе приводится убедительная аргументация относительно недопустимости отождествления потерпевшего от преступления в уголовно-правовом и процессуальном аспектах» [1, с. 33–34].

Вместе с тем факторами, которые причиняют вред человеку и нарушают его права, то есть имеют значение юридических фактов, могут быть не только преступления и поведение человека, а и явления или процессы природы. При этом человеческий фактор выражается через поведение, с точки зрения права может рассматриваться в качестве правомерного или неправомерного поведения, то есть как правонарушение, одной из крайних форм которых является преступление.

Причинение вреда человеку происходит по объективным причинам, которые не зависят от воли и сознания людей (например, стихийные бедствия, природные явления и т.д.), или же причиной причинения вреда человеку является поведение самого человека или других людей.

От этого зависит общественная оценка, а за ней и правовая квалификация как субъекта, получившего вред, так и самого факта его причинения. В одних случаях такой субъект признается потерпевшим, в других – нет. Так же в одних обстоятельствах пострадавшему возмещается причиненный вред полностью или частично, в других правовая система реагирует на факт причинения вреда иначе, в том числе, вообще не признавая лицо потерпевшим и не компенсируя ему причиненный вред из-за наличия определенных обстоятельств.

Так, в науке уголовного права не рассматриваются как потерпевшие от преступления социальные субъекты, которым вред причинен: малозначительным деянием; поведением без вины (казусом); действиями неменяемого; поступком лица, не достигшего возраста уголовной ответственности; при необходимой обороне или в состоянии крайней необходимости; при физическом принуждении; при исполнении приказа или распоряжения; с риском или иными посягательствами, совершенными в обстоятельствах, исключаяющих их преступность [1, с. 47–52].

Но в таком случае возникает вопрос. В каком статусе рассматривать этих лиц, которым нанесен ущерб и права которых оказались нарушены: пострадавших не от преступления, пострадавших или жертв обстоятельств? Каков их социальный и правовой статус?

Лицо может испытывать вред от многих факторов (природной стихии, техногенных катастроф, разнообразной деятельности людей), в том числе от собственного поведения, а также получить ущерб разного уровня (от потери жизни или здоровья близких, имущества до психологического дискомфорта за обиды, угрозы здоровью или угрозы потерять имущество и др.).

Во всех указанных случаях субъект, которому причинен вред, подпадает под значение понятия «потерпевший» [2]. Тех пострадавших, которым непосредственно причинен существенный вред, нередко называют «жертвами», хотя далеко не всегда уровень вреда является в равной степени существенным. Так, например, «жертвами» авиакатастрофы считают погибших и пропавших пассажиров (хотя последние могут быть на самом деле живыми и невредимыми, но их не нашли на месте падения самолета). И, наоборот, получивших в результате авиакатастрофы лишь незначительные повреждения называют «пострадавшими», и такой термин совершенно неуместен относительно погибших и пропавших пассажиров.

Как уже было сказано, понятие вреда не получило четкого понимания в качестве необходимого признака потерпевшего в уголовном праве, и это понятие должно определяться вместе с сущностью вреда, ее видами и разновидностями, критериями ее разграничения по степени тяжести. Но без определенного понятия причиненного вреда ее целесообразно рассматривать как квалифицирующий признак понятия «потерпевший» или близких ему понятий «жертва» и «пострадавший», поскольку они взаимосвязаны с вредом в целом.

Учитывая это, для разграничения понятия «потерпевший» и родственных понятий следует найти такой специфический признак, по которому это понятие можно отличать от близких понятий «жертва» и «пострадавший».

В общем виде характеристика человека в качестве «потерпевшего»,

«пострадавшего» или «жертвы» связана с особенным отношением лица к природе или другим людям, в рамках которого человеку нанесен ущерб любого характера другой стороной этого отношения (естественным явлением, животным, человеком) и он страдает от этого. Вместе с тем термины «пострадавший» и «жертва» соотносятся с реальным причинением вреда любыми факторами, как объективными, так и субъективными, с причинением вреда не только лицу, но и животным или неодушевленным объектам, ущерба как непосредственного, так и опосредованного.

В данном случае понятие «потерпевший» получает несколько иной смысл, который отражает такие отношения лица к природе и к другим людям, которыми причиняется человеку не только реальный, но и потенциальный вред, при обязательном участии в причинении вреда субъективного фактора.

Следовательно, понятие потерпевшего соотносят, во-первых, с причинением вреда исключительно лицу (даже если ущерб причинен только его имуществу), а не природным или культурным объектам; во-вторых, потерпевший может страдать не от вреда, причиненного ему лично и целенаправленно («первичного» вреда), а от вреда, причиненного другим лицам (от «вторичного» ущерба); в-третьих, вред может быть не только реальным, но и «потенциальным». Вместе с тем понятие «потенциальный вред» является, по нашему мнению, недостаточно корректным. По данному вопросу до сих пор продолжают дискуссии. Так, одни ученые относят к потерпевшим и тех субъектов, которым причинение вреда только грозило (например, при неоконченном преступлении все равно есть потерпевший). Другие ученые убеждены, что характеристикой наносимого вреда должна быть ее объективная реальность, а не потенциальность, ведь в противном случае происходит более широкое толкование закона. Так, виновный при подготовке к убийству приобрел для этого оружие, но об этом потенциальный потерпевший может и не догадываться [1, с. 48].

Если вообще не рассматривать реальную угрозу как вред, а предви-

деть существование только «потенциального» вреда как только возможности причинения вреда, то понятие «потерпевший» лишается главного признака, в связи с чем лицо страдает от причиненного вреда.

Определяющим фактором, который предусматривает появление фигуры потерпевшего, жертвы или пострадавшего, с нашей точки зрения, существует такое изменение положения или состояния лица, которое имеет место в ситуации наступления для него *реального* вреда. Иными словами, причинение вреда любому лицу меняет его статус-кво таким образом, что к нему прилагается статус (в социальном смысле) потерпевшего, пострадавшего, жертвы. Такой статус возникает независимо от воли, сознания и желания лица, в контексте объективного отношения лица к природе или другим людям, в рамках которого лицу нанесен вред другой стороной этого отношения, и она страдает от этого вреда. Мы называем это отношение «отношением вреда».

Но если проводить различие между понятиями «пострадавший», «потерпевший» и «жертва», учитывая их словарные значения, то слово «жертва» только в отдельных случаях может означать лицо, которому нанесен вред. Более близкими между собой по значению являются понятия «пострадавший» и «потерпевший». С нашей точки зрения, понятие «пострадавший» является более широким, поскольку оно затрагивает как пострадавших людей, так и других живых существ, растений или неодушевленных объектов.

Что касается понятия «потерпевший», то им целесообразно обозначать только тех лиц, которым вред причинен вследствие правонарушения, то есть непосредственно связан с социальным явлением деликтности.

Потерпевший от преступления – один из разновидностей потерпевшего вообще. Несмотря на это, понятие «потерпевший от преступления» необходимо рассматривать, прежде всего, с точки зрения тех существенных признаков, присущих потерпевшему в общем как стороне «отношения вреда», причиненного правонарушением, учитывая при этом специфику другой стороны данного отношения и специфику того фактора, которым лицу причинен вред, то есть учитывая спец-

ифику преступления и его субъекта. Ведь вред может повлечь не только другие противозаконные действия, но и правомерные. Вред может быть причинен лицу как действиями других, так и его собственными действиями по неосторожности (например, из-за неосторожного вождения, что привело к повреждению транспортного средства в результате наезда на препятствие).

Возможно, что лицо испытывает вред в результате несчастного случая от факторов, не связанных с действиями других людей (например, возгорание здания от удара молнии или получения раны от укуса животного и т.п.). Наконец, в жизни бывают такие ситуации, когда причиненный собственными действиями или в результате несчастного случая вред будет постепенно увеличиваться вследствие неправомерных действий других лиц (например, оставление пострадавшего от аварии в беспомощном состоянии). Но не во всех перечисленных обстоятельствах причинения вреда лицо приобретает социальный статус потерпевшего. В одних случаях люди становятся жертвами соответствующих обстоятельств, или пострадавшими, и только когда вред причинен лицу деликтом, они рассматриваются как потерпевшие.

Установление этих обстоятельств и того критерия, которым обуславливается социальный статус пострадавшего, жертвы и потерпевшего, является достаточно сложным теоретическим заданием, которое не может быть решено усилиями одного направления уголовного цикла, его необходимо решать в более широких научных обоснованиях.

С нашей точки зрения, социальный статус *потерпевшего* нельзя связывать с теми факторами причинения вреда лицу, которые не являются человеческими факторами, а принадлежат к природным. Так, лица, которым нанесен ущерб от стихийного бедствия (наводнения, ураганы, лесные пожары и т.д.) приобретают социальный статус или жертв, или пострадавших. В этом случае критерием выступает участие/неучастие лица в причинении вреда другому лицу.

Нельзя связывать социальный статус потерпевшего с обстоятельствами, когда вред вызван человеческим фактором, но независимо от сознания и воли человека, то есть стал след-

ствием несчастного случая. В таком случае лицо выступает в социальном статусе жертвы или пострадавшего, а не в статусе потерпевшего. Критерий в этом случае тот же, ведь речь идет не об участии лица в причинении вреда другому лицу или себе лично, то есть не о деликтном причинении вреда, а только о случайном присутствии лица в данных обстоятельствах. Человек не направляет свои действия на причинение вреда, а это мало чем отличается от действия природного фактора.

Наконец, социальный статус потерпевшего нельзя связывать с таким фактором, который зависит от сознания и воли человека, однако представляет собой антисоциальное (противоправное, аморальное и т.д.) поведение самого лица, которому нанесен вред таким поведением. В таком случае человека можно считать жертвой или пострадавшим в зависимости от обстоятельств, однако не пострадавшим в социальном смысле. От указанного поведения страдают как общество в целом, так и в некоторых случаях другие лица, которые могут приобрести социальный статус потерпевшего. В этом случае использован тот же критерий, но, в отличие от несчастного случая, в данном эпизоде отсутствует участие лица в сознательном причинении вреда другому лицу противоправным поведением.

Таким образом, в социальном смысле пострадавшим необходимо считать лицо, которому причинен вред непосредственно или косвенно правонарушением другого субъекта (субъектов) и нанесенный вред не вызван антисоциальным поведением самого лица.

Понятие потерпевшего в социальном смысле составляет логическую основу для определения юридического статуса всех пострадавших вообще, в том числе и пострадавших от преступления, в отличие от юридического статуса пострадавших и жертв, а также имеет значение для науки о потерпевшем (виктимологии). При этом принципиально важно то, что формулировка различия понятия «потерпевший» от понятий «пострадавший» и «жертва» осуществляется на основе единого критерия – участия/неучастия лица в причинении деликтом вреда другому лицу.

Однако при этом важно установить, каким образом социальный статус потерпевшего, пострадавшего

и жертвы выражается их юридическим статусом и в чем отличие указанных юридических статусов. На этой основе может быть установлено юридическое понятие «потерпевший».

Стоит уточнить, что правовые нормы по-разному регулируют ситуации о статусе потерпевших, жертв и пострадавших, фиксируя их, прежде всего, в гипотезах норм как условия, при которых наносится вред лицу. Эти условия, зафиксированные в юридических нормах, имеют значение юридических фактов, с которыми связывается возникновение определенных прав и обязанностей участников правоотношений, установленных в диспозициях норм. Из одних юридических фактов возникают права и обязанности и, соответственно, юридический статус потерпевшего, из других юридических фактов – права, обязанности и юридический статус пострадавших или жертв.

В частности, понятие «жертвы» использовано как в некоторых международно-правовых документах [3], так и в различных нормативно-правовых актах Украины [4]. Чаще используется в нормотворческой практике понятие «пострадавшие». В связи с этим отметим некоторые законы Украины [5], а также Постановление Верховного Совета Украины от 03.09.2002 г. № 118-IV [6].

Определенное количество правовых документов, в которых используется понятие «пострадавшие», составляют акты Кабинета Министров Украины. К ним, в частности, можно отнести некоторые постановления [7] и распоряжения [8] Кабинета Министров Украины. Можно указать на использование понятия «пострадавшие» в ведомственных нормативных актах, например, приказах Министерства здравоохранения [9].

Анализ приведенных актов подтверждает то, что было нами отмечено ранее. Во-первых, факторами причинения вреда, с которыми связываются понятия жертв и пострадавших, и, следовательно, юридическими фактами, порождающими соответствующие права и обязанности, являются: природные факторы (климатические, биологические и т.д.), чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, факторы технического характера и ситуации, которые непосредственно затрагивают человеческую деятель-

ность (человеческий фактор), в том числе войны, политические акты, правовые режимы управления и поведение отдельного человека. Во-вторых, пострадавшими называют не только людей, но и объекты (здания, сооружения и т.п.). В-третьих, различие между понятиями «жертва» и «пострадавшие» определяется характером вреда: жертвами считаются погибшие лица или те, к кому были применены пытки, кто пострадал в условиях войны, вооруженных конфликтов или политических репрессий и т.д. (например, «семь тех, кто погиб и пострадал в результате крушения военного самолета на Скниловском военном аэродроме», «оказание помощи пострадавшим и семьям лиц, погибших в результате дорожно-транспортного происшествия», «возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека», «проведение социальной реабилитации лиц, пострадавших от террористического акта», «пострадавшие участники массовых акций гражданского протеста и члены их семей» и т.д.). Необходимо отметить, что понятия «пострадавшие» и «жертвы» используются в близком к понятию «население» значении (обеспечение жильем населения, пострадавшего в результате стихийного бедствия или обострения конфликта и т.д.), в отличие от понятия «потерпевшие», которое затрагивает непосредственно конкретного человека.

Этим, очевидно, вызвано то, что понятия «пострадавшие» и «жертвы» в некоторых случаях используются практически в одинаковом смысле. Например, в постановлении Верховного Суда Украины от 06.02.2002 г. указано: «В соответствии с Положением о порядке и критериях назначения компенсационных выплат гражданам, пострадавшим от национал-социалистических преследований в годы Второй мировой войны, Федеративная Республика Германия предоставляет такие компенсации бывшим узникам нацистских лагерей (из числа гражданского населения) в соответствии с перечнем этих лагерей при установке факта принудительного содержания. В случае отсутствия документов, удостоверяющих факты национал-социалистических преследований, в архивных учреждениях бывшего СССР

и стран, на территории которых держались жертвы национал-социализма, такой факт может устанавливаться на основании показаний одного или более свидетелей, которые имеют документы об их принудительном содержании» [10]. В данном случае «граждане, пострадавшие от национал-социалистических преследований», отождествляются с «жертвами национал-социализма».

В случае причинения вреда конкретным людям (населению) в результате правомерных действий государства (введением карантинного режима и т.п.) граждане, которым причинен ущерб, считаются пострадавшими, а не жертвами и потерпевшими.

Таким образом, для определения юридического статуса потерпевшего, жертвы или пострадавшего следует всегда устанавливать, от каких именно юридических фактов какие права и обязанности возникают у человека в случае причинения ему вреда.

Выводы. На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. В юридической науке и практике отсутствует однозначный подход к определению понятия «потерпевший», которое часто смешивают с понятиями «пострадавший» и «жертва». Это подтверждается анализом нормативно-правовых актов и позиций судебных органов Украины.

2. Причиной этого является недостаточное внимание к определению фактического и юридического статуса лица, права которого нарушены, и изложение их в научной и юридической терминологии, неразграничение понятий «потерпевший», «пострадавший» и «жертва» в законодательстве.

3. Потерпевшим в социальном смысле является человек, которому причинен вред непосредственно или опосредствовано правонарушением другого субъекта (субъектов), и причиной возникновения вреда при этом не является антисоциальное поведение самого лица.

4. При определении юридического статуса потерпевшего, пострадавшего или жертвы необходимо всегда устанавливать, из каких конкретно фактов, имеющих юридическое значение, какие права и обязанности возникают у человека в случае причинения ему вреда.

Список использованной литературы:

1. Потерпевший от преступления (междисциплинарное правовое исследование) / За общ. ред. Ю. В. Баулина, В. И. Борисова. Харьков, 2008. 364 с.

2. Словарь синонимов украинского языка: В 2 т. / А. А. Бурячок, Г. М. Гнатюк, С. И. Головащук. Киев : Наук. думка, 1999–2000. Т. 1. 1040 с.

3. Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений от 02.11.1983 г.; Декларация основных принципов правосудия для жертв преступников та злоупотребление властью от 29.11.1985 г.

4. Про жертвы нацистских преследований : Закон Украины от 23.03.2000 г. № 1584-III; Постановление Верховной Рады Украины «О толковании Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий в Украине» от 24.12.1993 г. № 3812-XII.

5. О статусе и социальной защите граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской катастрофы : Закон Украины от 28.02.1991 г. № 796-XII.

6. Постановление Верховной Рады Украины «О перечислении однодневного заработка народных депутатов Украины семьям погибших и пострадавшего в результате аварии военного самолета во время авиашоу на Скниловском военном аэродроме под г. Львовом» от 03.09.2002 г. № 118-IV.

7. Постановление Кабинету Министров Украины: «О порядке возмещения вреда лицам, пострадавшим от чрезвычайных обстоятельств» от 05.10.1992 г. № 562; «Об утверждении Порядка выплаты единовременной материальной помощи лицам, пострадавшим от торговли людьми» от 25.07.2012 г. № 660; «Об утверждении Порядка предоставления и определения размера денежной помощи пострадавшим от чрезвычайных ситуаций, остались на прежнем месте жительства» от 18.12.2013 г. № 947.

8. Распоряжение Кабинету Министров Украины: «О предоставлении гуманитарной помощи гражданскому населению, пострадавшему в результате обострения конфликта в Южной Осетии (Грузия)» от 11.08.2008 г. № 1089-р; «О выделении средств для оказания помощи пострадавшим и семьям лиц, погибших в результате дорожно-транс-

портного происшествия в Сумской области» от 05.02.2014 г. № 59-р.

9. Приказ Министерства Здравоохранения «Об утверждении Положения о медико-психологической реабилитации спасателей аварийно-спасательных служб и лиц, пострадавших в результате чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера и Положения о центрах медико-психологической реабилитации» от 14.05.2001 г. № 180/115.

10. Ухвала Верховного суду Украины от 06.02.2002 г. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/rada/show/n0052700-02>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Слободянюк Павел Леонидович – судья Шевченковского районного суда г. Киева

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Slobodyanyuk Pavel Leonidovich – Judging Shevchenko District Court in Kiev

pavlo12061981@gmail.com

УДК 342.9

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Демьян СМЕРНИЦКИЙ,
кандидат юридических наук, заместитель директора
Государственного научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел Украины

АННОТАЦИЯ

В статье проводится исследование особенностей административно-правовых отношений в сфере научно-технической деятельности. Одной из основных особенностей административно-правовых отношений в сфере научно-технической деятельности является их четкое администрирование нормативно-правовыми и нормативными актами. В процессе исследования вопроса об особенностях административных правоотношений в сфере научно-технической деятельности по содержательному составу выделены основные группы административно-правовых норм, которые определяют принципы государственного управления, регламентируют права и свободы граждан, определяют правовой статус научно-исследовательских учреждений, порядок осуществления контрольно-надзорных функций, а также проведение научных исследований и научно-технических разработок, производства соответствующей научно-технической продукции, внедрение результатов исследований в общественную жизнь. Отмечено, что административно-правовые отношения в сфере научно-технической деятельности – это система внешних и внутренних отношений, которые регламентируются административно-правовыми нормами, которые возникают в процессе государственного управления между органами государственной власти и субъектами, которые осуществляют научно-техническую деятельность (научно-исследовательские учреждения, предприятия, учреждения высшего образования и др.).

Ключевые слова: научно-техническая деятельность, административно-правовые отношения, правовые нормы.

FEATURES OF ADMINISTRATIVE-LEGAL RELATIONS IN THE FIELD OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL ACTIVITIES

Demian SMERNITSKIY,
Candidate of Law Sciences,
Deputy Director of the State Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine

SUMMARY

The article deals with the peculiarities of administrative and legal relations in the field of scientific and technical activities. One of the main features of administrative and legal relations in the field of scientific and technical activities is their clear administration of normative and legal and regulatory acts. Investigating the issue of the peculiarities of administrative legal relations in the field of scientific and technical activities, the main groups of administrative and legal norms defining the principles and basic principles of state administration, regulating the rights and freedoms of citizens, defining the legal status of research institutions, the procedure for the implementation of control-supervisory functions, as well as on conducting scientific research and scientific and technical developments, production of the corresponding scientific and technical products, the implementation of the results of research in public life. It is noted that the administrative-legal relations in the field of scientific and technical activity is a system of external and internal relations, which are regulated by the administrative and legal norms that arise in the process of state administration between state authorities and management and subjects carrying out scientific and technical activities (research institutions, enterprises, institutions of higher education, etc.).

Key words: scientific and technical activity, administrative-legal relations, legal norms.

Постановка проблемы. Научно-техническая деятельность имеет свои определенные особенности по ее организации и порядке выполнения научных исследований и научно-технических разработок, а также внедрению результатов этой деятельности в общественную жизнь. Бесспорно указанные особенности закрепляются в нормативно-правовых и нормативных актах. Поэтому исследование особенностей административно-правовых отношений в сфере научно-технической деятельности является крайне важным для дальнейшего совершенствования орга-

низации и проведения научно-исследовательских работ и опытно-конструкторских работ, а также дальнейшего эффективного внедрения новых технических решений и технологий в производство соответствующей продукции.

Актуальность темы исследования подтверждается состоянием нераскрытости темы особенностей административно-правовых отношений в сфере научно-технической деятельности.

Состояние исследования. Научные исследования относительно административно-правовых отношений про-

водились многочисленными учеными, среди которых Ю. П. Битяк, В. М. Гарашук, В. К. Колпаков, Ю. М. Фролов, С. И. Мандрик, Ю. Д. Кучинский, С. М. Алферов, М. Русин, В. Г. Фатхудинов и др.

Целью и задачей статьи является исследование особенностей административно-правовых отношений в сфере научно-технической деятельности.

Изложение основного материала. Ю. П. Битяк определяет административно-правовые отношения как общественные отношения в сфере государственного управления, участники которых

выступают носителями прав и обязанностей, урегулированных нормами административного права [1, с. 50].

С. И. Мандрик отмечает, что административно-правовые отношения в деятельности высших учебных заведений (далее – ВУЗ) могут возникать как во время их внешней, так и внутреннеорганизационной деятельности [2, с. 7; 3, с. 89]. Это полностью относится к научно-технической деятельности в целом и к функционированию научно-технических учреждений. Кроме того, Ю. Фролов концентрирует внимание на том, что детальное определение степени административно-правового регулирования деятельности вуза предусматривает четкое разграничение административных и других отношений, возникающих в сфере высшего образования, ведь наряду с административными в этой сфере возникают также гражданские, хозяйственные, трудовые, финансовые и другие виды правоотношений [3, с. 89]. В сфере научно-технической деятельности также наряду с административными возникают другие правовые отношения (информационные, гражданские, хозяйственные, трудовые, финансовые, международные и др.).

Итак, административно-правовые отношения в сфере научно-технической деятельности – это система внешних и внутренних отношений, которые регламентируются административно-правовыми нормами, которые возникают в процессе государственного управления между органами государственной власти и субъектами, осуществляющими научно-техническую деятельность (научно-исследовательские учреждения, предприятия, учреждения высшего образования и др.).

В. К. Колпаков в своих исследованиях приходит к мысли, что административные правоотношения следует объединить в четыре типа: 1) отношения публичного управления; 2) отношения административных услуг; 3) отношения ответственности публичной администрации за неправомерные действия или бездействие; 4) отношения ответственности за нарушение установленного порядка и правил [4, с. 102]. Исследуя вопрос административных правоотношений в сфере использования военного имущества Ю. Д. Кучинский, отмечает, что подход

В. К. Колпакова заслуживает внимания, однако учитывая предметную особенность сферы использования военного имущества предлагает выделить такие виды правоотношений: 1) правоотношения по осуществлению управления использованием военного имущества; 2) правоотношения по организации непосредственного использования военного имущества; 3) правоотношения по применению административной ответственности за нарушение режима использования военного имущества [5, с. 79]. Поскольку сфера разработки, изготовления и использования военного имущества является соответствующим сегментом научно-технической деятельности, с автором можно согласиться, но приведенные виды административных правоотношений являются специфическими и характерны только для сферы использования военного имущества. Общее разделение административных правоотношений на определенные типы, предложенное В. К. Колпаковым, присуще любой сфере общественной жизни, в том числе и сфере научно-технической деятельности как комплексной сфере организации и обеспечения функционирования научных учреждений и проведения научных исследований и научно-технических разработок.

Проводя параллель с определенными А. В. Червяковой тремя основными факторами административных отношений в отношениях с участием вузов, обуславливающими их особое место в общей системе правоотношений [6, с. 6–7; 3, с. 92], и вполне соглашаясь с мнением ученого, приведем основные факторы административных правоотношений, присущие научно-технической деятельности:

- общая организация работы и управление научными учреждениями являются преимущественно сферой управленческой деятельности и объектом регулирующего воздействия административно-правовых норм;

- организация научно-исследовательской деятельности (проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, изготовление опытных образцов научно-технической продукции, их испытания, внедрение результатов научно-технической деятельности в производство и др.) является преимущественно сферой управ-

ленческой деятельности и объектом регулирующего влияния административно-правовых норм;

- организация технического регулирования по безопасности, качеству и экологичности технических разработок и деятельности предприятий по соблюдению норм, установленных в технических регламентах и национальных стандартах Украины, является преимущественно сферой управленческой деятельности и объектом регулирующего воздействия административно-правовых норм;

- для научных учреждений административная правосубъектность имеет первичный характер – ее возникновение, то есть создание научно-исследовательских учреждений, является предпосылкой для вступления в гражданско-правовую, финансовую и другие виды правосубъектности;

- к сфере регулирования административного права относятся не только управленческие отношения, но и определенные отношения в области землепользования, финансов, образования, культуры, информации, общественного порядка и тому подобное.

А. Денисенко в своих исследованиях, на наш взгляд, определил общие особенности административных правоотношений, которые могут касаться различных сфер общественной жизни [7, с. 105–106]. Раскрытие определенных общих особенностей административных правоотношений конкретной сферы общественной жизни показывает специфическую природу именно этих правоотношений и сферы, которую они характеризуют.

Итак, соглашаясь с мнением А. Денисенко, к общим особенностям административных правоотношений в сфере научно-технической деятельности следует отнести:

- разновидность административных правоотношений, которая имеет присущие только ей особенности;

- специфическую правовую базу;
- особый присущий данной сфере субъектный состав;

- особый объект и содержание;
- особый характер возникновения, изменения и прекращения;

- наличие и в определенных случаях отсутствие государственного принуждения при реализации этих правоотношений;

- определенные стадии развития;
- динамический характер.

Попробуем раскрыть и предоставить соответствующую характеристику определенным особенностям административных правоотношений в сфере научно-технической деятельности.

Административно-правовые отношения, отмечает С. М. Алферов, имеют схожие признаки, присущие всем правоотношениям, а особенностью, отличающей их от других правоотношений, является исполнительно-распорядительный характер [8, с. 33]. Конечно, административно-правовые отношения сферы научно-технической деятельности также имеют исполнительно-распорядительный характер, а особенностью, выделяющей их из числа административных правоотношений, является наличие особых, присущих только им субъектного состава, объекта и содержания. Также особенность правоотношений состоит в их задании – организации научно-технической деятельности, в том числе, создании и надлежащем функционировании научно-исследовательских учреждений, проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, в цели – получении новых результатов научно-технических исследований, в реализации – внедрении результатов научно-технической деятельности в общественную жизнь.

Специфика правовой базы, которая регулирует административно-правовые отношения по организации научно-технической деятельности, заключается в большом многообразии нормативных актов, регулирующих определенные сегменты этой деятельности, а именно: научную деятельность, научно-педагогическую и научно-организационную деятельность, проведение фундаментальных и прикладных исследований, проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ, изготовления опытных образцов и тому подобное.

Основной особенностью правовой базы, регулирующей административно-правовые отношения научно-технической деятельности, являются присущие только этой сфере нормативно-правовые акты, как технические регламенты, в которых закреплены технические параметры относительно научно-технической продукции

и производственных процессов, а также нормативные акты – национальные стандарты Украины, стандарты организации Украины, технические условия и тому подобное.

Особый присущий административным правоотношениям в сфере научно-технической деятельности субъектный состав состоит из: общих субъектов государственного регулирования (Верховная Рада Украины, Президент Украины, Кабинет министров Украины, органы исполнительной власти, органов местного самоуправления), Министерства образования и науки Украины, Министерства экономического развития и торговли Украины, Национальной академии наук Украины, отраслевых национальных академий наук Украины, центральных органов исполнительной власти, которые организуют в определенных отраслях промышленного производства научно-техническую деятельность, научно-исследовательских учреждений, научных и научно-педагогических работников.

И. Литвин объект административных правоотношений в сфере предоставления образовательных услуг делит на статические и динамические составляющие, а также основной (непосредственный) и дополнительный (соприкасающийся) [9, с. 117].

Так, объект административных правоотношений научно-технической деятельности с учетом определений, приведенных в ст. 1 Закона Украины «О научной и научно-технической деятельности» [10], делится на:

1) основной (непосредственный): научная (научно-техническая) работа (динамический); научная (научно-техническая) продукция (статический); научный результат (статический); научно-технический (прикладной) результат (статический);

2) дополнительный (вспомогательный, без которого не может быть реализован основной объект): техническое регулирование качества и безопасности продукции; информационное обеспечение; правовое обеспечение; образовательное обеспечение; внедрение научной (научно-технической) продукции в общественное пользование.

В нашем же случае объект административно-правовых отношений сферы научно-технической деятельности имеет комплексные характеристики и ему

присущи как статические и динамические, материальные и нематериальные характеристики.

Рассматривая особый смысл административно-правовых отношений научно-технической деятельности, приведем ряд мнений ученых по этому поводу.

А. М. Горбач отмечает, что, по мнению большинства ученых-административистов, основными элементами понятия «содержание административного правоотношения» являются такие категории, как «субъективные права» и «юридические обязанности» [11, с. 92].

В. Фатхутдинов в своей научной публикации [12, с. 130] приводит определение субъективного права и юридической обязанности. Субъективное право – это вид и мера возможного поведения субъектов, которое обеспечивается государством [13], а юридическая обязанность – мера необходимого и должного поведения, что является гарантией реализации субъектами предоставленных им прав [14, с. 167].

В соответствии со ст.ст. 41, 43 и 54 Конституции Украины [15] граждане имеют субъективное право на труд, научно-техническую творческую деятельность, а также на объекты интеллектуальной собственности, созданные в процессе научно-технических исследований и разработок, и это право регулируется нормативно-правовыми актами в сфере научно-технической деятельности. Но, кроме того, государство системой обязанностей определяет целесообразный, социально полезный и необходимый вариант поведения субъектов с целью обеспечения надлежащего функционирования сферы научно-технической деятельности, устанавливая определенные формы запретов, и выполнение активных обязанностей, которые существуют как обязательства. В научно-технической сфере это работа в режимных ограничениях, выполнение лицензионных требований при разработке специальных технических средств и тому подобное.

А. Денисенко утверждает, что правоотношения возникают, изменяются и прекращаются в соответствии с отдельными правовыми нормами, которые влияют на поведение людей и реализуются через него [7, с. 107].

Поскольку, как мы отметили выше, объект административно-правовых отношений сферы научно-технической деятельности имеет комплексные характеристики, то и сами правоотношения имеют комплексный характер и возникают, изменяются и прекращаются в соответствии с рядом нормативно-правовых актов, регулирующих отдельные направления научно-технической деятельности: проведение научных исследований, техническое регулирование, испытания опытных образцов изделий.

Как отмечает З. Р. Кисиль, для сферы исполнительной и распорядительной деятельности наиболее типичны правовые акты органов исполнительной власти (должностных лиц), которые имеют нормативный или индивидуальный характер [16, с. 53]. В сфере научно-технической деятельности такими актами выступают приказы, которыми утверждают положение о порядке проведения работ, испытаний, назначение руководителей и исполнителей работ, соответствующих поручений (приказов) подчиненным научно-исследовательским учреждениям относительно проведения исследований и разработки технических средств и тому подобное.

Ю. М. Фролов отмечает, что «в отличие от традиционных административно-правовых отношений «по вертикали», в современных условиях развития рыночных отношений, все большее развитие приобретают отношения «по горизонтали» между органами государственной власти и другими субъектами, в которых они становятся равноправными сторонами управленческой деятельности и, помимо традиционного властного характера, могут иметь и определенные признаки партнерства» [17, с. 235].

Наличие и в определенных случаях отсутствие государственного принуждения при реализации правоотношений вполне соответствует современным тенденциям в сфере административных правоотношений научно-технической деятельности. Развивается организационная составляющая, на базе международных стандартов ISO 9000 вводятся системы управления качеством, которые определенным образом замещают чисто административный подход к регулированию соответствующей сферы общественных отношений

административно-партнерским, который воплощает в себе традиционно административную составляющую и добровольное сотрудничество субъектов с администрацией (органами исполнительной власти) на взаимовыгодных условиях и заинтересованности субъектов административно-правовых отношений научно-технической деятельности. Итак, административно-правовые отношения научно-технической деятельности имеют динамичный характер и характеризуются определенными стадиями развития.

Выводы. Основной спецификой административно-правовых отношений научно-технической деятельности является ее детальная регламентация нормативно-правовыми актами (законами, подзаконными актами, техническими регламентами) и нормативными актами (национальными стандартами Украины, техническим условием и т.п.), которые четко регламентируют каждый этап научно-технической деятельности.

Список использованной литературы:

1. Адміністративне право України : Підручник / Ю. П. Битяк, В. М. Гарашук, О. В. Дьяченко та ін.; За ред. Ю. П. Битяка. Київ : Юрінком Інтер, 2007. 544 с.
2. Мандрик С. І. Поняття та види адміністративно-правових відносин, які виникають під час діяльності вищих навчальних закладів МВС України. *Вісник Харківського нац. ун-ту внутрішніх справ*. 2009. № 4 (47). 7 с. URL: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/vkhnuvs/2009_47/47/26.pdf.
3. Фролов Ю. Особливості адміністративних правовідносин у сфері вищої освіти за участі вищих навчальних закладів. *Публічне право*. 2013. № 4 (12). С. 87–95.
4. Колпаков В. К. Адміністративно-правові відносини: поняття та види. *Юридичний науковий електронний журнал*. 2013. № 1. С. 101–104.
5. Кучинський Ю. Д. Адміністративні правовідносини у сфері використання військового майна: поняття, види, особливості. *Юридичний вісник*. 2017. № 2 (43). С. 77–81.
6. Червякова О. В. Організаційно-правові аспекти управління вищим навчальним закладом МВС України :

автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.07 «Теорія управління; адміністративне право і процес; фінансове право» ; Національний університет внутрішніх справ. Харків, 2002. 17 с.

7. Денисенко А. Особливості адміністративних правовідносин з організації громадського контролю у сфері державного управління. *Підприємництво, господарство і право*. 2016. № 2. С. 105–109.

8. Алфьоров С. М. Адміністративне право України. Загальна частина. Київ : Центр учбової літератури, 2011. 216 с.

9. Литвин І. Об'єкти адміністративно-правових відносин у сфері надання освітніх послуг. *Підприємництво, господарство і право*. 2016. № 6. С. 114–118. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Pgip_2016_6_24.

10. Про наукову і науково-технічну діяльність : Закон України від 26 листопада 2015 р. № 848-VIII. *Відомості Верховної Ради*. 2016. № 3. Ст. 25.

11. Горбач А. М. Зміст адміністративно-правових відносин: теорія і практика. *Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія ПРАВО*. 2017. Випуск 43. Том 3. С. 91–96.

12. Фатхутдінов В. Г. Поняття суб'єктів, об'єктів та змісту адміністративно-правових відносин у сфері громадської безпеки. *Держава та регіони. Серія: Право*. 2018. № 1 (59). С. 127–132.

13. Теорія держави та права : підручник за вимогами кредитно-модульної системи навчання / Є. О. Гіда, Є. В. Білозьоров, А. М. Завальний та ін.; за заг. ред. Є. О. Гіди. Київ : Ліпкан О.С., 2011. 576 с.

14. Теорія держави і права. Академічний курс: підручник / за ред. О. В. Зайчука, Н. М. Оніщенко. Київ : Юрінком Інтер, 2006. 688 с.

15. Конституція України: прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 р. *Відомості Верховної Ради України*. 1996. № 30. Ст. 141.

16. Кісіль З. Р. Адміністративне право : навчальний посібник / З. Р. Кісіль, Р. В. Кісіль. 3-тє вид. Київ : ЦУЛ, 2011. 696 с.

17. Фролов Ю. М. Особливості адміністративно-правових відносин у сучасних умовах. *Порівняльно-аналітичне право*. 2018. № 1. С. 234–236.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смерницкий Демьян Викторович – кандидат юридических наук, заместитель директора Государственного научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smernitskiy Demian Viktorovich – Candidate of Law Sciences, Deputy Director of the State Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine

sdv2@ukr.net

УДК 658.00.342.51

ДОКТРИНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛНОМОЧИЙ СУБЪЕКТОВ СОЗДАНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ КАК НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ СУБЪЕКТОВ ПУБЛИЧНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Оксана СТРЕЛЬЧЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры публичного управления и администрирования
Национальной академии внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье осуществлена основательная характеристика полномочий непосредственных субъектов создания лекарственных средств с момента обоснования идеи по его созданию до момента реализации соответствующего лекарственного средства. Вместе с тем в статье выделены и сгруппированы субъекты создания лекарственных средств.

Ключевые слова: лекарственное средство, субъект создания, полномочия, функции, регистрация, создание, стандартизация, сертификация, контроль, клиническое испытание.

DOCTRINAL CHARACTERISTIC OF THE AUTHORITIES OF THE SUBJECTS OF THE CREATION OF MEDICINES AS DIRECT SUBJECTS OF PUBLIC ADMINISTRATION

Oksana STRELCHENKO,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor
at the Department of Public and Administrative Management
of National Academy of Internal Affairs

SUMMARY

The article provides a thorough description of the powers of the direct subjects of the creation of medicines from the moment of substantiation of the idea of its creation until the moment of implementation of the corresponding medicinal product. However, in the article the subjects of the creation of medical products are isolated and grouped.

Key words: medicinal product, subject of creation, powers, functions, registration, creation, standardization, certification, control, clinical trial.

Постановка проблемы. На сегодняшний день создание лекарственных средств является весьма важной сферой публичного администрирования, благодаря которой обеспечивается здоровье граждан Украины и всей нации в целом. Наличие большого количества субъектов, разделение на конкурентные сегменты отечественных и зарубежных производителей, диверсификация закупок являются объективными факторами значительной конкуренции на отечественном фармацевтическом рынке.

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что современная сфера обращения лекарственных средств в Украине имеет систему взаимосвязанных и взаимозависимых

субъектов и объектов по созданию производства, распределения, потребления лекарственных средств и факторов, влияющих на эти процессы, и является малоисследованной. Поэтому вопросы совершенствования деятельности субъектов создания лекарственных средств являются актуальным, учитывая нынешнюю ситуацию на фармацевтическом рынке.

Состояние исследования. Научный анализ субъектов создания лекарственных средств осуществляется многими отечественными учеными. Среди них следует назвать: В. Л. Багирова, А. В. Баева, Н. А. Ветютнева, Н. В. Волк, С. Г. Убогов, В. В. Кузьменко, В. К. Колпаков, Г. Г. Пилипенко, А. Е. Лоскутова,

А. А. Максимкина, В. М. Пашков, А. П. Радченко, М. В. Римар, А. Г. Стрельченко, Л. А. Федорова и др. В то же время проблеме создания лекарственных средств уделено недостаточно внимания, что, в свою очередь, свидетельствует о своевременности и важности темы научной статьи.

Целью и задачей статьи является основательная характеристика стадий создания лекарственных средств и выделение субъектов создания относительно осуществляемых ими полномочий.

Изложение основного материала. Соответственно, считаем целесообразным осуществить основательную характеристику субъектов создания лекарственных средств.

Основным субъектом создания лекарственных средств является Министерство здравоохранения Украины.

Так, Министерство здравоохранения Украины, в соответствии с возложенными на него задачами в сфере создания, производства, контроля качества и реализации лекарственных средств, медицинских иммунобиологических препаратов и медицинских изделий, утверждает показатели качества и безопасности лекарственных средств, требования и условия проведения производственного контроля по качеству исследований доклинического изучения лекарственных средств и программы клинических испытаний лекарственных средств, вспомогательных веществ, лекарственного растительного сырья, лечебной косметики, иммунобиологических препаратов, биоматериалов, медицинской техники и других изделий медицинского назначения, а также утверждает порядки предоставления одноразового разрешения на ввоз на таможенную территорию Украины незарегистрированных лекарственных средств, стандартных образцов, реагентов, ввоз и вывоз образцов биологического материала и сопутствующих материалов, предназначенных для проведения доклинических, клинических испытаний и научных исследований, проведение экспертиз материалов доклинического изучения лекарственных средств, экспертизы регистрационных материалов на лекарственные средства, которые подаются на государственную регистрацию (перерегистрацию) и т.д. [1].

Национальная служба здоровья Украины также является субъектом, который наделен полномочиями по созданию лекарственных средств. Так, основными задачами службы по созданию лекарственных средств являются: реализация государственной политики в сфере государственных финансовых гарантий медицинского обслуживания населения по программе государственных гарантий медицинского обслуживания населения (программа медицинских гарантий); выполнение функций заказчика медицинских услуг и лекарственных средств по программе медицинских гарантий и тому подобное. Она также обладает задачами по реализации полномочий по созданию лекарственных средств, а именно: обобщает практику применения законодательства по вопросам о создании лекарственных средств, относящихся к ее компетенции, разрабатывает предложения по совершенствованию законодательных актов, актов Президента Украины, Кабинета Министров Украины, нормативно-правовых актов министерств и в установленном порядке вносит их на рассмотрение Министра здравоохранения; проводит мониторинг, анализ и прогнозирование потребностей населения Украины в медицинских услугах и лекарственных средствах; заключает, изменяет и прекращает договоры о медицинском обслуживании населения и договора о реимбурсации и т.д. [2].

Специально уполномоченным органом по вопросам создания лекарственных средств является Государственная служба по лекарственным средствам и контролю за наркотиками, основными задачами в сфере создания которой являются: реализация государственной политики в сферах контроля качества и безопасности лекарственных средств, медицинских изделий и обращения наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, противодействия их незаконному обороту, а также внесение Министру здравоохранения предложений по формированию государственной политики в указанных сферах; лицензирование хозяйственной деятельности по производству лекарственных средств, импорта лекарственных средств (кроме активных фармацевтических ингредиентов), оптовой и розничной торговли лекарственными средствами, оборота

наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров; техническое регулирование в определенных сферах; осуществление государственного регулирования и контроля в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров и противодействия их незаконному обороту и т.д. [3].

Государственное предприятие «Центральная лаборатория по анализу качества лекарственных средств и медицинской продукции» является государственным унитарным коммерческим научно-экспертным предприятием, основанным на общегосударственной собственности, действует в сфере государственного контроля качества лекарственных средств в пределах, предусмотренных Законом Украины «О лекарственных средствах», а нормативно-правовыми актами подчинено в своей функциональной деятельности Государственной службе по лекарственным средствам и контролю за наркотиками.

Она является одной из лабораторий, которую Государственная служба по лекарственным средствам и контролю за наркотиками уполномочила на проведение независимого контроля качества и безопасности лекарственных средств в Украине, и единственной из лабораторий, которую Гослекслужба делегировала представлять Украину в Европейской сети официальных контрольных лабораторий по контролю качества лекарств в Европе (GEON). В качестве лаборатории, преквалифицированной ВОЗ, Центральная лаборатория по анализу качества лекарственных средств и медицинской продукции проводит анализ качества лекарственных средств для общественных организаций Украины (например, благотворительные организации и фонды: «БО «Всеукраинская сеть людей, живущих с ВИЧ/СПИД», МБФ «Международный Альянс по ВИЧ/СПИД в Украине»), для иностранных организаций (например, производители и дистрибьюторы Грузии: GMPHarmaceutical Ltd., JSC Tbilchempharma, Humanity Georgia JSM), принимает участие в совместных исследованиях стандартных образцов Международной фармакопей [4].

Государственное предприятие «Украинский научный фармакопейный центр качества лекарственных средств»

является ведущим научным учреждением Украины в области стандартизации и контроля качества лекарственных средств. На предприятии проводятся системные научные исследования фундаментального и прикладного характера. Так, стандарты качества, которые разрабатывает Государственное предприятие «Фармакопейный центр», является весомым вкладом в создание лекарственных средств и способствуют становлению нашей страны как лидера в этой сфере. Деятельность направлена на удовлетворение потребностей общества в эффективных, безопасных и качественных лекарственных средствах. Она заключается в содействии установлению в Украине европейских и других современных международных стандартов качества лекарственных средств и в интеграции в мировой фармацевтический рынок. Имеет хорошо развитую структуру, включающую Отдел Государственной Фармакопеи Украины, Отдел валидации и стандартных образцов, Лабораторию фармакопейного анализа, отдел экспертизы и оформления аналитически-нормативной документации (АНД), Сектор разработки и внедрения Программы профессионального тестирования, Сектор экспериментальной поддержки разработки монографий на лекарственное растительное сырье, а также поддерживающие хозяйственные и финансовые структуры и т.д. [5].

Следующим субъектом создания лекарственных средств в Украине является Государственное предприятие «Государственный экспертный центр Министерства здравоохранения Украины» как уполномоченное Министерством здравоохранения Украины специализированное экспертное учреждение в сфере доклинического изучения, клинических испытаний и государственной регистрации лекарственных средств (в том числе медицинских иммунобиологических препаратов) в пределах, определенных законами Украины «О лекарственных средствах» и «О защите населения от инфекционных болезней», которая также является главной организацией в сфере осуществления фармаконадзора, стандартизации медицинской помощи и медицинского, в том числе фармацевтического, обслуживания, включая разработку соответствующих

медико-технологических документов и проектов нормативных актов, основанной на государственной собственности и принадлежащей к сфере управления Министерства здравоохранения Украины [6].

Основными задачами Центра являются: обеспечение, эффективности, безопасности и качества лекарственных средств путем проведения всесторонней и объективной экспертизы регистрационных материалов в соответствии с требованиями национальных и международных стандартов с целью защиты рынка Украины от недоброкачественной продукции, подготовка проектов соответствующих нормативно-правовых актов, представление их на рассмотрение и утверждение уполномоченным государственным органам в порядке, предусмотренном законодательством; осуществление экспертизы материалов по разработке, изготовлению (производству), доклинического изучения и клинических испытаний лекарственных средств, а также контроля их качества или дополнительных испытаний и т.д. [6].

Для согласованного решения вопросов о результатах экспертиз, заключений экспертов и рекомендаций по проведению регистрации (перерегистрации) и/или изучения (испытаний) лекарственных средств образуется совещательный орган – Научно-экспертный совет в составе директора Центра, заместителей директора по должности, членов специализированных экспертных комиссий и других руководящих работников Центра. В состав Научно-экспертного совета могут входить (по их согласию) представители других организаций и учреждений [6].

Для согласованного решения вопросов о результатах экспертиз, заключений экспертов и рекомендаций по проведению регистрации субстанций (АФИ), перерегистрации лекарственных средств и/или изучения (испытаний) лекарственных средств, решения других вопросов, делегированных Научно-экспертным советом, внесения любых изменений в регистрационные документы, которые не влекут за собой новой регистрации лекарственных средств, создается Научно-технический совет Центра в составе директора Центра, заместителей директора по должности, членов специализированных экспертных комиссий и дру-

гих руководящих работников Центра. В состав Научно-технического совета могут входить (по их согласию) представители других организаций и учреждений [6].

Структурными подразделениями Государственного предприятия «Государственный экспертный центр Министерства здравоохранения Украины» являются Департамент экспертизы материалов доклинических и клинических испытаний и Департамент экспертизы регистрационных материалов.

Так, Департамент экспертизы материалов доклинических и клинических испытаний включает в себя следующие структурные подразделения: Отдел экспертизы материалов клинических испытаний, Отдел клинического аудита, Отдел экспертного сопровождения материалов клинических испытаний, Отдел экспертизы материалов для клинических испытаний, Сектор экспертизы и аудита доклинических испытаний, Сектор мониторинга побочных реакций, Сектор координации работы локальных комиссий по вопросам этики, которые работают при ЛПУ и др.

Главными целями деятельности структурного подразделения являются: экспертиза материалов клинических испытаний (протоколы, существенные поправки), анализ побочных реакций при проведении клинических испытаний лекарственных средств; контроль проведения клинических испытаний лекарственных средств в Украине в соответствии с нормативными требованиями; экспертиза материалов доклинических испытаний и их аудит, разработка нормативно-правовых документов в сфере клинических испытаний, внедрение международных требований в проведение клинических испытаний, доклинических исследований лекарственных средств [7].

Главными целями деятельности Департамента экспертизы регистрационных материалов, который тоже работает при Центре, являются: обеспечение проведения экспертных работ по государственной регистрации, перерегистрации лекарственных средств и внесении изменений в регистрационные материалы на протяжении действия регистрационного удостоверения, а также проведение экспертных работ на заказ заявителей для обеспечения рынка эффективными, безопас-

ными и качественными лекарственными средствами [8].

Соответственно, основными задачами Департамента являются: обеспечение организационного и технического сопровождения экспертных работ, проводимых Центром с целью составления мотивированных выводов относительно эффективности, безопасности и качества лекарственных средств и рекомендаций к государственной регистрации (перерегистрации) рекомендаций об отказе в государственной регистрации (перерегистрации) выводов о внесении изменений в материалы регистрационного досье или новой регистрации лекарственных средств в установленном порядке; рекомендаций об отказе во внесении изменений в материалы регистрационного досье в течение действия регистрационного удостоверения на лекарственное средство; экспертиза регистрационных материалов медицинских иммунобиологических препаратов с целью составления мотивированных выводов относительно эффективности, безопасности и качества и рекомендаций к государственной регистрации (перерегистрации), рекомендаций об отказе в государственной регистрации (перерегистрации), выводов о внесении изменений в материалы регистрационного досье или новой регистрации в установленном порядке; рекомендаций об отказе во внесении изменений в материалы регистрационного досье в течение действия регистрационного удостоверения; экспертиза материалов по исследованиям эквивалентности лекарственных средств; экспертиза материалов по исследованиям биодоступности [7].

В структуру Департамента входят такие подразделения, осуществляющие деятельность по созданию лекарственных средств: Управление экспертной работы (Отдел экспертизы лекарственных средств по полному досье, Отдел экспертизы генерических лекарственных средств, Отдел экспертизы традиционных и других лекарственных средств); Управление экспертизы инструкций и номенклатуры (Отдел инструкций на традиционные и другие лекарственные средства, Отдел инструкций на препараты по полному досье, Отдел инструкций на генерические лекарственные сред-

ства); Отдел экспертизы препаратов крови и вакцин и др.

Так, задачами Управления экспертной работы являются: обеспечение организационного и технического сопровождения экспертных работ по регистрации, перерегистрации лекарственных средств, внесение изменений в регистрационные материалы на протяжении действия регистрационного удостоверения; проведение первичной и предварительной экспертизы материалов на лекарственные средства, представленные в целях государственной регистрации, перерегистрации лекарственных средств и внесении изменений в регистрационные материалы на протяжении действия регистрационного удостоверения; координация взаимодействия отделов, входящих в структуру Управления.

Соответственно, целями Управления экспертной работы по созданию лекарственных средств являются организация технического сопровождения экспертных работ по регистрации (перерегистрации) лекарственных средств, внесение изменений в регистрационные материалы на протяжении действия регистрационного удостоверения; участие в подготовке проектов повестки дня заседаний Научно-экспертного совета, Научно-технического совета Центра и Квалификационной комиссии Центра и т.п. [8].

Главной целью деятельности Управления экспертизы инструкций и номенклатуры является обеспечение проведения экспертных работ материалов по медицинскому применению лекарственных средств согласно принципам доказательной медицины для обеспечения правильного и безопасного их применения в медицинской практике. Соответственно, его основными задачами являются: обеспечение организационного и технического сопровождения экспертных работ по экспертизе инструкций по медицинскому применению лекарственных средств при регистрации, перерегистрации лекарственных средств, внесение изменений в регистрационные материалы на протяжении действия регистрационного удостоверения.

Главными задачами Отдела экспертизы препаратов крови и вакцин в качестве структурного подразделения Департамента экспертизы реги-

страционных материалов являются: обеспечение организационного и технического сопровождения экспертных работ по регистрации, перерегистрации вакцин и иммунологических лекарственных средств, внесение изменений в регистрационные материалы на протяжении действия регистрационного удостоверения; принятие участия в подготовке проектов повестки дня заседаний Техничко-экспертной комиссии, Научно-технического совета и Научно-экспертного совета Государственного предприятия «Государственный экспертный центр МЗ Украины»; предоставление консультаций заявителям по вопросам процедуры государственной регистрации, перерегистрации вакцин и иммунологических лекарственных средств, а также внесение изменений в регистрационные материалы на протяжении действия регистрационного удостоверения; принятие участия в приведении нормативных документов Украины по вопросам государственной регистрации, перерегистрации лекарственных средств, а также внесение изменений в регистрационные материалы на протяжении действия регистрационного удостоверения с нормативными документами ЕС.

Немаловажным субъектом создания лекарственных средств является Экспертный комитет по отбору и использованию основных лекарственных средств как постоянно действующий совещательный орган, который создается Министерством здравоохранения Украины для оценки сравнительной эффективности (результативности), безопасности и экономической целесообразности лекарственных средств с целью их включения в Национальный перечень основных лекарственных средств как важная составляющая создания лекарственных средств. Рабочей целью его является осуществление прозрачного отбора лекарственных средств, к которым относятся качественные, эффективные, безопасные лекарственные средства с самыми высокими показателями экономической целесообразности, необходимыми для обеспечения первоочередных нужд в медицинской помощи населению в учреждениях здравоохранения для лечения за счет средств государственного и местных бюджетов. Он также

определяет приоритетные патологические состояния, инициирует внесение изменений в Национальный перечень и т.д. [9].

Следующим важным субъектом создания лекарственных средств является Комитет по вопросам гигиенического регламентирования Министерства здравоохранения Украины, который проводит государственную регистрацию опасных факторов, создает и ведет соответствующую информационную базу данных по вопросам гигиенического регламентирования и государственной регистрации опасных факторов. Он также реализует функцию национального органа по вопросам гигиенического регламентирования и государственной регистрации опасных факторов, который осуществляет международную деятельность по этим вопросам. Указанный Комитет с целью профилактики вредного воздействия опасных факторов на здоровье человека и окружающую среду вводит Государственный реестр опасных факторов, который создается поэтапно, и т.д. [10].

Целесообразно отметить и то, что в свете проведения грандиозных реформ в сфере здравоохранения Министерством здравоохранения Украины создан ряд субъектов, которые регулируют также создание лекарственных средств в Украине. К ним отнесены: Государственное предприятие «Научный центр превентивной токсикологии, пищевой и химической безопасности имени академика Л. И. Медведя Министерства здравоохранения Украины», Государственное предприятие «Государственный научно-исследовательский центр по проблемам гигиены питания Министерства здравоохранения Украины», Государственное учреждение «Украинский институт стратегических исследований Министерства здравоохранения Украины» и другие.

Выводы. Необходимо отметить то, что ни на законодательном, ни на научном уровне не определен абсолютный перечень субъектов создания лекарственных средств. Именно поэтому назрела необходимость в группировании данных субъектов в соответствующую иерархическую систему.

Список использованной литературы:

1. Положення про Міністерство охорони здоров'я України : Постанова Кабінету Міністрів України від 25 берез. 2015 р. № 267. *Офіційний вісник України*. 2015. № 38. Ст. 86.

2. Положення про Національну службу здоров'я України : Постанова Кабінету Міністрів України від 27 грудня 2017 р. № 11. URL: <https://www.kmu.gov.ua/ua/npas/pro-utvorennya-nacionalnoyi-sluzhbi-zdorovya>.

3. Про затвердження Положення про Державну службу України з лікарських засобів та контролю за наркотиками : Постанова Кабінету Міністрів України від 12 серпня 2015 р. № 647.

4. Державне підприємство «Центральна лабораторія з аналізу якості лікарських засобів і медичної продукції». URL: <http://www.diklz.gov.ua/control/main/uk/publish/article/1022701>

5. Про затвердження Статуту Державного підприємства «Науково-експертний фармакопейний центр» : Наказ Міністерства охорони здоров'я України, Державного Департаменту з контролю за якістю, безпекою та виробництвом лікарських засобів і виробів медичного призначення № 90 від 28 груд. 2000 р. *Еженедельник Аптека*. 2001. № 13.

6. Статут державного підприємства «Державний експертний центр Міністерства охорони здоров'я України» : Наказ Міністерства охорони здоров'я України від 25.06.2018 р. № 1199.

7. Про Департамент експертизи матеріалів доклінічних та клінічних випробувань. URL: <http://www.dec.gov.ua/index.php/ua/departament-ekspertizi-reestratsijnikh-materialiv>.

8. Про Департаменту експертизи реєстраційних матеріалів. URL: <http://www.dec.gov.ua/index.php/ua/departament-ekspertizi-reestratsijnikh-materialiv>.

9. Положення про експертний комітет з відбору та використання основних лікарських засобів : Наказ Міністерства охорони здоров'я України 11.02.2016 р. № 84.

10. Про затвердження Положення про гігієнічну регламентацію та державну реєстрацію небезпечних факторів : Постанова Кабінету Міністрів України від 13 червня 1995 р. № 420.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стрельченко Оксана Григорьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публичного управления и администрирования Национальной академии внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Strelchenko Oksana Grigorievna – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Public and Administrative Management of National Academy of Internal Affairs

strel1977@ukr.net

UDC 35.078.3(075.8)

PECULIAR FEATURES OF REGULATING THE STAGES OF INFORMATION ACTIVITY OF COMMERCIAL COURT IN UKRAINE

Natalia SUGONYAKO,

Judge Assistant at the Commercial Court of Sumy Region,
Postgraduate Student of Academic and Research Institute of Law
of Sumy State University

SUMMARY

The article presents the results of the analysis of Ukrainian legislative instruments regarding differentiation of information activity stages carried out by the commercial court. To make the research objective and well-arranged, information activity of the commercial court was classified in the middle of every stage according to different criteria, including the following: functions performed by the court, relation of information to court proceedings; confidentiality; time, etc. The analysis showed the difference in staged of information activity with procedural and non-procedural information.

Key words: information, information activity, stages of information activity, service documents, non-service documents, objects of information activity.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТАПОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО СУДА В УКРАИНЕ

Наталья СУГОНЯКО,

помощник судьи Хозяйственного суда Сумской области,
аспирант Учебно-научного института права
Сумского государственного университета

АННОТАЦИЯ

В данной статье отражаются результаты анализа нормативных актов Украины, а также результаты выделения этапов информационной деятельности хозяйственного суда. Для объективности исследования и его упорядочения осуществлена классификация информационной деятельности хозяйственного суда в зависимости от различных критериев. В частности, применены следующие критерии: выполняемые судом функции; отнесение информации к судебному процессу; конфиденциальность; время и др. В ходе анализа выявлена разница в правовом регулировании на разных этапах информационной деятельности в работе с процессуальной и непроцессуальной информацией.

Ключевые слова: информация, информационная деятельность, этапы информационной деятельности, процессуальные документы, непроцессуальные документы, объекты информационной деятельности.

Statement of the problem. According to the provisions of the laws currently in effect, information activity of court consists of several stages, including collection, creation, use, disposal and storing. Each stage includes certain types of activity that are clearly regulated by legal acts and bylaws. Regulation of this activity includes definition of rights and liabilities of parties that work with a specific information object as well as restrictions and special treatment of special information objects. As of now certain problems have appeared in connection with legal regulation of the information activity of commercial courts in Ukraine and require research and scientific solution.

Status of research. Nowadays individual problems of legal regulation of information activity have been studied in the works of I. V. Aristova, I. L. Bachil, K. I. Bielyakov, L. P. Kova-

lenko, O. V. Synieokyi, A. I. Marushchak, V. S. Tsybaliuk, M. Ya. Shvets, O. I. Iarenko, etc. The issues of peculiar features and characteristics of information activity at commercial courts have hardly been dealt with in the research of any legal experts.

The object and purpose of the article. The article aims at defining and describing the stages of information activity at commercial courts. To achieve this objective the Ukrainian legislation framework materials were used. The provisions of legal acts, bylaws and local law-creating instruments were analyzed as those that regulate the information activity of commercial courts in Ukraine. The methods of analysis and synthesis, comparison, and concretization were also used while preparing this article.

Presentation of the main material. Legislative acts and bylaws in Ukraine do not establish any obligatory stage of infor-

mation activity for the parties of information relations. Analyzing the legislation instruments that regulate the information activity of courts, it can be found out that certain stages can be seen clearly in legislation acts, bylaws and local law-creating instruments, which regulate the administration of justice, records management, documentation of administration work, and archive-keeping at Ukrainian courts. Based on the provisions of Ukrainian legislation acts, stages of information activity can be defined as a certain sequence of the components in the activity of the parties of information relations. *Stages of information activity* of commercial court include collection, creation, use (disposal) and storing. Information activity can consist of different variations of these stages, namely collection, storing, processing, changing (creation of new information based on the collected one), disposal, etc.

The stages of information activity can be divided depending on the function of the commercial court. For instance, if the commercial court performs the *function of justice*, its information activity usually includes the following stages: collection (record of legal cases and complaints about holdings of the court); use (transfer of documents for legal cases and service documents for consideration, creation and preparation of a legal case, accept and record of material evidence, provision of cases for familiarization, issuance of document copies, sending of cases outside court); creation (proceedings in the case, judicial decisions, decrees and resolutions); storing (appraisal, execution of cases and their transfer to archives, preparation of inventory, keeping of cases in archives, provision of cases and documents from court archives, transfer of cases for state keeping at archive institutions, transfer of cases and documents to electronic archives) [1].

If the commercial court runs information activity with view of performing the *administrative function* of court, the legislation acts regulate the following stages: collection (accept, registration); use (allocation, transfer for execution, assignment); creation (fulfillment of assignments, preparation of organizational and administrative assignments, fulfillment control); provision of information (registration and sending outbound documents, answers to questions concerning information); storing (operative storing of information, appraisal of information, preparation and transfer to court archives, preparation and transfer of hard and digital copies of information to electronic archives, transfer of information for state storing) [2; 6].

Types of information activity of the commercial courts also depend on the kinds of documents that record information activity objects. These kinds include information activity connected with service and non-service documents. The use of *service documents* and information containing therein is regulated by procedural legislation [1]. The stages of information activity of courts regarding work with *non-service documents* are regulated by the legislation acts that regulate the information activity of governmental bodies and local government authorities, other institutions, enterprises and organizations.

When comparing the information activity both for the function of justice and the function of administration, the stages of information activity of the commercial court are similar at the stages of collecting, provision and storing of information. At the same time they are different at the stages of using and creation of information. The difference in the information activity intended to ensure justice and to perform the administrative activity of the court can also be found in the parties of every individual stage and every type of information activity. Each stage in the information activity of the court has its peculiarities, which require a more detailed analysis.

The stage of information collection includes accept and provision of documents. Documents are accepted by a specific division called court registry. Responsible officers carry out the initial processing of the documents by checking the integrity of envelopes (packages), they open them, check the correctness of the address, the integrity of the legal case and presence of appendices, the materials are then distributed to the addressees and registered in the automated system of document circulation.

Court can collect information of free circulation and information of restricted access. Information activity with information of restricted access has its peculiarities as early as at the state of initial processing. Unlike any other type of information coming to court, such envelopes and packages are not open but transferred to the divisions or court officials in charge of the restricted access activity. In other words, even the initial processing of this information. i.e. its registration and sending inside court is carried out only by authorized persons.

The stage of information use begins as soon as the information arrives at court, this fact to be proven by registration. It also includes record, fulfillment control and operative use of the information recorded in the documents. The use of information by court begins with allocation and re-allocation of documents according to legal cases, this process being carried out on an on-going basis and resulting in preparation of legal cases.

The notion of information use includes also the provision of a case for familiarization and issuance of document copies. Familiarization with service infor-

mation is regulated both by procedural codes and bylaws that regulate document management at courts. Familiarization as the use of information consists of two counter authorizations: on the one hand, court has the right and creates opportunities to get familiar with information; on the other hand only the persons specified by legislation are entitled to familiarization and only after their authorization documents have been checked. Moreover, persons have the right to get familiar with the cases only if they have submitted a written application well in advance and an appropriate resolution was made by a judge or authorized persons. Consequently, familiarization as a stage of information activity is regulated according to two parameters: its parties and the order of this act execution. Both parameters are means to ensure the right to information, which includes storage of personal data, confidential information, but on the other hand it is balanced with the procedural principles of visibility and competitiveness.

The initial processing of information, its execution in the form of legal cases, provision for familiarization means the use of information and its carriers inside the court. Sending of information outside the court is another authorization of court concerning the use of information. Such type of use is characterized by the fact that information can be sent outside the court under two conditions simultaneously. The first condition is the availability of a corresponding service document executed according to the provisions of law-creating instruments (presence of a signature of an authorized person, reference number of the legal case, grounds for such a sending). The second condition is its purpose. The general aim of the entire information activity of the court is administration of justice. An exact goal is the fulfillment of certain procedural actions, including the following: case revision by other authorities, subjection to a jurisdiction, an appraisal. Thus, the information recorded in a legal case can be sent only to the following institutions: an appeal or cassation authority, another local commercial court, an expert institution for an appraisal, investigation bodies, etc.

Such a use of information as sending of a legal case outside the court results in the creation of a duplicate case (a token).

This is to record the fact that procedural information does exist, it has been accumulated in a duly manner, is used now in a lawful way at the disposal of a specified court, as of the date of the duplicate (token) creation the whole volume of procedural information is sent to an authorized party (expert, judge of an appeal or cassation court, investigation bodies). If both the duplicate (token) and the documents sent outside the court are present in the legal case at the same time, it means that the information of the legal case has been used by other entitled parties to create new information that is to provide additional possibilities for the efficient fulfillment of the function of justice by the court.

If the case documents are substituted, absent or damaged or if the legal case is not returned (lost) to the court, those in charge should record this fact in a protocol. One copy of this protocol is added to the case, another one is sent to the authority to which the case was sent or was to be sent. To avoid damaging or losing of legal cases, the latter are forbidden to be transferred via unauthorized persons. These actions of the persons in charge are qualified as a violation, for which they are held liable according to the law.

At least two groups of questions appear regarding the transfer of information outside the court. The first group of questions concerns the weight of the information recorded in the lost or substituted documents and the possibility to further administer justice in an effective way based on the duplicate (token). Here the identity of a document as a substantial irreplaceable object of the material world is opposed by the identity of information that by its nature can be multiplied. Copying and reproduction of service documents in electronic form in the automated system of document circulation ensures improved efficiency of information activity of the court. In the same way, the automated system facilitates renewal of information that is necessary to renew certain documents or a legal case in general.

The second group of questions concerns the type and scope of responsibility of the officials that provide the information activity of the court. In our opinion, disciplinary responsibility can be applied to them but whether or not it is possible to bring them to civil responsibility if the lost information in the form of mate-

rial evidence or other service documents cannot be renewed is still a problem beyond the scope of our research.

Creation of information is another stage of information activity of the commercial court. Its peculiar feature is that depending on the purpose of the created information it can be included in service or non-service documents. *Service and non-service documents* are created only by authorized persons.

Creation of information that is reflected in service documents takes place when the court performs procedural actions to fulfill its function of justice. As a rule, the court begins creating procedural information at the initiative of other participants of the proceedings, i.e. those parties that have applied to court for their violated rights to be protected. The court begins to create procedural information using two components: procedural and content-related. The procedural component of information creation is clearly described in procedural codes, in particular the Code of Commercial Procedure of Ukraine. The content-related component is presented in the documents provided by the parties that initiate the trial. Only based on this information the court starts creating procedural information to be represented in service documents.

Information can be created by the court when procedural actions are performed, and it can be represented in the documents intended to record *procedural actions carried out by the court* as well as those *to be carried out by other participants of the proceedings* [5]. In other words, this is the information that is created and represented in the court documents that record the fact and order of the procedural actions in the specific legal case. We can call it *the initial procedural information*. If such information is to be sent outside the court, special accompanying documents are created that have an organizational meaning for the court proceedings [3]. Such information created when service documents are sent to other participants of the proceedings in the form of accompanying documents can be called *secondary procedural information* because it is created only with view of assisting the flow of the initial procedural information.

Procedural information is created by a judiciary board according to the procedure stipulated for by Arti-

cle 35 of the Code of Commercial Procedure of Ukraine [1]. The official and legitimate character of procedural information is confirmed by voting of each and every member of the judiciary board without any exception and by the signature of every party that has created this information. But if several judges are available, they can have different opinions as for the contents of the information. The contents of procedural information is made legitimate and confirmed by every judge, and in case of dissent the information executed as a special opinion of the individual judge is to be confirmed by the signature of the judge that has expressed this opinion. On the contrary, non-procedural information can be created by a collegial body and even in case of dissent or a special opinion different from the collective one the contents of this information are considered to be accepted by all members of the collegial body, which fact is confirmed by the signature of the chairperson.

Creation of information that is represented in non-service documents is regulated by legislation acts and bylaws that regulate administration and organization activity of public authorities, enterprises, institutions and organizations [7; 9]. Creation of non-procedural information is not different from information that is created by non-judicial bodies. But for the purpose of general characterization we should highlight several aspects. Creation of non-procedural information takes place at several stages that coincide with the creation of documents to contain it. The stages of information creation include preparation of document drafts, approval and reconciliation of document drafts, judicial appraisal, familiarization of court officers with the confirmation of the fact that the information has been familiarized with. Information is created by an individual author, when the decision is taken both unilaterally and jointly [2]. *Moreover, such authors can be persons that participate in the proceedings or other parties of the trial*, and this can take place both inside and outside the court.

The final stage of the information activity of the court is *storing of information*. Its peculiar feature consists in its duration. The duration of storing of information recorded in non-service documents is regulated by a series of legislation instruments [4; 8; 10] According to the legislation instruments currently in effect we

can distinguish two types of storing stages depending on the value of the information in the document: *operative storing and long-term storing*. Operative storing is a stage of information processing before it is transferred on specific media to the archive. Consequently, long-term storing begins when the media are transferred to the archive. Operative storing of information reflected in service and non-service documents must be performed at places of work of those in charge. *Long-term storing* of information is ensured by transfer of the documents to the archive.

The storing stage can finish with information being deleted. Deletion of information means it ceases its existence both as a hard copy and in electronic form. A peculiar feature of information is that complete deletion does not take place in the way it happens with documents in their hard copies or any other objectified form. If information was published, then even if its source is deleted, this information can be retrieved from oral sources by those parties that have created it or got familiar with it from the original sources. At this stage information can stop existing by any of two methods that are different according to the presence or absence of goodwill on the part of the party of information activity. Another kind of information cessation can be classified depending on whether these actions come within the purview of legislation instruments and how legislation instruments estimate this deletion: legitimate (lawful) or illegitimate (unlawful).

Conclusions. Based on the foregoing, the following conclusion can be drawn: information activity of the commercial court has a heterogeneous structure and consists of several stages, whose analysis shows that they are characterized by peculiarities of legal regulation and depend on the functions performed by the court.

References:

1. Господарський процесуальний кодекс України : Закон України від № 1799-ХІІ від 6 листопада 1991 р. В редакції Закону № 2147-VIII від 3 жовтня 2017 р. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1798-12> (дата звернення: 05.03.2019).
2. Деякі питання документування управлінської діяльності: Постанова Кабінету міністрів України № 55 від 17 січня 2018 р. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/>

[laws/show/55-2018-%D0%BF](https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/55-2018-%D0%BF) (дата звернення: 26.02.2019).

3. Інструкція з діловодства в господарських судах України № 7 від 27 лютого 2013 р. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/v0007600-13> (дата звернення: 05.03.2019).

4. Національний стандарт України. Діловодство та архівна справа. ДСТУ 2732:2004: Наказ Держспоживстандарту України № 97 від 28 травня 2004 р. URL: http://online.budstandart.com.ua/catalog/doc-page?id_doc=68311 (дата звернення: 06.03.2019).

5. Перелік судових справ і документів, що утворюються в діяльності суду, із зазначення строків зберігання: Наказ Державної судової адміністрації України № 1087 від 7 грудня 2017 р. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/SA17482.html (дата звернення: 06.03.2019).

6. Перелік типових документів, що створюються під час діяльності державних органів та органів місцевого самоврядування, інших установ, підприємств та організацій, із зазначенням строків зберігання документів: Наказ Міністерства юстиції України № 578/5 від 12 квітня 2012 р. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0571-12> (дата звернення: 06.03.2019)

7. Про доступ до публічної інформації : Закон України від 13 січня 2011 р. № 2939-VI. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/go/2939-17> (дата звернення: 06.03.2019)

8. Про затвердження Типового положення про архівний підрозділ державного органу, органу місцевого самоврядування, державного і комунального підприємства, установи та організації : Наказ Міністерства юстиції України № 232/5 від 12 лютого 2012 р. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0202-12> (дата звернення: 03.03.2019)

9. Про звернення громадян : Закон України від 2 жовтня 1996 р. № 393/96-ВР. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/go/393/96-вр> (дата звернення: 26.02.2019)

10. Про Національний архівний фонд та архівні установи: Закон України № 3814-ХІІ від 24 грудня 1993 р. (Редакція від 21 травня 2015 р. № 316-VIII). URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3814-12> (дата звернення: 03.03.2019)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sugonyako Natalia Vladimirovna – Judge Assistant at the Commercial Court of Sumy Region, Postgraduate Student of Academic and Research Institute of Law of Sumy State University

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сугоняко Наталья Владимировна – помощник судьи Хозяйственного суда Сумской области, аспирант Учебно-научного института права Сумского государственного университета

sugonyakonatali@gmail.com

УДК 34.123-054.72(477)«19»

УКРАИНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЭМИГРАНТОВ-ЮРИСТОВ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

Ольга ТОКАРЧУК,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению государственнической и правовой традиции в исследованиях эмигрантов-юристов межвоенного периода. Определено, что государственно-правовое мнение представителей украинской эмиграции в 20–30-е гг. XX в. развивалось в конкретных исторических и политических реалиях. Научная деятельность эмигрантов-юристов в основном направлена на формирование теоретико-гуманитарных основ для восстановления украинского государства и права.

Ключевые слова: государство, нация, образование государства, историческая традиция, правовая традиция, право.

UKRAINIAN STATE AND LEGAL TRADITION IN THE STUDIES OF EMIGRANT-LAWYERS OF INTERWAR PERIOD

Olga TOKARCHUK,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law
of National Pedagogical Dragomanov University

SUMMARY

The article is devoted to the study of the state and legal tradition in the studies of immigrant lawyers of the interwar period. It was determined that the state-legal opinion of representatives of Ukrainian emigration in the 20–30s. XX c. developed in specific historical and political realities. The scientific work of immigrant lawyers is mainly aimed at the formation of theoretical and humanitarian foundations for the restoration of the Ukrainian state and law.

Key words: state, nation, state formation, historical tradition, legal tradition, law.

Состояние исследования. Научному наследию представителей эмиграции межвоенного периода посвятили свои труды такие ученые, как Б. Андрусишин, М. Кармазина, В. Ковальчук, А. Мироненко, А. Мошак, Т. Осташко, В. Потульницький, Ю. Терещенко, О. Токарчук, Я. Турчин и др.

Целью и задачей статьи является исследование взглядов украинской эмиграции межвоенного периода относительно обозначенной проблемы. Несмотря на трудности, представители украинской научной юридической элиты были интеллектуальным голосом украинской диаспоры, активно участвовали в различных внешнеполитических, правозащитных акциях, направленных на поддержку поработанного в СССР украинского народа. Работа в различных научных и общественно-политических организациях, они устанавливали контакты и налаживали сотрудничество с правительствами стран Центральной и Западной Европы, международными органи-

зациями. Конечной целью юристов-ученых и юристов-политиков было восстановление независимости и государственного суверенитета Украины.

Изложение основного материала. Историко-правовые исследования дают возможность развенчать стремление страны-агрессора приписать себе заслуги образования государства Украины. В контексте изложенного отметим, что вопрос правопреемственности между этапами формирования государства, которое дает возможность увидеть идентичность и преемственность перехода государственных форм и этапов, является важным фактором национальной безопасности Украины. Согласно Закону Украины от 29 июня 2018 г. № 2469-VIII «О национальной безопасности Украины» фундаментальными национальными интересами Украины являются: 1) государственный суверенитет и территориальная целостность, демократический конституционный строй, недопущение вмешательства во внутренние дела Украины;

2) устойчивое развитие национальной экономики, гражданского общества и государства для обеспечения роста уровня и качества жизни населения; 3. интеграция Украины в европейское политическое, экономическое, безопасное, правовое пространство, членство в Европейском Союзе и Организации Североатлантического договора, развитие равноправных взаимовыгодных отношений с другими государствами и другие [1].

«Тысячелетняя традиция государства», как указано в Акте провозглашения независимости Украины, преемственность государствообразующей и освободительной борьбы является неотъемлемой составляющей глобальных общественных преобразований.

Одной из главных методологических проблем историко-правовых исследований является историческая периодизация развития современного государства Украина, которая дает возможность выделить общие черты, присущие разным этапам ее раз-

вития, а также проследить традиции национального государства, выявить перспективы формирования демократического, правового и социального государства.

«Несмотря на различные подходы к пониманию исторических этапов в развитии государственности Украины, – как подчеркивает Р. Стефанчук, – неоспоримыми остаются четыре наиболее весомых. Первым считается славянский период Киевской Руси, который характеризуется зарождением и утверждением в сознании людей представлений о необходимости формирования властных институтов, призванных защищать их интересы в случае посягательств со стороны государства. Второй период государства охватывает XVI – XVII вв. и характеризуется ростом национального сознания, формированием украинской политической нации, усилением роли элиты в формировании гражданского общества и государства, расширением её функций и задач. Третий период государства в Украине приходится на XIX и начало XX вв. Его главным моментом стали события 1917–1919 гг., когда впервые в истории на украинских землях было официально провозглашено независимое государство. Однако, как свидетельствует история, дальнейшие события, влияние ряда неблагоприятных внутренних и внешних факторов свели на нет попытку создания государства украинским обществом. В то же время эти события способствовали дальнейшему выражению государственно-образующих стремлений последнего. Четвертый период государства в Украине начался с провозглашения в 1991 г. независимости Украины и продолжается до сих пор» [5, с. 15].

Значение исторической традиции трудно переоценить. В современной украинской юридической науке растет интерес к прошлому Украины, «историко-правовые исследования стали одним из приоритетных направлений» [3, с. 10–11].

Осмысление сущности и роли не только государственнической, а и правовой традиции приобретает определенные современные обобщения. Ю. Лобода под правовой традицией понимает вот что: 1) правовой обычай; 2) тенденция развития правовой системы или института права, прису-

щая определенной исторической или этносоциальной организации народа на протяжении всей его истории или в каком-то периоде; 3) конкретно-исторические особенности правовой системы или какого-либо из ее элементов; 4) закономерности формирования и развития определенного правового института; 5) сущность, основные принципы, идеи, общая направленность правовой системы». Данная категория рассматривается исследователями с точки зрения логического, исторического, глобализационного, историософского подходов [3, с. 11].

Чтобы исследовать украинскую правовую традицию, отмечает И. Усенко, стоит рассматривать ее формирование и развитие в контексте исторического процесса создания государства. «Независимая Украина, которая предстала перед миром в 1991 г., является наследницей значительного государственного опыта, который на протяжении веков создавался на украинской земле, – пишет ученый, – <...> с чисто юридических позиций история украинской государственности не сводится только к государствообразующим поискам и свершениям украинского этноса, который дал название нашей стране. Украинский народ, как подчеркивается в конституции, – это граждане Украины всех национальностей». Таким образом, украинские государственные и правовые традиции связывают украинский и мировой, в том числе европейский опыт [3, с. 11, 12].

«Праву как гаранту социального согласия и компромисса, воплощению <...> добра и справедливости», как утверждает И. Усенко, принадлежит наследственно-правовая культура [3, с. 5].

Правовой обычай в Украине, согласно концепциям эмигрантов-юристов, зародился в период Киевской Руси. Правовая культура украинцев – это доказывает в своей статье «Геттитский кодекс и украинская правовая культура» А. Андриевский. Мнение, что национальный правовой обычай уходит своими корнями в «кодекс геттов» – «<...> народа арийского, удивительно похожего в своем правовом быту с украинским народом

как материальными условиями жизни, так и мировоззрением, правосознанием, бытом, психологией <...> Быт геттов чрезвычайно похож с украинским, а их кодекс имеет много общего с «Русской Правдой»», поддерживали С. Шелухин и А. Яковлив. Ученые установили ось украинской правовой культуры на протяжении примерно трех тысяч лет. Источником «Русской Правды» является не московское право, а украинское, элементы которого вошли в «Грамоту Казимира 1457», «Судебник Казимира 1468», «Грамоту Александра 1494», «Литовский Статут 1529» и другие достопримечательности украинского права, которые сознательно игнорировались и продолжают игнорироваться российскими учеными в ходе исследования «Русской Правды» (С. Шелухин) [7, с. 128].

Княжеский период объединил княжеско-дружинный порядок с народоправством доисторических времен (С. Днистрянский). Государственность княжеского периода отличалась от государственности других народов, в частности, Западной Европы. После великого переселения народов все государства Западной Европы сформировались путем завоеваний и имели военно-феодальный строй, а в нашем государстве не было основы для образования западноевропейских сеньориально-вассальных феодальных отношений, поскольку украинское население постоянно проживало на своих собственных землях и не искало новых территорий (С. Днистрянский, «Общая наука права и политики»). В то же время Киевская Русь и ведущие западноевропейские государства того времени (Франция, Англия, Германия) имели общие черты – по мнению С. Днистрянского – существование местного самоуправления и суверенность самого государства, а не королевской или княжеской власти [2].

К проблеме функционирования «копных судов» в Литовско-Русском государстве обращался А. Яковлив. В указанный период понятие уголовного преступления и гражданского вреда не различались: «<...> из уголовного поступка еще не выделено было элемента публичного, на преступление смотрели не с точки зрения нарушения общественной безопасности и государственного правопорядка, а с точки

зрения степени материального ущерба, связанного с уголовным поступком». Государственные органы не оказывали помощи пострадавшему; по собственной инициативе государство не преследовало преступника, не выступало в суде с публичным обвинением, а «оставляло эту акцию на волю обиженного» [10].

А. Яковлив проводил определенную аналогию между литовско-русским и старочешским судопроизводством: «<...> как и у чешского народа, так и в Киевской Руси, позже в Литовско-Русском государстве судебные функции принадлежали сначала общине, дальше вече, позже князю и его чиновникам, затем судьям с участием представителей народа, и, наконец, судьям при участии отдельных привилегированных общественных слоев» [8].

Право Литовско-Русского государства А. Яковлив характеризовал с позиций влияния германского права, которое перешло в Украину не в форме колониального, что предоставлялось только немецким колонистам как отдельная привилегия, а в форме партикулярного права, «предоставлялось великими князьями литовскими путем привилегированных грамот свободным городам непосредственно и частным владельцам городов как разрешение на перевод их городов или на осаждение новых на магдебургское право» [9].

Относительно влияния польского права на Галичину С. Шелухин рассматривал проблему в контексте отмены действия украинского права, на фоне введения чужого народной психологии немецкого права: «Это право было такое отсталое, что Германия покинула его основания и образовала новые, а Австрия душила правовую жизнь галичан своим правом до последних дней». По мнению С. Шелухина, народ (галичане) жили «чужим умом», «потому что чужое право являлось чужим разумом, отвыкли думать по-национальному, теперь Австрия <...> свое право как устаревшее радикально успешно заменяет новым, а Польша сама давно уже потеряла свое национальное право, потому что в ней действуют семь чужих кодексов (2 германские, 2 российские, 2 австрийские и 1 частично французский), а своего ни единого» [7, с. 120].

Историки права в эмиграции, анализируя условия Переяславского договора, не пришли к единодушию в отношении юридических оснований соглашения, однако оставались на позиции неподдержки подходов, согласно которым русско-украинский договор 1654 г. оценивался как воссоединение, или инкорпорация, двух стран. Они утверждали, что украинское государство продолжало существовать как самостоятельная единица. Ученые подчеркивали разное восприятие сторонами содержания договора «и постепенное изменение его сущности». Концепции ученых отличаются в оценке сделки: «<...> как необходимого, взаимовыгодного для обоих народов федеративного акта, внутреннее содержание которого было разрушено сущностью и целью московской монархической власти» (Р. Лашенко), «как милиарного союза с царем Московским о военной акции и личном протекторате царя» (С. Шелухин), международно-правового договора «союза и гарантии» Украины, как суверенного государства, с московским царем для обороны от внешних врагов (А. Эйхельман), взаимоотношения между Украиной и Москвой имели характерные признаки протектированного государства к его протектору (А. Яковлив). В. Липинский различал понятия «Переяславское Условие» и «Переяславская Легенда», последняя, с точки зрения ученого, возникла под идеологическим московским влиянием, основывалась на идее объединения с Москвой и стала основой теории «воссоединения Руси» [6, с. 52].

Ученые в эмиграции подробно проанализировали проблемы относительно судебной ветви власти. Немалый вклад в этот вопрос совершили В. Старосольский, С. Днестрянский, А. Эйхельман. Профессиональным проявлением правовой мысли стали концепции судебной власти, выразившиеся в проектах конституции УНР А. Эйхельмана и конституции ЗУНР С. Днестрянского.

В. Старосольский подчеркивал необходимость отделения судебной власти от администрации: органы исполнительной власти руководствуются «щелесообразностью», а органы судебной власти должны решать дело в соответствии с положениями закона, «незвизрая на то, что то или иное

решение отвечает интересам одной или другой стороны». Ученый различал виды публично-правового судопроизводства: уголовное, административное, политическое (конституционное, по делам ответственности министров и верховной власти, избирательное, другие виды политического судопроизводства), судопроизводство в «компетенционных» спорах [4, с. 263–277].

Украинские юристы в эмиграции считали, что суд должен стать независимым и равноправным по отношению к законодательной и исполнительной ветви власти, тогда в полной мере будет реализован и обеспечен принцип разделения властей. Ученые направляли свое внимание на принцип независимости судей: общественные отношения стремительно развиваются и изменяются, а законодательная власть не успевает реагировать в соответствии с новыми условиями, поэтому государство должно предоставить судье «право законодателя», чтобы судья мог рассматривать дело не на основании старого закона, а так, как решил бы это законодатель, принимая законодательный акт при рассмотрении дела (С. Днестровский); в случаях, не предвиденных законом, неразумно ждать, когда законодательный орган создаст новый закон, суд должен решать дело, как того требует собственная совесть и в соответствии с общей целью законодательства или по аналогии (С. Шелухин). В то же время мыслители подчеркивали морально-психологические качества, которые в сочетании с профессиональным мастерством, уважением к закону должны предшествовать самостоятельности и независимости судей.

Выводы. В условиях сложной геополитической обстановки в мире и трудного материального положения ученые-эмигранты творили украинскую науку, анализировали поражения и просчеты Украины в национально-освободительной борьбе. Изучая их научное наследие, отметим, что политическая ситуация не только в Украине, но и в мире создавала определенные влияния на их концепции. Исследования ученых-юристов украинской эмиграции убедительно свидетельствуют о глубине понимания ими таких фундаментальных проблем юридической науки, как вопросы прав и свобод

человека, политический плюрализм, взаимодействие гражданского общества и государственной власти, роль международных отношений и геополитики, межнациональные отношения, правовое воспитание, правовая культура и правосознание как общественные феномены, которые диктуют поведение человека в конкретно-исторический отрезок времени и др., показывая, насколько современники были далеки от таких приоритетов, и только сейчас мы наверстываем упущенные возможности в теории и практике украинского право- и государствовообразования.

Список использованной литературы:

1. *Голос України*. 2018. 7 липня. № 122 (6877).
2. Потульницький В. А. Нариси з української політології (1819–1991) : навчальний посібник. Київ : Либідь, 1994. 320 с.
3. *Правова еліта України*. Київ : Видавництво Логос Україна, 2018. 372 с.
4. Старосольський В. Й. Держава і політичне право. Київ : Видавництво Логос Україна, 2017. Ч. 2. 472 с.
5. Стефанчук Р. Правонаступність як важлива ознака ідентичності та спадковості у державотворенні. *Голос України*. 2019. № 38 (7044). С. 15.
6. Токарчук О. В. Переяславський договір 1654 р. в оцінці вчених діаспори у 20–40-ві рр. ХХ ст. *Часопис Київського університету права*. 2018. Випуск 3. С. 50–53.
7. Токарчук О. В. Державно-правові погляди С. П. Шелухіна : монографія. Київ : Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2012. 178 с.
8. Яковлів А. Впливи старочеського права на право українське Литовської доби XV–XVI в. Накладом Українського Університету в Празі Державна Друкарня в Празі. Прага, 1930. 83 с.
9. Яковлів А. Історія джерел українського права. *Енциклопедія українознавства. Загальна частина*. Мюнхен, Нью-Йорк, 1949. Т. 2. С. 633–636. URL: <http://litopys.org.ua/encycl/eui055.htm>
10. Яковлів А. Про копні суди на Україні. Наклад Українського університету в Празі. Прага, 1930. 24 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Токарчук Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tokarchuk Olga Vladimirovna – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law of National Pedagogical Dragomanov University

9-3@ukr.net

UDC 342.7

THE PROBLEM OF REASONABLENESS OF TIME IN THE CRIMINAL JUSTICE SYSTEM

Nataliia CHERNYAK,

Candidate of Law Sciences,

Associate Professor at the Department of Criminal Procedure
of Dnipropetrovsk State University of Internal Affairs

Daniil TARANETS,

Cadet of the Faculty of Specialist Training for the Units of the Criminal Police
of Dnipropetrovsk State University of Internal Affairs

SUMMARY

The article deals with the main theoretical positions concerning the problem of reasonableness of time in the criminal justice system. This article makes it possible to understand what precisely such reasonableness of terms and in what is expressed in violation of them, as well as compare this issue with civil procedural law.

Key words: reasonable timing, criminal proceedings, delaying the process, control of procedural terms, Criminal Procedure Code of Ukraine, European Court of Human Rights, Civil Procedural Code of Ukraine, participants in the criminal process.

ПРОБЛЕМА РАЗУМНОСТИ СРОКОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Наталья ЧЕРНЯК,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса
Днепропетровского государственного университета внутренних дел

Даниил ТАРАНЕЦ,

курсант факультета подготовки специалистов
для подразделений уголовной полиции

Днепропетровского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены основные теоретические положения, касающиеся актуальной на сегодняшний день проблемы разумности сроков в уголовном судопроизводстве Украины. Эта статья позволяет понять, что же такое разумность сроков и в чем выражается их нарушение, а также сравнить эту проблему с гражданско-процессуальным законодательством Украины.

Ключевые слова: разумность сроков, уголовные производства, затягивание процесса, контроль процессуальных сроков, Уголовный процессуальный кодекс Украины, Европейский суд по правам человека, Гражданско-процессуальный кодекс Украины, участники уголовного процесса.

Formulation of the problem. Nowadays, the problem of reasonableness of time is very actual, Since Ukraine is one of the young developing countries and to a greater degree cannot be clearly regulate the reasonableness of the terms in the criminal justice system. That is why this problem appears for the sake of ensuring human and citizenship rights.

Actuality of the research topic is that the issue of the institution of stopping criminal proceedings is devoted to many works of such domestic and foreign scientists, as V. Bykov, L. Bogoslovskaya, P. Yelkind, M. Yegorova, E. Zakirova, A. Kochetova, G. Kozhevnikov, I. Krivonos, A. Larin, V. Lomovsky, I. Malyutin, V. Navrotska, E. Nalyvaiko, B. Romanyuk, M. Strogovich, O. Tatarov and others. But, there is no established approach to solution both theoretical and practical

issues of stopping pre-trial investigation in connection with the absence of a suspect, which became even more acute with the adoption of the new criminal procedural legislation of Ukraine.

The purpose of the article is the coverage of the problem in violation of the principle of reasonableness of time in the criminal justice system and to identify the factors that affect their non-compliance, as well as comparison with other branches of law.

Presentation of the main research material. Observance of the terms of criminal proceedings is an actual problem of the present. Let's turn to conditions of the current Criminal Procedural Code of Ukraine (then – CPC of Ukraine). The system of the principles of criminal proceedings is provided in art.7 CPC of Ukraine, naming an article is not “rea-

sonableness time”, by analogy with the name of the very basis, but “reasonable term”, which, in our opinion, acquires a completely different content [1]. It should be noted that according to Part 1 of Art. 28 CPC of Ukraine reasonable terms are considered which are objectively necessary for the conduct of procedural actions and the adoption of procedural decisions. There can be no questions about this statement. In fact, in our opinion, it was precisely by this provision that the “fate” was resolved of the reasonableness of time as a basis for criminal. According to O. Yanovska, complaints about non-observance of reasonable time by the investigator, the prosecutor are filed with the prosecutor, who carries out procedural guidance in criminal proceedings and has the right to demand from the investigating authorities to eliminate violations of the law, which

were accepted during the pre-trial investigation. It should be noted that the European Court of Human Rights (then – ECHR) defines the following aspects, namely:

1. The complexity of criminal proceedings. It may be due both to the actual circumstances of the case and to the various legal aspects related to the case indirectly [2]. An example can be: Case «Trosin against Ukraine», application № 39758/05, judgment of 23 February 2012 [3].

2. Behavior of participants in criminal proceedings. Considering the behavior of participants in criminal proceedings is an important factor, since the responsibility for violating the formal terms due to the behavior of a suspect, accused, lawyer, aimed, for example, to delay the process, is mainly carried out by the investigator. The negative behavior of the participants in criminal proceedings is an objective case that cannot be blamed on the part of the prosecution or court and is taken into account in determining the fact of exceeding the reasonable term of criminal proceedings. At the same time, the ECHR is guided by the fact that a suspect or accused person cannot be held liable for delaying the terms of investigation or trial, which resulted in non-observance of reasonable terms of criminal proceedings if these persons used all forms of appeal provided for by law [2]. An example can be: Case «Orlik against Ukraine», application № 27454/11, judgment of February 11, 2016 [3]. The way in which the interrogator, prosecutor and the court exercise their powers during the examination of the case, the ECHR argues that the postponement of the consideration of the case, the appointment and conduct of an examination, and the participation of the judge in the consideration of other cases by themselves are not in conflict with the law [2]. An example can be: Case «Teliga and others against Ukraine» (Statement № 72551/01) and «Mukhin against Ukraine» (Application No. 39404/02) [3].

Therefore, noting that the consolidation of the principle of «reasonableness of time» in the CPC in itself will not be a guarantee of the rights of participants in the criminal process. As can be seen from the example of administrative and civil proceedings, where the requirement to observe reasonable terms has appeared much earlier, it is a very long distance from the appearance of a certain norma-

tive requirement in the legislation until it is effectively implemented. All of this can be very simply explained, namely, the absence of mechanisms to control the procedural terms. If we talk about criminal proceedings, then more or less effective monitoring of compliance with the procedural terms is carried out only at pre-trial investigation.

Investigating the pre-trial investigation, there are three aspects that are regulated at this stage: firstly, the CPC of Ukraine clearly provides for terms for the investigation of criminal proceedings, secondly, supervision over observance of the law in the pre-trial investigation, including the terms, is carried out both by the prosecutor and the court, and, thirdly, for the violation of the procedural terms, legal liability can be applied to the perpetrators – from disciplinary to criminal [4].

Therefore, the greatest delays in criminal proceedings take place at the trial stages of the process. This situation is explained by the following factors: the absence of terms for criminal proceedings, the absence of effective control over the observance of the terms of judicial review of criminal proceedings and the difficulty in bringing the perpetrators to justice for delaying the trial. When calculating the reasonable time of the inquiry, the Court only takes into account the terms of conduct by the authorities of those actions that are appropriate. The term spent in the course of checking of non-achievable processes of a formal nature or actions that impede the proper conduct of an investigation (pressure on judges, etc.), or actions that were necessary for the investigation, but the authorities, if possible, did not show their intention to reduce their time expenditures, the Court is considered to be negative, and in the calculation of the due (reasonable term) investigation is not counted. The Court also emphasizes that the absence of sufficient number of judges and their congestion cannot justify an increase in the length of the trial [5].

Referring to the Convention, which entered into force on 11.09.1997 for Ukraine, and has undertaken to observe and guarantee at the national level, a catalog of human rights, which contained in the Convention and its additional protocols to it. Among such rights, takes on a special place the right to fair and public hearing within a reasonable terms by an inde-

pendent and impartial tribunal established by law, which is enshrined in Article 6 of the Convention. Taking into account the above, it can be said that everything seems to be so simple, but in reality it is not so, because both the Convention and the CPC of Ukraine, while guaranteeing rationality, allow violation of this norm. What is evidenced by the statistics of complaints, which established the facts of violation of the laws of the right to a fair trial, is almost half (45,01%) [6]. Therefore, the ECHR repeatedly draws attention to the similarity of complaints filed under Article 6 of the Convention due to a violation of the reasonable term for the consideration of cases by national courts of Ukraine, which requires the adoption of measures of a general nature, without which it is impossible to properly implement the rules of this article in the internal law and order [7]. In particular, the standard for determining the reasonableness of time are provided in Part 3 of Art. 28 CPC of Ukraine, which, in essence, fully correspond to the practice of the ECHR, which indicates that the reasonableness of the length of proceedings must be assessed in the light of the particular circumstances of the case. In considering the statements, the European Court of Human Rights assesses the compliance by the national authorities of the pre-trial investigation and the courts with the criteria for determining the reasonableness of the timing of criminal proceedings in aggregate and examines the suitability of the conduct of both the applicant and the relevant government agencies. In the event that the applicant's inappropriate conduct has contributed to the inadequacy of reasonable terms for proceedings, the state authorities are not exempted from liability for their violation, since they are required to conduct criminal proceedings in accordance with the terms established by the CPC of Ukraine. Judges should be aware of personal responsibility for reviewing cases in accordance with statutory time limits, for reviewing cases, for delinquency, and for taking all necessary measures to ensure strict compliance with the procedural deadlines. Comparing the Civil Procedure Code of Ukraine with the Criminal Procedure Code of Ukraine, which clearly defines the terms of the proceeding, the terms for filing and reviewing appeals and cassation complaints, the following should be emphasized that such regulation does not guarantee consideration and reso-

lution of the case within a reasonable time. The reason for the violation of the reasonableness of time is to delay the trial – this is the referral of cases for reconsideration or consideration of newly discovered conditions. For example, in a criminal proceeding, actions are defined, the purpose of which is to delay the investigation or trial of a case. In particular, they include: avoiding the appearance of participation in the conduct of investigations and other procedural actions; absence for participation in procedural actions, in which the participation of a defense counsel is obligatory; delaying the term of familiarization with the materials of the case, etc. These procedural offenses should be characterized by the purpose stated in the law – to delay the investigation or trial of the case. In the civil process, the party concerned may artificially “delay” the trial, for example, by not appearing before a court session, abusing its procedural rights, such as the right to challenge a judge, the right to engage in other persons, the right to a statement petitions on various issues, etc. [8]. Comparing the reasons for non-observance of the timeliness of civil proceedings, the following aspects can be distinguished: unsuccessful consolidation of Article 157 of the Civil Procedure Code of Ukraine in regard to the fact that the commencement of the deduction of a term in a civil case begins from the day the proceedings are opened, and not from the moment the claim is filed in court; systematic absence without valid reasons for court hearings of the parties to the case and persons who are other participants in the civil process; the actions of the participants of the process, directed at deliberately delaying the consideration of the case (for example, a petition for a judge to be divorced, a case trial collectively, submission of additional evidence to the court, etc.); delays in the consideration of disputes may also occur as a result of late due diligence; violation of the requirements stipulated by chapter 3 of the CPC regarding the proper preparation of the case for trial; absence of legal remedies for the judiciary of our state in case of violation of the terms established by law for consideration of a civil case; heavy workload, insufficient number and inexperience of court personnel [9].

Findings. Therefore, on the basis of the aforementioned problem of the violation of terms in criminal proceedings is relevant and requires a more detailed

consideration and a concrete solution. The greatest delays in criminal proceedings take place at the trial stages of the process. We believe that today the main task of the legislator should be the development of an effective action for ensuring reasonableness of term, namely the formation of a system of effective legal means, which would allow to achieve a balance of realization of public and legal personal interests of specific individual of criminal procedure proceedings in the maximum approximation to the individual circumstances of the legal dispute.

So comparing civilian problems of violation of reasonable terms with the criminal process it should be noted that the reasons for their non-compliance are similar, namely, delaying the trial with the aim of avoiding justice in all possible ways.

References:

1. The Criminal Procedural Code of Ukraine of 03.04.2012 with changes as of 05.08.18. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17>.
2. O. Rybak, O. Kuchinsk. As to the problem of realization of the reasonableness of terms as the bases of the criminal process in Ukraine. URL: <https://dspace.uzhnu.edu.ua/jspui/bitstream/lib/14917/1/ЩОДО%20ПРОБЛЕМИ%20РЕАЛІЗАЦІЇ%20РОЗУМНОСТІ%20СТРОКІВ.pdf>
3. Collection of lifts from decisions of the European Court of Human Rights recommended for study in preparation for writing anonymous testing within the framework of the examination for the qualification of judges for compliance with their position. URL: http://www.nsj.gov.ua/files/15296531171517493988%D0%97%D0%B1%D1%96%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D1%80%D1%96%D1%88%D0%B5%D0%BD%D1%8C%20%D0%84%D0%A1%D0%9F%D0%9B_30.01.2018%20%D0%BD%D0%B0%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf.
4. Komarnitska O. As to non-compliance of reasonableness of term in the criminal justice system during pre-trial investigation. URL: http://www.irbis-nbu.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbu/cgiirbis_64.exe?C21COM=2&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1&Image_file_name=PDF/Chcks_2014_4_8.pdf.

5. Nikonenko M. Significance in the process of proving the reasonableness of time as a basis for criminal proceedings. URL: http://www.irbis-nbu.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbu/cgiirbis_64.exe?C21COM=2&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1&Image_file_name=PDF/aymvs_2013_2_7.pdf

6. Goncharenko O. A reasonable term of consideration of the case in the practice of the European Court of Human Rights. URL: http://dspace.nulau.edu.ua/bitstream/123456789/1553/1/Goncharenko_2012_3.pdf.

7. Yanovska O. Ensuring observance of reasonable terms at the stage of preparatory proceedings. URL: http://vkslaw.knu.ua/images/verstka/1_2016_Yanovska.pdf.

8. Pahlevanzade A. The importance of the principle of the reasonableness of the term in the system of general principles of the Code of Criminal Procedure. URL: http://www.vestnik-pravo.mgu.od.ua/archive/juspradenc17/part_2/34.pdf

9. Solienko Y. To the problem of the durability of court proceedings. URL: <https://dspace.uzhnu.edu.ua/jspui/bitstream/lib/3325/1/Солиєнко%20Ю.С.%20%20Булеца%20С.Б.%20До%20проблеми%20довготривалості%20судового%20провадження%20.pdf>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Cherniak Nataliia Petrovna – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure of Dnipropetrovsk State University of Internal Affairs;

Taranets Daniil Aleksandrovich – Cadet of the Faculty of Specialist Training for the Units of the Criminal Police of Dnipropetrovsk State University of Internal Affairs

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Черняк Наталья Петровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Днепропетровского государственного университета внутренних дел;

Таранец Даниил Александрович – курсант факультета подготовки специалистов для подразделений уголовной полиции Днепропетровского государственного университета внутренних дел

cherniak_nat@i.ua

УДК 349.4

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ПРИРОДНО-РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА

Светлана ШАРАПОВА,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры земельного и аграрного права,
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию актуальных вопросов сохранения природно-ресурсного потенциала Украины. Рассматриваются основные способы сохранения природно-ресурсного потенциала, а именно: воспроизводство и восстановление природных ресурсов. Анализируются особенности правового регулирования воспроизводства и восстановления природных ресурсов по законодательству Украины. В статье определена необходимость четкого разграничения и законодательного закрепления понятий восстановления и воспроизводства природных ресурсов, что поможет избежать юридических пробелов в механизме регулирования экологических и земельных отношений.

Ключевые слова: потенциал, сохранение, воспроизводство, восстановление, природные ресурсы, земли.

LEGAL PROBLEMS OF PRESERVING NATURAL RESOURCE POTENTIAL

Svetlana SHARAPOVA,
Candidate of Law Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Land and Agrarian Law
of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

The article is devoted to the research of topical issues concerning preservation of natural resource potential of Ukraine. The main ways of preserving natural resource potential are considered, namely: reproduction and restoration of natural resources. The peculiarities of legal regulation of reproduction and restoration of natural resources under the legislation of Ukraine are analyzed. The article defines the need for clear demarcation and legislative consolidation of the concepts of restoration and reproduction, which will help to avoid legal gaps in the mechanism of regulation of ecological and land relations.

Key words: potential, conservation, reproduction, restoration, natural resources, land.

Постановка проблемы. Украина обладает значительным земельно-ресурсным потенциалом. По официальным данным, сегодня земельный фонд Украины составляет 60,3 млн га. Однако в структуре земельных ресурсов страны и землепользовании наблюдаются значительные диспропорции, усиление которых может представлять угрозу окружающей среде, а также эффективности хозяйственной деятельности, устойчивому развитию национальной экономики в целом [1].

Актуальность темы исследования. Качественное состояние земельных ресурсов, используемых в сельскохозяйственном и лесном производстве, постоянно ухудшается. Бесхозяйственное отношение к земле, а также к другим природным ресурсам, ненадлежащее отношение к сохранению их качественных и количественных показателей являются основными причинами низкой отдачи природно-ресурсного потенциала. Кроме того, сегодня темпы потребления природных ресур-

сов намного выше, чем темпы их воспроизводства. Следовательно, сохранение земельно-ресурсного потенциала, а также природно-ресурсного запаса страны – это главная задача собственников и пользователей в процессе использования природных ресурсов.

Состояние исследования. Вопросы и правовые проблемы сохранения природно-ресурсного потенциала неоднократно были предметом исследования ученых-юристов, таких как В. И. Андрейцев, Ю. С. Шемшученко, В. В. Петров, А. В. Басай, Т. В. Лисовая и др.

Целью и задачей статьи является анализ действующего законодательства о сохранении природно-ресурсного потенциала Украины, а также исследование соотношения восстановления и воспроизводства природных ресурсов как основных способов сохранения природно-ресурсного потенциала.

Изложение основного материала. Термин «потенциал» имеет несколько значений и встречается в различных сферах деятельности. Так, выделяют

экономический потенциал, военный потенциал, химический, научно-технический и другие. Один из вариантов значений слова «потенциал» рассматривается как совокупность всех средств, запасов, источников, которые могут быть использованы в случае необходимости с любой целью [2].

Заслуживает внимания точка зрения В. И. Андрейцева, который, исследуя природно-ресурсный потенциал как вероятный объект правового регулирования использования, сохранения и охраны, формулирует определение природно-ресурсного потенциала. Так, по мнению ученого, это способность природных ресурсов, в активной фазе использования имеющихся в пределах территории государства, его экономической (морской) зоне и континентальном шельфе, удовлетворять потребности государства, юридических и физических лиц, украинского народа в соответствующих природных ресурсах (то есть удовлетворять материальные, экономические и духовные

интересы по развитию экономики и жизнеобеспечения граждан Украины) [3, с. 202].

Таким образом, природно-ресурсный потенциал – это совокупность всех природных ресурсов и природных условий в пределах территории государства, которые используются или могут быть использованы в хозяйственной или иной деятельности в целях удовлетворения интересов общества.

Необходимо подчеркнуть, что в научной литературе и в других источниках можно встретить различные толкования таких понятий, как «природный ресурс», «природный объект», «природные богатства». Следует отметить, что, независимо от количества изданных на сегодняшний день словарей эколого-правовых терминов и количества научных публикаций по экологическому, земельному, природно-ресурсному праву, проблема понимания того или иного термина до сих пор актуальна.

Так, начиная еще с середины прошлого века, ученые стали уделять немалое внимание такому понятию, как «природный ресурс», сравнивая его с понятием «природный объект». К примеру, по мнению В. В. Петрова, природные объекты представляют собой завершённые экологические комплексы, которые взаимодействуют с окружающей природной и социальной средой на основе выполняемых ими экологических, экономических и культурно-оздоровительных функций [4, с. 86].

Как подчеркивает ученый, в процессе использования природного объекта из него извлекается то или иное вещество, в нем потребляются те или иные свойства, призванные удовлетворить различные запросы человека. Такое вещество, которое входит в состав природного объекта и предназначено для удовлетворения потребностей людей, называется природным ресурсом. А совокупность природных ресурсов, как отмечает В. В. Петров, как раз и составляет природное богатство [4, с. 88].

Понятие «природные ресурсы» также не имеет общего определения и в литературе рассматривается в различных аспектах. Например, Ю. С. Шемшученко о природных ресурсах говорит как об экономической кате-

гории. По его мнению, они выступают в качестве необходимой предпосылки различного производства, служат исходным материалом для образования любого продукта. И, в конечном счете, направлено на удовлетворение всевозможных материальных и других потребностей людей [5, с. 232].

Следует отметить, что в научной литературе четко сформулированные различия «природного ресурса» и «природного объекта» стали появляться, только начиная с 90-х годов прошлого века [6, с. 2]. Так, природные объекты составляют неотъемлемые компоненты окружающей природной среды, а природные ресурсы, в свою очередь, создают часть природных объектов, используемых в качестве источника удовлетворения различных интересов человека. Природные ресурсы – это источник потребления, удовлетворения экономических потребностей, а понятие природного объекта отражает экологический фактор [7, с. 6-7].

Аналогичную точку зрения поддерживают авторы учебника «Экологическое право Украины» (2012 г.) [8], где отмечают, что природные ресурсы в буквальном смысле являются источниками потребления. Под ресурсом в узком смысле понимают источник экономического потребления. В широком смысле природные ресурсы – это источники потребления человеком и обществом для удовлетворения своих экономических, экологических, оздоровительных, культурных, эстетических, духовных и других потребностей. Итак, понятие «природный объект» отражает экологическую сторону составляющей окружающей среды, а понятие «природный ресурс» – экономическую сторону как объекта потребления [8, с. 93].

Несмотря на то, что национальное законодательство не закрепляет и не раскрывает рассматриваемые понятия, тем не менее отдельные виды природных ресурсов имеют нормативно-правовое определение. Так, в соответствии со ст. 1 Закона Украины «Об охране земель» земельные ресурсы рассматриваются как совокупный природный ресурс поверхности суши как пространственной базиса расселения и хозяйственной деятельности, основное средство производства в сельском и лесном хозяйстве [9].

Именно из земельных ресурсов, которые используются для нужд сельского хозяйства, ведения лесного хозяйства, для размещения промышленных, транспортных объектов и т.д., состоит земельно-ресурсный потенциал Украины, который является важнейшей составляющей природно-ресурсного потенциала.

Земельно-ресурсный потенциал определяется как совокупная производительность всех используемых или тех, которые могут быть использованы, земельных ресурсов как средство производства [10, с. 302]. Основой земельного потенциала выступают земли сельскохозяйственного назначения, а именно сельскохозяйственные угодья. Одним из условий сохранения земельного-ресурсного потенциала страны выступают требования по их охране, рациональному и целевому использованию, требования по повышению продуктивности земель данной категории и других земель.

Основными способами сохранения природно-ресурсного потенциала являются воспроизводство и восстановление природных ресурсов. Кроме того, эти меры играют главную роль не только в сохранении природных ресурсов, а и повышении их качественных показателей.

Как известно, традиционно все природные ресурсы делятся на исчерпаемые и неисчерпаемые. К неисчерпаемым ресурсам относятся, как правило, природные явления – это энергия солнца, энергия ветра, морские приливы и т.д. В свою очередь, исчерпаемые природные ресурсы условно делятся на возобновляемые и невозобновляемые. Так, возобновляемые ресурсы – это ресурсы, способные к восстановлению и воспроизводству (например, лесные ресурсы). Невозобновляемые – это ресурсы, которые не восстанавливаются или скорость их восстановления настолько мала, что использование их становится невозможным (например, минеральные ресурсы).

В соответствии со ст. 40 Закона Украины «Об охране окружающей природной среды» [11] использование природных ресурсов гражданами, предприятиями, учреждениями и организациями должно осуществляться с соблюдением обязательных экологических требований. Одним из них

является осуществление мероприятий по воспроизводству возобновляемых природных ресурсов.

Необходимо различать такие понятия, как «восстановление» и «воспроизводство» природных ресурсов. Вопрос разграничения этих понятий неоднократно анализировался в научной литературе. Однако найти четкое определение понятий «восстановление» и «воспроизводство» с помощью, как научной специальной литературы, так и в действующем законодательстве, сегодня затруднительно.

Если обратиться к словарным источникам, то восстановление природных ресурсов рассматривается как комплекс мероприятий, направленных на получение природных ресурсов в относительно прежнем количестве. Такой результат достигается путем осуществления искусственных мер и целенаправленной хозяйственной деятельности после полного или частичного истощения этих ресурсов в результате антропогенного воздействия. А воспроизводство природных ресурсов – это самовосстановление природных объектов, входящих в состав биосферы [12, с. 86].

Также восстановление природных ресурсов рассматривается как доведение запасов тех или иных видов природных ресурсов до уровня, предшествовавшего их истощению в результате хозяйственной деятельности человека. Воспроизводство природных ресурсов – комплекс мероприятий, направленных на искусственное поддержание природных ресурсов и сохранение экосистемы в продуктивном состоянии [13].

В юридической литературе нет единого мнения относительно определения понятий «восстановление» и «воспроизводство», кроме этого, как правило, указанные понятия вообще не отделяют друг от друга. К примеру, В. В. Петров воспроизводство природных ресурсов рассматривает как совокупность государственных и общественных мероприятий, направленных на пополнение и рост возобновляемых природных ресурсов или же усиление полезных свойств природных объектов. Восстановление, по его мнению, – это мероприятия, направленные на восполнение природных ресурсов или усиление полезных свойств при-

родных объектов, утраченных в результате действий антропогенных или стихийных сил [4, с. 367].

Также под восстановлением природных ресурсов понимают комплекс мероприятий, направленных на получение природных ресурсов в количествах, близких к естественным, после их полного или частичного истощения. Оно предусматривает полное или частичное самовосстановление природных ресурсов, которое может происходить как естественным путем, так и при участии человека [14, с. 10].

По этому поводу А. В. Басай отмечает, что восстановление нужно рассматривать как одну из основных форм воспроизводства природных растительных ресурсов, которая предусматривает приведение объектов растительного мира и растительных сообществ к их естественному состоянию. Соотношение между понятиями «воспроизводство» и «восстановление» при характеристике соответствующей деятельности касательно природных растительных ресурсов можно охарактеризовать как соотношение общего и частичного [15, с. 651].

В законодательстве Украины закреплены общие требования по восстановлению природных ресурсов. К примеру, в Лесном кодексе Украины вопросу воспроизводства лесов посвящена отдельная глава, которой определяются цели, задачи и способы воспроизводства лесов. В соответствии со ст. 79 Лесного кодекса Украины воспроизводство лесов осуществляется в таких целях: достижение оптимальной лесистости путем создания в максимально короткие сроки новых насаждений наиболее экономически и экологически целесообразными способами и технологиями; повышение водоохраных, почвозащитных, санитарно-гигиенических, других полезных свойств лесов и защитных лесных насаждений; улучшение качественного состава лесов, повышение их продуктивности и биологической устойчивости.

Воспроизводство лесов осуществляется путем их восстановления и лесоразведения. Согласно Постановлению Кабинета Министров Украины от 01.03.2007 г. № 303 «Об утверждении Правил воспроизведения лесов» [16] воспроизводство лесов осуществ-

ляется постоянными лесопользователями и владельцами лесов на лесных участках, которые были покрыты лесной растительностью (срубы, пепелища, редколесья, насаждения, погибших и т.д.), путем восстановления, а на тех землях, которые ранее не были заняты лесом, прежде всего, непригодных для использования в сельском хозяйстве или выделенных для создания защитных лесных насаждений линейного типа, – путем лесоразведения. Таким образом, в соответствии с настоящими Правилами, воспроизводство лесов происходит двумя способами – это восстановление и лесоразведение. В первом случае лес высаживается на земельных участках, которые уже были покрыты лесной растительностью, а во втором случае для лесоразведения привлекаются земельные участки, которые ранее не были использованы для разведения леса.

Закон Украины «О растительном мире» от 09.04.1999 г. также относит осуществление мероприятий по воспроизводству объектов растительного мира к основным требованиям по охране, использованию растительного мира [17]. Так, в соответствии со ст. 23 Закона воспроизводство природных растительных ресурсов осуществляется собственниками и пользователями земельных участков, на которых находятся объекты растительного мира. Такое воспроизводство растительных ресурсов в соответствии с законодательством должно обеспечиваться: содействием естественному природному возобновлению растительного покрова; искусственным возобновлением природных растительных ресурсов; предотвращением нежелательных изменений природных растительных сообществ и негативного влияния на них хозяйственной деятельности.

Водный кодекс Украины также оперирует словосочетанием «воспроизводство водных ресурсов», однако не раскрывает это понятие и не выделяет воспроизводство водных ресурсов как самостоятельный вид природоохранной деятельности [18].

Что касается земельных ресурсов, то в земельном законодательстве понятие «восстановление» можно встретить только в связи с качественным состоянием земель или осуществлением их рекультивации.

К примеру, согласно ст. 45 Закона Украины «Об охране земель» в случае выявления фактов загрязнения почв опасными веществами специально уполномоченные органы исполнительной власти в области охраны земель принимают меры для ограничения, временного запрета (остановки) или прекращения деятельности предприятий, учреждений, организаций независимо от форм собственности, а также необходимости проведения в установленном порядке работ по дезактивации, восстановлению загрязненных земель, консервации угодий и определения режимов их дальнейшего использования. В соответствии со ст. 55 Закона выделяются мероприятия по восстановлению состояния эродированных, деградированных и нарушенных земель, а также органично сочетающихся с ними других природных ресурсов и объектов окружающей среды.

Как видим, в данном случае речь идет именно о восстановлении качественного состояния земель (при загрязнении почв, деградации земель, порче и т.п.). Итак, восстановление земель должно рассматриваться как возвращение земельному участку такого качественного состояния или плодородия, которые были до момента их потери в результате человеческой или иной деятельности.

В свою очередь, воспроизводство природных ресурсов должно рассматриваться как возвращение их количественного состояния и относится только к тем видам природных ресурсов, которые поддаются количественному восстановлению. К примеру, это лесные ресурсы, объекты животного и растительного мира и тому подобное.

Выводы. Следовательно, сохранение природно-ресурсного потенциала заключается не только в сохранении и воспроизводстве количественных характеристик природных ресурсов, но также в улучшении их качественного состояния. Основными мерами по сохранению природно-ресурсного потенциала выступают воспроизводство и восстановление природных ресурсов. Как видим, национальное законодательство требует совершенствования в части урегулирования вопроса по сохранению природно-ресурсного потенциала. Отсутствие четкого разграничения таких понятий,

как восстановление и воспроизводство, по нашему мнению, снижает эффективность правового регулирования отношений по сохранению природно-ресурсного потенциала страны.

Список использованной литературы:

1. Деякі питання удосконалення управління в сфері використання та охорони земель сільськогосподарського призначення державної власності та розпорядження ними: Постанова Кабінету Міністрів України від 7 червня 2017 р. № 413. *Офіційний вісник України*. 2017. № 51. Ст. 1569.
2. Словарь русского языка : В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., Москва : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 750 с.
3. Андрейцев В. І. Природно-ресурсовий потенціал як ймовірний об'єкт правового регулювання використання, збереження та охорони. *Правове забезпечення економічного розвитку та екологічної безпеки суспільства* : матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції присвяченої 50-й річниці створення Донецького національного університету та 30-й річниці створення кафедри господарського права Донецького національного університету, Вінниця, 14–15 травня 2015 р. Вінниця : ДонНУ, 2015. 328 с.
4. Петров В. В. Правовая охрана природы в СССР : учебник. Москва : Юрид. лит., 1984. 384 с.
5. Шемшученко Ю. С. Правовые проблемы экологии. Киев : Наукова думка, 1989. 232 с.
6. Ефимова Е. И. Развитие эколого-правовой терминологии в эколого-правовых исследованиях. *Экологическое право*. 2003. № 4. С. 2–6.
7. Екологічне право України : підручник. Харків : Право, 2009. 328 с.
8. Екологічне право України : підручник для студ. вищих навч. закладів. Одеса : Фенікс, 2012. 788 с.
9. Про охорону земель: Закон України від 19.06.2003 р. № 962-IV. *Відомості Верховної Ради України*. 2003. № 39. Ст. 349.
10. Данилишин Б.М. Природно-ресурсний потенціал сталого розвитку України / Б.М. Данилишин, С.І. Дорогунцов, В.С. Міщенко та інші. Київ: РВПС України НАН України, 1999. 716 с.

11. Про охорону навколишнього природного середовища : Закон України від 25.06.1991 р. № 1264-XII. *Відомості Верховної Ради України*. 1991. № 41. Ст. 546.

12. Сьтнік К. М., Брайон А. В., Городецкий А. В., Брайон А. П. Словарь-справочник по экологии. Киев : Наукова думка, 1994. 664 с.

13. Протасов В. Ф., Матвеев А. С. Экология. Термины и понятия. Стандарты, сертификация. Нормативы и показатели : Учебное и справочное пособие. Москва : Финансы и статистика, 2001. 208 с.

14. Калинин И. Б. Природоресурсное право. Основные положения. Томск, 2000. 79 с.

15. Басай О. В. Поняття відтворення природних рослинних ресурсів. *Актуальні проблеми держави і права*. 2011. Вип. 61. С. 650–656.

16. Про затвердження Правил відтворення лісів: Постанова Кабінету Міністрів України від 01.03.2007 р. № 303. *Офіційний вісник України*. 2007. № 16. Ст. 589.

17. Про рослинний світ: Закон України від 09.04.1999 р. № 591-XIV. *Відомості Верховної Ради України*. 1999. № 22-23. Ст. 198.

18. Водний кодекс України: Закон України від 06.06.1995 р. № 213/95-ВР. *Відомості Верховної Ради України*. 1995. № 24. Ст. 189.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шарапова Светлана Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и аграрного права, Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sharapova Svetlana Vladimirovna – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Land and Agrarian Law of Yaroslav Mudryi National Law University

sv.vetasharapova@gmail.com

УДК 342.9:332.36

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ОСНОВНОЕ СРЕДСТВО АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЭРОЗИОННО ОПАСНЫХ ЗЕМЕЛЬ В УКРАИНЕ

Оксана ШВЕЦ,

старший преподаватель

Национального университета водного хозяйства и природопользования,
соискатель Научно-исследовательского института публичного права

АННОТАЦИЯ

В статье определено место государственного контроля использования и охраны земель в системе административно-правовой защиты эрозионно опасных земель, предложено авторское определение понятия государственного контроля использования и охраны земель, проанализирована организационная структура субъектов государственного контроля использования и охраны земель, определены слабые моменты существующей системы государственного контроля и предложено направление ее совершенствования.

Ключевые слова: государственный контроль, использование и охрана земель, органы государственного контроля, административно-правовая защита, эрозионно опасные земли.

STATE CONTROL AS THE BASIC MEANS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROTECTION OF EROSIONALLY DANGEROUS LANDS IN UKRAINE

Oksana SHVETS,

Senior Lecturer of National University
of Water Management and Nature Resources Use,
Applicant of Research Institute of Public Law

SUMMARY

The article defines the place of state control over the use and protection of land in the system of administrative and legal protection of erosionally hazardous lands, proposed the author's definition of the concept of state control over the use and protection of land, analyzes the organizational structure of the subjects of state control over the use and protection of land, defined the weak points of the existing system of state control and proposed a direction for its improvement.

Key words: state control, use and protection of land, state control bodies, administrative-legal protection, erosion-hazardous land.

Постановка проблемы. В соответствии со ст. 14 Конституции Украины [1] земля является основным национальным богатством, которое находится под особой охраной государства. Такое конституционное положение является основанием для правовой охраны земли как основного элемента окружающей природной среды. В общем, охрана земли представляет собой систему организационных, экономических и других общественных отношений по обеспечению рационального использования земельного фонда страны [2]. Правовая сторона охраны земель предусматривает регулирование указанной выше системы нормами права. Однако только нормативное регулирование земельных отношений само по себе не может обеспечить соблюдение задекларированных законами норм и заставить землепользователей бережно относиться к земле. Поэтому средством обеспе-

чения функциональной способности нормативно-правовых актов является государственный контроль использования и охраны земель, задачей которого, согласно Земельному кодексу Украины (ст. 187), является обеспечение соблюдения органами государственной власти, органами местного самоуправления, предприятиями, учреждениями, организациями и гражданами земельного законодательства Украины [3]. Таким образом, как мы считаем, функция государственного контроля использования земель землевладельцами и землепользователями играет определяющую роль в системе административно-правовой защиты земель. Такое наше убеждение подтверждает анализ результатов научных исследований таких ученых в области административного и земельного права, как: В. И. Курило, который считает, что государственный контроль использования и охраны земель является одним из

самых действенных средств сохранения земельного фонда [4], В. И. Семчик, который утверждает, что контроль является одной из важнейших функций государственного регулирования и управления и одним из основных способов обеспечения действенности земельного законодательства, реализации всеми субъектами соответствующей деятельности, защиты земельных прав граждан [5], В. Д. Швец [6], М. С. Богира [7], В. В. Пахомов [8], Т. С. Кичилюк [9] и других.

Актуальность темы исследования проблем государственного контроля использования и охраны земель, с учетом вышесказанного, является бесспорной. Кроме того, стоит отметить, что особенности государственного контроля использования и охраны эрозионно опасных земель практически не изучены.

Состояние исследования. Научным исследованием сути государствен-

ного контроля использования и охраны земель, выявлением его слабых сторон и проблем осуществления, а также совершенствованием организационной составляющей занимался ряд специалистов в области земельного и административного права, землеустройства и экономики В. Б. Аверьянов, А. Ф. Андрейко, В. И. Курило, Г.Е. Быстров, В. Л. Мунтян, В. И. Семчик, Н. С. Гавриш, В. Д. Солодкий, С. И. Хомьяченко, А. И. Шапоренко, В. В. Горлачук, Ю. Г. Гуцуляк, Д. С. Добряк, А. Я. Сохнич, А. М. Третьяк, А. Г. Мартын, В. Д. Сапожник, М. С. Богира, В. В. Пахомов, Т. С. Кичилук и др.

Юридическую природу понятия государственного контроля в целом определяет Закон Украины «Об основных принципах государственного надзора (контроля) в сфере хозяйственной деятельности» № 877-V от 05.04.2007 г. В соответствии со ст. 1 упомянутого закона, государственный надзор (контроль) – деятельность уполномоченных законом центральных органов исполнительной власти, их территориальных органов, государственных коллегияльных органов, органов исполнительной власти АРК, органов местного самоуправления (органов государственного надзора (контроля) в пределах полномочий, предусмотренных законом, по выявлению и предотвращению нарушений требований законодательства субъектами хозяйствования и обеспечения интересов общества, в частности надлежащего качества продукции, работ и услуг, приемлемого уровня опасности для населения, окружающей природной среды [10].

Стоит отметить, что определение понятия государственного контроля использования и охраны земель в законодательно-нормативных актах Украины нет.

По определению проф. А. Ф. Андрейко, государственный контроль заключается в наблюдении и проверке общественной системы и всех ее элементов в соответствии с определенными направлениями, а также в предупреждении и исправлении возможных ошибок и правонарушений, препятствующих такому развитию [11].

В. П. Тимошук утверждает, что контрольная функция государства является таким направлением и видом

деятельности государства, который заключается в обеспечении четкого функционирования государственного механизма, защите прав и интересов граждан, обеспечении правопорядка и защите публичных интересов, рациональном использовании публичных ресурсов [12].

Т. С. Кичилук определяет государственный контроль использования и охраны земель сельскохозяйственного назначения как систему организационно-правовых, организационно-хозяйственных и других мероприятий, которые осуществляет государство с целью эффективного целевого использования земли в сельском хозяйстве, увеличение количества земель сельскохозяйственного назначения и сохранения их качественных свойств, включая охрану этих земель от их необоснованного сокращения, борьбу с загрязнением почв, а также осуществление предупредительной и правоохранительной деятельности государственными земельными инспекциями [9].

Основными проблемами в сфере государственного контроля использования и охраны земель являются:

- 1) несовершенство нормативно-правового обеспечения, особенно в части отсутствия четких критериев оценки качественного состояния почвы и его ухудшения;
- 2) ненадлежащее ведение мониторинга земель, данные которого являются основой государственного контроля;
- 3) несовершенство организационной структуры субъектов государственного контроля.

Целью и задачей статьи является анализ сущности системы государственного контроля использования и охраны земель, в том числе эрозионно опасных, выявление ее слабых сторон и определение направлений совершенствования.

Изложение основного материала. С точки зрения охраны земель в соответствии с законом Украины № 963-IV от 19.06.2003 г. «О государственном контроле использования и охраны земель» основными задачами государственного контроля использования и охраны земель являются: обеспечение соблюдения органами государственной власти, органами местного самоуправления, физическими и юридическими лицами земельного законодательства

Украины; обеспечение реализации государственной политики в сфере охраны и рационального использования земель; предотвращение нарушений законодательства Украины в сфере использования и охраны земель, своевременное выявление таких нарушений и принятие соответствующих мер по их устранению; обеспечение соблюдения собственниками земли и землепользователями стандартов и нормативов в сфере охраны и использования земель, предотвращение загрязнения земель и снижения плодородия почв, ухудшения состояния растительного и животного мира, водных и других природных ресурсов [13].

Учитывая указанные выше теоретические и законодательные определения трактовки сути государственного контроля, можем определить понятие государственного контроля использования и охраны земель. Таким образом, в нашем понимании, государственный контроль за использованием и охраной земель – это деятельность уполномоченных законом органов по установлению соответствия фактического состояния земель законодательно определенным нормативам и устранения выявленных нарушений и правонарушений субъектов землепользования в пределах полномочий, предусмотренных законом.

Основой государственного контроля использования и охраны земель должно быть систематическое ведение мониторинга земель и проведение проверок деятельности субъектов землепользования. Эффективность государственного контроля должна обеспечиваться адекватной действенной системой ответственности землепользователей за нарушение законодательных норм.

Таким образом, учитывая проблему охраны земель, в частности эрозионно опасных, от развития негативных по своей сути процессов, государственный контроль использования земель является средством определения фактического состояния земель, выявления нарушений законодательства, оценки характера земельных отношений и их сопоставления с задачами земельной реформы, а также, что самое главное, обеспечения сохранности земельных ресурсов для будущих поколений и, тем самым, соблюдения прав и свобод

граждан Украины. При этом оценка состояния земельного участка должна быть объективной и полной, то есть составляться с учетом всех возможных составляющих. Для того, чтобы определить факт совершения такого нарушения, как ухудшение состояния земельного участка, в том числе проявления эрозионных процессов или увеличения эродированности почвенного покрова, нужно иметь зафиксированные данные о ее состоянии на прошлый период времени. Такими данными органы государственного контроля использования и охраны земель вполне сможет обеспечить система мониторинга земель. По утверждению А. Г. Мартына, материалы мониторинга земель должны стать основой для оперативного осуществления мероприятий государственного, а также других видов контроля использования и охраны земель [14].

Основными нормативами, регламентирующими функцию и процессуальный порядок государственного контроля использования и охраны земель в Украине, а также определяющими его субъектов, являются Земельный кодекс и Закон Украины № 963-IV от 19.06.2003 г. «О государственном контроле использования и охраны земель».

Согласно Земельному кодексу, государственный контроль использования и охраны земель осуществляется центральным органом исполнительной власти, реализующим государственную политику в сфере осуществления государственного надзора (контроля) в агропромышленном комплексе. Таким органом в Украине является Государственная служба Украины по вопросам геодезии, картографии и кадастра (Госгеокадастр), ее деятельность направляется и координируется Кабинетом Министров Украины через Министра аграрной политики и продовольствия. Контроль соблюдения требований законодательства об охране земель возложен на центральный орган исполнительной власти, реализующий государственную политику по осуществлению государственного надзора (контроля) в сфере охраны окружающей природной среды, рационального использования, воспроизводства и охраны природных ресурсов. Таким органом в Украине является Государственная экологическая инспекция,

координируется Кабинетом министров Украины через Министра экологии и природных ресурсов. Таким образом, функции государственного контроля использования и охраны земель распределены между двумя субъектами, что, на наш взгляд, может негативно отразиться на качестве оценки общего состояния земельных ресурсов. Кроме того, ведение мониторинга плодородия почв и агрохимической паспортизации земель сельскохозяйственного назначения проводит центральный орган исполнительной власти по вопросам аграрной политики (ГУ «Институт плодородия почв Украины») [13].

Распределение функциональных обязанностей субъектов государственного контроля использования и охраны земель определено соответствующими положениями об их работе, которые были утверждены постановлениями Кабинета министров Украины [15; 16], а также определены Законом Украины № 963-IV от 19.06.2003 «О государственном контроле за использованием и охраной земель» [13]. Их сравнительный анализ позволяет сделать изложенные ниже выводы.

1) Полномочия органов Госгеокадастра в сфере государственного контроля использования и охраны земель сосредоточены на контроле соблюдения земельного законодательства, причем, преимущественно, по процедурным аспектам приобретения и реализации прав на земельные участки. Важным пунктом полномочий Госгеокадастра в разрезе охраны эрозионно опасных земель является контроль соблюдения выполнения субъектами землепользования комплекса необходимых мероприятий по защите земель от эрозии, соблюдения правил установленного режима эксплуатации противозэрозионных, гидротехнических сооружений, сохранения защитных насаждений.

2) Работа Госэкоинспекции в сфере использования и охраны земель ориентирована на контроль выполнения субъектами землепользования при реализации своих прав и осуществлении хозяйственной деятельности экологических требований и соблюдения экологических нормативов по вопросам использования и охраны земель. Однако стоит отметить, что сфера нормирования по использова-

нию и охране земель в Украине является слабо развитой. В законодательстве Украины отсутствует четко сформулированный перечень экологических требований относительно приобретения в собственность и пользование, а также использования земель. В частности, экологические требования в основном касаются ограничений, определенных Земельным кодексом Украины, о передаче земельных участков определенного целевого назначения в собственность и пользование (например прибрежные защитные полосы на землях водного фонда являются природоохранной территорией с режимом ограниченной хозяйственной деятельности и т.д.). Экологические нормативы четко определены в основном только в отношении предельно допустимых концентраций вредных веществ в почве. Что касается эрозионно опасных земель, законодательство Украины не предусматривает четкого определения критериев, которые служили бы маркером их состояния.

3) Стоит отметить, что часть полномочий в сфере государственного контроля использования и охраны земель обоими контролирующими органами дублируются. Ведь значительную часть положений Земельного кодекса можно отнести как к земельному законодательству, так и к экологическому. Кроме того, формирование нескольких заключений отдельных проверок различными органами не дает комплексной оценки фактического состояния земельного участка. Поэтому здесь не может не возникнуть логичный вопрос: «А действительно ли нужны государству два учреждения, которые контролируют использование и охрану земель?»

4) Госгеокадастр вместе с функцией реализации государственной политики в сфере землеустройства и всех ее касательных, имеет право распоряжения землями государственной собственности сельскохозяйственного назначения (т.е. может предоставлять их в собственность или пользование), организует ведение землеустройства и оценки земель, осуществляет землеустройство и т.д. То есть Госгеокадастр является не только органом управления в сфере земельных отношений, но и выступает субъектом хозяйственной деятельности. В таком случае опреде-

ленная сфера деятельности Госгеокадастра является фактически бесконтрольной. Поэтому, по нашему мнению, контроль использования и охраны земель Госгеокадастр выполнять не должен.

5) Основной задачей Госэкоинспекции является реализация государственной политики и осуществление государственного надзора в сфере охраны окружающей природной среды, рационального использования, воспроизводства и охраны природных ресурсов. Конечно, земля является элементом окружающей природной среды и ее охрана вписывается в круг функционального назначения Госэкоинспекции, умаление роли экологической оценки состояния земельных ресурсов неуместно. Однако если помнить, что оценка фактического состояния земельного участка, который проверяется, должна быть комплексной, то только с экологической точки зрения такую оценку сделать невозможно.

Исходя из проделанного анализа, считаем, что для оценки фактического состояния земель в Украине, а также систематического ведения государственного контроля использования и охраны земель в разрезе землепользователей и землевладельцев, а также субъектов хозяйственной деятельности должен быть создан независимый орган государственного контроля использования и охраны земель, штатный состав которого будет включать специалистов в области землеустройства, экологии, агрономии и права, а подчиняться он будет непосредственно Кабинету Министров Украины. Такое наше мнение совпадает с предложением ряда ведущих ученых Украины в области землеустройства и права (В. И. Курила, Светличного и других) [4].

Что касается деятельности ГУ «Институт плодородия почв Украины», по нашему мнению, его задачи, согласно законодательству Украины, действительно соответствуют назначению. Ведь только специализированное научное учреждение, имеющее соответствующее материально-техническое и кадровое обеспечение, способно должным образом определить и оценить качественное состояние почвенного покрова. Однако, учитывая то, что использование земель является комплексной системой и предусматри-

вает значительное количество составляющих, система мониторинга земель должна давать возможность комплексно оценить фактическое состояние землепользования. А для этого недостаточно иметь только данные о качестве почв и их плодородии. В частности, относительно эрозионно опасных земель, кроме других показателей, следует учитывать степень смытости плодородного слоя. Поэтому вопросы организационного обеспечения системы мониторинга земель в Украине тоже являются актуальными. В частности, А. Г. Мартын считает, что переосмысление системы осуществления мониторинга земель в Украине должно стать важной задачей современной землеустроительной, юридической и экономической науки [14].

Выводы. Государственный контроль использования и охраны земель в Украине является многокомпонентной сферой деятельности трех учреждений, которые подчиняются двум министерствам. По нашему мнению, разбросанность задач по контролю использования и охраны земель не способствует качеству его осуществления, а, следовательно, снижает потенциальную ответственность нарушителей, что, в свою очередь, приводит к безответственности.

Существующая в Украине структура административно-правовой защиты земель, в том числе и эрозионно опасных, требует научного обоснования и реорганизации в части государственного контроля использования и охраны земель.

Считаем, что в Украине должен быть создан независимый орган государственного контроля использования и охраны земель, который будет подчинен непосредственно Кабинету Министров Украины.

Список использованной литературы:

1. Конституція України. *Відомості Верховної Ради України (ВВР)*. 1996. № 30. Ст. 141. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-D0%B2%D1%80/print>.
2. Про охорону земель : Закон України: станом на 18.12.2017 р. / Верховна рада України. *Відомості Верховної Ради України (ВВР)*. 2003. № 39. Ст. 349. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/962-15>.

3. Земельний кодекс України: станом на 20.12.2018 р. / Верховна рада України. *Відомості Верховної Ради України (ВВР)*. 2002. № 3-4. Ст. 27. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2768-14/print>.

4. Проблеми адміністративно-правового регулювання земельних відносин в Україні : монографія / Курила В. І., Світличний О. П., Кичилук Т. С. та ін.; за заг. ред. д. ю. н., проф. В. Курила та д.ю.н, доцента О. П. Світличного. Київ : НУБіП України, 2014. 568 с.

5. Семчик В. І. Контрольна діяльність органів виконавчої влади як гарантія захисту прав громадян на землю. *Державний контроль за дотриманням земельного та екологічного законодавства: стан, проблеми та шляхи вдосконалення* : матеріали міжнар. наук.-практ. конф., Київ, 17 червня 2008 р. Київ, 2009. С. 34–36.

6. Швець В. Д. Система органів державного контролю за додержанням законів. *Наше право*. 2014. № 9. С. 107–111.

7. Богіра М. С. Особливості державного контролю за використанням і охороною земель в умовах приватної власності. *Збалансоване природокористування*. 2016. № 2. С. 80–83.

8. Пахомов В. В. Адміністративно-правове забезпечення контрольно-наглядової діяльності у сфері земельних відносин : монографія; за заг. ред. д. ю. н., проф. А. М. Куліша. Суми : Сумський державний університет, 2016. 549 с.

9. Кичилук Т. С. Державний контроль за використанням та охороною земель : автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.07. Київ, 2007. 21 с.

10. Про основні засади державного нагляду (контролю) у сфері господарської діяльності : Закон України від 05.04.2007 р. № 877-V. Дата оновлення 04.04.2018. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/877-16/print>.

11. Адміністративне право України. Академічний курс : підручник : у 2 т. / ред. колегія: В. Б. Авер'янов (голова). Київ : Видавництво «Юридична думка», 2004–2005. Т. 1: Заг. частина. 2004. 584 с.

12. Тимошук В.П. Контрольна функція держави. Адміністративне право і процес. Науково-практичний журнал, заснований Київським національним університетом імені Тараса

Шевченка ISSN: 2227-796X (Print), ISSN: 2617-8354 (Online) URL: <http://applaw.knu.ua/>.

13. Про державний контроль за використанням та охороною земель : Закон України від 19.06.2003 р. № 963-IV. Дата оновлення 28.12.2015. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/963-15>; Малиновський В. Я. Державне управління : Навчальний посібник. Вид. 2-ге, доп. та перероб. Київ : Атіка, 2003. 576 с.

14. Мартин А. Г. Реформування системи моніторингу земель в Україні: Напрями та механізми. *Земельний вісник України*. 2017. Листопад. URL: <http://zemvisnik.com.ua/news/propozits-vchenikh>].

15. Про Державну службу України з питань геодезії, картографії та кадастр : Постанова Кабінету міністрів України від 14.01.2015 р. № 15-2015. Дата оновлення 19.01.2019. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/15-2015-%D0%BF>.

16. Про затвердження Положення про Державну екологічну інспекцію України : Постанова Кабінету міністрів України від 19.04.2017 р. № 275-2017-п. Дата оновлення 28.12.2018. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/275-2017-%D0%BF>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Швец Оксана Михайловна – старший преподаватель Национального университета водного хозяйства и природопользования, соискатель Научно-исследовательского института публичного права

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shvets Oksana Mikhaylovna – Senior Lecturer of National University of Water Management and Nature Resources Use, Applicant of Research Institute of Public Law

o.m.shvets@nuwm.edu.ua

УДК 340.1

О ПРЕДМЕТНОЙ СФЕРЕ СПОРТИВНОГО ПРАВА

Алексей ЮЩИК,

аспирант кафедры теории и истории государства и права Межрегиональной Академии управления персоналом, юрист ООО «Корпорация «Украинские минеральные воды»

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются позиции ученых по вопросу об общественных отношениях, составляющих предмет спортивного права. Критически оценивается определение понятий «спорт» и «спортивные отношения» в «широком» и «узком» их понимании. Проводится различие между понятиями «спорт» и «физическая культура». Обосновывается необходимость более четкого представления о спорте как объекте правового регулирования и специфике нормативного регулирования отношений в сфере спорта как социального института, составляющих предмет отрасли спортивного права.

Ключевые слова: спорт, физическая культура, общественные отношения в сфере спорта, отрасль права, предмет правового регулирования.

ABOUT THE SUBJECT AREA OF SPORTS LAW

Aleksei YUSHCHYK,

Postgraduate Student at the Department of Theory and History of State and Law of Interregional Academy of Personnel Management, Lawyer of LLC “Corporation “Ukrainian mineral waters”

SUMMARY

The article analyzes the positions of scientists on the issue of social relations that are the subject of sports law. The definition of the concepts “sport” and “sport relations” in a “broad” and “narrow” sense is critically evaluated. A distinction is made between the concepts of “sport” and “physical culture”. It justifies the need for a clearer picture of sports as an object of legal regulation and the specifics of the normative regulation of relations in the field of sports, as a social institution, which are the subject of the sports law industry.

Key words: sport, physical culture, public relations in the field of sports, branch of law, subject of legal regulation.

Постановка проблемы. Отраслевое подразделение права в теории права осуществляется традиционно на основе критериев предмета и метода правового регулирования. При этом в качестве предмета правового регулирования рассматривают общественные отношения, регулируемые правовыми нормами соответствующей отрасли. Однако когда речь идет о выделении в самостоятельную отрасль спортивного права, многие исследователи сталкиваются с трудностями в определении предмета данной отрасли.

Целью и задачей статьи является определение специфики правового регулирования в сфере спорта и спортивных отношений как предмета отрасли спортивного права.

Для реализации указанной цели статьи использованы диалектический,

формально-логический, структурно-функциональный, а также лингвистический методы научного исследования. Использованы материалы научных публикаций по проблеме определения предмета отрасли спортивного права.

Изложение основного материала. В юридической литературе термин «спортивное право» используют в зависимости от контекста в следующих значениях: 1) отрасль права; 2) комплексная отрасль законодательства; 3) наука, изучающая формирование и функционирования спортивного права; 4) учебная дисциплина [1, с. 36].

В этой статье мы рассматриваем спортивное право в первом значении.

Отрасль спортивного права отличается от других отраслей права ее предмет, то есть специфика общественных отношений, которые состав-

ляют предмет регулирования норм спортивного права.

Вместе с тем, отмечает О. А. Шевченко, если некоторые специалисты в области физической культуры и спорта (Ю. Бытко, А. Жуков, В. Ильиных) предлагают выделить спортивное право как *самостоятельную* отрасль права, то другие учёные (С. Алексеев, А. Соловьев, Д. Рогачев, А. Сердюков) рассматривают спортивное право как *комплексную*, пограничную отрасль российского права, регулиующую спортивные, трудовые и другие тесно связанные с ними отношения. В то же время К. Гусов и О. Шевченко считают, что спортивное право – это свод законодательства и учебная дисциплина, а о формировании самостоятельной отрасли спортивного права пока говорить преждевременно, так как сложно выделить его предмет без уточнения сферы указанных общественных отношений [2, с. 258–259].

Логично назвать спортивным правом сферу правового регулирования, объектом внимания которой является *спорт*, поскольку одно из значений слова «объект» (от *лат. objectus* – предмет) – предмет, явление и т.п., на которые направлена какая-либо деятельность. Другое значение слова «объект» – внешний мир, существующий вне нас, независимо от нашего сознания и являющийся предметом познания [3, с. 573].

Поскольку термин «спортивные отношения» в законодательстве РФ не определен, пишет О. А. Шевченко, то в науке были предприняты попытки их определения, в частности, в контексте спорта, через его понимание. По его мнению, правильное определение спортивных отношений дает И. М. Амиров, понимая под последними общественные отношения, возникающие по поводу установления порядка (процедуры) проведения спортивных мероприятий. Автор обращает внимание и на позицию С. Н. Братановского, выделившего сферу «собственно физкультурно-спортивных отношений», объект которых составляют такие социальные блага, как здоровье и спортивное мастерство, а также на сходную позицию М. В. Дерюжкина, называющего эти отношения спортивно-техническими.

О. А. Шевченко указывает также на определение понятия «спорт»

в узком и широком смысле теоретиком спортивного права А. А. Соловьевым, определяющим «спорт» в узком смысле – как деятельность, добровольную, индивидуальную и (или) коллективную, профессиональную и (или) любительскую, систематическую или периодическую, сопряженную с соревновательными элементами физической и/или интеллектуальной нагрузки, с организуемыми и регулярно проводимыми по установленным правилам состязаниями интегральных (физических, интеллектуальных и эмоционально-психологических) способностей и достижений её участников, фиксации и оценкой указанных достижений, а равно специальную практику подготовки к этой деятельности и отдельные общественные отношения, возникающие в связи с ее организацией и обеспечением, а также с её аудиовизуальным и иным медийным освещением. Спорт в широком смысле – это система общественных отношений, происходящих из указанной выше деятельности или связанных с нею, обеспечивающая её институциональную и нормативную подсистемы.

С учетом этих определений О. А. Шевченко предлагает рассматривать и понятие «спортивные отношения» в широком смысле – как все отношения, складывающиеся в сфере спорта, и в узком смысле – как отношения, которые складываются в ходе осуществления спортсменами (спортивными клубами) спортивно-соревновательной деятельности, направленной на достижение спортивных результатов (непосредственно спортивные отношения). По его мнению, определяющий признак спортивных отношений – выступление на соревнованиях. Но вместе с тем «всю систему отношений в сфере спорта» составляют: а) спортивные отношения; б) иные, непосредственно с ними связанные отношения.

В результате, в категорию *спортивных* отношений включаются: 1) отношения по поводу подготовки спортсмена к спортивным мероприятиям; 2) отношения по поводу организации соревнований; 3) процессуальные (отношения по поводу оспаривания); 4) отношения по техническому регулированию; 5) отношения по спортивной ответственности. А к *иным*, непосредственно с ними связанным, относятся:

а) отношения по поводу определения правового статуса субъекта (отношения по лицензированию, аттестации, аккредитации, сертификации); б) отношения по управлению и организации спорта.

В то же время автор пишет, что, кроме *спортивно-правовых* отношений, «в сфере спорта широко представлены также трудовые, гражданско-правовые и публично-правовые (уголовно- и административно-правовые) отношения, которые регулируют труд работников спорта, имущественные и прочие гражданско-правовые отношения, административные отношения в связи с организацией спортивных мероприятий, а также уголовные правоотношения. Все это позволяет автору сделать заключение о «неоднозначности подходов к вопросу о формировании отрасли спортивного права» [2, с. 259–261].

Прежде всего, необходимо отметить, что неоднозначными являются подходы данного автора к вопросу о предмете спортивного права. Если «в сфере спорта» представлены предметы разных отраслей права – публично-правовые и частноправовые отношения, то спортивное право с самого начала невозможно отделить от других отраслей права на основе такого признака, каким считают предмет правового регулирования. Спорт как сложный социальный институт и как объект, на который направляется действие права, на самом деле регулируют нормы различных отраслей права, и поскольку *спортивное законодательство* представляет собой сложный нормативный комплекс, оно является *комплексной отраслью законодательства*. Но предметом спортивного права является не спорт, а те специфические общественные *отношения*, которые нужно выделить как особую сферу правового регулирования в качестве такого предмета.

С нашей точки зрения, ошибочно определять понятие «спорт» в «узком» смысле как *деятельность*, и в «широком» смысле как систему *отношений*, вытекающих из этой деятельности. В таком понимании спорт выступает по отношению к праву и как объект, и как предмет, так как право регулирует и деятельность, и отношения, связанные с ней.

Поэтому неоднозначным оказывается также понятие «спортивные отношения», составляющее предмет правового

регулирующего отрасли спортивного права, которое О. А. Шевченко рассматривает в «широком» и «узком» смысле. В одном случае *спортивные отношения* он отождествляет со «всецелой системой отношений в сфере спорта», а в другом они предстают в этой сфере отдельно, наряду с «иными, непосредственно с ними связанными отношениями».

При этом состав спортивных отношений («спортивно-правовых») автор определяет произвольно, по признаку связи этих отношений со спортивной деятельностью, хотя по этому признаку «непосредственно связанные с ними отношения» (по поводу определения правового статуса субъекта и по управлению и организации спорта) трудно отличить от первых.

Для того, чтобы избежать этой двусмысленности и неопределенности, требуется более точное определение понятия «спорт» в качестве объекта права и понятия спортивных отношений в качестве предмета правового регулирования, то есть определение *предметной сферы спортивного права*.

Прежде всего, не всякая деятельность, на которую указывает предложенное А. А. Соловьевым определение, является спортом, что хорошо демонстрирует пример *культуризма* (или бодибилдинга).

Культуризм представляет собой систему физических упражнений с различными отягощениями (гантелями, гириями, штангой и т.п.), имеющую целью развитие мускулатуры [4, с. 325]. По утверждению И. Марчукова, культуризм – не спорт в общепризнанном смысле слова, а искусство, которое требует жертв. И в жертву этому искусству иногда приносят свое здоровье. Культурист на соревнованиях – это уже не нормальный человек, у которого соотношение объемов мышц нарушается в пользу некоего «гармоничного строения тела», где объемы рук почти догоняют объемы ног. На подиуме – крепкие спортсмены, за кулисами – больные люди: кто-то жадно пьет воду, у кого-то судорога сводит мышцы от недостатка минералов, кому-то плохо (ему дают подсоленную воду и нашатырный спирт).

Другие спортсмены, конечно, тоже «гоняют вес» перед соревнованиями, но у них нет цели набрать вес в межсезонье. И если сгонять приходится

очень много (более 10% массы тела), то происходит иногда снижение результатов, и в итоге приходится спортсменам переходить в другую категорию или вообще отказываться от выступлений. А у культуристов в порядке вещей сбросить до 30% массы тела, и сразу после соревнований столько же набрать. Это – разрушительный удар по организму [5].

Главная отличительная черта спорта как социального института – это направленность на удовлетворение фундаментальной потребности общества во всестороннем развитии человеческой личности. Функцией спорта является организация занятий, направленных на совершенствование и развитие как физических, так и психических и интеллектуальных способностей человека для реализации их в различных сферах его жизнедеятельности, и выявление и сравнение указанных способностей в спортивных соревнованиях. Такая направленность в культуризме отсутствует. Не случайно по критериям Международного олимпийского комитета бодибилдинг не рассматривается как спорт, и ему нет места в Олимпийских играх. Кроме значительного субъективизма в судействе соревнований по культуризму, МОК указывает и на сопутствующую ему проблему допинга.

Для того чтобы определенное занятие считалось видом спорта, оно должно получить *признание* в качестве спорта у спортивного сообщества; то есть необходим официальный статус занятий как спортивной деятельности, определение показателей совершенствования в последней (квалификации, разрядов). Потому лишь при условии официального признания спортивным сообществом то или иное занятие попадает в категорию спорта.

Этим определяются границы спорта как *объекта права*, поскольку право не в состоянии регулировать любую активность человека, связанную с первичным значением слова «спорт».

Надо сказать, что в словарях слово «спорт» трактуется по-разному. Оно пришло в русский язык от английского слова *sport* как сокращения первичного древнефранцузского *disport* – «игра, развлечение». Указанная первооснова так или иначе порождает разнотолкования, обуславливает появление достаточно

различных значений слова «спорт». Характерным в этом отношении является словарь Брокгауза и Эфрона, в котором сказано, что первоначально словом «спорт» обозначалось *стремление* достичь чего-либо особенно выдающегося в сфере телесных упражнений, далее смысл его подвергался различным изменениям, и в итоге спортом называют любые *занятия*, имеющие целью удовольствие или развлечение, но только не выгоду. Указанные авторы в спорт включают и такие занятия, как разведение животных (собаководство, пчеловодство), садовый спорт (устройство садов, содержание растений), составление разных коллекций (монет, марок, рукописей и т.п.), домашние игры (лото, домино, игральные карты и т.п.), любительскую фотографию, и даже так называемый дамский и детский спорт (дамские рукоделия, детские развлечения вроде рисования, склеивания домиков и т.п.) [6, с. 298].

Спорт в литературе нередко трактуют как «компонент» физической культуры. Однако, хотя физическая культура и спорт имеют между собой много общего, тем не менее спорт, на мой взгляд, нельзя считать таким «компонентом», ибо они разнятся по своим целям. Объектом физкультуры непосредственно является физическое и психическое *здоровье* человека, на *поддержание, восстановление* и *улучшение* которого направляются занятия физкультурой. К физической культуре в ее широком понимании следовало бы отнести также упражнения по уходу за телом: умывание, бритье, иные упражнения личной гигиены и косметики, и даже модное в последнее время нанесение на тело художественных татуировок.

А объект спорта – это физические, психические и интеллектуальные *способности* человека, на их *развитие* и *совершенствование* и направлены занятия спортом. Этим объясняется тот факт, что одни и те же физические упражнения в одном случае рассматриваются как занятия физкультурой, а в другом – как занятия спортом.

В литературе спорт отличают от физкультуры тем, что в спорте есть обязательная *соревновательная* компонента. Но для различения физкультуры и спорта критерий «соревнования» не работает. Уроки физкультуры в школе, например, нередко сопровождаются соревнованиями

ми, но это не делает их «уроками спорта». Предназначение школьных занятий физкультурой – поддержание и укрепление здоровья школьников, что не исключает дальнейшего их совершенствования в качестве спортсменов.

На наш взгляд, спорт представляет собой устойчивую, исторически сложившуюся форму организации совместной деятельности, направленной на удовлетворение фундаментальной потребности общества во всестороннем развитии человеческой личности. Организация занятий, направленных на развитие и совершенствование физических, психических и интеллектуальных способностей личности, а также выявление и сравнение этих способностей в спортивных соревнованиях – как функция спорта – тесно связаны с такими социальными ролями, как спортсмен, тренер, спортивный судья, инспектор соревнований, болельщик и т.д.

Но те общественные отношения, в которые вступают указанные субъекты между собой, образуют в своей совокупности *социальный институт*, именуемый спортом. Как специфическая сфера общественных отношений, спорт порождает и охраняется комплексом норм, которые закрепляют и стабилизируют эти отношения, упорядочивают их структуру, определяют его цели и функции, отношения спорта с прочими институтами, сообществами и группами. Общественные отношения в сфере спорта, спортивная деятельность – это целый мир, в центре которого господствует правило [7, с. 109].

Нормируя правила, которыми в спорте регулируется поведение людей, право оказывает свое регулирующее воздействие на их поведение в случаях, когда в нем возникает потребность. Таким образом, спорт выступает как *институциональный объект* права, объективно обуславливающий не только правовое, но и иное нормативное регулирование спортивных отношений, от которого зависит определение предметной сферы спортивного права.

Выводы. После проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1) определение спортивного права в качестве отрасли права на основе выделения специфического предмета правового регулирования не получило до сих пор однозначного решения в теории права. Причиной этого является отсутствие четкого представления о специфике общественных отношений в сфере спорта;

2) для выяснения специфики отношений в сфере спорта, составляющих предмет правового регулирования отрасли спортивного права, ключевое значение имеет понятие «спорт» в качестве объекта права;

3) ошибочно определять понятие «спорт» через понятие «физической культуры». Хотя физическая культура и спорт имеют много общего, тем не менее они различаются по своим целям. Объектом физической культуры является физическое и психическое *здоровье* человека, для поддержания, восстановления и улучшения которого существуют занятия физкультурой, в то время как объектом спорта являются физические, психические и интеллектуальные *способности* человека, на развитие и совершенствование которых направлены занятия спортом;

4) спорт представляет собой социальный институт по организации совместной деятельности, направленной на удовлетворение фундаментальной потребности общества во всестороннем развитии человеческой личности посредством организация занятий по развитию физических, интеллектуальных и психических способностей человека, а также выявлению и сравнению этих способностей в спортивных соревнованиях, которая тесно связана с такими социальными ролями, как спортсмен, тренер, спортивный судья, инспектор соревнований, болельщик и т.д.;

5) общественные отношения, в которые вступают субъекты спорта, составляют специфическую предметную сферу нормативного регулирования как правовыми, так и иными нормами, образующими отрасль спортивного права.

Список использованной литературы:

1. Соловьев А. А. Систематизация законодательства о спорте (российский и зарубежный опыт) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва : Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2011. 54 с.
2. Шевченко О. А. Актуальные проблемы формирования отрасли спортивного права. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2012. № 2 (31). С. 258–261.
3. Сучасний тлумачний словник української мови: 65 000 слів / За заг. ред. д-ра філол. наук, проф. В. В. Дубічинського. Харків : ВД «ШКОЛА», 2006. 1008 с.
4. Современный словарь иностранных слов: Ок. 20 000 слов. 2-е изд., стер. Москва : Рус. яз., 1999. 742 с.
5. Марчуков И. Бодибилдинг – спорт или искусство? Или нанесение вреда здоровью? URL: <https://shkolazhizni.ru/sport/articles/7309/>
6. Энциклопедический словарь. Том XXXI: Софія – Статика. Издатели Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Эфрон (С.-Петербург). Санкт-Петербург : Типография Акц. общ. «Издательское дело», Брокгауз-Эфрон, 1900.
7. Понкин И. В., Понкина А. И. О корреляции *Lex sportive* и спортивного права. *Вестник РУДН. Серия «Юридические науки»*. 2012. № 3. С. 109–118.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ющик Алексей Алексеевич – аспирант кафедры теории и истории государства и права Межрегиональной Академии управления персоналом, юрист ООО «Корпорация «Украинские минеральные воды»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yushchyk Aleksei Alekseevich – Postgraduate Student at the Department of Theory and History of State and Law of Interregional Academy of Personnel Management, Lawyer of LLC “Corporation “Ukrainian mineral waters”

al-yus@i.ua

УДК 340.1

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

В. С. Никифоренко,

кандидат наук по государственному управлению,
первый заместитель председателя Государственной приграничной службы Украины

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена актуальным вопросам системы правового обеспечения в пограничной сфере. Анализируется общетеоретическая категория «правовое регулирование» в контексте выбранного предмета исследования. Определена система источников правового регулирования в сфере безопасности государственной границы. Определена иерархическая структура правового регулирования вопросов безопасности государственной границы. Осуществлено упорядочение нормативно-правовых актов в сфере безопасности государственной границы путем их систематизации. Выявлены положительные моменты и недостатки существующей системы правового регулирования пограничной сферы.

Ключевые слова: правовое регулирование, иерархическая структура, пограничная сфера.

TOPICAL ISSUES OF LEGAL REGULATION IN THE STATE BORDER SECURITY SECTOR

V. S. Nikiforenko,

Candidate of Sciences in Public Administration,
First Deputy Head of State Border Guard Service of Ukraine

SUMMARY

The article is devoted to topical issues of the legal support system in the border area. The general theoretical category of "legal regulation" in the context of the chosen subject of research is analyzed. The system of sources of legal regulation in the field of state border security is outlined. The hierarchical structure of legal regulation of state border security issues is determined. Regulations of legal acts in the field of state border security have been streamlined through their systematization. Positive features and shortcomings of the existing system of legal regulation of the border area are revealed.

Key words: legal regulation, hierarchical structure, border area.

Введение. В современных условиях проведения административной реформы на первый план выходят вопросы совершенствования правового регулирования деятельности органов государственной власти и других субъектов общественных отношений. Не является исключением и сфера безопасности государственной границы.

Существенные изменения в правовом регулировании отношений в сфере безопасности государственной границы, которые состоялись с момента провозглашения независимости Украины, появление новых видов угроз и потребность в имплементации европейских стандартов осуществления пограничного, таможенного и других видов государственного контроля на государственной границе определили насущную необходимость в полном обновлении системы нормативно-правового обеспечения реализации государственной политики в этой сфере.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследованию проблем правового обеспечения деятель-

ности в пограничной сфере Украины посвящены работы таких ученых, как М.И. Кабачинская, И.П. Кушнир, Н.А. Король, М.М. Литвин, В.А. Назаренко, А.Г. Мельников, Ю.В. Потомский, В.В. Половников, В.М. Процик, Л.В. Серватюк, Т.А. Цимбалыстый и другие.

Цель статьи – исследовать актуальные вопросы правового регулирования в сфере безопасности государственной границы.

Результаты исследования. Рассматривая вопросы правового регулирования в сфере безопасности государственной границы, сначала необходимо исследовать и учесть мнения ученых по такой многоаспектной категории, как «правовое регулирование», в основе которого лежит термин «регулирование» (от лат. "Regulo" – правило). С позиции теории права «регулировать» – означает устанавливать границы, масштаб поведения людей, вносить в общественные отношения стабильность, систему, порядок и тем самым направлять их в определенном направ-

лении [3, с. 363]. Процесс познания категории «регулирование» происходит как процесс осознания, кристаллизации его сущности. Важным аспектом в формировании понимания сущности регулирования имеют традиции как определенного государства, так и научно-теоретические традиции, которые устанавливают пределы правового сознания предмета анализа [13, с. 28].

Под правовым регулированием в пособиях по теории права понимают осуществляемое с помощью правовых норм и других юридических средств воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, развития и защиты [6, с. 229]. Аналогичное определение содержится и в работах П.М. Рабиновича, который рассматривает правовое регулирование как осуществляемое государством с помощью всех юридических средств властное влияние на общественные отношения с целью их упорядочения, закрепления, охраны и развития [9, с. 44]. Скакун А.Ф. считает, что правовое регулирование – это осуществляемое государством с помощью

права и правовых средств упорядочение общественных отношений, их юридическое закрепление, охрана и развитие [12, с. 529]. Несколько схожий подход к трактовке этой категории можно увидеть в работе Б.В. Сабецкого, который определяет правовое регулирование как закрепление в правовых нормах определенного уровня общественных отношений, обеспечение их стабильности через постоянный контроль, восстановление правовыми средствами их нарушений, приведение их в соответствие с существующими нормами права [10, с. 9]. По мнению А.Т. Комзюка, правовое регулирование – это специфическое воздействие, которое осуществляется правом как особым нормативным институциональным регулятором. При этом правовое регулирование имеет целенаправленный, организационный, результативный характер и осуществляется с помощью целостной системы средств, реально выражающих саму материю права как нормативного института образования – регулятора [4, с. 47].

В научной литературе наряду с понятием «правовое регулирование» используют термины «нормативное регулирование», «государственное регулирование», «административное регулирование» и другие. Поскольку вопрос соотношения этих понятий лежит в плоскости теории права и рассматривался во многих работах как отечественных, так и зарубежных ученых, считаем целесообразным их дальнейшее рассмотрение в рамках данной статьи. Вместе с тем, в этом вопросе согласны с мнением В.В. Чумак в том, что поскольку государственное регулирование, административно-правовое регулирование и правовое регулирование осуществляется с помощью правовых норм, есть основания отметить, что частью общего правового регулирования общественных отношений или государственного регулирования общественных отношений в широком смысле является административно-правовое регулирование или государственное регулирование в узком понимании [14 с. 95].

Очерчивая систему источников правового регулирования в сфере безопасности государственной границы, стоит определиться с ее структурой и критериями, по которым она формируется.

Как и любая система, система пограничного законодательства имеет сложную структуру, с помощью которой орга-

низуется и упорядочивается содержание этого понятия. В частности, она имеет иерархическое строение, в которой нормативно-правовые акты связаны отношениями координации, субординации, подчиненности, кроме того, внутри этой системы нормативные акты объединены общими специфическими (видовыми) свойствами. Как совокупность нормативно-правовых актов дифференцированного и интегративного характера система пограничного законодательства находится в специфических отношениях своих структурных элементов и создает их единство и целостность [1, с. 367].

Таким образом, пограничное законодательство подчиняется общим принципам построения правовой системы, которые требуют соблюдения целостности системы, единства связи элементов, устойчивости и тому подобное. По мнению Р.М. Ляшука, который предпринял попытку систематизации требований (принципов), которым должно соответствовать нормативно-правовое обеспечение пограничной деятельности, к таким требованиям должны относиться:

- законность, то есть соответствие Конституции Украины законам Украины, которые определяют роль и место правоохранительных органов в жизни общества и государства, их назначение и особенности применения в различных правовых режимах в интересах обеспечения пограничной безопасности, а также соответствие общепринятым нормам международного права и международным обязательствам Украины;

- адекватность – это соответствие правового обеспечения основным направлениям государственной политики Украины в сфере охраны границ и утвержденной Президентом Украины Концепции административной реформы и развития Государственной пограничной службы Украины;

- системность – подготовка нормативно-правовых актов должна осуществляться последовательно, исходя из единого плана (замысла) и имеющихся условий;

- комплексность – система правового обеспечения должна полностью определять все аспекты, касающиеся всех выполняемых пограничным ведомством функций, законодательные акты в данной области целесообразно разрабатывать и принимать комплексно (пакетом);

- внутренняя и внешняя согласованность – система правового обеспечения должна исключать пробелы правового регулирования данных правоотношений, не содержать дублирования правовых норм и не иметь их различного толкования, а предписания пограничного законодательства должны быть конкретными и подробными;

- непротиворечивость – нормы, определяющие правовое регулирование деятельности пограничного ведомства, не должны противоречить действующему законодательству;

- правовая экономия – уменьшение количества нормативно-правовых актов, проведения их кодификации;

- преемственность – то есть учет национального и мирового опыта нормативно-правового обеспечения деятельности подразделений охраны границы и его использования [7, с. 141].

На основании применения общепринятого подхода в административном праве классификации нормативно-правовых актов по их юридической силе можно определить иерархическую структуру правового регулирования вопросов безопасности государственной границы, которая включает в себя:

- Конституцию Украины;
- законы Украины и кодифицированные нормативные акты, регулирующие вопросы безопасности государственной границы;

- подзаконные нормативно-правовые акты, к которым относятся указы и распоряжения Президента Украины; постановления и распоряжения Кабинета министров Украины; ведомственные акты органов исполнительной власти, издаваемые в пределах их компетенции и направленные на упорядочение деятельности в сфере обеспечения пограничной безопасности, в том числе приказы и распоряжения Администрации Государственной пограничной службы, приказы и распоряжения начальников региональных управлений, приказы и распоряжения начальников органов охраны государственной границы, отрядов морской охраны, отдельных авиационных частей и тому подобное.

Следует заметить, что характер отношений в сфере безопасности государственной границы вызывает необходимость сочетания национального и международного правового регулирования. Поэтому особое место в при-

веденной иерархической системе занимают нормы международного права. В соответствии со ст. 9 Конституции Украины действующие международные договоры, согласие на обязательность которых предоставлено Верховной Радой Украины, являются частью национального законодательства Украины. Заключение международных договоров, противоречащих Конституции Украины, возможно только после внесения соответствующих изменений в Конституцию Украины [5]. Положения настоящей статьи конкретизируются и дополняются положениями Закона Украины «О международных договорах Украины», который предусматривает, что действующие международные договоры Украины, согласие на обязательность которых предоставлено Верховной Радой Украины, применяются в порядке, предусмотренном для норм национального законодательства [8]. При этом заметим, если международным договором Украины, вступившим в силу в установленном порядке, установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены в соответствующем акте законодательства Украины, то применяются правила международного договора.

Как справедливо отмечает Ю.В. Сайфулина, без составления структурного ряда через иерархическую связь система нормативно-правовых актов не была бы единственным и непротиворечивым образованием, а соответственно, и не смогла бы обеспечить эффективного регулирования общественных отношений. Поэтому система нормативно-правовых актов составляет не просто сумму нормативно-правовых актов, а единое, целостное, непротиворечивое образование, обладающее совокупностью принципов, характерных для ее элементов в отдельности, вне системы [11, с. 49].

Основы правового регулирования статуса государственной границы Украины закреплены в Конституции Украины. В статье 1 Основного закона определено, что Украина является суверенным и независимым, демократическим, социальным, правовым государством [5]. Согласно второй статье Конституции Украины, Украина является унитарным государством, а ее территория в пределах существующей границы является целостной и неприкосновенной [5]. Статьей 17 Конституции Украины установлено, что обеспечение

государственной безопасности и защиты государственной границы Украины возлагаются на соответствующие воинские формирования и правоохранительные органы государства, организация и порядок деятельности которых определяются законом [5].

Поскольку нормы Конституции Украины закладывают лишь основы для правового регулирования общественных отношений, возникающих в сфере пограничной безопасности, дальнейшая их регламентация осуществляется нормами специальных нормативно-правовых актов.

Несмотря на то, что безопасность государственной границы является составной частью системы обеспечения национальной безопасности Украины, основные положения которого определяют государственный суверенитет, территориальную целостность и неприкосновенность границ фундаментальными национальными интересами, то правильным является отнесение к системе законодательного обеспечения безопасности границ законов Украины: «О национальной безопасности Украины», «Об основах внутренней и внешней политики», «Об обороне Украины», «О правовом режиме военного положения», «О правовом режиме чрезвычайного положения» и другие. К основным законодательным актам, непосредственным предметом регулирования которых являются отношения в сфере безопасности государственной границы, относятся законы Украины «О государственной границе Украины», «О Государственной пограничной службе Украины», «О пограничном контроле», «О правовом статусе иностранцев и лиц без гражданства», «О беженцах и лицах, нуждающихся в дополнительной или временной защите», «О порядке выезда из Украины и въезда в Украину граждан Украины», «Об исключительной (морской) экономической зоне Украины», «О контрразведывательной деятельности», «Об участии граждан в охране общественного порядка и государственной границы» и другие.

Вопрос обеспечения пограничной безопасности также регулируется Таможенным, воздушным, водным кодексами, Кодексом о недрах, то есть кодифицированными актами.

Важное место в правовом регулировании функционирования сферы без-

опасности государственной границы занимают подзаконные нормативно-правовые акты, среди которых можно выделить указы Президента Украины: «Об утверждении Военной доктрины Украины», «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Украины», «Об утверждении Положения об Администрации Государственной пограничной службы Украины», «О некоторых мерах по оптимизации системы центральных органов исполнительной власти» и тому подобное; постановлением Кабинета министров Украины «О пограничном режиме», «Об утверждении Морской доктрины Украины на период до 2035 года», «Об утверждении Порядка осуществления координации деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по вопросам соблюдения режимов на государственной границе» и другие нормативные акты. Для регулирования вопросов организационно-распорядительного характера, а также текущих вопросов, возникающих при осуществлении управления в сфере охраны государственной границы, издаются приказы и распоряжения Администрации Государственной пограничной службы, приказы и распоряжения начальников региональных управлений, приказы и распоряжения начальников органов охраны государственной границы, отрядов морской охраны, отдельных авиационных частей и тому подобное.

Стоит заметить, что особенностью пограничного законодательства является также то, что предметом его регулирования являются общественные отношения, которые регулируются нормами различных отраслей права: конституционного права (определяет основы общенациональной безопасности и обороны, средства обеспечения основных прав и свобод человека и гражданина), международного (регламентирует международное сотрудничество по вопросам охраны государственной границы, погранично-представительской деятельностью, работу с иностранцами), административного права (регулирует административно-юрисдикционную и исполнительно-распорядительную управленческую деятельность в Госпогранслужбе Украины), военного (определяет порядок прохождения службы и социальной защите военнослужащих пограничного ведомства и членов их

семей), трудового договора (устанавливает индивидуальные отношения трудового найма работников ГНСУ), хозяйственного (решает вопросы правового регулирования хозяйственной деятельности органов и подразделений охраны государственной границы, их материальное обеспечение) и др. В этом случае мы можем говорить о комплексном характере пограничного законодательства [1, с. 370]. В свою очередь анализ современного состояния правового регулирования государственной границы Украины позволяет выявить его следующие недостатки:

- отдельные правовые акты противоречат Конституции и действующему законодательству государства;
- на государственном уровне отсутствуют законы, охватывающие своим действием всю сферу пограничной политики государства и обеспечения пограничной безопасности;
- государственные органы Украины с опозданием реагируют на потребности правового регулирования деятельности Государственной пограничной службы Украины, динамично изменяются в вопросах обеспечения безопасности государственной границы и приграничных территорий;
- отсутствуют международные соглашения с соседними государствами по отдельным участкам государственной границы;
- в правотворческой работе не уделяется должного внимания экономическим функциям государственной границы;
- много правовых решений слабо структурированы, согласованы и взаимосвязаны (как правило, частные правовые задачи решаются в отрыве от общих);
- система обеспечения пограничной безопасности Украины носит фрагментарный характер и недостаточно сбалансирована по уровням и сферам функционирования;
- качество юридической техники и стилистики остается низким, многие правовые акты носят декларативный характер [2, с. 394].

Выводы. Таким образом, исследуя систему правового регулирования функционирования государственной границы, можно констатировать как положительные черты, которые связаны с наличием иерархичности и структурированной системы нормативно-правовых актов, так и отрицательные, связанные с фрагментарностью законодательства и отсутствием надлежащих взаимосвязей ее составляющих элементов.

Нерешенность проблем обеспечения безопасности государственной границы, в частности по предотвращению агрессивных действий Российской Федерации в отдельных регионах Донецкой, Луганской областей, временная оккупация ею территории Автономной Республики Крым, обострение миграционной кризиса в государствах – членах Европейского Союза, граничащих с Украиной, незавершенность осуществления мер касательно договорно-правового оформления государственной границы Украины, а также появление новых вызовов и угроз требуют дальнейшего правового регулирования в этой сфере.

Список использованной литературы:

1. Басараб О.Т. Понятия системы прикордонного законодательства. *Університетські наукові записки*. 2013. № 3 (47). С. 366–312.
2. Белевцева В.В. Правовой режим державного кордону України у забезпеченні прикордонної безпеки. *Актуальні проблеми політики*. Вип. 48. 2013. С. 389–397.
3. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 363.
4. Комзюк А.Т. Заходи адміністративного примусу в правоохоронній діяльності міліції: поняття, види та організаційно-правові питання реалізації : монографія ; за заг. ред. О.М. Бандурки. Харків : Вид-во нац. ун-ту внутр. справ, 2002. 336 с.

5. Конституція України: прийнята від 28 червня 1996 року № 254к/96-ВР. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр#Text>.

6. Кравчук М.В. Теорія держави і права (опорні конспекти) : навч. посіб. Київ : Атіка, 2003. 288 с.

7. Ляшук Р.М. Правове забезпечення діяльності відділів прикордонної служби. *Юридичний науковий електронний журнал*. №5. 2015. С. 140–144. URL: http://lsej.org.ua/5_2015/40.pdf.

8. Про міжнародні договори України: закон України від 29 червня 2004 р. № 1906-IV. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1906-15#Text>.

9. Рабінович П.М. Основи загальної теорії права та держави : навч. посібник. Вид. 9-е, зі змін. Львів : Край, 2007. 188 с.

10. Сабельський Б.В. Становлення і розвиток правового регулювання трудових відносин в США : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : 12.00.01; Київськ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. Київ, 2002. 20 с.

11. Сайфуліна Ю.В. Ієрархічність принципів побудови системи джерел права. *Університетські наукові записки*. 2011. №2 (38). С. 45–50.

12. Скакун О.Ф. Теория государства и права : учебник. Харьков : Консул ; Ун-т внутр. дел, 2000. 704 с.

13. Тарахонич Т.І. Види правового регулювання: теоретичні аспекти розуміння. *Часопис Київського університету права* 2014. С. 28–31.

14. Чумак В.В. Державний кордон як об'єкт адміністративно-правового регулювання. *Право і безпека*. № 1(38). 2011. С. 93–96.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никифоренко В. С. – кандидат наук по государственному управлению, первый заместитель председателя Государственной приграничной службы Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikiforenko V. S. – Candidate of Sciences in Public Administration, First Deputy Head of State Border Guard Service of Ukraine